

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 16, № 3, 2023

Журнал издается
с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Издание посвящается
300-летию РАН

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
- 5.2.4. Финансы
- 5.2.5. Мировая экономика
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии
- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.3. Демография
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.5. Политическая социология
- 5.4.6. Социология культуры
- 5.4.7. Социология управления

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (SEMI), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Штопка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конек, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Багирова А.П., д. э. н., проф. (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженицев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Балацкий Е.В., д. э. н., проф. (Центр макроэкономических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чурреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социальноэкономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.volinc.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 16, no. 3, 2023

The journal
was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

The publication is
dedicated to the 300th
anniversary of RAS

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties:

- 5.2.1. Economic theory
- 5.2.2. Mathematical, statistical and instrumental methods in economics
- 5.2.3. Regional and sectoral economy
- 5.2.4. Finance
- 5.2.5. World economy
- 5.4.1. Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.2. Economic sociology
- 5.4.3. Demography
- 5.4.4. Social structure, social institutions and processes
- 5.4.5. Political sociology
- 5.4.6. Sociology of culture
- 5.4.7. Sociology of management

The journal is included in the following abstract and full text databases:

Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Iyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

- Tüzün Baycan*, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)
Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)
Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)
Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)
P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)
Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)
Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)
Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)
A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.P. Bagirova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)
K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)
O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)
M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

- Julien Vercueil*, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)
P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)
D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)
E.V. Balatsky – Doc. Sci. (Econ.), professor (Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia)
S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)
M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)
E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)
G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Yu. Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

© VoIRC RAS, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. Нарастающие угрозы национальной безопасности 9

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Тощенко Ж.Т. Общественный договор: исторические и современные реалии
в советском/российском обществе 39

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Машкова А.Л., Бахтизин А.Р. Анализ отраслевой структуры и динамики
товарообмена между Россией, Китаем, США и Европейским союзом
в условиях торговых ограничений 54

Балацкий Е.В. Эрозия институтов и экономический рост 81

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Изотов Д.А. Эффекты взаимной торговли в АТР: проявления на товарных рынках 102

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Ворошилов Н.В. Концептуальный подход к формированию мониторинга
социально-экономического развития муниципальных
образований регионов России 118

Пугачев А.А. Экономическое неравенство граждан за гранью средних показателей:
проблемы диагностики в условиях его трансформации 141

Копытова Е.Д., Пахнина С.Ю. Опыт проектного управления
социально-экономическими процессами на муниципальном
уровне власти 159

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

Орлов С.Н., Федорец А.Е. Платёжная система России в новых геополитических
и экономических условиях: проблемы и перспективы 183

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Потенциал качества занятости поколенных групп работников и экономическая устойчивость их домохозяйств	196
Ромашкина Г.Ф., Андрианов К.В., Скрипнюк Д.Ф. Процессы инфляции и безработицы в период и после пандемии COVID-19	212
Архангельский В.Н., Богдан И.В., Калачикова О.Н., Чистякова Д.П. Особенности репродуктивного поведения жительниц Москвы	231
Симакова А.В., Степуть И.С. Образовательная миграция выпускников Карелии: арктическая специфика	247
Нацун Л.Н. Оценка влияния медицинских, демографических и экономических факторов на динамику младенческой смертности в регионах России	265

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Вольчик В.В., Цыганков С.С., Маскаев А.И. Эволюция национальных инновационных систем США, Великобритании, Китая и Ирана	284
Энсисо-Сантосильдес М., Каро-Гонсалес А. Использование потенциала социальной экономики для всеобъемлющего тройного перехода: социального, зеленого и цифрового	302

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	320
Правила приёма статей	332
Информация о подписке	333

CONTENT

EDITORIAL

Ilyin V.A., Morev M.V. Evolving Threats to National Security	9
--	---

PUBLIC ADMINISTRATION

Toshchenko Zh.T. Social Contract: Historical and Contemporary Realities in Soviet/Russian Society	39
--	----

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

Mashkova A.L., Bakhtizin A.R. Analyzing the Industry Structure and Dynamics of Commodity Exchange between Russia, China, the USA and the EU under Trade Restrictions	54
Balatsky E.V. Institutional Erosion and Economic Growth	81

BRANCH-WISE ECONOMICS

Izotov D.A. Trade Effects in the Commodity Markets of the Asia-Pacific Region	102
---	-----

REGIONAL ECONOMICS

Voroshilov N.V. Conceptual Approach to the Formation of the Monitoring of Socio-Economic Development of Municipal Entities in Russia's Regions	118
Pugachev A.A. Economic Inequality of Citizens beyond Averages: Assessment in the Conditions of its Transformation	141
Kopytova E.D., Pakhnina S.Yu. Experience in Project Management of Socio-Economic Processes at the Municipal Level of Government	159

PUBLIC FINANCE

Orlov S.N., Fedorets A.E. Russia's Payment System in the New Geopolitical and Economic Conditions: Problems and Prospects	183
--	-----

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Bobkov V.N., Odintsova E.V. The Employment Quality Potential of Generation Groups of Workers and the Economic Sustainability of Their Households	196
Romashkina G.F., Andrianov K.V., Skripnuk D.F. The Inflation and Unemployment Processes During and After the COVID-19 Pandemic	212
Arkhangelskii V.N., Bogdan I.V., Kalachikova O.N., Chistyakova D.P. Specifics of Reproductive Behavior of Female Residents of Moscow	231
Simakova A.V., Stepus' I.S. Educational Migration of School Leavers from Karelia: Arctic Specifics.....	247
Natsun L.N. Assessing the Influence of Medical, Demographic and Economic Factors on the Dynamics of Infant Mortality in Russia's Regions	265

GLOBAL EXPERIENCE

Volchik V.V., Tsygankov S.S., Maskaev A.I. Evolution of the National Innovation Systems of the United States, the United Kingdom, China and Iran	284
Enciso-Santocildes M., Caro-González A. Harnessing the Potential of Social Economy to Generate an Encompassing Triple Transition: Social, Green and Digital	302

MONITORING OF PUBLIC OPINION

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	320
Manuscript Submission Guidelines	332
Subscription Information	333

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

Нарастающие угрозы национальной безопасности

Владимир Александрович

ИЛЬИН

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

E-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

Михаил Владимирович

МОРЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

E-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. 13 июня 2023 г. Президент РФ провел встречу с военкорами, на которой обсуждались наиболее острые вопросы, волнующие общество: ситуация на линии фронта, состояние российского военно-промышленного комплекса, эффективность кадровых «лифтов» системы государственного управления и многие другие. Публичная оценка главы государства ключевых аспектов ситуации в стране носила, в том числе, «психотерапевтический» характер, обусловленный нарастанием угроз национальной безопасности, прежде всего военного и даже террористического характера: атака беспилотников по жилым кварталам г. Москвы 30 мая 2023 г., начало контрнаступления ВСУ 4 июня, взрыв плотины Каховской ГЭС в ночь с 5 на 6 июня и др. В ходе общения с военкорами Президент неоднократно был вынужден признавать ошибки и недоработки в системе государственного управления, которые накапливались в течение последних 30 лет, прежде

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. (2023). Нарастающие угрозы национальной безопасности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 9–38. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. (2023). Evolving threats to national security. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(3), 9–38. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.1

всего по причине наличия в ней значительной части элит, руководствующихся частными, а не национальными интересами. Сегодня работа над исправлением этих ошибок идет уже в вынужденных, экстремальных условиях, вызванных характером фактически военного времени. Но для того чтобы этот процесс был эффективным, чтобы он дал реальный результат, необходимо, как отмечают многие эксперты, соблюдение ряда условий: политическая воля главы государства; единство общества, элит и Президента вокруг национально ориентированной повестки специальной военной операции; осознание всеми слоями населения масштабов угроз национальной безопасности. В статье проводится анализ ключевых событий последних месяцев (май – июнь 2023 г.). В качестве информационной базы авторы обращаются к оценкам экспертного сообщества, официальным сводкам Министерства обороны РФ, указам Президента РФ, к результатам общероссийских и региональных социологических опросов населения и т. д.

Ключевые слова: специальная военная операция, Президент РФ, угрозы национальной безопасности, система государственного управления, общество, элиты.

Специальная военная операция продолжается 17 месяцев¹. На протяжении этого периода Россия продолжала сталкиваться с консолидированной попыткой коллективного Запада «разорвать российскую экономику в клочья»², с вынужденными тактическими отступлениями на поле боя³, с организационной «бестолковщиной»⁴, которая, видимо, накапливалась уже давно, но выплеснулась наружу и всколыхнула значительную часть общества во время частичной мобилизации населения.

Сегодня перспективы развития российской экономики всё больше связываются с развитием внутреннего рынка и сотрудничеством с дружественными странами, а качественные позитивные изменения в вооруженных силах РФ (в управлении, оснащении, тактической подготовке и т. д.), по сравнению с сентябрем 2022 г., были вынуждены признать даже западные СМИ.

Bloomberg: «Представления о слабости российской армии либо устарели, либо попросту ошибочны. Москва изменила тактику и модернизировала вооружение, и Запад мог упустить этот факт...»⁵

New York Times: «Армия РФ вывела на новый уровень дисциплину, координацию действий и поддержку с воздуха... командование ВС РФ учится на своих ошибках»⁶.

И, пожалуй, главный вывод, сделанный Россией по ходу проведения СВО, заключается в смещении смысловых акцентов, которыми характеризуется конфликт, начавшийся 24 февраля 2022 г.: то, что 24 февраля 2022 г. объявлялось Верховным главнокомандующим как «специальная военная операция... по защите людей от геноцида киевского режима»⁷, сегодня всё больше дополняется новым смыслом – это «настоящая война» против Запада за сохранение Родины.

¹ На момент подготовки данной статьи – с февраля 2022 по июнь 2023 года.

² Цитата из выступления главы Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен 14 сентября 2022 г. // Вести. 14.09.2022. URL: <https://www.vesti.ru/article/2941494>

³ В частности, в сентябре 2022 г. на Харьковском направлении ради сохранения личного состава и боеспособности армии.

⁴ Выступление Президента на встрече с избранными главами регионов // Официальный сайт Президента РФ. 10.10.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69567>

⁵ Bloomberg: Российская армия изменила тактику на СВО и модернизировала вооружение. URL: <https://www.bfm.ru/news/525726?ysclid=lj85gwdugw563712664>

⁶ New York Times: Российская армия выучилась на своих ошибках, изменив тактику к контрнаступлению ВСУ. URL: <https://rposters.ru/news/18-06-2023/rossiiskaya-armiya-viuchilas-svoih-oshibkah-izmeniv-taktiku>

⁷ Обращение В. Путина к россиянам 24 февраля 2022 г. (об объявлении начала СВО) // Официальный сайт Президента РФ. 24.02.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843>

«Против нашей Родины вновь развязана настоящая война, но мы дали отпор международному терроризму, защитим и жителей Донбасса, обеспечим свою безопасность...

Их [западных глобалистских элит] цель, – и здесь нет ничего нового, – добиться распада и уничтожения нашей страны, перечеркнуть итоги Второй мировой войны, окончательно сломать систему глобальной безопасности и международного права, задушить любые суверенные центры развития»⁸.

Угрозы национальной безопасности продолжают нарастать. Уже давно пройдены все «красные линии», коллективный Запад всюду поставляет киевскому режиму танки и крылатые ракеты большой дальности, многие эксперты открыто анализируют тактические варианты расширения зоны конфликта до территорий стран НАТО⁹.

13 июня 2023 г. Президент провел встречу с военными корреспондентами, на которой фактически были подведены основные итоги всего

периода, прошедшего с начала проведения СВО. Целесообразность данного мероприятия во многом была обусловлена ходом развития событий последних месяцев, а точнее – **нарастанием угроз именно военного и даже террористического характера.**

Не только на приграничных территориях, но и в глубине России «киевским режимом» при координации натовских специалистов осуществляются теракты против конкретных россиян – активных общественных деятелей¹² и руководителей администраций регионов¹³.

По данным директора ФСБ А. Бортникова, в 2022 г. на территории России была пресечена деятельность **68 законспирированных террористических ячеек; предотвращено 64 теракта**¹⁰.

С февраля прошлого [2022] года в России предотвращено **118 преступлений террористической направленности**, исполнителями которых являлись молодые люди и подростки, а также **28 диверсий и террористических актов** на объектах транспорта¹¹.

⁸ Выступление В. Путина на Параде Победы 9 июня 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. 09.06.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71104>

⁹ В частности, речь идет о Польше, готовящейся предоставить «киевскому режиму» аэродромы для базирования самолетов, ожидаемых в ближайших поставках военной помощи Украине со стороны НАТО.

¹⁰ Российские спецслужбы предотвратили 64 теракта // Платформа «Смотрим». 13.12.2022. URL: <https://smotrim.ru/article/3090832?ysclid=liwpcf86vn405076663>

¹¹ За год в России предотвращено 118 терактов // Российская газета. 11.04.2023. URL: <https://rg.ru/2023/04/11/aleksandr-bortnikov-za-god-v-rossii-predotvrashcheno-118-teraktov.html?ysclid=liwplajxq4551573251>

¹² 25 апреля 2022 г. Федеральной службой безопасности России был предотвращен теракт, жертвами которого могли стать В. Соловьев, М. Симоньян, О. Скабеева, Е. Попов, Т. Кеосаян (Источник: Покушение на Соловьева и других журналистов готовилось по заданию СБУ // РБК. 26.04.2022. URL: <https://rg.ru/2022/04/25/pokushenie-na-soloveva-i-drugih-zhurnalystov-gotovilos-po-zadaniuu-sbu.html?ysclid=lj45v607p5299296641>);

20 августа 2022 г. в результате подрыва автомобиля была убита журналистка, общественный активист, дочь философа А. Дугина Дарья Дугина (Источник: В Подмоскowie в результате взрыва автомобиля погибла политолог и журналист Дарья Дугина // Новости 1 канала. 21.08.2022. URL: https://www.1tv.ru/news/2022-08-21/436150-v_podmoskovie_v_rezultate_vzryva_avtomobilya_pogibla_politolog_i_zhurnalist_darya_dugina?ysclid=lj45y5zwa9193181435);

2 апреля 2023 г. в результате теракта в петербургском кафе был убит военкор В. Татарский (Источник: В Санкт-Петербурге убит военкор Владлен Татарский // Lenta.ru. 02.04.2023. URL: <https://lenta.ru/news/2023/04/02/tatarskiyds/?ysclid=lj461sh6q9153141356>);

6 мая 2023 г. совершен теракт в отношении политического и общественного деятеля, писателя, участника боевых действий З. Прилепина, в результате которого погиб его соратник и личный помощник, ветеран боевых действий в ЛНР А. Шубин (Источник: Заявление МИД России в связи с организованным украинскими спецслужбами терактом против писателя З. Прилепина // Официальный сайт МИД РФ. 06.05.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1867854/).

¹³ 12 сентября ФСБ пресекла серию диверсионно-террористических актов против сотрудников военно-гражданской администрации Херсонской области и правительства Крыма (Источник: ФСБ пресекла теракты СБУ против госслужащих Херсонской области и Крыма // ТАСС. 12.09.2022. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/15722431>).

Многие субъекты Российской Федерации (Белгородская, Курская, Брянская, Калужская, Смоленская области и др.) подвергаются атакам украинских беспилотников натовского производства. **В том числе 30 мая 2023 г. были атакованы жилые кварталы г. Москвы**, что, по мнению ряда военных специалистов, было нацелено на «создание нервозности среди мирного населения России».

Матвийчук А. (военный эксперт): «Конечно, этим террористическим актом киевский режим пытается создать **нервозность среди мирного населения России**, заставить наших граждан бояться. В очередной раз они создали медийную шумиху»¹⁴.

Шурыгин В. (военный публицист, член Изборского клуба): «Атаку дронами Москвы **скорее можно назвать запоздалой, нежели неожиданной**. Можно сделать следующие выводы: **в Москве и Подмосковье, а также в ближайших к ним областях действует диверсионная сеть украинской разведки**»¹⁵.

4 июня 2023 г. киевским режимом было начато давно запланированное контрнаступление. Как отметил Министр обороны РФ С. Шойгу, «**своих целей противник не добился**, понес значительные и несопоставимые потери»¹⁶.

Террористическая активность ВСУ усилилась:

✓ 5 июня «в районе населенного пункта Масютовка Харьковской области украинской диверсионно-разведывательной группой был осуществлен подрыв аммиакопровода «Тольятти – Одесса»¹⁷;

Из заявления министра обороны С. Шойгу 6 июня 2023 г.: «**...не добившись успеха в наступательных действиях**, с целью усиления своего потенциала противник намерен перебросить подразделения и технику с Херсонского направления в район своих наступательных действий, существенно ослабив таким образом свои позиции на Херсонском направлении. С целью недопущения на этом участке фронта наступательных действий российской армии **киевский режим осуществил диверсионный, по сути, террористический акт**, который привел к затоплению значительных территорий и будет иметь тяжелые и долговременные экологические последствия»¹⁸.

«Учитывая неудачное начало контрнаступления ВСУ, Пентагон, НАТО и руководство ВС, по мнению зарубежных и российских военных экспертов, на втором этапе готовят **массированное применение дальнобойного высокоточного оружия, которое должно привести к дезорганизации системы управления войсками и оружием ВС РФ, разгрому авиационной и противовоздушной группировок, нанесению поражения сухопутным группировкам, нарушению системы материально-технического обеспечения и разрушению элементов оперативного оборудования на театре военных действий**»¹⁹.

✓ в ночь с 5 на 6 июня была совершена «**заранее спланированная киевским режимом крупномасштабная диверсия**» на Каховской ГЭС.

¹⁴ Гаврилов Ю. Попытка вызвать ответную реакцию России. Что известно об атаке украинских беспилотников на Москву и Подмосковье // Российская газета. 30.05.2023. URL: <https://rg.ru/2023/05/30/reg-cfo/drony-ne-dostigli-celi.html>

¹⁵ Там же.

¹⁶ Заявление Министра обороны РФ генерала армии С. Шойгу // Официальный сайт Министерства обороны РФ. 06.06.2023. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12469652@egNews

¹⁷ Официальный телеграм-канал Министерства обороны РФ. URL: https://t.me/mod_russia/27177

¹⁸ Заявление Министра обороны РФ генерала армии С. Шойгу // Официальный сайт Министерства обороны РФ. 06.06.2023. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12469652@egNews

¹⁹ Овчинский В. Каким будет следующий этап нападения на Россию // Официальный сайт Изборского клуба. 16.06.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/24432>

Таким образом, при относительно стабильной, контролируемой обстановке на фронте²⁰ угрозы национальной безопасности России продолжают нарастать. И это касается положения дел не только на линии фронта, но и глубоко в тылу. **Под угрозой терактов сегодня находится практически вся страна, любой субъект Российской Федерации, включая столицу,** в связи с чем некоторые эксперты приходят к выводу о том, что в ходе СВО наступил новый, «психологически очень важный»²¹, этап.

«Военные действия, безусловно, относятся к сильнейшим факторам изменения социаль-

ных условий»²². Поэтому складывающаяся как на линии фронта, так и внутри Российской Федерации напряженная обстановка вполне естественно усиливает тревожные настроения в российском обществе.

Как показывают результаты социологических измерений, в 2022 г. продолжилась тенденция роста доли людей, у которых отмечаются признаки тревоги: на фоне пандемии COVID-19 она уже увеличилась на 7 п. п. (с 25% в 2019 г. до 32% в 2021 г.); а в 2022 г. по сравнению с 2021 г. – на 3 п. п. (с 31 до 34%), причем в большинстве социально-демографических категорий населения (табл. 1).

Таблица 1. Динамика распространения симптомов тревоги* в различных социально-демографических категориях населения, % от числа опрошенных

Категория населения	2019 г. (год до пандемии COVID-19)	2021 г.	2022 г.	Изменение (+ / -)	
				2021 г. к 2019 г.	2022 г. к 2021 г.
Пол					
Мужской	23,8	29,4	30,7	+6	+1
Женский	26,0	33,7	37,4	+8	+4
Возраст					
До 30 лет	17,1	21,4	20,0	+4	-1
30–55 лет	21,0	28,6	28,0	+8	-1
Старше 55 лет	33,8	39,6	47,5	+6	+8
Образование					
Среднее и н/среднее	28,7	33,1	33,6	+4	+1
Среднее специальное	24,8	28,5	35,6	+4	+7
Высшее и н/высшее	21,8	34,5	33,9	+13	-1
Доходные группы					
20% наименее обеспеченных	27,5	41,6	37,0	+14	-5
60% среднеобеспеченных	27,5	33,8	36,6	+6	+3
20% наиболее обеспеченных	17,4	15,6	26,0	-2	+10
Территории					
Вологда	18,0	35,1	39,8	+17	+5
Череповец	26,0	24,3	32,8	-2	+9
Районы	28,3	34,1	32,2	+6	-2
Область	25,0	31,7	34,4	+7	+3
Общее количество положительных / отрицательных изменений во всех группах				2 / 12	5 / 9
* Доля людей, проявляющих симптомы тревоги, определялась по госпитальной шкале тревоги и депрессии. Методика состоит из 7 вопросов, которые были включены в структуру анкеты мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН. Опрос проводился раз в год в Вологде, Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском муниципальных округах и Кирилловском, Никольском и Шекснинском муниципальных районах области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.					

²⁰ Министр обороны РФ С. Шойгу 20 июня 2023 г. отметил: «С 4 июня ВСУ предприняли 263 атаки позиций российских войск. Благодаря грамотным и самоотверженным действиям наших подразделений все они отбиты, противник целей не достиг» (Источник: Официальный сайт Министерства обороны РФ. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12470868@egNews).

²¹ Телеграм-канал А. Дугина. URL: <https://t.me/Agdchan/10405>; <https://t.me/Agdchan/10406>

²² Звонковский В.Б., Ходыкин А.В. (2023). Стратегии адаптации сторонников и противников спецоперации к жизни в ее условиях (на примере жителей Самарской области) // Социологический журнал. № 1. С. 9.

Встреча Президента с военкорами (которая транслировалась в прямом эфире по федеральным телеканалам) во многом ответила на наиболее важные вопросы, которые волнуют сегодня всё российское общество. Военкорам (как отметил один из участников беседы Е. Поддубный) «удалось озвучить, **пожалуй, все вопросы, которые волнуют жителей нашей страны: и военнослужащих, и гражданских... Почти все темы – это вопросы жизни и смерти**»²³.

«Военкоры сегодня на острие, видят всю реальность СВО и не скрывают ее, какой бы она ни была»²⁴.

«Ему [Президенту] важно понять ощущение, ему важно поймать тот нерв, который существует в народе»²⁵.

«Это важный элемент получения президентом информации с мест... Президент сам высоко ценит этот диалог с военкорами и будет его продолжать»²⁶.

Прозвучавшие на встрече темы касались не только целей СВО, ситуации на линии фронта и геополитических отношений России с друже-

ственными и недружественными странами, но и многих проблем гражданской жизни – работы военно-промышленного комплекса (ВПК), помощи военнослужащим и их семьям, организационных аспектов мобилизации, эффективности кадровых «лифтов» бюрократической системы и многих других²⁷ (ключевые тезисы главы государства, прозвучавшие на встрече с военкорами, представлены в *таблице 2*; подробно наиболее важные вопросы военкоров и ответы Верховного главнокомандующего отражены во *вкладке 1*).

«Встреча президента с военкорами действительно обратила на себя внимание своим **максимально доверительным характером**. И вопросы, которые звучали, были максимально открытыми и прямыми; и ответы Владимира Путина были содержательными, без какого-либо вторичного подтекста и подводных камней... Президент обсудил не только позитивные моменты и предпосылки успешного исхода спецоперации, **но и те трудности, с которыми наша армия сейчас сталкивается**»²⁸.

²³ Военкоры поделились впечатлениями от встречи с президентом (мнение Е. Поддубного) // Вести.ру. 14.06.2023. URL: <https://www.vesti.ru/article/3402476>

²⁴ Политолог рассказала о важности встречи Путина с военкорами (мнение политолога Н. Линдигрин) // Лента.ру. 14.06.2023. URL: <https://lenta.ru/news/2023/06/14/voenkory/>

²⁵ Военкоры поделились впечатлениями от встречи с президентом (мнение А. Сладкова) // Вести.ру. 14.06.2023. URL: <https://www.vesti.ru/article/3402476>

²⁶ Путин продолжит диалог с военкорами (мнение А. Пескова) // Ведомости. 19.06.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/06/19/981179-peskov-putin-prodolzhit-dialog-s-voenkoram?ysclid=lj6wgcwibx180395160>

²⁷ Телеграм-канал А. Дугина. URL: <https://t.me/Agdchan/10405>; <https://t.me/Agdchan/10406>

²⁸ Политолог рассказала о важности встречи Путина с военкорами (мнение политолога Н. Линдигрин) // Лента.ру. 14.06.2023. URL: <https://lenta.ru/news/2023/06/14/voenkory/>

Таблица 2. Ключевые тезисы В.В. Путина на встрече с военкорами

<p><u>1. О целях СВО:</u> «они для нас носят фундаментальный характер... никаких принципиальных изменений с точки зрения тех целей, которые мы перед собой ставили в начале операции, сегодня не произошло».</p>
<p><u>2. О ситуации на линии фронта:</u> «Это контрнаступление масштабное, с использованием подготовленных для этих целей резервов. Оно идёт с 4-го числа... Ни на одном из участков противник успеха не имел... [Дальнейшая ситуация] будет зависеть от потенциалов, которые сложатся на момент окончания этого так называемого контрнаступления... мы будем смотреть, какова будет ситуация, и исходя из этого предпринимать дальнейшие шаги. У нас есть планы разного характера...»</p>
<p><u>3. О введении в России военного положения, в том числе для борьбы с диверсантами на российской территории:</u> «Не думаю, что нам нужно сейчас это делать. Нам нужно просто улучшать и расширять работу правоохранительных и специальных служб».</p>
<p><u>4. О новой «волне» частичной мобилизации:</u> «В зависимости от того, какие цели мы перед собой ставим, мы должны решать вопросы по мобилизации, но нет такой необходимости сегодня... на данный момент времени, набрали свыше 150 тысяч [контрактников], а вместе с добровольцами – 156 тысяч человек... даже для меня неожиданно: всё-таки 156 тысяч человек добровольно».</p>
<p><u>5. О состоянии российского ВПК:</u> «Конечно, в ходе специальной военной операции стало понятно, что многих вещей не хватает... но по всем направлениям заделы есть, вопрос в наращивании. Если бы не было специальной военной операции, мы бы никогда, наверное, не поняли, как нужно донастроить нашу оборонную промышленность для того, чтобы армия наша была самая лучшая в мире».</p>
<p><u>6. О кадровом продвижении в системе управления людей, проявивших себя в ходе СВО:</u> «Конечно, надо искать таких. Их много... и Министр [обороны], и начальник Генерального штаба полностью разделяют мою позицию... Надо искать таких людей – с их сознанием и с их пониманием справедливости».</p>
<p><u>7. О роли частного бизнеса в достижении целей СВО:</u> «У нас десятки, сотни частных предприятий, которые никогда никакого отношения не имели к военно-промышленному комплексу, включились в эту работу – малых и средних предприятий...»</p>
<p><u>8. О случаях антироссийской пропаганды в деятельности госслужащих, преподавателей университетов и др.:</u> «Если мы оставляем на самотек, то это на грани предательства...»</p>
<p>Источник: Встреча В. Путина с военкорами // Официальный сайт Президента РФ. 13.06.2023. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71391</p>

Ответы Президента РФ на ключевые вопросы военных корреспондентов (13 июня 2023 г.)²⁹

Вопрос военкоров, блогеров	Ответ Президента
<p>1. Е. Поддубный: Меняется обстановка, меняется положение, меняются, наверное, и цели, и задачи специальной военной операции. Скажите, как они изменились и изменились ли?</p>	<p>Нет, они меняются в соответствии с текущей ситуацией, но в целом, конечно, ничего мы менять не будем, и они для нас носят фундаментальный характер... По большому счёту никаких принципиальных изменений с точки зрения тех целей, которые мы перед собой ставили в начале операции, сегодня не произошло. Изменений нет.</p>
<p>2. А. Коц: Как так получается, что вражеские беспилотники долетают до Кремля, и почему мы, начав освобождать Донбасс, теперь вынуждены эвакуировать своё население из приграничных территорий, в которые заходят уже польские наёмники, польская речь звучит на нашей территории?</p>	<p>...Как правило, беспилотники, о которых вы говорите, тоже знаете об этом, они из современных лёгких материалов, из дерева сделаны, и достаточно сложно обнаружить их. Но они обнаруживаются... надо соответствующим образом наладить эту работу. И конечно, было бы лучше, если бы это сделано было своевременно и на должном уровне. Но тем не менее эта работа проводится, и, повторяю ещё раз, уверен: эти задачи будут решены.</p>
<p>3. Е. Поддубный: Как Российское государство будет бороться с агентурой врага, со спецслужбами врага, которые действуют на территории России?</p>	<p>...Мы боремся, делаем это, и некоторые результаты этой работы становятся достоянием гласности, и общественность с ней знакома: задержание агентов, сотрудников спецслужб сопредельного государства. Работа идёт. Но хочу вот что отметить. Мы — в отличие от сегодняшних властей Украины — не можем действовать террористическими методами: у нас всё-таки государство, страна, а там — режим. Они действуют на самом деле как режим, основанный на терроре: у них введён очень жёсткий контрразведывательный режим, военное положение. Не думаю, что нам нужно сейчас это делать. Нам нужно просто улучшать и расширять работу правоохранительных и специальных служб. И в целом мне представляется, что стоящие в этом плане задачи тоже решаемы.</p>
<p>4. А. Сладков: Мы отправили наших ребят мобилизованных на фронт... Как Вы считаете, не придёт ли пора, когда их надо ротировать, поменять...?</p>	<p>Исходить нужно будет прежде всего из наличия личного состава, из того, как развивается ситуация на линии соприкосновения, как идёт сама специальная военная операция. Вы знаете, что, по сути дела тоже с моей подачи, мы приняли решение о регулярных отпусках...</p>

²⁹ Встреча В. Путина с военкорами // Официальный сайт Президента РФ. 13.06.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71391>

Продолжение вкладки 1

Вопрос военкоров, блогеров	Ответ Президента
<p>5. А. Сладков: Будет ли мобилизация — новая?</p>	<p>Некоторые наши и общественные деятели говорят о том, что нужно срочно набрать, ещё миллион набрать или даже два миллиона. Это зависит от того, чего мы хотим... Наши войска были у Киева. Во-первых, мы договорились, и получился неплохой договор о том, как можно мирными средствами урегулировать сегодняшнюю ситуацию, правда, они его выкинули, но всё-таки за это время мы вышли туда, где мы сейчас стоим. А это практически вся Новороссия и значительная часть Донца с выходом к Азовскому морю и к Мариуполу. И практически всё, за небольшим исключением, в Луганской Народной Республике. Нам нужно туда возвращаться или нет? Почему я такой риторический вопрос задаю? Ясно, что у вас-то ответа на это нет — я сам только могу на него ответить. Но в зависимости от того, какие цели мы перед собой ставим, мы должны решать вопросы по мобилизации, но нет такой необходимости сегодня... Мы, начиная с января этого года, а фактически начали работу по заключению контрактов с контрактниками, сейчас, на данный момент времени, набрали свыше 150 тысяч, а вместе с добровольцами — 156 тысяч человек... В этих условиях Министерство обороны докладывает, что никакой необходимости в мобилизации, конечно, нет на сегодняшний день. Но то, что происходит, даже для меня неожиданно: всё-таки 156 тысяч человек добровольно.</p>
<p>6. А. Сладков: Мы сегодня набираем контрактников... Мы ждём людей, которые придут по объёвлению, мы приглашаем их, но не пора ли нам самим идти к тем людям, которые могут нам помочь? По военно-учётным специальностям распределить, сделать эту работу плановой...</p>	<p>Контрактники. Я с Бурдинским недавно разговаривал — в целом работа идёт, работа идёт действительно очень неплохо. Он занимается набором контрактников. Один из заместителей Министра обороны занимается подготовкой... Естественно, везде, куда пальцем ни ткни, какие-то проблемы всегда есть, но в целом ситуация меняется к лучшему... Нужно ли менять технологии? Наверное, над этим нужно думать... нам, конечно, — Вы правы, Вы абсолютно правы, — нужно набирать целевым образом.</p>

Вопрос военкоров, блогеров	Ответ Президента
<p>7. А. Бородкин: Что мы будем делать для того, чтобы развивать наш ВПК...?</p>	<p>...Это было, наверное, лет восемь назад, может быть, даже чуть побольше: мы начали программу модернизации оборонно-промышленного комплекса. Выделили на тот период времени очень большие средства и постепенно начали переоборудовать наши предприятия, строить новые, ставить новое современное оборудование и так далее. Поэтому задел был сделан очень солидный.</p> <p>Конечно, в ходе специальной военной операции стало понятно, что многих вещей не хватает. Это высокоточные боеприпасы, средства связи.... беспилотники и так далее. Они у нас есть – нам, к сожалению, их не хватает количественно... И «Орланов» не хватает, и качество этих «Орланов» нужно повышать, хотя они свою задачу выполняют. То есть есть много того, чего нужно. Средства противотанковой борьбы современные нужны, да и танки нужны современные...</p> <p>...недостаточно, но по всем направлениям заделы есть, вопрос в наращивании. Я сказал о заделах, а теперь что происходит сейчас. У нас по основным видам вооружений производство за год увеличено в 2,7 раза. А по наиболее востребованным направлениям – в десять раз. В десять раз! Некоторые предприятия промышленности работают в две смены, а многие – в три, практически и днём, и ночью, и работают очень качественно... Если бы не было специальной военной операции, мы бы никогда, наверное, не поняли, как нужно донстроить нашу оборонную промышленность для того, чтобы армия наша была самая лучшая в мире. Но мы это сделаем.</p>
<p>8. С. Пегов: Существующая бюрократическая система, к сожалению, устроена так, что наверх сейчас пробиваются в основном те, кто хорошо служит на паркете... сейчас много талантов, по-хорошему дерзких, но система их как бы не пускает наверх. Как можно этот вопрос решить, чтобы у нас появились новые «изумруды» нашего военного дела, военного искусства?</p>	<p>До проведения СВО, конечно, как в любой государственной структуре, «паркетных» людей [было] очень много... началась специальная военная операция, и очень быстро начали понимать, что «паркетные» генералы, – а таких в любой армии мира в условиях мирного времени более чем достаточно, везде, – они, мягко говоря, неэффективны.</p> <p>И наоборот, начали появляться люди, которые вроде бы сидели в тени – их не видно было, не слышно, а оказалось, что они очень эффективные и очень нужные...</p> <p>Конечно, надо искать таких. Их много, Вы правы абсолютно. Надо сказать, что и Министр [обороны], и начальник Генерального штаба полностью разделяют мою позицию, я много раз об этом говорил, они говорят: конечно, надо это делать. Но и Вы правы в том, что бюрократия там такая, как в любом Министерстве, многослойная, и нужно выработать, безусловно, механизм вот этого лифта – поиска и лифта, который поднимал бы таких людей на нужный армии и стране уровень.</p>

Продолжение вкладки 1

Вопрос военкоров, блогеров	Ответ Президента
<p>9. С. Пегов: Что касается выплат по ранениям, к сожалению, по гибели военнослужащих... я не знаю ни одного бойца, который получил бы выплату за подбитый танк, за уничтоженный укрепрайон. Хотя это всё анонсировалось, все это знают и даже как-то немного смеются друг с другом: почему обещали, но ничего этого нет.</p>	<p>По поводу выплат. Да, действительно, там, я уж точно не помню, но, по-моему, за самолёт – 300 тысяч, за танк – 100 тысяч должны выплачивать дополнительно. То, что не выплачивают, – это неожиданно для меня... Обязательно к этому вернусь прямо сегодня в разговоре с Министерством обороны – обязательно, 100 процентов.</p>
<p>10. И. Лядвин: Темы выплат контрактникам... например, Чувашия – выплата 50 [тысяч рублей], Челябинск – 50, но там есть небольшие надбавки за детей, но Забайкалье – 150–200, Бурятия – 200. Тут такой момент: неужели у нас разрыв, так скажем, по уровню возможности регионов таков, что кто-то может выложить 200...</p>	<p>Вы абсолютно правы, конечно: человек, который воюет, рядом стоят, может быть, в окопе, прикрывают или вытаскивают с поля боя раненых, но один чуть-чуть больше получает, имею в виду эту дополнительную надбавку со стороны региона, другой – поменьше, конечно, это неприлично выглядит. Повторяю ещё раз: это не касается федеральных органов – это чисто региональные выплаты, обязательные вообще. Регионы вообще могли бы ничего не платить, но они делают это добровольно. Но, конечно, здесь лучше иметь какой-то общий подход. Я согласен, Вы правы. Поработаем с губернаторами.</p>
<p>11. Ю. Подоляка: О насыщении армии современными системами вооружений. К сожалению, – так уж получилось, мы не знали перед специальной операцией, что многие спецсредства, вооружения будут нужны, – сейчас очень много этих средств делается кустарно... В чем проблема? Они показывают эффективность на фронте, солдаты говорят – да, это то, что нам нужно, но наша бюрократическая система не позволяет их быстро внедрить и использовать очень серийно. То есть те возможности, которые есть у нас, они мизерны.</p>	<p>Проблема известна... Вы знаете, кроме того, что у нас задел был сделан неплохой по модернизации ВПК, и кроме того, что сейчас достаточно быстро наращивается в том числе выпуск наиболее востребованной продукции – уже в десять раз увеличился, есть еще одно преимущество, очень большое, откровенно говоря, даже неожиданное для меня. У нас десятки, сотни частных предприятий, которые никогда никакого отношения не имели к военно-промышленному комплексу, включились в эту работу – малых и средних предприятий... делали, условно там, трубы – оказывается, можно кроме труб еще что-то делать. И так в очень многих областях, то есть удивительно просто... Но всех задач тем не менее мы не решаем... Поверьте, я сто раз уже сказал о том, о чем Вы сейчас сказали. Я еще раз вернусь к этому, еще раз постараюсь наладить.</p>
<p>12. И. Ушенин: Страны НАТО постоянно наши «красные линии» как-то сдвигают, пересекают их. Мы выражаем какие-то озабоченности, постоянно говорим о недопустимости этих действий, но как-то реальных ответов нет. Мы, получается, и дальше будем сдвигать «красную линию»?</p>	<p>Само проведение специальной военной операции – это разве не ответ на преодоление этих «линий»?... удары по всей энергосистеме Украины. Это разве не ответ на преодоление «красных линий»? А фактическое уничтожение штаб-квартиры главного управления разведки вооруженных сил Украины под Киевом, это в Киеве практически, разве это не ответ? Ответ. Мы и дальше будем избирательно работать...</p>

Продолжение вкладки 1

Вопрос военкоров, блогеров	Ответ Президента
<p>13. С. Зенин: Частные военные компании, которые вроде де-юре у нас даже запрещены, их вроде как и нет, но при этом де-факто на фронте они присутствуют. Ребята воюют с разным успехом, иногда с очень хорошими результатами. Как избавиться от этого юридического или правового вакуума для того, чтобы вернуть их в правовое поле?</p>	<p>Вы правы абсолютно. Я попросил Государственной Думы, и Министерство обороны всё привести в соответствие со здравым смыслом, со сложившейся практикой и законом. Мы, безусловно, не должны ставить людей в какое-то ложное положение... Насколько я знаю, Министерство обороны сейчас заключает контракты со всеми желающими продолжить службу в зоне специальной военной операции. Только таким образом можно обеспечить социальные гарантии, потому что, если нет контракта с государством, если нет контракта с Министерством обороны, не возникает и правовых оснований для социальных гарантий со стороны государства. Нужно это сделать и сделать как можно быстрее.</p>
<p>14. Д. Кулько: Рано или поздно контрнаступление Украины захлебнется, вернее, наши ребята героическими усилиями заставят его захлебнуться. Но очевидно, что какие бы потери ни понесла Украина, западные страны продолжат поставлять вооружения... что дальше?</p>	<p>Я это могу сказать только с глазу на глаз... Ну а вообще, всё будет зависеть от потенциалов, которые сложатся на момент окончания этого так называемого контрнаступления. Это ключевой вопрос... мы будем смотреть, какова будет ситуация, и, исходя из этого, предпринимать дальнейшие шаги.</p>
<p>15. Д. Стешин: ...нужна ли нам эта сделка [зерновая]? И если наши интересы в ней не учитываются, может быть, стоит ее расторгнуть?</p>	<p>Честно говоря, для меня неожиданный вопрос, не ожидал такого вопроса услышать. Но, наверное, для ребят, которые воюют, непонятно, зачем мы выпускаем это зерно. Я понимаю, согласен... мы это делаем не для Украины — мы это делаем для дружественных нам стран в Африке и Латинской Америке... Много было всяких условий, которые должны были западники исполнить под руководством Организации Объединенных Наций. Не сделано ничего. Но тем не менее мы несколько раз эти договоренности продлевали, еще раз я хочу сказать, в интересах дружественных стран... мы думаем о том, чтобы прекратить там наше участие.</p>
<p>16. И. Куксенкова: В интересах противника работает, по открытым данным, до 100 спутников — именно военных спутников, которые видят наши войска, перемещения. Наша группировка космическая уступает. В. Путин: Да. И. Куксенкова: Что с этим делать и как с этим бороться, потому что это же системно, правильно, это годы нужны?</p>	<p>В предыдущие годы мы должны были бы по-другому выстраивать и нашу космическую деятельность — конечно. Но ведь мы не планировали... ни крымских событий, мы не планировали событий, которые сейчас происходят... Нужно соответствующим образом настраивать эту работу. Мы, конечно, будем это делать. Но пока нам нужно чем-то замещать. Чем? Разного назначения беспилотными летательными аппаратами. Здесь коллег прав: нам нужно и беспилотники наращивать самые разные — и ударные, и разведывательные, но это требует времени. Я согласен, Вы правы, надо делать это.</p>

Вопрос военкоров, блогеров	Ответ Президента
<p>17. Д. Зименкин: Статуса участника боевых действий не имеют луганские полицейские, которые воевали в Харьковской области в том году, или сейчас их коллеги из ОБТФ «Каскад» в ДНР — то же самое... А сегодня мне звонил полевой медик. Он четыре месяца уже там, за лентой... он воюет. 70 человек уже выгнали с поля боя, четыре контузии... Он приписан к воинской части № 31135 и вроде как он не воюет. Он даже ордена не может получить, в том числе и поэтому... Несправедливо, считаю. И дело-то не в надбавках — они не велики, а в другом.</p>	<p>Я знаю, мне и Бортников эти вопросы задает, и Колокольцев эти вопросы задает. Что с военными медиками что-то подобное происходит — я первый раз слышу, но обязательно посмотрю. Просто это техническая проблема, значит, у вас на месте. Если военный медик, он за ленточкой воюет фактически, я не очень понимаю, что там происходит. Я выясню... А все остальные категории военнослужащих, особенно это касается действительно пограничников, да отчасти полицейских тоже. Конечно, это требует рассмотрения.</p>
<p>18. М. Газдиев: Наши бойцы очень часто даже на передовой умудряются читать новости, и они, мягко сказать, негодуют, когда видят очередной скандал о том, как госслужащий или преподаватель в университете склоняет практически открыто молодежь к проукраинской позиции. То есть все эти люди по большому счету не боятся, штрафы их не пугают. Ясно, Вы это уже довели, что мы не будем действовать, как украинский режим: мешок на голову и человек исчезает навсегда. Но с учетом того, что мы не такие, как они, мы воюем против этого, не предательство ли это наших ценностей, то, что мы оставляем вот так ситуацию на самотек?</p>	<p>Если мы оставляем на самотек, то это на грани предательства... нужно двигать ребят, особенно тех, которые хорошо зарекомендовали в ходе боевых действий, их нужно двигать по иерархической лестнице вверх в рамках Вооруженных Сил. Но не только: их можно двигать и в правоохранительные органы, специальные службы. Надо искать таких людей — с их сознанием и с их пониманием справедливости — и им поручать расследования в отношении тех негодяев, о которых Вы сказали.</p>

Как видно из представленных во вкладке 1 ответов Президента, встреча с военкорами носила открытый характер, и в ходе неё было озвучено немало проблем, существующих как в вооруженных силах РФ, так и в гражданской жизни страны.

Президенту пришлось неоднократно признавать ошибки и недоработки в самых разных областях (в космической отрасли, в работе ВПК, в функционировании бюрократической системы и т. д.). Причем, как подчеркнул Верховный главнокомандующий, именно **«в ходе специальной военной операции стало понятно, что многих вещей не хватает»**.

19 раз главе государства в своих ответах приходилось употреблять такие выражения, как: *«проблема есть»*, *«надо работать тщательнее по некоторым вопросам»*, *«согласен, можно было бы, наверное, лучше подготовиться»*, *«да, конечно. Нужно соответствующим образом настраивать эту работу»*, *«Я знаю эту проблему — уже много раз говорил на разных уровнях... Постараемся это сделать»* и т. д. Два раза от главы государства звучали даже такие высказывания, как *«я первый раз слышу»* и *«это неожиданно для меня»*³⁰.

Следует отметить, что способность признавать ошибки, особенно в такой трудный для страны период, с одной стороны, говорит о том, что «у России есть сильный, деятельный, деспособный, волевой лидер»³¹, но, в то же время, указывает на то, что **за предыдущие 20 лет**

в системе управления накопились существенные недоработки, которые не были устранены своевременно, и поэтому сегодня их приходится исправлять уже в условиях реальных нарастающих угроз национальной безопасности. Это касается, например, отсутствия какой-либо ощутимой позитивной динамики в снижении социального неравенства, фактически саботажа указов Президента по реализации национальных проектов, процветающей на всех уровнях управления коррупции и многих других проблем, которые уже давно обсуждаются в экспертном сообществе, в СМИ, социальных сетях и т. д.³² **Все они имеют многолетний, накапливающийся характер, потому что последние 30 лет система государственного управления была в значительной части пропитана представителями элит, которые руководствуются личными, прежде всего финансовыми, интересами, а не национальными интересами страны.**

Об этом, в частности, говорят десятки, а может быть и сотни представителей системы государственного управления самого разного уровня властной иерархии, бежавшие в страны Запада после начала СВО. Отметим, что в прямые обязанности этих людей входило исполнение поручений главы государства, многие имели доступ к государственной тайне, то есть, по сути, в том числе и на этих представителей властвующих элит должен был опираться Президент до тех пор, пока все точки над «i» не расставила специальная военная операция.

³⁰ Такие ответы прозвучали на вопрос Д. Зименкина о том, что люди, приписанные к воинской части, не значатся как участники СВО и «вроде как не воюют», хотя реально находятся на линии фронта, совершают героические поступки и т. д. А также на вопрос С. Пегова о том, что реально бойцы не получают никаких выплат за уничтоженную вражескую технику, «хотя это всё анонсировалось, все это знают».

³¹ Проханов А. Леопард // Официальный сайт Изборского клуба. 19.06.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/24441>

³² В предыдущих статьях мы обращались к экспертным оценкам о накапливающихся проблемах в системе государственного управления и в обществе. См., например:

Ильин В.А. (2016). Правящие элиты — проблема национальной безопасности России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 4 (46); Ильин В.А., Морев М.В. (2019). Оценка населением региона эффективности государственного управления в 2000–2018 гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 1. С. 9–38; Ильин В.А., Морев М.В. (2021). Стратегия национальной безопасности — 2021: позитивные ощущения и противоречивые ожидания // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 4. С. 9–32.

«Во-первых, сбежали туда [за рубеж] целый бывший ПРЕМЬЕР (Касьянов) и 8 (!) бывших вице-премьеров. При этом ещё три экс-вице-преьера и, как минимум, один действующий вице-премьер живут на две страны.

Во-вторых, если считать ещё экс-глав Администрации Президента (!) – Юмашева, Волошина и Чубайса, а также всех сбежавших министров и их заместителей (вроде Козырева, Скрынник, Вавилова, Чуяна, Реймера и т. п.), то это будет **ещё человек 50. И я уже не говорю про десятки экс-губернаторов и вице-губернаторов и сотни чиновников только федерального правительства.**

В-третьих, если же посчитать тех высокопоставленных чиновников РФ, кто отправил за рубеж своих чад и, следовательно, так или иначе готовится отправиться туда сам, то это **ещё десятки и десятки персоналий.**

В-четвёртых, несмотря на СВО, экс-вице-премьеры и экс-министры продолжают туда бежать беспрепятственно (Чубайс, Кудрин) – вместе с украденным баблом и гостайнами.

В списке бывших вице-премьеров:

Илья Клебанов – в Израиле,	Альфред Кох – в Германии,	Аркадий Дворкович – в США,
Александр Хлопонин – в Израиле,	Яков Уринсон – в Израиле,	Максим Акимов – в Израиле,
Анатолий Чубайс – в Италии,	Андрей Кудрин – в Израиле...» ³³	

«Трудности, проблемы, с которыми мы сталкиваемся, – это стимул для всех нас, стимул наращивать темпы и качество преобразований...»³⁴, – отметил глава государства 16 июня на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума. Однако сегодняшнее почти военное время вносит определенные условия для успешности реализации давно назревших преобразований: и нарастающие угрозы национальной безопасности, и необходимость фактически в авральном режиме исправлять многие ошибки прошлого усиливают перед всем российским обществом и особенно перед его элитарными группами значимость задачи, о которой многие эксперты говорят еще с начала СВО, – **значимость кардинальной смены парадигмы мышления и восприятия текущего момента времени. Как отмечают эксперты, «ставки предельно высоки, вопрос стоит „быть или не быть“».**

Необходимо понять: чтобы не утратить своего «гегемонного» положения, США и Велико-

«Когда верховный главнокомандующий – президент России Владимир Путин начал специальную военную операцию по демилитаризации и денацификации Украины, **ход истории был изменен. Необратимо изменен. Перед нами тот случай, когда говорят «Жребий брошен», «Мы перешли Рубикон» и «Обратного пути нет»...** Теперь уже никто и ни на что повлиять не в состоянии, и никто и никакими средствами не может сделать так, как было раньше...**Ставки предельно высоки... вопрос стоит „быть или не быть“»³⁵.**

британия вместе со своими «вассалами» («У них союзников-то нет, – как отметил В.В. Путин, – у них есть только вассалы»³⁶) будут стремиться сделать всё для того, чтобы Россия не смогла выйти победителем из этого цивилизационного конфликта.

³³ Иванов А. Израиль, Италия, Германия, Штаты и т.д. Куда свалили бывшие вице-премьеры РФ // Завтра. 15.05.2023. URL: https://zavtra.ru/events/izrail_italiya_germaniya_shtati_i_t_d_kuda_svalili_bivshie_vitse-prem_eri_rf

³⁴ Выступление В. Путина на пленарном заседании Международного экономического форума // Официальный сайт Президента РФ. 16.06.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71445>

³⁵ Дугин А. Специальная военная операция на Украине как Рубикон Владимира Путина // Портал «Четыре пера». 10.04.2022. URL: https://4pera.com/news/feysbuchnye_truth/aleksandr_dugin_spetsialnaya_voennaya_operatsiya_na_ukraine_kak_rubikon_vladimira_putina/

³⁶ Встреча В. Путина с военкорами // Официальный сайт Президента РФ. 13.06.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71391>

Поэтому сегодня не время для развлечений, расчета каких-либо индивидуальных финансовых выгод или дискуссий о будущем. И это не время для самоуспокоения о неизбежности российской победы: «разговор о том, что она неизбежна – просто расхолаживает», как справедливо заметил депутат Государственной Думы К.Ф. Затулин.

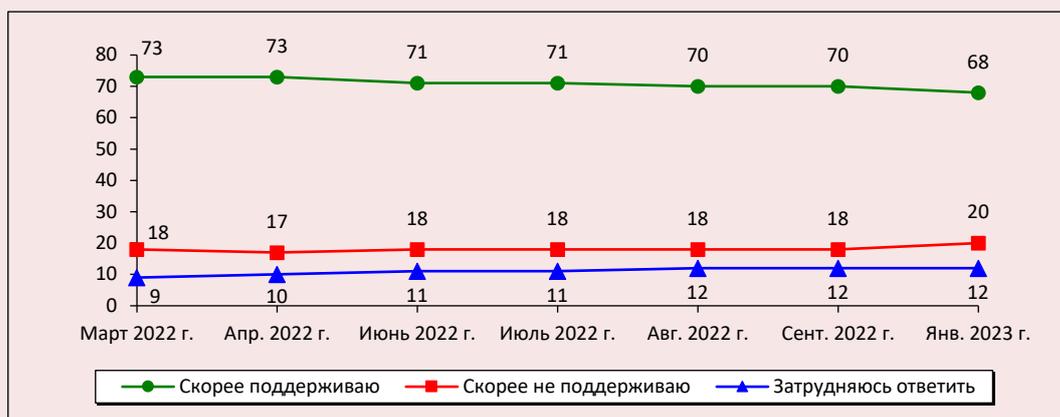
Напротив, это время, когда все слои общества должны стать единым целым, понимая, что любой другой вариант, кроме безоговорочной победы России в этой войне, отразится самым негативным образом не только на российской государственности, но и на индивидуальной жизни каждого конкретного гражданина.

Тем не менее, как отмечают эксперты, «осознать глубину, масштаб и перспективу нарастающего в РФ цивилизационного кризиса (а может и надвигающейся катастрофы) российскому обществу пока не удается»³⁷. По данным ВЦИОМ, подавляющее большинство россиян (68–73%) с самого начала поддерживают решение Президента РФ о проведении специальной военной операции (рисунки), однако 18–20% населения не поддерживают СВО.

«Враг опасен и вооружен – это видно невооруженным взглядом. Вопрос заключается в том, что мы недостаточно, на мой взгляд, сегодня можем. У нас недостаточно оснований, чтобы самоуспокаиваться... на самом деле мы в очень сложной ситуации. В ситуации, когда от нас требуется мобилизация. Требуется перевод не только промышленности, но и жизни на военные рельсы, для того чтобы одержать победу, о которой мы все мечтаем. Разговор о том, что она неизбежна – просто расхолаживает... мы должны понимать, что целый ряд вопросов, которые не были решены – они до сих пор, к сожалению, не решены, когда дело касается перехода на военные рельсы»³⁸.

«После атаки беспилотников на Москву хочется спросить наших сограждан: что ещё должно произойти, чтобы вы поняли, что война коснется каждого?»³⁹

Скажите, пожалуйста, решение провести специальную военную операцию России в Украине Вы поддерживаете или не поддерживаете?, % от числа опрошенных

Источники: Специальная военная операция: полгода спустя / Аналитический обзор ВЦИОМ. 06.09.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-polgoda-spustja>; Специальная военная операция: год спустя / Аналитический обзор ВЦИОМ. 20.02.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-god-spustja>

³⁷ Лепехин В. (2023). О нетрансформируемой элите и «жареном петухе» // Изборский клуб. № 4 (112). С. 18–23.

³⁸ Выступление К. Затулина на форсайт-форуме «Какая Украина нам нужна?» 01.06.2023. URL: <https://zatulin.ru/vystuplenie-konstantina-zatulina-na-forsajt-forume-kakaya-ukraina-nam-nuzhna/>

³⁹ Рублёвку атаковали дроны ВСУ, элита в шоке, народ самоорганизуется (мнение историка Е. Николаева) // Свободная пресса. 30.05.2023. URL: <https://svpressa.ru/war21/article/374657/>

Эти данные подтверждают экспертное мнение о том, что вместо необходимого для победы единства российское общество разделено, а если точнее — разделено на три «партии»:

- 1) «Партия Победы»;
- 2) «Партия немедленного поражения России»;
- 3) «Партия отложенного поражения России».

«Партия Победы» «ориентирована на фронтальное противостояние Западу, на то, чтобы довести СВО до логического конца и надежно закрепить стратегические условия многополярного мира, в котором гегемонии Запада не будет места... **В российском обществе она представлена довольно масштабно, а в правящих элитах, напротив, до самого последнего времени была в абсолютном меньшинстве...**

«Партия немедленного поражения» — это «радикальная либеральная оппозиция»⁴⁰, основной ресурс для вербовки «киевским режимом» диверсантов, действующих на территории России. Их руками, например, были реализованы теракты против В. Татарского и З. Прилепина.

«Партия отложенного поражения» распространена в первую очередь во властвующих

«Партия отложенного поражения. **Здесь речь идет о той части российской элиты, которая исповедует двойную лояльность:** с одной стороны, эта группа верна Путину и признает легитимность ориентации на суверенитет и многополярность, а значит, она поддерживает СВО и формально нацелена на победу. Но, с другой стороны, **главной ориентацией этой группы по-прежнему остаётся современный либеральный Запад, его культура, его коды, его технологии, его практики и тенденции.** Поэтому разрыв с Западом эта макро-фигура рассматривает как катастрофу и чаёт как можно скорее завершить конфликт и начать процессы восстановления порванных связей»⁴¹.

элитах. Это те люди, которые внешне лояльны по отношению к Президенту и к целям СВО, но на самом деле мечтают вернуть прошлую жизнь, которая была до 24 февраля 2022 г. Они целиком и полностью ориентированы на Запад и поэтому рассматривают разрыв с Западом как катастрофу. **На этих людей Запад «очень рассчитывает»,** поскольку они имеют власть и не просто разделяют ценности и образ жизни врага, а имеют с ним конкретные семейные и финансовые связи.

Ничем иным, кроме как деятельностью «партии отложенного поражения», не объяснить тот факт, что в условиях беспрецедентных угроз национальной безопасности, когда страна фактически ведет борьбу за выживание, внутри неё:

✓ отдельные представители экономических и властвующих элит (в том числе самого высокого уровня) продолжают лоббировать идею о «Приватизации 2.0» (вкладка 2);

11 апреля влиятельный банкир А. Костин (президент – председатель правления ВТБ) призвал «перезапустить приватизацию».

✓ исторические архивы формируются при участии институтов, финансируемых правительством недружественных стран;

«Почти во всех сборниках, к которым имело отношение руководство Российского государственного архива новейшей истории, красной нитью проходит следующая мысль: советский период истории России состоит из трагедий, а советское руководство состояло в основном из недоумков... **за большинством этих сборников стоит Германский исторический институт в Москве (ГИИМ), который долгое время финансировался правительством ФРГ»**⁴².

⁴⁰ Дугин А. Шахматы войны // Официальный сайт Изборского клуба. 10.05.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/24292>

⁴¹ Там же.

⁴² Огрызко В. Право на историю // Завтра. 19.05.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/pravo_na_istoriyu

✓ по-прежнему в правовом поле продолжает находиться партия, открыто называющая СВО «тягчайшим преступлением», «противоречащим национальным интересам России»⁴³;

«... что делает в нашем правовом поле такая политическая партия, как «Яблоко»? Почему не запрещена партия, прямо и открыто, вот уже скоро 10 лет **отрицающая территориальную целостность России и считающая нашу борьбу с фашизмом преступлением...**?

«Яблоко» требует от президента Путина немедленного прекращения военных действий... и начала экстренных переговоров о мире при международном посредничестве.

Как мы хотим, чтоб нас кто-то где-то уважал, когда мы сами втапываем себя в грязь, позволяя представителям враждебных России сил прямо и безнаказанно, уже скоро десятилетие игнорировать наши законы на нашей территории?»⁴⁴

✓ несмотря на результаты независимых экспертиз и постоянное обращение внимания со стороны СМИ⁴⁵, продолжает функционировать «Ельцин-центр» — государственное учреждение, фактически открыто (как показали результаты независимой экспертизы⁴⁶) занимающееся противозаконной антигосударственной пропагандой (*вкладка 3*).

Выдержка из отчета «Мониторинг содержания и формы подачи материалов Музея Б. Ельцина, входящего в структуру «Ельцин-центра», проведенного в сентябре – октябре 2022 года междисциплинарной экспертной группой»⁴⁷:

«Ельцин-центр» осуществляет пропагандистскую деятельность, соотносящуюся с идеологическими установками либерализма..., **вступающими в противоречие с традиционными ценностями России как государства-цивилизации.**

Материалы «Ельцин-центра» **противоречат законодательству Российской Федерации.**

Будучи **государственной организацией**, «Ельцин-центр» в своих экспозициях и материалах представляет позиции, **противоречащие государственной повестке.**

Лишь 15 июня 2023 г. заместитель министра юстиции РФ О. Свириденко сообщил о том, что Министерство юстиции РФ начало «глубокую проверку»⁴⁸ музея «Ельцин-центр» на предмет деятельности иностранного агента.

«Мы дорого платим за воровство и роскошные гулянки как почитателей и защитников Ельцин-центра, так и самого виновника этого топонима. Платим кровью, жизнями наших детей. Думаю, всем понятно, что и как нужно делать с создателями и подписантами коллективных обращений в защиту данного юрлица»⁴⁹.

⁴³ Заявление Федерального политического комитета партии // Официальный сайт партии «Яблоко». 24.02.2022. URL: https://www.yabloko.ru/resheniya_politicheskogo_komiteta/2022/02/24

⁴⁴ Делягин М. Парадокс России: свободными людьми правят рабы Запада // Официальный сайт М. Делягина. 20.06.2023. URL: <https://delyagin.ru/articles/1-mirovoy-krizis/109807-paradoks-rossii-svobodnymi-ljud-mi-pravjat-raby-zapada>

⁴⁵ В частности, с момента начала СВО Н. Михалков в своей авторской программе «Бесогон ТВ» выступал с критикой деятельности Ельцин-центра 4 раза, но приводимые им факты и задаваемые вопросы пока что так и остаются без ответа. См., например, выпуски «Бесогон ТВ»:

1. «Давос и ныне там» (04.06.2022);
2. «Кровавая вольность Европы» (24.06.2022);
3. «Жены маркиза Карабаса» (10.02.2023);
4. «Романтика мерзости» (05.05.2023).

⁴⁶ Багдасарян В. «Ельцин-центр». Экспертная оценка деятельности в фокусе угроз национальной безопасности России // Официальный сайт Изборского клуба. 27.03.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/24093>

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Минюст начал «глубокую» проверку Ельцин-центра на признание иноагентом // РБК. 15.06.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/06/2023/648ac8449a79478cf5738169>

⁴⁹ Сорокин Н. Влажные американские мечты и провалившийся «контрнаступ» // Завтра. 20.06.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/triedinstvo_russkoj_istorii

Эксперты о лоббировании идеи «Приватизация 2.0.»

«Крепко спаянная группировка богатеев-силибов выступает ударной лоббистской силой. За ней маячит значительная часть наших элит, мечтающая разграбить недограбленное под соусом „качественного прорыва“, который якобы „даст толчок развитию в различных сферах“ и „позволит гибко решать сложные задачи, стоящие сегодня перед российской промышленностью“».

11 апреля в колонке для РБК influentialный банкир А. Костин (президент – председатель правления ВТБ, член бюро правления Российского союза промышленников и предпринимателей, член Высшего совета партии «Единая Россия», глава попечительских советов Большого театра и Федерации спортивной гимнастики России, полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» и кавалер французского ордена «За заслуги») призвал **«перезапустить приватизацию»**. По его словам, «за последние годы частный сектор в России серьёзно содал свои позиции», это очень плохо, и значит, «сегодня – время действовать». Костин убеждён в необходимости «возобновить приватизационную программу», ибо «передача госсобственности в частные руки <...> – инструмент, уже неоднократно доказавший свою эффективность»...

Первые активы – кандидаты на приватизацию – **Объединённая судостроительная корпорация, доли в РЖД, «Транснефти», «Почте России», некоторые компании, входящие в структуры «Росатома», «Ростеха», «Ростелекома»**.

Заместитель руководителя Администрации Президента РФ – пресс-секретарь Президента РФ **Дмитрий Песков... назвал эту точку зрения «интересной», а позже добавил, что «действительно, в экономическом блоке правительства многие поддерживают идею приватизации»⁵⁰**.

Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей (бизнес-омбудсмен) и лидер праволиберальной Партии роста **Б. Титов назвал идею новой приватизации «правильной»**.

Заместитель министра финансов РФ А. Моисеев на XI Петербургском международном юридическом форуме заявил, что **«на самом деле никто не против...», большая приватизация должна состояться, но надо понять, кому продавать»**.

12 мая в интервью «Радио 1» предложение о новой масштабной приватизации целиком поддержал **экс-председатель наблюдательного совета Банка ВТБ Сергей Дубинин⁵¹**.

14 июня в интервью РБК председатель Сбербанка Г. Греф высказался о том, что **«продажа каких-то кусков государственной собственности «вполне может быть рассмотрена»⁵²**.

15 июня на Петербургском экономическом форуме глава Центробанка Э. Набуллина отметила: **«Я считаю, что, конечно, нужно приватизировать, и у нас есть, что приватизировать, без ущерба стратегическим интересам»⁵³**.

Её поддержал помощник президента М. Орешкин, заявивший, что **поддерживает идею приватизации, но не масштабной, а приватизации неэффективно используемых предприятий с выгодой для государства⁵⁴**.

⁵⁰ Песков оценил идею Набуллиной ввести в РФ политику приватизации // Аргументы и факты. 15.06.2023. URL: https://aif.ru/money/economy/peskov_ocenil_ideyu_nabullinoy_vvesti_v_rf_politiku_privatizacii?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

⁵¹ Иванов А. Глава СКР: «Давайте пойдем по пути национализации» // Завтра. 14.05.2023. URL: https://zavtra.ru/events/glava_skr_davajte_pojdym_po_puti_nacionalizacii_otvet_silovikov_gazdunarshimsya_privatizatoram

⁵² Герман Греф – РБК: «Пришлось научиться планировать и жить вкороткую» // РБК. 14.06.2023. URL: https://www.rbc.ru/economics/14/06/2023/648050839a79477ce585f6318?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

⁵³ Плановая экономика и новая приватизация. Главное из выступления Набуллиной на ПМЭФ-2023 // Газета. Ру. 15.06.2023. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2023/06/15/17139644.shtml?ysclid=liwzuka57403337296>

⁵⁴ <https://vz.ru/news/2023/6/15/1216692.html>

Представленные факты подтверждают экспертное мнение о том, что значительная часть российской элиты сегодня фактически является «антинациональной»⁵⁵. При этом рассчитывать на то, что часть элиты, которая присягнула на верность Западу, как-то вдруг поменяется сама собой, не приходится, а «революция сверху» в условиях ведения СВО нецелесообразна, поскольку в такой ситуации «управленческий аппарат можно только разрушить, а полностью разрушить госаппарат – это значит разрушить государство»⁵⁶.

«...террористическое государство Украина мы не можем признать террористическим государством,... потому что тогда бюрократия отечественной сборки не сможет проводить свою политику «здесь воюем – здесь торгуем»... возникает твердое ощущение, что критически значимая часть российской власти до сих пор рассматривает события после фашистского переворота на Украине, да и все президентство Владимира Владимировича Путина, как некое недоразумение, которое надо просто переждать, чтобы все вернулось на круги своя – в благословенные для них и кровавые для всех остальных 90-е годы, когда Россия была колонией не только экономически, как сейчас, но и политически-административно...»⁵⁷

В связи с этим пессимистические взгляды ряда экспертов по поводу обновления системы управления и страны в целом (а значит, и по поводу успешного выхода страны из сложившегося противостояния с коллективным

Западом) выглядят вполне понятными и обоснованными.

«В настоящее время эксперты не видят в российской „элите“ ни одной значимой группы, которая бы предложила стране адекватную программу преобразований и была бы всерьез нацелена на её реализацию... Говоря политологическим языком, **объективные предпосылки для позитивных перемен в нынешней России отсутствуют**»⁵⁸.

Но следует отметить и тот факт, что после начала СВО Президентом и Правительством фактически ежедневно в оперативном режиме принимаются управленческие решения, направленные на ограничение возможностей «партии отложенного поражения».

✓ Это, в частности, касается **национализации имущества олигархов и активов недружественных стран** – темы, которая до 24 февраля 2022 г. была фактически табуирована, а сегодня всё чаще фигурирует не только в публичном пространстве (причем среди чиновников самого высокого уровня), но и имеет реальные прецеденты.

✓ Это также касается малозаметных для простых граждан, но имеющих важное политическое значение мер, предпринятых Правительством М. Мишустина (во исполнение указа Президента) по деофшоризации российской экономики – **с 30 мая финансовую господдержку не смогут получать компании, имеющие офшоры среди своих выгодоприобретателей.**

⁵⁵ Новости Рамблер (мнение дипломата Я. Кедми). 11.08.2019. URL: <https://news.rambler.ru/other/42643777-yakov-kedmi-zayavil-chto-rossiyskaya-elita-stoit-na-kolenyah-pered-zapadom-i-perekachivaet-tuda-prirodnye-resursy/>

⁵⁶ Аверьянов В. Запрос на комиссаров // Официальный сайт Изборского клуба. 25.05.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/24349>

⁵⁷ Делягин М. Парадокс России: свободными людьми правят рабы Запада // Официальный сайт М. Делягина. 20.06.2023. URL: <https://delyagin.ru/articles/1-mirovoy-krizis/109807-paradoks-rossii-svobodnymi-ljud-mi-pravjat-raby-zapada>

⁵⁸ Лепехин В. (2023). О нетрансформируемой элите и «жареном петухе» // Изборский клуб. № 4 (112). С. 18–23.

«Тема национализации была табуирована до 24 февраля прошлого года, когда началась специальная военная операция (СВО) на Украине, а за ней последовала мощная санкционная война коллективного Запада против России. Вот тогда из уст многих политиков и общественных деятелей зазвучали призывы к национализации»⁵⁹.

30 июня 2022 г. президент РФ подписал указ «О применении специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций». **Он предусматривал национализацию компании «Сахалин энерджи инвестмент компани, лтд.», действующей в рамках всем известного проекта «Сахалин-2».**

Позднее возник еще один прецедент – **национализация различных объектов движимого и недвижимого имущества украинских олигархов в Крыму по решению Госсовета Крыма...**

В ноябре 2022 г. депутаты Госдумы от «Справедливой России» сообщили **о подготовке законопроектов о национализации активов иностранных юридических и физических лиц.**

13 мая на Петербургском международном юридическом форуме председатель Следственного комитета России А. Бастрыкин предложил **национализировать основные отрасли экономики страны. Это первый случай, когда чиновник столь высокого ранга высказался по вопросу национализации, причем однозначно «за»⁶⁰.**

«Госдума весьма разумно запретила предоставлять государственную поддержку во всех видах офшорным компаниям. Однако офшорный бизнес попросту не обратил на это внимания, добившись через послушную «партию большинства» элегантно формулировки, по которой господдержку нельзя было предоставлять лишь офшорной компании напрямую.

Если же офшор вёл дела в России через отечественную «прокладку» (вроде всех розничных продовольственных сетей, кроме околосударственного «Магнита»), все ограничения не то что снимались, а даже не подразумевались: «вы что, как вы смеете подозревать добросовестных олигарх... предпринимателей, это же безусловно российская компания!»

Правительство Мишустина прекратило это бюрократическое антироссийское извращение, введя малозначимое на первый взгляд, формально редакционное уточнение, — благодаря которому уже с 30 мая финансовую господдержку не смогут получать компании, имеющие офшоры среди своих выгодоприобретателей (каким бы количеством «прокладок» эти офшоры не были бы прикрыты)»⁶¹.

⁵⁹ Лепехин В. (2023). С О нетрансформируемой элите и «жареном петухе» // Изборский клуб. № 4 (112). С. 18–23.

⁶⁰ Катасонов В. Наконец, мы услышали слово «национализация» от высокопоставленного государственного чиновника // Завтра. 19.05.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/nakonetc_mi_uslishali_slovo_natcionalizatciya_ot_visokopostavlennogo_gosudarstvennogo_chinovnika

⁶¹ Делягин М. Важный шаг на пути деофшоризации // Завтра. 07.05.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/pravitelstvo_mishustina_sdelalo_vazhnyj_shag_na_puti_deofshorizacii

29 мая Указом Президента⁶² был образован президиум коллегии Военно-промышленной комиссии, в состав которого вошли полпреды президента в федеральных округах. Как отмечают эксперты, Президент таким образом «целенаправленно вовлекает» своих полномочных представителей «в реалии военной политической повестки, скрыто, делая акценты на более активной публичной позиции полпредов через ВПК»⁶³.

системы государственного управления тех представителей властвующих элит, которые всё ещё остаются в либеральном прошлом, не хотят или не могут перестроиться на национально ориентированную повестку, заданную началом СВО. И, что очень важно, эта работа ведётся кропотливо, без паники и без каких-либо революционных потрясений как для системы государственного управления, так и для общества в целом.

Согласно указу, полномочные представители Президента должны обеспечивать координацию деятельности госорганов разных уровней «по решению задач, связанных с реализацией инвестиционных проектов по обеспечению производства образцов вооружения, военной, специальной техники, вещевого имущества и экипировки, оказанием содействия организациям оборонно-промышленного комплекса в привлечении трудовых ресурсов и повышением уровня социальных гарантий работников таких организаций»⁶⁴.

Ситуация на фронте «определяет общественно-политические процессы, диктует необходимость отказа от любых либерально-коллораборационистских исторических и историософских концепций и, кроме того, указывает на неотложную необходимость проведения в жизнь давно назревших кадровых решений»⁶⁵.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что Президент и Правительство активно принимают меры не только по организации жизни страны в ходе СВО (*вкладка 3*), но и целенаправленно создают условия для ограничения возможностей влияния на работу

Возможность решать текущие внутренние задачи именно так, с минимизацией рисков для государства, даёт российская армия, которая продолжает держать под контролем ситуацию на линии фронта, предоставляя, таким образом, время для решения внутренних вопросов, для внутренней мобилизации страны: не только военно-промышленного комплекса, но и системы государственного управления, экономики, культурной сферы, общества в целом...

⁶² О некоторых вопросах деятельности Военно-промышленной комиссии Российской Федерации и полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах: Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2023 № 390.

⁶³ Путин включил полпреда УрФО Якушева в президиум для контроля ВПК (мнение политолога И. Ананьева) // Информационное агентство Ura.ru. 29.05.2023. URL: <https://ura.news/news/1052653535>

⁶⁴ О некоторых вопросах деятельности Военно-промышленной комиссии Российской Федерации и полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах: Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2023 № 390.

⁶⁵ Сорокин Н. Влажные американские мечты и провалившийся «контрнаступ» // Завтра. 20.06.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/triedinstvo_russkoj_istorii

Мониторинг ключевых решений, принятых Президентом РФ (19 апреля – 20 июня 2023 г.)⁶⁶

25 апреля – Указ «О временном управлении некоторым имуществом». Согласно документу, если какая-либо недружественная страна лишает наше государство, компанию или гражданина собственности, а также совершает действия против национальной, экономической или энергетической безопасности России, то наша страна берёт на себя управление бизнесом или движимым имуществом, а также ценными бумагами таких недружественных стран. Как отметили некоторые эксперты, «наша страна наконец-то реализовала свою угрозу ответить на экспроприацию недружественными странами наших активов за рубежом: последовал долгожданный указ главы государства и зеркальный арест иностранной собственности»⁶⁷.

28 апреля – Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 3.5 и 14.552 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». Устанавливается административная ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора, заключённого в целях выполнения государственного оборонного заказа. В отношении юридических лиц устанавливается административный штраф в размере от 3 до 5 миллионов рублей.

28 апреля – Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Закон направлен на усиление уголовной ответственности за террористическую, диверсионную деятельность и государственную измену, а также на совершенствование деятельности по противодействию указанным видам преступлений. Устанавливается пожизненное лишение свободы за совершение особо тяжких преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, а также за госизмену. Увеличен срок лишения свободы за террористический акт (ранее – от 10 до 15 лет; теперь – от 10 до 20 лет). Также усиливается наказание за содействие террористической деятельности, участие в террористическом сообществе, диверсию, нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, акт международного терроризма.

⁶⁶ Данная вкладка представляет собой продолжение мониторинга управленческих решений органов власти, который мы ведем с июня 2022 г.

Все выпуски мониторинга представлены в статьях:

1. Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудная дорога после рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 9–41.
2. Ильин В.А., Морев М.В. (2022). На пути к преодолению внутреннего рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 9–31.
3. Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 9–32.
4. Ильин В.А., Морев М.В. (2022). В стране формируются контуры нового Общественного договора // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 9–34.
5. Ильин В.А., Морев М.В. (2023). «Перестать валять дурака» – требование Президента к чиновникам всех уровней // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 9–34.
6. Ильин В.А., Морев М.В. (2023). Непривычная ясность. Россия больше не Запад // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 2. С. 9–34.

⁶⁷ Россия начала отнимать у Запада его активы на своей территории // Информационный сайт Metro. 26.04.2023. URL: <https://www.gazetametro.ru/articles/gossija-nachala-otnimat-u-zapada-ego-aktivy-na-svoej-territorii-26-04-2023>

<p>10 мая – Указ «О порядке въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации граждан Грузии». Указ отменяет визовый режим для граждан Грузии.</p>
<p>15 мая – Указ «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2022 г. № 690 „О приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке иностранных граждан и лиц без гражданства, заключивших контракты о прохождении военной службы”». Данный Указ упрощает порядок приёма в российское гражданство иностранцев, заключивших контракты о прохождении военной службы в Вооружённых Силах РФ.</p>
<p>29 мая – Федеральный закон «О денонсации Российской Федерацией Договора об обычных вооружённых силах в Европе». Принято решение о выходе России из договора об обычных вооружённых силах в Европе, который был подписан в Париже 19 ноября 1990 года и ограничивал в вооружённых силах государств – участников двух военно-политических союзов: Организации Варшавского Договора и Организации Североатлантического договора количество обычных вооружений и техники (боевые танки, боевые бронированные машины, артиллерия, ударные вертолёты, боевые самолёты).</p>
<p>Комментируя суть данного решения Президента, некоторые эксперты отметили: «Многие страны, которые начали входить в НАТО, не ратифицировали договор, в том числе США, Литва, Латвия, Эстония. Россия была поставлена в невыгодное положение, когда российские квоты можно было бы проконтролировать странами, входящими в этот договор, а РФ это делать не могла. Получалось так, что они имели возможность проверять, а мы нет, потому что те страны не ратифицировали договор»⁶⁸. По мнению эксперта Ассоциации военных политологов А. Кошкина, денонсируя договор об обычных вооружённых силах в Европе, Россия «скидывает мертвый груз»; «денонсация должна навести порядок в международном праве, сбалансировать, что необходимо, и убрать то, что не работает»⁷⁰.</p>
<p>29 мая – Федеральный закон «О внесении изменений в статью 333 части второй Налогового кодекса Российской Федерации». Участники СВО освобождены от уплаты госпошлины за выдачу паспорта гражданина РФ и национального водительского удостоверения взамен утраченных или пришедших в негодность.</p>
<p>29 мая – Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2023 № 390 «О некоторых вопросах деятельности Военно-промышленной комиссии Российской Федерации и полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах». Образован президиум коллегии Военно-промышленной комиссии Российской Федерации. На него возлагаются «полномочия по принятию оперативных решений, направленных на обеспечение реализации задач и функций, отнесенных к ведению коллегии Военно-промышленной комиссии Российской Федерации». В состав президиума включены полномочные представители Президента в федеральных округах Российской Федерации.</p>

⁶⁸ Россия выходит из Договора об обычных вооружениях в Европе: что это значит (мнение военного эксперта В. Литовкина). URL: <https://news.ru/russia/gossiya-vyhodit-iz-dogovora-ob-obychnyh-vooruzheniyah-v-evrope-cto-eto-znachit/?ysclid=ij4cev3vxtu3627183330>

⁶⁹ Федеральное агентство новостей. 10.05.2023. URL: https://riafan.ru/24041620_skidivaem_mertvii_gruz_politolog_koshkin_o_denonsatsii_dogovora_ob_obichnih_voорuzhennih_silah_v_evrope?ysclid=ij4centqf885616698

⁷⁰ Политолог Кошкин заявил, что расторжение ДОВСЕ наведет порядок в международном праве. URL: <https://tvrvezda.ru/news/20235101322-Ebod2.html>

Окончание вкладки 8

<p>13 июня – Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Согласно документу, нормы некоторых законодательных актов о социальных гарантиях для военнослужащих распространены на граждан, участвующих в СВО в составе добровольческих формирований. Это касается гарантий медико-психологической реабилитации, предоставления по заключению военно-врачебной комиссии бесплатных путевок, а также погребения умерших (погибших). Кроме того, участники СВО, члены их семей освобождаются от начисления пеней в случае несвоевременного и (или) неполного внесения ими платы за жилое помещение и коммунальные услуги, взноса на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме.</p>
<p>6 июня – Распоряжение Президента РФ № 174-рп от 06.06.2023 «О дополнительных мерах социальной поддержки военнослужащих, лиц, заключивших контракт о пребывании в добровольческом формировании, содействующем выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членов их семей». Предусматриваются новые меры поддержки участников СВО. В частности, бесплатные земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, во всех субъектах РФ, кроме Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (этим субъектам рекомендовано принять нормативные правовые акты, предусматривающие предоставление иных мер социальной поддержки).</p>
<p>13 июня – Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию“». Закон предусматривает передачу загранпаспорта на хранение в выдавший его орган для тех, кому ограничен выезд из страны в связи с призывом на военную или на альтернативную гражданскую службу. По такой же схеме предусматривается передача на хранение паспорта уволенных с военной службы в органах ФСБ на срок до пяти лет со дня увольнения.</p> <p>Недействительным может быть признан служебный или дипломатический паспорт, который не будет возвращен без уважительной причины в течение пяти рабочих дней после завершения служебной командировки. Также основаниями для признания паспорта недействительным станут прекращение гражданства владельца паспорта, отмена решения о приобретении гражданства, а также установление по результатам проверки факта отсутствия гражданства РФ.</p>
<p>13 июня – Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Установлена административная ответственность за массовое распространение экстремистских материалов либо за их производство или хранение в целях массового распространения.</p>
<p>13 июня – Федеральный закон «О внесении изменений в статью 20 Федерального закона „О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации“». В перечень категорий граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи, включены участники СВО. Также расширен перечень случаев оказания бесплатной юридической помощи.</p>
<p>13 июня – Федеральный закон «О внесении изменений в статью 11 Федерального закона „О днях воинской славы и памятных датах России“». Установлена новая памятная дата: 21 ноября – День Военной присяги (выдержка из справки государственно-правового управления: «Установление новой памятной даты будет способствовать патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации и формированию уважительного отношения к защитникам Отечества»).</p>

По сути, от ситуации на линии фронта и от успешности достижения целей СВО зависят сегодня условия и тот временной период, за который страна должна **«перезапустить, переналадить, а если потребуется, то и заменить уже неработающие регуляторы такими, которые отвечают требованиям современности»**⁷¹.

Но такой «перезапуск регуляторов» общественной жизни (особенно в сегодняшних почти военных условиях) может быть осуществлен только сильным реформатором, а это означает,

«СМЕРШ не просто нужен, он был нужен позавчера. А сегодня нужен работающий СМЕРШ. Сегодня СМЕРШ должен бы был действовать на всей территории России и иметь особые полномочия на территориях, которые примыкают к зоне боевых действий, и тех, которые недавно вошли в наш состав. СМЕРШ – это то, без чего мы не сможем нормально воевать... у нас есть ФСБ, есть органы военной контрразведки. Но СМЕРШ – это организация, которая имеет особые полномочия. Если СМЕРШ говорит, что нужно на месяц из этой полосы выселить 20 тысяч человек, то это решение должно быть выполнено. Если надо отключить всю связь, то ее просто берут и отключают одним щелчком. Если это нужно, то это делается. Потому что это фронт и от этого зависит жизнь. Всем этим должен заниматься СМЕРШ, который должен иметь на это права»⁷².

что впереди Президенту предстоит еще не раз проявить политическую волю и принять еще не одно сложное решение.

В частности, многие эксперты (вполне небезосновательно, учитывая и теракты, происходящие на территории России, и значимость развития событий на линии фронта) активно выступают за воссоздание СМЕРШа – организации с особыми полномочиями, продиктованными фактически военным временем и беспрецедентным характером угроз национальной безопасности.

При этом необходимо отметить, что подобные предложения об усилении разведывательных и контртеррористических мер и в целом о создании в стране более жестких условий с целью обеспечения национальной безопасности поддерживают не только многие специалисты, но и широкие слои населения. Так, результаты социологического опроса, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в мае – июне 2023 г., показали, что **от 50 до 60% людей** поддерживают предложения, с которыми выступили эксперты Изборского клуба⁷³ – о введении военного положения на территории новых субъектов РФ и режима контртеррористической операции в остальных регионах России, об отмене моратория на смертную казнь, о наделении особыми полномочиями подразделений Национальной гвардии и Военной полиции и т. д.⁷⁴ (табл. 3). Идею о воссоздании СМЕРШа, в частности, поддержало более половины опрошенного населения в большинстве (в 11 из 14) основных социально-демографических групп (табл. 4).

⁷¹ Сорокин Н. Влажные американские мечты и провалившийся «контрнаступ» // Завтра. 20.06.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/triedinstvo_russkoj_istorii

⁷² Эксперт разъяснил главные отличия СМЕРШ от других спецслужб (мнение военного аналитика В. Шурыгина) // Военное дело. 13.06.2023. URL: <https://voennoedelo.com/posts/id45569-ekspert-razjasnil-glavnye-otlichija-smersh-ot-drugih-spetssluzhb>

⁷³ Изборский клуб – клуб экспертов, созданный в сентябре 2012 г. в городе Изборск Псковской области. Как отмечено на официальном сайте Изборского клуба, к одной из своих главных задач он относит «создание и представление власти и обществу России аналитических докладов, направленных на формирование обновленной патриотически ориентированной государственной политики во всех сферах национальной жизни». Постоянными членами Изборского клуба являются, например, А. Проханов, С. Глазьев, М. Делягин, В. Аверьянов, А. Дугин, А. Фурсов, В. Овчинский и др.

⁷⁴ Заявление Изборского клуба от 6 мая 2023 г. // Официальный сайт Изборского клуба. URL: <https://izborsk-club.ru/24286>

Таблица 3. Отношение населения к мерам по усилению комплекса оперативно-розыскных, разведывательных и контрразведывательных мероприятий, % от числа опрошенных*

Вариант ответа	Полностью и в основном поддерживаю	Полностью и в основном не поддерживаю
Введение режима военного положения на новых российских территориях (Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Херсонская и Запорожская области), а также на территориях, подвергающихся обстрелу со стороны вооруженных сил Украины	63,3	11,9
Введение режима контртеррористической операции на всей территории Российской Федерации, кроме регионов, в которых установлен режим военного положения	58,0	13,6
Разрыв дипломатических отношений с любыми странами, организующими нападения на российские посольства	57,9	14,5
В Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» внести раздел об особенностях осуществления оперативно-розыскных мероприятий в зоне боевых действий в период работы в условиях режима военного положения, чрезвычайного положения, контртеррористических операций. Оперативно-розыскные мероприятия должны в этих условиях осуществляться без судебных решений	56,3	13,6
В зоне боевых действий и прифронтовых регионах создать комплексные оперативно-разведывательные подразделения (отделы, группы) из представителей различных субъектов оперативно-розыскной деятельности по типу СМЕРШа	55,6	13,9
Создать оперативно-розыскные подразделения в Военной полиции, которая осуществляет, в том числе функции защиты военных объектов	55,5	13,1
Внесение изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы и в законодательство о судопроизводстве с целью создания военных трибуналов	53,2	14,9
Сделать субъектом оперативно-розыскной деятельности ряд подразделений Национальной гвардии России – подразделения военной разведки и специальные отряды быстрого реагирования	52,8	15,1
Проведение заочных судебных процессов над организаторами диверсий с вынесением заочных приговоров о смертной казни и исполнением этих приговоров на территории врага	51,7	16,4
Отмена моратория на смертную казнь (прежде всего за любые убийства вследствие терактов и диверсий)	51,1	19,3
<p>Источник: данные ФГБУН ВолНЦ РАН.</p> <p>* Опрос проведен в мае – июне 2023 г. на территории Вологодской области. Опрошено 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце; в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском муниципальных округах и Кирилловском, Никольском и Шекснинском муниципальных районах области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.</p> <p>Ранжировано по убыванию доли тех, кто «поддерживает». Формулировка вопроса: «В мае 2023 г. члены Изборского клуба выступили с заявлением о необходимости принятия на государственном уровне ряда мер по усилению комплекса оперативно-розыскных, разведывательных и контрразведывательных мероприятий для предотвращения диверсий и террористических актов. Скажите, пожалуйста, Вы поддерживаете предлагаемые меры или нет?» (доля людей, «затруднившихся ответить» по каждому из предложенных вариантов ответа, составила 25–30%).</p>		

Таблица 4. Поддерживаете ли Вы создание в зоне боевых действий и прифронтовых регионах комплексных оперативно-разведывательных подразделений (отделов, групп) из представителей различных субъектов оперативно-розыскной деятельности по типу СМЕРШа?, % от числа опрошенных

Характеристика	Поддерживаю	Не поддерживаю
Пол		
Мужской	58,5	13,1
Женский	53,3	14,6
Возраст		
До 30 лет	48,6	8,4
30–55 лет	55,6	14,5
Старше 55 лет	58,1	15,2
Образование		
Среднее и н/среднее	57,2	8,9
Среднее специальное	53,9	16,1
Высшее и н/высшее	55,5	17,4
Доходные группы		
20% наименее обеспеченных	49,6	11,0
60% средне-обеспеченных	56,1	12,5
20% наиболее обеспеченных	62,9	20,6
Территории		
Вологда	44,0	22,4
Череповец	64,0	14,3
Районы	57,4	8,9
Область	55,6	13,9
Источник: данные ФГБУН ВолНЦ РАН. Опрос проведен на территории Вологодской области в мае – июне 2023 г.		

Таким образом, на целесообразность предметного обсуждения мер по усилению комплекса оперативно-розыскных, разведывательных и контрразведывательных мер оприятий «наталкивают» не только активные действия врага, но и значительное количество наших собственных

внутренних проблем. В том числе те, которые обсуждались 13 июня на встрече Президента РФ с военкорами и которые, по сути, приходится сегодня решать в «авральном» режиме, под давлением внешних и внутренних, фактически неконтролируемых обстоятельств.

Сегодняшнее время пока еще с оговорками называют военным, но его совершенно точно нельзя назвать мирным, и это требует соответствующих изменений в сознании и поведении всех слоев российского общества, включая (а точнее, прежде всего) его «элитарные» группы: **страна должна чутко реагировать на вызовы времени, а элита – быть в единстве с Верховным главнокомандующим, иначе государству не избежать полномасштабной катастрофы.**

«Игнорирование связей между состоянием общественной жизни и состоянием права — это проявление чудовищной близорукости...

Если страна не готова к чуткому реагированию на вызовы времени...

Если элита сопротивляется политическому лидеру, уловившему эти вызовы и преисполненному желанием построить новый тип отношений между элитой и народом...

Если интеллигенция способна только дискредитировать все, что исходит от лидера, и в решающий момент оказывается не в состоянии решить назревшие задачи ни реформистским, ни революционным путем...

Как, скажите, при наличии всех этих губительных „если” избежать полномасштабной государственной катастрофы? И на ком лежит ответственность за нее?...

Только сильный реформатор, ограничив произвол власти, может предотвратить взрыв и „дать вздохнуть тем здоровым элементам, которые таятся в недрах русской земли”»⁷⁵.

⁷⁵ Зорькин В. Реформатор — элита — народ // Российская газета. 14.05.2023. URL: <https://rg.ru/2023/05/12/put-prava-v-rossii.html>

* * *

От авторов: данная статья подготавливалась до попытки вооруженного мятежа, организованной Е. Пригожиным 24 июня 2023 г. Анализ этого события ещё впереди; какие-либо выводы можно будет сделать только после его оценки со стороны Президента, законодательных органов власти, общества в целом.

Поэтому здесь мы приводим мнение трех экспертов, которые, на наш взгляд, наиболее объективно и точно отразили суть и значение событий, произошедших 24 июня 2023 г.: военного и политического деятеля Донецкой Народной Республики А.С. Ходаковского, российского политолога, философа, активного общественного деятеля А.Г. Дугина и публициста В.П. Семенко.

Ходаковский А.С.: «Мы молили Бога, чтобы враг не воспользовался ситуацией и не бросил в бой все ресурсы – шансов бы почти не было. **Нам и так приходится нелегко, но вчера всё зависло на очень тонкой ниточке.** И те, кто понимал, что оказалось на кону и как близко мы подошли к поражению, никогда не поймут тех, кто кричал вагнеровцам славу, радуясь, что кто-то бросил вызов власти... **Те, кто держат фронт, получили удар в спину.** Те, чья жизнь зависит от того, удержат ли фронт – пережили вчера самые чёрные часы, несмотря на то, что и так каждый день эти люди под воздействием войны. **Миллионы людей испытали вчера ужас от мысли, что все, что они вынесли за прошедшие годы, будет перечеркнуто в один день»⁷⁶.**

Дугин А.Г.: «Тут только одно системное решение: незамедлительная и настоящая патриотическая идеологизация правящего класса и ротация элит. Только от идеологизированной элиты можно требовать героизма и адекватного поведения в чрезвычайной ситуации. От такой, как сейчас, это бесполезно. Нам нужна суверенная элита. Иначе всё повторится. **Слабые стороны нашей системы вчера предстали во всей красе.** Но также мы увидели и волю Путина, и настоящую дружбу Лукашенко, и полноценную и бескомпромиссную поддержку именно нашего Президента со стороны всех настоящих патриотов»⁷⁷.

Семенко В.П.: «То, что надвигавшуюся на Россию большую беду в последний момент удалось предотвратить в фирменном путинском стиле мирными средствами, бесспорно, весьма отраднo... **Однако блестящее „разруливание“ (в очередной раз) острой ситуативной проблемы не отменяет пороков самой системы, сделавшей возможным данный мятеж. Ибо в ней, не побоимся тавтологии, коррупция носит системный характер, заменяя для действующих элит идеалы и ценности.** Других стимулов к работе, кроме „распила“, для многих чиновников просто не существует. Пригожинский эксцесс свидетельствует о том, что „разруливать“ становится всё труднее. Олигархи, особенно обладающие силовым ресурсом, начинают выходить из-под контроля. Пора переходить к ротации элит, другого выхода нет»⁷⁸.

⁷⁶ Официальный телеграм-канал А. Ходаковского. 25.06.2023. URL: https://t.me/aleksandr_skif/2747

⁷⁷ Официальный телеграм-канал А. Дугина. 25.06.2023. URL: <https://t.me/Agdchan/10753>

⁷⁸ Семенко В.П. Пожар идет по плану // Завтра. 26.06.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/pozhar_idet_po_planu

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

Evolving Threats to National Security

Abstract. June 13, 2023, the President of the Russian Federation held a meeting with war correspondents, at which the following most pressing issues were discussed: the situation on the front line, the state of the Russian military-industrial complex, the effectiveness of personnel “elevators” of the public administration system and many others. The head of state’s public assessment of key aspects of the situation in the country was, among other things, “psychotherapeutic”, which was due to the increase in threats to national security, primarily military and even terrorist: the attack of drones on residential areas of Moscow on May 30, 2023, the beginning of counteroffensive on June 4 by the Armed Forces of Ukraine, the explosion of the dam at the Kakhovka hydroelectric power plant on the night of June 5 to 6, etc. In the course of communication with war correspondents, the President had more than once to admit mistakes and shortcomings in the system of public administration that have accumulated over the past 30 years, primarily due to the presence of a significant part of the elites who are guided by private rather than national interests. Today, work on correcting these mistakes is already underway in forced, extreme conditions caused by the nature of the actual wartime. But in order for this process to be effective, so that it gives a real result, it is necessary, as many experts note, to comply with a number of conditions: the political will of the head of state; the unity of society, elites and the President around the nationally oriented agenda of a special military operation; people’s awareness of the scale of threats to national security. The article analyzes the key events of recent months (May – June 2023). As an information base, we refer to the assessments of the expert community, official reports of the Ministry of Defense of the Russian Federation, decrees of the President of the Russian Federation, the results of all-Russian and regional sociological surveys, etc.

Key words: special military operation, President of the Russian Federation, threats to national security, public administration system, society, elites.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

Общественный договор: исторические и современные реалии в советском/российском обществе

Жан Терентьевич

ТОЩЕНКО

Российский государственный гуманитарный университет

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: zhantosch@mail.ru

Аннотация. В статье дан анализ мало используемого в настоящее время понятия общественный договор. С этой целью осуществлен краткий исторический экскурс: оценен вклад мыслителей Эпохи Просвещения, которые первыми обосновали предложение рассматривать взаимоотношения государства и народа через призму достижения согласия по устройству публичной и частной жизни, назвав это социальным контрактом — общественным договором. После некоторого перерыва интерес к этому феномену возродился в XX веке. Более подробно рассмотрено понимание сути и содержания общественного договора зарубежными и российскими исследователями. На этой основе сделан вывод о том, что общественный договор представляет собой самостоятельный научный и социальный феномен, который олицетворяет различные формы социального согласия между народом и государством, при учете, что они носят не только открытый, но и латентный характер, отражая глубинные процессы, происходящие в общественном сознании. В статье определяются критерии, присущие общественному договору: цели, средства их достижения, идеологическое обеспечение, эффективность обратной связи и участия народа в управлении делами общества и государства. Дается сравнительный анализ процесса его функционирования в советском и современном российском обществе и делаются выводы о проблемах его реализации на различных этапах исторического развития. Особо отмечается, что общественный договор имеет как явные, так и латентные характеристики, которые через анализ состоя-

Для цитирования: Тощенко Ж.Т. (2023). Общественный договор: исторические и современные реалии в советском/российском обществе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 39–53. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.2

For citation: Toshchenko Zh.T. (2023). Social contract: Historical and contemporary realities in Soviet/Russian society. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(3), 39–53. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.2

ния, тенденций и проблем общественного развития позволяют говорить о степени его эффективности и действенности в деле сохранения и укрепления государства.

Ключевые слова: общественный договор, государство, общество, народ, общественное сознание, согласие, доверие, СССР, Россия.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РНФ № 23-18-00093.

Постановка проблемы

Общей тенденцией для всех без исключения государств является организация политической властью взаимодействия с народом, поиск способов существования правящего класса, убеждение людей в надежности принимаемых управленческих решений, привлечение их к активному участию в реализации сформулированных проектов и/или программ развития.

С этой целью государством принимаются декларации, законы, постановления, указы и другие директивные документы. Вершиной этих намерений и устремлений выступает Конституция страны, где отражаются принципиальные положения, на основании которых строится жизнь общества во всех ее аспектах.

В реальности процесс развития и функционирования государства воплощается в регулировании (проектировании или планировании) процессов, происходящих в экономической, социальной, политической и духовно-культурной сферах общества. Иначе говоря, принимаются решения, которые в большинстве случаев направлены на достижение сформулированных целей в самых различных вариантах: в экономике — регулирующие рынок и отдельные его компоненты; в социальной сфере — обеспечивающие сбалансированное состояние социальной структуры, в политической сфере — поддержка политических целей и отсутствие социальной напряженности, в духовно-культурной — создание мировоззренческого единства, реализация нравственной сплоченности.

При всей важности таких направлений в жизни государства и общества не всегда существует и реализуется такой феномен, как общественный договор, который позволяет выявить и воплотить глубинные, жизненно важные устремления народа, в результате чего политическая власть в лице государства получает право на свое существование, становясь исторически оправданным явлением.

В соответствии с этими суждениями в статье поставлена цель раскрыть научный и прикладной потенциал общественного договора, обосновать его актуальность и раскрыть его роль в жизни российского государства и общества. Он не является официальным государственным документом — это социальный конструкт, который содержит явные и латентные характеристики. Важность такой постановки вопроса обусловлена и происходящими событиями в жизни страны, вызванными специальной военной операцией и беспрецедентными санкциями, испытывающими крепость не только экономической и военной системы России, но и сплоченность российского народа.

Краткий исторический экскурс

Первые опыты осмысления общественного договора нашли отражение в трудах английских и французских просветителей (Гоббс, 1991; Локк, 1988; Гольбах, 1963; Монтескье, 1955; Руссо, 2000). Хотя ученые по-разному трактовали его суть и содержание, они все обратили внимание на условия устойчивости государства, полагая, что помимо формальных актов строительства политической жизни существует объективная потребность установления определенных правил взаимодействия с народом, обеспечивающих его согласие по поводу текущих и будущих направлений развития государства и общества. Именно в их трудах получило обоснование новое научное и имеющее огромное практическое значение понятие «общество», которое фиксировало необходимость его рассматривать как самостоятельную социальную силу. Именно с XVIII века общество стали олицетворять становящиеся профсоюзы, новые политические партии, различные добровольные объединения. Значимость нового явления — общества — требовалось осмыслить, что нашло отражение в идеях об общественном договоре.

Рассматривая трактовки общественного договора, предложенные мыслителями Эпохи Просвещения, можно утверждать, что они считали общественный договор порождением разумной воли народа, человеческим учреждением или даже изобретением (результатом) творческих поисков, в том числе стихийных. Вместе с тем такая трактовка нередко связывается с представлением о механическом происхождении общественного договора, выступающего как искусственная конструкция сознательной воли людей, согласившихся объединиться ради удовлетворяющего их обеспечения свободы и порядка.

В это же время подобные суждения появились у русских ученых, обративших внимание на возможность договорного согласия государства и власти. Так, А.Н. Радищев (1749–1802) считал, что государство возникает не как результат некоего божественного провидения, а как следствие открытого или молчаливого договора членов общества в целях совместной защиты слабых и угнетенных. В своих рассуждениях он исходил из того, что «соборная народа власть есть власть первоначальная» (Радищев, 1952, с. 10).

Позднее, в XIX веке, идеи общественного договора в определенной степени развивал А. Токвиль (1805–1859). Размышляя о судьбах революции, он писал: «Основная цель хорошего правительства состоит в том, чтобы добиться благосостояния народа, а вовсе не в том, чтобы установить некий порядок среди нищих людей». Он критиковал американские, а затем французские власти за их политику, не учитывавшую интересы всех слоев общества. При этом основу демократии Токвиль видел в традициях пуритан, стоявших у истоков колоний в Новом Свете, поэтому главным преимуществом любого общества он считал равенство возможностей для всех жителей страны (Токвиль, 2008).

После взлета интереса к общественному договору в XVIII веке внимание к этой тематике снизилось, хотя отдельные идеи о построении рационального взаимодействия между народом и властью не только обосновывались, но и по отдельным вопросам даже воплощались в жизнь. Напомним, что в ряде стран Европы, например Германии при Бисмарке, были разработаны и реализованы отдельные законодательные акты о страховании труда.

Однако только в XX веке идеи общественного договора возродились в полном объеме под влиянием рабочего движения, продемонстрировавшего свою силу и показавшего, что без участия народа в решении судеб страны невозможно существование государств. Немалую роль в этом возрождении интереса к общественному договору сыграл опыт Советского Союза, который убедительно доказал возможности реализации общественного прогресса на основе сочетания интересов народа с целями правящей партии большевиков.

Среди вновь сформулированных концепций общественного договора наибольший интерес представляют идеи Дж. Ролза (1921–2002), рассматривающего деятельность индивидов как рационально мыслящих людей в процессе создания и функционирования создаваемого ими государства, построенного на принципах социального благополучия. Согласно этой трактовке, общественные институты, сформированные в результате такого договора, руководствуются необходимостью соблюдения справедливости, а люди, в них включенные, строят свои взаимоотношения на тех условиях, на которые они согласились, будучи равными в социальном и естественном состоянии (Ролз, 1995).

С либеральных позиций идеи Ролза оспорил Р. Нозик (1938–2002). Он защищал необходимость «минимального государства» (государство – «ночной сторож») и критиковал теорию и практику «социального государства» за насилие над индивидами (Нозик, 2008).

Оригинален вклад в разработку проблем общественного договора Дж. Бьюкенена (1911–2013) и О.Т. Богомолова (1927–2015). По мнению Бьюкенена, все люди, независимо от того, являются ли они частными лицами или общественными деятелями, принимают решения и действуют исходя из рационального преследования личной выгоды. Если личные интересы противоречат интересам общества, человек обычно отдает приоритет личным интересам, в результате чего общественный договор может прекратить свое существование¹. В работах отечественного ученого, академика О.Т. Богомолова доказывается, что различные неэкономические силы имеют непосредственное влияние

¹ Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен (1997). М.: Таурус альфа.

на экономическую политику каждой страны. Поэтому общественный договор — это, по сути, такая конструкция государства, в которой прописаны его действия по отношению к гражданам страны (Неэкономические грани..., 2010).

Своеобразно идеи общественного договора трактует М. Олсон (1932—1998). Он предположил, что теоретически люди могут договариваться между собой и без принуждения, но в такой ситуации возникает «проблема безбилетника», когда люди готовы пользоваться общественным благом, но участвовать в его создании зачастую не хотят или всячески от этого уклоняются (Олсон, 2012).

Идеи Олсона в определенной мере разделяет российский экономист А. Аузан, который считает, что в современном мире «складываются два типа социального контракта или общественного договора». Первый — горизонтальный, «когда люди нанимают государство как агентство по производству услуг, обороны и правосудия». В результате, как показывает историческая практика, люди могут обходиться без государства в самых что ни есть государственных делах (охрана, организация новых форм хозяйствования, создание военных образований и даже частных тюрем). Второй тип контракта характеризуется тем, что «никто никого не нанимал», а государство «само распоряжается и создает правила». Это связано с появлением и даже расширением круга авторитарных государств, число которых, по подсчетам Всемирного банка, выросло в конце XX — начале XXI века более чем на 50% и, что особенно важно, они по своей эффективности ничем не уступают «демократическим» государствам (Аузан, 2017). Однако, несмотря на оригинальность этих высказываний, с ними трудно согласиться, так как они сводят взаимодействие народа и власти только к одной, хотя и важнейшей, функции — проблемам защиты от посягательств на права собственности и свободы личности.

Рассматривая эволюцию теоретических концепций, обратим внимание на то, что в практике реализации общественного договора значительное место принадлежит тем группам, которые формулируют его принципы и которые в большинстве случаев ассоциируются с интеллигенцией (согласно российской традиции) или интеллектуалами (согласно западной

традиции), но только в том случае, если они имеют политическую власть или значительное общественное влияние.

Если подвести итог сказанному, то можно утверждать, что *общественный договор как специфический социальный контракт и форма социального согласия между народом и государством характеризует цели, средства их достижения, идеологическое обеспечение, эффективность обратной связи и участия народа в управлении делами общества и государства.*

На наш взгляд, именно общественный договор, его состояние и его проблемы являются одним из важнейших показателей устойчивости государства, каков он на самом деле, каковы его сильные и слабые стороны в существующей реальности.

Остановимся на этом подробнее на примере советской/российской истории.

Реальности и уроки общественного договора в советском и российском исполнении

Базой, регламентирующей государственное устройство, является Конституция страны, в которой формулируются принципиальные основы существования государства и общества. В истории Советского Союза были три варианта Конституции: 1924 г., 1936 г. и 1977 г. (если не говорить об их предшественнице Конституции РСФСР 1918 г.). Стоит заметить, что по всеобщему признанию даже противников советского строя Конституция 1936 г. признавалась как эталон провозглашенных прав и свобод человека, в то время не имеющих аналогов во всем мире.

Современная Россия живет по Конституции РФ, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Конституция обладает высшей юридической силой, закрепляющей основы, полномочия представительных, исполнительных, судебных органов власти и местного самоуправления, права и свободы человека и гражданина.

Поэтому вполне естественно, что общественный договор опирается (или должен опираться) на Конституцию страны. Однако, по данным социологического опроса, проведенного ВЦИОМ в декабре 2017 г., только 61% россиян считали Конституцию Российской Федерации документом, полностью или скорее полностью отвечающим нуждам страны и её народа.

В то же время значительное количество людей считает, что в этом основополагающем документе не в полной мере или с серьезными издержками решены их гражданские и личные проблемы, что они сомневаются в способности государства обеспечить и удовлетворить их потребности и интересы. Значит, налицо расхождение между тем, что государство считает важным и необходимым для своего существования, и тем, как об этой важности и необходимости мыслят люди. Иначе говоря, в реальности существуют разногласия между государством и частью народа. Значит, государству в лице политической власти необходимо не только осмыслить это расхождение, знать о нем, но и его минимизировать, не доводить ситуацию до социальной напряженности, конфликта и даже возможного социального взрыва.

В связи с этим для согласования интересов государства и народа (его основных классов, общностей и групп) существует общественный договор — продукт *осознанного согласования действий двух основных сил — государства в лице политической власти и народа в лице общественных объединений, движений, эффективность и результативность которых проявляется не только на открытом, но и латентном уровне в виде доверия, согласия, стремления построить «общую судьбу».*

Общественный договор представляет собой самостоятельный социальный феномен, который характеризуется особенной структурой. Для того чтобы представить общественный договор в действии, рассмотрим его действие в советском и российском исполнении, осуществив сравнительный анализ его критериев, резервов и ресурсов, а также возможности его эффективного существования в настоящем и будущем. Немалое значение приобретает изучение уроков, как положительных, так и отрицательных, сопровождающих реализацию этого стратегически важного феномена.

Во-первых, суть общественного договора представлена целью, которая объединяет базовые, основные устремления народа и намерения государства. С одной стороны, в ней находят отражение чаяния народа, которые питают убеждения большинства людей по желаемому устройству общества, достижению группового и личного благополучия. С другой стороны, государство в лице политической власти выраба-

тывает свои цели, претендующие не только на решение неотложных, текущих задач, но и на перспективу. Поэтому чем величественнее и в то же время конкретнее цель развития общества и государства, тем большее количество людей принимают ее, соглашаются с ней и даже вдохновляются ею. При этом она должна быть реальной, восприниматься людьми как достижимая, даже в проблемной ситуации. Цель также означает, что она скрепляет и согласовывает то, что хотели (хотят) и к чему стремились (стремятся) основные классы, социальные общности и группы, и то, что предлагала(ет) власть, не исключая возможные издержки и просчеты в процессе ее реализации. На государство ложится высокая ответственность — сформулировать стратегию развития страны, которая бы удовлетворяла народ не только в реально сложившейся действительности, но и позволила ему видеть будущую жизнь, идея о которой скрепляла бы эту договоренность. Т. е. умение оформить взаимные стремления и намерения и в текущей действительности и на будущее — залог устойчивого существования общественного договора и, соответственно, общества и государства.

Напомним, что у Гоббса такой целью при согласовании интересов политической власти и ценностных ориентаций народа была безопасность, у Локка — свобода, у Руссо — демократия, у Монтескье и Радищева — социальное равенство, у Ролза — справедливость. Иначе говоря, общественный договор призван обеспечить постоянный, регулярный и мобильный социальный контакт на основе достижения основной цели, а также предложить средства и методы для ее осуществления, чтобы достичь взаимопонимания и поддержки.

История существования Советского Союза показывает, что пришедшие к власти большевики сумели убедить и увлечь большинство народа идеей нового справедливого общества. Она была воплощена в призыве строительства незнаемого историей социалистического (а затем коммунистического) общества, в котором был ясно сформулирован понятный многим принцип — «от каждого по способностям, каждому по труду». Эта формулировка жизнеустройства и в первую очередь трудовых отношений удовлетворяла большинство рабочих и крестьян, хотя в процессе реализации было

немало издержек, как, например, в виде появления уравниловки при оплате труда работников разных отраслей и различных профессий или соотношения заработной платы рабочего и инженера в начале 1980-х годов в пропорции 1:1,04.

Насколько было важно согласование целей государства и народа, показал этап крушения общественного договора в Советском Союзе, который произошел в период так называемой перестройки. Встреченные почти с восторгом цели перестройки быстро померкли в сознании людей, так как они сразу же начали сопротивляться напех сформулированными подцелями по решению кардинальных проблем экономики, социальной и политической жизни. Эти подцели отражали идеи и намерения власть имущих, но не народа и даже таких его ответственных представителей, как ученые. И вполне естественно, что народ стал требовать внесения существенных коррективов в официально проводимую политику. Вместе с тем заметим, что критика советской власти означала требования не ее ликвидации (как в этом нас убеждают неолибералы), а ее реформирования, о чем говорят (но не любят упоминать те же неолибералы) результаты всесоюзного референдума в марте 1991 г., когда 76,1% населения высказались за продолжение существования СССР, но с серьезными изменениями в политике.

Что касается современной России, то согласование целей государства и народа во многом находится в состоянии неопределенности. До сих пор многим россиянам неясно, какое государство, какое общество они создают. Провозглашенное в Конституции РФ социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 7.1.), и означает некую общую установку, которая не конкретизирована до понимания и воплощения ее в текущей повседневной жизни. В связи с этим приведем пример современного Китая, где на фоне общей цели — строительство социализма с китайской спецификой — был провозглашен принцип добиться средней зажиточности по сравнению с мировыми стандартами. При более подробной конкретизации это означало: среднезажиточное общество — этап развития между решением проблемы питания и одежды для населения и достижением

полной зажиточности. Это не только устроило, но и вдохновило миллионы простых китайцев, около 100 млн которых за последние 10 лет вышли из зоны бедности (Чжан Тянь, Романенко, 2009).

В России попытки преодолеть низкий уровень благополучия людей пока остаются нерешенными: с 2012 года число россиян, находящихся за чертой бедности, остается примерно одним из тем же — около 20 млн чел., или 12% от численности населения. Намерения, зафиксированные в национальных проектах и нацеленные на решение таких актуальных социально-экономических проблем, как производительность труда, занятость, уменьшение безработицы и бедности, не были реализованы. Более того, многие решения в сферах образования, науки, культуры оказались ошибочными, что было полностью или частично признано на официальном уровне. Ссылки на следование требованиям четвертой промышленной революции и шестого экономического уклада пока украшают речи, постановления и другие документы, которые при всей их важности не коррелируют с базовыми целевыми устремлениями людей и реально складывающейся социально-экономической ситуацией. В результате, согласно данным Росстата, при намерении повысить производительности труда в 2012–2018 гг. (в годы первых национальных программ) на 50% в реальности получилось только 5% (Аганбеян, 2019).

Эти и подобные конкретные результаты развития российского общества позволяют утверждать, что еще не найдены в полной мере те цели, которые бы в максимальной степени сближали народ и государство.

Во-вторых, общественный договор конкретизирует средства достижения сформулированных целей, что находит отражение прежде всего в инструментальных способах, направлениях и путях его реализации. Набор этих средств зависит от ситуации, той социально-исторической обстановки, в которой живет страна. В советской России в годы гражданской войны основным средством являлась вооруженная борьба с различными вариантами поборников царского режима и иностранной интервенции, в годы НЭПа — реализация провозглашенных в период революции лозунгов «заводы — рабочим», «земля — крестьянам». Затем были пятилетки,

нацеленные на создание социалистической экономики, годы Великой Отечественной войны — на победу над немецким фашизмом. В послевоенные годы были привлекательные и многообещающие средства для воспитания гордости (или просто причастности, прямой или косвенной) за участие в освоении космоса, достижении паритета в ядерном противостоянии, а также в решении более конкретных экономических задач: целина, строительство новых городов и предприятий в Сибири и на Дальнем Востоке, разработка нефтяных и газовых месторождений. Все эти проекты требовали миллионов новых рабочих рук, давали возможность, в том числе молодежи, проявить себя и, что особенно важно, ощутить себя частью общего великого дела, вселяющего уверенность в успешном достижении не только общих, но и личных целей. Последнее хотелось бы подчеркнуть, так как личное осмысление происходящего и его приятие как касающегося своего жизненного мира создавало латентную социально-психологическую почву, которая олицетворяет уверенность в будущем и делает человека участником общественного договора.

В современной России общественный договор долгое время строился на либеральной установке: государство должно максимально ограничить себя ролью «ночного сторожа», а человек сам ответственен за свою настоящую и будущую жизнь. Основным средством достижения благополучия был провозглашен капитал, финансовые средства или попросту деньги. В то же время не предлагались проекты экономического и социального характера, которые бы свидетельствовали о значимости и роли России. Более того, неolibеральной политикой были разрушены такие отрасли производства, как станкостроение, авиастроение, автомобилестроение и другие, занимающие передовые места в мировой экономике. В результате потерян значительный человеческий, социальный и научно-технический потенциал, что привело к резкому ослаблению российского государства и к концу 1990-х годов поставило под вопрос его существование, возникла угроза распада, как это произошло с СССР. И хотя в начале 2000-х годов эту тенденцию удалось частично переломить, но не настолько успешно, как требовали объективные потребности общественного развития. Перед Россией по-прежнему остро стоит

вопрос о коренном изменении экономической политики и связанной с ней социальном единстве народа, без чего существовать общественный договор не в состоянии. О том, что общественный договор требует совершенствования, говорят данные всероссийских исследований, проведенных социологами РГГУ в 2018–2022 годах в различных отраслях экономики и социально-культурной жизни (промышленность, строительство, транспорт, сельское хозяйство, сфера услуг, здравоохранение, культура, образование и наука). Они показали, что от 42,5 до 50% населения считают, что страна развивается в правильном направлении, почти каждый пятый (от 18 до 22,9%) — что развитие идет в ошибочном направлении при каждом третьем (до 35%) воздержавшемся от ответа (Интеллигенция ..., 2023, с. 263). Серьезной критике подвергаются такие осуществленные государством акции, как приватизация, налоговая система, рост социального неравенства. Они отвергаются более чем каждым вторым россиянином. Все это позволяет сделать вывод о том, что средства осуществления экономической и социальной политики ставят под сомнение крепость существующего общественного договора. Очевидно, в политику нужно вносить кардинальные изменения, о чем говорят не только многие представители научной мысли, но и практические работники² (Глазьев, 2011).

В-третьих, важнейшим структурным элементом общественного договора является идеология, которая в Советском Союзе воплощалась в концепции «общей судьбы» народа и государства на основе единства мировоззренческих и социально-политических ориентиров по организации публичной и приватной жизни. Советская идеология воплощалась в политике по формированию таких теоретических и практико-ориентированных нововведений, как «советский народ» и «советский человек». Это был уникальный исторический эксперимент, замысел которого ранее продемонстрировали великие буржуазные революции, также ставившие задачу создания человека нового типа и формирования у него таких качеств, как убежденность, гордость, надежда, уверенность,

² Бабкин К.А. (2008). Разумная промышленная политика, или Как нам выйти из кризиса. М. URL: <https://www.kakprosto.ru/kak-980254-konstantin-babkin-biografiya-tvorchestvo-karera-lichnaya-zhizn#ixzz81KWjWHMG>

традиционность при учете интересов основных социальных общностей и групп. Реализация этого эксперимента в советское время обеспечила решение колоссальных по трудности экономических проблем и одновременно формировала ту идейную и мировоззренческую базу, которая делала государство ответственным органом по выполнению своей исторической миссии (Тощенко, 2021).

Относительно специфики идеологии в Советском Союзе отметим, что идеология была направлена на реализацию принципа служения народу, хотя этот процесс проходил неоднозначно, с серьезными издержками и даже ошибками. Но, несмотря на просчеты, ориентация советской власти на интересы основных классов – рабочих и крестьян – способствовала не только усвоению большинством людей социалистического мировоззрения, но и выработке принципиально новых установок – культа труда и культа образования.

Говоря о *культе труда*, обратим внимание на процесс его включения в идеологию «общей судьбы». С одной стороны, возвеличивание труда опиралось на народные традиции о глубоком уважении к созидательной деятельности, высокую оценку его носителей, критическую оценку тех, кто не был вовлечен в его осуществление. С другой стороны, ориентация и установка на труд стали во все возрастающей степени высоко оцениваться и поощряться не только в рамках конкретных производств, но и (что принципиально важно) со стороны государства. Это отразилось в официальной государственной поддержке и поощрении таких инициатив, как ударничество (с началом индустриализации), стахановское движение (в годы первых пятилеток, начиная с 1935 года после трудового подвига А. Стаханова, перевыполнившего план добычи угля в 14 раз). В конце 1950-х годов стремление получить звание участника движения за коммунистическое отношение к труду стало массовым.

Такое отношение к труду начало закрепляться в связи с курсом по совершенствованию его условий и организации (в стране было развернуто массовое движение по научной организации труда, движение рационализаторов и изобретателей). Одновременно внедрялась и подвергалась многочисленным экспериментам система стимулирования в виде как различных

способов материального вознаграждения, так и морально-нравственного поощрения (Доски почета на всех предприятиях и по месту жительства, награждение дипломами, почетными грамотами и другие методы за достижения в труде). Особо следует сказать, что возвеличивание труда было выведено на государственный уровень, проявившись в постоянном внимании и совершенствовании практики награждения государственными наградами. Отметим, что такие меры были начаты уже в конце гражданской войны: VIII Всероссийским съездом Советов 28 декабря 1920 г. учрежден орден «Трудовое Красное Знамя» РСФСР, а несколько позднее подобные ордена были учреждены и в других советских республиках. В 1920-е годы широко практиковалось поощрение отличившихся производственных коллективов Красными знаменами. В 1928 году введен орден Трудового Красного Знамени. Затем с началом первых пятилеток последовало учреждение медалей и орденов за достижения в труде. 1938 год был ознаменован появлением звания Героя Социалистического Труда, а также медалей «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие». Летом 1945 года учреждена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». В 1970 г. в связи со столетием со дня рождения В.И. Ленина стали награждать медалями «За доблестный труд». В дальнейшем появился орден Трудовой Славы (1974 г.). В целом наградная система СССР была демократична, получить любую, даже наивысшую, награду мог каждый гражданин Советского Союза, проявив доблесть и упорство в труде.

В рамках политики по отношению к труду ставка делалась (наряду с ориентацией на достижение высоких производственных показателей) на развитие чувство долга и ответственности перед обществом. Этому способствовали различные формы стимулирования и награждения за высокие достижения в труде, убеждающие в важности такого отношения к нему, укрепляющего чувство личного достоинства. Однако при высокой оценке роли и значения труда нельзя забывать о том, что в 1960–1980-е годы выявились диспропорции в использовании человеческих ресурсов, что привело к замедлению решения проблем, связанных с ростом производительности труда. Осознание этих препятствий в условиях изменений в

общественной жизни привело к тому, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 г. образован Государственный комитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы. При нем созданы Научно-исследовательский институт труда (НИИ труда) и Центральное бюро нормативов по труду. Это был новый, принципиально важный шаг по совершенствованию трудовых отношений, попытка укрепить социальные контакты между государством и всеми трудящимися. В 1960-е годы последовало возрождение интереса к научной организации труда: проводились научные конференции с обсуждениями целей и задач организации труда, создана сеть соответствующих подразделений на предприятиях, осуществлялись многочисленные эксперименты, например на Шелковском заводе, в совхозе Илийский и др. (Кравченко, 1987; Чангли, 1973).

К сожалению, это направление довольно быстро затухло в результате отмены начавшей проводиться так называемой Косыгинской экономической реформы, когда государственные органы решили следовать накатанной колее развития, оправдавшей себя в 1930-е годы, но оказавшейся в 1960–1970-е годы ошибочной с трудно предсказуемыми последствиями. В таких условиях возросло недовольство политикой в области организации труда, что проявилось в возникновении апатии, недовольства и росте критического отношения к политической власти (Тощенко, 2005).

В современной России не произошло существенных качественных изменений по отношению к труду, несмотря на введение частной собственности, провозглашение возможностей использовать рыночные отношения. По-прежнему не растет или слабо растет производительность труда. Не изменилось отношение к труду у большинства работников. Отметим также, что в 2000-е годы кардинально поменялись приоритеты работы НИИ труда. Если раньше он занимался научной организацией труда, то теперь на первый план выходят проблемы безработицы («занятости населения»), бедности («уровня жизни») и незащищенности людей («социального страхования»). Иначе говоря, почва для социальной напряженности в сфере труда сохраняется, что не способствует эффективному функционированию общественного договора.

Что касается *культы образования*, он стартовал после призыва Ленина на 111 съезде комсомола в 1920 г.: «Учиться, учиться, учиться». На этом пути, начиная с политики ликвидации неграмотности, развертывания начального, затем среднего и высшего образования, Россия достигла высокого уровня грамотности по сравнению со странами, имевшими более развитую экономическую базу.

Именно система образования сыграла значительную роль в укреплении общественного договора, так как она создала значительные многомиллионные социальные общности – советскую интеллигенцию и квалифицированные рабочие кадры, которые на деле убеждались, что образование становилось мощным социальным и профессиональным лифтом, обеспечивавшим им новый более качественный уровень и образ жизни (см., например, Ситаров, 2019).

Говоря об идеологии в современной России, нужно заметить следующее: травмированность современной духовно-нравственной сферы российского общества во многом объясняется зафиксированным в Конституции РФ положением – в России нет государственной идеологии. Негативное отношение к слову «идеология» может быть обусловлено тем, что в Советском Союзе признавалась (официально) только одна идеология – социалистическая. Поэтому ассоциация понятия «идеология» со словом «социалистическая» (в ряде случаев «коммунистическая») сформировала предубежденность к ней, иногда превращая это слово чуть ли не в ругательство. Однако, как показывает жизнь, с таким положением несогласны многие. «Как жить без идеологии, без четкого государственного управления? После того как мы решили освободиться от советского прошлого, мы ничего не создали, кроме эфемерных надежд» (Ширвинд, 2022, с. 101).

Как показывает реальный исторический процесс, идеология, несмотря ни на что, возвращается (Славин, 2009), в то время как отсутствие государственной идеологии стало одним из пороков становящейся российской государственности. Это упущение было замечено уже при Б.Н. Ельцине. Но, не желая возвращаться к отвергнутому понятию «идеология», власти выдвинули предложение – найти национальную идею. Смысл предпринятого очевиден – народ необходимо объединить

вокруг общественно значимых ориентиров, понятных всем и пробуждающих желание и стремление участвовать в их реализации. В результате в 1990-е годы разразился целый бум инициатив, начиная от цитирования слов Уварова (министра просвещения правительства России в середине XIX в.) «Православие. Самодержавие. Народность» до бесконечных поисков найти заветные призывы, устраивающие всех. Однако это был поиск, заранее обреченный на провал. Это были идеи отдельных искателей истины, ученых, политиков, просто амбициозных персонажей. Но их ограниченность, условность определялась отсутствием обращения к мнению народа, к пониманию им того, чего следует добиваться и как строить отношения в существующем обществе. Отражением этого послужил следующий феномен — как только ни пытались охарактеризовать ситуацию в стране — и «управляемая демократия», и «консервативная модернизация», и т. д.

Если рассмотреть сегодняшнюю ситуацию в России, то в реальной политической и духовной жизни российского общества, как в калейдоскопе, сложился конгломерат различных мировоззренческих ориентаций, которые самым причудливым образом отражают устремления различных социальных групп и общностей.

В настоящее время крайне важно преодолеть отрицание государственной идеологии как таковой. По сути, любая государственная идеология — это формулировка стратегических целей государства, которые разделяют народные массы, это ценностный ориентир, порождающий не только приятие, но и желание его отстаивать. Подчеркнем, что идеология существует в каждом государстве, независимо от того, провозглашена она или нет. Де-факто она есть и в России. Как показывают результаты социологических исследований, большинство населения России хочет иметь сильное, процветающее и влиятельное государство.

Отсутствие у государства и общества стратегической цели в виде идеологии порождает различные специфические и спорные идеи о «милитаризации сознания» (А.С. Ципко) или о превращении среднего класса из опоры общества в источник его раскола и дестабилизации (А. Щипков). Стоит отметить навязчивые и невразумительные попытки и стремления постро-

ить в России «славяно-православную политическую культуру» и утвердить «соборно-вечевую мораль» (А.Н. Асопов).

Таким образом, анализ возможностей для консолидации российского общества показывает, что общественный договор находится под угрозой в условиях отсутствия государственной идеологии и в то же время существования идеологических течений, отражающих, как правило, интересы, ценностные ориентации и установки различных социальных классов, общностей, групп. Реальная ситуация требует формулировки стратегической цели развития России, находящей свое выражение в государственно-общественной идеологии, с четким обозначением средств и методов ее достижения. Без такой идеологии Россия не может в полной мере выйти из травматического состояния (Тощенко, 2020).

В-четвертых, общественный договор — это дорога с двусторонним движением, что предполагает существование форм обратной связи между властью и народом, постоянную проверку ее эффективности и действенности. Это означает, что политическая власть не только слушает народ, но и слышит его. Выполнению этих требований способствовала форма существования советской власти — советы народных депутатов. Такая форма согласования интересов, рожденная еще в ходе революции 1905 года, зарекомендовала себя и в годы революции, и в период гражданской войны, а затем на всех этапах социалистического строительства. Ее действенность проявилась в разных формах понятных народу контактов: помимо выборов это были регулярные отчеты и выступления официальных лиц, рабкоровское движение, систематическая работа с обращениями в органы власти, анализ писем трудящихся и главное — обязательная официальная реакция на все предложения, сигналы и критику с мест. Однако постепенно, особенно в 1950–1980-е годы, функции советов стали замещаться действиями партийного аппарата КПСС, что способствовало ослаблению влияния народа на дела общества и государства и, соответственно, росту недовольства государственной политикой. Тем более что работа все больше приобретала черты формализма, шла без должного контроля со стороны общественности.

Насколько важно слушать и слышать народ и потом действовать согласно его желаниям, образно выразился Н.А. Бердяев. Критически относясь к Октябрьской революции, он в то же время увидел суть того, почему народ пошел за большевиками. «Ленин не мог бы осуществить своего плана революции и захвата власти без переворота в душе народа. Переворот этот был так велик, что народ, живший иррациональными верованиями и покорный иррациональной судьбе, вдруг почти помешался на рационализации всей жизни, поверил в возможность рационализации без всякого иррационального остатка, поверил в машину вместо Бога» (Бердяев, 2004, с. 274–275).

Умение общаться с народом советская власть демонстрировала долгое время, однако в период перестройки не смогла улавливать существенные изменения в сознании людей, в понимании их насущных устремлений.

Таким образом, суть обратной связи между народом и властью заключается в том, что государство учитывает основные ориентации и потребности людей и на этой основе создает «правила игры» — гарантирует условия достойного существования людей и обеспечивает их выполнение. Люди в свою очередь соглашались на требования, связанные с охраной их личности, с защитой их прав и свобод. При этом нередко происходит добровольное подчинение ограничительным законам, если люди видят, что их основные интересы и потребности учитываются или по крайней мере принимаются к сведению и в той или иной мере выполняются.

Утрата постоянных связей с народом — это утрата связи с реальностью — угроза существования политического режима. Она обязательно проявится в возникновении точек напряженности, что наглядно ощущалось в определенные периоды существования СССР (во время политики проразверстки, в годы коллективизации, а также во времена перестройки).

Обратная связь власти и народа в современной России в начале 1990-х годов базировалась на радикальных и внешне привлекательных обещаниях. Но, когда стали очевидны огромные социальные издержки — рост неравенства, падение жизненного уровня, рост безработицы, ослабление социальной защиты, началось снижение доверия.

Неумение и нежелание считаться с запросами населения проявилось в таких конфликтных ситуациях, как монетаризация льгот (замена натуральных льгот денежными компенсациями) в 2005 году, пенсионная реформа, начатая в 2019 году, оптимизация образования и здравоохранения, слом прежней организации науки с 2013 года и др. конфликтные ситуации, в том числе в регионах.

Одним из показателей измерения обратной связи стало определение доверия посредством социологических опросов. В настоящее время, по данным всероссийских исследований 2021–2022 гг., оно выглядит так: президенту в зависимости от отрасли экономики и культуры (промышленность, строительство, транспорт, сельское хозяйство, сфера услуг, здравоохранение, образование, наука) доверяют от 38 до 63% населения (не доверяют от 8,2 до 13%), правительству — от 16,5 до 41,2% и от 14,5 до 28,8% соответственно, Государственной Думе — от 10,7 до 26,8% и от 30,9 до 49,5% (Интеллигенция..., 2023, с. 293–296). Очевидно, что такой социально-психологический показатель, как доверие, формируется исходя из многих обстоятельств жизни людей, но прежде всего через осознание своего социального положения. Иначе говоря, резервы для укрепления общественного договора еще значительны.

В-пятых, общественный договор скрепляет и такой критерий, как причастность народа к управлению делами общества и государства. Причем эта характеристика не должна пониматься буквально, только как личное участие каждого человека в деятельности управленческих органов на том или ином уровне социальной организации общества. Поэтому помимо прямого непосредственного участия в работе органов управления, на наш взгляд, стоит говорить о возможности влиять на принятие решений всех без исключения органов управления. При этом именно осознание причастности и вовлечение в процесс управления делает самих людей более ответственными при осуществлении общественной и трудовой жизни. По нашему мнению, курс советской власти привлечь к управлению как можно большее количество людей через широкую сеть советов народных депутатов (в первые годы советской власти — советов рабочих, солдатских и крестьянских

депутатов) способствовал укреплению взаимного доверия. Отметим и такой путь укрепления согласия между народом и государством, как массовое привлечение низовых слоев населения к (со)участию в управлении. Это требование, выраженное в призыве Ленина, до сих пор представителями либеральных кругов и антисоветчиками активно высмеивалось: большевики признавали (или декларировали), что «кухарка может управлять государством». Хотя внимательное прочтение слов Ленина говорит о том, что он ориентировал усилия советской власти на необходимость «*научить*» людей, в том числе и кухарку, участвовать в управлении государственными и общественными делами: «*Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством... Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т. е. к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту*» (Ленин, 1981, с. 315).

О привлечении россиян к различным формам и методам управления немало говорится в современной России. Однако, как показывают общероссийские социологические исследования 2020–2022 гг., даже при такой «*щадающей*» формулировке «*Можете ли влиять на принятие решений?*» были получены в основном отрицательные ответы: 90,5% респондентов говорят о невозможности влияния на государственном уровне, 89,3% – на уровне республиканской, краевой и областной власти, 83,9% – на городском, районном уровне и 57,8% – на уровне производственной организации (Тощенко, 2022, с. 103).

В-шестых, общественный договор предполагает обеспечение консенсуса и баланса интересов не только между всем народом и властью, но и между составляющими этот народ стратами, социальными общностями и группами внутри любого общества, иначе говоря, учет многообразия интересов. Причем это согласие призвано осуществляться не только на политическом, экономическом и социальном уровнях, но, что особенно важно, на *нравственном, духовном* как наиболее фундаментальном, обеспечивающем подлинную сущность и природу общественного договора. Такое моральное единство

возникает в ходе соблюдения и поддержания доверительных отношений, которые устраняют всякие попытки противостояния, соперничества, предубежденности и строятся на основе *базовых ценностных ориентаций* главных социальных сил, согласование которых в многом зависит от ответственности государственной власти. Правда, это не означает, что ценностные ориентации остаются неизменными: поиск согласия в целом обществе и между основными субъектами действия – это постоянное требование для сохранения и поддержания общественного договора.

Наконец, важное значение приобретает учет интересов территориальных, в том числе этнонациональных и конфессиональных, особенностей и их роли в укреплении общественного договора на каждом этапе исторического развития страны. В связи с этим актуально утверждение о том, что забвение интересов институциональных образований ведет к утрате связи с реальностью, способствует возникновению точек напряжения и, как следствие, порождает угрозу существования государства и его политического режима (см., например, Ускова и др., 2022).

При трактовке сущности и содержания общественного договора нужно также учитывать, что он не может оставаться неизменным в течение длительного времени. Он постоянно нуждается в уточнении, перенастройке в соответствии с изменяющимися условиями жизни. Об этом свидетельствует опыт развития всех стран, в том числе России, когда опорные точки общественного договора менялись, уточнялись или замещались другими критериями. Всё возрастающее значение приобретают требования обеспечить соблюдение социальной справедливости, суверенитет личности, а также уверенность людей в своем будущем и будущем своих детей.

Заключение

Общественный договор выступает уникальным общественным явлением. В современных условиях он гарантирует существование государства, обеспечивает возможность эффективного решения экономических, политических, социальных и духовно-нравственных проблем. Две стороны общественного договора – государство и народ – в идеале должны быть его равноправными участниками, иначе могут происходить два взаимоисключающих процесса –

или рост авторитаризма (тоталитаризма), который ведет к деформации свобод и прав человека, или установление охлократических тенденций, которыми, как правило, пользуются деструктивные силы. В современной российской действительности общественный договор имеет существенные резервы по его совершенствованию с точки зрения согласования целей развития, средств их достижения, мировоззренческого обеспечения, налаживания регулярной обратной связи и, наконец, действенного участия всех социальных общностей и групп в управлении делами общества и государства. Однако в настоящее время решения конкретных государственных и общественных проблем в немалом числе случаев представляют деформированные процессы и явления, которые не всегда олицетворяют равноправное единство, что приводит к различным формам напряженности, отражающим слабость существующего общественного договора.

Анализ содержания общественного договора на всех этапах советской/российской истории показывает, что на его устойчивость влияло соблюдение такого важнейшего ориентира, как справедливость, ведь в общественном сознании всегда (нередко подспудно) сохраняет свою ценность восприятие людьми своей жизни по специфически воспринимаемым законам справедливости. Это особенно наглядно проявлялось в скрепляющем общественный договор представлении людей (народа) о социальном равенстве, о возможности его достижения или о допустимом его частичном отсутствии, но по понятным для большинства причинам.

Именно нарушение, особенно вопиющее, служит поводом и причиной всех происшедших или назревающих конфликтов, когда в обществе были созданы/создаются реальные разрывы в социальном положении высших и низших общностей, страт и групп.

Существование общественного договора зависит от того, имеет ли народ возможность сопоставить свои устремления, свои интересы с пониманием и приятием того, куда зовет его идти государство, и насколько он согласен с тем, что ему нужно делать и к чему стремиться. В этом отношении заслуживает внимания утверждение А. Токвиля: во всех переломных процессах развития государства народ предпочтет достижение социального равенства, а не демократии.

Всё сказанное позволяет сделать вывод, что концепция «общественный договор» никогда не была оформлена в виде официального документа. *Она является важнейшим теоретическим и прикладным конструктом для анализа и объяснения эволюционного или революционного развития государства и/или общества.* Эта концепция включает в себя согласованную с народом политику по преобразованию окружающей социально-экономической и политической среды, одобряемых методов и форм государственного и политического управления, приемлемого идеологического воздействия на общественное сознание. В конечном счете в процессе реализации общественного договора формируются представления, убеждения и действия по достижению общих целей народа и государства.

Литература

- Аганбегян А.Г. (2019). О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 3–15.
- Аузан А. (2017). Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов, Фербер. 192 с.
- Бердяев Н. (1990). Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука. 224 с.
- Глазьев С.Ю. (2011). Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». М.: Экономическая газета. 576 с.
- Гоббс Т. (1991). Сочинения. В 2 т. Т. 2. / сост., ред., автор примеч. В.В. Соколов. М.: Мысль. 731 с.
- Гольбах П.А. (1963). Основы всеобщей морали или Катехизис природы // Гольбах П.А. Избр. произв. в 2 т. Т. 2. / под общ. ред. Х.Н. Момджяна. М.: Соцэкгиз. 563 с.

- Интеллигенция в эпоху кардинальных цивилизационных изменений (2023): сб. научных статей / РГГУ, социолог. фак-т, Центр социолог. исследований; под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; ред.-сост. М.С. Цапко, Е.А. Колосова. М.: РГГУ. 344 с.
- Кравченко А.И. (1987). Социология труда в XX веке. Историко-критический очерк. М.: Наука. 180 с.
- Ленин В.И. (1981). Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М.: Издательство политической литературы. Т. 34. С. 289–339.
- Локк Д. (1988). Сочинения. В 3 т. Т. 3. М.: Мысль. 668 с.
- Монтескье Ш. (1955). О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. В 2 т. М. 799 с.
- Неэкономические грани экономики: Непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов (2010) / науч. ред. О.Т. Богомолов. М.: Институт экономической стратегии. 800 с.
- Нозик Р. (2008). Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера; под ред. Ю. Кузнецова, А. Куряева. М.: ИРИСЭН. 424 с.
- Олсон М. (2012). Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство. 212 с.
- Радищев А.Н. (1952). Опыт о законодательстве // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР. Т. 3. 676 с.
- Ролз Дж. (1995). Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во НГУ.
- Руссо Ж.Ж. (2000). Об Общественном договоре: Трактаты / пер. с фр. А. Хаютина, В. Алексеева-Попова. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; КАНОН-Пресс-Ц. 544 с.
- Ситаров В.А. (2019). История образования в России: досоветский и советский периоды // Знание, понимание, умение. № 1. С. 201–211.
- Славин Б.Ф. (2009). Идеология возвращается. М.: Социально-гуманитарные знания.
- Токвиль А. (2008). Старый порядок и революция / пер. с фр. Л.Н. Ефимова. СПб.: Алетейя. 248 с.
- Тощенко Ж.Т. (2005). Социология труда. Опыт нового прочтения. М.: Мысль.
- Тощенко Ж.Т. (2020). Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь мир. 352 с.
- Тощенко Ж.Т. (2021). Идеологическое распытие как характеристика современного российского общества // Демократия и социализм XXI. № 10. С. 25–44.
- Тощенко Ж.Т., Шевченко И.О., Анисимов Р.И. (2022). От precarious занятости к precarious жизни: колл. монография / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир. 364 с.
- Ускова Т.В., Кожевников С.А., Лукин Е.В. [и др.] (2022). Российские территории: 30 лет в условиях рынка: монография / под общ. ред. В.А. Ильина; Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда: ВолНЦ РАН. 315 с.
- Чангли И.И. (1973). Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования. М.: Наука. 588 с.
- Чжан Тянь, Романенко М.В. (2009). Строительство среднезажиточного общества в Китае: сущность и социально-экономические проблемы // Социально-гуманитарные знания. № 4. С. 312–318.
- Ширвинд А.А. (2022). В промежутках между. М.: КоЛибри. 192 с.

Сведения об авторе

Жан Терентьевич Тощенко – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, научный руководитель социологического факультета, Российский государственный гуманитарный университет (125047, Российская Федерация, г. Москва, Миусская площадь, д. 6); главный научный сотрудник, Институт социологии, ФНИСЦ РАН (109544, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5. стр. 1; e-mail: zhantosch@mail.ru)

Toshchenko Zh.T.

Social Contract: Historical and Contemporary Realities in Soviet/Russian Society

Abstract. The article provides an analysis of the currently little used concept – the social contract. For this purpose, a brief historical digression was carried out: an assessment was made of the contribution of thinkers of the Enlightenment, who were the first to substantiate the proposal to consider the relationship between the state and the people through the prism of reaching agreement on the arrangement of public and private life, calling it a social contract. After a break, interest in this phenomenon revived in the 20th century, which is given more detailed information on the example of the consideration of the essence and content of the social contract by foreign and Russian researchers. On this basis, it is concluded that the social contract is an independent scientific and social phenomenon that embodies various forms of social consent between the people and the state, given that they are not only open, but also latent, reflecting the underlying processes taking place in public consciousness. The article defines the criteria inherent in the social contract – goals, means of achieving them, ideological support, the effectiveness of feedback and participation of the people in managing the affairs of society and the state. A comparative analysis of the process of its functioning in the Soviet and modern Russian society is given, estimates and conclusions are made about the problems of its implementation at various stages of historical development. It is especially noted that the social contract has both explicit and latent characteristics, which, through the analysis of the state, trends and problems of social development, allows us to speak about the degree of its effectiveness and efficiency in preserving and strengthening the state.

Key words: social contract, state, society, people, public consciousness, consent, trust, USSR, Russia.

Information about the Author

Zhan T. Toshchenko – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Supervisor of the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities (6, Miuskaya Square, Moscow, 125047, Russian Federation); Chief Researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (5, building 1, Bolshaya Andronyevskaya Street, Moscow, 19544, Russian Federation; e-mail: zhantosch@mail.ru)

Статья поступила 15.05.2023.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.3

УДК 339.9, ББК 65.5

© Машкова А.Л., Бахтизин А.Р.

Анализ отраслевой структуры и динамики товарообмена между Россией, Китаем, США и Европейским союзом в условиях торговых ограничений

**Александра Леонидовна
МАШКОВА**

Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: alexandra.sheveleva2017@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1701-5324; ResearcherID: P-1252-2017

**Альберт Рауфович
БАХТИЗИН**

Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: director@cemi.rssi.ru
ORCID: 0000-0002-9649-0168; ResearcherID: S-6203-2016

Аннотация. В условиях введения против России масштабных экономических санкций актуальной задачей становится разработка модельных комплексов для оценки их последствий для экономик различных стран. В целях решения этой задачи был выбран агент-ориентированный подход, в качестве основных участников торговых отношений с Россией выделены Китай, США, Европейский союз и остальной мир. Ключевыми моментами при создании модели торговых войн стали анализ доступных данных об экономиках стран-участниц модели и торговых отношениях между ними, а также оценка введенных санкционных ограничений в количественном и отраслевом аспекте. Сложность для информационного наполнения разработанной модели

Для цитирования: Машкова А.Л., Бахтизин А.Р. (2023). Анализ отраслевой структуры и динамики товарообмена между Россией, Китаем, США и Европейским союзом в условиях торговых ограничений // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т 16. № 3. С. 54–80. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.3

For citation: Mashkova A.L., Bakhtizin A.R. (2023). Analyzing the industry structure and dynamics of commodity exchange between Russia, China, the USA and the EU under trade restrictions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(3), 54–80. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.3

представляет согласование данных о межотраслевых поставках, импорте и экспорте продукции отраслей в различных странах. В статье представлен алгоритм, определяющий последовательность обработки исходных статистических данных к унифицированному виду с необходимой для модели степенью детализации. Формирование массивов исходных данных осуществляется на основе информации Федеральной службы государственной статистики, Федерального таможенного союза, Евростата, Бюро экономического анализа США, Национального бюро статистики КНР и Всемирного банка. Для унификации информации этих ведомств в модели создаются одиннадцать укрупненных отраслей, каждая из которых соответствует одной или нескольким отраслям или товарным группам. Целевым результатом работы алгоритма являются межстрановые таблицы отраслевых поставок промежуточной и инвестиционной продукции, содержащие данные о торговле России, США, Европейского союза, Китая и остального мира. В процессе обработки данных был также проведен анализ отраслевой структуры международного товарообмена в 2021 году, который свидетельствует о тесной взаимосвязи экономик стран Евросоюза и России до введения масштабных санкций и сравнительно низких показателях товарообмена между Россией и США. В рамках анализа динамики торгового обмена России со странами, вводившими санкционные ограничения в 2022 году, выявлено, что объем импорта России из стран Евросоюза уменьшился на 38%, а экспорт в стоимостном выражении увеличился на 24%, что связано в первую очередь с резким ростом цен на энергоносители. Падение экспорта и импорта между США и Россией составило 70 и 50% соответственно.

Ключевые слова: международный товарообмен, торговые войны, экономические санкции, межотраслевой баланс, агент-ориентированная модель.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках проекта № 21-18-00136 «Разработка программно-аналитического комплекса для оценки последствий межстрановых торговых войн с приложением для функционирования в системе распределенных ситуационных центров России».

Введение

С началом специальной военной операции (СВО) на Украине Россия столкнулась с введением финансовых, торговых и транспортных санкций, беспрецедентных по масштабу в новейшей истории (Тимофеев, 2022). Отличительной особенностью санкционной политики Запада в отношении России является обоюдострый характер вводимых ограничений, причем не только в результате ответных мер, но и в силу спровоцированного дефицита ресурсов на мировых рынках и ценовых шоков (Афонцев, 2022). В сложившихся условиях актуальной задачей становится анализ последствий санкций и возможных стратегий экономического развития России (Белозёров, Соколовская, 2022; Теняков и др., 2022).

Эффективным инструментом для решения этой задачи служат компьютерные модели экономики, позволяющие интегрировать данные о производстве, занятости и хозяйственных

взаимосвязях между странами. Модели такого класса разрабатываются чаще всего по методологии Проекта по анализу международной торговли GTAP (Aguiar et al., 2016; Corong et al., 2017) и включают от двух до тридцати стран, участвующих в мировой торговле. Среди наиболее известных примеров реализации методологии GTAP можно назвать модельный комплекс WorldScan (Bollen, Rojas-Romagosa, 2018), модель многосекторной экономики GLOBE¹ и MIRAGRODEP (Bouët, Laborde, 2017). В рамках этих моделей в качестве ключевых стран-участниц рассматриваются США и Китай, также в рассмотрение могут попадать страны Европейского союза (ЕС), Канада, Япония и Мексика. В WorldScan Россия выделяется

¹ McDonald S., Thierfelder K. (2014). Globe v2: A SAM based global CGE model using GTAP data. Available at: http://cgemod.org.uk/globev2_2014.pdf

в качестве участника международной торговли, однако в доступных публикациях отсутствуют результаты расчетов, позволяющие оценить последствия вводимых против нее санкций. По этой причине становится необходимой разработка модельных комплексов, рассматривающих Россию как ключевого игрока в торговых войнах. Такая модель, разработанная коллективом ЦЭМИ РАН на базе агент-ориентированного подхода, учитывает торговые взаимодействия между Россией, Евросоюзом, Китаем, США и объединенным остальным миром (Mashkova, Bakhtizin, 2021; Машкова, 2023).

Целью нашей работы является анализ наиболее актуальных данных об экономиках стран-участниц модели и торговых отношениях между ними, а также оценка введенных санкционных ограничений в количественном и отраслевом аспекте для информационного наполнения разработанной агент-ориентированной модели торговых войн.

Аналізу импорта и экспорта различных отраслей экономики России уделялось большое внимание в научных публикациях последних лет. В частности, оценивались зависимость объемов экспорта услуг, высокотехнологичной и сельскохозяйственной продукции от объемов инвестиций и расходов на НИОКР (Борисов, Почукаева, 2021; Дерунова и др., 2021; Любимов, 2021; Алтынер и др., 2022); зависимость от импорта оборудования (Голикова, Кузнецов, 2021; Колпаков, Саенко, 2023) и эффективность механизмов импортозамещения (Парцвания, 2022), а также последствия ограничения экспорта зерновых (Хейфец, Чернова, 2022). Особый интерес вызывали перспективы экспорта России в страны ЕС в связи с ее планируемым переходом на «зеленую энергетику» (Башмаков, 2022; Чупина, 2022).

Динамике международной торговли России после начала СВО посвящено сравнительно немного публикаций. В основном они связаны с произошедшими и ожидаемыми изменениями в экспорте ресурсов (Андреев, Полбин, 2023; Гордеев, Пыжев, 2023). Последствия введенных санкций для предпринимательства рассматриваются в работе (Егорова, Чепуренко, 2022), а возникшая в результате санкций потребность в расширении инвестиций, в том числе государственных – в работах (Кувалин, 2022; Широков, 2023).

В приведенных выше исследованиях проводится анализ структуры и динамики импорта и экспорта отдельных отраслей экономики России, тогда как наибольшей сложностью для информационного наполнения модели торговых войн представляет как раз унификация данных о межотраслевых поставках, импорте и экспорте продукции различных отраслей в рассматриваемых странах. Ключевым источником таких данных служат таблицы «затраты – выпуск», которые широко применяются как для прогнозирования экономических процессов внутри отдельных стран (Чернявский, Чепель, 2021; Единак и др., 2022), так и для анализа международной торговли (Стрижкова и др., 2022; Внуков и др., 2023).

Использование таблиц «затраты – выпуск» для формирования массивов исходных данных моделирования сопряжено с несколькими трудностями. Во-первых, применяемые для формирования таблиц отраслевые классификаторы отличаются в разных странах, и потому невозможно прямое сопоставление отраслей и продуктов. Во-вторых, отличаются временные периоды, за которые представлены таблицы межотраслевого баланса. В-третьих, страны в различной степени отражают структуру товарного обмена друг с другом. Отдельной задачей выступает воспроизведение экономики остального мира (за исключением США, Китая, ЕС и России), рассматриваемой в модели как единое целое.

Для согласования имеющейся информации о международной торговле предлагается алгоритм, определяющий последовательность приведения исходных статистических данных к унифицированному виду с необходимой для модели степенью детализации. Целевым результатом работы алгоритма являются межстрановые таблицы промежуточных и инвестиционных отраслевых поставок, содержащие данные о торговле России, США, ЕС, Китая и остального мира.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в формировании информационной базы, необходимой для анализа и прогнозирования динамики международной торговли в условиях введения санкционных ограничений с учетом существующей структуры и объемов потоков импорта и экспорта

между различными странами. Структурированная с помощью предложенного метода исходная информация позволяет с большой степенью точности моделировать изменение объемов производства при введении ограничений на торговлю различными видами продукции со стороны недружественных стран.

Научная новизна исследования состоит в разработке метода унификации данных о международной торговле и способа представления полученной информации в межстрановых таблицах отраслевых поставок, отражающих структуру товарного обмена между странами во взаимосвязи с отраслевой структурой производственных потребностей их экономик.

Материалы и методы

Формирование исходных информационных массивов для агент-ориентированной модели торговых войн осуществляется на основе данных официальных статистических ведомств: Федеральной службы государственной статистики², Евростата³, Бюро экономического анализа США⁴, Национального бюро статистики КНР⁵, а также Всемирного банка⁶. Выборки по ключевым параметрам и их выгрузка в формате документов Excel доступны для всех рассматриваемых стран за исключением Китая,

поскольку Национальное бюро статистики КНР публикует статистические ежегодники в виде изображений соответствующих страниц.

Основным источником данных о производственных взаимосвязях служат таблицы «затраты – выпуск», которые публикуются для каждой из стран, представленных в модели (Россия, Китай, США), а также стран Европейского союза, рассматриваемых как в отдельности, так и как единое целое. Также в таблицах «затраты – выпуск» представлена информация об объемах экспорта и импорта по каждой отрасли. Для России, США и ЕС дополнительно детализируется структура импортных межотраслевых поставок, Национальное бюро статистики КНР публикует лишь общие сведения об объемах импорта продукции каждой отрасли.

Для отражения товарных потоков между странами используются данные статистических ведомств, если они предоставляют такую информацию (Евростат и Бюро экономического анализа США); в России такие данные публикует Федеральная таможенная служба.

В *таблице 1* представлено сравнение структуры информации о производстве, импорте и экспорте, публикуемой официальными статистическими ведомствами в различных странах.

Таблица 1. Сопоставление структуры данных о производстве, импорте и экспорте в различных странах

Тип данных	Россия	ЕС	США	Китай
Количество отраслей в межотраслевом балансе	60	63	71	17
Единица измерения	Млн руб.	Млн евро	Млн долл.	Млн юаней
Детализация межотраслевой структуры импортных поставок	Представлена	Представлена	Представлена	Не представлена
Детализация отраслевой структуры импорта-экспорта с отдельными странами	Представлена для ряда стран, в т. ч. США, Китая, стран ЕС	Представлена для всех стран мира	Представлена для ряда стран, в т. ч. Китая, стран ЕС; не представлена для России	Не представлена
Товарная номенклатура представления структуры импорта-экспорта с отдельными странами	Товарная номенклатура видов экономической деятельности (ТН ВЭД)	Стандартная Международная торговая классификация (SITC)	Отраслевая структура (аналогично межотраслевому балансу)	Не представлена

Составлено по: данные ФГС, Евростата, Бюро экономического анализа США и Национального бюро статистики КНР.

² URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 28.04.2023).

³ URL: <https://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения 22.04.2023).

⁴ URL: <https://www.bea.gov/> (дата обращения 25.04.2023).

⁵ URL: <http://www.stats.gov.cn/english/> (дата обращения 24.03.2023).

⁶ URL: <https://www.worldbank.org/en/home> (дата обращения 25.03.2023).

При достаточно большом сходстве классификаторов Евросоюза и России значительные отличия от них имеют США и Китай. Также отрасли модели сопоставляются со стандартной международной торговой классификацией (СИТС) и товарной номенклатурой видов экономической деятельности (ТН ВЭД) для агрегирования данных об импорте и экспорте стран.

Для всех стран доступны данные за 2019 год, за исключением Китая, для которого последние таблицы «затраты – выпуск» относятся к 2017 году. Чтобы обеспечить использование наиболее актуальной информации по всем странам, данные о выпуске и поставках отраслей актуализируются до 2021 года с использованием коэффициентов роста ВВП за соответствующий период.

Страны в различной степени отражают структуру товарного обмена друг с другом: Китай – только объем импорта и экспорта по странам, Россия и США – товарную структуру товарообмена с отдельными странами и лишь ЕС – со всеми странами мира.

Унификация представленных данных о международной торговле производится в рамках алгоритма, определяющего последовательность их обработки с необходимой для модели степенью детализации. Алгоритм включает следующие шаги.

1. Установление взаимосвязей различных номенклатур и отраслевой структуры модели. Данные в таблицах «затраты – выпуск» представлены в различных отраслевых классификаторах в разных странах: 63 отрасли в странах Евросоюза, 60 отраслей в России, 71 отрасль в США и 17 отраслей в Китае.

Для унификации этих данных в модели создаются 11 укрупненных отраслей, каждая из которых соответствует одной или нескольким отраслям или товарным группам: (1) сельское хозяйство, производство продуктов питания; (2) добыча полезных ископаемых; (3) производство топлива; (4) государственный сектор; (5) химическое производство; (6) производство материалов; (7) производство оборудования и транспорта; (8) легкая промышленность; (9) услуги; (10) торговля; (11) строительство. Пример приведения различных

классификаторов к агрегированной отрасли «Оборудование и транспорт» показан в *Приложении*.

2. Преобразование наиболее актуальных на текущую дату межотраслевых балансов стран к базовому году моделирования согласно данным об отраслевой структуре ВВП. В качестве базового года моделирования был выбран 2021 год, непосредственно предшествующий введению масштабных санкций против России. Наиболее актуальные межотраслевые балансы для России, ЕС и США представлены за 2019 год, для Китая – за 2017 год. Данные о выпуске и поставках отраслей актуализируются до 2021 года на основе коэффициентов роста ВВП отраслей в каждой стране. Для России формула приведения имеет следующий вид:

$$x_{ij}^{RU-2021} = x_{ij}^{RU-2019} * \frac{va_i^{RU-2021}}{va_i^{RU-2019}}, \quad (1)$$

где i, j – отрасли экономики России в межотраслевом балансе; $x_{ij}^{RU-2019}$ – поставки отрасли i у организаций отрасли j по данным межотраслевого баланса за 2019 год; $va_i^{RU-2021}$ и $va_i^{RU-2019}$ – добавленная стоимость отрасли в 2021 и 2019 году соответственно.

3. Приведение межотраслевых балансов стран к отраслевой структуре модели. Преобразованию подвергаются все разделы баланса: первый квадрант межотраслевых поставок (отечественных и импортных), второй квадрант конечной продукции (в том числе столбцы экспорта и инвестиций), третий квадрант условно-чистой продукции (заработная плата, амортизация и прибыль).

Следует отметить, что при осуществлении преобразований меняется система коэффициентов: стандартные коэффициенты i и j , соответствующие отраслям поставщика и покупателя в межотраслевых балансах стран, заменяются на коэффициенты k и l , соответствующие агрегированным отраслям поставщика и покупателя в модели, при этом каждая агрегированная отрасль включает одну или несколько исходных отраслей. Таким образом, значения в первом квадранте преобразованного баланса имеют набор индексов kl , во втором квадранте – k , в третьем квадранте – l .

Для первого квадранта формула приведения имеет следующий вид:

$$x_{kl} = \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^m x_{ij}, \quad (2)$$

где k – укрупненная отрасль в модели, включающая ряд отраслей экономики $j = \overline{1, n}$; l – укрупненная отрасль в модели, включающая ряд отраслей экономики $j = \overline{1, m}$; x_{kl} – поставки организации укрупненной отрасли k у организации укрупненной отрасли l ; x_{ij} – поставки отрасли i у организации отрасли j по данным межотраслевого баланса.

Аналогично осуществляется приведение матрицы импортных межотраслевых поставок imp_{kl} .

Приведение во втором квадранте рассмотрим на примере столбца экспорта:

$$exp_k = \sum_{i=1}^n exp_i, \quad (3)$$

где k – укрупненная отрасль в модели, включающая ряд отраслей экономики $j = \overline{1, n}$; exp_k – экспорт продукции укрупненной отрасли k ; exp_i – экспорт продукции отрасли i .

Приведение в третьем квадранте покажем на примере строки добавленной стоимости:

$$va_l = \sum_{j=1}^m va_j, \quad (4)$$

где l – укрупненная отрасль в модели, включающая ряд отраслей экономики $j = \overline{1, m}$; va_l – добавленная стоимость укрупненной отрасли l ; va_j – добавленная стоимость отрасли j .

4. Составление таблицы инвестиционных поставок. Поскольку во втором квадранте межотраслевого баланса приводится лишь общий столбец инвестиций dom_inv_i , отражающий объем продукции отраслей, употребленный в качестве средств производства, для оценки распределения этих инвестиций по осуществившим их отраслям используем данные об амортизационных отчислениях по отраслям-производителям:

$$dom_inv_{kl} = dom_inv_k * d_amort_l, \quad (5)$$

где dom_inv_{kl} – объем инвестиций укрупненной отрасли l в средства производства, выпущенные отраслью k ; dom_inv_k – объем продукции укрупненной отрасли k , употребленный в качестве средств производства; d_amort_l – доля амортизационных отчислений

укрупненной отрасли l в общем объеме амортизационных отчислений в стране.

В результате выполнения шага 4 получаем квадратную матрицу инвестиционных поставок организаций, совпадающую по структуре с первым квадрантом межотраслевых поставок. Аналогично получаем матрицу импортных поставок инвестиционной продукции по исходному столбцу imp_inv_k .

5. Распределение потоков импорта и экспорта отраслей между странами – торговыми партнерами и остальным миром. Для каждой страны c_n в модели осуществляются следующие действия:

5.1. Если имеются данные о товарной структуре импорта-экспорта по странам-партнерам, то:

5.1.1. Если структура имеющейся информации совпадает с отраслевой структурой межотраслевого баланса, то использовать формулы приведения из п. 3; иначе (информация представлена в разрезе товарных групп) использовать следующие формулы приведения:

$$exp_k^{c_n-c_m} = \sum_{t=1}^n exp_t^{c_n-c_m}, \quad (6)$$

где k – укрупненная отрасль в модели, включающая ряд товарных групп $t = \overline{1, n}$; $exp_k^{c_n-c_m}$ – экспорт продукции укрупненной отрасли k из страны c_n в страну c_m ; exp_i – экспорт продукции отрасли i из страны c_n в страну c_m .

$$imp_k^{c_n-c_m} = \sum_{t=1}^n imp_t^{c_n-c_m}, \quad (7)$$

где k – укрупненная отрасль в модели, включающая ряд товарных групп $t = \overline{1, n}$; $imp_k^{c_n-c_m}$ – импорт продукции укрупненной отрасли k в страну c_n из страны c_m ; imp_i – импорт продукции отрасли i в страну c_n из страны c_m .

5.1.2. Преобразовать данные о торговых потоках в валюту стран-партнеров, изменив соответствующим образом направления потоков:

$$imp_k^{c_m-c_n} = exp_k^{c_n-c_m} * CurrencyRate^{c_n-c_m}, \quad (8)$$

где $imp_k^{c_m-c_n}$ – импорт продукции укрупненной отрасли k в страну c_m из страны c_n ; $exp_k^{c_n-c_m}$ – экспорт продукции укрупненной отрасли k из страны c_n в страну c_m ; $CurrencyRate^{c_n-c_m}$ – обменный курс валюты страны c_n к валюте страны c_m .

$$\exp_k^{c_m-c_n} = \text{imp}_k^{c_n-c_m} * \text{CurrencyRate}^{c_n-c_m}, \quad (9)$$

где $\exp_k^{c_m-c_n}$ – экспорт продукции укрупненной отрасли k из страны c_m в страну c_n ; $\text{imp}_k^{c_n-c_m}$ – импорт продукции укрупненной отрасли k в страну c_n из страны c_m ; $\text{CurrencyRate}^{c_n-c_m}$ – обменный курс валюты страны c_n к валюте страны c_m .

Иначе (если необходимых данных для страны не имеется) использовать данные об отраслевой структуре импорта и экспорта, полученные в результате обработки информации о странах-партнерах.

5.2. Рассчитать объемы импорта-экспорта с остальным миром (Rest World):

$$\text{imp}_k^{c_n-RW} = \text{imp}_k^{c_n} - \sum_{m=1}^3 \text{imp}_k^{c_n-c_m}, \quad (10)$$

где $\text{imp}_k^{c_n-RW}$ – импорт продукции укрупненной отрасли k в страну c_n из остальных стран мира; $\text{imp}_k^{c_n}$ – общий импорт продукции укрупненной отрасли k в страну c_n ; $\sum_{m=1}^3 \text{imp}_k^{c_n-c_m}$ – импорт продукции укрупненной отрасли k в страну c_n из трех стран c_m , представленных в модели.

$$\exp_k^{c_n-RW} = \exp_k^{c_n} - \sum_{m=1}^3 \exp_k^{c_n-c_m}, \quad (11)$$

где $\exp_k^{c_n-RW}$ – экспорт продукции укрупненной отрасли k из страны c_n в остальные страны мира; $\exp_k^{c_n}$ – общий экспорт продукции укрупненной отрасли k из страны c_n ; $\sum_{m=1}^3 \exp_k^{c_n-c_m}$ – экспорт продукции укрупненной отрасли k из страны c_m в три страны c_m , представленные в модели.

5.3. Преобразовать данные о торговых потоках в валюту остального мира (доллары США), изменив соответствующим образом направления потоков:

$$\text{imp}_k^{RW-c_n} = \exp_k^{c_n-RW} * \text{CurrencyRate}^{c_n-RW}, \quad (12)$$

где $\text{imp}_k^{RW-c_n}$ – импорт продукции укрупненной отрасли k в страны остального мира из страны c_n ; $\exp_k^{c_n-RW}$ – экспорт продукции укрупненной отрасли k из страны c_n в страны остального мира; $\text{CurrencyRate}^{c_n-RW}$ – обменный курс валюты страны c_n к валюте стран остального мира.

$$\exp_k^{RW-c_n} = \text{imp}_k^{c_n-RW} * \text{CurrencyRate}^{c_n-RW}, \quad (13)$$

где $\exp_k^{RW-c_n}$ – экспорт продукции укрупненной отрасли k из стран остального мира в страну c_n ; $\text{imp}_k^{c_n-RW}$ – импорт продукции укрупненной отрасли k в страну c_n из стран остального мира; $\text{CurrencyRate}^{c_n-RW}$ – обменный курс валюты страны c_n к валюте стран остального мира.

5.4. Расчет долей стран-партнеров в импорте страны c_n по отраслям:

$$d_imp_k^{c_n-c_m} = \frac{\text{imp}_k^{c_n-c_m}}{\text{imp}_k^{c_n}}, \quad (14)$$

где $d_imp_k^{c_n-c_m}$ – доля страны c_m в импорте продукции укрупненной отрасли k в страну c_n ; $\text{imp}_k^{c_n-c_m}$ – импорт продукции укрупненной отрасли k в страну c_n из страны c_m ; $\text{imp}_k^{c_n}$ – общий импорт продукции укрупненной отрасли k в страну c_n .

5.5. Расчет объемов импортных межотраслевых поставок по отраслям покупателей, товарным группам и странам-поставщикам:

$$\text{imp}_{kl}^{c_n-c_m} = \text{imp}_{kl}^{c_n} * d_imp_l^{c_n-c_m}, \quad (15)$$

где $\text{imp}_{kl}^{c_n-c_m}$ – импорт продукции укрупненной отрасли-покупателя k из страны c_n у отрасли-поставщика l из страны c_m ; $\text{imp}_{kl}^{c_n}$ – общий импорт продукции укрупненной отрасли-покупателя k из страны c_n у отрасли-поставщика l ; $d_imp_l^{c_n-c_m}$ – доля страны c_m в импорте продукции укрупненной отрасли l в страну c_n .

Рассчитанные объемы импортных межотраслевых поставок по отраслям покупателей, товарным группам и странам-поставщикам заносятся в общую межстрановую таблицу отраслевых поставок (табл. 2). Ячейки в межстрановой таблице отраслевых поставок группируются в квадранты – квадратные матрицы для 11 отраслей, таким образом, каждый квадрант состоит из 121 ячейки. Квадранты на главной диагонали соответствуют первым квадрантам отечественных промежуточных поставок межотраслевых балансов соответствующих стран, приведенных к отраслевой структуре модели. Квадранты в одной строке, за исключением главной диагонали, отражают экспорт промежуточной и конечной продукции из страны в соответствующей строке в другие страны.

Таблица 2. Структура межстрановой таблицы отраслевых поставок

Страна-поставщик / Страна-покупатель	Отрасль	Россия				ЕС				США				Китай				Остальной мир			
		1	2	...	11	1	2	...	11	1	2	...	11	1	2	...	11	1	2	...	11
Россия	1	МОП внутри России				Импорт ЕС у России / экспорт России в ЕС				Импорт США у России / экспорт России в США				Импорт Китая у России / экспорт России в Китай				Импорт остального мира у России / экспорт России в остальной мир			
	2																				
	...																				
	11																				
ЕС	1	Импорт России у ЕС / экспорт ЕС в Россию				МОП внутри ЕС				Импорт США у ЕС / экспорт ЕС в США				Импорт Китая у ЕС / экспорт ЕС в Китай				Импорт остального мира у ЕС / экспорт ЕС в остальной мир			
	2																				
	...																				
	11																				
США	1	Импорт России у США / экспорт США в Россию				Импорт ЕС у США / экспорт США в ЕС				МОП внутри США				Импорт Китая у США / экспорт США в Китай				Импорт остального мира у США / экспорт США в остальной мир			
	2																				
	...																				
	11																				
Китай	1	Импорт России у Китая / экспорт Китая в Россию				Импорт ЕС у Китая / экспорт Китая в ЕС				Импорт США у Китая / экспорт Китая в США				МОП внутри Китая				Импорт остального мира у Китая / экспорт Китая в остальной мир			
	2																				
	...																				
	11																				
Остальной мир	1	Импорт России у остального мира / экспорт остального мира в Россию				Импорт ЕС у остального мира / экспорт остального мира в ЕС				Импорт США у остального мира / экспорт остального мира в США				Импорт Китая у остального мира / экспорт остального мира в Китай				МОП внутри остального мира			
	2																				
	...																				
	11																				

Источник: составлено авторами.

Квадранты в одном столбце, за исключением главной диагонали, отражают импортные поставки промежуточной и конечной продукции в страну из других стран.

Аналогичная по структуре таблица строится для отечественных и международных поставок инвестиционной продукции.

6. Приведение торговых потоков между странами в таблице международного межотраслевого баланса к единицам базовых цен. Для этого используем базовую цену в один доллар США, курсы национальных валют к доллару США и коэффициента дополнительной торговой наценки, который примем равным 1,2 для развитых стран (США и ЕС) и 1 для развивающихся стран (Россия, Китай и остальной мир). Формула приведения имеет следующий вид:

$$UnifyingCoefficient_{c_b}^{c_s} = CurrencyRate^{c_b-USD} / PriceCoefficient^{c_s}, \tag{16}$$

где $UnifyingCoefficient_{c_b}^{c_s}$ – коэффициент приведения к базовой цене значений из квадранта страны-покупателя c_b и страны-поставщика c_s ; $CurrencyRate^{c_b-USD}$ – обменный курс валюты страны c_b к доллару США; $PriceCoefficient^{c_s}$ – коэффициент дополнительной торговой наценки страны-поставщика c_s .

Шаг 1 алгоритма (сопоставление отраслевых классификаторов стран с отраслевой структурой модели) выполняется для всех стран одновременно в начале обработки данных. Далее для каждой страны в соответствии с алгоритмом производится приведение межотраслевого баланса за 2019 год (2017 год для Китая) к 2021 году на основе данных о ВВП, импорте и экспорте страны за 2021 год по формуле (1) (Шаг 2). Затем актуализированный баланс приводится к отраслевой структуре модели по формулам (2)–(4) (Шаг 3) и составляется таблица инвестиционных поставок по формуле (6) (Шаг 4).

Поскольку информация об импорте и экспорте стран представлена с различной степенью детализации, дальнейший порядок обработки по описанному алгоритму имеет значение. Наиболее детализированные данные о международной торговле представлены для ЕС, поэтому они преобразуются первыми. В шаге 5.1 используются формулы (6) и (7), товарными группами t выступают классификаторы SITC. Полученные данные преобразуются к валюте стран-партнеров и служат для них исходными в расчетах (формулы (8) и (9)). Данные об импорте и экспорте с остальным миром формируются по формулам (10)–(13), затем рассчитываются доли стран-партнеров в импорте по формуле (14) и объемы импортных межотраслевых поставок по странам-поставщикам по формуле (15).

Преобразование данных по России представляет собой общий случай алгоритма, так как одна часть данных об импорте и экспорте получена из предшествующих расчетов по ЕС, а другая (по товарообороту с США и Китаем) – на основе исходных российских данных, преобразованных по формулам (6) и (7), товарными группами t выступают классификаторы ТН ВЭД. Последовательность обработки данных для России представлена на *рисунке*.

Для США в качестве предварительно рассчитанных поступают данные по товарообороту с ЕС и Россией, а данные по торговле с Китаем преобразуются из исходных по формуле (3), поскольку информация об импорте и экспорте представлена в отраслевой структуре, аналогичной межотраслевому балансу.

В расчетах для Китая вся информация об отраслевой структуре товарооборота со странами-партнерами передается из проведенных расчетов по ЕС, России и США, выходными являются только данные об импорте и экспорте с остальными странами мира (формулы (10)–(13)).

ВВП остального мира рассчитывается на основе данных Всемирного банка как разница между глобальным ВВП (94 трлн долларов в 2021 году) и ВВП стран, рассматриваемых в модели (55,4 трлн долларов). Отраслевую структуру экономики остального мира и коэффициенты межотраслевых поставок считаем аналогичными данным параметрам для экономики

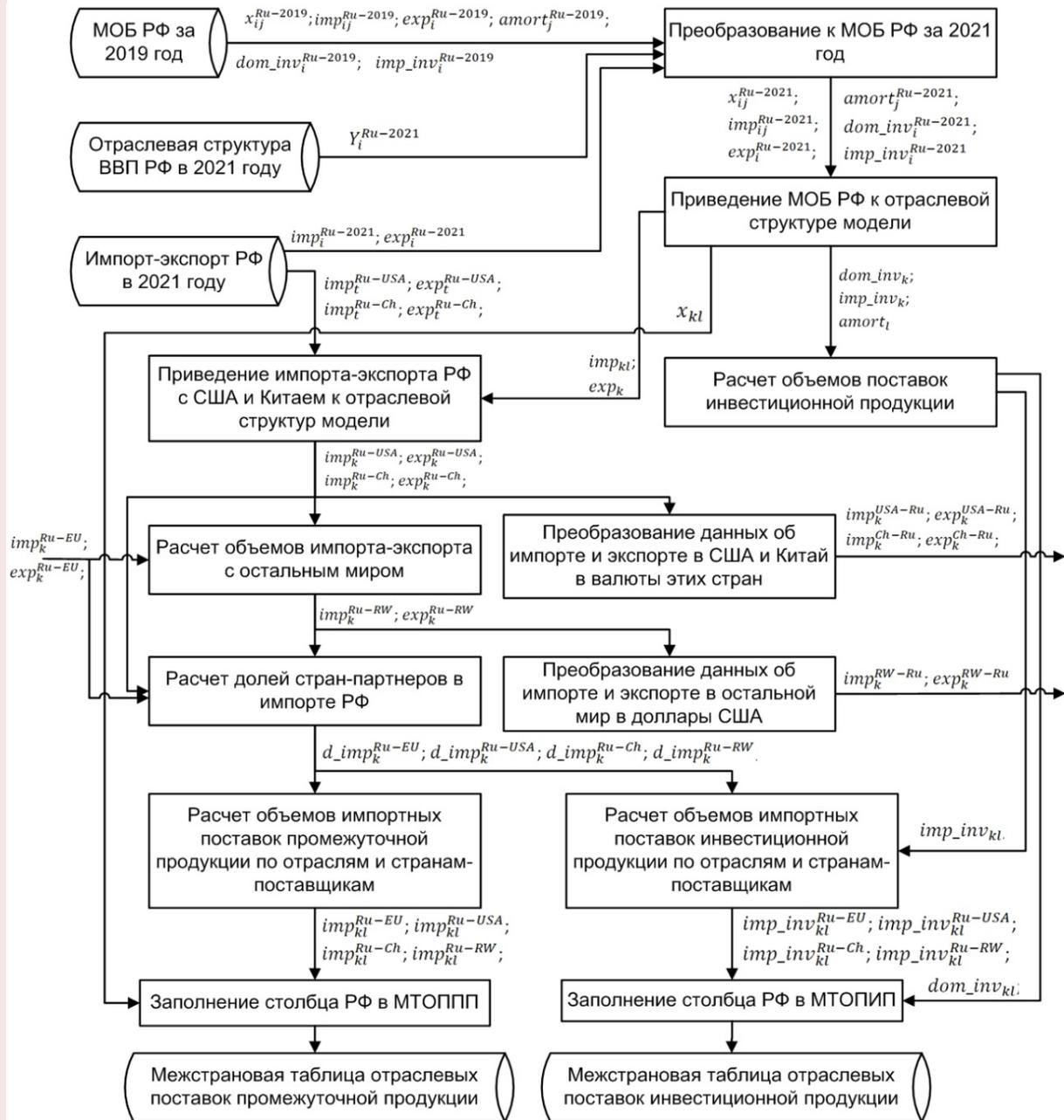
Китая, которая является самой крупной среди развивающихся стран. На основе этих данных строится межотраслевой баланс объединенного остального мира в отраслевой структуре модели, а данные об импорте и экспорте со странами, представленными в модели, поступают из предшествующих расчетов.

По завершении расчетов для отдельных стран и остального мира в целом полученные данные о промежуточных и инвестиционных поставках заносятся в соответствующие столбцы межстрановой таблицы отраслевых поставок промежуточной продукции (МТОППП) и межстрановой таблицы отраслевых поставок инвестиционной продукции (МТОПИП), которые затем приводятся к базовым ценам в долларах США по формуле (16).

Результаты и обсуждение

В качестве первого результата рассмотрим анализ отраслевой структуры международного товарообмена в 2021 году, проводимый на шагах 5.1–5.4 представленного алгоритма. В *таблице 3* приведены данные об отраслевой структуре импорта и экспорта Евросоюза в Россию, США, Китай и остальной мир. Исходная информация для расчетов представлена на сайте Евростата в товарной номенклатуре SITC. При сопоставлении номенклатуры SITC с отраслевой структурой модели следует учесть ряд нюансов. Во-первых, группы 6 и 8 представлены в таблицах Евростата парой, и доли стран в импорте и экспорте считаются одинаковыми для соответствующих агрегированных отраслей (например, доля России в экспорте ЕС материалов (отрасль 6) и продукции легкой промышленности (отрасль 8) составляет 3,9%). Однако применение этого подхода при последующем сопоставлении данных Евростата с данными других стран может выявить противоречия, например, расчетная оценка объема экспорта в одну страну может превосходить суммарный объем экспорта по определенной отрасли, что требует дополнительных взаимных корректировок долей стран. Так, в результате корректировок данных по импорту ЕС доля России в отрасли 6 составила 8,6%, а в отрасли 8 – 0,7%. Для США и Китая расхождений не было обнаружено, и доли этих стран в импорте отраслей 6 и 8 равны (7,3% у Китая и 31,1% у США).

Последовательность обработки данных о производстве и торговле России

Источник: составлено авторами.

Таблица 3. Отраслевая структура импорта и экспорта Евросоюза со странами-партнерами и остальным миром в 2021 году

№	Укрупненная отрасль в модели	Экспорт ЕС					Импорт ЕС				
		Всего, млрд евро	Доля стран в экспорте, %				Всего, млрд евро	Доля стран в импорте, %			
			Россия	США	Китай	Ост. мир		Россия	США	Китай	Ост. мир
1	Сельское хозяйство, производство продуктов питания	175,5	3,3	12,3	8,6	75,8	117,1	1,8	5,6	4,1	88,5
2	Добыча полезных ископаемых	70,8	3,7	9,6	15,6	71,1	106,0	59,3	11,0	3,5	26,2
3	Производство топлива	104,2	0,8	12,6	1,4	85,2	385,8	12,2	8,6	0,3	78,9
4	Государственный сектор	0,5	15,0	20,7	7,3	57,0	3,4	0,6	13,6	3,7	82,1
5	Химическое производство	456,2	4,4	25,3	7,2	63,1	270,7	2,5	21,3	12,7	63,5
6	Производство материалов	288	3,9	17,5	8,8	69,8	220,5	8,6	7,3	31,1	53,0
7	Производство оборудования и транспорта	831,5	4,7	17,6	14,0	63,7	671,8	0,3	12,0	39,3	48,4
8	Легкая промышленность	208,6	3,9	17,5	8,8	69,8	304,5	0,7	7,3	31,1	60,9
9	Услуги	35,2	3,2	27,0	7,3	68,8	9,3	66,3	27,2	3,7	2,8
10	Торговля	10,2	0,7	0	7,3	71,3	28,2	48,5	5,7	3,7	42,1
11	Строительство	0,5	29,9	0	7,3	42,1	1,3	48,6	0	3,7	47,7
Всего, млрд евро		2181,1	89,3	399,7	223,6	1468,5	2118,4	162,5	232,6	472,8	1250,5

Источник: расчеты авторов.

Во-вторых, отраслевая классификация в модели является более детальной в отношении государственного сектора и сектора услуг. Четыре отрасли модели (государственный сектор, торговля, услуги, промышленность) не отражены в номенклатуре SITC, их доля в импорте (экспорте) определяется как разница между общим импортом (экспортом) и суммой импорта (экспорта) в отраслях реального сектора. Доли стран в импорте и экспорте по этим четырем отраслям также считаются одинаковыми за исключением корректировок, вызванных противоречиями при обработке данных других стран. Так, для Евросоюза потребовалась корректировка долей России и обнуление долей США в экспорте услуг торговли и строительства, поскольку для США импорт этих отраслей указан в статистике как нулевой.

Также была обнаружена несостыковка классификаторов SITC и отраслевой структуры экспорта России в сфере полезных ископаемых и топлива. Нефть и газ в российских классификаторах попадают в агрегированную отрасль 2, а в отрасль 3 – только продукты нефтепереработки; в классификаторе SITC нефть и газ попадают в группу 3 (минеральное топливо), которая соответствует агрегированной отрасли 3. Поэтому поток экспорта нефтегазовой продукции из России был разделен между отраслями 2 и 3 в таком соотношении, которое позволило избежать противоречий в объемах торгового обмена между странами и общем экспорте России.

В результате корректировок доля России в импорте ЕС полезных ископаемых в 2021 году составила порядка 60%, большая часть из кото-

рых приходилась на нефть и газ. Также значимые доли в импорте ЕС из России занимали топливо (12,2%) и материалы (8,6%), в прочих отраслях, включая сельское хозяйство, доли не превосходили 2,5%. Таким образом, зависимость ЕС от России ограничивалась сферой нефтегазовых ресурсов, однако в этой сфере была крайне глубокой. В технологичных отраслях более значимыми поставщиками для ЕС выступают Китай (более 30% в производстве материалов и легкой промышленности, почти 40% в оборудовании и транспорте) и США (21% в химическом производстве, 12% в оборудовании и транспорте).

Данные об отраслевой структуре импорта и экспорта России с Евросоюзом, США, Китаем и остальным миром представлены в *таблице 4*. В качестве исходных данных по отраслевой структуре торговли с Евросоюзом были использованы скорректированные выше данные Евростата, по торговле с США и Китаем – данные Федеральной таможенной службы России. До-

полнительной корректировки на этом шаге потребовали данные по торговому обмену с США в отраслях 4, 6, 8, 9, 10, 11.

В структуре импорта России в 2021 году прослеживается сильная зависимость от ЕС в отношении поставок материалов (51,6%), продукции химического производства (44,3%), оборудования и транспорта (35,4%) и легкой промышленности (31,3%), а также услуг в сфере разведки и добычи полезных ископаемых (51,2%), то есть практически во всех высокотехнологичных областях. Второе место в импорте занимал Китай с долями в перечисленных отраслях от 15 до 33%, тогда как доля США составляла от 1 до 6%.

В экспорте России Евросоюз также играл лидирующую роль, объемы поставок продукции в европейские страны почти в три раза превышали поставки в Китай (14 трлн руб. по сравнению с 5 трлн руб.) и почти равнялись суммарным поставкам в остальные страны мира (17 трлн руб.).

Таблица 4. Отраслевая структура импорта и экспорта России со странами-партнерами и остальным миром в 2021 году

№	Укрупненная отрасль в модели	Экспорт РФ					Импорт РФ				
		Всего, млрд руб.	Доля стран в экспорте, %				Всего, млрд руб.	Доля стран в импорте, %			
			ЕС	США	Китай	Ост. мир		ЕС	США	Китай	Ост. мир
1	Сельское хозяйство, производство продуктов питания	2224,1	8,3	0,4	9,3	82,0	2610,3	19,3	1,3	4,2	75,2
2	Добыча полезных ископаемых	10245,3	53,4	3,2	18,1	25,3	444,5	51,2	1,0	1,7	46,1
3	Производство топлива	5476,6	75,0	3,3	17,3	4,4	342,1	20,2	1,2	1,6	77,0
4	Государственный сектор	21,3	8,4	3,6	0	88,0	42,2	14,3	4,1	25,7	55,9
5	Химическое производство	3347	17,6	4,1	6,6	71,7	3940,9	44,3	6,6	14,9	34,2
6	Производство материалов	6470,3	25,5	5,4	8,9	60,2	1912,9	51,6	2,8	23,6	22,0
7	Производство оборудования и транспорта	2388,2	7,1	2,3	9,0	81,6	9592,5	35,4	5,1	33,0	26,5
8	Легкая промышленность	268,6	68,2	1,7	0,6	29,5	2280,8	31,3	0,8	45,4	22,5
9	Услуги	3886,7	13,7	3,9	16,8	65,6	3672,5	2,3	4,1	25,7	67,9
10	Торговля	2880,8	41,3	0	16,8	41,9	14,6	41,3	10,0	25,7	23,0
11	Строительство	422,1	12,6	0	16,8	70,6	507,2	2,4	1,0	25,7	70,9
Всего, млрд руб.		37631	14132	1211	5232	17056	25360	7754	1019	6458	10129

Источник: расчеты авторов.

Таблица 5. Отраслевая структура импорта и экспорта США со странами-партнерами и остальным миром в 2021 году

№	Укрупненная отрасль в модели	Экспорт США					Импорт США				
		Всего, млрд долл.	Доля стран в экспорте, %				Всего, млрд долл.	Доля стран в импорте, %			
			ЕС	РФ	Китай	Ост. мир		ЕС	РФ	Китай	Ост. мир
1	Сельское хозяйство, производство продуктов питания	179,5	4,3	0,3	11,0	84,4	188,3	13,5	0,1	2,0	84,4
2	Добыча полезных ископаемых	131,1	10,6	0	6,5	82,9	153,2	5,3	2,9	3,0	88,8
3	Производство топлива	132,8	29,5	0	7,0	63,5	71,7	21,7	3,4	6,0	68,9
4	Государственный сектор	6,4	8,5	0,4	0	91,1	7,5	1,5	0,1	0	98,4
5	Химическое производство	278,2	24,5	1,3	7,0	67,2	420,8	32,5	0,4	10,0	57,1
6	Производство материалов	130,8	14,6	0,6	6,8	78,0	267,6	22,3	1,8	10,0	65,9
7	Производство оборудования и транспорта	526,4	18,1	1,3	7,2	73,4	1137,7	15,2	0,1	17,0	67,7
8	Легкая промышленность	63,8	41,3	0,4	4,0	54,3	343,2	12,6	0	24,0	63,4
9	Услуги	609,3	0,5	0,3	4,8	94,4	265,0	3,3	0,8	5,8	90,1
10	Торговля	2,5	76,8	0,8	0	22,4	0	0	0	0	0
11	Строительство	0,1	0	68,3	0	31,7	0	0	0	0	0
Всего, млрд долл.		2060,9	275,3	13,9	135,7	1636	2854,9	470,5	16,5	372,6	1995,3

Источник: расчеты авторов.

В *таблице 5* приведены данные об отраслевой структуре импорта и экспорта США с Евросоюзом, Россией, Китаем и остальным миром. Обработанные выше данные Евростата и Федеральной таможенной службы были использованы в качестве исходных по отраслевой структуре торговли с Евросоюзом и Россией, для анализа отраслевой структуры торговли с Китаем применялись данные Бюро экономического анализа США. Дополнительной корректировки на этом шаге не потребовалось, поскольку данные по импорту и экспорту США с отдельными странами публикуются в отраслевой структуре, совместимой с агрегированными отраслями модели без потери точности.

Из рассматриваемых в модели стран наиболее значимыми торговыми партнерами для США являются Китай и страны Евросоюза, однако их общая доля в экспорте составляет порядка 20%, а в импорте – порядка 30%, что свидетельствует о высокой степени диверсификации торговых отношений США.

Отраслевая структура импорта и экспорта Китая с Евросоюзом, Россией, США и остальным миром рассчитывается на основе обрабо-

танных выше данных Евростата, Федеральной таможенной службы России и Бюро экономического анализа США; результаты расчетов представлены в *таблице 6*. Торговые отношения Китая, как и США, являются достаточно диверсифицированными: на страны, не рассматриваемые в модели, приходится 60–90% экспорта и 70–80% импорта большинства отраслей.

Вторым результатом проведенной работы выступает формирование межстрановых таблиц отраслевых поставок промежуточной и конечной продукции (на основе информации из первых квадрантов, столбцов экспорта и конечной продукции межотраслевых балансов отдельных стран) и инвестиционной продукции (на основе столбцов экспорта и инвестиций из вторых квадрантов).

Исходные данные межотраслевых балансов стран были обработаны в соответствии с шагами 1–4 предложенного в статье алгоритма и приведены к виду межстрановых таблиц отраслевых поставок с использованием представленных выше данных о долях стран в импорте и экспорте отраслей (шаг 5.5). Для загрузки

Таблица 6. Отраслевая структура импорта и экспорта Китая со странами-партнерами и остальным миром в 2021 году

№	Укрупненная отрасль в модели	Экспорт Китая					Импорт Китая				
		Всего, млрд юаней	Доля стран в экспорте, %				Всего, млрд юаней	Доля стран в импорте, %			
			ЕС	РФ	США	Ост. мир		ЕС	РФ	США	Ост. мир
1	Сельское хозяйство, производство продуктов питания	633,9	5,7	1,5	3,8	89,0	1381,6	8,3	1,3	9,1	81,3
2	Добыча полезных ископаемых	64,6	43,9	1,0	45,4	9,7	2710,3	3,1	6,0	2,0	88,9
3	Производство топлива	887,7	0,9	0,1	3,1	95,9	1102,1	1,0	7,5	5,4	86,1
4	Государственный сектор	304,4	0,3	0,3	0	99,4	-	-	-	-	-
5	Химическое производство	1270,0	20,5	4,0	21,2	54,3	1219,6	20,4	1,6	10,2	67,8
6	Производство материалов	1345,9	38,6	2,9	12,7	45,8	1031,4	18,5	4,9	5,5	71,1
7	Производство оборудования и транспорта	9377,6	21,3	2,9	13,2	62,6	6362,5	13,8	0,3	3,8	82,1
8	Легкая промышленность	4099,3	17,5	2,2	12,8	67,5	905,6	15,3	0	1,8	82,9
9	Услуги	773,0	0,3	10,6	12,6	76,5	1868,1	1,0	3,0	10,0	86,0
10	Торговля	2864,3	0,3	0	0	25,2	721,0	5,6	42,1	0	0
11	Строительство	109,4	0,3	10,4	0	62,0	67,9	0,3	6,2	0	0
Всего, млрд юаней		21730,	3576,2	561,5	2380,8	15211,5	17370	1691,1	454,9	866,9	14357,1

Источник: расчеты авторов.

в модель данные таблиц приведены к базовым ценам в долларах США (шаг 6). Размерность каждой из таблиц составляет 3025 ячеек (квадратная матрица 55*55). Фрагмент полученной в результате расчетов таблицы, отражающей поставки промежуточной и конечной продукции между Россией и ЕС, а также поставки внутри этих стран, представлен в *таблице 7*.

Первый квадрант представляет межотраслевые поставки отечественной продукции в экономике России, второй – экспорт России в ЕС (импорт ЕС из России), третий – импорт России из ЕС (экспорт ЕС в Россию), четвертый – межотраслевые поставки отечественной продукции в экономике ЕС (в соответствии с предложенной структурой межстрановой таблицы отраслевых поставок, представленной в таблице 2).

Для прогнозирования динамики международного товарообмена необходимо оценить масштаб введенных санкций в отношении продукции различных отраслей со стороны ЕС и

США. Для решения этой задачи были использованы данные об объемах импорта и экспорта с Россией, публикуемые Евростатом, и ежеквартальные данные Бюро экономического анализа США.

Поскольку Евростат публикует данные по международной торговле в разрезе товарных групп, то можно оценить динамику импорта и экспорта ЕС с Россией по каждой из них (*табл. 8*). Исключение составляет товарная группа SITC 2+4, представляющая полезные ископаемые, по которой детализация оборота с Россией больше не публикуется на сайте Евростата (представленные в таблице 8 данные за 2021 год были выгружены в ноябре 2022 года, при обращении в марте 2023 года эта информация оказалась недоступной). Отсутствие данных по группе 2+4 также не позволяет оценить объем торговли по прочим группам товаров, который определяется как разница между общим объемом импорта (экспорта) и суммой импорта (экспорта) по выделенным группам.

Таблица 7. Фрагмент межстрановой таблицы отраслевых поставок за 2021 год
(товарооборот промежуточной и конечной продукции и услуг между Россией и ЕС в базовых ценах)

№ отп.	РФ											ЕС										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	75417	59	0,5	3020,3	230,5	3452,2	14,1	284,4	4721,3	109419	195,4	794,3	0,2	1,3	18,5	30,4	11,4	2,3	14,2	204,6	1000,5	3,3
2	90,7	15217	66726	54,2	2279,7	13251	48,1	337,9	13090	4003,3	2233,4	587,5	764,8	32657	468,6	4656,8	4390,1	757,3	202,1	13749	3982,9	1360,8
3	4257,7	5130,8	22020	1420,5	8111,2	4875,6	563,9	64,4	17741	22131	3533,6	1378,2	1037,5	4295,1	1110,6	3717,2	849,4	607,9	173,6	17677	15130	1379,8
4	292,8	347	181,2	227338	199	379,2	311,1	37,4	2226,6	24311	251,8	0,1	0	0	5,7	0,1	0	0,1	0	6,6	6,8	0,7
5	6655,4	968,6	1756,9	3634,6	19309	4212	4167,9	1041,5	4811,7	11964	17720	352,7	13,8	68,9	849,8	1972	287,6	520,5	154,3	932,5	1028	400,6
6	4213,2	1845,6	100,3	1304,9	4361	44890	17320	2063,3	11958	5519,8	16740	371,1	41,6	61,2	260,5	730,7	7071,5	4351,1	627,1	1438,8	1295,8	1664,1
7	3190,2	4018,3	200,5	1632,7	1366,4	4676,1	24873	132,2	16095	18320	4472,5	7,7	2,3	2,9	39,7	14,2	26,1	566	11,1	199,9	314,9	61,3
8	173,4	129,6	22	859,8	388,8	160,1	351,6	1720	873,6	10861	116,6	10,1	0,4	0,8	42,4	29,1	22,8	55,1	245,8	186,1	1165,6	21
9	19801	33014	21831	58925	22584	33465	15727	2757,8	233050	299800	18864	89,9	6,5	17,1	339,5	281,8	92,9	339,8	42,6	2823,8	1064,1	105,8
10	11181	2685,9	4178,9	5944,5	8305,6	13889,0	11188	1682,2	23679	163931	9942,7	897,1	13,6	64,1	272,8	628,2	415,5	1894,1	390	3211,5	4971,2	621,1
11	620,3	3911	752	9971,6	677,8	1201,7	541,6	49	12107	928,5	4728	2,5	0,4	0,4	36,3	2,6	11,4	7,2	0,4	85,1	15	262,5
1	1341,1	0,2	0	88,4	43,4	1,9	0,3	10,6	163,7	3132,8	0,2	369761	170,2	667,6	11443	11762	15869	1779,6	3609	139147	509233	2089,1
2	3,6	120,4	36,8	0,2	134,2	924,8	0,6	44,3	78,7	0,9	70	1658,7	5305,9	29162	1130,7	10308	5076	822,9	269,4	18303	5845,2	8876
3	53,9	2,4	86	4,1	26	60,6	0,5	0	425,6	0,6	1,7	8316	24698	32036	4106,1	13284	4577,5	2572,4	616	55635	80810	8734,3
4	0,7	1,3	0,3	28,8	0,6	1,2	1,5	0,1	14,7	7,9	0,8	3825,4	326,2	1238,4	2168726	5158,1	3812,9	9078,3	1181,6	165443	426279	7522
5	895,9	223,7	371,6	1888,3	3754	923,4	1098,1	314,2	757,8	4657,9	1366,5	39537	2084,9	9908,1	45105	181342	32616	69575	17083	92597	113019	105576
6	342,1	212,3	9,9	82,5	321,9	3107,7	1161,6	207,5	846,3	767,7	1502,9	21311	1459,8	2553,6	19947	25602	226969	182559	23022	103647	70344	89454
7	316,2	437,4	102,6	310,3	131,8	586,8	6761,3	21,6	2716,1	6254,3	908,3	15968	4215,5	4914,2	22510	15980	28436	403976	6839,6	145778	252307	46884
8	24,6	7,9	0,8	247,9	49,2	14,3	53,1	410,5	146,1	5415,7	17	1349,5	79,3	137,6	5870,1	3415,7	2802,5	7030,5	39924	26844	125786	4436
9	34,4	38,5	14	40	29,1	36,5	31,3	3,2	346	157,6	42,3	178826	15050	41405	625288	180562	169515	271555	53106	3120984	3686036	231732
10	0	0,1	0	15,2	3,5	3,5	1,6	0,1	1	28,4	0	114029	3913,9	11655	65812	66577	63243	167906	32583	281821	1060052	88473
11	0,2	1,8	0,3	18,9	0,3	0,5	0,2	0	6,9	4,3	2,2	6946,3	1279,5	1689,8	33091	6162,5	7015,5	12271	1828,8	197284	56041	307363

Источник: расчеты авторов.

Таблица 8. Динамика товарного обмена между ЕС и Россией в 2022 году относительно значений 2021 года

SITC	Импорт ЕС из РФ, млн евро			Экспорт ЕС в РФ, млн евро		
	2021	2022	динамика, %	2021	2022	динамика, %
Продукты питания, напитки и табачные изделия	2123,1	2402,9	13,2	5781,6	5770	-0,2
Сырье	7273,7	-	-	2617,3	-	-
Минеральное топливо	104005,9	148151,3	42,4	789,7	485,4	-38,5
Химические продукты	6796,7	7114,8	4,7	20012,9	18235,5	-8,9
Прочие материалы и продукты	21046,8	18496,2	-12,1	19538,7	11876,1	-39,2
Оборудование и транспорт	1953,4	1277,8	-34,6	39437,5	16117,8	-59,1
Прочие группы	20447,0	-	-	1015,0	-	-
Общий импорт/экспорт	163646,6	203578,7	24,4	89192,7	55161,8	-38,2
Источник: расчеты авторов.						

Согласно данным таблицы 8, объем импорта России из стран Евросоюза снизился на 38%, наиболее значительное падение зафиксировано в отрасли 7 (оборудование и транспорт) – 59%. Заметны изменения в импорте материалов и продукции легкой промышленности (39%), тогда как импорт сельскохозяйственной и пищевой продукции остался практически без изменений. Изменения в экспорте России в ЕС в 2022 году представляют еще больший интерес. Несмотря на беспрецедентное количество введенных санкций, экспорт в ЕС увеличился на 24%, при этом экспорт топлива (отрасль 3) – на 42%. Это свидетельствует о том, что при сокращении поставок энергоносителей в натуральном выражении покупатель из ЕС платили за них значительно дороже в стоимостном выражении. Если оценить снижение физических поставок энергоносителей в 50% относительно 2021 года, то данные Евростата говорят о фактическом росте цен в 3 раза (более точные

цифры можно будет получить после публикации расширенных данных о международной торговле России за 2022 год). Экспорт высокотехнологичной продукции в ЕС при этом сократился на 34% в оборудовании и транспорте, на 12% – в материалах и продукции легкой промышленности.

Поскольку во время подготовки нами статьи Федеральная служба государственной статистики и Федеральная таможенная служба еще не публиковали данные по торговле России с США в 2022 году, для оценки ее динамики необходимо опираться на данные Бюро экономического анализа США (табл. 9). Данные публикуются ежеквартально, что позволяет более детально оценить темпы изменений по сравнению с ежегодными отчетами, однако данные по торговле США с Россией не детализированы в отраслевом разрезе, поэтому оцениваться будет лишь динамика общих объемов импорта и экспорта.

Таблица 9. Динамика товарного обмена между США и Россией в 2022 году относительно значений 2021 года

Показатель	Год	Период				
		I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал	Итого за год
Импорт США из РФ, млн долл.	2021	6219	7918	8390	7111	29638
	2022	7285	3872	1340	1966	14463
Динамика импорта в 2022 г. относительно 2021 г., %		17,1	-51,1	-84,0	-72,4	-51,2
Экспорт США в РФ, млн долл.	2021	1477	1780	1588	1621	6466
	2022	1035	293	287	303	1918
Динамика экспорта в 2022 г. относительно 2021 г., %		-29,9	-83,5	-81,9	-81,3	-70,3
Источник: расчеты авторов.						

Изменения в торговых отношениях между Россией и США являются более предсказуемыми, чем с Евросоюзом, однако снижение экспорта США в Россию более значительное (70%), чем снижение импорта из России (51%). Также можно отметить, что экспорт в Россию снизился практически моментально во II квартале 2022 года, а импорт снижался постепенно на 51% во II квартале, на 84% в III квартале, а затем частично восстановился в IV квартале 2022 года.

В целом можно заключить, что в результате введенных санкций наиболее пострадавшими оказались страны Евросоюза, которые не только столкнулись с дефицитом энергоносителей в 2022 году, но и заплатили за меньшее их количество большую цену, чем за полный объем поставок в предшествующем году. Таким образом, доходы России от экспорта энергоносителей в Европу оказались в итоге высокими, а наибольшие трудности представляло собой замещение импорта материалов, машин и оборудования, ранее поставлявшихся из ЕС в значительном объеме. Для США, напротив, издержки от разрыва торговых связей с Россией оказались сравнительно небольшими, поскольку объем импорта и экспорта с Россией составляет для них менее 1%.

Заключение

В работе была поставлена цель проанализировать имеющиеся данные о торговых отношениях между Россией, Китаем, ЕС, США и остальным миром и привести их к унифицированному виду для загрузки в агент-ориентированную модель торговых войн. В рамках достижения этой цели были решены следующие задачи.

1. Проанализированы структуры отраслевых и товарных номенклатур в различных странах и предложена схема их унификации в 11 укрупненных отраслей модели.

2. Предложен алгоритм, определяющий последовательность обработки исходных статистических данных к виду, необходимому для их загрузки в модель.

3. Данные таблиц «затраты — выпуск» для различных стран актуализированы до значений 2021 года на основе информации о ВВП, импорте и экспорте и приведены к отраслевой структуре модели.

4. Данные об импорте и экспорте стран приведены к отраслевой структуре модели и

детализированы по странам-партнерам с использованием предложенного алгоритма. В процессе решения этой задачи был также осуществлен анализ отраслевой структуры международного товарообмена в 2021 году, выявивший высокий уровень взаимосвязи экономик стран Евросоюза и России до введения масштабных санкций и сравнительно низкие показатели товарообмена между Россией и США.

5. Предложена структура межстрановых таблиц отраслевых поставок, на основе полученных данных сформированы таблицы, отражающие потоки промежуточной и инвестиционной продукции как внутри стран — участниц модели, так и между ними.

6. Проведен анализ динамики торгового обмена России со странами, введшими санкционные ограничения. Он показал, что импорт России из стран Евросоюза упал на 38%, а экспорт увеличился на 24%, в частности экспорт топлива — на 42%. Эти данные представлены в стоимостном выражении и в условиях введенных санкций свидетельствуют о значительном росте цен (порядка 200%) при сокращении поставок в натуральном выражении вдвое. В отношении торгового обмена России и США после введения санкций можно отметить, что снижение импорта из США в Россию составило 70%, а экспорта — порядка 50%.

Полученные массивы данных были использованы для проведения расчетов на агент-ориентированной модели торговых войн. Исследовалась динамика торговых отношений в трехлетнем периоде при различных вариантах государственной инвестиционной политики. Результаты проведенных экспериментов представлены в работе (Машкова, 2023) и показывают, что степень влияния инвестиций на экономику прямо пропорциональна жесткости введенных санкций, а при сохранении введенных торговых ограничений реализация масштабных инвестиционных программ позволяет ускорить восстановление экономики в среднем на 0,5% ВВП в год. Дальнейший план экспериментальных исследований включает оценку чувствительности экономических систем различных стран к перестройке мировых торговых отношений, в частности скорости восстановления экономик вовлеченных в конфликт стран с учетом их способности к замещению попавших под ограничения ресурсов и товаров.

Литература

- Алтынер А., Бозкурт Э., Топчуоглу О. (2022). Влияние расходов на НИОКР на экспорт высокотехнологичной продукции // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 5. С. 153–169. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.8
- Андреев М.Ю., Полбин А.В. (2023). Оценка макроэкономических эффектов от ожидаемого сокращения нефтегазовых доходов // *Вопросы экономики*. № 4. С. 5–28. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-4-5-28>
- Афонцев С.А. (2022). Политические парадоксы экономических санкций // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 3 (55). С. 193–198. DOI: 10.31737/2221
- Башмаков И.А. (2022). Углеродное регулирование в ЕС и российский сырьевой экспорт // *Вопросы экономики*. № 1. С. 90–109. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-1-90-109>
- Белозёров С.А., Соколовская Е.В. (2022). Теоретико-игровой подход к моделированию конфликта интересов: экономические санкции // *Terra Economicus*. Т. 20. № 1. С. 65–80. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-1-65-80
- Борисов В.Н., Почукаева О.В. (2021). Анализ и прогноз конкурентоспособности российской инвестиционной техники на рынках дальнего зарубежья // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 14. № 2. С. 43–58. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.3
- Внуков И.А., Моисеев Н.А., Сокерин П.О. (2023). Оценка эффектов различных вариантов импортозамещения методом «затраты – выпуск» на примере Российской Федерации // *Экономика и математические методы*. Т. 59. № 1. С. 30–47. URL: <https://emm.jes.su/s042473880024869-4-1/>. DOI: 10.31857/S042473880024869-4
- Голикова В.В., Кузнецов Б.В. (2021). Стратегии поведения российских предприятий обрабатывающей промышленности в отношении импорта в условиях экономических санкций // *Вопросы экономики*. № 7. С. 89–106. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-7-89-106>
- Гордеев Р.В., Пыжев А.И. (2023). Лесная промышленность России в условиях санкций: потери и новые возможности // *Вопросы экономики*. № 4. С. 45–66. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-4-45-66>
- Дерунова Е.А., Васильченко М.Я., Шабанов В.Л. (2021). Оценка влияния инновационно-инвестиционной активности на формирование экспортно ориентированной аграрной экономики // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 14. № 5. С. 100–115. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.6
- Егорова А.И., Чепуренко А.Ю. (2022). Факторы упругости малого предпринимательства в условиях внешних шоков в России (по данным лонгитюдного исследования) // *Российский журнал менеджмента*. № 20 (2). С. 172–197. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu18.2022.202>
- Единак Е.А., Саяпова А.Р., Широков А.А. (2022). Эндогенизация потребления домашних хозяйств в расширенной модели «затраты-выпуск» // *Проблемы прогнозирования*. № 1 (190). С. 6–18. DOI: 10.47711/0868-6351-190-6-18
- Колпаков А.Ю., Саенко В.В. (2023). Анализ зависимости секторов топливно-энергетического комплекса России от импортного оборудования на основе публичных данных // *Проблемы прогнозирования*. № 1 (196). С. 144–155. DOI: 10.47711/0868-6351-196-144-155
- Кувалин Д.Б. (2022). Российская экономика в условиях жестких внешних санкций: проблемы, риски и возможности // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 6. С. 79–93. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.4
- Любимов И. (2021). Экспорт услуг в развивающихся экономиках // *Экономическая политика*. Т. 16. № 5. С. 76–95. DOI: 10.18288/1994-5124-2021-5-76-95
- Машкова А.Л. (2023). Динамика инвестиций в России в условиях санкционных ограничений: прогноз на базе агент-ориентированной модели // *Бизнес-информатика*. Т. 17. № 1. С. 18–36. DOI: 10.17323/2587-814X.2023.1.18.36
- Парцвания В.Р. (2022). «Ловушка импортозамещения» в реалиях автомобилестроения // *Проблемы прогнозирования*. № 2 (191). С. 119–130. DOI: 10.47711/0868-6351-191-119-130
- Стрижкова Л.А., Исламова Г.Р., Каширская С.И. (2022). Межстрановая таблица «затраты – выпуск» Евразийского экономического союза в составе инструментов анализа и прогнозирования его экономики // *Проблемы прогнозирования*. № 2 (191). С. 17–34.

- Теняков И.М., Хубиев К.А., Эпштейн Д.Б., Заздравных А.В. (2022). Альтернативы стагнации российской экономики: новый геополитэкономический контекст // *Terra Economicus*. Т. 20. № 2. С. 40–58. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-2-40-58
- Тимофеев И.Н. (2022). Политика санкций против России: новый этап // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 3 (55). С. 198–206. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-11
- Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. (2022). Влияние регулирования экспорта на продовольственную безопасность (на примере рынка зерновых в России) // *Проблемы прогнозирования*. № 2 (191). С. 131–141. DOI: 10.47711/0868-6351-191-131-141
- Чернявский А.В., Чепель А.А. (2021). Оценка межотраслевых мультипликаторов на национальном и региональном уровнях на основе таблиц «затраты – выпуск» // *Вопросы экономики*. № 4. С. 32–57. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-4-32-57>
- Чупина Д.А. (2022). Влияние «зеленого» курса на импорт меди из России в ЕС // *Вопросы экономики*. № 1. С. 110–125. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-1-110-125>
- Широв А.А. (2023). Развитие российской экономики в среднесрочной перспективе: риски и возможности // *Проблемы прогнозирования*. № 2 (197). С. 6–17. DOI: 10.47711/0868-6351-197-6-17
- Aguiar A., Narayanan B., McDougall R. (2016). An overview of the GTAP 9 data base. *Journal of Global Economic Analysis*, 1, 181–208. DOI: <https://doi.org/10.21642/JGEA.010103AF>
- Bollen J., Rojas-Romagosa H. (2018). *Trade Wars: Economic Impacts of US Tariff Increases and Retaliation: An International Perspective*. CPB Background Document. CPB Netherlands Bureau for Economic Policy Analysis. Available <https://www.cpb.nl/sites/default/files/omnidownload/CPB-Background-Document-November2018-Trade-Wars-update.pdf>
- Bouët A., Laborde D. (2017). *US Trade Wars with Emerging Countries in the 21st Century. Make America and Its Partners Lose Again*. IFPRI Discussion Paper. Available at: <http://ebrary.ifpri.org/cdm/ref/collection/p15738coll2/id/131368>.
- Corong E., Hertel T., McDougall R. et al. (2017). The standard GTAP model, version 7. *Journal of Global Economic Analysis* 2, 1–119. DOI: <https://doi.org/10.21642/JGEA.030101AF>
- Mashkova A., Bakhtizin A. (2021). Assessment of impact of trade wars on production and exports of the Russian Federation using the agent-based model. *Advances in Systems Science and Applications*, 21(4), 100–114.

Приложение. Сопоставление отраслевых и товарных классификаторов различных стран

Агрегированная отрасль в модели	Отрасли в России	ТН ВЭД	Отрасли в ЕС	SITC	Отрасли в США	Отрасли в Китае
(1) Сельское хозяйство, производство продуктов питания	Растениеводство, животноводство, охота и предоставление услуг в этих областях	Живые животные	Agriculture, hunting and related service activities	Food and live animals	Agriculture, forestry, fishing, and hunting	Agriculture, forestry & fishery
	Лесоводство и лесозаготовки	Мясо и пищевые мясные субпродукты	Forestry, logging and related service activities	Beverages and tobacco	Food manufacturing	Food products and tobacco
	Рыболовство и рыбоводство	Рыба и ракообразные, моллюски	Fishing, fish farming and related activities	Animal and vegetable oils and fats	Beverage manufacturing	
	Производство пищевых продуктов, напитков, табачных изделий	Молочная продукция; яйца птиц; мед натуральный	Manufacture of food products and beverages		Tobacco product manufacturing	
		Продукты животного происхождения	Manufacture of tobacco products			
		Живые деревья и другие растения				
		Овощи и корнеплоды				
		Съедобные фрукты и орехи				
	Кофе, чай, мате, пряности					

Продолжение приложения

Агрегированная отрасль в модели	Отрасли в России	ТН ВЭД	Отрасли в ЕС	SITC	Отрасли в США	Отрасли в Китае
		Злаки				
		Продукция мукомольно-крупяной промышленности				
		Масличные семена и плоды; прочие семена, плоды и зерно				
		Шеллак; камеди, смолы, растительные соки и экстракты				
		Растительные материалы для изготовления плетеных изделий				
		Жиры и масла животного или растительного происхождения				
		Готовые продукты из мяса, рыбы или ракообразных				
		Сахар и кондитерские изделия из сахара				
		Какао и продукты из него				
		Готовые продукты из зерна злаков, муки, крахмала или молока				
		Продукты переработки овощей, фруктов, орехов				
		Разные пищевые продукты				
		Алкогольные и безалкогольные напитки и уксус				
		Остатки и отходы пищевой промышленности; готовые корма для животных				
		Табак и промышленные заменители табака				
(2) Добыча полезных ископаемых	Добыча полезных ископаемых	Соль; сера; земли и камень; известь и цемент	Mining of coal and lignite; extraction of peat	Crude materials, inedible, except fuels	Oil and gas extraction	Mining
		Руды, шлак и зола	Extraction of crude petroleum and natural gas;	Mineral fuels, lubricants and related materials	Mining, except oil and gas	
			Mining of uranium and thorium ores		Support activities for mining	
			Mining of metal ores			
			Other mining and quarrying			

Продолжение приложения

Агрегированная отрасль в модели	Отрасли в России	ТН ВЭД	Отрасли в ЕС	SITC	Отрасли в США	Отрасли в Китае
(3) Производство топлива	Производство кокса и нефтепродуктов	Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки	Manufacture of coke, refined petroleum products and nuclear fuel	Mineral fuels, lubricants and related materials	Petroleum and coal products	Manufacture of coke, refined petroleum products
(4) Государственный сектор	Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение		Public administration and defence; compulsory social security	Commodities and transactions not classified elsewhere in the SITC	Federal general government (defense)	Public administration and defence; social security
	Образование		Education		Federal general government (nondefense)	Education
	Деятельность в области здравоохранения		Health and social work		State and local government educational services	Health and social work
	Деятельность по уходу с обеспечением проживания;				State and local government hospitals and health services	
(5) Химическое производство	Производство химических веществ и химических продуктов	Продукты неорганической химии; соединения редкоземельных металлов	Manufacture of chemicals and chemical products	Chemicals and related products	Chemical products	Manufacture of non-metallic mineral products
	Производство лекарственных средств и материалов	Органические химические соединения	Manufacture of rubber and plastic products		Plastics and rubber products	
	Производство резиновых и пластмассовых изделий	Фармацевтическая продукция	Manufacture of other non-metallic mineral products		Nonmetallic mineral products	
	Производство прочей неметаллической минеральной продукции	Удобрения				
		Экстракты; красители, пигменты; краски и лаки				
		Эфирные масла и резиноиды; косметические средства				
		Мыло, моющие средства				
		Взрывчатые вещества				
		Фото- и кинотовары				
		Прочие химические продукты				
		Пластмассы и изделия из них				
		Каучук, резина и изделия из них				

Продолжение приложения

Агрегированная отрасль в модели	Отрасли в России	ТН ВЭД	Отрасли в ЕС	SITC	Отрасли в США	Отрасли в Китае
(6) Производство материалов	Производство металлургическое	Черные металлы	Manufacture of basic metals	Manufactured goods classified chiefly by material	Primary metals	Manufacture of basic metals and fabricated metal products
	Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	Изделия из черных металлов	Manufacture of fabricated metal products, except machinery and equipment		Fabricated metal products	Manufacture of wood and paper products; publishing and printing
	Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки	Медь и изделия из нее	Manufacture of textiles		Textile mills and textile product mills	
	Производство бумаги и бумажных изделий	Никель и изделия из него	Manufacture of wood and of products of wood and cork		Wood products	
	Деятельность полиграфическая и копирование носителей информации	Алюминий и изделия из него	Manufacture of pulp, paper and paper products		Paper products	
		Свинец и изделия из него	Publishing, printing and reproduction of recorded media		Printing and related support activities	
	Цинк и изделия из него					
	Олово и изделия из него					
	Прочие недрагоценные металлы; металлокерамика					
	Необработанные шкуры и выделанная кожа					
	Натуральный и искусственный мех					
	Древесина и изделия из нее					
	Пробка и изделия из нее					
	Бумага и картон; изделия из них					
	Шелк, шерсть, хлопок					
	Химические волокна и нити					
Вата, войлок; бечевки, веревки						
Кружева; гобелены						
Трикотажные полотна						

Продолжение приложения

Агрегированная отрасль в модели	Отрасли в России	ТН ВЭД	Отрасли в ЕС	SITC	Отрасли в США	Отрасли в Китае
(7) Производство оборудования и транспорта	Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	Manufacture of machinery and equipment n.e.c.	Machinery and transport equipment	Machinery	Manufacture of machinery and equipment, transport
	Производство электрического оборудования	Электрические машины и оборудование, их части и др.	Manufacture of office machinery and computers		Computer and electronic products	
	Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	Железнодорожные локомотивы или моторные вагоны трамвая, подвижной состав и их части и др.	Manufacture of electrical machinery and apparatus n.e.c.		Electrical equipment, appliances, and components	
	Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	Средства наземного транспорта, кроме ж/д, их части и принадлежности	Manufacture of radio, television and communication equipment and apparatus		Medical equipment and supplies manufacturing	
	Производство прочих транспортных средств и оборудования	Суда, лодки и плавучие конструкции	Manufacture of medical, precision and optical instruments, watches and clocks		Motor vehicles, bodies and trailers, and parts	
		Инструменты и аппараты оптические, фотографические, измерительные, медицинские; их части и принадлежности	Manufacture of motor vehicles, trailers and semi-trailers		Other transportation equipment	
		Часы всех видов и их части	Manufacture of other transport equipment			
(8) Легкая промышленность	Производство мебели, прочих готовых изделий	Изделия из кожи; дорожные принадлежности, сумки	Manufacture of furniture; manufacturing n.e.c.	Miscellaneous manufactured articles	Furniture and related products	Other manufactured products
	Производство текстильных изделий, одежды, кожаной и относящейся к ней продукции	Изделия из соломы, альфы; корзиночные изделия и плетеные изделия	Recycling		Other miscellaneous manufacturing	Manufacture of textiles, wearing apparel, leather, footwear
		Печатные книги, газеты, репродукции и другие изделия полиграфической промышленности	Manufacture of wearing apparel; dressing and dyeing of fur		Apparel and leather and allied products	
		Ковры и прочие текстильные напольные покрытия	Tanning and dressing of leather; manufacture of luggage, handbags			
		Предметы одежды				
		Прочие готовые текстильные изделия				
		Обувь, гетры				
		Головные уборы				
		Зонты, солнцезащитные зонты, трости				

Продолжение приложения

Агрегированная отрасль в модели	Отрасли в России	ТН ВЭД	Отрасли в ЕС	SITC	Отрасли в США	Отрасли в Китае
		Изделия из камня, гипса, цемента, асбеста, слюды				
		Керамические изделия				
		Стекло и изделия из него				
		Жемчуг, драгоценные камни, монеты; ювелирные изделия				
		Инструменты музыкальные				
		Мебель; постельные принадлежности; лампы				
		Игрушки, игры и спортивный инвентарь				
		Разные готовые изделия				
		Произведения искусства				
(9) Услуги	Обеспечение электрической энергии, газом и паром; кондиционирование воздуха		Electricity, gas, steam and hot water supply	Commodities and transactions not classified elsewhere in the SITC	Electric power generation, transmission, and distribution	Electricity, gas and water supply
	Забор, очистка и распределение воды		Collection, purification and distribution of water		Accommodation	Hotels and restaurants
	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания		Hotels and restaurants		Food services and drinking places	
	Деятельность сухопутного и трубопроводного транспорта		Land transport; transport via pipelines		Transportation and warehousing	transport, storage and post
	Деятельность водного транспорта		Water transport		Broadcasting and telecommunications	Information Transmission, software and information technology
	Деятельность воздушного и космического транспорта		Air transport		Finance and insurance	Finance
	Складское хозяйство и вспомогательная транспортная деятельность		Supporting transport activities; activities of travel agencies		Real estate and rental and leasing	Real Estate
	Деятельность почтовой связи и курьерская деятельность		Post and telecommunications		Data processing, internet publishing, and other information services	Research and technical services
	Деятельность финансовая и страховая		Financial intermediation, except insurance and pension funding		Professional and business services	Leasing and business services

Продолжение приложения

Агрегированная отрасль в модели	Отрасли в России	ТН ВЭД	Отрасли в ЕС	SITC	Отрасли в США	Отрасли в Китае
	Операции с недвижимым имуществом		Insurance and pension funding, except compulsory social security		Arts, entertainment, recreation, accommodation, and food services	Management of water conservancy, environment
	Аренда и лизинг		Activities auxiliary to financial intermediation		Information (publishing, motion pictures)	Culture, sports and entertainment
	Деятельность в сфере телекоммуникаций		Real estate activities		Other services, except government	Repair and other services
	Разработка компьютерного программного обеспечения		Renting of machinery and equipment without operator and of personal goods			
	Деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования		Computer and related activities			
	Научные исследования и разработки		Research and development			
	Деятельность рекламная и исследование конъюнктуры рынка		Other business activities			
	Прочая профессиональная, научная и техническая деятельность; ветеринарная деятельность		Sewage and refuse disposal, sanitation and similar activities			
	Деятельность по трудоустройству и подбору персонала		Activities of membership organizations n.e.c.			
	Деятельность туристических агентств		Recreational, cultural and sporting activities			
	Деятельность по обеспечению безопасности, обслуживания зданий и территорий		Other service activities			
	Деятельность в области права и бухгалтерского учета					
	Сбор и обработка сточных вод; сбор, обработка и утилизация отходов					
	Деятельность общественных организаций					

Окончание приложения

Агрегированная отрасль в модели	Отрасли в России	ТН ВЭД	Отрасли в ЕС	SITC	Отрасли в США	Отрасли в Китае
	Деятельность в области творчества, искусства и организации развлечений					
	Деятельность в области спорта, отдыха и развлечений					
	Деятельность издательская					
	Производство кинофильмов; деятельность в области телевизионного и радиовещания					
	Ремонт компьютеров, предметов личного потребления и бытовых товаров					
	Деятельность по предоставлению прочих персональных услуг					
(10) Торговля	Торговля оптовая и розничная автотранспортными средствами и мотоциклами и их ремонт		Sale, maintenance and repair of motor vehicles and motorcycles; retail sale of automotive fuel	Commodities and transactions not classified elsewhere in the SITC	Wholesale trade	Wholesale and retail trade
	Торговля оптовая, кроме оптовой торговли автотранспортными средствами и мотоциклами	-	Wholesale trade and commission trade, except of motor vehicles and motorcycles		Retail trade	
	Торговля розничная, кроме розничной торговли автотранспортными средствами и мотоциклами		Retail trade, except of motor vehicles and motorcycles; repair of personal and household goods			
(11) Строительство	Строительство	-	Construction	Commodities and transactions not classified elsewhere in the SITC	Construction	Construction
Источник: составлено авторами.						

Сведения об авторах

Александра Леонидовна Машкова – кандидат технических наук, старший научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47; e-mail: alexandra.sheveleva2017@yandex.ru)

Альберт Рауфович Бахтизин – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47; e-mail: director@cemi.rssi.ru)

Mashkova A.L., Bakhtizin A.R.

Analyzing the Industry Structure and Dynamics of Commodity Exchange between Russia, China, the USA and the EU under Trade Restrictions

Abstract. In the context of large-scale economic sanctions against Russia, it becomes an urgent task to design model complexes for assessing their impact on the economies of various countries. To this end, we use an agent-based approach and select China, the United States, the European Union, and the rest of the world as the main participants in trade relations with Russia. We design the trade wars model with the help of analyzing available data on the economies of the abovementioned countries and trade relations between them, and by assessing the imposed sanctions restrictions in quantitative and sectoral aspects. The information content of the developed model faced difficulties caused by the coordination of data on cross-industry supplies, imports and exports of goods in different countries. The article presents an algorithm that determines the sequence of processing the initial statistical data and bringing them to a unified form with detailed elaboration necessary for the model. The formation of arrays of initial data is carried out on the basis of the Federal State Statistics Service of Russia, Federal Customs Service, Eurostat, U.S. Bureau of Economic Analysis, National Bureau of Statistics of the People's Republic of China and the World Bank. To unify the information of these agencies, eleven enlarged industries are created in the model; each of the industries corresponds to one or more industries or commodity groups. The target result of applying the algorithm is construction of cross-country tables of industry supplies of intermediate and investment goods, containing data on trade in Russia, the USA, the EU, China and the rest of the world. In the course of data processing, we also analyzed the sectoral structure of international commodity exchange in 2021, which indicates a close relationship between the economies of the European Union and Russia before the introduction of large-scale sanctions, and relatively low indicators of commodity exchange between Russia and the United States. An analysis of the dynamics of trade exchange between Russia and the countries that imposed sanctions restrictions in 2022 showed that Russia's imports from the EU countries fell by 38%, and exports in value terms increased by 24%, which is primarily due to a sharp increase in energy prices. For the United States, the drop in exports and imports with Russia was 70% and 50%, respectively.

Key words: international commodity exchange, trade wars, economic sanctions, input-output tables, agent-based model.

Information about the Authors

Aleksandra L. Mashkova – Candidate of Sciences (Engineering), Senior Researcher, Central Economic Mathematical Institute, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: alexandra.sheveleva2017@yandex.ru)

Albert R. Bakhtizin – Doctor of Sciences (Economics), Professor, RAS Corresponding Member, director, Central Economic Mathematical Institute, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: director@cemi.rssi.ru)

Статья поступила 10.05.2023.

Эрозия институтов и экономический рост

**Евгений Всеволодович
БАЛАЦКИЙ**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: evbalatskij@fa.ru
ORCID: 0000-0002-3371-2229; ResearcherID: D-8752-2018

Аннотация. В статье рассматривается феномен эрозии институтов, под которым понимается снижение эффективности институтов из-за усложнения (или, наоборот, упрощения) экономической системы. Тем самым в работе обосновывается и проверяется гипотеза о влиянии экономического роста на качество институтов. Раскрыт тезис об ограниченности возможностей предотвращения эрозии институтов за счет проведения своевременных реформ. Это связано с возникновением институционального трения из-за сопротивления реформам со стороны определенных социальных групп и из-за правила возрастающего ущерба. Дополнительно рассмотрен процесс эрозии человеческого капитала под действием реформ по линии когнитивного и психофизиологического механизмов. Представлены базовая и расширенная версии модели экономического роста, включающей эффект институциональной эрозии. Для базовой модели проведены вычислительные эксперименты, позволившие в явном виде установить возникновение эффекта экономического перегрева: менее интенсивный режим инвестирования в долгосрочной перспективе оказывается более предпочтительным по сравнению с более напряженным режимом накопления капитала из-за постепенного обнуления результатов взрывного роста. Раскрыт механизм вырождения институтов (т. е. потери их качества и инверсии целей) из-за их внутренней диалектичности. Обсуждается значение новой модели экономического роста с институциональной эрозией для объяснения процессов как восходящей, так и нисходящей ветвей социальной динамики. Дана интерпретация некоторых важных событий современности в категориях новой теории.

Ключевые слова: институты, экономический рост, реформы, кризис, капитал.

Для цитирования: Балацкий Е.В. (2023). Эрозия институтов и экономический рост // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 81–101. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.4

For citation: Balatsky E.V. (2023). Institutional erosion and economic growth. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(3), 81–101. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.4

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2023 г. по теме «Социально-экономическое развитие в эпоху фундаментальной трансформации систем».

Введение

В 2022 г. началась специальная военная операция России на Украине, которая послужила катализатором деглобализации мировой экономики. Многие скрытые ранее процессы стали более явными и почти визуально наблюдаемыми. Одним из следствий нового витка геополитического противостояния явилось осознание того факта, что модель западных институтов оказалась не так эффективна, как было принято считать. Одновременно альтернативные модели институтов — например, в Китае, Иране и России — оказались вполне работоспособными и конкурентными в сравнении с западными аналогами. Эти новые события и явления поставили, по крайней мере, три важных теоретически значимых вопроса, на которые пока нет исчерпывающих ответов.

Первый — *геополитический* — аспект связан с необходимостью системного объяснения периодически возникающей смены мирового центра капитала (МЦК). До сих пор институциональные основы циклов накопления капитала не нашли адекватного отражения в литературе. Вместе с тем понятно, что сама смена одного государства-лидера на другое связана с падением эффективности институтов в первом до некоторого критического уровня, когда прежний лидер уже не может сохранять свое привилегированное положение. Конкретизируя данную тему, можно сказать, что мы должны разобраться, почему мировое экономическое превосходство Нидерландов XVIII века в конце XIX столетия сменилось на имперское правление Великобритании, а оно в свою очередь в XX веке — на квазиимперскую гегемонию США; аналогичным образом мы должны понимать, почему сегодня, в начале XXI века, старый лидер в лице США теряет свои геополитические позиции и уступает их Китаю.

Второй — *макроэкономический* — аспект требует понимания периодического угасания работоспособности государственных институтов в различных странах и регионах без привязки к циклам накопления капитала. Например, мы

до сих не имеем внятных ответов на вопрос о природе феномена «заката Европы», который сейчас проявляется в полной мере. У нас нет теории, объясняющей разворот в развитии Японии, когда после нескольких десятилетий экономического чуда в 90-х годах прошлого столетия наступил столь же длительный период с режимом, близким к депрессии.

Третий — *микроэкономический* — аспект охватывает локальные явления внутри различных стран и сопряжен с поиском ответа на вопрос о том, почему те или иные прогрессивные институты со временем перестают быть таковыми. Почему, например, система организации Московского государственного университета (МГУ) им. М.В. Ломоносова, которая великолепно работала в Советском Союзе, утратила свою эффективность в современной России? Или, например, почему «плавильный котел» европейской культуры и США перестал выполнять свою роль в отношении нынешних мигрантов? Или, наконец, почему институт обычных школ повсеместно теряет эффективность?

Перечисленные вопросы имеют вполне очевидную специфику — они требуют раскрытия механизма *институциональной деградации*. Если раньше в зону внимания исследователей попадала в основном восходящая линия общественного развития, то здесь мы предлагаем сосредоточиться на нисходящем тренде, без чего невозможно получить целостную картину социальной эволюции. Цель работы состоит в поиске ответов на поставленные выше три группы вопросов. Генеральной идеей анализа выступит положение о неразрывной обоюдной связи процессов институционального строительства и экономического роста.

Краткий экскурс в институциональную проблематику

Задача данного раздела состоит не в том, чтобы дать исчерпывающий обзор институциональной тематики, а в том, чтобы наметить те ее вехи, которые подводят нас к необходимости сделать новый шаг в ее развитии. В связи

с этим укажем лишь некоторые принципиальные идеи, от которых мы будем отталкиваться в дальнейшем.

В рамках микроэкономического направления следует назвать работы, посвященные институциональным ловушкам — неэффективным, но устойчивым институтам. Комплекс работ в этой области (Полтерович, 1999; Полтерович, 2001; Полтерович, 2007) продемонстрировал, что при возникновении определенных условий в системе возникают совершенно иные институциональные конфигурации, которые понижают уровень ее институциональной эффективности. Впоследствии эти выводы были распространены на рынок производственных технологий и установлены эквивалентные свойства для технологических ловушек — неэффективных, но устойчивых технологических укладов (Балацкий, 2003; Балацкий, 2012); более того, было показано, что при неудачных начальных условиях даже в рамках смешанных институциональных и технологических стратегий может возобладать менее эффективная альтернатива (Балацкий, 2005). Итогом изысканий этого направления стала простая модель, объясняющая роль интенсивного экономического роста для разрушения институциональных и технологических ловушек. Вместе с тем вопрос взаимосвязи экономических условий и институтов в каждый момент времени до конца так и не был решен.

Макроэкономическое направление восходит к работам Д. Норта, который делал акцент на универсальности рыночных институтов и системы обезличенного обмена (Норт, 1997; Норт, 2010). Впоследствии эти идеи были дополнены рассмотрением явления отчуждения и его следствий для психического здоровья человека (Балацкий, 2011; Фромм, 2005; Юнг, 2010). Дальнейшее развитие идей Норта привело к рождению понятия институциональной траектории, под которой понимается траектория изменения институтов во времени, а также конечных и промежуточных (вспомогательных) институтов (Полтерович, 2006а; Полтерович, 2006б). Эти понятия способствовали осознанию и системному объяснению того факта, что эффективные институциональные траектории должны учитывать ограничения разного рода; в противном случае цель в виде некоего конечного института не будет достигнута — итоговый институт может

быть существенно искажен по сравнению со своим проектным эталоном. Рафинированное выражение указанные идеи нашли в принципе согласованности, в соответствии с которым темпы экономического роста зависят не только от эффективности технологий, институтов и культуры, но и от степени согласованности достижений в этих областях (Балацкий, 2021b; Balatsky, Yurevich, 2022). Тем не менее обратное влияние роста экономики на комбинацию обуславливающих ее факторов осталось вне зоны принципа согласованности.

Углубление представлений о природе институтов позволило сформулировать важный для количественных исследований тезис: сами по себе институты не обладают никакой имманентной эффективностью, а приобретают ее только в результате сопряжения с конкретными экономическими, технологическими и культурными реалиями; если понимать институты как социальные технологии, то их действенность, равно как и у производственных технологий, зависит от того, кто и как ими пользуется и какой материал они «перерабатывают» (Балацкий, Екимова, 2019). Неявно следуя этой логике, институциональные бестселлеры Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона рассматривают механизм построения эффективных экономических и политических институтов в процессе конкуренции элит (государства) и масс (населения) (Аджемоглу, Робинсон, 2015; Аджемоглу, Робинсон, 2021); в несколько иной терминологии и с другой содержательной коннотацией похожие построения еще раньше были выполнены Д. Нортом и его соавторами (Норт и др., 2011; Норт и др., 2012).

Однако фокусировка Аджемоглу и Робинсона на прогрессивной эволюции институтов не позволила им раскрыть обратный процесс — инволюцию (деградацию) институциональных систем. В этом контексте важным дополнением рассмотренных идей явилась концепция сложности Д. Дзоло, которая отталкивается от диалектической природы политического процесса (Дзоло, 2010). Согласно новой трактовке политика представляет собой тонкую балансировку полярных ценностей — личной безопасности и свободы, защиты политического режима и поддержания социального разнообразия, эффективности управления и соблюдения прав человека. Демократия состоит в обеспечении

разумного равновесия между указанными полярными ценностями, тогда как узкая трактовка демократии как специфической формы проведения выборов, представительного правления и организации институтов власти уже не отражает всей глубины данного понятия. Идея Дзолло о диалектичности политического процесса перекликается с идеей Норта о двойственной природе институтов (Норт, 2010). Простейшая модель политического процесса с помощью кривой свободы и кривой безопасности дает равновесие (пересечение кривых), которое трактуется как состояние демократии; эволюционные шоки сложности сдвигают исходную кривую безопасности к началу координат, что означает разрушение демократических институтов и переход к авторитарным режимам (Балацкий, 2013). Итог таков – усложнение социального мира ведет к разрушению исходных демократических институтов. Однако в рамках данного направления идея экономического роста не нашла явного отражения и осталась в стороне от главных вопросов.

Еще одна линия в макроэкономическом направлении связана с идеей разрушительного воздействия институциональных реформ на человеческий капитал, которая сразу получила симметричную формулировку и для фактора технологий (Балацкий, 2021а). В данном случае прогресс в эффективности институтов и технологий приводит к разрушению эффективности рабочей силы, что может оборачиваться парадоксом реформ, когда видимые улучшения в двух группах факторов способны спровоцировать экономический спад. Однако взаимовлияние в этой схеме ограничено только факторами экономического роста, в то время как сам рост не оказывает на них влияния.

В рамках геополитического направления следует обратить внимание на теорию циклов накопления капитала Дж. Арриги (Арриги, 2006), раскрывающую логику перемещения МЦК во времени и пространстве. Эмпирическим развитием теории циклов Арриги стала недавняя работа Р. Далио о циклах мирового порядка (Далио, 2023), в которой рассмотрены обобщенные индексы богатства и силы разных стран; как оказалось, циклы мирового порядка Далио для Нидерландов, Великобритании и США соответствуют циклам накопления капитала Арриги и могут использоваться

для уточнения их хронологии. В российской традиции имеются содержательные работы по моделированию функции безопасности разных стран, что позволило выполнить историческую реконструкцию динамики безопасности Римской империи, включая Римскую Республику, Российской империи, включая СССР и РФ, а также таких имперских образований, как Великобритания, США, Китай (Шумов, 2015; Шумов, 2016). Во всех указанных работах цивилизационные циклы констатировались и эмпирически подтверждались, однако им не было дано системного объяснения, в том числе почему в определенный момент времени некоторые экономические переменные МЦК начинают ухудшаться.

Таким образом, сегодня имеется почти полная картина в отношении механизма экономического роста, причем новые представления весьма далеко отстоят от классических теорий. Ниже эта картина будет дополнена недостающими элементами для обеспечения окончательной ясности изучаемого явления.

Генеральная гипотеза

Главное положение, от которого будем дальше отталкиваться, состоит в том, что любая *институциональная система создается либо под уже существующую, либо под проектируемую социальную систему*. В этом смысле любые институты являются вторичным феноменом, представляющим собой своего рода обрядово-правовую *форму*, в которую облекается некое социальное *содержание*. Социальная сущность (система) постоянно эволюционирует, тогда как ее институциональная оболочка является более инертной и стабильной. Более того, сами институты вводятся для того, чтобы обеспечить стабильность социума путем задания правил поведения каждого его члена и функциональных подсистем; в противном случае порядок нарушается и возникает война всех против всех. Уже в силу этого обстоятельства изменения общества и институтов не могут быть *полностью синхронизированы*, что и порождает постоянные усилия политиков и государственной бюрократии по их приведению во взаимное соответствие. Степень *соответствия или несоответствия* содержания (социальной структуры, материальной базы и мироощущения) общества его форме (институтам) определяет уровень *эффективности* самих институтов.

Оговоримся сразу, что под содержанием социальной системы мы подразумеваем совокупность ее элементов, системных связей, культуры и технологий, за исключением институтов — формальных и неформальных¹.

Из сказанного вытекает крайне важный вывод: институты сами по себе не могут быть хорошими или плохими, эффективными или неэффективными; они становятся таковыми в зависимости от уровня развития социума, развитости его институционального обеспечения, степени соответствия их друг другу и адекватности способа их взаимного сопряжения. Такое понимание процесса разделяют Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон, отмечая, что «без бдительного общества, конституции и гарантии стоят не больше пергамента или бумаги, на которой они написаны» (Аджемоглу, Робинсон, 2021, с. 12). Говоря о ценностных ориентирах общества, они справедливо утверждают: «Свободу нельзя насадить и упрочить с помощью разумной системы сдержек и противовесов. Она требует мобилизации общества, его бдительности и настойчивости. Для развития свободы необходимы все эти факторы сразу» (Аджемоглу, Робинсон, 2021, с. 109). Тем самым для построения эффективной государственной системы необходимо правильное сопряжение институтов и культуры.

Следующее теоретическое положение, необходимое для дальнейших аналитических построений, можно сформулировать так: уровень социального развития пропорционален масштабу национального производства. Иными словами, в качестве главной эволюционной характеристики выступает объем ВВП. Разумеется, развитие общества не сводится к росту производства и не эквивалентно ему, однако и вне его скрупулезного учета оно не существует. Вся современная практика макроэкономических исследований и измерений показывает, что без учета ВВП, его динамики и структуры, никакие исторические сопоставления невозможны. Тем самым этап развития общества так или иначе может аппроксимироваться величиной ВВП.

¹ Неформальные институты и культура во многом пересекаются и их трудно отделить друг от друга, однако в данном случае традиции (неформальные институты) можно исключить из культуры для обеспечения удобства аналитических построений (Барсукова, 2021).

Совмещение двух сформулированных положений позволяет сделать следующий логический шаг: *построение институтов всегда отражает потребности, соответствующие либо текущему, либо проектируемому (будущему) уровню развития общества и национального производства*. В данном случае предполагается, что институциональное строительство представляет собой сжатый во времени творческий акт, после которого созданные институты долгое время остаются стабильными, тогда как национальное производство и экономика продолжают эволюционировать. Такое «убегание» экономики от исходных институтов приводит к росту рассогласования между ними и порождает закономерное снижение качества (эффективности) институтов. В случае устойчивого экономического роста такой процесс принимает систематическую форму и вызывает эрозию институтов. Здесь и далее под эрозией институтов будем понимать исторически обусловленное снижение эффективности институтов из-за нарастающего разрыва текущего и начального (проектируемого) масштаба национального производства.

Сказанное позволяет сформулировать генеральную гипотезу нашего исследования: *эрозия институтов в форме падения их качества (эффективности) предопределяется феноменом экономического роста, благодаря которому социальная система постоянно разрастается и усложняется, требуя иного институционального обеспечения*. Это положение постулирует прямое влияние экономического роста на качество институтов. Насколько нам известно, в явном виде этот тезис раньше никогда не выдвигался. Ниже это положение будет конкретизировано.

Нельзя не упомянуть идеи К. Маркса в контексте сформулированного им закона соответствия производительных сил производственным отношениям (Маркс, Энгельс, 1960). Фактически Маркс в несколько иной терминологии и с несколько иной коннотацией утверждает тезис, совпадающий с нашей гипотезой. В его трактовке производительные силы, прокси-переменной которых может выступать экономический рост, постоянно развиваются и со временем перерастают изначальные производственные отношения, которые представляют собой не что иное, как институты. При слишком большом несоответствии одних другим

должна происходить революционная замена устаревших отношений (институтов). Однако у Маркса эволюционный процесс постепенной эрозии институтов из-за «разбегания» производительных сил и производственных отношений как таковой не рассматривается; автор ограничивается в основном финальной стадией накопленного структурного несоответствия. Можно сказать, что Маркс был сосредоточен на редких и дискретных обновлениях институциональной системы, тогда как генеральная гипотеза – на постоянных и непрерывных. Тем не менее с учетом указанных оговорок сформулированная выше генеральная гипотеза почти в явном виде фигурировала у Маркса.

Феномен сложности системы: экономический рост и принцип согласованности

Для восстановления всей цепочки причинно-следственных связей, вытекающих из генеральной гипотезы, рассмотрим для начала связь масштаба производства с уровнем сложности социальной системы. Для этого будем полагать, что каждой текущей величине ВВП (Y) соответствует некий уровень сложности (Ψ) социальной системы: $\Psi = \Psi(Y)$. Тогда начальному (проектируемому) уровню развития социальной системы, когда формировались имеющиеся в стране институты, соответствует уровень Ψ^* . В процессе социального развития и экономического роста происходит накопление институциональной ошибки в форме накапливаемых рисков (Ω) от нестыковки институциональных потребностей и возможностей государства ($\Delta\Psi$): $\Omega = \Omega[\Delta\Psi(Y, Y^*)]$, где

$$\Delta\Psi = |\Psi - \Psi^*|. \quad (1)$$

В данном случае мы следуем традиции Норта, который полагал, что мир развивается путем перекалывания рисков из физического мира в мир социальный (Норт, 2010). Накапливаемые человечеством знания ведут к появлению новых технологий и росту власти над физическим миром, снижая тем самым неопределенность физической среды, но такие сдвиги способствуют усложнению социальной среды, что становится источником совершенно новой, социальной неопределенности (Норт, 2010, с. 38). Эти вызовы требуют внедрения все более эффективных институтов. Причем это происходит путем периодического «встряхива-

ния» старых институтов и их замены на новые (Балацкий, 2011). Речь идет о том, что институты долгое время остаются стабильными, но после осознания накопленных проблем дискретно и существенным образом корректируются путем масштабных институциональных реформ.

При введении в рассмотрение функции риска $\Omega = \Omega(\Delta\Psi)$ мы следуем традиции Дзолло, согласно которому время ведет к усложнению социальной системы, что автоматически увеличивает разнообразные социальные риски (Дзолло, 2010). В данном пункте позиции Норта и Дзолло органически совмещаются, что создает основу для дальнейших теоретических построений. Так, окончательный круговорот на содержательном уровне выглядит следующим образом: экономическое развитие ($Y \uparrow$) ведет к усложнению социальной системы ($\Psi \uparrow$), что в свою очередь порождает дополнительные риски нарушения в работе институциональной подсистемы ($\Omega \uparrow$) и в итоге вызывает эрозию институтов ($I \downarrow$):

$$\Delta I \sim -\Omega[\Delta\Psi(Y, Y^*)], \quad (2)$$

где I – эффективность (качество) институтов.

В данном случае зависимость (2) является формализацией генеральной гипотезы об эрозии институтов. При этом она расширяет сферу действия принципа согласованности: если в традиционной трактовке рассогласованность в уровне развития макрофакторов сдерживает экономический рост (Balatsky, Yurevich, 2022), то в случае (2) рассогласованность в потребностях и наличии определенных институтов ведет к ухудшению работоспособности имеющихся институтов. Такое расширение базового методологического принципа является не только вполне естественным, но и достаточно плодотворным, позволяя объединить прямые и обратные отрицательные связи в социальной системе и тем самым обеспечить полноту картины исторической динамики.

Аппроксимация (2) нуждается, по крайней мере, в двух пояснениях. Во-первых, в формуле (1) расхождение в сложности берется по модулю, что можно выразить и иными способами. Например, можно использовать квадратичную зависимость: $\Delta\Psi = (Y - Y^*)^2$. Это не имеет значения, главное состоит в том, что потенциал

институционального напряжения возникает как при усложнении, так и при упрощении социальной системы относительно действующих институтов. В данном случае (1) отражает *принцип симметрии* институциональных проблем, которые одинаковы при прогрессе и при деградации экономического хозяйства. Это чрезвычайно важно для дальнейших построений, т. к. учитывает возвратные движения системы на исторических отрезках. Во-вторых, аппроксимация уровня сложности системы является однопараметрической и этим параметром выступает ВВП: $\Psi = \Psi(Y)$. Разумеется, в реальности сложность представляет собой многопараметрическое явление, но для упрощения построений мы ограничиваемся одной величиной. Теоретически сложность системы можно было бы описать численностью населения страны, но эта переменная, как правило, тесно коррелирует с показателем ВВП, что и позволяет заменить одно на другое с той же целью — для упрощения аналитической схемы.

Уравнение институциональной эрозии

Введенные понятия и предположения позволяют записать в явном виде уравнение динамики эффективности институтов, которое будет содержать эффект их эрозии. Для этого необходимо учесть три фактора институциональной динамики. Первый — самосовершенствование институтов. Как правило, действующие правовые нормы постоянно совершенствуются либо путем накопления адекватной правоприменительной практики, либо принятием комплементарных институциональных норм — дополнений и разъяснений к уже имеющимся нормам. Тем самым со временем происходит своеобразная «шлифовка» действующих институтов. Второй фактор — реформы действующих институтов. Как было сказано ранее, реформы проводятся тогда, когда накопленные институциональные несоответствия становятся явными и нестерпимыми. По своей сути реформы направлены на «исправление» действующих институтов путем отмены старых и введения новых правил. Третий фактор — эрозия институтов из-за накопленного несоответствия между институциональными потребностями социальной системы и возможностями регулятора (государства). Старые «правила игры» уже не справляются с ситуацией и не позволяют достигать цели, под которые они создавались.

Тогда итоговый баланс, который в дальнейшем будем называть уравнением институциональной эрозии, можно записать следующим образом:

$$\dot{I} = -\Omega + (R + \nu I), \tag{3}$$

где ν — коэффициент «шлифовки» институтов, отражающий адаптивное самосовершенствование правовой системы; R — эффект от проводимой институциональной реформы.

В правой части дифференциального уравнения (3) в скобках фигурирует положительный вклад в качество институтов в виде «эффекта шлифовки» (νI) и «эффекта исправления» (R), а отрицательный вклад представлен «эффектом эрозии» (Ω). Уже в таком обобщенном виде из (3) видно, что рост эффективности институтов не является гарантированным, а требует выполнения условия: $\Omega < R + \nu I$. Если же учесть, что эффект реформ возникает лишь периодически, то для большей части институциональной динамики $R = 0$, а записанное условие становится еще более жестким: $\Omega < \nu I$. Иными словами, эффект эрозии не должен превышать эффект шлифовки.

Конкретизируем функцию сложности $\Psi = \Psi(Y)$ и функцию риска $\Omega = \Omega(\Delta\Psi)$ самым простым способом. Предположим, что сложность экономической системы аппроксимируется непосредственно величиной ВВП $\Psi = Y$, а системные риски линейно зависят от избытка сложности $\Omega = \alpha\Delta\Psi$, где α — параметр чувствительности системы к избытку/дефициту сложности. Тогда уравнение институциональной эрозии принимает вид:

$$\dot{I} = R + \nu I - \alpha|Y - Y^*|. \tag{4}$$

В такой форме хорошо виден тот факт, что институциональная динамика теряет свою прежнюю тривиальность, становясь зависимой от стадии экономического роста и характерной для него величины избытка (дефицита) системной (хозяйственной) сложности. Именно уравнение институциональной эрозии выступает поворотной точкой в наших теоретических построениях. Остановимся на этом подробнее.

Дело в том, что Норт исходил из того, что экономический рост не является некоей функцией от знаний и технологий, как это традици-

онно постулируется в классической теории. По его мнению, в этой функции должен фигурировать еще один фактор – институты, которые «собирают» и упорядочивают знания и технологии; институты же в свою очередь тесно связаны с культурой (Норт, 2010, с. 223). В этой точке возникает теоретическая развилка: если пользоваться упрощенной двухфакторной моделью, то будущее человечества представляется безоблачным, ибо рост полезных знаний и технологий непрерывно продолжается; трехфакторная модель роста содержит в себе ситуацию, когда нехватка культуры и отсутствие эффективных институтов могут нейтрализовать позитивное влияние знаний и технологий (Балацкий, 2011). Уравнение институциональной эрозии обосновывает и визуализирует указанную гипотетическую возможность. Можно сказать, что благодаря этому уравнению модель экономического роста становится законченной и позволяет исследовать эндогенные траектории развития общества.

Базовая модель экономического роста

Продолжая линию Норта, рассмотрим трехфакторную производственную функцию (Балацкий, 2021а); для простоты будем использовать степенную функцию Кобба – Дугласа:

$$Y = AI^a K^b L^c, \quad (5)$$

где I , K и L – обеспеченность экономики тремя факторами: институтами, капиталом и трудом; a , b и c – параметры, учитывающие вклад институтов, капитала и труда в создание новой стоимости; A – масштабирующий параметр.

Здесь и далее будем полагать, что обеспеченность указанными ресурсами предполагает учет двух составляющих – количественной и качественной. Например, фактор институтов представляет собой произведение их количественной (индекс Q) и качественной (индекс E) характеристик: $I = I_Q I_E$. В данном случае подразумевается, что число институциональных норм (I_Q) мультиплицируется на их среднюю эффективность (I_E). Аналогичным образом учитывается капитал и труд: $K = K_Q K_E$ и $L = L_Q L_E$. Тогда производственная функция (5) обобщается следующим образом:

$$Y = A(I_Q I_E)^a (K_Q K_E)^b (L_Q L_E)^c. \quad (6)$$

Для упрощения анализа будем рассматривать агрегированные величины трех ресурсов – без выделения количественной и качественной составляющих. Однако при необходимости все построения можно обобщить соответствующим образом.

Для капитала (технологий) воспользуемся традиционным уравнением накопления:

$$\dot{K} = -\sigma K + sY, \quad (7)$$

где σ – норма выбытия основного капитала; s – норма накопления (доля инвестиций в ВВП).

Для динамики институтов воспользуемся уравнением эрозии без учета фактора реформ ($R = 0$):

$$\dot{I} = \nu I - \alpha |Y - Y^*|. \quad (8)$$

Для базовой модели можно воспользоваться простейшим вариантом, когда фактор труда стабилен и не подвергается никаким воздействиям. Тогда производственная функция станет двухфакторной и будет выглядеть следующим образом:

$$Y = A^* I^a K^b, \quad (9)$$

где $A^* = AL^c$ – агрегированный параметр, $L = \text{const}$.

Таким образом, принятие перечисленных упрощений приводит нас к базовой динамической модели, состоящей из уравнений (7), (8) и (9).

Нельзя обойти вопрос измерения всех представленных переменных модели. Очевидно, что объемы основного капитала и ВВП оцениваются в денежном выражении, тогда как труд аппроксимируется численностью занятых, а институты – некими условными единицами. Сегодня есть множество альтернативных (экспертных, опросных и статистических) и интегративных (смешанных) методов измерения качества институтов, относительно которых можно вести дискуссии, однако сам факт, что данное явление может быть с той или иной степенью точности измерено, никем не оспаривается. Труд также может калиброваться в зависимости от учета человеческого капитала, равно как и основной капитал может содержать в себе

параметр качества технологий и коэффициент их фактической загрузки. Однако эти вопросы носят технический характер и не влияют на логику модели и всех теоретических построений.

Особенность модели (7)–(9) состоит в том, что в ней нет институциональных реформ. В данной модели в максимально упрощенной форме рассматривается естественная «девальвация» институтов без их периодического ремонта со стороны властей. Тем самым множество мелких, но важных аспектов, типа культуры элит и масс, управленческого мастерства проектировщиков реформ и т. п., остаются за рамками исследования. Разумеется, эти нюансы могут быть учтены, однако в более общих разновидностях предлагаемой модели (см. следующие разделы), и следует иметь в виду, что усложнение модели сделает результаты экспериментирования с ней менее наглядными. Главная задача модели (7)–(9) состоит в выяснении обратного влияния экономического роста на такой его фактор, как институты.

Модельные эксперименты и феномен экономического перегрева

Несмотря на простоту, модель роста (7)–(9) представляет собой нелинейную конструкцию, в которой возникают неочевидные эффекты. Для уяснения самых общих моментов новой модели проведем с ее помощью простые численные эксперименты². Для этого воспользу-

емся условными данными, близкими к реальным, а также рассмотрим два сценария, различающиеся нормой накопления; исходные данные для расчетов приведены в *таблицах 1–3* (из таблицы 1 видно, что объем накопленного основного капитала вдвое превышает величину ВВП; в таблице 3 для двух сценариев предполагается доля накопления (объем годовых производственных инвестиций к ВВП) на уровне 30 и 60%).

Результаты расчетов отражены на рисунках 1–3; сплошная линия соответствует сценарию 1, а пунктирная – сценарию 2. Представленные траектории позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, наличие механизма эрозии институтов приводит к образованию экономического цикла, когда интенсивный рост сменяется спадом и длительной депрессией (*рис. 1*). Тем самым предположение о том, что эрозия институтов может выступать источником торможения экономического роста, можно считать доказанным.

Во-вторых, чрезмерное инвестирование приводит к усилению неравномерности развития и возникновению ярко выраженного феномена экономического перегрева. С этой точки зрения режим умеренного накопления капитала является более предпочтительным, нежели режим инвестиционного форсирования.

Таблица 1. Начальные значения переменных функции (9)

Переменные модели (9)		
Институты I(0)	Капитал K(0)	Выпуск Y(0)
30,0	300,0	150,0

Таблица 2. Значения параметров функции (9)

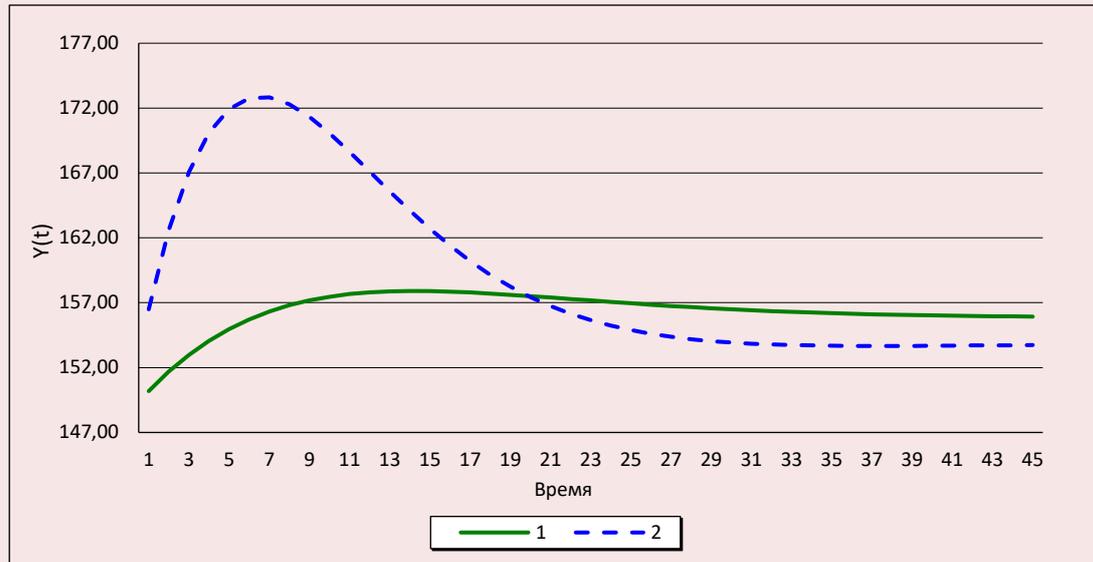
Параметры модели (9)			
σ	ν	α	A*
0,13	0,01	0,05	4,9

Таблица 3. Сценарии расчетов по модели (7)–(9)

Сценарии модельных расчетов	
Сценарий 1	Сценарий 2
$s_1 = 0,3$	$s_2 = 0,6$

² При проведении прикладных расчетов модель (7)–(9) с дифференциальными уравнениями аппроксимировалась моделью из разностных уравнений, например, $dI/dt \approx \Delta I = I_{t+1} - I_t$.

Рис. 1. Модельные траектории ВВП в сценариях 1 и 2

Так, на рисунке 1 видно, что в сценарии 2 бурный рост сменяется столь же бурным падением ВВП, причем падение происходит ниже начального значения, что обесценивает предыдущий рост. В сценарии 1 такой картины нет – рост сменяется небольшой корректировкой ВВП, но его объем остается заметно выше начального значения. Тем самым экономический перегрев аннулирует все предыдущие завоевания, тогда как более медленный рост позволяет их сохранить. Этот вывод является весьма содержательным и даже неожиданным для столь простой модели. Еще более интересен факт наложения траекторий двух сценариев, которое показывает, что примерно через 20 модельных тактов (лет) экономическое положение страны в сценарии 1 является более предпочтительным, чем в сценарии 2. Это лишний раз доказывает, что более плавное развитие может быть гораздо более предпочтительным, чем взрывной рост.

В-третьих, с точки зрения динамики макроэкономических ресурсов сценарий 1 оказывается намного более рациональным, чем сценарий 2. Например, эффективность институтов в сценарии 2 подвержена обвальному падению и лишь через 36 тактов восстанавливается на

уровне 2/3 от стартового значения; в сценарии 1 она, наоборот, на протяжении 7 тактов немного возрастает, а потом незаметно уменьшается без видимых катастроф (рис. 2). Что касается динамики капитала, то в сценарии 1 она на протяжении 34 тактов имеет тенденцию к росту, а потом незаметно снижается и стабилизируется; в сценарии 2 капитал 19 лет бурно растет, после чего незаметно уменьшается и стабилизируется (рис. 3). В итоге к концу периода моделирования эффективность институтов в сценарии 2 оказывается на уровне 63,2% от начального значения, а в сценарии 1 – на уровне 97,7%; аналогичные финишные значения для объема капитала в сценарии 2 и сценарии 1 составляют 202,4 и 117,7% соответственно. Таким образом, менее напряженный сценарий экономического роста позволяет сохранить институциональную эффективность на фоне умеренного накопления капитала, тогда как для интенсивного сценария характерно заметное разрушение институциональной среды на фоне гигантского перенакопления производственных технологий. Следовательно, сценарий 1 правомерно квалифицировать как щадящий режим развития, а сценарий 2 – как режим экономического перегрева.

Рис. 2. Модельные траектории качества институтов в сценариях 1 и 2

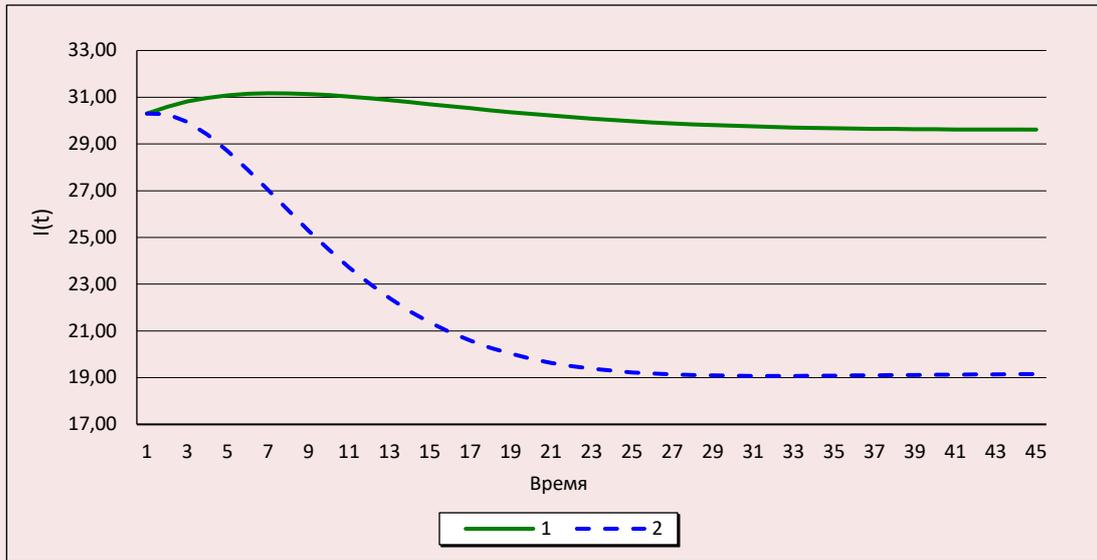
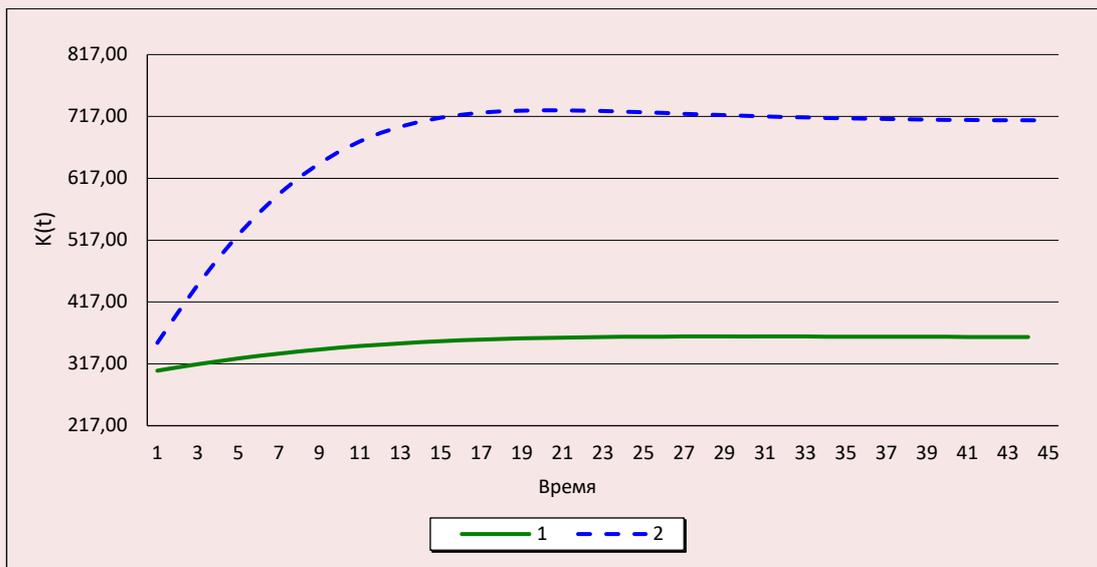

Рис. 3. Модельные траектории капитала в сценариях 1 и 2

Таким образом, моделирование на основе базовой модели экономического роста позволяет получить принципиально новые выводы относительно классических и традиционных моделей. В новой теории неограниченный рост капитала приводит к экономическому перегреву, последующей депрессии и разрушению институциональной основы общества.

Сопротивление реформам и правило возрастающего ущерба

Понимание того факта, что феномен институциональной эрозии в долгосрочном периоде способен породить охлаждение экономики, заставляет нас более пристально проанализировать уравнение (4). Дело в том, что оно включает эффект реформ, который потенциально

может компенсировать любые эффекты эрозии за счет перестройки институтов. Однако это не совсем так. Для понимания возможных проблем на пути институциональной перестройки рассмотрим подробнее сам процесс реформ.

Определим реформу R^* как совокупное изменение качества институтов за период реформирования T , т. е. $R^* = I(T) - I(0)$ (Балацкий, 2021a):

$$R^* = \int_0^T dI(t), \quad (10)$$

где t – текущее время (год); T – длительность периода, в течение которого реализуется проект реформы. Предполагается, что величина R^* задана (константа), и чем она больше, тем масштабнее проводимая реформа. В данном случае реформа предполагает проект с определенным планом действий (нормативных и организационных), которые должны быть реализованы в установленные (плановые) сроки T .

Вполне логично предположить, что $R^* > 0$, т. е. реформа всегда направлена на улучшение институтов и повышение их качества. Хотя примеров ошибочных реформ, когда $R^* < 0$, имеется огромное множество, далее не будем обращаться к таким вырожденным случаям. Если предположить, что реформа реализуется равномерно по годам, то годовой эффект от нее можно описать следующим соотношением:

$$R = R^*/T - \gamma(R^*/T)^{1+\theta}, \quad (11)$$

где γ и θ – параметры, учитывающие сопротивление реформам со стороны разных социальных групп населения; $\theta > 0$ и $0 < \gamma < 1$.

Если первое слагаемое в правой части (11) отражает нормативное влияние реформ на качество институтов, то второе слагаемое – *эффект сопротивления реформам* со стороны социальных групп, для которых проводимые реформы являются нежелательными или даже опасными. Роль этого эффекта в литературе поднималась неоднократно (Полтерович, 2001; Полтерович, 2006b; Полтерович, 2007). В данном случае мы исходим из положения, согласно которому реформы – не социально нейтральное явление. Они затрагивают всех людей, но некоторых из них в большей или меньшей сте-

пени. Неудивительно, что группы лиц, проигрывающих от реформ, активизируют свои действия против вводимых изменений, что не просто понижает эффективность действий регулятора, но в некоторых случаях может приводить к совершенно непредсказуемым результатам (Полтерович, 2001). Например, увеличение пенсионного возраста не затрагивает уже вышедших на пенсию людей, почти не воспринимается молодежью и, наоборот, вызывает болезненную реакцию со стороны лиц предпенсионного возраста.

Таким образом, помимо прямого эффекта реформ в формуле (11) учитывается своеобразный *эффект социального трения*, возникающий в процессе пересмотра старых институтов и вносящий системные искажения в экономическую динамику. Данный эффект описывается в (11) степенной функцией ущерба $C = \gamma(R^*/T)^{1+\theta}$. Однако, помимо этого, важное значение имеет еще так называемое *правило возрастающего ущерба*, которое постулирует нелинейность функции ущерба. Удачную формулировку этого эффекта дал Н. Талеб: вред, причиняемый хрупким объектам любыми потрясениями, нелинейно возрастает по мере увеличения их интенсивности (Талеб, 2014, с. 403). Данное правило Талеб иллюстрирует на простом примере: если в человека бросить 1000 раз мелкие камешки, то вред от этого будет несопоставим с тем, который будет иметь место, если в него бросить один большой камень, равный по весу предыдущей тысяче маленьких (Талеб, 2014, с. 402). Если в первом случае вред, нанесенный индивиду, ограничится, скорее всего, длительным раздражением с сопутствующей небольшой болью, то во втором случае эксперимент с большой вероятностью закончится летальным исходом или тяжелой травмой. Иными словами, лучше много мелких институциональных изменений, возникающих последовательно в течение длительного периода времени, нежели одно большое и единоразовое изменение, носящее шоковый характер.

Применительно к нашему случаю правило возрастающего ущерба от реформ сводится к двум неравенствам: $dC/dR > 0$; $d^2C/dR^2 > 0$. Иными словами, речь идет об ускоренном возрастании социального ущерба по мере увеличения масштаба реформы. Если продолжить пример с пенсионной реформой, то картина

выглядит следующим образом: при увеличении пенсионного возраста на 1 год социальные трения будут незначительными и не вызовут заметного искажения самого проекта реформы; если пенсионный возраст увеличить на 5 лет, то это вызовет массовое недовольство со стороны населения, а если на 15 лет, то можно получить революционное движение, которое поставит под сомнение необходимость и разумность задуманной реформы. Тем самым правило возрастающего ущерба таит в себе скрытую возможность полного или частичного дезавуирования результатов реформ. С формальной точки зрения из (11) вытекает ограничение на масштаб проектируемой реформы: если $R^* > R^{**}$, то реформа приводит к прямо противоположному результату, а именно не улучшает, а ухудшает текущее качество институтов ($R < 0$). Критическая величина масштаба реформ составляет:

$$R^{**} = T^{\theta} \sqrt{1/\gamma} . \quad (12)$$

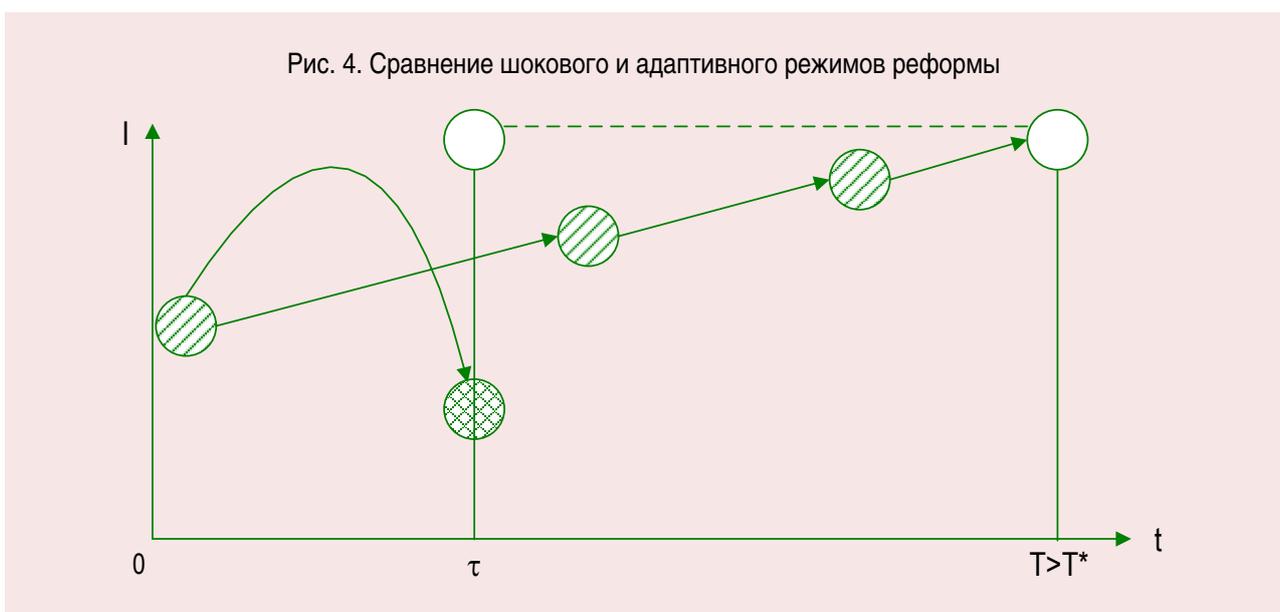
Из соотношения (12) недвусмысленно вытекает, что масштабная реформа должна растягиваться во времени, а не принимать форму шоковой терапии. Однако, как уже неоднократно повторялось, реформа выступает принципиально временным явлением и не должна превращаться в перманентное давление на население. Следовательно, длительность T не может принимать слишком большие значения; в противном случае нарушается стабильность обще-

ственного порядка и возникает *синдром усталости от реформ*, о котором более подробно будет сказано ниже.

Феномен институционального трения вкупе с правилом возрастающего ущерба подводят к пониманию различий в двух режимах реформ – *шоковом*, предполагающем «залповое» проведение всех намеченных новаций, и *адаптивном*, основанном на «растягивании» программы преобразований на более длительный срок (Балацкий, 2021a). В свою очередь адаптивный режим органически связан с процессом построения институциональной траектории за счет «дробления» искомого института на промежуточные (вспомогательные) (Полтерович, 2006a; Полтерович, 2006b). Подчеркнем, что процесс проведения реформ небольшими «порциями» институциональных новаций может осуществляться как за счет простой пролонгации проектируемых мероприятий, так и за счет специального конструирования более простых промежуточных институтов; природа этих мер одинакова.

Сравнение шокового и адаптивного режимов реформы приведено на *рисунке 4*. Логика иллюстрации такова. Исходный институт в начальный момент времени (левый заштрихованный круг) предполагается изменить путем проведения достаточно масштабной реформы для построения нового конечного института (левый белый круг). Если реформу провести в шоковом режиме в сжатое время (τ), то сопротивление реформам может быть столь значительным, что

Рис. 4. Сравнение шокового и адаптивного режимов реформы

цель не будет достигнута, а итоговый институт (круг с двойной штриховкой) не только не совпадет с проектируемым, но и окажется менее эффективным, чем исходный. Если же реформе провести в адаптивном режиме за время T , большем некоего минимально безопасного T^* , и путем ступенчатого перехода к промежуточным институтам (два правых заштрихованных круга), то можно снизить социальный ущерб от преобразований и выйти на проектируемый институт (правый белый круг).

Таким образом, учет явления сопротивления реформам и правила возрастающего ущерба делает сам процесс проведения реформы не тривиальным и ставит вопрос о ее правильном проектировании³.

Реформы и эрозия человеческого капитала

Помимо всего сказанного выше, реформы оказывают негативное действие на человеческий капитал, что уже само по себе может приводить к парадоксу реформ, когда рост качества институтов провоцирует экономический спад; этот аспект был подробно рассмотрен в (Балацкий, 2021a). Детализируя это положение, рассмотрим два канала влияния реформ на человеческий капитал – когнитивный и физиологический.

Первый – *когнитивный* – канал связан с тем, что реформы ведут к списанию у людей части их человеческого капитала за счет девальвации определенных знаний, опыта и навыков. Второй – *психофизиологический* – канал предполагает физиологическую усталость и психологический дискомфорт от навязанных извне реформ, к которым людям приходится приспосабливаться; иногда это связано с потерей профессиональных и социальных позиций. Негативное влияние по обоим каналам приводит к ухудшению здоровья и психологического самочувствия населения, росту когнитивной и психологической нагрузки на людей. С некоторой степенью условности можно говорить, что когнитивный канал ответствен за уменьшение качества рабочей силы (L_E), а психофизиоло-

гический – ее количества (L_Q); разумеется, в реальности влияние, идущее по двум каналам, затрагивает обе характеристики труда, в связи с чем в модельных построениях не будем детально учитывать эти различия. Тогда динамика труда будет описываться уравнением:

$$\dot{L} = \omega L - \mu H^{1+\rho} - \zeta (R^*/T)^{1+\beta}, \quad (13)$$

где ω – естественный темп роста количества и качества рабочей силы; H – период времени после начала реформы ($H = 0, \dots, T$); ζ и β – параметры, учитывающие влияние масштаба реформы на процесс списания человеческого капитала; μ и ρ – параметры, учитывающие влияние длительности реформы на процесс психологического утомления населения; все параметры μ , ζ , ρ и β – положительные.

Второе слагаемое правой части (13) отражает психофизиологический эффект реформ, а третье – когнитивный. В уравнении (13), как и в уравнении (11), в явном виде фигурирует правило возрастающего ущерба. В связи с этим возникает потенциальная возможность, когда эрозия человеческого капитала перекрывает его естественное воспроизводство. Например, даже вялая, но долго длящаяся реформа, усиливающаяся в определенный момент новой, масштабной и короткой реформой, может создать такой разрушительный потенциал для человеческого капитала нации, что спровоцирует ее депопуляцию с сопутствующим ей экономическим спадом. В этом состоит еще одна опасность реформ.

В целом уточненная модель экономического роста состоит из уравнений (5), (7), (8), (11) и (13). В несколько нетрадиционной форме представлена динамика институтов и труда; уравнения (8), (11) и (13) уточняют различные положения экономической теории, которые раньше игнорировались. Численные эксперименты с моделью представляют собой отдельную тему, однако все качественные моменты хорошо понятны из самой конфигурации рассмотренных уравнений.

Диалектика и перерождение институтов

Уравнение институциональной эрозии воспроизводит чисто количественное эволюционное изменение эффективности институтов по мере роста экономической системы. Однако не менее важным является и качественный аспект

³ Оговорим специально то обстоятельство, что во всех построениях нами сознательно не учитывается фактор стоимости реформ. Это связано с тем, что затраты по обеспечению реформ ложатся на бюджет страны и отражаются в общих макроэкономических характеристиках. Однако этот аспект проблемы не имеет большого значения для поднимаемых вопросов.

проблемы, связанный с институциональными сбоями и радикальным перерождением институтов. Этот вопрос важен сам по себе, но еще и потому, что позволяет уяснить направленность деформирования институтов под воздействием внешних обстоятельств. Для уяснения поднимаемого вопроса важно определиться с двумя аспектами. Рассмотрим их подробнее.

Первый аспект связан с формированием в государстве внутренней и внешней политик, которые поддерживаются иногда совершенно разными по своим целям и задумкам институтами. Например, государство-гегемон в лице США внутри страны традиционно поддерживало экономическую и политическую конкуренцию, тогда как в мирохозяйственной системе оно делало все для обеспечения своей экономической и политической монополии. Такая ситуация, когда строитель и хранитель институтов для внутренней и внешней среды использует совершенно разные институциональные модели, является типичной.

Второй аспект сопряжен с направленностью перерождения институтов. Здесь в полной мере задействована диалектическая логика. Так, в современной диалектике имеется три фундаментальных закона — единства и борьбы противоположностей, перехода количества в качество и отрицания отрицания. Комбинирование этих трех логических тезисов позволяет сформулировать *главную теорему диалектики*: любое явление в процессе своего развития переходит в собственную противоположность (Гегель, 2023). Этот факт имеет непосредственно отношение к институциональной динамике, а именно: любой серьезный сбой в работе институтов приводит к его дисфункции и неспособности достигнуть цели, ради которой он создавался; постепенное накопление такой дисфункции рано или поздно приводит к тому, что институт начинает работать на достижение цели, прямо противоположной исходной. Такая инверсия связана с целевым назначением института, которое либо обеспечивается, либо нет. В первом случае институт является эффективным, во втором — неэффективным; доведение до некоторого критического уровня искажений в работе института приводит к его перестройке в обратном направлении. Рассмотренный дуализм в динамике институтов определяется их изначальным функциональным дуализмом — они либо

выполняют свою родовую функцию, либо нет, следовательно, выполняют обратную функцию. Такие инверсии также являются нормой институциональной динамики.

Реформы и институциональная парадигма

В работе (Балацкий, 2021a) был обоснован тезис о том, что все реформы должны быть строго дозированными, тогда как теоретические построения предыдущих разделов позволяют к этому добавить: все реформы имеют свои пределы в деле «ремонта» институтов и не могут компенсировать их исторически обусловленную эрозию. Этот вопрос крайне важен из-за часто возникающего ложного впечатления, что реформами можно откорректировать любые нормы общественной жизни.

Для понимания ограниченности возможностей реформ целесообразно ввести понятие *институциональной парадигмы*, под которой будем понимать исходные базовые принципы институциональной модели государства. Как правило, реформы направлены на «ремонт» институтов, но не затрагивают институциональных основ, которые в свою очередь пронизаны некоей институциональной парадигмой. Именно поэтому иногда вместо реформ происходят революции, призванные изменить именно исходную социальную парадигму устаревшей правовой системы.

Для понимания введенного понятия можно обратиться к исследованиям институциональных систем, основанных на разной философии. Например, сегодня принято различать конкурентные и коллаборативные институты. Первые основаны на главенстве механизмов и принципов конкуренции, вторые — на главенстве механизмов и принципов сотрудничества (Polterovich, 2022a; Polterovich, 2022b). Тем самым можно говорить о конкурентной и коллаборативной институциональных парадигмах, которые образуют своеобразную диалектическую оппозицию и не могут быть сведены друг к другу. Опыт показывает, что та или иная институциональная парадигма имеет глубокие исторические корни и экономическую основу. Требование радикального изменения экономической модели государства приводит и к требованию изменения институциональной парадигмы, на базе которой происходит строительство новой институциональной системы. Именно эта логика лежит в основе замены старого МЦК на новый.

Конкретизируя сказанное, обратимся к колониальной парадигме Великобритании, которая во второй половине XX века уже стала неэффективной, равно как и вся институциональная система управления мирохозяйственной системой. Это противоречие связано с тем, что само ядро британской колониальной системы в лице небольшого островного государства — Великобритании — оказалось недостаточно крупным и мощным для разросшегося и усложнившегося геополитического пространства. Именно поэтому ядро было заменено более адекватным государственным образованием в лице США с иной институциональной парадигмой и иной институциональной моделью. Некоторые принципиальные различия британской и американской систем господства рассмотрены в (Арриги, 2006).

Аналогичные процессы происходили с Российской империей в период 1917–1924 гг., когда старый общественный строй в новых условиях уже не мог удержать гигантскую территорию страны от распада; смена институциональной парадигмы привела к реконструкции Российской империи в форме Советского Союза. Эта же ситуация повторилась и в 1991 году, когда холодная война истощила СССР и в условиях старой институциональной парадигмы уже не хватало ресурсов для сохранения страны; очередная смена уклада привела к перерождению Советского Союза в формате нынешней Российской Федерации. В обоих случаях слом институциональной основы страны происходил из-за назревшего рассогласования экономических проблем и экономических возможностей государства; приведение в соответствие спроса и предложения в экономической сфере требовало принципиального изменения правил игры.

Интересную иллюстрацию феномена «устаревания» институциональной парадигмы дает предложенная выше базовая модель (7)–(9). Так, сценарий экономического перегрева наглядно показывает, что чрезмерная эрозия институтов делает бессмысленным даже накопление основного капитала, который в рамках старого институционального уклада не может переломить негативную ситуацию и перезапустить экономический рост. Именно таков универсальный механизм экономической деградации: старые институты «связывают» экономические ресурсы страны и не позволяют им функционировать с должной отдачей.

Обсуждение результатов и исторические интерпретации

Введенное понятие эрозии институтов позволило сконструировать модель экономического роста, максимально отвечающую упоминавшимся ранее требованиям Норта. Эта модель демонстрирует сложную взаимообусловленность не только трех групп макрофакторов, но и объема производства. Еще в 2002 году В.М. Полтерович пронизательно писал о том, что, как это ни парадоксально звучит, важнейшим фактором экономического роста является сам рост (Полтерович, 2002). В свете выполненных построений тезис Полтеровича можно перефразировать: как бы это ни было парадоксально, но ограничением экономического роста является сам рост. Именно этот эффект генерирует предложенная модель. Однако помимо указанного общего вывода новая теория позволяет ответить на ряд вопросов, поставленных во введении. Остановимся на этих содержательных интерпретациях более подробно.

Прежде чем перейти к конкретным примерам, рассмотрим своеобразную институциональную метафору. В качестве институтов можно рассматривать воздушный шарик или футбольную камеру, а в качестве экономической системы — наполняющий их газ. Если шар наполнить легким газом, то он будет лететь вверх, а если тяжелым, то он будет лежать на земле; если шар надуть слишком сильно, то он может лопнуть, а если недостаточно сильно, то он будет как обычная тряпка, непригодная к использованию. Именно эта аналогия и станет путеводителем по всем последующим примерам.

Пример 1: почему современные среднеобразовательные школы перестали давать хорошее образование? Для ответа на данный вопрос следует отталкиваться от того факта, что школы созданы довольно давно в качестве камерных заведений, где учителя и школьники были немногочисленными и хорошо знали друг друга. При этом сами учителя были в дефиците и руководство школ относилось к ним довольно бережно. Сегодня система школьного образования претерпела тотальную *массовизацию*, когда число учеников и учителей стало огромным в масштабах как одной школы, так и всей страны. Среднее образование превратилось в конвейер и утратило свою былую ценность, равно как личности учителя и ученика. На смену индиви-

дуальному контакту учителя и ученика пришла бюрократическая система формальной оценки тех и других, которая основана на примитивных шаблонах. В таких условиях традиционный институт школы вырождается и теряет свою былую эффективность; современные масштабные экономические реалии не могут быть втиснуты в старые институциональные рамки.

Пример 2: почему МГУ им. М.В. Ломоносова после крушения СССР потерял позицию передового университета мира? Организационная модель МГУ, сформировавшаяся в Советском Союзе, была спроектирована для решения больших научно-технических и экономических задач, однако после 1991 года ВВП РФ за 8 лет уменьшился вдвое по сравнению с советским периодом с параллельным закрытием многих высокотехнологичных секторов экономики. Тем самым для МГУ физически исчезли те цели и задачи, под которые он проектировался. Примитивная экономика постсоветского периода больше не требовала от университета решения сложных задач, в связи с чем его организационная модель оказалась невостребованной и неэффективной. Старую институциональную модель было уже нечем наполнить, поэтому она сначала стала работать вхолостую, а потом упростилась, формализовалась и деградировала. Разумеется, такая модель эрозии была характерна для многих вузов России. Нельзя не отметить, что в последние годы МГУ стал немного «оживать», т. к. экономический рост последних двух десятилетий снова начал генерировать в адрес исследователей точечные научные проблемы, которых хронически не хватало в первые 10 лет после распада СССР.

Пример 3: почему «плавильные культурные котлы» США и европейских стран перестали справляться со своими задачами по американизации и европеизации иммигрантов? Ответ на этот вопрос также коренится в феномене перерастания миграцией своих исходных границ. Например, если «плавильный котел» настроен на «переработку» определенной доли населения в виде мигрантов, то он совершенно необязательно справится с этой задачей, когда указанная доля возрастет в 10 раз. Кроме того, богатое европейское (американское) общество все более толерантно относилось к нарушению внутренних культурных норм, что отнюдь не

добавляло «топлива» в пресловутый «плавильный котел». Тем самым угасание эффективности института «плавильных котлов» США и Европы также выступает следствием разрастания самого явления миграции. Никакие косметические реформы здесь не помогут — должна меняться вся институциональная парадигма либо в сторону отказа от толерантности и усиления контроля над поведением мигрантов, либо в сторону жесткого ограничения самого потока приезжающих.

Пример 4: каковы истоки таких явлений, как «закат Европы» и потеря динамичности развития Японии? Довольно часто указанные феномены пытаются объяснить снижением пассионарности соответствующих народов, падением жизненного тонуса их представителей. Это объяснение можно считать верным, но оно носит промежуточный характер, ибо в этом случае вполне правомерно задать вопрос о том, почему вдруг пассионарность начинает угасать. Применительно к Японии ситуация более очевидна: догоняющее развитие страны сменилось ее экономическим и технологическим лидерством, что «перечеркнуло» саму потребность в институтах догоняющего развития; параллельно Япония достигла предела в росте населения на имеющейся территории и в росте среднего уровня благосостояния. С учетом указанных новых реалий дальнейшие усилия японцев в деле обеспечения экономического роста фактически стали бессмысленными, что и является непосредственной причиной спада пассионарности. Применительно к Европе можно говорить о двух исторических фазах ее заката — втором десятилетии XX и XXI веков соответственно. Однако в XX веке имперские амбиции Германии добавили «огня» в цивилизационную динамику континента, тогда как в начале XXI века аналогичного стимула пока нет, а уровень благосостояния населения находится на беспрецедентном по историческим меркам уровне. Именно обретение нового качества жизни Европы и Японии лежит в основе снижения продуктивности сложившихся институтов развития.

Пример 5: почему устоявшиеся МЦК со временем сменяются новыми государствами-лидерами и почему США сегодня теряют свои позиции глобального регулятора? Любой МЦК создает

свой мировой порядок (институциональную систему), в котором он выступает в качестве глобального регулятора всех основных процессов; данная система основана на международном политическом консенсусе, когда все страны явно или неявно признают устанавливаемый порядок легитимным. Однако со временем мировая система количественно и качественно разрастается, когда во всех странах увеличивается население, производство, военная мощь и т. п. Рано или поздно сложность и масштаб геополитического пространства достигают такого уровня, когда МЦК уже не хватает ресурсов для обеспечения эффективного контроля всех миросистемных связей. Старый порядок приходит в противоречие с новыми интересами стран мировой системы, и они начинают борьбу со старыми институтами, что и приводит к естественному падению их эффективности. Одновременно с этим МЦК, находящийся на пике экономического благосостояния, теряет стимулы для бескомпромиссной борьбы за свое господство, что, в конечном счете, и завершается сменой мирового политического гегемона. В настоящий момент китайская экономика уже переросла американскую, что отрицает прежний консенсус в отношении нынешнего мирового порядка и провоцирует геополитическую турбулентность. При этом важно подчеркнуть, что валютная гегемония США уходит не потому, что, например, Федеральная резервная система (ФРС) страны стала плохо работать. Наоборот: ошибки монетарного института в лице ФРС в период Великой депрессии в XXI веке были учтены Б. Бернанке, в связи с чем на протяжении многих лет стране удавалось купировать разворачивающиеся кризисные явления, однако, невзирая на это, страны-участницы мирового рынка начинают отказываться от доллара в качестве торговой валюты, что связано с их собственными геополитическими интересами; ФРС не может больше эффективно обслуживать мировую экономику, ибо она не предназначалась для столь масштабной экономики. В попытке удержать свою монополию над внешним миром США стихийно отказываются от внутреннего порядка в форме поддержания политической и экономической конкуренции внутри страны. Из-за этих процессов происходит диалектическая инверсия институтов миро-

вого порядка — внешняя монополия сменяется на ожесточенную конкуренцию других стран с США, а внутренние конкурентные механизмы внутри американского государства сменяются монополией одной (демократической) партии на все формы государственной власти.

В более широком контексте генеральная гипотеза косвенно подтверждается всей историей капитализма. Например, сам феномен экономического роста возникает одновременно со становлением капиталистической системы, и именно в это время начинает проявляться колоссальная динамичность институтов, которые в условиях Средневековья были высокостабильными и могли в течение сотен лет сохраняться в своем исконном состоянии. Тем самым факт синхронизации высокой динамичности институтов и экономики недвусмысленно указывает на наличие связи между двумя явлениями; быстрый рост производства приводил к быстрой эрозии институтов, которые постоянно модернизировались путем институциональных реформ⁴.

Данный раздел мы начали с определенной аналогии, а закончить его хотелось бы другой. История государств напоминает жизнь отдельных индивидуумов, которая состоит из качественно несопоставимых этапов. Неудивительно, что для разных этапов характерны разные жизненные стратегии и образ жизни (правила игры, институты), которые продуцируются совершенно разными задачами, встающими перед человеком. Например, принципы карьерного и профессионального роста для 80-летнего человека теряют не только действенность, но и всякий смысл в силу того, что он уже перерос соответствующий этап своей жизни. И наоборот, правильный режим питания, работы и отдыха для него становится определяющим фактором существования, тогда как в 30 лет он на всё это не обращал никакого внимания. То же самое происходит в жизни стран. И сколь ни была бы условна эта аналогия, она высвечивает главное — эрозию тех или иных институтов на разных этапах жизни индивидуума и социума.

⁴ За данное наблюдение автор обязан проф. В.В. Вольчику, который первым обратил внимание на параллель между динамикой институтов и экономическим ростом на стадии капитализма.

Заключение

Рассмотренные в статье вопросы являются логичным шагом в деле интеграции институционального фактора в теорию экономического роста. Неявное предположение во многих современных исследованиях об экзогенном характере институтов, которые хоть и «связывают» труд и капитал для производства жизненных благ, но сами явным образом не зависят от уровня благосостояния, приводит к потере объяснительной способности экономической теории. В этой картине институты связаны с культурой и живут своей собственной жизнью, которая напрямую не скоординирована с достигнутым уровнем производства и сложности экономической системы. Снятие этой нереалистичной предпосылки открывает большие аналитические возможности в понимании социальной динамики. Гипотеза о влиянии уров-

ня материального благосостояния на качество институтов позволяет системно объяснить не только взлеты, но и падения отдельных стран и целых цивилизаций.

Предложенная модель является заведомым упрощением реальности, однако даже в предложенной форме она генерирует множество дополнительных эффектов, обогащающих наше понимание окружающего мира и самого человека. Пока остался нереализованным потенциал вычислительных экспериментов на базе полной модели. Продвижение в этом направлении может дать дополнительную интересную информацию о закономерностях самосборки и самораспада социальных систем. Кроме того, интерес вызывает эмпирическая проверка тезиса об эрозии институтов. Однако эти вопросы выходят за рамки статьи и могут служить основой для дальнейших исследований.

Литература

- Аджемоглу Д., Робинсон Д. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ. 672 с.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021). Узкий коридор. М.: АСТ. 704 с.
- Арриги Дж. (2006). Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего. 472 с.
- Балацкий Е.В. (2003). Экономический рост и технологические ловушки // Общество и экономика. № 11. С. 53–76.
- Балацкий Е.В. (2005). Смешанные хозяйственные стратегии компаний и экономический рост // Взаимосвязь институциональных изменений и социально-экономической динамики в современной России. М.: Журнал «ЭММ», РГНФ, ЦЭМИ. С. 169–184.
- Балацкий Е.В. (2011). Когнитивно-институциональный синтез Д. Норта // Общественные науки и современность. № 5. С. 154–166.
- Балацкий Е.В. (2012). Институциональные и технологические ловушки: анализ идей // Журнал экономической теории. № 2. С. 48–63.
- Балацкий Е.В. (2013). Концепция сложности и экономическая теория демократии // Общество и экономика. № 5. С. 5–24.
- Балацкий Е.В. (2021a). Институциональные реформы и человеческий капитал // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3 (51). С. 103–124.
- Балацкий Е.В. (2021b). Принцип согласованности в теории социального развития // Terra Economicus. Т. 19. № 1. С. 36–52.
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2019). Эффективность монетарного регулирования в условиях санкций // Журнал институциональных исследований. Т. 11. № 2. С. 94–109.
- Барсукова С.Ю. (2021). Лекции по неформальной экономике: кратко, понятно, наглядно. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 232 с.
- Гегель Г. (2023). Наука логики. М.: АСТ. 960 с.
- Далио Р. (2023). Принципы изменения мирового порядка. Почему одни нации побеждают, а другие терпят поражение. М.: Манн, Иванов и Фербер. 528 с.

- Дзоло Д. (2010). Демократия и сложность: реалистический подход. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 320 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1960). Сочинения. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы. 908 с.
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала». 180 с.
- Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 256 с.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара. 480 с.
- Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б. (2012). В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности: доклад к XIII апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 3–5 апр. 2012 г. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 48 с.
- Полтерович В.М. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. Т. 35. № 2. С. 3–20.
- Полтерович В.М. (2001). Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. № 3. С. 24–50.
- Полтерович В.М. (2002). Политическая культура и трансформационный спад. Комментарий к статье Арье Хиллмана «В пути к земле обетованной» // Экономика и математические методы. Т. 38. № 4. С. 95–103.
- Полтерович В.М. (2006а). Стратегия институциональных реформ. Перспективные траектории // Экономика и математические методы. Т. 42. № 1. С. 3–18.
- Полтерович В.М. (2006б). Стратегия институциональных реформ. Китай и Россия // Экономика и математические методы. Т. 42. № 2. С. 3–16.
- Полтерович В.М. (2007). Элементы теории реформ. М.: Экономика. 447 с.
- Талей Н.Н. (2014). Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус. 768 с.
- Фромм Э. (2005). Здоровое общество. Догмат о Христе. М.: АСТ: Транзиткнига. 571 с.
- Шумов В.В. (2015). Национальная безопасность и геопотенциал государства: математическое моделирование и прогнозирование // Компьютерные исследования и моделирование. Т. 7. № 4. С. 951–969.
- Шумов В.В. (2016). Государственная и общественная безопасность: Моделирование и прогнозирование. М.: ЛЕНАНД. 144 с.
- Юнг К.Г. (2010). Синхрония: акаузальный объединяющий принцип. М.: АСТ. 347 с.
- Balatsky E., Yurevich M. (2022). Consistency principle: Theory and empirical evidence. *Foresight and STI Governance*, 16(3), 35–48.
- Polterovich V.M. (2022a). Competition, collaboration, and life satisfaction. Part 1. The Seven of European leaders. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(2), 31–43.
- Polterovich V.M. (2022b). Competition, collaboration, and life satisfaction. Part 2. The fundament of leadership – collaborative advantage. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(3), 42–57.

Сведения об авторе

Евгений Всеволодович Балацкий – доктор экономических наук, профессор, директор, Центр макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (109456, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4; e-mail: evbalatsky@inbox.ru); главный научный сотрудник, лаборатория математической экономики, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47)

Balatsky E.V.

Institutional Erosion and Economic Growth

Abstract. The paper investigates the phenomenon of institutional erosion, which is understood as a decrease in the effectiveness of institutions due to the complication (or, conversely, simplification) of the economic system. Thus, the article substantiates and verifies a hypothesis regarding the impact of economic growth on the quality of institutions. We dwell upon the idea that the possibilities of preventing institutional erosion through timely reforms are limited. This is due to the emergence of institutional friction caused by resistance to reforms on the part of certain social groups and due to the rule of increasing damage. In addition, we consider the process of erosion of human capital under the influence of reforms in the context of cognitive and psychophysiological mechanisms. We put forward a basic and an extended version of the economic growth model that includes the effect of institutional erosion. We conduct computational experiments for the basic model, which made it possible to reveal the effect of economic overheating: a less intensive mode of investment in the long term turns out preferable compared to a more stressful mode of capital accumulation due to the gradual zeroing of the results of explosive growth. We describe the mechanism of degeneration of institutions (i.e., loss of the quality of institutions and the inversion of goals) caused by their internal dialectic. We discuss the significance of a new model of economic growth with institutional erosion for explaining the processes of both ascending and descending branches of social dynamics. We also give an interpretation of some important events of our time in the terms of the new theory.

Key words: institutions, economic growth, reforms, crisis, capital.

Information about the Author

Evgeny V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, director, Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Lane, Moscow, 109456, Russian Federation; e-mail: evbalatskij@fa.ru); Chief Researcher, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation)

Статья поступила 15.05.2023.

Эффекты взаимной торговли в АТР: проявления на товарных рынках

**Дмитрий Александрович
ИЗотов**

Институт экономических исследований ДВО РАН

Хабаровск, Российская Федерация

e-mail: izotov80@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9199-6226; ResearcherID: S-3876-2017

Аннотация. Целью исследования является оценка долгосрочных эффектов торговой интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) на уровне товарных рынков — промышленных и сырьевых товаров. За последние три десятилетия заметно увеличился товарооборот в рамках АТР благодаря снижению торгово-экономических барьеров вследствие заключения торговых соглашений и присоединения к Всемирной торговой организации практически всех стран данного субглобального региона. Показано, что торговля между странами АТР значительно превосходила их товарооборот с другими странами мира за счет наращивания товарообмена как сырьевыми, так и промышленными товарами, в том числе в рамках производственных цепочек транснациональных корпораций. Полученные на основе гравитационной модели оценки указали на то, что в долгосрочном периоде общий положительный эффект от торговой интеграции в АТР проявлялся за счет взаимодополнения процессов регионализации и глобализации при доминировании последнего. Процесс регионализации стимулировал увеличение большей части совокупной торговли промышленными товарами, а торговля сырьевыми товарами генерировалась исключительно процессом глобализации, что объясняет мотивацию ряда стран-экспортеров данной продукции, к которым относится Россия, в их нежелании расширять торговые соглашения с другими странами АТР. Показано, что наряду с процессом регионализации процесс глобализации в АТР способствовал расширению торговли промышленными товарами, при этом производственные цепочки транснациональных корпораций успешно функционировали

Для цитирования: Изотов Д.А. (2023). Эффекты взаимной торговли в АТР: проявления на товарных рынках // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 102–117. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.5

For citation: Izotov D.A. (2023). Trade effects in the commodity markets of the Asia-Pacific Region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(3), С. 102–117. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.5

в рамках торговых соглашений. Полученные оценки также указали на признаки исчерпания процесса глобализации как источника наращивания торговли промышленными товарами в АТР, что может быть связано с фрагментацией субглобального региона, проявляющейся в создании торговых мегаформатов в последние годы. Предполагается, что в условиях текущей нестабильности внешнеполитических процессов в АТР введение различного рода ограничений может привести к трансформации торгово-экономических взаимоотношений в субглобальном регионе, проявляясь в перераспределении накопленных выгод от интеграции для стран АТР.

Ключевые слова: торговля, интеграция, регионализация, глобализация, прямой эффект от интеграции, накопленный эффект от интеграции, сырьевые товары, промышленные товары, торговое соглашение, зона свободной торговли, таможенный союз, АТР.

Введение

Интеграционные процессы в глобальной экономике способствовали существенному росту торговли и укреплению экономических взаимосвязей между странами мира. Такие процессы довольно отчетливо проявились в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР)¹. На данный субглобальный регион к 2021 году приходилось более 60% мировой экономики². В АТР за прошедшие три десятилетия сложился глобальный производственный комплекс, в который вошло большинство государств Восточной Азии, а также ключевые североамериканские страны. В данном субглобальном регионе активное развитие получила вертикальная торговля между предприятиями транснациональных корпораций (ТНК), которые были размещены в различных странах АТР. Помимо экспортной составляющей предприятий ТНК, рост экономики стран АТР способствовал увеличению потребления ими промышленных товаров³,

производимых в рамках субглобального региона. В свою очередь для наращивания масштабов выпуска различных промышленных товаров, включая поддержание функционирования и оптимизацию трансграничных производственных цепочек, ключевые экономики АТР стали активно импортировать сырьевые товары из других стран, главным образом расположенных в субглобальном регионе.

Расширению внутрирегионального товарооборота, экономическому росту и наращиванию потребления в АТР способствовала интеграция⁴, значительно снизившая барьеры в субглобальном регионе, упростившая торгово-экономические взаимодействия между странами, в него входящими, в рамках процессов глобализации и регионализации. В 2000-е гг. подавляющее большинство⁵ экономик АТР присоединилось к Всемирной торговой организации (ВТО) – всемирному торговому интеграционному формату⁶, создавшему условия для проявления процесса глобализации, на основе механизмов ранее существовавшего Генерального соглашения по тарифам и торговле.

¹ К АТР отнесены экономики Тихоокеанского кольца (Австралия, Бруней, Вануату, Восточный Тимор, Вьетнам, Гватемала, Гондурас, Гонконг, Индонезия, Камбоджа, Канада, Кирибати, КНДР, КНР, Колумбия, Коста-Рика, Лаос, Макао, Малайзия, Маршалловы острова, Мексика, Микронезия, Науру, Никарагуа, Новая Зеландия, Новая Каледония, Палау, Панама, Папуа – Новая Гвинея, Перу, Россия, Республика Корея, Сальвадор, Самоа, Сингапур, Соломоновы острова, США, Таиланд, Тайвань, Тонга, Тувалу, Уоллис и Футуна, Фиджи, Филиппины, Французская Полинезия, Чили, Эквадор, Япония), а также Монголия и Мьянма.

² Рассчитано автором по данным Международного валютного фонда (МВФ).

³ К промышленным товарам отнесены продукция пищевой, легкой, деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной, химической и нефтехимической, металлургической, металлообрабатывающей промышленности, машиностроения; производство оборудования, строительных материалов и продукция прочих отраслей обрабатывающей промышленности.

⁴ В исследовании термин «экономическая интеграция» (далее – интеграция) используется для описания сближения национальных экономик и их групп при нивелировании тарифных и нетарифных барьеров торгово-экономических взаимодействий между ними.

⁵ За исключением некоторых малых островных государств, КНДР и России, которая стала полноправным членом ВТО только в 2012 г.

⁶ К основополагающим принципам ВТО относят отсутствие дискриминации (в рамках режимов наибольшего благоприятствования и «национального режима»); прозрачность (публичность торговой политики); обоюдность (взаимное сокращение торговых барьеров); гибкость (поиск путей для компенсации ущемленным сторонам); принятие решений на основе консенсуса. Подробно см. (Baldwin, 2016).

Другим интеграционным процессом в АТР является регионализация (Arndt, 1993; Ethier, 1998), связанная с заключением торгово-экономических соглашений между странами субглобального региона. Следует заметить, что страны АТР не смогли выйти за рамки первоначально этапа интеграции после безуспешных попыток создания сложных интеграционных форм, по аналогии с Европейским союзом, поэтому единого интеграционного формата в субглобальном регионе не существует. К первоначальному этапу интеграции относятся частичные по охвату торговые соглашения (ЧТС)⁷, зоны свободной торговли (ЗСТ)⁸, таможенные союзы (ТС)⁹. Поскольку потребность в дальнейшем снижении барьеров сохранилась, то неизбежно функциональная составляющая заключаемых ЗСТ, как наиболее распространенного формата интеграции, стала расширяться за счет других сфер экономических взаимодействий, что способствовало появлению в АТР ЗСТ в расширенном формате – ЗСТ+ (Изотов, 2020а; Смирнов, Лукьянов, 2022).

Заключаемые торговые соглашения в АТР были направлены на либерализацию торговли продукцией промышленного производства, что особенно важно для снижения барьеров в рамках торговли промежуточными товарами в условиях производственной кооперации между ведущими странами субглобального региона, а также для расширения товарооборота инвестиционными товарами. Наряду с процессом глобализации снижение барьеров в торговле сырьевыми товарами¹⁰ также регламентирует-

ся в торговых соглашениях, преимущественно в расширенном формате, особенно продукции сельского и лесного хозяйства, рыболовства, а также ряда товарных групп минерального комплекса. Помимо этого, заключение торговых соглашений в расширенном формате способно снизить барьеры для притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) (Lakatos, Walmsley, 2012; Balistreri, Targ, 2020), в том числе в ресурсный сектор стран-участниц, что может способствовать увеличению торговли сырьевыми товарами между ними.

Оценки *ex-ante* на основе модели общего равновесия вполне однозначно указывают на имеющийся потенциал увеличения торговли в АТР как сырьевыми, так и промышленными товарами при условии осуществления дальнейших шагов по снижению барьеров (Kawasaki, 2015; Li, Whalley, 2017), сдерживающих торгово-экономические взаимодействия между странами субглобального региона, что, в свою очередь, может привести к еще большей взаимозависимости данных экономик (Auer, Mehrotra, 2014).

Другим вопросом является *ex-post* оценка долгосрочных торговых эффектов интеграции в АТР на товарных рынках, возникающих вследствие процессов глобализации и регионализации. Для получения таких оценок главным образом используются гравитационные модели, которые имеют высокую объяснительную силу, подтвержденную результатами большого числа проведенных эмпирических исследований (Yotov et al., 2016). Несмотря на большое количество исследований интеграционных процессов в АТР, выполненных в рамках данной методики, оценки торговых эффектов в них главным образом строятся для торговли в целом (Clarete et al., 2003; Athukorala, 2012), без дезагрегации на товарные группы. Эпизодические оценки интеграционных эффектов торговли сырьевыми и промышленными товарами в АТР были получены для взаимодействий стран Юго-Восточной (Okabe, Urata, 2014) и Восточной (Pomfret, Sourdin, 2009) Азии, групп стран, заключивших многосторонние торговые соглашения (Yang, Martinez-Zarzoso, 2014; Urata, Okabe, 2010), а также отдельных стран субглобального региона (Purwono et al., 2022). Распространение также получили оценки интеграционных эффектов торговли конкретны-

⁷ Заключение ЧТС подразумевает снижение тарифных барьеров на некоторые торгуемые между странами товары.

⁸ ЗСТ означает сокращение как тарифных, так и нетарифных барьеров между заключившими соглашение странами, а также определение по отношению к третьим странам режима торговых взаимодействий.

⁹ Функционирование ТС базируется на создании единого таможенного тарифа для стран-участниц, а также общей системы регулирования нетарифных барьеров для товаров из третьих стран.

¹⁰ Сырьевые товары в исследовании рассматриваются как агрегатный показатель, включающий в себя следующие укрупненные товарные группы: продукция сельского хозяйства; продукция лесного хозяйства; продукция рыболовства; добыча угля; добыча нефти, природного газа; добыча металлических руд; продукция прочих отраслей горнодобывающей промышленности.

ми товарами, преимущественно сырьевыми (Lee et al., 2016), отдельных стран АТР: сельскохозяйственная продукция (Xu et al., 2023; Akhmadi, 2017); сырая рыба (Saputra, 2022); древесина (Nasrullah et al., 2020); энергетические (Taghizadeh-Hesary et al., 2021) и промышленные товары (Siahaan, Ariutama, 2021).

В целом полученные *ex-post* оценки указали на положительное влияние заключенных торговых соглашений и присоединения стран АТР к ВТО на расширение торговли в субглобальном регионе. При этом выводы, построенные на основании таких оценок, нуждаются в ряде принципиальных дополнений. Во-первых, оценки результативности торговой интеграции в АТР строились преимущественно в рамках более ранних гравитационных моделей, традиционно включающих в число независимых переменных фактор наличия/отсутствия торгового соглашения наряду с физическим расстоянием, размером экономики и прочими факторами. Однако при определении эффектов интеграции оценка гравитационной зависимости имеет свои особенности (Baier et al., 2019), поскольку по причине эндогенности некорректно включать в число независимых переменных фактор наличия/отсутствия торговых соглашений наряду с расстоянием, размером экономики, а также ключевыми институциональными показателями, которые могут быть учтены в фиксированных эффектах. Во-вторых, если абстрагироваться от проблемы эндогенности, то полученные на основе ранних гравитационных моделей оценки свидетельствуют о наличии общего интеграционного эффекта, отражающего проявление процессов и регионализации, и глобализации, который зачастую интерпретируется как непосредственный эффект от создания торговых соглашений. В-третьих, как правило, оценки интеграционных эффектов в АТР охватывали временной промежуток до середины 2010-х гг.

Следует заметить, что в исследованиях торговой интеграции с применением современной методики оценки гравитационных зависимостей (Dai et al., 2014; Piermartini, Yotov, 2016), как правило, не рассматриваются субглобальные регионы, в том числе АТР. Тем не менее в проведенном ранее исследовании (Изотов, 2020b) оценки для долгосрочного периода пока-

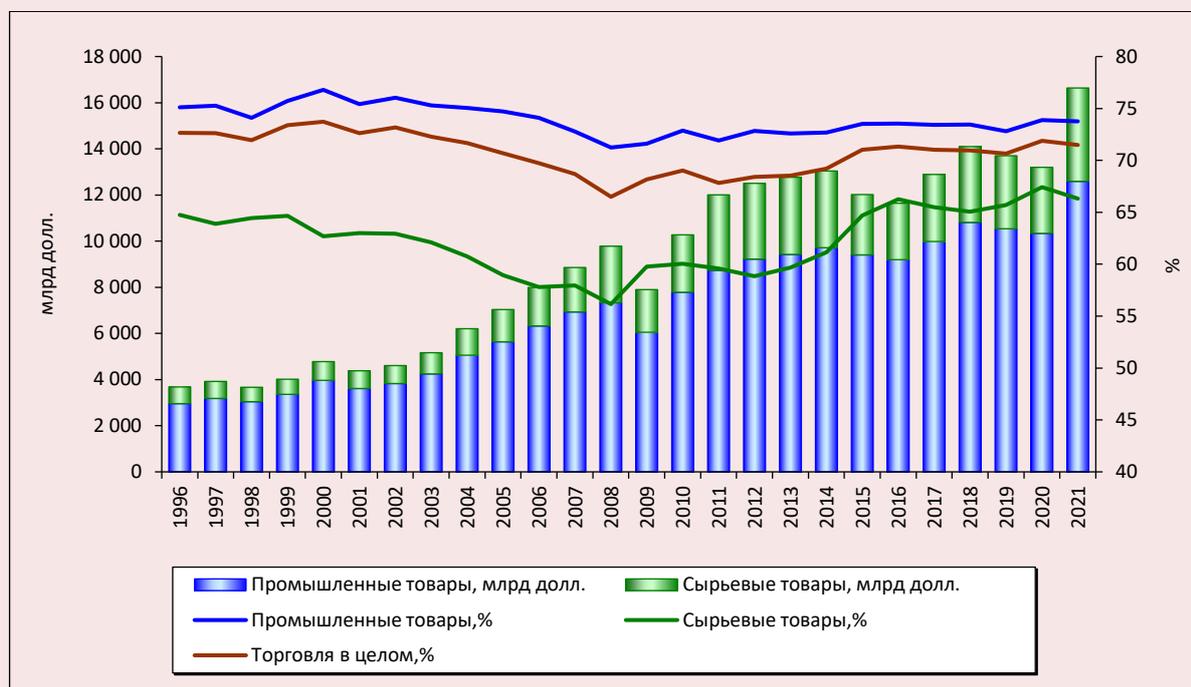
зали, что положительные интеграционные эффекты в АТР генерировались преимущественно процессом глобализации. С точки зрения определения причины доминирования процесса глобализации над регионализацией в рамках проявления положительных интеграционных эффектов в АТР такие оценки нуждаются в дополнении, тем более что современная глобальная экономика сталкивается с рисками эскалации торговых барьеров (Афонцев, 2020). С этой целью в нашем исследовании будут оценены эффекты торговой интеграции в АТР на уровне агрегированных товарных групп, а именно промышленных и сырьевых товаров, для долгосрочного периода (1996–2021 гг.). Особую актуальность исследование приобретает с точки зрения охвата оценкой периода пандемии начала 2020-х гг. в связи с распространением COVID-19, способствовавшего краткосрочной рецессии в мировой экономике, ослабившей долгосрочные положительные интеграционные эффекты в АТР.

В результате исследование предполагает решение следующих задач: 1) изучение интеграционных процессов в АТР, а также анализ динамики торговли сырьевыми и промышленными товарами в субглобальном регионе; 2) выбор методики и формирование массива данных для получения количественных оценок; 3) получение декомпозиционной оценки долгосрочных интеграционных эффектов АТР для торговли в целом, промышленных и сырьевых товаров.

Торговля сырьевыми и промышленными товарами и интеграционные процессы в АТР

В рамках рассматриваемого периода объемы внутрирегиональной торговли в АТР возросли с 3,6 трлн долл. в 1996 году до 16,7 трлн в 2021 году, заметно превосходя внешний товарооборот с другими странами мира, составлявший 1,4 и 6,6 трлн долл. соответственно. За 1996–2021 гг. доля торговли стран АТР друг с другом (внутрирегиональная торговля) в их суммарном внешнем товарообороте составила в среднем 71,0%. Доля внутрирегиональной торговли АТР в глобальном товарообороте к 2021 году достигла 37,4%, увеличившись более чем на 3 п. п. по сравнению с 1996 годом. В долгосрочном периоде наращивание взаимной торговли в АТР происходило за счет как промышленных, так и сырьевых товаров (*рис. 1*).

Рис. 1. Промышленные и сырьевые товары: товарооборот между странами АТР, млрд долл. (левая ось) и доля торговли внутри субглобального региона, % (правая ось)

Источники: данные UNCTAD и Всемирного банка.

Торговля промышленными товарами, по сравнению с сырьевыми, объективно являлась преобладающей в рамках внутрирегионального товарообмена в АТР, тем не менее ее доля немного снизилась – с 75,1% в 1996 году до 73,7% в 2021 году. Однако после периода сокращения в 2000-е гг. с начала 2010-х гг. наблюдалось увеличение доли внутрирегиональной торговли промышленными товарами в АТР. В 1996–2021 гг. основным источником поддержания высокой доли товарооборота промышленными товарами между странами АТР выступали товарные потоки промежуточных товаров для выпуска продукции электроники и электротехники, а также продукции химической промышленности, что указывает на ведущую роль торговли между предприятиями ТНК, расположенными в различных странах субглобального региона.

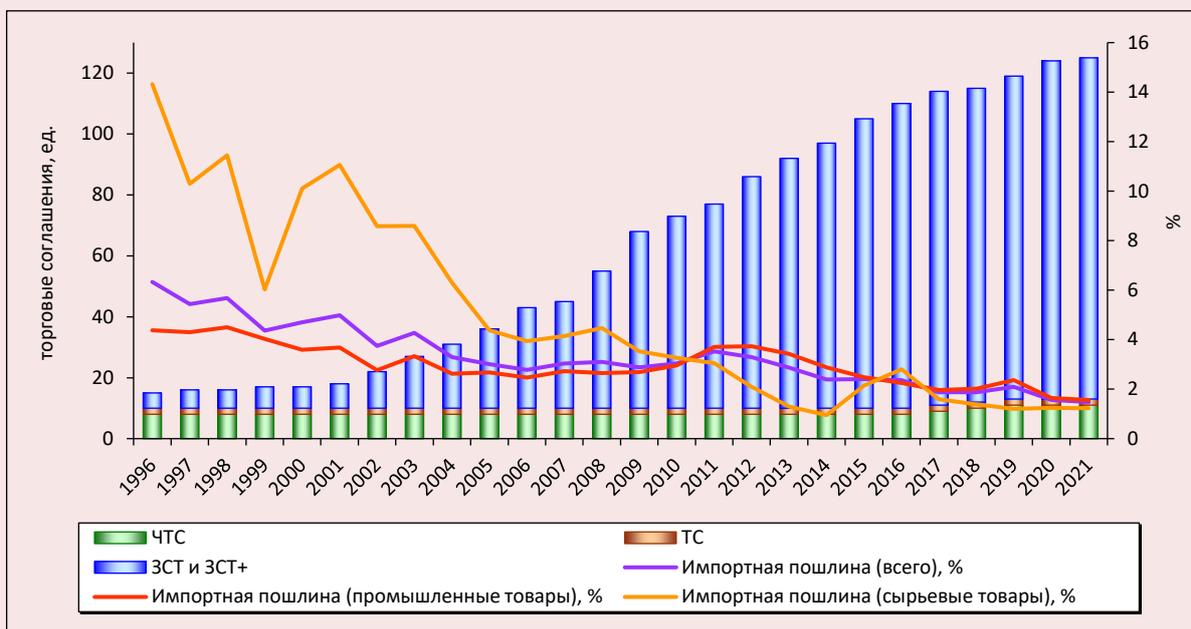
В АТР импульс развития также получили экономики, специализирующиеся в выпуске сырьевых товаров, экспорт которых был ори-

ентирован главным образом на страны субглобального региона¹¹. В результате доля сырьевых товаров в общем стоимостном объеме товарооборота между странами АТР составила 21,0% в среднем за 1996–2021 гг.¹², увеличившись с 19,1% в 1996 году до 24,0% в 2021 году. Торговля сырьевыми товарами стран АТР преимущественно концентрировалась внутри субглобального региона. В среднем за рассматриваемый период доля внутрирегиональной торговли сырьевыми товарами стран АТР составляла 62,3%, причем с начала 2010-х гг. наблюдалась тенденция к ее росту. К 2021 году она достигла 66,3%. Основным источником роста торговли сырьевыми товарами в рамках АТР

¹¹ Помимо этого, данная продукция стала активно производиться некоторыми странами АТР для удовлетворения своих потребностей.

¹² Волатильность цен на глобальных сырьевых рынках иногда вносила коррективы в стоимостные объемы торгуемых сырьевых товаров в АТР, а также в их долю в товарообороте между странами субглобального региона.

Рис. 2. Количество торговых соглашений (левая ось) и средневзвешенная импортная пошлина в АТР, % (правая ось)

Примечание: показаны значения эффективной применяемой средневзвешенной импортной пошлины; количество торговых соглашений отражено накопленным итогом.

Источники: данные ВТО и Всемирного банка.

являлся товарооборот непродовольственными товарами, доля которых во внутрирегиональной торговле сырьем возросла с 64,3% в 1996 году до 72,9% в 2021 году, главным образом за счет энергоносителей и металлических руд.

Снижение торговых барьеров в АТР со второй половины 1990-х гг. интенсифицировало экономические взаимодействия стран субглобального региона с глобальной и субглобальной экономикой. В АТР стали активно заключаться торговые соглашения, как правило, ЗСТ в расширенном формате (ЗСТ+). В результате к 2021 году в АТР функционировало 125 торговых соглашений: 11 ЧТС, 112 ЗСТ и 2 ТС, из которых в расширенном формате – 1, 106 и 0 соответственно (рис. 2).

Увеличение численности торговых соглашений, а также присоединение стран к ВТО способствовали тому, что размер эффективной применяемой средневзвешенной импортной пошлины в торговле между экономиками АТР к 2021 году снизился более чем в четыре раза по сравнению с 1996 годом. В свою очередь

в торговле между странами АТР значение пошлины на промышленные товары сократилось почти в три раза, а на сырьевые товары – более чем в 11 раз¹³.

Помимо импортных пошлин предпринимались совместные усилия по смягчению и ограничению различного рода нетарифных мер, сдерживающих торгово-экономические связи между странами субглобального региона. В АТР сосредоточена большая часть ЗСТ+, функционирующих в мире (около 2/3 их количества), которые регламентируют (Plummer, 2007) снижение барьеров для товарных потоков (за счет выработки четких правил их происхождения, ускоренного прохождения таможенных процедур), а также для ПИИ, рынка услуг, технологий; гармонизацию мер государственной поддержки для поддержки конкуренции и справедливое разбирательство споров. Данные

¹³ Также тарифные барьеры в торговле между экономиками АТР характеризовались более низкими значениями по сравнению с торговлей со странами, не входящими в субглобальный регион.

торговые соглашения в расширенном формате дополняли функции ВТО и способствовали торгово-экономической либерализации в АТР (Kawai, Wignaraja, 2011).

Методика оценки и данные

Методика оценки. Для получения корректной оценки долгосрочных интеграционных эффектов в рамках гравитационной модели необходимо оценивать панельные данные методом квазимаксимального правдоподобия Пуассона (Yotov et al., 2016), использовать интервальные панельные данные для корректировки изменений в торговой политике и других торговых издержках (Olivero, Yotov, 2012); включать в панельные данные торговлю на отечественном рынке (Anderson, Yotov, 2016). Согласно рекомендациям (Baier, Bergstrand, 2007), независимые во времени переменные должны учитываться в фиксированных эффектах для торгующих пар стран, а зависимые — для стран-экспортеров/импортеров с учетом времени (Vacchetta et al., 2012).

Поскольку в настоящем исследовании в отношении агрегированных торговых потоков (торговля в целом; сырьевые товары; промышленные товары) оценка строится для долгосрочного периода (1996–2021 гг.), то целесообразно выявить как *прямой*, так и *накопленный эффект от заключения торговых соглашений*. Прямой эффект означает непосредственное воздействие торговых соглашений на торговлю стран. Накопленный эффект позволяет оценить влияние¹⁴ заключенных ранее торговых соглашений на торговые взаимодействия. Декомпозиция эффектов интеграции производится выделением из *общего процесса интеграции* (общий эффект интеграции) вклада *процесса регионализации* (собственно эффект от торговых соглашений) и вклада *процесса глобализации* (эффект от глобализации).

По аналогии с ранее проведенными исследованиями (Изотов, 2020b; Изотов, 2021) для получения оценок *прямого* и *накопленного эффектов от торговых соглашений* (Piermartini, Yotov, 2016) в рамках *общего процесса интеграции* использовалась зависимость (1):

$$X_{ij,t} = \exp[\beta_0 + \sum_{n=0}^{n=4} \beta_k FTA_{ij,t-n} + \pi_{i,t} + \chi_{j,t} + \mu_{ij}] + \varepsilon_{ij,t}, \quad (1)$$

где: X_{ij} — экспорт из страны i в страну j (данный параметр включает также торговлю внутри страны i , т. е. X_{ij}): общего стоимостного объема товаров, сырьевых товаров, промышленных товаров; β_0 — константа; FTA_{ij} — фиктивная переменная, отражающая наличие/отсутствие торгового соглашения между i и j ; n — количество лагов; $\sum \beta_k$ — значение *накопленного эффекта* от торговых соглашений; β_1 (β_k при нулевом количестве лагов) — значение *прямого эффекта* от торговых соглашений в рамках общего процесса интеграции; π_i — фиксированные эффекты для страны-экспортера с учетом года; χ_j — фиксированные эффекты для страны-импортера с учетом года; μ_{ij} — фиксированные эффекты для пар торгующих стран; t — временной промежуток.

Для определения вклада *процесса регионализации* в эффект *общего процесса интеграции* в модель (1) включаются переменные, отражающие наличие барьеров между странами для каждого года (Bergstrand et al., 2015). *Эту оценку можно получить при включении в массив используемых данных торговли на отечественном (внутреннем) рынке*. Тогда зависимость (1) для оценки *накопленного эффекта от заключения торговых соглашений* в рамках *процесса регионализации* преобразуется в следующий вид (2):

$$X_{ij,t} = \exp[\beta_0 + \sum_{n=0}^{n=4} \beta_k FTA_{ij,t-n} + \sum_{T=1}^{T=n} \beta_T INTL(T)_{ij} + \pi_{i,t} + \chi_{j,t} + \mu_{ij}] + \varepsilon_{ij,t}, \quad (2)$$

где: $INTL(T)_{ij}$ — фиктивная переменная, равная единице, для международной торговли каждого года T и нулевое — для внутренней торговли; $\sum \beta_k$ — значение *накопленного эффекта* от торговых соглашений и β_1 (β_k при нулевом количестве лагов) — значение *прямого эффекта* от торговых соглашений в рамках процесса регионализации. При оценке параметра $INTL(T)$ выбирается какой-либо год в качестве эталонного показателя, для того чтобы избежать корреляции с другими фиксированными эффектами.

Оценка (1) и (2) позволяет определить изменения (в %) двусторонних торговых потоков

¹⁴ Причем это влияние может способствовать положительным проявлениям прямого эффекта от заключения торговых соглашений либо, напротив, его сдерживать.

стран, заключивших торговые соглашения, на основе следующей формулы: $([e^{\beta_{FTA}} - 1] \times 100)$, а также сокращение эквивалента тарифной нагрузки: $([e^{\beta_{FTA}/(1-\theta)} - 1] \times 100)^{15}$, в которой эластичность замещения (θ) задается экзогенно. В результате, отталкиваясь от приведенных к сопоставимому виду значений эффектов, вычитание из общего эффекта от интеграции непосредственного эффекта от торгового соглашения позволяет определить вклад процесса глобализации в общий эффект интеграции. Соответственно, разница между значениями β_1 (β_k при нулевом количестве лагов) и $\sum \beta_k$ из (1) и (2) будет отражать в рамках процесса глобализации прямой и накопленный эффект от торговых соглашений соответственно.

Данные для оценки. Как было обозначено, для оценки непосредственных эффектов от торговых соглашений в панель необходимо включить торговлю на внутреннем рынке (Anderson, Yotov, 2016). Одним из способов, который позволяет сформировать массив показателей, отражающих торговлю на отечественном рынке, является вычисление разницы между стоимостным объемом произведенных товаров в национальной экономике и экспортом (Bergstrand et al., 2015; Yotov et al., 2016). В нашем исследовании необходимые компоненты для расчета этого показателя были получены из специальных баз статистических данных: СЕРИ; СЕИС; UNIDO, FAO (ООН), а также экономико-статистических агентств ряда стран АТР.

Источниками статистических данных взаимного экспорта между странами АТР послужили базы данных UNCTAD (ООН) и Всемирного банка. Однако ограничением для включения всех без исключения стран и экономических территорий АТР в оцениваемую панель является отсутствие для некоторых из них статистики, характеризующей торговлю товарами на внутреннем рынке. В итоге в оцениваемую панель вошли 36 экономик АТР¹⁶.

Разделение массива данных торговли на потоки сырьевых и промышленных товаров осуществлялось разграничением товарных групп в рамках классификации ISIC¹⁷ (вторая версия), которая использована для отражения статистики внутристрановой торговли. Статистика по экспорту стран АТР, отраженная в классификации SITC в ценах ФОБ, была переведена в классификацию ISIC на основе разработанных алгоритмов (Muendler, 2009).

К сырьевым товарам были отнесены продукция сельского хозяйства (код 11 ISIC); продукция лесного хозяйства (код 12); продукция рыболовства (код 13); добыча угля (код 21); добыча нефти, природного газа (код 22); добыча металлических руд (код 23); продукция прочих отраслей горнодобывающей промышленности (код 29). В состав промышленных товаров включены продукция пищевой промышленности (код 31); продукция легкой промышленности (код 32); продукция деревообрабатывающей промышленности (код 33); продукция целлюлозно-бумажной промышленности, продукция полиграфической промышленности и издательского дела (код 34); продукция химической и нефтехимической промышленности (код 35); неметаллические минеральные продукты (код 36); продукция металлургической промышленности (код 37); продукция металлообрабатывающей промышленности, машиностроения и производства оборудования (код 38); продукция прочих отраслей обрабатывающей промышленности (код 39). К продукции обрабатывающей промышленности также было отнесено производство электроэнергии (код 4101), поскольку между некоторыми странами АТР, имеющими общую сухопутную границу, осуществляется торговля данным товаром.

В соответствии с обозначенными рекомендациями итоговый массив значений показателей был представлен в виде интервалов (лаг — пять лет): 1996 г., 2001 г., 2006 г., 2011 г., 2016 г. и 2021 г., охватывая 7620 наблюдений по тор-

¹⁵ Подробно см. (Yotov et al., 2016).

¹⁶ Австралия, Бруней, Вьетнам, Гватемала, Гондурас, Гонконг, Индонезия, Камбоджа, Канада, КНР, Колумбия, Коста-Рика, Лаос, Макао, Малайзия, Мексика, Монголия, Мьянма, Никарагуа, Новая Зеландия, Панама, Папуа — Новая Гвинея, Перу, Республика Корея, Россия, Сальвадор, Сингапур, США, Таиланд, Тайвань, Тонга, Фиджи, Филиппины, Чили, Эквадор и Япония. Исключение некоторых стран из рассмотрения не является критичным, поскольку их доля в торговле внутри АТР не превышала 0,1% к 2021 году.

¹⁷ International Standard Industrial Classification of All Economic Activities — Международная стандартная отраслевая классификация всех видов экономической деятельности. URL: https://unstats.un.org/unsd/classifications/Econ/Download/In%20Text/ISIC_Rev_2_Russian.pdf

говле стран АТР, в том числе сырьевыми и промышленными товарами. Стоимостные показатели торговли стран АТР были отражены в млрд долл. и, согласно рекомендациям (Vacchetta et al., 2012), в текущих ценах.

Что касается фиктивной переменной, то для оценки эффектов интеграции в качестве торговых соглашений использованы только данные о наличии либо отсутствии вступивших в силу ТС, ЗСТ и ЗСТ+ (Dai et al., 2014) на основе базы данных ВТО¹⁸. В результате для формирования фиктивных переменных были отобраны 114 торговых соглашений АТР в формате ЗСТ, ЗСТ+ и ТС¹⁹.

Россия входит в число стран АТР и рассматривается в панели как один из ключевых элементов субглобальной экономики. На основе сопоставления с общими тенденциями в АТР используемая в настоящем исследовании методология оценки интеграционных эффектов позволяет косвенно определить для российской экономики возможные долгосрочные выгоды от снижения барьеров со странами субглобального региона в рамках различных товарных рынков.

Интеграционные процессы могут по-разному влиять на торгово-экономические системы. При прочих равных условиях снижение барьеров способствует развитию торговли на основе положительных эффектов от экспортной специализации. В противном случае, если речь идет, например, о «закрытом» торгово-экономическом блоке с небольшим рынком, эффект отклонения торговли, т. е. смещение спроса на более дорогую продукцию данного объединения, может превышать эффект создания торговли, тем самым сдерживая эффективное развитие внешнеторгового и потребительского секторов национальной экономики. Соответственно, полученные оценки могут указать, способствует ли интеграция расширению торговли между странами АТР.

Результаты оценки

На первом этапе была получена оценка эффектов заключения торговых соглашений в рамках общего процесса интеграции (1) для торговли в целом в АТР, а также для торговли сырьевыми и промышленными товарами (табл. 1).

Таблица 1. Результаты оценки эффектов от заключения торговых соглашений в рамках общего процесса интеграции в АТР по модели (1)

Переменная	Торговля в целом	Сырьевые товары	Промышленные товары
FTA	0,17* (0,04)	0,21* (0,06)	0,13* (0,04)
FTA _{t-5}	0,10** (0,04)	0,002 (0,07)	0,12* (0,05)
FTA _{t-10}	-0,02 (0,04)	0,18* (0,06)	-0,08** (0,04)
FTA _{t-15}	0,14* (0,04)	0,20* (0,07)	0,17* (0,04)
FTA _{t-20}	0,22* (0,05)	0,56* (0,07)	0,11* (0,04)
FTA_{cumul}	0,61* (0,05)	1,15* (0,10)	0,44* (0,05)
Константа	-11,50* (0,45)	-6,97* (0,37)	-11,72* (0,42)
Число наблюдений	7620	7236	7620
Pseudo log-likelihood	-5864	-2127	-5260
RESET-test (Prob > chi2)	0,07	0,07	0,07
Pseudo R ²	0,99	0,99	0,99

Примечание: * p < 0,01, ** p < 0,05, *** p < 0,1. В скобках указаны значения стандартных ошибок. FTA_{cumul} соответствует $\sum \beta_k$ в (1), т. е. значению накопленного эффекта от торговых соглашений в рамках общего процесса интеграции. FTA – прямой эффект от торговых соглашений. Здесь и далее для лаконичности изложения оценки фиксированных эффектов не приводятся.
Источник: расчеты автора.

¹⁸ WTO Regional trade agreements database. Available at: <https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx>

¹⁹ В случае если торговое соглашение между странами вступило в силу в первом полугодии текущего года, оно было отнесено к текущему году, если во втором – к следующему.

Оценка от заключения торговых соглашений в рамках общего процесса интеграции в АТР указала на то, что торговля сырьевыми товарами в целом получила большее развитие по сравнению с торговлей промышленными товарами в субглобальной экономике. Причем прямой эффект от торговых соглашений (FTA) наращивался в долгосрочном периоде за счет опосредованного влияния на текущие торговые взаимодействия уже функционирующих торговых соглашений, что отражается в накопленном эффекте (FTA_{cumul}) от их заключения.

На втором этапе, при включении в модель дополнительных фиктивных переменных для межстрановой торговли $INTL(T)$, в рамках процесса регионализации были оценены прямой и накопленный эффекты от заключения торговых

соглашений для трех торговых потоков АТР: торговля в целом; торговля сырьевыми товарами; торговля промышленными товарами (табл. 2).

Оценка показала, что влияние торговых соглашений на торговлю сырьевыми товарами не было статистически значимым в условиях процесса регионализации. Это свидетельствует, что развитие рынка сырьевых товаров в рамках АТР не определялось непосредственным эффектом от заключения торговых соглашений. Данное обстоятельство в какой-то мере объясняет нежелание расширять торговые соглашения с другими странами субглобальной экономики рядом стран АТР, в число которых входит Россия, экспортирующих в основном сырьевые товары. Более того, импорт сырьевых товаров (за исключением некоторой сельскохозяйственной

Таблица 2. Результаты оценки эффектов от заключения торговых соглашений в рамках процесса регионализации по модели (2)

Переменная	Торговля в целом	Сырьевые товары	Промышленные товары
FTA	0,11** (0,05)	-0,03 (0,07)	0,14* (0,05)
FTA_{t-5}	-0,004 (0,03)	-0,17* (0,07)	0,04 (0,04)
FTA_{t-10}	-0,07** (0,03)	0,05 (0,07)	-0,09* (0,04)
FTA_{t-15}	0,09** (0,04)	-0,02 (0,06)	0,13* (0,04)
FTA_{t-20}	0,12** (0,06)	-0,01* (0,08)	0,10*** (0,06)
FTA_{cumul}	0,25** (0,12)	-0,19 (0,19)	0,32* (0,11)
$INTL_{1996}$	-0,49* (0,09)	-0,94* (0,12)	-0,35* (0,08)
$INTL_{2001}$	-0,28* (0,08)	-0,89* (0,10)	-0,13*** (0,07)
$INTL_{2006}$	-0,26* (0,06)	-1,09* (0,08)	-0,08 (0,05)
$INTL_{2011}$	-0,31* (0,04)	-0,77* (0,07)	-0,20* (0,04)
$INTL_{2016}$	-0,30* (0,02)	-0,25* (0,03)	-0,28* (0,03)
Константа	-11,20* (0,38)	-6,23* (0,46)	-12,01* (0,40)
Число наблюдений	7620	7236	7620
Pseudo log-likelihood	-5727	-2084	-5168
RESET-test (Prob > chi2)	0,99	0,90	0,99
Pseudo R ²	0,99	0,99	0,99
Примечание: * p < 0,01, ** p < 0,05, *** p < 0,10. В скобках указаны значения стандартных ошибок. Базовым годом для переменной $INTL$ является 2021 г. FTA_{cumul} соответствует $\sum \beta_k$ в (2), т. е. значению накопленного эффекта от торговых соглашений в рамках процесса регионализации. FTA – прямой эффект от торговых соглашений. Источник: расчеты автора.			

продукции) облагался низкими ставками пошлин в большинстве стран АТР, а его сдерживание в ряде случаев объяснялось конъюнктурными и неэкономическими факторами.

В соответствии с расчетами в рамках процесса регионализации положительный эффект от заключения торговых соглашений в АТР определялся для торговли промышленными товарами. Положительный накопленный эффект (FTA_{cumul}) в торговле промышленными товарами был получен увеличением прямого эффекта от заключения торговых соглашений (FTA) за счет лаговых компонент. Полученная оценка по промышленным товарам подтверждает важность торговых соглашений для расширения торговли в АТР как товарами конечного спроса, так и промежуточными товарами в рамках функционирующих производственных цепочек ТНК. Помимо этого, можно предположить, что экономики Восточной Азии, а также Северной Америки, являющиеся «ядром» экономики АТР и специализирующиеся в выпуске промышленных товаров, в процессе своего соразвития подспудно стимулировали наращивание торговли сырьевыми товарами с другими странами, даже вне рамок заключения с ними торговых соглашений.

Прежде чем перейти к декомпозиционной оценке эффектов заключения торговых соглашений, необходимо обратить внимание на сокращение барьеров в АТР для торговли в целом, если судить по значениям фиктивных переменных межстрановой торговли $INTL(T)$ за соответствующие годы. Вероятно, в связи с при-

соединением стран АТР к ВТО процесс глобализации в какой-то мере позволял сдерживать нарастание торговых барьеров для торговли в АТР в целом. При этом наблюдались разные тенденции в торговых потоках: по сырьевым товарам – сокращение торговых барьеров; по промышленным товарам со второй половины 2010-х гг. было заметно увеличение барьеров, указывая скорее на проявление процесса фрагментации торгово-экономического пространства АТР, который мог быть вызван как противостоянием КНР с некоторыми странами субглобального региона, так и последствиями пандемии COVID-19 в 2021 году, вызвавшей некоторую трансформацию производственно-логистических взаимосвязей между странами (Загашвили, 2022).

Наконец, на третьем этапе был оценен вклад эффектов от регионализации и глобализации в общий эффект от интеграции в АТР для анализируемых торговых потоков. Общий эффект от интеграции превышал эффект от регионализации, что обнаруживается при соотношении оценок (табл. 1 и 2) как для торговли в целом, так и для торговли сырьевыми и промышленными товарами. Для проведения декомпозиции эффектов заключения торговых соглашений в АТР необходимо их привести к сопоставимому виду. Отраженные в таблицах 1 и 2 коэффициенты накопленного эффекта интеграции для анализируемых торговых потоков АТР могут быть представлены как изменение взаимной торговли, а также в виде тарифного эквивалента барьеров в торговле (табл. 3).

Таблица 3. Декомпозиция эффектов интеграции для торговых потоков в АТР

Торговый поток	Процесс интеграции	Прямой эффект			Накопленный эффект		
		1	2	3	1	2	3
Торговля в целом	общий процесс интеграции	18,5	100,0	-4,2	84,7	100,0	-14,2
	процесс регионализации	12,1	65,4	-2,8	28,3	33,4	-6,0
	процесс глобализации	6,4	34,6	-1,3	56,4	66,6	-8,2
Сырьевые товары	общий процесс интеграции	23,6	100,0	-5,2	214,4	100,0	-24,9
	процесс регионализации	-	-	-	-	-	-
	процесс глобализации	23,6	100,0	-5,2	214,4	100,0	-24,9
Промышленные товары	общий процесс интеграции	13,6	100,0	-3,1	55,3	100,0	-10,4
	процесс регионализации	14,9	109,6	-3,4	37,4	67,6	-7,6
	процесс глобализации	-1,3	-9,6	0,3	17,9	32,4	-2,8

Примечания: 1 – изменение взаимной торговли, %; 2 – вклад эффектов от глобализации и регионализации в общий эффект от интеграции, %; 3 – декомпозиция тарифного эквивалента барьеров в торговле, %, при $\theta = 5$. Эффект от глобализации оценен как разница между общим эффектом от интеграции и эффектом от регионализации. Поскольку для сырьевых товаров оценки (см. табл. 2) в рамках процесса регионализации не были статистически значимыми, то они не использовались для целей декомпозиции торговых эффектов интеграции.
Источник: расчеты автора.

Прямой эффект от торговых соглашений. Прямой эффект от торговых соглашений в АТР способствовал увеличению торговли: в целом — на 18,5%; сырьевыми товарами — на 23,6%; промышленными товарами — на 13,6%. Снижение тарифных барьеров составило 4,2 п. п., 5,2 п. п. и 3,1 п. п. соответственно. В соответствии с полученной оценкой прямой эффект от торговых соглашений генерировался разными процессами: для промышленных товаров — регионализацией; для сырьевых товаров — глобализацией. Причем в данном случае процесс глобализации не способствовал увеличению торговли промышленными товарами между странами АТР, а процесс регионализации — сырьевыми товарами. Говоря иначе, оценки указывают на большую значимость процесса регионализации именно для стран, специализирующихся в экспорте промышленных товаров в АТР, чем для стран, экспортирующих преимущественно сырьевые товары. Поскольку анализ включает 2021 год, в котором активно действовали ограничения, связанные с COVID-19, то можно допустить, что влияние процесса глобализации, ранее стимулировавшего торговлю промышленными товарами в АТР, при оценке прямого эффекта интеграции могло немного исказиться.

Накопленный эффект от торговых соглашений. Оценка накопленного эффекта для торговли в АТР в целом указала на заметно большее долгосрочное положительное влияние торговых соглашений на торговые взаимодействия, способствующее увеличению торговли: в целом — на 84,7%; сырьевыми товарами — на 214,4%; промышленными товарами — на 55,3%. Тарифные барьеры в итоге снизились на 14,2 п. п., 24,9 п. п. и 10,4 п. п. соответственно. В отличие от прямого эффекта накопленный эффект для торговли в целом в АТР генерировался процессом глобализации, вклад которого в увеличение торговли составил $\frac{2}{3}$, а регионализации — $\frac{1}{3}$. Что касается сырьевых товаров, то накопленный эффект от торговых соглашений в АТР определялся исключительно процессом глобализации. Исходя из полученных значений накопленного эффекта, торговля промышленными товарами в АТР в долгосрочном периоде преимущественно определялась процессом регионализации (вклад — 67,6%), при этом вклад

глобализации также был заметен — 32,4%. Несмотря на то, что вклад процесса глобализации в увеличение торговли был главенствующим в рамках декомпозиции накопленного эффекта от торговых соглашений, тем не менее в долгосрочном периоде развитие товарообмена в АТР стимулировалось снижением барьеров благодаря торговым соглашениям в сфере торговли промышленными товарами в условиях процесса регионализации. Данное обстоятельство заметно стимулировало торговлю сырьевыми товарами, а также частью промышленных товаров в АТР на основе функционирующих механизмов глобализации, гарантирующих отсутствие дискриминации к импортерам в рамках режима наибольшего благоприятствования.

Заключение

За последние три десятилетия заметно увеличились объемы торговли между странами АТР благодаря снижению барьеров, сдерживающих торговые взаимодействия, присоединению практически всех стран субглобального региона к ВТО, а также созданию сети заключенных торговых соглашений, в том числе в расширенном формате. В рамках долгосрочного периода внутрирегиональная торговля стран АТР значительно превосходила их товарооборот с другими странами мира как за счет промышленных, так и сырьевых товаров. Товарооборот промышленными товарами является основополагающим в рамках внутрирегиональной торговли АТР, составляя чуть менее $\frac{3}{4}$ ее объема в среднем за 1996–2021 гг. Основную роль в поддержании высоких значений торговли промышленными товарами играли товарные потоки промежуточных товаров между предприятиями ТНК, расположенными в различных странах АТР. Помимо этого, положительный импульс в АТР получила внутрирегиональная торговля сырьевыми товарами, доля которой в долгосрочном периоде заметно увеличилась, главным образом за счет продукции минерально-сырьевого комплекса.

Полученные декомпозиционные оценки торговых потоков АТР указали на то, что в долгосрочном периоде заключение торговых соглашений стимулировало расширение большей части торговли промышленными товарами, усиливая процессы регионализации в субглобальной экономике. Помимо этого, торговля

сырьевыми и отчасти промышленными товарами генерировалась исключительно процессом глобализации, что дополняет сделанные ранее выводы (Изотов, 2020b) о природе интеграционного процесса в АТР. С этой точки зрения в АТР не обнаруживается проявление такого внутрирегионального интеграционного эффекта, который, при прочих равных условиях, ограничивал бы в долгосрочной перспективе торговлю сырьевыми товарами для стран, не заключающих торговые соглашения. Это обстоятельство в определенной мере объясняет нежелание ряда стран, специализирующихся в экспорте сырьевых товаров, к которым относится Россия, расширять торговые соглашения с другими государствами АТР.

Процесс глобализации, связанный с присоединением стран АТР к ВТО, также способствовал расширению торговли промышленными товарами, при этом производственно-технологические цепочки в рамках вертикальной торговли ТНК успешно функционировали преимущественно в рамках заключенных торговых соглашений. По всей видимости, процесс регионализации в АТР, стимулируя большую часть торговли промышленными товарами, в определенной мере расширил возможности для торговли сырьевыми товарами в рамках субглобального региона, способствуя также росту экспорта определенной доли промышленных товаров в страны АТР, не участвующие в торговых соглашениях. Полученные оценки дают основание предполагать, что основную выгоду от интеграции в АТР в долгосрочном периоде получили страны, включенные в производственно-технологические цепочки в рамках торговли промышленными товарами.

В итоге общий положительный интеграционный эффект в АТР в долгосрочном периоде проявлялся за счет «синергии» регионализации и глобализации с видимым доминированием последней. При этом прямой эффект от торговых соглашений указал на исчерпание процесса глобализации как «драйвера» для наращивания торговли промышленными товарами в АТР, что имеет довольно серьезные последствия, связанные с нарастанием конкуренции между группировками стран и фрагментации субглобального региона, которая начинает проявляться в последние годы при создании крупных торгово-экономических интеграционных форматов.

Россия в рамках анализируемого периода не реализовала стратегии по включению в интеграционные процессы субглобального региона на основе расширения торговых соглашений со странами АТР. Долговременная ориентация российского сырьевого экспорта на европейский рынок и крепкие экономические связи с Европейским союзом вплоть до 2022 года способствовали тому, что рынок стран АТР для России был вторичен, ограничиваясь только крупнейшими экономиками Северо-Восточной Азии (СВА): КНР, Японией и Республикой Корея. Спрос на более сложные формы торгово-экономических отношений со странами АТР у российской стороны не прослеживался. Экспортируя преимущественно на рынок АТР продукцию с низкой добавленной стоимостью, стоимостные объемы которой по сравнению с экспортом на европейский рынок были небольшими, Россия вполне обходилась механизмами глобализации, особенно в условиях присоединения к ВТО, выхода на некоторые торговые площадки в АТР и занятия небольшой доли на рынке сырьевых товаров²⁰ стран СВА. С другой стороны, по причине высоких рисков ведения экономической деятельности в России не осуществлялась целенаправленная товарная и географическая диверсификация сырьевого экспорта, как в Чили, Австралии, Новой Зеландии и Канаде (Изотов, 2020a). Данное обстоятельство также не способствовало генерированию спроса в России на интеграцию в рамках стратегии по расширению охвата заключаемых торговых соглашений со странами АТР. Соответственно, шанс на построение более диверсифицированной экономики за счет соседства со странами АТР в анализируемом периоде для России в какой-то мере был упущен, не позволяя смягчить текущие последствия разрыва с европейским рынком. В итоге ей приходится сталкиваться с монополией со стороны Китая, а также безучастно наблюдать за процессом фрагментации торгово-экономического пространства АТР.

Важным результатом проведенного исследования является то, что в рамках долгосрочного периода не было обнаружено попыток создания в АТР «закрытого торгового блока»,

²⁰ Сырая нефть, природный газ, уголь, древесина, рыба и ракообразные, черные металлы и др.

действие которого может быть распространено на сырьевые товары, выступающие основой российского экспорта. Однако нельзя исключать, что по мере нарастания противоречий между ведущими странами АТР в торговле промышленными товарами (американо-китайское противостояние) может начаться вполне осознанный процесс заключения долгосрочных договоров на поставку сырьевых товаров, производимых и торгуемых в рамках интеграционных объединений в субглобальном регионе. С этой точки зрения в условиях текущей нестабильности внешнеполитических процессов в АТР введение различного рода ограничений, в том числе при тех или иных чрезвычайных ситуациях, может привести к тому, что казавшаяся ранее довольно устойчивой конструкция торгово-экономических взаимоотношений в субглобальном регионе может быть трансформирована, проявляясь в перераспределении ранее накопленных выгод от интеграции для стран АТР.

Литература

- Афонцев С.А. (2020). Политика и экономика торговых войн // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1. С. 193–198. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-45-1-9
- Загашвили В.С. (2022). Экономическая глобализация и региональная интеграция в постковидную эпоху // Мировая экономика и международные отношения. Т. 66. № 4. С. 5–13. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-4-5-13
- Изотов Д.А. (2021). Торговая интеграция в АТР: декомпозиция эффектов // Пространственная экономика. Т. 17. № 1. С. 66–96. DOI: 10.14530/se.2021.1.066-096
- Изотов Д.А. (2020а). Экономическая интеграция России со странами АТР: проблемы и перспективы / под общ. ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН. 368 с.
- Изотов Д.А. (2020б). Эффекты торговой интеграции стран АТР в условиях процессов глобализации и регионализации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 4. С. 91–107. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.5
- Смирнов Е.Н., Лукьянов С.А. (2022). Преференциальные торговые соглашения: теория и практика // Мировая экономика и международные отношения. Т. 66. № 5. С. 32–40. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-5-32-40
- Akhmadi H. (2017). Assessment the impact of ASEAN Free Trade Area (AFTA) on exports of Indonesian agricultural commodity. *AGRARIS: Journal of Agribusiness and Rural Development Research*, 3, 9–14. DOI: 10.18196/agr.3139
- Anderson J.E., Yotov Y.V. (2016). Terms of trade and global efficiency effects of free trade agreements, 1990–2002. *Journal of International Economics*, 99, 279–298. DOI: 10.1016/j.jinteco.2015.10.006
- Arndt H.W. (1993). Anatomy of regionalism. *Journal of Asian Economics*, 4, 271–282. DOI: 10.1016/1049-0078(93)90043-C
- Athukorala P. (2012). Asian trade flows: Trends, patterns and prospects. *Japan and the World Economy*, 24, 150–162. DOI: 10.1016/j.japwor.2012.01.003
- Auer R.A., Mehrotra A. (2014). Trade linkages and the globalization of inflation in Asia and the Pacific. *Journal of International Money and Finance*, 49, 129–151. DOI: 10.1016/j.jimonfin.2014.05.008
- Bacchetta M., et al. (2012). *A Practical Guide to Trade Policy Analysis*. WTO and UNCTAD co-publication. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wto_unctad12_e.pdf
- Baier S.L., Bergstrand J.H. (2007). Do free trade agreements actually increase members' international trade? *Journal of International Economics*, 71, 72–95. DOI: 10.1016/j.jinteco.2006.02.005
- Baier S.L., Yotov Y.V., Zylkin T. (2019). On the widely differing effects of free trade agreements: Lessons from twenty years of trade integration. *Journal of International Economics*, 116, 206–226. DOI: 10.1016/j.jinteco.2018.11.002
- Baldwin R. (2016). The World Trade Organization and the future of multilateralism. *Journal of Economic Perspectives*, 30, 95–116. DOI: 10.1257/jep.30.1.95
- Balistreri E.J., Tarr D.G. (2020). Comparison of deep integration in the Melitz, Krugman and Armington models: The case of The Philippines in RCEP. *Economic Modelling*, 85, 255–271. DOI: 10.1016/j.econmod.2019.05.023

- Bergstrand J.H., Larch M., Yotov Y.V. (2015). Economic integration agreements, border effects, and distance elasticities in gravity equations. *European Economic Review*, 78, 307–327. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2015.06.003
- Clarete R., Edmonds C., Wallack J.S. (2003). Asian regionalism and its effects on trade in the 1980s and 1990s. *Journal of Asian Economics*, 14, 91–129. DOI: 10.1016/S1049-0078(02)00242-7
- Dai M., Yotov Y.V., Zylkin T. (2014). On the trade-diversion effects of free trade agreements. *Economic Letters*, 122, 321–325. DOI: 10.1016/j.econlet.2013.12.024
- Ethier W.J. (1998). Regionalism in a multilateral world. *Journal of Political Economy*, 106, 1214–1245. DOI: 10.1086/250045
- Kawai M., Wignaraja G. (2011). Asian FTAs: Trends, prospects and challenges. *Journal of Asian Economics*, 22, 1–22. DOI: 10.1016/j.asieco.2010.10.002
- Kawasaki K. (2015). The relative significance of EPAs in Asia-Pacific. *Journal of Asian Economics*, 39, 19–30. DOI: 10.1016/j.asieco.2015.05.001
- Lakatos C., Walmsley T. (2012). Investment creation and diversion effects of the ASEAN–China free trade agreement. *Economic Modelling*, 29, 766–779. DOI: 10.1016/j.econmod.2012.02.004
- Lee S.M., Radziah A., Ku'Azam T.L. (2016). Gravity model on a single commodity: A review of literature. *Management Research Journal*, 6, 32–39. DOI: 10.1016/j.asieco.2009.02.001
- Li C., Whalley J. (2017). How close is Asia already to being a trade bloc? *Journal of Comparative Economics*, 45, 847–864. DOI: 10.1016/j.jce.2016.08.001
- Muendler M.-A. (2009). *Converter from SITC to ISIC*. University of California, San Diego, CESifo and NBER. January 8. Available at: <https://econweb.ucsd.edu/muendler/docs/conc/sitc2isic.pdf>
- Nasrullah M., Chang L., Khan K. et al. (2020). Determinants of forest product group trade by gravity model approach: A case study of China. *Forest Policy and Economics*, 113, 102117. DOI: 10.1016/j.forpol.2020.102117
- Okabe M., Urata S. (2014). The impact of AFTA on intra-AFTA trade. *Journal of Asian Economics*, 35, 12–31. DOI: 10.1016/j.asieco.2014.09.004
- Olivero M.P., Yotov Y.V. (2012). Dynamic gravity: Endogenous country size and asset accumulation. *Canadian Journal of Economics*, 45, 64–92. DOI: 10.1111/j.1540-5982.2011.01687.x
- Piermartini R., Yotov Y.V. (2016). *Estimating Trade Policy Effects with Structural Gravity*. WTO Working Papers, No. 2016/10. Geneva: WTO. DOI: 10.30875/2d235948-en
- Plummer M.G. (2007). Best practices in regional trading arrangements: An application to Asia. *The World Economy*, 30, 1771–1796. DOI: 10.1111/j.1467-9701.2007.01061.x
- Pomfret R., Sourdin P. (2009). Have Asian trade agreements reduced trade costs? *Journal of Asian Economics*, 20, 255–268. DOI: 10.1016/j.asieco.2009.02.007
- Purwono R., Sugiharti L., Handoyo R.D., Esquivias M.A. (2022). Trade liberalization and comparative advantage: Evidence from Indonesia and Asian trade partners. *Economies*, 10. DOI: 10.3390/economies10040080
- Saputra P.M.A. (2022). Bilateral trade and spatial interdependence relevance: an analysis for tuna commodity in ASEAN+2 countries. *Journal of Asia-Pacific Business*, 23, 142–160. DOI: 10.1080/10599231.2022.2065565
- Siahaan M., Ariutama I.G.A. (2021). The impact of regional FTA on export of manufactured goods: The implementation of gravity model in Indonesia. *Jurnal Ekonomi dan Studi Pembangunan*, 13, 100–111. DOI: 10.17977/um002v13i22021p100
- Taghizadeh-Hesary F., Rasoulinezhad E., Yoshino N., Sarker T. (2021). Determinants of the Russia and Asia-Pacific energy trade. *Energy Strategy Reviews*, 38, 100681. DOI: 10.1016/j.esr.2021.100681
- Urata S., Okabe M. (2010). *Trade Creation and Diversion Effects of Regional Trade Agreements on Commodity Trade*. RIETI Discussion Paper Series 10-E-007, January. Available at: <https://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/10e007.pdf>
- Xu H., Nghia D.T., Nam N.H. (2023). Determinants of Vietnam's potential for agricultural export trade to Asia-Pacific economic cooperation (APEC) members. *Heliyon*, 9, e13105. DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e13105
- Yang S., Martinez-Zarzoso I. (2014). A panel data analysis of trade creation and trade diversion effects: The case of ASEAN–China Free Trade Area. *China Economic Review*, 29, 138–151. DOI: 10.1016/j.chieco.2014.04.002
- Yotov Y.V., Piermartini R., Monteiro J.-A., Larch M. (2016). *An Advanced Guide to Trade Policy Analysis: The Structural Gravity Model*. United Nations and World Trade Organization. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/advancedwtounctad2016_e.pdf

Сведения об авторе

Дмитрий Александрович Изотов – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: izotov80@yandex.ru)

Izotov D.A.

Trade Effects in the Commodity Markets of the Asia-Pacific Region

Abstract. The aim of the research is to assess long-term effects of trade integration in the Asia-Pacific region (APR) at the level of commodity markets – industrial and primary goods. Over the previous three decades, trade within the APR has significantly increased, thanks to the lowering of trade and economic barriers as a result of trade agreements and the WTO accession by almost all countries in the subglobal region. We show that trade between the Asia-Pacific countries greatly exceed their trade with other countries of the world, due to the increase in the exchange of goods, both primary and industrial goods including in the production chains of transnational corporations. Estimates derived from the gravity model indicate that in the long term the overall positive effect of trade integration in the APR is manifested through the complementarity of regionalization and globalization processes, with the dominance of the latter. The regionalization process stimulates an increase in most of the aggregate trade in industrial goods, while trade of primary goods is generated exclusively by globalization, which explains the motivation of a number of countries specializing in exports, including Russia, in their reluctance to expand trade agreements with other APR countries. The article points out that along with the process of regionalization, globalization in the Asia-Pacific region contributes to the expansion of trade in industrial goods, with the production chains of transnational corporations successfully functioning within the framework of trade agreements. The assessments also point to signs of the exhaustion of globalization as a source of increasing trade in industrial goods in the APR, which may be related to the fragmentation of the subglobal region as manifested in creating trade megaformats in recent years. We assume that under the current instability of foreign policy processes in the APR, the introduction of various kinds of restrictions can lead to the transformation of trade and economic relations in the sub-global region, manifesting itself in the redistribution of the accumulated benefits of integration for the Asia-Pacific countries.

Key words: trade, integration, regionalization, globalization, direct effect of integration, accumulated effect of integration, primary goods, industrial goods, trade agreement, free trade zone, customs union, Asia-Pacific region.

Information about the Author

Dmitrii A. Izotov – Doctor of Sciences (Economics), Leading Researcher, Economic Research Institute Far Eastern Branch RAS (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: izotov80@yandex.ru)

Статья поступила 04.04.2023.

Концептуальный подход к формированию мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований регионов России

**Николай Владимирович
ВОРОШИЛОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: niks789@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5565-1906; ResearcherID: I-8233-2016

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования подходов и инструментов мониторинга процессов развития муниципальных образований в России с учётом текущей ситуации со статистикой в разрезе муниципалитетов, а также с учётом задач, стоящих перед муниципальным уровнем управления в современных условиях. Целью работы является научно-методическое обоснование подхода к формированию и проведению сравнительного мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований на внутрирегиональном и межрегиональном уровнях. Для достижения цели использованы такие научные методы, как экономический и статистический анализ, методы обобщения и экспертного опроса (анкетный опрос глав муниципальных образований Вологодской области). Научная новизна проведённого исследования заключается в выработке единого подхода к организации муниципального мониторинга в субъектах Российской Федерации, учитывающего особенности современного состояния муниципальной статистики и позволяющего проводить сравнения локальных территорий разных субъектов. Описан методический подход к организации мониторинга муниципальных образований Вологодской области, результаты которого отражены в ежегодном информационно-аналитическом бюллетене «Социально-экономическое развитие муниципальных районов», издаваемом Вологодским научным центром Российской академии

Для цитирования: Ворошилов Н.В. (2023). Концептуальный подход к формированию мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 118–140. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.6

For citation: Voroshilov N.V. (2023). Conceptual approach to the formation of the monitoring of socio-economic development of municipal entities in Russia's regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(3), 118–140. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.6

наук с 2014 года. На основе расчётов интегрального показателя уровня развития муниципалитетов Вологодской, Ленинградской областей и Республики Коми по предложенной авторской методике выявлено, что статистическая информация, представленная в Базе данных показателей муниципальных образований Росстата, не позволяет сформировать объективную межрегиональную типологию муниципалитетов по уровню развития. В связи с этим обоснованы направления совершенствования муниципального мониторинга, целесообразность использования для этого показателей, представленных в статсборниках «Социально-экономическое развитие муниципальных образований», ежегодно издаваемых территориальными органами Росстата в субъектах Российской Федерации. Результаты проведённого исследования могут быть использованы в деятельности федеральных, региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления, научных и образовательных организаций при анализе процессов развития муниципалитетов, а также служить основой для дальнейших исследований по рассматриваемой тематике.

Ключевые слова: муниципальные образования, социально-экономическое развитие, мониторинг, субъект Российской Федерации, Вологодская область, анкетный опрос.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

Введение

Одной из задач, направленных на достижение цели пространственного развития Российской Федерации и обозначенной в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р), является сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов РФ, а также снижение внутрирегиональных социально-экономических различий. Одним из принципов пространственного развития в данной Стратегии указан дифференцированный подход к направлениям и мерам государственной поддержки социально-экономического развития территорий с учетом демографической ситуации, особенностей системы расселения, уровня и динамики развития экономики и специфических природных условий.

В соответствии с Федеральным законом от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» к полномочиям органов местного самоуправления в сфере стратегического планирования относятся определение долгосрочных целей и задач муниципального управления и социально-экономического развития муниципальных образований,

согласованных с приоритетами и целями социально-экономического развития Российской Федерации и ее субъектов; разработка, рассмотрение, утверждение (одобрение) и реализация документов стратегического планирования по вопросам, отнесенным к полномочиям органов местного самоуправления; мониторинг и контроль реализации документов стратегического планирования, утвержденных (одобренных) органами местного самоуправления; иные полномочия.

Согласно данным Росстата, на 1 января 2022 года в России функционировали 19655 муниципальных образований, в том числе 1544 муниципальных района, 180 муниципальных округов, 608 городских округов, 4 городских округа с внутригородским делением, 23 внутригородских района, 267 внутригородских территорий городов федерального значения, 1287 городских поселений и 15742 сельских поселения.

Муниципалитеты России значительно различаются по потенциалу развития, особенностям, тенденциям и факторам их социально-экономического развития (контрасты в показателях развития могут достигать десятков и сотен раз). При этом за муниципальным уровнем управления (в рамках системы местно-

го самоуправления) закреплён значительный функционал и перечень полномочий по решению вопросов и проблем развития локальных территорий, обеспечения необходимых условий жизнедеятельности населения, а развитие страны в целом в конечном итоге определяется развитием входящих в неё территорий (субъектов РФ и муниципальных образований). В связи с вышеобозначенным принципиально важным является наличие эффективной системы мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований регионов (отдельных субъектов РФ, муниципалитетов нескольких субъектов РФ, в том числе в рамках макрорегионов). В соответствии с имеющейся информационно-статистической базой в России наиболее комплексный, системный и достоверный мониторинг можно проводить на уровне городских округов, муниципальных районов и округов.

Цель мониторинга заключается в получении информации, позволяющей провести комплексную и системную оценку состояния и процессов развития муниципальных образований региона для обоснования принятия соответствующих управленческих решений в сфере политики субъекта РФ по развитию муниципальных образований и местной социально-экономической политики.

Основные задачи (направления проведения) мониторинга:

- выявление тенденций и проблем социально-экономического развития муниципальных образований в долгосрочном, среднесрочном и краткосрочном (оперативном – прошедший год, прошедший месяц, квартал текущего года) периодах, идентификация остроты, значимости, системности проблем, угроз развития муниципалитета; определение причин сложившихся тенденций и проблем с целью обоснования направлений их решения и реагирования на возникающие угрозы;

- оценка степени реализации программно-стратегических документов развития муниципалитета (Стратегия социально-экономического развития муниципального образования и план мероприятий по её реализации, отраслевые стратегии муниципалитета, муниципальные программы и проекты) с целью обоснования направлений корректировки данных документов;

- оценка внутрирегиональной политики (политики субъекта РФ по отношению к муниципальным образованиям и методов, инструментов её реализации) с точки зрения влияния принимаемых региональными органами решений и реализуемых действий на параметры социально-экономического развития муниципалитетов;

- оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления с точки зрения того, насколько реализуемая местная социально-экономическая политика позволяет решать имеющиеся проблемы муниципалитета и создавать условия для обеспечения его устойчивого развития, насколько эффективно и результативно органами местного самоуправления (МСУ) решаются вопросы местного значения (в соответствии с Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»), какие корректировки необходимо внести в данную политику и механизм её реализации.

Основные этапы организации и проведения мониторинга: 1) определение перечня показателей/индикаторов для проведения мониторинга и источников соответствующей информации; 2) сбор оперативных данных по показателям мониторинга, обработка данных (стандартизация, расчёт удельных показателей, расчёт индексов изменения значений показателей за разные периоды и т. д.); 3) анализ результатов полученных расчётов, формулировка выводов о тенденциях и проблемах развития муниципалитетов, факторах, обусловивших соответствующие изменения, и т. д.; 4) принятие субъектами мониторинга различных управленческих решений по результатам сделанных выводов, принятие решений о целесообразности корректировки системы мониторинга.

В настоящее время ключевым источником информации о состоянии и развитии муниципальных образований, на основе которой можно проводить мониторинг их состояния и развития, является официальная статистическая информация Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстат), представленная следующими элементами:

1) База данных показателей муниципальных образований Росстата (<https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm>), в которой размещена официальная статистическая информация по всем муниципальным образованиям России с 2006 года (более подробно и детально по муниципальным районам и округам, городским округам) по 28 основным блокам (сферам развития);

2) статистические бюллетени Росстата «Формирование местного самоуправления в Российской Федерации» (не публикуется с 2021 года), «Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям» (публикуется ежегодно), «Объём социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов населения в разрезе муниципальных образований» (не публикуется с 2020 года); официальные публикации по итогам Всероссийских переписей населения (2002, 2010, 2021 гг.);

3) статистическая информация, публикуемая территориальными органами Росстата в субъектах РФ: ежегодные статистические сборники «Муниципальные районы и городские округа...» или «Муниципальные образования...»; оперативная ежеквартальная, ежемесячная информация «Социально-экономическое положение муниципальных образований...»; разделы в разрезе муниципальных образований в отраслевых статистических сборниках, бюллетенях по субъекту РФ (Ворошилов, 2022).

Помимо официальной статистической информации имеется ведомственная статистическая информация, собираемая, формируемая федеральными органами власти, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, в том числе об основных результатах деятельности соответствующих органов власти, результатах реализации стратегических и программных документов в муниципалитетах и т. д. Кроме того, информация об отдельных параметрах развития муниципальных образований и населённых пунктов может формироваться различными экспертными, общественными и иными организациями (например, в рамках индекса качества жизни в городах, формируемого ВЭБ.РФ; информация о жилье на порталах Домофонд, ЦИАН, Рефор-

ма ЖКХ и др.), а также в рамках геоаналитики и ГИС-технологий, опросов различных респондентов (жителей, представителей бизнес-сообщества, органов власти и т. д.) (Ворошилов, 2022).

Мониторинг может проводиться органами МСУ, органами государственной власти, научными, экспертными, образовательными организациями, а также совместно заинтересованными сторонами.

Основными заинтересованными сторонами в проведении мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований и его результатах являются:

1) органы местного самоуправления муниципальных образований (используют статистическую и иную информацию и результаты мониторинга для оперативного анализа текущей ситуации и выявления проблем развития муниципалитета, разработки и реализации стратегии социально-экономического развития муниципалитета, плана мероприятий по её реализации, муниципальных программ, проектов, для разработки местного бюджета, определения приоритетов финансирования тех или иных мероприятий, для оценки результативности, эффективности своей деятельности и др.);

2) органы государственной власти субъектов РФ (для анализа территориальных, пространственных аспектов развития региона, формирования и реализации внутрирегиональной социально-экономической политики, в том числе инвестиционной политики, определения приоритетов и объёмов финансирования мероприятий в муниципалитетах из регионального бюджета, разработки и корректировки мер социальной поддержки населения и др.);

3) представители бизнес-сообщества (для определения ресурсного потенциала того или иного муниципалитета в целях открытия новых или расширения существующих производств, использования ресурсов различных территорий для текущей деятельности, оценки ёмкости тех или иных территориальных рынков, покупательной способности жителей, транспортной, коммуникационной доступности муниципалитетов и др.);

4) жители муниципальных образований (для оценки параметров текущей ситуации и развития того или иного муниципалитета как места жительства и своей самореализации, для общей собственной оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления) (Ворошилов 2022).

Зарубежными и российскими учёными, экспертами разрабатываются различные аспекты проведения мониторинга развития муниципальных образований и использования его результатов в практической деятельности органов власти. Ряд исследователей особое внимание уделяют обоснованию оптимального перечня показателей для проведения такого мониторинга (Бурцева, Губарева, 2020; Сюпова, Бондаренко, 2017); другие (Большаков, Васецкий, 2019; Дьяченко, 2018; Климова, 2019; Мендель, Фадеева, 2013; Хохлова 2013) детально рассматривают саму систему организации мониторинга, вопросы и проблемы сбора информации, её анализа и оценки, применение различных информационных технологий и решений для реализации мониторинга (Рухманова, 2010; Христодуло, Ахметзянова, 2021). Большой пласт публикаций (Кузнецова, Бабкин, 2021; Кузнецова, Бабкин, 2022; Шогенов и др., 2012; Fertner, 2012; Brezzi et al., 2011; Bogdanov et al., 2008; Klufová, 2016; Russo et al., 2017) посвящён разработке различных интегральных методик оценки уровня социально-экономического развития муниципалитетов и их типологизации (группировки) как ключевой составной части муниципального мониторинга.

В монографии учёных ВНКЦ ЦЭМИ РАН (Ускова и др., 2002) под муниципальным социально-экономическим мониторингом понимается специально организованная и постоянно действующая система наблюдения, сбора, оценки и распространения информации, диагностики экономической и социальной обстановки, складывающейся на территории муниципального образования (муниципальных образований), анализа тенденций развития и остроты локальных (муниципальных) проблем, а также подготовки рекомендаций по принятию рациональных управлен-

ческих решений. Осуществлять мониторинг развития города в данном исследовании предлагалось в рамках трех крупных направлений: 1) мониторинг качества жизни населения (здоровья, уровня и образа жизни); 2) мониторинг развития экономики города; 3) мониторинг социально-экономического потенциала города (величины потенциала и эффективности его использования). Этому подходу к пониманию муниципального мониторинга мы придерживаемся в данной статье. Целью нашей работы является научно-методическое обоснование подхода к формированию и проведению сравнительного мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований на внутрирегиональном и межрегиональном уровнях.

В настоящее время в России на официальном уровне мониторинг развития муниципальных образований осуществляется только в форме ежегодного мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов в соответствии с Указом Президента РФ от 28.04.2008 № 607, где установлен перечень из 14 показателей для оценки эффективности деятельности органов МСУ. Во исполнение данного Указа Постановлением Правительства РФ от 17.12.2012 № 1317 утверждены перечень дополнительных показателей для оценки эффективности деятельности органов МСУ (27 показателей); методика мониторинга эффективности деятельности органов МСУ; типовая форма доклада глав местных администраций муниципальных, городских округов и муниципальных районов о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов МСУ за отчетный год и их планируемых значениях на трехлетний период; методические рекомендации о выделении за счет бюджетных ассигнований из бюджета субъекта Российской Федерации грантов муниципальным образованиям в целях содействия достижению и (или) поощрения достижения наилучших значений показателей деятельности органов МСУ; перечень рекомендуемых показателей, используемых для определения размера грантов.

Главы муниципальных районов, муниципальных округов ежегодно готовят соответствующий доклад, в котором отражены значения показателей оценки эффективности деятельности органов МСУ за прошедшие 3 года и обозначены планируемые значения на 3 следующие года, и представляют его в соответствующий орган государственной власти субъекта РФ. Как правило, в докладе даются комментарии о причинах ухудшения отдельных показателей, а также дополнительно готовится план мероприятий по достижению наилучших значений показателей. Рост значений показателей (прямых показателей) или снижение значений отдельных показателей (обратных показателей) свидетельствует об эффективности деятельности органов местного самоуправления. Предметом оценки являются результаты деятельности органов местного самоуправления в следующих сферах: экономическое развитие; дошкольное образование; общее и дополнительное образование; культура; физическая культура и спорт; жилищное строительство и обеспечение граждан жильем; жилищно-коммунальное хозяйство; организация муниципального управления; энергосбережение и повышение энергетической эффективности; проведение независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сферах культуры, охраны здоровья, образования и социального обслуживания. Вместе с тем, согласно исследованиям некоторых российских учёных (см., например, Ворошилов, 2015), мониторинг эффективности деятельности органов МСУ охватывает далеко не все сферы (направления) развития муниципалитета; имеются вопросы и в реальной достоверности значений показателей (возможны значительные колебания от года к году или незаполнение отдельных значений показателей и т. д.).

Отличительная особенность исследования, результаты которого представлены в статье, заключается в рассмотрении вопросов, касающихся формирования системы мониторинга развития муниципалитетов, с учётом современной сложившейся в России информационно-статистической базы, обосновании выработки подхода к проведению сравнительного мониторинга муниципалитетов различных регионов России.

Описание методики исследования и обоснование ее выбора

Для достижения цели работы использовались стандартные методы экономического, статистического и компаративного анализа, методы обобщения и экспертного (анкетного) опроса, монографический метод. В ходе исследования мы опирались на публикации зарубежных и российских учёных, занимающихся вопросами проведения анализа и мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований.

Далее в статье будет рассмотрен методический подход и применяемый инструментарий для мониторинга развития муниципальных образований Вологодской области, основные результаты которого публикуются в ежегодном информационно-аналитическом бюллетене «Социально-экономическое развитие муниципальных районов», издаваемом Вологодским научным центром Российской академии наук с 2014 года. Автор статьи является разработчиком данного бюллетеня и основным исполнителем работ по его подготовке.

Используется методический подход к группировке территорий по величине анализируемых статистических показателей. Группировка муниципальных районов по каждому из исходных статистических показателей, характеризующих их социально-экономическое развитие и анализируемых в данном бюллетене, проводится в соответствии со следующими интервальными оценками (табл. 1). По ряду показателей при отсутствии районов, попавших в группу с высоким или низким уровнем развития, группа выделена логически на основе величины отличий значений показателя районов от показателей районов другой группы.

Пример группировки муниципальных районов Вологодской области по одному из показателей в соответствии с данным подходом будет представлен далее в таблице 4.

Оценка уровня социально-экономического развития муниципальных образований проводится на основе методики, представленной в предыдущей публикации автора (Ворошилов, Губанова, 2014). Сущность методики заключается в последовательном выполнении четырех этапов: стандартизация исходных 18 статистических показателей муниципальных районов

Таблица 1. Границы интервалов групп муниципалитетов по уровню значений показателей социально-экономического развития

Группа – уровень значений показателя	Границы группы
Высокий	$x_i \geq x_{cp} + (3/4) \cdot \sigma$
Выше среднего	$x_{cp} + (1/4) \cdot \sigma \leq x_i < x_{cp} + (3/4) \cdot \sigma$
Средний	$x_{cp} - (1/4) \cdot \sigma \leq x_i < x_{cp} + (1/4) \cdot \sigma$
Ниже среднего	$x_{cp} - (3/4) \cdot \sigma \leq x_i < x_{cp} - (1/4) \cdot \sigma$
Низкий	$x_i < x_{cp} - (3/4) \cdot \sigma$

x_i – значение показателя i -го района (городского округа) области; x_{cp} – среднее по всем районам (городским округам) значение соответствующего показателя; σ – среднеквадратическое отклонение по соответствующему показателю.

относительно значений в среднем по региону; расчёт интегрального показателя по четырем блокам показателей («Демография», «Благоустройство», «Уровень жизни населения», «Экономика») на основе средней арифметической из стандартизированных показателей, входящих в блок; расчёт интегрального показателя уровня развития как средней арифметической из интегральных показателей по блокам; группировка районов области на пять групп территорий по уровню развития (высокий, выше среднего, средний, ниже среднего и низкий уровни). Результаты такой группировки по итогам 2000, 2010, 2020 и 2021 гг. представлены в таблице 5.

С целью мониторинга состояния и реформирования института местного самоуправления в регионе Вологодским научным центром РАН с 2006 года проводится анкетный опрос глав муниципальных образований Вологодской области (анкеты рассылаются во все муниципалитеты области; количество заполненных, полученных от глав анкет позволяет обеспечить ошибку выборки не более 4–5%). При этом анкета для опроса ежегодно корректируется с учётом специфики изменений, происходящих в системе государственного и муниципального управления в России и Вологодской области.

Результаты исследования

Обобщение работ учёных по исследуемой проблематике и практический десятилетний опыт проведения автором данной статьи мониторинга развития муниципальных образований Вологодской области (в формате подготовки ежегодного информационно-аналитического бюллетеня и осуществления анкетного опроса глав муниципальных образований), анализа параметров развития крупнейших и крупных городских агломераций России, городских агломераций на территории Европейского

Севера России, сельских территорий субъектов Северо-Западного федерального округа, опыт разработки методик оценки уровня социально-экономического развития субъектов РФ, муниципальных образований (муниципальных районов и округов, городских округов, городских и сельских поселений) и типологизации данных территорий; анализ существующей практики мониторинга развития муниципалитетов ряда субъектов РФ (Вологодская область, Алтайский край и др.), реализуемого органами государственной власти, позволили выработать, обосновать принципы (табл. 2) и подход к проведению мониторинга развития муниципальных образований.

Далее рассмотрим основные особенности и характеристики подхода к проведению мониторинга муниципальных образований Вологодской области (табл. 3), основные результаты которого публикуются в ежегодном информационно-аналитическом бюллетене «Социально-экономическое развитие муниципальных районов», издаваемом Вологодским научным центром Российской академии наук с 2014 года. Бюллетень ежегодно безвозмездно рассылается ФГБУН ВолНЦ РАН в органы государственной власти Вологодской области и органы местного самоуправления районов и городских округов данного региона, а в отдельные годы – также в адрес отдельных федеральных органов законодательной и исполнительной власти, высших должностных лиц всех субъектов РФ, отдельных научных и общественных организаций России.

Далее для примера рассмотрим отдельные выкладки (примеры) из результатов мониторинга развития муниципалитетов Вологодской области, опубликованные в выпуске бюллетеня в 2022 году.

Таблица 2. Принципы мониторинга статистических показателей социально-экономического развития муниципальных образований

Принцип	Содержание принципа
<i>Принципы организации мониторинга</i>	
Регулярности, оперативности	Мониторинг должен проводиться (собирается соответствующая информационная база и анализироваться) каждый анализируемый период (год, квартал, месяц); анализ должен проводиться и выводы должны делаться в максимально короткий срок после появления достоверной, адекватной информационно-статистической базы
Комплексности	Мониторинг должен охватывать все возможные стороны, аспекты развития муниципалитетов; для подтверждения тех или иных фактов помимо статистической информации целесообразно использовать иные источники информации (результаты социологических исследований, проводимых в муниципалитете; ведомственная, отчётная информация органов местного самоуправления, муниципальных предприятий и учреждений; результаты опроса экспертов, иные доступные достоверные информационные базы и ресурсы)
Системности	Различные аспекты развития муниципальных образований должны рассматриваться во взаимосвязи сфер (подсистем) социально-экономического развития муниципальных образований; должны выявляться причинно-следственные связи между отдельными явлениями и процессами
Доступности	Результаты мониторинга должны быть оформлены в понятном, доступном для различных потребителей виде, позволять обосновывать необходимость и направленность корректировки форм, методов, инструментов управления развитием муниципалитетами
Целенаправленности	Проведение мониторинга должно быть направлено на достижение цели и конкретных задач мониторинга развития муниципалитетов
Полезности	Результаты мониторинга должны быть полезны для различных заинтересованных сторон (органы государственной власти, органы МСУ, бизнес-сообщество, жители муниципалитетов)
<i>Принципы формирования информационной базы (отбора показателей)</i>	
Сопоставимости	Применяемые для мониторинга индикаторы должны быть сопоставимы во времени (с точки зрения названия показателя, особенностей его формирования и формы представления) и пространстве (должна быть возможность адекватного сравнения значений показателя между различными территориями как конкретного субъекта РФ, так и всех субъектов РФ или какого-либо макрорегиона страны).
Достоверности	Сбор показателей должен осуществляться на основе данных официальных статистических источников (статсборники, базы данных) или других информационных ресурсов, принципы формирования которых понятны и методологически правильны
Умеренности	Количество показателей для мониторинга не должно быть слишком большим; необходимо избегать дублирования показателей, характеризующих одно и то же явление или процесс, мультиколлинеарности показателей, используемых для интегральной оценки уровня развития муниципалитетов.
Доступности	Информация о значениях показателей развития муниципалитета должна быть доступна различным заинтересованным лицам и быть представлена за длительный промежуток времени (не менее 10 лет)
<i>Принципы оценки уровня социально-экономического развития</i>	
Адекватности полученных результатов	Результаты оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований и их типологизации должны наиболее адекватно отражать особенности территорий каждой группы; муниципалитеты внутри каждой отдельной группы должны характеризоваться общими, схожими тенденциями, особенностями, факторами и проблемами развития
Учёта территориальной специфики	Оценка уровня развития муниципалитетов субъектов РФ должна проводиться с учётом корректировки стоимостных показателей на межрегиональные различия в уровне цен или стоимости жизни для обеспечения сопоставимости межрегиональных сравнений муниципалитетов
Применимости результатов оценки	Полученные результаты оценки уровня развития должны дать возможность обосновать дифференцированные меры и инструменты регулирующего воздействия со стороны государства и органов МСУ на различные типы/виды муниципалитетов
Относительной простоты расчёта	Методический инструмент для оценки уровня развития муниципалитетов должен быть понятен и доступен для всех заинтересованных сторон; обработка исходных данных и расчёт интегрального показателя желательно должны осуществляться без применения специализированного, необщедоступного программного обеспечения и без длительных, сложных расчётов

Таблица 3. Структура мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области в рамках бюллетеня (на примере 9 выпуска бюллетеня, изданного в 2022 году)

Блок показателей	Перечень показателей/индикаторов для мониторинга
Основные тенденции социально-экономического развития муниципальных районов и городских округов Вологодской области в 2000–2020 гг.	<p>Численность постоянного населения на конец года, в том числе городского и сельского; число сельских населенных пунктов муниципальных районов и городских округов Вологодской области; структура и динамика численности постоянного населения по возрастным группам</p> <p>Естественный и миграционный прирост (убыль) населения, в том числе в разрезе городского и сельского населения; миграционный прирост/убыль населения по направлениям миграции</p> <p>Заболееваемость населения в расчёте на 1000 чел. населения</p> <p>Объем производства продукции сельского хозяйства (в сопоставимых ценах) в расчёте на 1 жителя; объем промышленного производства и отгрузки продукции в расчёте на 1 жителя</p> <p>Объем розничного товарооборота (в сопоставимых ценах) в расчёте на 1 жителя</p> <p>Объем ввода в действие жилых домов в расчёте на 1 жителя</p> <p>Соотношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы и величины прожиточного минимума; среднемесячная заработная плата отдельных категорий работников, обозначенных в Указе Президента РФ от 07.05.2012 № 597</p> <p>Уровень зарегистрированной безработицы</p> <p>Обеспеченность населения врачами в расчёте на 10 тыс. чел. населения</p> <p>Благоустройство жилищного фонда водопроводом, канализацией, централизованным отоплением, газом</p> <p>Состояние водопроводных и канализационных сетей (доля сетей, нуждающихся в замене; заменено сетей; утечка и неучтённый расход воды); состояние сетей теплоснабжения</p> <p>Основные характеристики и динамика ключевых показателей социально-экономического развития групп муниципальных районов Вологодской области (в разрезе типологии территорий по доле сельского населения, типологии по периферийности)</p>
Состояние и тенденции формирования бюджетов муниципальных районов и городских округов Вологодской области	<p>Бюджетная обеспеченность собственными (налоговыми и неналоговыми) доходами бюджета района (городского округа) в расчёте на 1 жителя</p> <p>Структура расходов бюджетов муниципальных районов и городских округов Вологодской области</p> <p>Объёмы финансовых средств бюджета Вологодской области на реализацию проектов, мероприятий государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» в муниципальных образованиях Вологодской области</p>
Некоторые индикаторы развития сельского хозяйства в муниципальных районах Вологодской области	<p>Поголовье крупного рогатого скота, свиней во всех категориях хозяйств, поголовье коров во всех категориях хозяйств и в хозяйствах населения</p> <p>Валовой сбор зерновых и зернобобовых культур в хозяйствах всех категорий</p> <p>Урожайность зерновых и зернобобовых культур во всех категориях хозяйств</p> <p>Производство молока в хозяйствах всех категорий</p> <p>Надой молока на 1 корову в сельхозорганизациях</p> <p>Реализация скота и птицы на убой в живой массе в хозяйствах всех категорий</p>
Основные итоги социально-экономического развития муниципальных районов и городских округов Вологодской области в 2021 году	<p>Естественный и миграционный прирост (убыль) населения</p> <p>Оборот организаций и объёмы производства продукции лесозаготовительной отрасли</p> <p>Динамика основных показателей отраслей сельского хозяйства</p> <p>Оборот розничной торговли и общественного питания (в сопоставимых ценах)</p> <p>Количество организаций и индивидуальных предпринимателей; доля прибыльных организаций</p> <p>Численность безработных и уровень зарегистрированной безработицы</p> <p>Объёмы ввода в действие жилых домов</p> <p>Динамика грузооборота и пассажирооборота автомобильного транспорта</p> <p>Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работника</p>
Прогноз основных параметров развития муниципальных районов и городских округов Вологодской области до 2030 года	<p>Численность постоянного населения на конец года</p> <p>Объём производства продукции сельского хозяйства в расчёте на 1 жителя (в сопоставимых ценах)</p> <p>Оборот розничной торговли (в сопоставимых ценах)</p> <p>Реальная начисленная заработная плата (в сопоставимых ценах)</p>
Проблемы эффективности муниципального управления (по материалам опросов ФГБУН ВолНЦ РАН)	<p>Результаты ежегодного анкетного опроса глав муниципальных образований Вологодской области, включающего следующие основные направления:</p> <ul style="list-style-type: none"> – исследование изменений, происходящих в муниципальных образованиях после принятия 131-ФЗ; – определение направлений совершенствования деятельности непосредственно местных администраций и оценка их обеспеченности квалифицированными кадрами; – выявление роли федеральных и региональных органов власти в развитии муниципалитетов и направлений совершенствования государственной политики по развитию муниципалитетов; – изучение участия населения в местном самоуправлении
Приложения	<p>Основные этапы развития института местного самоуправления в постсоветский период</p> <p>Предложения по совершенствованию государственной политики в области функционирования местного самоуправления в России, совершенствованию управления развитием муниципальных образований</p> <p>Методический комментарий</p>

Так, за 2000–2021 гг. среднедушевой объем производства продукции сельского хозяйства сократился в сопоставимых ценах в 19 районах области (в среднем по региону снижение составило 8%; табл. 4). В Вашкинском, Бабушкинском, Нюксенском, Сямженском, Вожегодском, Кадуйском, Бабаевском, Вытегорском, Усть-Кубинском районах производство снизилось более чем в 2 раза. В Вожегодском, Сокольском, Бабаевском, Вытегорском районах по итогам 2021 года объем производства сельхозпродукции был более чем в 4 раза ниже среднерайонного уровня. В Грязовецком, Вологодском, Шекснинском, Устюженском, Междуреченском, Тотемском и Кирилловском районах в 2021 году отмечался прирост объемов сельхозпроизводства по сравнению с 2000 годом (от 0,3 до 92%); в Воло-

годском, Грязовецком, Шекснинском, Устюженском, Тарногском, Тотемском, Чагодошенском районах – прирост по сравнению с 1995 годом.

Стабильными лидерами по развитию сельского хозяйства в Вологодской области остаются Вологодский, Грязовецкий и Шекснинский районы, которые во многом обеспечивают сельхозпродукцией два крупных города области и в силу выгодного экономико-географического положения имеют хорошие выходы на крупные рынки сбыта продукции Северо-Западного и Центрального федеральных округов. Череповецкий район за 20 лет утратил свои позиции, что во многом обусловлено значительным спадом производства в подотрасли свиноводства (закрит ряд крупных свиноводческих комплексов).

Таблица 4. Объем производства продукции сельского хозяйства (в сопоставимых ценах 2021 г.), тыс. руб. на душу населения

Муниципальный район	1995 г.	2000 г.		2010 г.	2020 г.	2021 г.		2021 г. к 2000 г., %	2021 г. к 2020 г., %
		Знач.	Место			Знач.	Место		
Вологодский	227,7	250,4	1	229,1	245,1	251,0	1	100,3	102,4
Грязовецкий	97,4	105,7	5	99,7	190,9	202,4	2	191,6	106,0
Шекснинский	110,8	96,8	7	81,5	112,7	109,9	3	113,6	97,5
Устюженский	79,0	80,4	11	67,7	104,1	107,6	4	133,8	103,3
Череповецкий	234,6	191,8	2	153,5	103,2	102,0	5	53,2	98,8
Тарногский	86,0	101,5	6	58,3	86,0	92,5	6	91,2	107,6
Тотемский	72,1	71,4	13	55,4	88,8	91,2	7	127,7	102,6
Междуреченский	104,7	86,4	10	60,5	87,4	86,8	8	100,4	99,3
Верховажский	164,9	108,6	3	70,3	75,0	74,6	9	68,6	99,4
Кирилловский	71,9	69,0	16	48,7	70,1	71,6	10	103,7	102,1
Чагодошенский	47,3	58,7	19	28,9	53,7	52,1	11	88,7	96,9
Усть-Кубинский	72,4	106,6	4	81,9	54,1	47,4	12	44,5	87,6
Никольский	83,1	88,6	8	49,5	48,7	47,1	13	53,2	96,8
Кичменгско-Городецкий	87,8	78,5	12	43,6	43,7	42,3	14	53,9	96,8
Великоустюгский	68,3	40,7	23	28,1	32,8	34,3	15	84,2	104,4
Бабушкинский	85,0	86,7	9	40,3	30,9	31,5	16	36,3	101,8
Харовский	56,0	49,6	20	29,7	32,1	30,8	17	62,2	96,2
Вашкинский	62,0	62,4	18	27,7	28,1	30,1	18	48,2	107,0
Нюксенский	165,1	70,4	14	26,5	31,7	29,1	19	41,4	91,9
Сямженский	67,6	63,2	17	25,6	26,1	24,5	20	38,8	94,0
Белозерский	55,3	39,9	24	25,1	23,1	24,1	21	60,5	104,3
Кадуйский	42,5	45,1	22	21,0	22,5	21,6	22	47,9	95,9
Сокольский	34,2	34,0	26	24,6	18,4	19,6	23	57,8	106,5
Вожегодский	53,4	46,7	21	26,5	18,3	18,5	24	39,6	101,3
Бабаевский	78,6	69,2	15	25,9	15,0	14,4	25	20,8	96,0
Вытегорский	33,9	34,8	25	11,0	9,2	9,9	26	28,4	108,0
В среднем по районам	94,8	87,9	-	67,7	79,4	81,0	-	92,1	102,0

Цветом выделены группы районов по величине показателя

Высокий	Выше среднего	Средний	Ниже среднего	Низкий
---------	---------------	---------	---------------	--------

Результаты группировки муниципальных районов Вологодской области по уровню социально-экономического развития в 2000–2021 гг. представлены в *таблице 5*. Ухудшение ситуации с общей оценкой уровня социально-экономического развития (на основе анализа результатов интегрального показателя) отмечено в целом ряде муниципальных районов Вологодской области (если в 2000 и 2010 гг. к группе с низким уровнем развития относились лишь 8 районов, то в 2020–2021 гг. – уже 9–11). В то же время количество районов с высоким уровнем развития сократилось с 6 до 4. В 2000–2021 гг. ухудшение социально-экономического положения отмечено в 8 районах (Кадуйский, Череповецкий, Чагодощенский, Тотемский, Белозерский, Вашкинский, Устю-

женский, Вытегорский). Вместе с тем в группы с более высоким уровнем развития за этот период переместились 6 районов (Грязовецкий, Междуреченский, Бабаевский, Сямженский, Верховажский, Нюксенский).

Для исследования пространственной (внутрирегиональной) специфики развития Вологодской области были предложены две типологии муниципальных районов: по доле сельского населения и по периферийности – удалённости от крупных городов (*табл. 6*). Показано, что в районах с преобладанием сельского населения отмечается низкий уровень благоустройства жилищного фонда водопроводом (33–46%) и сетевым газом (13–21%), более низкий общий уровень их социально-экономического развития.

Таблица 5. Ранжирование районов Вологодской области по значению интегрального индекса уровня социально-экономического развития

Муниципальный район	2000 г.		2010 г.		2020 г.		2021 г.		2010 г. к 2000 г. (+/-)	2021 г. к 2010 г. (+/-)	2021 г. к 2000 г. (+/-)
	Абс. знач.	Место	Абс. знач.	Место	Абс. знач.	Место	Абс. знач.	Место	Место	Место	Место
Грязовецкий	1,147	7	1,132	6	1,406	2	1,521	1	1	5	6
Шекснинский	1,222	5	1,595	1	1,536	1	1,486	2	4	-1	3
Вологодский	1,405	2	1,310	5	1,298	3	1,325	3	-3	2	-1
Сокольский	1,265	4	1,329	4	1,210	5	1,229	4	0	0	0
Кадуйский	1,655	1	1,439	3	1,246	4	1,133	5	-2	-2	-4
Великоустюгский	1,141	8	1,047	8	1,101	8	1,058	6	0	2	2
Чагодощенский	1,202	6	1,446	2	1,106	7	1,045	7	4	-5	-1
Бабаевский	0,930	12	0,909	12	0,998	11	1,034	8	0	3	3
Тотемский	1,036	9	0,960	10	1,000	10	1,032	9	-1	2	1
Нюксенский	0,928	13	0,784	19	1,110	6	1,009	10	-6	9	3
Череповецкий	1,354	3	1,056	7	1,015	9	0,940	11	-4	-4	-8
Кирилловский	0,872	16	0,865	16	0,898	13	0,923	12	0	3	3
Харовский	0,895	14	0,979	9	0,885	15	0,923	13	5	-3	2
Тарногский	0,861	17	0,901	13	0,956	12	0,899	14	4	-2	2
Междуреченский	0,840	19	0,869	15	0,896	14	0,897	15	4	1	5
Сямженский	0,755	24	0,725	23	0,821	19	0,873	16	1	7	8
Верховажский	0,766	22	0,779	20	0,843	18	0,854	17	2	2	4
Вытегорский	0,957	10	0,857	18	0,797	21	0,846	18	-8	-2	-10
Устюженский	0,857	18	0,883	14	0,873	16	0,838	19	4	-3	1
Белозерский	0,878	15	0,861	17	0,850	17	0,832	20	-2	-2	-4
Вашкинский	0,937	11	0,749	21	0,821	20	0,823	21	-10	0	-10
Усть-Кубинский	0,813	21	0,955	11	0,772	22	0,759	22	10	-11	-1
Никольский	0,693	26	0,741	22	0,768	23	0,740	23	4	-1	3
Вожегодский	0,818	20	0,715	25	0,761	24	0,728	24	-5	1	-4
Кичменгско-Городецкий	0,709	25	0,649	26	0,718	25	0,700	25	-1	1	0
Бабушкинский	0,756	23	0,715	24	0,677	26	0,699	26	-1	-2	-3
Цветом выделены группы районов по уровню социально-экономического развития											
Высокий		Выше среднего		Средний		Ниже среднего		Низкий			

Таблица 6. Основные характеристики групп муниципальных районов Вологодской области в 2021 году

Группа территорий	Доля группы территорий в общем значении величины показателя суммарно по всем районам, %					Значение показателя в среднем по районам группы				
	Численность населения	Объём отгрузки продукции	Объём производства продукции сельского хозяйства	Объём инвестиций в основную капитал	Ввод в действие жилых домов	Доля жилья, оборудованного водопроводом, %	Доля жилья, оборудованного централизованным газом, %	Коэффициент естественного прироста населения, промилле	Коэффициент миграционного прироста населения, промилле	Интегральный показатель уровня развития
Типология муниципальных районов по доле сельского населения										
Полностью сельские (42% от общего числа районов области)	33,6	14,5	50,7	21,4	64,1	45,6	20,7	-12,5	2,2	0,849
Преимущественно сельские (15%)	15,0	11,6	8,0	11,8	7,1	32,5	13,2	-13,2	-1,4	0,801
В значительной степени городские (35%)	39,2	54,1	38,2	43,9	24,6	53,6	28,0	-13,7	-2,5	1,039
Преимущественно городские (8%)	12,2	19,8	3,0	12,9	4,2	60,3	54,4	-12,6	3,7	1,154
Типология муниципальных районов по периферийности (расположению относительно крупных и больших городов)										
Ближняя периферия 1 порядка (8%)	17,5	7,6	40,5	13,8	52,3	54,8	38,8	-10,9	6,3	1,100
Ближняя периферия 2 порядка (15%)	25,0	50,6	26,7	48,2	13,1	61,4	51,6	-11,8	0,4	1,309
Ближняя периферия 3 порядка (31%)	33,9	30,3	16,5	28,1	18,8	44,0	20,8	-13,8	-1,9	0,888
Средняя периферия (15%)	6,90	3,5	6,4	1,9	5,3	45,8	0,8	-15,4	-3,1	0,805
Дальняя периферия (31%)	17,1	7,9	10,0	8,0	10,3	37,4	8,1	-14,8	-1,9	0,805
По районам	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	48,6	26,5	-13,1	0,01	0,931
По области	-	-	-	-	-	71,4	33,4	-9,3	-0,77	-
<p>Характеристики и состав групп районов Вологодской области следующие:</p> <ul style="list-style-type: none"> – полностью сельские (доля сельского населения 100%): Бабушкинский, Вашкинский, Верховажский, Вологодский, Кичменгско-Городецкий, Междуреченский, Нюксенский, Сямженский, Тарногский, Усть-Кубинский, Череповецкий; – преимущественно сельские (доля сельского населения 50,0–99,9%): Вожегодский, Вытегорский, Никольский, Тотемский; – в значительной степени городские (доля сельского населения 25,0–49,9%): Бабаевский, Белозерский, Великоустюгский, Грязовецкий, Кирилловский, Устюженский, Харовский, Чагодощенский, Шекснинский; – преимущественно городские (доля сельского населения 0–24,9%): Кадуйский, Сокольский; – ближняя периферия 1 порядка (территории, входящие в состав агломераций; их центром является крупный город): Вологодский, Череповецкий; – ближняя периферия 2 порядка (территории, расположенные в зоне активного влияния крупного города): Грязовецкий, Сокольский, Кадуйский, Шекснинский; – ближняя периферия 3 порядка (территории, центром которых является малый или средний город): Вытегорский, Бабаевский, Белозерский, Кирилловский, Великоустюгский, Никольский, Тотемский, Харовский; – средняя периферия (территории, находящиеся вне зоны активного влияния города и соседствующие с территориями 1 и 2 порядка): Усть-Кубинский, Сямженский, Междуреченский, Устюженский; – дальняя периферия (территории, удалённые от городов региона): Вашкинский, Чагодощенский, Вожегодский, Верховажский, Тарногский, Нюксенский, Бабушкинский, Кичменгско-Городецкий. 										

Вместе с тем на группу полностью сельских районов приходится 64% ввода жилья (в данном случае речь идёт больше о строительстве индивидуального жилья, не подключённого к централизованным системам коммуникации). В свою очередь с удалением от крупных городов ухудшаются демографическая ситуация и общий уровень развития. Группа полностью

сельских районов характеризуется наибольшим объёмом производства сельхозпродукции (122,2 тыс. руб.), ввода жилья в расчёте на 1 жителя (1,17 кв. м) и объёмом собственных доходов на душу населения (14,1 тыс. руб.). В группе данных районов численность населения сократилась за 20 лет на 19%, а в среднем по всем районам области – на 23% (табл. 7).

Таблица 7. Динамика ключевых показателей социально-экономического развития групп муниципальных районов Вологодской области

Группа территорий	Численность постоянного населения на конец года, тыс. чел.			Среднемесячная заработная плата в ценах 2021 г. (без субъектов МСП), тыс. руб.			Объём производства продукции сельского хозяйства в расчёте на 1 жителя (в ценах 2021 г.), тыс. руб.			Ввод в действие жилых домов в расчёте на 1 жителя, кв. м			Собственные (налоговые и неналоговые) доходы местного бюджета в расчёте на 1 жителя (в ценах 2021 г.), тыс. руб.		
	2000 г.	2021 г.	2021 г. к 2000 г., %	2010 г.	2021 г.	2021 г. к 2010 г., %	2000 г.	2021 г.	2021 г. к 2000 г., %	2000 г.	2021 г.	2021 г. к 2000 г., %	2006 г.	2021 г.	2021 г. к 2006 г., раз
Типология муниципальных районов по доле сельского населения															
Полностью сельские (42% от общего числа районов области)	213,7	173,6	81,3	27,4	41,5	151,5	145,9	122,2	83,8	0,15	1,17	799,1	5,8	14,1	2,45
Преимущественно сельские (15%)	106,0	77,4	73,1	28,2	45,2	160,0	60,0	43,3	72,1	0,15	0,29	193,3	5,5	13,8	2,50
В значительной степени городские (35%)	272,0	202,4	74,4	29,0	42,7	147,5	68,0	79,0	116,2	0,12	0,38	327,7	7,4	13,2	1,79
Преимущественно городские (8%)	78,7	63,2	80,3	29,0	42,2	145,4	36,7	20,1	54,9	0,18	0,21	117,7	7,5	10,6	1,41
Типология муниципальных районов по периферийности (расположению относительно крупных и больших городов)															
Ближняя периферия 1 порядка (8%)	92,8	90,2	97,3	29,4	43,5	148,2	224,1	187,6	83,7	0,15	1,84	1233,9	6,5	12,5	1,92
Ближняя периферия 2 порядка (15%)	157,5	127,1	80,7	30,2	43,8	144,9	69,1	88,0	127,2	0,15	0,33	221,8	7,9	12,9	1,63
Ближняя периферия 3 порядка (31%)	241,5	175,2	72,5	28,1	43,1	153,5	54,7	39,4	72,0	0,13	0,34	262,7	6,8	13,1	1,92
Средняя периферия (15%)	50,3	35,9	71,2	25,9	38,7	149,4	82,7	74,4	89,9	0,19	0,46	239,2	4,8	13,3	2,79
Дальняя периферия (31%)	128,3	88,3	68,9	26,4	40,1	151,6	76,9	47,1	61,3	0,12	0,37	315,9	5,3	15,0	2,84
По районам	670,3	516,6	77,1	28,4	42,7	150,2	87,9	81,0	92,1	0,14	0,61	441,6	6,6	13,3	2,02
По области	1290,4	1139,5	88,3	39,2	50,7	129,1	-	-	-	0,16	0,56	353,9	19,9	13,3	0,67

Согласно типологии по периферийности, с удалением от крупных городов области можно отметить более негативные тенденции демографического развития (в районах ближней периферии 1 порядка – Вологодский и Череповецкий районы – численность населения сократилась за 2000–2021 гг. лишь на 3%, в то время как в наиболее удалённых территориях дальней периферии – на 31%; см. табл. 7). В районах ближней периферии 1 и 2 порядка отмечается более высокий уровень оплаты труда, большой объём отгрузки сельскохозяйственной продукции, а также более позитивная динамика данных показателей за 2000–2021 гг. (см. табл. 6). Лидерами по объёму и динамике ввода жилья являются Вологодский и Череповецкий районы. Наименьшие объёмы ввода жилья отмечаются в периферийных районах области (ближняя периферия 3 порядка и дальняя периферия).

По результатам проведённого в 2022 году анкетного опроса глав муниципальных образований Вологодской области выявлено, что наиболее сложная ситуация в муниципалитетах области сложилась в сферах демографии, экономики, трудоустройства населения, транспорта (от 29 до 71% глав поселений указали на «плохое» и «очень плохое» состояние этих сфер; табл. 8). При этом в сельских поселениях скла-

дывается наиболее проблемная ситуация (практически по всем сферам выше, чем в районах и городских поселениях, доля глав, которые указали на данную сложную ситуацию).

В большинстве муниципальных образований также остро стоит проблема недостаточной обеспеченности финансовыми ресурсами. В тяжелой ситуации оказались городские и сельские поселения: соответственно 86 и 77% их глав в 2021 году оценили как крайне низкую и низкую обеспеченность собственными доходами (табл. 9).

Вместе с тем, судя по данным анализа результатов опросов за 2006 и 2021 гг., позитивные изменения в обеспеченности муниципальных образований финансовыми средствами есть. Так, за рассматриваемый период времени выросла доля глав муниципалитетов, указавших на среднюю наполняемость бюджета за счет собственных доходов, и сократилась до нуля доля районов с крайне низкой обеспеченностью.

Далее рассмотрим результаты оценки информационно-аналитического бюллетеня ВолНЦ РАН «Социально-экономическое развитие муниципальных районов» различными экспертами. В 2022 году данный бюллетень был направлен в федеральные и региональные органы государственной власти, органы местного самоуправления и научные организации

Таблица 8. Оценка состояния муниципального образования по нижеследующим параметрам по итогам 2021 года, % от числа респондентов, выбравших варианты ответа «плохое» и «очень плохое»

Параметр	Муниципальные образования		
	муниципальные районы	городские поселения	сельские поселения
Демографическая ситуация	65,0	71,4	69,8
Трудоустройство	5,0	28,6	48,8
Экономическое развитие	15,0	57,1	45,2
Обеспеченность населения транспортными услугами	0,0	28,6	38,1
Диверсифицированность экономики	15,0	57,1	30,2
Обеспеченность населения услугами связи (интернет, мобильная связь)	0,0	0,0	25,6
Доступность и качество услуг сферы здравоохранения	20,0	42,9	23,3
Развитие дорожно-транспортной инфраструктуры	10,0	71,4	23,3
Материальное благосостояние населения	0,0	28,6	19,0
Жилищно-коммунальное обслуживание	15,0	0,0	18,6
Обеспеченность населения жильем	20,0	28,6	18,6
Обеспечение общественной безопасности	0,0	28,6	11,6
Доступность и качество услуг сферы образования	0,0	14,3	2,3
Отдых и культура	0,0	0,0	2,3
Экология (воздух, вода и др.)	0,0	0,0	0,0

Таблица 9. Распределение ответов руководителей администраций на вопрос «Оцените, пожалуйста, обеспеченность Вашего муниципального образования собственными доходами и доходами в целом», % от числа ответивших

Муниципальные образования	Обеспеченность доходами в целом				Обеспеченность собственными доходами			
	крайне низкая (0–30%)	низкая (31–60%)	средняя (61–90%)	высокая (более 90%)	крайне низкая (0–30%)	низкая (31–60%)	средняя (61–90%)	высокая (более 90%)
2006 г.								
Муниципальные районы	40,0	40,0	0,0	20,0	85,8	14,2	0,0	0,0
Городские поселения	40,0	40,0	0,0	20,0	63,7	27,3	9,0	0,0
Сельские поселения	40,1	23,4	31,7	4,8	87,2	7,8	4,0	1,0
2021 г.								
Муниципальные районы	15,0	25,0	45,0	15,0	15,8	42,1	42,1	0,0
Городские поселения	0,0	85,7	14,3	0,0	28,6	57,1	14,3	0,0
Сельские поселения	20,9	32,6	46,5	0,0	34,9	41,9	23,3	0,0

России. В итоге в августе – сентябре 2022 года поступило 35 ответных писем (в них 31 заполненная анкета по оценке бюллетеня): 21 ответ от органов государственной власти субъектов Российской Федерации; 10 ответов от органов местного самоуправления Вологодской области и ряда других регионов; 4 ответа от научных и иных организаций. Основные выводы из результатов анкетного опроса по оценке бюллетеня заключаются в следующем.

Респонденты отметили высокую актуальность бюллетеня для органов государственной власти и органов местного самоуправления (соответственно 77 и 94% опрошенных; табл. 10), около трети указали на его полезность для федеральных органов власти, сотрудников научных организаций и жителей муниципалитетов. 90% опрошенных назвали «высоким» и «достаточно высоким» качество материалов бюллетеня. Основные параметры бюллетеня оценены респондентами достаточно высоко (тематика разделов, информативность/насыщенность

информацией, доступность изложения, оформление – на 4,27 балла и выше из 5 возможных).

подавляющее большинство респондентов (64,5%) указали на «очень высокую» и «высокую» полезность материалов бюллетеня для их профессиональной деятельности; 35,5% опрошенных – на среднюю полезность материалов. Полезность материалов данного бюллетеня для работников органов государственной власти и местного самоуправления заключается в возможности их использования для подготовки аналитических материалов по развитию муниципалитета, подготовки выступлений, докладов по развитию муниципального образования, разработки предложений и мероприятий по совершенствованию управления социально-экономическими процессами на региональном и местном уровне (на эти направления указали 45–68% опрошенных; табл. 11). Заинтересованы в получении выпусков бюллетеня в следующие годы 87,1% опрошенных, не заинтересованы 12,9%.

Таблица 10. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, для кого может быть полезен данный информационно-аналитический бюллетень?», % от числа ответивших

Адресат	Доля ответивших
Для органов местного самоуправления	93,5
Для органов государственной власти субъектов РФ	77,4
Для жителей муниципальных образований	35,5
Для сотрудников научных, образовательных организаций	32,3
Для федеральных органов государственной власти	32,3
Для бизнес-сообщества	9,7
Для общественных организаций, политических партий	9,7
Затрудняюсь ответить	0,0

Таблица 11. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, где в Вашей профессиональной деятельности представленный бюллетень может быть наиболее востребован?», % от числа ответивших

Сфера деятельности	Доля ответивших
Для подготовки аналитических материалов по развитию муниципалитета	67,7
Для подготовки выступлений, докладов по развитию муниципального образования	48,4
Для разработки предложений и мероприятий по совершенствованию управления социально-экономическими процессами на региональном и местном уровне	45,2
Для разработки и корректировки документов стратегического планирования	41,9
Для расширения, углубления своих знаний и знаний подчинённых о развитии муниципальных образований Вологодской области	35,5
Для презентации информации о муниципалитетах представителям органов государственной власти и местного самоуправления других субъектов РФ	29,0
Для презентации информации о муниципалитетах представителям бизнес-структур	16,1

Полагаем, что мониторинг развития муниципальных образований, с учётом обозначенных выше принципов его проведения, должен регулярно (ежегодно) осуществляться во всех субъектах РФ по одинаковому перечню показателей/индикаторов (табл. 12). Также целесо-

образно проводить сравнения параметров развития муниципалитетов различных субъектов РФ (например, муниципалитетов субъектов РФ, входящих в какой-либо федеральный округ, или муниципалитетов нескольких субъектов РФ, которые могут быть взяты для анализа).

Таблица 12. Ключевые показатели для мониторинга муниципальных образований субъектов РФ

Наименование показателя	УСЭР	МРМ
На основе показателей, представленных в Базе данных показателей муниципальных образований Росстата		
Оценка численности населения на 1 января текущего года, общий коэффициент рождаемости, смертности, естественного и миграционного прироста населения	Да	Да
Среднесписочная численность работников организаций (без субъектов малого предпринимательства)	Нет	Да
Среднемесячная заработная плата работников организаций (без субъектов малого предпринимательства), в том числе по основным видам экономической деятельности и отдельным категориям работников социальной сферы (1)	Да	Да
Доля детей в возрасте 1–6 лет, получающих дошкольную образовательную услугу и (или) услугу по их содержанию в муниципальных образовательных учреждениях	Нет	Да
Доля детей в возрасте от 1–6 лет, состоящих на учете для определения в муниципальные дошкольные образовательные учреждения	Нет	Да
Численность работников и среднемесячная начисленная заработная плата органов МСУ	Нет	Да
Общая площадь жилых помещений	Да	Да
Доля населения, получившего жилые помещения и улучшившего жилищные условия в отчетном году, в общей численности населения, состоящего на учете в качестве нуждающегося	Нет	Да
Одинокое протяжение уличной газовой, водопроводной, канализационной сети, протяженность тепловых сетей; протяженность сетей, нуждающихся в замене; протяженность сетей, которые были заменены и отремонтированы за год; количество негазифицированных населенных пунктов	Нет	
Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства), в том числе по видам экономической деятельности промышленных производств		
Продукция сельского хозяйства (в фактически действовавших ценах); индекс производства продукции сельского хозяйства; посевная площадь, валовые сборы и урожайность сельскохозяйственных культур; поголовье скота и птицы на конец года; производство продуктов животноводства (2)	Нет	Да
Удельный вес убыточных организаций в общем числе организаций		
Инвестиции в основной капитал, осуществляемые организациями, находящимися на территории муниципального образования (без субъектов МП), инвестиции за счёт средств местного бюджета (3)	Нет	Да

Окончание таблицы 12

Наименование показателя	УСЭР	МРМ
Количество объектов розничной торговли и общественного питания	Да	Да
Текущие (эксплуатационные) затраты на охрану окружающей среды, включая оплату услуг природоохранного назначения	Нет	Да
Протяженность автодорог общего пользования местного значения; общая протяженность улиц, проездов, набережных, в том числе освещенных частей Доля протяженности автодорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям Доля населения населенных пунктов, не имеющих регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром муниципалитета	Нет	Да
Введено в действие жилых домов (в том числе индивидуальных) на территории муниципального образования (3)	Нет	Да
Число коллективных средств размещения, число мест и номеров в них (4)	Нет	Нет
Дополнительные показатели, представленные в статистических сборниках территориальных органов Росстата «Социально-экономическое развитие муниципальных образований»		
Уровень зарегистрированной безработицы; нагрузка незанятого населения на одну заявленную вакансию	Да	Да
Благоустройство жилищного фонда водопроводом, канализацией, отоплением, газом	Да	Да
Число мест в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми; численность воспитанников, получающих дошкольную образовательную услугу	Нет	Да
Численность врачей, среднего медицинского персонала, число больничных коек	Да	Да
Число мест в учреждениях культурно-досугового типа, число спортивных сооружений	Да	Да
Число зарегистрированных преступлений	Нет	Да
Наличие, поступление основных фондов, ввод в действие новых основных фондов, выбытие основных фондов, ликвидация (списание) основных фондов	Нет	Да
Производство важнейших видов промышленной продукции; производство важнейших видов продукции по виду экономической деятельности «Лесозаготовки»	Нет	Да
Наличие автотранспорта всех типов в организациях, наличие грузовых автомобилей в организациях	Нет	Да
Оборот розничной торговли (в том числе индекс физического объема); объем платных услуг населению	Да	Да
Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций	Нет	Да
Показатели, сформированные на основе иных источников информации		
Доходы, расходы, профицит/дефицит местного бюджета, структура доходов и расходов (на основе Отчетов об исполнении местных бюджетов, размещенных на сайтах муниципалитетов)	Да	Да
Мониторинг функционирования института местного самоуправления (на основе анкетного опроса глав муниципальных образований)	Нет	Да
<p>Условные обозначения: УСЭР – показатель применим для оценки уровня социально-экономического развития; МРМ – показатель применим для межрегионального мониторинга развития муниципалитетов.</p> <p>Комментарии к отдельным показателям:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. В БДМО в отдельные годы публиковались данные показатели по полному кругу организаций, с 2014–2017 гг. – без учёта субъектов малого предпринимательства. 2. В значительном количестве муниципалитетов (особенно северных) сельского хозяйства нет как самостоятельной отрасли, поэтому включение данных показателей в интегральные рейтинги нецелесообразно. 3. Колебания показателя объёма инвестиций могут быть значительными (разы и десятки раз) в отдельный год или из года в год в связи с возможной разовой реализацией одного или нескольких крупных инвестиционных проектов в какой-либо сфере, что может приводить к искажению интегрального показателя и не отражать реальную долгосрочную инвестиционную привлекательность муниципалитета. 4. Данные в базе значительно расходятся с данными, представленными в статсборниках региональных органов Росстата. 5. Сфера туризма может не играть заметную роль для развития отдельных муниципалитетов. <p>В рамках данного подхода к мониторингу используются наиболее доступные и распространённые для всех субъектов РФ источники статистической и иной информации.</p>		

Оценку уровня социально-экономического развития (типологизацию) муниципальных образований макрорегиона (сравнительная межрегиональная оценка) предлагается проводить в соответствии со следующей методикой, состоящей в последовательном выполнении следующих этапов.

1 этап. На основе имеющейся официальной статистической информации формируется перечень показателей, которые отражают различные стороны социально-экономического развития территорий (x_{ij}): коэффициент естественного прироста/убыли населения, промилле; коэффициент миграционного прироста/убыли, промилле; отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства) в расчёте на 1 жителя, тыс. руб.; налоговые и неналоговые доходы местных бюджетов на душу населения, тыс. руб.; среднемесячная заработная плата работников организаций (без субъектов малого предпринимательства), руб.; общая площадь жилых помещений в расчёте на 1 жителя, тыс. кв. м. Данный перечень был определен исходя из имеющейся официальной статистической информации по всем муниципалитетам России, представленной в Базе данных показателей муниципальных образований, которая формируется Федеральной службой государственной статистики РФ с 2006 года.

Значения всех стоимостных показателей, входящих в методику, вначале приводятся к единым, среднероссийским ценам по следующей формуле:

$$P_{\text{прив}} ik = P_{\text{исх}} ik \times \frac{C_{\text{РФ}}}{C_k}, \quad (1)$$

где $P_{\text{прив}} ik$ – значение i -го показателя муниципального образования, входящего в k -й субъект РФ, в соответствующем году, скорректированное на стоимость фиксированного набора товаров и услуг (межрегиональные различия уровня цен); $P_{\text{исх}} ik$ – исходное значение i -го показателя муниципального образования, входящего в k -й субъект РФ; $C_{\text{РФ}}$ – среднегодовая стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в среднем по России на конец соответствующего года;

C_k – среднегодовая стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в k -м регионе на конец соответствующего года.

2 этап. Показатели стандартизируются относительно средних значений:

$$k_{ij} = \frac{(x_{ij} - x_{\text{мин}ij})}{(x_{\text{макс}ij} - x_{\text{мин}ij})}, \quad (2)$$

где k_{ij} – стандартизированный коэффициент; x_{ij} – значение i -го показателя в j -м муниципалитете; $x_{\text{макс}ij}$ – максимальное значение i -го показателя по всем анализируемым муниципалитетам; $x_{\text{мин}ij}$ – минимальное значение i -го показателя по всем анализируемым муниципалитетам.

3 этап. Рассчитывается интегральный показатель уровня социально-экономического развития муниципального образования (I_j):

$$I_j = \frac{(\sum_{i=1}^n k_{ij})}{n}, \quad (3)$$

где n – число показателей, применяемых в методике.

4 этап. Осуществляется группировка агломераций по уровню социально-экономического развития, который определяется следующими интервальными оценками интегрального показателя I : высокий ($I_j \geq 0,67$), средний ($0,33 \leq I_j < 0,67$), низкий ($I_j < 0,33$).

Данный методический инструментарий и перечень показателей мониторинга являются универсальными и могут использоваться как в целях проведения межрегиональных сравнений процессов развития муниципалитетов, так и для анализа муниципалитетов отдельного взятого субъекта РФ.

Кроме того, в рамках мониторинга развития целесообразно организовывать оценку параметров внутрирегиональной дифференциации по следующим направлениям: оценка масштабов дифференциации; уровень социально-экономического развития муниципальных образований; факторы, определяющие дифференциацию; оценка эффективности региональной политики по развитию муниципалитетов. Методический подход к организации такого мониторинга дифференциации представлен, например, в монографии (Ворошилов, Губанова, 2019).

Результаты апробации данного методического инструментария на материалах трех регионов Северо-Западного федерального округа отражены в *таблице 13*.

Сравнение данных таблицы 13 по муниципальным районам и городским округам Вологодской области с данными таблицы 5 по муниципальным районам этого региона позволило сделать вывод о том, что результаты расчёта

интегрального показателя и типологизации территорий на основе методики, использующей статистические данные из Базы данных показателей муниципальных образований Росстата, не совсем адекватно отражает реальную ситуацию с уровнем развития территорий. Поэтому мониторинг уровня социально-экономического развития муниципальных образований целесообразно проводить на основе статистической

Таблица 13. Значения интегрального показателя уровня социально-экономического развития муниципальных районов и городских округов Вологодской, Ленинградской областей и Республики Коми по итогам 2021 года

Наименование муниципального образования	Значение интегрального показателя	Уровень развития	Наименование муниципального образования	Значение интегрального показателя	Уровень развития
ГО Усинск РК	0,640	Средний	МР Удорский РК	0,270	Низкий
МР Ломоносовский ЛО	0,537		МР Вашкинский ВО	0,267	
МР Кингисеппский ЛО	0,478		МР Чагодощенский ВО	0,266	
МР Всеволожский ЛО	0,476		МР Вытегорский ВО	0,266	
ГО Вуктыл РК	0,470		МР Тотемский ВО	0,265	
ГО Воркута РК	0,437		МР Волосовский ЛО	0,264	
МР Усть-Цилемский РК	0,417		МР Вологодский ВО	0,264	
ГО Сосновоборский ЛО	0,389		МР Харовский ВО	0,262	
МР Нюксенский ВО	0,385		МР Грязовецкий ВО	0,260	
МР Ижемский РК	0,372		МР Троицко-Печорский РК	0,260	
МР Сыктывдинский РК	0,370		МР Кирилловский ВО	0,257	
ГО Инта РК	0,367		МР Кировский ЛО	0,257	
МР Прилузский РК	0,364		МР Сосногорск РК	0,253	
МР Сямженский ВО	0,356		МР Вожегодский ВО	0,252	
ГО Ухта РК	0,350		МР Гатчинский ЛО	0,249	
ГО Череповец ВО	0,345		МР Шекснинский ВО	0,247	
МР Княжпогостский РК	0,337		МР Сокольский ВО	0,247	
МР Кадуйский ВО	0,332		МР Тихвинский ЛО	0,247	
МР Кичменгско-Городецкий ВО	0,323		МР Череповецкий ВО	0,242	
МР Усть-Кубинский ВО	0,321		МР Бабушкинский ВО	0,242	
МР Усть-Куломский РК	0,317	МР Бокситогорский ЛО	0,240		
МР Корткеросский РК	0,314	МР Устюженский ВО	0,238		
МР Усть-Вымский РК	0,309	МР Белозерский ВО	0,234		
МР Киришский ЛО	0,308	МР Междуреченский ВО	0,226		
МР Тарногский ВО	0,304	МР Тосненский ЛО	0,222		
МР Койгородский РК	0,304	МР Никольский ВО	0,218		
МР Печора РК	0,302	МР Лодейнопольский ЛО	0,218		
МР Верховажский ВО	0,291	МР Великоустюгский ВО	0,206		
МР Бабаевский ВО	0,289	МР Волховский ЛО	0,204		
ГО Сыктывкар РК	0,289	МР Лужский ЛО	0,203		
ГО Вологда ВО	0,288	МР Сланцевский ЛО	0,199		
МР Выборгский ЛО	0,288	МР Приозерский ЛО	0,198		
МР Сысольский РК	0,283	МР Подпорожский ЛО	0,194		

Условные обозначения: ГО – городской округ; МР – муниципальный район; РК – Республика Коми; ЛО – Ленинградская область; ВО – Вологодская область.

информации, размещённой в статсборниках «Городские и муниципальные округа (районы). Социально-экономические показатели» (ежегодно публикуются территориальными органами Росстата в субъектах РФ), и применяя, например, интегральную методику, используемую в бюллетене ФГБУН ВолНЦ РАН «Социально-экономическое развитие муниципальных районов» и описанную также в статье (Ворошилов, Губанова, 2014).

Анализ и пояснение полученных результатов

В ходе проведённого исследования предложен научно-методический подход к организации мониторинга развития муниципальных образований региона, основанный на использовании и анализе статистической и социологической информации о развитии муниципалитетов и межрегиональном сопоставлении уровня их развития. Для повышения комплексности и системности проведения такого мониторинга требуется дальнейшая проработка вопросов, связанная со сбором и анализом доступной и достоверной информации по следующим направлениям:

- оценка социально-экономических и бюджетных эффектов от преобразования муниципальных образований (объединение поселений, преобразование муниципальных районов в муниципальные и городские округа, изменение границ муниципальных образований);
- анализ и оценка обеспеченности органов местного самоуправления кадрами (численность, квалификация, достаточность кадров, повышение квалификации кадров, размер заработной платы работников органов МСУ);
- оценка уровня одобрения населением деятельности глав местных администраций, развития общественного самоуправления и гражданского общества, форм участия населения в развитии муниципальных образований;
- оценка деятельности органов местного самоуправления в работе по привлечению дополнительных средств за счет участия в конкурсах и грантах;
- анализ международных и внешнеэкономических связей муниципальных образований;
- анализ динамики развития малого предпринимательства, динамики и структуры инвестиций в основной капитал (включая физические объёмы), в том числе реализация крупных инвестиционных проектов;

- анализ занятости и трудовых ресурсов в отраслевом разрезе;
- туристский поток на территорию муниципальных образований;
- выявление и обобщение лучших практик муниципального управления в регионе;
- эффективность реализации национальных проектов и достижения национальных целей и задач развития страны в разрезе муниципальных образований (результатирующие и процессные показатели);
- анализ направлений и частоты контроля и надзора в отношении органов местного самоуправления со стороны органов государственной власти;
- ежегодная конкретизация и более глубокая проработка предложений (с учётом результатов мониторинга) по совершенствованию государственной политики в области функционирования местного самоуправления в России, совершенствованию управления развитием муниципальных образований с описанием перечней мероприятий и формулировок предлагаемых в нормативно-правовые акты поправок.

Вместе с тем отметим, что система мониторинга развития муниципальных образований может эффективно функционировать лишь при решении имеющихся в российской муниципальной статистике проблем, устранении ограничений и учёте особенностей формирования и использования статистической информации (Ворошилов, 2022).

Следует также сказать, что ожидаемый новый этап реформирования местного самоуправления потребует совершенствования подходов к мониторингу процессов развития муниципальных образований. 16 декабря 2021 года на рассмотрение Государственной Думы Российской Федерации был внесён проект федерального закона (законопроект № 40361-8) «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». 25 января 2022 года законопроект принят Государственной Думой в первом чтении. Планировалось, что закон вступит в силу с 1 января 2023 года с переходным периодом до 1 января 2028 года. Однако в силу разных причин дальнейшее рассмотрение данного законопроекта отложено (вероятнее всего до 2024 года). Законопроектом предполагалось

установление одноуровневой системы местного самоуправления (муниципальные округа, городские округа, городские территории городов федерального значения), установление двух перечней полномочий органов МСУ, повышение роли различных форм участия населения в развитии территорий и др. При этом процессы перехода к одноуровневой системе местного самоуправления (преобразований районов в муниципальные и городские округа с упразднением городских и сельских поселений) активно идут с 2017 года и в рамках действующего федерального закона о местном самоуправлении (131-ФЗ).

В условиях реформирования местного самоуправления важно обеспечить сохранение информационно-статистической базы в разрезе территорий бывших городских и сельских поселений муниципальных районов, которые преобразованы в муниципальные или городские округа. Эта задача может решаться централизованно (Росстат мог бы возобновить сбор хотя бы минимальной статистической информации в разрезе территорий упразднённых поселений) или органами местного самоуправления округов (самостоятельный сбор с помощью различных методов и из источников информации данных о ключевых параметрах развития

отдельных территорий округа — численность населения, количество предприятий, производственные показатели предприятий, реализуемые инвестиционные проекты, мощности и состояние ключевых инфраструктурных объектов и т. п.). Кроме того, важно организовать системный и качественный мониторинг развития территориального общественного самоуправления, инициативного бюджетирования и деятельности старост населённых пунктов на уровне муниципальных районов, муниципальных округов и городских округов (там, где эти формы местного самоуправления представлены): определить показатели для мониторинга, периодичность, порядок сбора и обработки информации, порядок принятия решений по итогам мониторинга и т. д.

Таким образом, вклад исследования, результаты которого представлены в данной статье, в развитие теоретической науки заключается в разработке методики оценки уровня развития муниципальных образований, позволяющей проводить межрегиональные сравнения территорий; вклад в развитие прикладной науки — в обосновании конкретных рекомендаций по совершенствованию процесса организации муниципального мониторинга с учётом современного состояния официальной статистики.

Литература

- Большаков С.Н., Васецкий А.А. (2019). Оценка эффективности муниципального управления на основе мониторинга стратегических решений социально-экономического развития // *Управленческое консультирование*. № 5 (125). С. 24–34. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-5-24-34
- Бурцева Т.А., Губарева А.И. (2020). Система сбалансированных показателей социально-экономического развития муниципального образования в условиях цифровой среды // *ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия*. Т. 17. № 5. С. 32–47.
- Ворошилов Н.В. (2015). Эффективность муниципального управления: сущность и подходы к оценке // *Проблемы развития территории*. № 3 (77). С. 143–159.
- Ворошилов Н.В. (2022). Особенности и проблемы формирования и использования статистической информации по муниципальным образованиям России // *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. № 6. С. 89–105. DOI: 10.24412/2071-6435-2022-6-89-105
- Ворошилов Н.В., Губанова Е.С. (2014). Оценка уровня социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. № 6 (36). С. 54–69. DOI: 10.15838/esc/2014.6.36.5
- Ворошилов Н.В., Губанова Е.С. (2019). *Внутрирегиональная социально-экономическая дифференциация: монография / под науч. рук. Е.С. Губановой*. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. 187 с.
- Дьяченко В.Н. (2018). Проблемы использования статистического инструментария при оценке развития муниципальных образований // *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2018. № 4 (56). С. 3.
- Климова Н.И. (2019). Мониторинг стадийного развития территорий // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. № 11-1. С. 84–91. DOI: 10.17513/vaael.793

- Кузнецова О.В., Бабкин Р.А. (2021). Типология муниципальных образований для мониторинга их социально-экономического развития // *Федерализм*. Т. 26. № 4 (104). С. 35–53. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-35-53>
- Кузнецова О.В., Бабкин Р.А. (2022). Формирование аналитической системы мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований Российской Федерации // *Плехановский научный бюллетень*. № 1 (21). С. 155–164.
- Мендель А.В., Фадеева Н.П. (2013). Статистические методы и мониторинг социально-экономического развития муниципальных образований // *Вестник СГТУ*. № 4 (73). С. 318–322.
- Ускова Т.В., Зуев А.Н., Смирнов А.А. (2002). Мониторинг развития муниципальных образований / под ред. В.А. Ильина. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН. 126 с.
- Рухманова Н.А. (2010). Содержание и информационное обеспечение мониторинга стратегического развития муниципальных образований // *Вестник Ивановского государственного университета*. Серия: Экономика. № 3. С. 25–31.
- Сюпова М.С., Бондаренко Н.А. (2017). Индикаторы социально-экономического развития муниципального образования для целей проведения мониторинга и управления территорией // *Вестник Тихоокеанского государственного университета*. № 1 (44). С. 155–164.
- Хохлова О.А. (2013). Муниципальный уровень мониторинга: проблемы информационного обеспечения и практического применения // *Региональная экономика: теория и практика*. № 42. С. 2–6.
- Христодуло О.И., Ахметзянова М.И. (2021). Разработка геоинформационной системы мониторинга муниципальных образований с использованием параметрического, структурного подходов (на примере Республики Башкортостан) // *International Journal of Open Information Technologies*. Т. 9. № 9. С. 122–132.
- Шогенов Б.А., Купова М.К., Жамурзаева Д.М. (2012). Социально-экономический мониторинг с рейтинговой оценкой состояния и развития муниципальных образований региона // *Региональная экономика: теория и практика*. № 44. С. 21–27.
- Bogdanov N., Meredith D., Efstratoglou S. (2008). A typology of rural areas in Serbia. *Ekonomski Anali*, 53(177), 7–29.
- Brezzi M., Dijkstra L., Ruiz V. (2011). OECD extended regional typology: The economic performance of remote rural regions. *OECD Regional Development Working Papers 2011/06*.
- Fertner C. (2012). Downscaling European urban-rural typologies. *Geografisk Tidsskrift-Danish Journal of Geography*, 112(1), 77–83.
- Klufová R. (2016). Current delimitation and typology of the Czech countryside and its importance for rural development. *Eastern European Countryside*, 22, 229–251.
- Russo A.P., Giné D.S., Albert M.Y.P., Brandajs F. (2017). Identifying and classifying small and medium sized towns in Europe. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, 107(4), 380–402.

Сведения об авторе

Николай Владимирович Ворошилов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: niks789@yandex.ru)

Voroshilov N.V.

Conceptual Approach to the Formation of the Monitoring of Socio-Economic Development of Municipal Entities in Russia's Regions

Abstract. The study is relevant, because there is a necessity to improve approaches to and tools for monitoring the development of municipal entities in Russia, taking into account the current situation concerning statistics in the context of municipalities and the tasks to be addressed at the municipal level of management in modern conditions. The aim of the work is to provide a scientific and methodological

substantiation for an approach to the formation and implementation of a comparative monitoring of socio-economic development of municipalities at the intraregional and interregional levels. To achieve the goal, we use scientific methods such as economic and statistical analysis, generalization, and expert survey (questionnaire survey of Vologda Oblast municipalities' heads). Scientific novelty of our research consists in the development of a unified approach to organizing municipal monitoring in Russia's constituent entities. The approach should take into account the current situation concerning municipal statistics and help to compare local territories of different regions. We describe a methodological approach to organizing the monitoring of Vologda Oblast municipalities; the results of the monitoring are reflected in the annual information and analytical bulletin "Socio-Economic Development of Municipal Districts", issued by Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences since 2014. Based on the calculations of the integral indicator of the level of development of municipalities in the Vologda and Leningrad oblasts and the Komi Republic according to our own methodology, we reveal that statistical information presented in the Rosstat database containing indicators for Russia's municipalities does not allow us to form an objective interregional typology of municipalities by development level. In this regard, we substantiate the ways to improve municipal monitoring and the expediency of using the indicators presented in statistics collections "Socio-Economic Development of Municipalities" published annually by territorial offices of Rosstat in constituent entities of the Russian Federation. The findings of our research can be used by federal, regional public authorities, local self-government bodies, scientific and educational organizations in analyzing the development of municipalities, as well as serve as a basis for further research on the subject under consideration.

Key words: municipal entities, socio-economic development, monitoring, constituent entity of the Russian Federation, Vologda Oblast, questionnaire survey.

Information about the Author

Nikolai V. Voroshilov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: niks789@yandex.ru)

Статья поступила 13.03.2023.

Экономическое неравенство граждан за гранью средних показателей: проблемы диагностики в условиях его трансформации

Андрей Александрович

ПУГАЧЕВ

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Ярославль, Российская Федерация

e-mail: andrxim@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7989-6353

Аннотация. Неравенство граждан в России на протяжении 30 лет находится на стабильно высоком уровне, однако оно не является перманентным или статичным. Возникают его новые формы, такие как цифровое неравенство, неравенство баланса жизни и труда, неравенство в сфере здоровья, неравенство коронакризиса. Различия между самыми богатыми и бедными в потреблении продуктов по объему сокращается, а по качеству нарастает. Цель исследования – обосновать необходимость совершенствования подходов к измерению экономического неравенства граждан на основе определения особенностей его современной трансформации. Гипотеза исследования: экономическое неравенство в России трансформируется, а существующие подходы к его оценке не позволяют комплексно и объективно определить его современное состояние, что приводит к неэффективности принимаемых государством мер по его сглаживанию. Проведен сравнительный анализ ставших классическими показателей экономического неравенства: коэффициента Джини, индексов Тейла, Аткинсона, Пальмы, децильного и квинтильного коэффициентов фондов и дифференциации. Сопоставлены результаты оценки неравенства в России, полученные 8 организациями (Росстат, Статкомитет СНГ, Всемирный банк, Люксембургское исследование доходов, Credit Suisse, World Inequality Database, Программа развития ООН, Европейский банк реконструкции и развития). В России неравенство доходов является стабильно высоким, неравенство в распределении богатства – чрезмерным (по оценкам Credit Suisse, коэффициент Джини – 0,88), а неравенство возможностей менее существенно по сравнению с ними. Обосновано, что классические статистические индикаторы не отражают трансформации

Для цитирования: Пугачев А.А. (2023). Экономическое неравенство граждан за гранью средних показателей: проблемы диагностики в условиях его трансформации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 141–158. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.7

For citation: Pugachev A.A. (2023). Economic inequality of citizens beyond averages: Assessment in the conditions of its transformation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(3), 141–158. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.7

экономического неравенства, для этого необходимы новые маркеры. Росстат оценивает неравенство доходов и неравенство потребления, оставляя за рамками анализа неравенство богатства и немонетарные проявления экономического неравенства. Выделены четыре направления совершенствования подходов к диагностике экономического неравенства граждан в России: качественная оценка проявлений неравенства потребления, немонетарных проявлений экономического неравенства, распределения богатства и усиления дифференциации доходов внутри групп наиболее обеспеченных граждан.

Ключевые слова: неравенство доходов, неравенство богатства, неравенство потребления, неравенство возможностей, трансформация неравенства, сглаживание, коэффициент Джини, Росстат, диагностика неравенства.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00365, <https://rscf.ru/project/23-28-00365/>.

Введение

Неравенство граждан — одна из ключевых социально-экономических глобальных проблем человечества. Современные условия геоэкономической турбулентности, обострившиеся с началом коронакризиса и специальной военной операции на Украине, несут риски усиления неравенства, которое для общества может стать в известной степени критичным. Как отмечает лауреат нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц, «неравенство порождает нестабильность, нестабильность сама по себе порождает неравенство, — это один из порочных кругов» (Stiglitz, 2012, p. 156).

Для России эта нестабильность усугубляется санкционным давлением, а также резко возросшим с начала 2023 года дефицитом бюджета. На фоне нарастания рисков необходимо констатировать, что неравенство в России на протяжении 30 лет с начала рыночных преобразований находится на высоком уровне. Так, коэффициент Джини, как классический показатель неравенства граждан по уровню доходов, по данным Росстата, превышает 0,4 и составляет в 2021 году 0,409¹. Задача по преодолению неравенства граждан поставлена в России сегодня на высшем государственном уровне, даже в условиях беспрецедентного санкционного давления на экономику². В текущих условиях проблема

неравенства требует особого внимания правительства, поскольку текущая экономическая неопределенность в России вкупе с возможным обострением проблемы неравенства граждан может привести к реализации рисков социально-экономической стабильности. Дж. Стиглиц также подчеркивал, что неравенство увеличивает экономическую нестабильность, что приводит к нестабильности политической (Stiglitz, 2012, p. 223). Для России сегодня это очень значимо, поскольку, как отметили В.А. Ильин и М.В. Морев, «многолетняя нерешенность вопросов, связанных с реально ощутимым широкими слоями населения ростом уровня и качества жизни, а также с более справедливым распределением национального благосостояния, негативно отражается на динамике общественного мнения относительно эффективности системы государственного управления и деятельности лично главы государства» (Ильин, Морев, 2020, с. 29).

Несмотря на стабильность показателей неравенства граждан в России, оно не является перманентным или статичным. Неравенство находит новые формы проявления, например, в доступе к медицине (Whitehead, Dahlgren, 2007) и образованию, по формам проведения досуга (Platt, 2019), инвайроментальное³

¹ Коэффициент Джини / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения 03.03.2023).

² Совещание о мерах социально-экономической поддержки регионов // Официальный сайт Президента РФ. 16.03.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67996> (дата обращения 12.03.2023).

³ Неравенство в области распределения экологических благ: неравенство во влиянии природы на общество и человека и влиянии на них особенностей городской среды, в которой сегодня проживает большая часть населения планеты; асимметричность распространения знаний об экологических проблемах и способах их решения.

(Осипова, 2021, с. 81; Hamann et al., 2018) или экологическое неравенство (Bartone, 2002, p. 158), цифровое неравенство (Schullerr-Zwierlein, Zillien, 2013; Deursen, Dijk, 2014; Robinson et al., 2015; Yates et al., 2015), неравенство баланса жизни и труда (Мареева, 2019), неравенство коронакризиса (Миловидов, 2021).

Изменения в проявлении неравенства граждан выражаются также в нарастании качественного разрыва, при этом количественные показатели могут быть стабильными. Это касается, например, различий качества потребляемых наиболее и наименее обеспеченными гражданами продуктов и услуг при сохранении объемов потребления. Это может быть причиной повышения субъективной оценки восприятия неравенства гражданами (Белехова, 2023, с. 180).

Иными словами, неравенство граждан трансформируется. Под трансформацией неравенства предлагаем понимать его изменения как явления в практической плоскости, возникновение его новых форм и проявлений и исчезновение старых. Например, если в первой половине XX века значимым могло быть неравенство в доступе к электричеству или потреблению керосина, то сегодня оно не актуально, а наличие доступа к связи 4G/5G и высокоскоростному интернету стало значимым. Наиболее существенными, на наш взгляд, в настоящее время выступают следующие трансформации экономического неравенства, ставшие фокусом настоящего исследования: качественная трансформация неравенства потребления, не фиксируемая количественными статистическими индикаторами, дифференциация немонетарных проявлений экономического неравенства (доступ к образованию, медицине, связи, экологическое неравенство), усиление дифференциации доходов и неравенства в распределении богатства. Такие тенденции остаются за рамками наблюдений и средних показателей. Это в большей степени качественные изменения. «Экономические факторы, лежащие в основе „классического” представления о социальном неравенстве, все больше уходят на второй и более дальний план, уступая место внеэкономическим факторам, определяющим не столько количественно измеряемый уровень жизни, сколько некую интегральную удовлетворенность ею» (Миловидов, 2021, с. 65).

Несмотря на широту освещения отечественной наукой проблемы неравенства граждан и исследований перспектив его преодоления, вопросы необходимости изменения подходов к диагностике неравенства граждан в условиях его современной трансформации остаются вне периметра исследований, что свидетельствует о наличии пробела в научном знании. Вместе с тем существуют предложения по использованию опыта зарубежных статистических служб и международных организаций по измерению неравенства на основе эквивалентного дохода (Суринов, Луппов, 2020). Интерес представляют разработки в области немонетарных индексов неравенства — на основе многомерной бедности, материальной депривации и социальной исключенности (Моисеева, 2019) и субъективного подхода к определению бедности самими индивидами (Слободенюк, 2014). Зарубежные исследователи с использованием экономико-математических методов предлагают подход к оценке многомерного неравенства — на базе доходов, расходов и наличия собственности (Lugo, 2005; Araar, 2009; Yang et al., 2023), причем многомерность может заключаться не в сочетании в одном показателе этих трех, а в оценке неравенства одновременно по этим трем проявлениям — в трехмерном пространстве (Hajdu, 2021).

Большинство отечественных исследователей сосредоточены на обосновании изменения подходов к оценке уровня бедности граждан в рамках, например, экспертного метода определения эквивалентного дохода (Жмачинский, Чернева, 2018) или анализа возможностей применения международных стандартов оценки (Кубишин и др., 2021), а также имплементации подхода Евростата в части индекса AROPE⁴

⁴ AROPE (at Risk of Poverty or Social Exclusion) — доля населения, подверженного риску бедности или социальной изоляции, соответствует сумме лиц, которые либо подвержены риску бедности, либо находятся в тяжелом материальном и социальном положении, либо живут в домашнем хозяйстве с очень низкой интенсивностью работы. Это основной показатель для мониторинга целевого показателя ЕС по бедности и социальной изоляции на период до 2030 г. и для мониторинга целевого показателя бедности в рамках Стратегии ЕС 2020. Источник: AROPE / Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Glossary:Persons_living_in_households_with_low_work_intensity (дата обращения 13.03.2023).

(Корчагина и др., 2019). В прикладном аспекте в этом направлении происходят изменения в отличие от подходов к измерению неравенства, которые остаются классическими. Например, Росстат развивает подходы к измерению немонетарной бедности и многомерной бедности⁵.

Современная экономическая наука не выработала единого подхода к определению экономического неравенства. В рамках настоящего исследования будем понимать под ним неравенство благосостояния граждан в широком смысле, при разграничении неравенства по текущим доходам, неравенства накопленного капитала или богатства, а также неравенства потребления. Экономическое неравенство является более узкой категорией по отношению к социальному или социально-экономическому неравенству, которое помимо различий между уровнем дохода, богатства, потребления и доступа к благам продиктовано воздействием различных неэкономических факторов, обуславливающих дифференциацию социального статуса, например пола, возраста, уровня образования, рождения в городе или на селе и т. д.

Гипотеза исследования заключается в том, что экономическое неравенство граждан в России трансформируется, а существующие подходы к его оценке не позволяют комплексно и объективно определить его современное состояние, что в том числе приводит к неэффективности принимаемых государством мер по его сглаживанию.

Цель исследования — обосновать возможности совершенствования подходов к диагностике экономического неравенства граждан на основе определения направлений его современной трансформации.

Задачи исследования, направленные на достижение указанной цели:

- выделить и сопоставить ключевые статистические индикаторы экономического неравенства граждан;
- обобщить результаты сравнительного анализа экономического неравенства граждан

⁵ Доклад на заседание Научно-методологического совета Федеральной службы государственной статистики «О совершенствовании методологических положений по расчетам индексов немонетарной бедности по итогам выборочных наблюдений по социально-демографическим проблемам». URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/NMS/doc-frol.pdf. (дата обращения 14.03.2023).

в России по оценке Росстата и международных организаций;

- определить возможности совершенствования подходов к диагностике экономического неравенства граждан в условиях его современной трансформации.

Научная новизна исследования состоит в обосновании возможностей совершенствования подходов к диагностике экономического неравенства граждан в России в условиях его трансформации: необходимости качественной оценки проявлений неравенства, оценки немонетарных проявлений экономического неравенства, распределения богатства и усиления дифференциации доходов внутри групп наиболее обеспеченных граждан.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов для разработки Росстатом и другими статистическими организациями, а также учеными направлений совершенствования оценки экономического неравенства в России с учетом его трансформации.

Методы и информационная база исследования

Для идентификации перспективных направлений совершенствования подходов к диагностике неравенства обобщена информация о ставших классическими показателях концентрации и энтропии: коэффициенте Джини, индексах Тейла, Аткинсона, Пальмы, децильном и квинтильном коэффициентах фондов и дифференциации, проведен сравнительный анализ этих индикаторов.

На основе данных 8 организаций — Росстата, Статкомитета СНГ, Всемирного банка, Люксембургского исследования доходов, Credit Suisse, World Inequality Database, Программы развития ООН, Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) — сопоставлены результаты оценки неравенства в России и выделены направления его трансформации, требующие совершенствования подходов к его диагностике в разрезе неравенства доходов, богатства и потребления.

С помощью статистического анализа, анализа рядов динамики проиллюстрированы изменения уровня неравенства граждан в России. Для оценки структуры потребления различных доходных групп применен вертикальный анализ.

Информационную базу исследования составили данные Росстата и указанных международных организаций об уровне неравенства в России и об их методологических подходах к его измерению.

Подходы Росстата и международных организаций к измерению неравенства граждан

Рассмотрим различные подходы к измерению неравенства. Информация о рассчитываемых Росстатом и международными организациями показателях неравенства граждан обобщена в *таблице 1*.

Росстат собирает и обобщает массу информации для оценки неравенства. На официальном сайте Росстата в разделе «Неравенство и бедность»⁶ аккумулированы данные с 1995 года по следующим направлениям:

- неравенство в распределении денежных доходов;
- дифференциация оплаты труда;
- неравенство в потреблении.

В целом по Российской Федерации и в региональном разрезе неравенство в распределении денежных доходов населения оценивается

Таблица 1. Показатели неравенства граждан

Показатель	Идентификатор	Характеристика	Формула расчета	Организации
Коэффициент Джини	G	Показатель концентрации. Демонстрирует, насколько фактическое распределение доходов отклоняется от полностью равномерного. Принимает значения от 0 до 1, где 0 – ситуация абсолютного равенства, 1 – абсолютного неравенства. В расчет принимается вся совокупность, позволяет проводить сравнение неравенства разных совокупностей.	$G = \left 1 - \sum_{i=1}^{k-1} (Y_{i+1} + Y_i) \times (X_i - X_{i-1}) \right $, где Y_i – кумулятивная доля показателя дохода; X_i – кумулятивная доля наблюдений (населения/домашних хозяйств); k – количество интервалов в кумулятивном ряду	Росстат, Статистический комитет СНГ, Евростат, ОЭСР, Всемирный банк, Люксембургское исследование доходов, Credit Suisse (по богатству), World Inequality Database (по богатству), Программа развития ООН, ЕБРР (по возможностям)
Индекс Тейла	T	Показатель энтропии, демонстрирует, насколько распределение доходов далеко от равенства. Находится в пределах от 0 до бесконечности, где 0 – абсолютно равное распределение. В расчет принимается вся совокупность.	$T = \frac{1}{N} \times \sum_{i=1}^N \left(\frac{x_i}{\bar{x}} \times \ln \frac{x_i}{\bar{x}} \right)$, где x_i – доход i -го гражданина, N – количество граждан	Всемирный банк
Индекс Аткинсона	A	Показатель энтропии, позволяющий учитывать степень неприятия неравенства гражданами. Принимает значения от 0 до 1, где 0 – абсолютное равенство, 1 – абсолютное неравенство.	$A = 1 - \left(\frac{1}{N} \times \sum_{i=1}^N \left(\frac{x_i}{\bar{x}} \right)^{1-\varepsilon} \right)^{\frac{1}{1-\varepsilon}}$, где x_i – доход i -го гражданина, N – количество граждан, ε – параметр представлений общества о допустимой глубине неравенства	Люксембургское исследование доходов, Программа развития ООН
Индекс Пальмы	P	Показатель концентрации, представляет собой соотношение совокупных доходов десятого дециля и 40% граждан с самыми низкими доходами. Не учитывает распределение в средних группах.	$P = \frac{x_{10}}{x_1 + x_2 + x_3 + x_4}$, где x_i – совокупные денежные доходы i -го дециля	Программа развития ООН, ОЭСР

⁶ Неравенство и бедность / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения 18.03.2023).

Окончание таблицы 1

Показатель	Идентификатор	Характеристика	Формула расчета	Организации
Децильный коэффициент фондов	k_1	Отношение средних доходов десятого и первого дециля. Не учитывает распределение доходов 80% населения.	$k_1 = \frac{\bar{x}_{10}}{\bar{x}_1},$ где \bar{x}_{10} – средние доходы десятого дециля, \bar{x}_1 – средние доходы первого дециля	Росстат, Статистический комитет СНГ, ОЭСР, Всемирный банк
Децильный коэффициент дифференциации	k_2	Отношение самого низкого значения доходов в десятом дециле к самому высокому значению доходов первого дециля.	$k_2 = \frac{x_9}{x_1},$ где x_9 – доходы самого бедного гражданина в десятом дециле, x_1 – доходы самого богатого гражданина в первом дециле	Росстат, Люксембургское исследование доходов
Квintильный коэффициент фондов	k_3	Отношение средних доходов пятого и первого квантиля. Аналог децильного коэффициента фондов, но позволяет отследить изменения в большей группе граждан за счет охвата данных уже по 40% населения.	$k_3 = \frac{\bar{x}_5}{\bar{x}_1},$ где \bar{x}_5 – средние доходы пятого квантиля, \bar{x}_1 – средние доходы первого квантиля	Росстат, Статистический комитет СНГ, Евростат, Всемирный банк, Программа развития ООН
Квintильный коэффициент дифференциации	k_4	Отношение самого низкого значения доходов в пятом квантиле к самому высокому значению доходов первого квантиля.	$k_4 = \frac{x_4}{x_1},$ где x_4 – доходы самого бедного гражданина в пятом квантиле, x_1 – доходы самого богатого гражданина в первом квантиле	Люксембургское исследование доходов
Составлено по: (Костылева, 2011, с. 30–41; Салмина, 2019; Klasen et al., 2016; Pyatt et al., 1980).				

по децильным (10%) или квинтильным (20%) группам, а также по коэффициенту Джини, децильному и квинтильному коэффициенту фондов, децильному коэффициенту дифференциации. Эти данные формируются ежегодно на основании выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах (ВНДН) по 60 тыс. домашних хозяйств. Учитывается оплата труда, доходы самозанятых, доходы от собственности, пенсии и пособия. Также источником данных является официальная статистическая отчетность хозяйствующих субъектов.

Дифференциация по оплате труда оценивается не только в региональном, но и в отраслевом разрезе, а также в зависимости от форм собственности организаций-работодателей. По этим данным рассчитывается децильный коэффициент дифференциации. Помимо официальной статистической отчетности для оценки дифференциации по оплате труда Росстатом проводится Выборочное обследование распределения численности работников по размерам начисленной заработной платы.

Неравенство в потреблении оценивается Росстатом по расходам на конечное потребление, по структуре потребительских расходов, потреблению продуктов питания и суточному рациону домашних хозяйств по децильным группам. Данные на ресурсе представлены с 2005 года, региональный разрез отсутствует.

Статистический комитет СНГ опирается на данные национальных статистических органов и обобщает информацию по коэффициенту Джини, а также децильному и квинтильному коэффициенту фондов⁷.

Евростат проводит оценку неравенства доходов граждан по коэффициенту Джини и квинтильному коэффициенту фондов на основе концепции эквивалентного располагаемого дохода, а также уделяет серьезное внимание возрастному и гендерному неравенству⁸. Данные по России отсутствуют.

⁷ Население, занятость и условия жизни в странах Содружества Независимых Государств – 2020 // База данных «Статистика СНГ». URL: <http://www.cisstat.info/0base/frame-rus.htm> (дата обращения 18.03.2023).

⁸ Database // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/main/data/database> (дата обращения 18.04.2023).

ОЭСР рассчитывает коэффициент Джини, индекс Пальмы и децильный коэффициент фондов для оценки неравенства доходов и неравенства в распределении богатства. Оригинальными представляются оценки гендерного неравенства, неравенства в сфере предпринимательства, занятости, уровня образования, самооценки состояния здоровья, удовлетворенности жизнью. База данных ОЭСР содержит стандартизированные показатели неравенства, полученные с помощью концепции эквивалентного располагаемого дохода домохозяйства на основе обследований финансов домашних хозяйств, осуществляемых национальными органами статистики стран-участниц⁹. Данные по России отсутствуют.

Всемирный банк оценивает уровень неравенства по странам, аккумулируя отдельные данные с 1980-х гг. по таким показателям, как индекс Джини, индекс Тейла, средние показатели потребления граждан, доли доходов по децильным и квинтильным группам, с использованием которых также можно рассчитать децильный и квинтильный коэффициенты фондов¹⁰. Уровень неравенства по России Всемирный банк оценивает на основании данных Росстата с использованием корректировок по аппроксимации доходного распределения.

Люксембургское исследование доходов включает данные по индексам Джини и Аткинсона, децильному и квинтильному коэффициентам дифференциации, а также соотношениям доходов нижней границы верхнего дециля к среднему доходу. Во всех ключевых показателях неравенства Люксембургское исследование доходов использует эквивалентный доход, который равен нескорректированному доходу домохозяйства, деленному на квадратный корень из числа членов домохозяйства, при допущении, что все члены домохозяйства имеют одинаковый эквивалентный доход, независимо от возраста, пола или отношений с главой домохозяйства¹¹. Источником

Люксембургского исследования доходов по России являются данные Росстата.

Принципиально иное проявление неравенства граждан оценивается Credit Suisse и World Inequality Database – неравенство в распределении богатства.

Во Всемирной базе данных о неравенстве – World Inequality Database – собрана информация о неравенстве доходов и богатства по таким показателям, как доля доходов 1% и 10% наиболее обеспеченных граждан, доля доходов 50% наименее обеспеченных граждан, индекс Джини. Для России данные по неравенству доходов имеются с 1905 года, а по неравенству богатства – с 1820 года. Это наиболее широкий набор данных, включающий периоды не только СССР, но и Российской империи. В 2021 году доля богатства 1% наиболее обеспеченных граждан в России составила 47,6%, а 10% наиболее обеспеченных граждан – 74,1% в общем объеме богатства, а 50% наименее обеспеченных россиян обладали 3,1% богатства¹². Динамика показателей концентрации богатства представлена на *рисунке 1*. С 1995 года доля богатства 1% наиболее обеспеченных граждан выросла в 2,2 раза с 21,5 до 47,6%, то есть в настоящее время в России 1% наиболее обеспеченных граждан владеет почти половиной всего богатства. На этом фоне благосостояние наименее обеспеченных 50% россиян существенно снизилось: доля их богатства в его общем объеме с 1995 года сократилась в 2,7 раза, с 8,5 до 3,1%.

База данных Credit Suisse – одной из крупнейших финансово-банковских швейцарских групп¹³ – содержит отчеты о глобальном распределении богатства. Отчет построен на основе интеграции оценки финансовых активов домашних хозяйств, оценки связи распределения совокупного богатства с распределением доходов, данных Forbes о численности миллиардеров по странам. Степень неравенства оценивается на основании индекса Джини по богатству в отдельных странах. По России

⁹ Social Protection and Well-being / OECD.Stat. URL: <https://stats.oecd.org/> (дата обращения 18.04.2023).

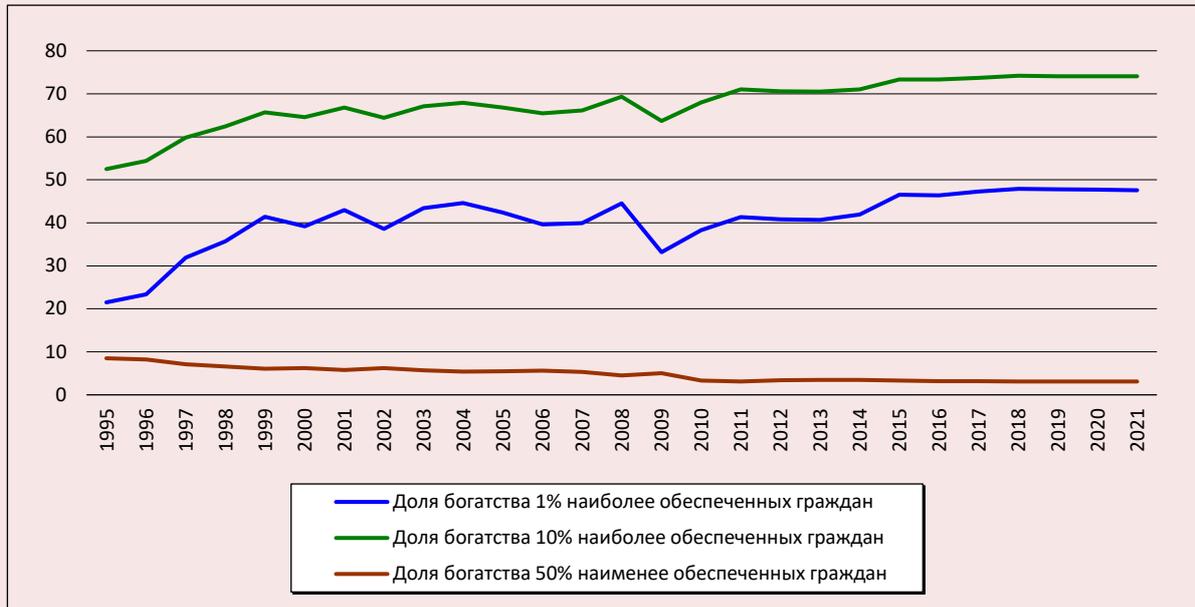
¹⁰ Poverty and Inequality Platform // The World Bank Data. URL: <https://pip.worldbank.org/#> (дата обращения 18.03.2023).

¹¹ LIS Inequality and Poverty Key Figures / Luxembourg Income Study. URL: <http://www.lisdatacenter.org> (дата обращения 18.03.2023).

¹² Russian Federation / World Inequality Database. URL: <https://wid.world/country/russian-federation/> (дата обращения 18.03.2023).

¹³ В марте 2023 года поглощен крупнейшим финансовым конгломератом Швейцарии – UBS. См: UBS купил Credit Suisse // РБК. URL: https://www.rbc.ru/finances/19/03/2023/641756b59a79473e297de03a?from=article_body (дата обращения 18.03.2023).

Рис. 1. Динамика показателей неравенства в распределении богатства в России, 1995–2021 гг.

Источник: Russian Federation / World Inequality Database. URL: <https://wid.world/country/russian-federation/> (дата обращения 18.03.2023).

в отчете 2022 года данные приведены в динамике с 2000 по 2021 год. Они свидетельствуют о нарастании неравенства богатства: индекс Джини по богатству возрос с 0,84 в 2000 году до 0,88 в 2021 году, достигая 0,9 в 2010 году. Это чрезмерный уровень неравенства в распределении богатства. Для сравнения: в Японии он составил 0,647, в Китае, Франции, Великобритании, Канаде – 0,701–0,726. Кроме того, в отчете аккумулированы данные о концентрации богатства. У 1%, 5% и 10% богатейших граждан России она достигает 58, 77 и 83% соответственно¹⁴.

Особого внимания заслуживает оценка немонетарного неравенства граждан, которую проводят Программа развития ООН и Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР).

Программа развития ООН оценивает индекс человеческого развития (ИЧР) по странам с корректировкой на неравенство: в ожидаемой продолжительности жизни, образовании и доходах. Неравенство в доходах оценивается

по индексу Джини, индексу Пальмы и квинтильному коэффициенту фондов. В своих расчетах ООН ориентируется как на собственные данные, так и на данные Всемирного банка, Люксембургского исследования доходов и Евростата. Для России показатели немонетарного неравенства существенно ниже, чем для монетарного. Так, в 2019 году неравенство в сфере образования составило 4,2%, а по ожидаемой продолжительности жизни – 7,1%¹⁵.

ЕБРР в отчете о переходном периоде 2016–2017 гг. исследует неравенство возможностей – влияние обстоятельств рождения (пол, этнос, место рождения, образование родителей и их членство в коммунистической партии) на возможность получения качественного образования, работы и высокого дохода. Оценивается индекс Джини по возможностям и показатель относительного неравенства возможностей, который характеризует долю неравенства доходов граждан, объясняемую дисперсией неравен-

¹⁴ Human Development Reports / United Nations Development Programme. URL: <https://web.archive.org/web/20190728091531/http://hdr.undp.org/en/composite/IHDI> (дата обращения 18.03.2023).

¹⁵ Human Development Reports / United Nations Development Programme. URL: <https://web.archive.org/web/20190728091531/http://hdr.undp.org/en/composite/IHDI> (дата обращения 18.03.2023).

ства возможностей. В России в 2016 году индекс Джини по возможностям превысил 0,3, а показатель относительного неравенства возможностей составил около 0,35. Среди исследуемых факторов более значимое влияние на неравенство доходов в России оказывают пол, место рождения (город или сельский населенный пункт), а также образование родителей. Этнос и членство родителей в КПСС на неравенство доходов значимого влияния не оказали¹⁶.

Обобщенные данные об экономическом неравенстве россиян по оценке Росстата и международных организаций приведены в *таблице 2*.

Сравнительный анализ показателей экономического неравенства граждан в России

свидетельствует о существенном различии в оценках показателей разными организациями и даже об отсутствии единой тенденции в их динамике, а также о различии характеристик уровня неравенства по этим показателям. Например, неравенство по уровню доходов по коэффициенту Джини Росстат оценивает стабильно на уровне $\approx 0,4$, что является высоким уровнем, Всемирный банк и Программа развития ООН – на более низком уровне 0,36–0,38, но также стабильно, а вот Люксембургское исследование доходов фиксирует снижение коэффициента Джини по доходам в России с 0,427 в 2000 году до умеренного 0,323 в 2020 году.

Таблица 2. Показатели экономического неравенства граждан России по данным Росстата и международных организаций в 2000–2020 гг.

Показатель	Источник	2000	2010	2020*
Коэффициент Джини по доходам	Росстат	0,395	0,421	0,406
	Статистический комитет СНГ	0,397	0,421	0,403
	Всемирный банк	0,371	0,395	0,36
	Люксембургское исследование доходов	0,427	0,342	0,323
	Программа развития ООН	н/д	н/д	0,377
Коэффициент Джини по богатству	Credit Suisse	н/д	0,706	0,878
	World Inequality Database	0,60	0,55	0,58
Индекс Тейла	Всемирный банк	0,263	н/д	н/д
Индекс Аткинсона ($\epsilon = 0,5$)	Люксембургское исследование доходов	0,159	0,101	0,085
Индекс Пальмы	Программа развития ООН	н/д	н/д	1,6
Децильный коэффициент фондов	Росстат	13,9	16,6	14,9
	Статистический комитет СНГ	13,9	16,6	14,5
	Всемирный банк	11,0	12,2	9,4
Децильный коэффициент дифференциации	Росстат	н/д	н/д	6,9
	Люксембургское исследование доходов	6,9	4,8	4,3
Квintiльный коэффициент фондов	Росстат	7,9	9,2	8,6
	Статистический комитет СНГ	8,0	9,2	8,4
	Всемирный банк	6,8	7,3	5,9
	Программа развития ООН	н/д	н/д	6,6
Квintiльный коэффициент дифференциации	Люксембургское исследование доходов	3,39	2,69	2,55

* Или данные за последний доступный год.
 Составлено по: Неравенство и бедность / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения 18.03.2023); Население, занятость и условия жизни в странах Содружества Независимых Государств – 2020 // База данных «Статистика СНГ». URL: <http://www.cisstat.info/0base/frame-rus.htm> (дата обращения 18.03.2023); Poverty and Inequality Platform / The World Bank Data. URL: <https://pip.worldbank.org/#> (дата обращения 18.03.2023); LIS Inequality and Poverty Key Figures / Luxembourg Income Study. URL: <http://www.lisdatacenter.org>. (дата обращения 18.03.2023); Russian Federation / World Inequality Database. URL: <https://wid.world/country/russian-federation/> (дата обращения 18.03.2023); Global Wealth Report 2022 / Credit Suisse. URL: <https://www.credit-suisse.com/about-us/en/reports-research/global-wealth-report.html> (дата обращения 18.03.2023); Human Development Reports / United Nations Development Programme. URL: <https://web.archive.org/web/20190728091531/http://hdr.undp.org/en/composite/IHDI> (дата обращения 18.03.2023).

¹⁶ Transition Report 2016-17 / European Bank for Reconstruction and Development. URL: <https://www.ebrd.com/news/publications/transition-report/transition-report-201617.html> (дата обращения 18.03.2023).

Таким образом, в настоящее время Росстатом, как и международными организациями, анализируется неравенство доходов граждан, которое в России оценивается как высокое. Росстат, в отличие от многих международных организаций, оценивает неравенство потребления граждан. Однако отсутствуют данные по неравенству богатства и немонетарным проявлениям экономического неравенства, что не позволяет исследовать неравенство в России во всех его проявлениях, учитывая, что неравенство распределения богатства оценивается как чрезмерное.

Направления совершенствования диагностики неравенства в условиях его трансформации

«Оценка проявлений неравенства в уровне человеческого развития требует революционных изменений в подходах к измерению», — такой вывод сформулирован в Докладе о человеческом развитии 2019 года Программы развития ООН¹⁷. Очевидно, что поставленная на высшем государственном уровне в России задача по сглаживанию неравенства граждан в условиях его трансформации требует разработки новых адаптивных подходов к его измерению.

Росстат достиг существенных успехов в оценке неравенства доходов и потребления граждан, однако в настоящее время неравенство находит новые проявления, которые необходимо диагностировать и оценить. «Устранение неравенства начинается с точного измерения» — один из тезисов Доклада о человеческом развитии 2019 года Программы развития ООН¹⁸. Поэтому рассмотрим четыре ключевых, на наш взгляд, направления, требующие развития подходов к диагностике неравенства для дальнейшего его исследования и разработки предложений по его сглаживанию: качественная трансформация неравенства потребления; немонетарные проявления экономического неравенства; усиление дифференциации доходов наиболее обеспеченных граждан; неравенство распределения богатства.

¹⁷ Доклад о человеческом развитии 2019. За рамками уровня доходов и средних показателей сегодняшнего дня: Неравенство в человеческом развитии в XXI веке / Программа развития ООН. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2019_ru.pdf (дата обращения 20.03.2023).

¹⁸ Там же.

1. Качественная трансформация неравенства потребления.

По сравнению с 1990-ми гг. и началом 2000-х гг. в России существенно снизились уровень бедности и крайняя нищета, однако неравенство доходов остается стабильно высоким. При этом сокращаются разрывы по показателям потребления между крайними социальными группами — наиболее и наименее обеспеченными гражданами. Так, децильный коэффициент фондов по расходам на конечное потребление с 2012 по 2021 год, по данным Росстата¹⁹, снизился с 8,28 до 7,97 раза. Расходы на конечное потребление в 2021 году для десятой децильной группы составили 55,3 тыс. руб. в месяц на чел., а для первой — 6,9 тыс. руб. Показатели структуры потребления по первой и десятой децильным группам в 2012 и 2021 гг. представлены в *таблице 3*.

Основу расходов на потребление наименее обеспеченных граждан составляют затраты на домашнее питание — 51,3%, доля этих расходов возросла с 2012 года. Для наиболее обеспеченных граждан основу расходов составляют затраты на транспорт — 25,8%, домашнее питание — 19,8%. В структуре расходов наиболее обеспеченных граждан по сравнению с наименее обеспеченными существенно выше расходы на транспорт, отдых, гостиницы, кафе, рестораны, бытовую технику. Различия показателей структуры потребления первой и десятой децильных групп, а также их динамика представлены на *рисунке 2*.

Устойчивое превышение удельного веса расходов десятой децильной группы над расходами первой децильной группы сложилось по гостиницам, кафе и ресторанам (в 7,5 раза больше), отдыху (4,8 раза), транспорту (4,7 раза). При этом по гостиницам, кафе и ресторанам, а также отдыху превышение существенно возросло с 2012 по 2021 год. Большой удельный вес расходов у наименее обеспеченных граждан, чем у богатых, сложился по домашнему питанию, ЖКХ, связи, одежде и обуви. В совокупности расходы по этим статьям расходов составляют до 80% в структуре потребления бедных граждан, в то время как у богатых — до 40%.

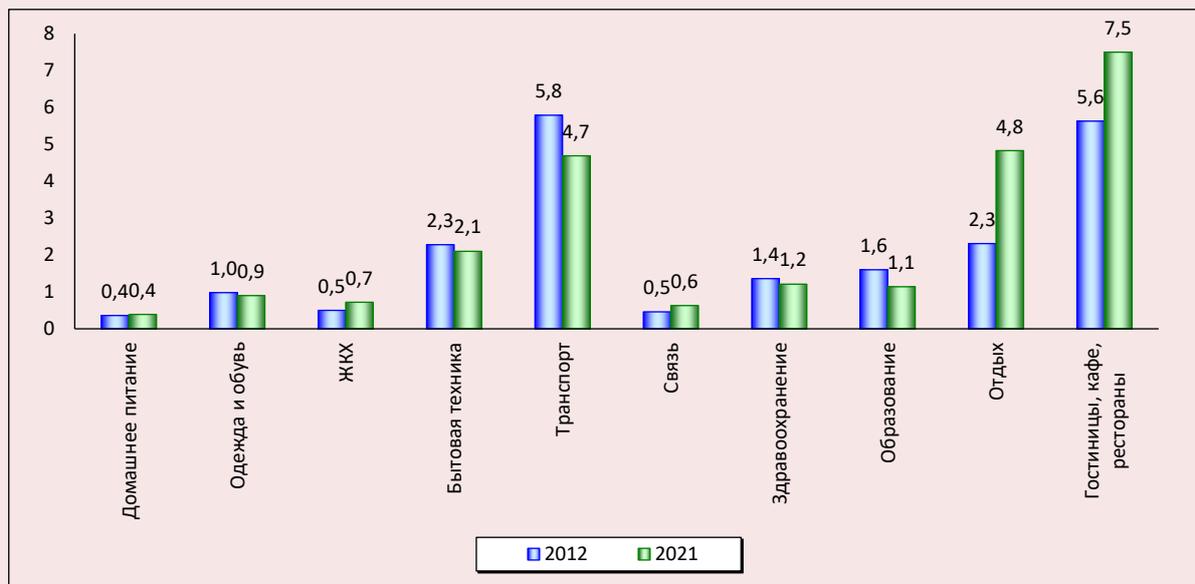
¹⁹ Неравенство и бедность / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения 18.03.2023).

Таблица 3. Показатели структуры потребления первой и десятой децильных групп в 2012 и 2021 гг.

Статья расходов	Первая децильная группа			Десятая децильная группа		
	2012, %	2021, %	Изменение, п. п.	2012, %	2021, %	Изменение, п. п.
Домашнее питание	48,0	51,3	3,3	17,1	19,8	2,7
Одежда и обувь	8,0	7,7	-0,3	7,8	6,9	-0,9
ЖКХ	15,7	13,5	-2,2	7,8	9,7	0,9
Бытовая техника	2,9	2,9	0	6,6	6,1	-0,5
Транспорт	6,1	5,5	-0,6	35,3	25,8	-9,5
Связь	4,8	5,6	1,2	2,2	3,5	1,3
Здравоохранение	2,2	2,9	0,7	3,0	3,5	0,5
Образование	0,5	1,2	0,7	0,8	0,8	0
Отдых	2,9	1,8	-0,9	6,7	8,7	2,0
Гостиницы, кафе, рестораны	0,8	0,6	-0,2	4,5	4,5	0

Составлено по: Неравенство и бедность / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения 18.03.2023).

Рис. 2. Динамика соотношения структуры расходов десятой и первой децильных групп в России в 2012, 2021 гг., раз

Составлено по: Неравенство и бедность / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения 18.03.2023).

Несмотря на сокращение абсолютных различий в потреблении, происходит его дивергенция. Бедные стали потреблять больше в натуральном выражении, однако возникает вопрос о качественном различии потребления. Наиболее обеспеченные граждане выбирают наиболее качественные продукты и услуги: здоровые продукты питания без ГМО и заменителей животных жиров, скоростной и устойчивый доступ в интернет, платные медицинские и образова-

тельные услуги и т. д. Наиболее обеспеченные граждане имеют возможности заказа готовой еды в ресторанах, экологически чистых продуктов в специализированных интернет-магазинах (например, «ВкусВилл») или напрямую у фермеров, что позволяет обеспечить им повышение качества потребления при экономии времени. В то время как наименее обеспеченные граждане вынуждены потреблять менее качественные товары и услуги, и спрос этот в настоящее

время удовлетворяется, например, с расширением сети супермаркетов товаров повседневного спроса, так называемых «бросовых цен» («Светофор», «Маяк»), которые становятся все более популярными у граждан средних доходных групп.

Трансформация неравенства потребления в качественной плоскости при этом становится более значимой по сравнению с количественной и усиливает дивергенцию в потреблении между гражданами различных доходных групп. Такие качественные сдвиги в неравенстве потребления не отслеживаются количественными измерениями, они находятся за рамками средних показателей.

Качественная трансформация неравенства требует разработки новых подходов к определению современного трансформирующегося неравенства потребления. Если эта проблема не будет решена, то мы не сможем получать объективную оценку динамики неравенства, не сможем выработать действенные меры по его преодолению. Решением может стать двойная оценка показателей – в натуральном и стоимостном выражении, а также учет маркеров качества там, где это возможно, например качество интернета и связи по стандарту/технологиям – 5G, 4G и т. д. (Пугачев, 2022, с. 1329).

2. Немонетарные проявления экономического неравенства.

Дж. Стиглиц отмечает, что основополагающий вклад в развитие доходного неравенства в США на протяжении последних 30 лет внесло рентоориентированное поведение (Stiglitz, 2012). Полагаем, что для России это более ярко выражено в части зависимости от сырьевого экспорта.

Объективные причины неравенства кроются в различных условиях доступа социальных групп к ограниченным экономическим ресурсам, социальным благам и политической власти (Россошанский, 2019). С другой стороны, экономическое неравенство также влияет на неравенство доступа к благам. Немонетарные проявления экономического неравенства, то есть немонетарные проявления неравенства доходов, богатства и потребления, состоят в дифференциации доступа к образованию, повышению квалификации, медицине, общественным благам, транспорту и связи, инфраструктуре, неравенстве самооценки здоровья,

неравенстве в специфике занятости (соблюдение базовых прав работника, наличие ресурса влияния на работе, дополнительные социальные блага от работодателя), доступе к социальным сетям, неравенстве наличия социального капитала (например, наличие знакомых, способных помочь в решении проблем), неравенстве субъективного благополучия (например, планирование своей жизни, уверенность в будущем).

Немонетарным проявлениям экономического неравенства в России в настоящее время также присуща трансформация. Например, усиливается концентрация благоприятных условий занятости, возможностей повышения квалификации, самооценки состояния здоровья, наличия социального капитала в доходной группе наиболее обеспеченных граждан. Исследователи отмечают ухудшение положения среднего класса в последние годы. Для ключевых немонетарных неравенств дифференциация между доходными группами населения достаточно высока. Положение в системе координат немонетарных неравенств в большей степени отличает наиболее, а не наименее благополучные слои населения от всех остальных россиян (Мареева, 2021, с. 89). Особняком стоят цифровое неравенство и неравенство в доступе к социальным сетям. Сегодня не наличие доступа к интернету и социальным сетям дифференцирует наиболее обеспеченных граждан и остальных, а, наоборот, отсутствие такого доступа отличает бедные слои населения. Таким образом, экономическое неравенство в своих немонетарных проявлениях в целом возрастает за счет повышения концентрации благополучия в верхних доходных группах.

При этом, согласно международным оценкам, которые мы рассмотрели выше, неравенство возможностей в России находится на сравнительно низком уровне. Однако эти оценки вызывают некоторые вопросы, например, по влиянию благосостояния родителей на неравенство возможностей. Сегодня для граждан трудоспособного возраста влияние этого фактора действительно является низким вследствие наследия советской «уравниловки» их родителей. Можно ожидать, что для будущих поколений, детей нынешнего трудоспособного населения, этот фактор предположительно будет существенным.

Не может не вызывать опасений неравенство в доступе к образованию и медицине. Развитие частного сектора этих рынков дало толчок к усилению дифференциации. Введение ЕГЭ при этом положительно повлияло на сглаживание неравенства в доступе к высшему образованию, однако появление частных школ и медицинских клиник существенно повышает неравенство, поскольку наиболее обеспеченные граждане могут получить более качественные медицинские и образовательные услуги по высокой стоимости, объективно недоступные для бедных.

Оценка немонетарных проявлений экономического неравенства по официальным статистическим данным сегодня в России не проводится. Данные для такой оценки у Росстата есть, это прежде всего показатели, характеризующие уровень и качество жизни населения (например, степень проникновения высокоскоростного интернета, доля студентов вузов в общей численности населения, обеспеченность лечебными учреждениями и т. п.), формируемые в том числе в рамках проводимых обследований домохозяйств. Эти данные для обеспечения оценки неравенства необходимо систематизировать, в первую очередь в разрезе децильных групп.

3. Усиление дифференциации доходов наиболее обеспеченных граждан.

Одной из тенденций, которая не диагностируется отечественной статистикой, является усиление дифференциации доходов наиболее обеспеченных граждан. Одной из значимых причин неравенства выступает большой разрыв в доходах руководства компаний и рядовых служащих. В целом такой разрыв в крупных компаниях сейчас достигает 320 раз. В 1989 году, т. е. более 30 лет назад, разница была существенно меньше – 61:1 (Соколова, 2022).

Обозначенная тенденция также остается за рамками официальной статистики, поскольку Росстат ее не оценивает. Так, с 1990-х гг. стабильной остается доля доходов 20% наиболее обеспеченных граждан – 50% дохода²⁰, что в общей сложности в 8–10 раз больше доходов

²⁰ Распределение общего объема денежных доходов по 20-типроцентным группам населения // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31400> (дата обращения 04.03.2023).

20% самых бедных. Вместе с тем это не является свидетельством статичности неравенства: в этот же период происходило нарастание неравенства в десятой децильной группе, усилилась дифференциация доходов. Позитивным сдвигом в рамках указанного направления стало то, что в 2022 году Росстат оценил неравенство доходов не только по квинтильным, но и по децильным группам.

До 2022 года Росстат оценивал неравенство доходов по коэффициенту Джини и квинтильному коэффициенту фондов, в 2022 году он измерил неравенство по децильным группам. Согласно данным за второй квартал 2022 года, средний доход наиболее обеспеченных россиян достиг 132,9 тыс. руб., что в 15 раз выше, чем средний доход по первой децильной группе, который составил только 8,86 тыс. руб., то есть почти на 40% ниже прожиточного минимума. Росстат подчеркнул, что «переход к 10-процентной разбивке нужен, для того чтобы глубже и конкретнее видеть ситуацию с доходами прежде всего малообеспеченных групп населения и принимать адресные, максимально сфокусированные решения»²¹. Безусловно, это необходимый шаг, но сегодня уже недостаточный, поскольку важно отслеживать и дифференциацию внутри группы наиболее обеспеченных граждан. В связи с этим требуется более детальная, дробная оценка доходов в верхней десятой децильной группе с выделением наиболее обеспеченных 1%, 0,1%, 0,01% и т. д.

4. Неравенство распределения богатства.

В России также не формируется статистическая база по неравенству богатства, которое, по оценкам Credit Suisse и World Inequality Database, чрезмерно велико. Ключевой тенденцией динамики монетарного неравенства в России является продолжающееся накопление богатства узким кругом граждан. 0,0001% взрослого населения в России – около 500 «сверхбогатых» граждан – владеют 40% всех финансовых активов россиян, или суммой \$640 млрд²².

²¹ Росстат по-новому измерил неравенство доходов в стране // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/10/2022/63453c3d9a79470c2cdf05ca> (дата обращения 04.03.2023).

²² Эксперты оценили стоимость активов 500 «сверхбогатых» россиян // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/06/2021/60c0c14f9a79476c014a3263> (дата обращения 04.03.2023).

По данным Forbes²³, за год пандемии (с марта 2020 по март 2021 года) совокупное состояние российских миллиардеров выросло на \$207 млрд, до рекордных \$663 млрд. 84,8% всего богатства РФ сосредоточено у 10% самых обеспеченных граждан, т. е. основное богатство находится в руках узкого круга людей, которые и в дальнейшем продолжат аккумулировать основные результаты экономического роста. Меньшее количество долларовых миллионеров в России по сравнению с другими странами также подтверждает неравномерность распределения богатства (Анисимова, 2018). Поскольку официальные статистические данные по неравенству богатства в России отсутствуют, внедрение соответствующих индикаторов и начало производства статистической информации по ним открывает широкие перспективы для развития диагностики и исследования неравенства распределения богатства.

Дискуссия

Решение проблемы неравенства граждан в России требует комплексного подхода, который предполагает также достоверную оценку экономического неравенства граждан по всем его проявлениям — неравенству текущих доходов, богатства и потребления. Действующие подходы к оценке не позволяют диагностировать трансформацию неравенства, что и обуславливает необходимость совершенствования его индикаторов. Актуальность решения этой проблемы повышает взаимосвязь неравенства с экономическим ростом. Кроме того, неравенство в потреблении оказывает влияние не только на экономический рост, но и на неравенство в региональном развитии, которое в свою очередь по спирали приводит к неравенству в распределении благ, а соответственно потребления (Шаталова, Касаткина, 2022). Это весьма значимо для России как государства с высоким уровнем диспропорций развития регионов. В условиях усиления неравенства субъектов РФ возрастает необходимость идентификации направлений стимулирования конечного потребления, сокращающих региональные диспропорции (Леонидова, 2020).

Настоящее исследование не претендует на полноту идентификации направлений трансформации экономического неравенства граждан или определение конкретных показателей, позволяющих однозначно, объективно и достоверно оценить неравенство. Мы обосновали возможности совершенствования подходов к диагностике экономического неравенства граждан в условиях его трансформации. Выявленные направления трансформации неравенства могут быть дополнены или уточнены. С учетом того, что экономическое неравенство граждан не является перманентным, по выделенным в статье четырем направлениям, безусловно, можно дискутировать.

Выводы проведенного исследования соотносятся с более ранними результатами ученых: несмотря на нарастание качественных разрывов в потреблении (Пугачев, 2022), усиление немонетарных проявлений неравенства (Миловидов, 2021) и в целом назревшую необходимость решения проблемы, пока в России не реализованы новые подходы или направления оценки проявлений неравенства. Вместе с тем у исследований в этой сфере есть серьезные результаты, имеющие потенциал воплощения на практике. Например, интерес представляют концепция оценки неравенства на основе выделения макрострат населения и имплементации семейства центильных коэффициентов неравенства граждан (Лапин и др., 2020), или концепция оценки нормального и избыточного неравенства доходов (Шевяков, Кирута, 2009).

В рамках исследования подтверждена гипотеза о том, что неравенство граждан в России трансформируется, а существующие подходы к его оценке не позволяют комплексно и объективно определить его современное состояние, что в том числе приводит к неэффективности принимаемых государством мер по его сглаживанию.

Широкие перспективы для дальнейших исследований открывают вопросы оценки неравенства возможностей, неравенства богатства и немонетарных проявлений экономического неравенства в России. На практике эти оценки не реализованы, а их значение может быть весьма существенным с позиций обеспечения устойчивого развития, тем более что уровень неравенства богатства является чрезмерным и его концентрация продолжает нарастать:

²³ 200 богатейших бизнесменов России — 2021. Рейтинг Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/rating/426935-200-bogateyshih-biznesmenov-rossii-2021-reyting-forbes> (дата обращения 04.03.2023).

более 70% национального богатства сосредоточено у 10% наиболее богатых граждан (в 1995 году – 50%), а 50% наименее обеспеченных граждан владеют менее 5% богатства (в 1995 году – 10%) (Ильин, 2017, с. 14).

Заключение

Проведенное исследование вносит вклад в понимание направлений современной трансформации экономического неравенства граждан, а также в обоснование возможностей совершенствования диагностики экономического неравенства граждан, что и составляет научную новизну работы. Среди таких направлений трансформации неравенства выделены:

- качественная трансформация неравенства потребления, не фиксируемая количественными статистическими индикаторами, отмеченная в более ранних исследованиях (Пугачев, 2022);

- нарастание дифференциации в немонетарных проявлениях экономического неравенства (доступ к образованию, медицине, связи и т. д.), также доказанное в предшествующих работах (Мареева, 2021);

- усиление дифференциации доходов, отмеченное в более ранних трудах (Соколова, 2022);

- неравенство в распределении богатства, обоснованное нами с помощью статистических данных Credit Suisse и World Inequality Database.

Обоснована возможность развития подходов к диагностике каждого из направлений на основе анализа существующих практик 8 статистических организаций и рекомендаций ученых. Эти результаты будут полезны как исследователям, в т. ч. в целях выработки предложений по сглаживанию неравенства, так и статистическим организациям, осуществляющим оценку неравенства.

По результатам исследования сформулированы следующие выводы.

1. Наиболее распространенными, классическими статистическими индикаторами неравенства являются коэффициент Джини, индексы Тейла, Аткинсона, Пальмы, децильные и квинтильные коэффициенты фондов и дифференциации. Однако они не отражают современную трансформацию неравенства, для чего необходимы новые маркеры.

2. В настоящее время как Росстатом, так и международными организациями в первую очередь оценивается неравенство доходов граждан. Росстат обладает более детальными данными по России в региональном и отраслевом (по дифференциации оплаты труда) разрезе. Подходы разных организаций имеют методологические особенности, однако, несмотря на них, всеми фиксируется высокий уровень неравенства в распределении текущих доходов россиян. Отличительной чертой Росстата от международных организаций является оценка неравенства потребления граждан, которая характеризует объем и структуру потребления, энергетическую ценность продуктового набора по доходным группам. Credit Suisse и World Inequality Database оценивают показатели неравенства в распределении богатства. Для России характерен чрезмерный уровень неравенства, который многократно возрос с начала рыночных реформ. Индекс Джини по богатству составил 0,88 в 2021 году. С 1995 года доля богатства 1% наиболее обеспеченных граждан выросла в 2,2 раза, с 21,5 до 47,6%. ЕБРР и ООН оценивают немонетарное неравенство, неравенство возможностей и влияние неравенства на ИЧР. В России, по этим оценкам, показатели неравенства возможностей (пол, этнос, место рождения, ожидаемая продолжительность жизни и уровень образования, а также образование родителей и их членство в коммунистической партии) являются достаточно низкими по сравнению с неравенством доходов и богатства. Росстат не оценивает неравенство богатства, неравенство возможностей и немонетарные проявления экономического неравенства, что не позволяет исследовать неравенство граждан в России во всех его проявлениях.

3. Неравенство граждан не остается статичным или перманентным, оно находит новые формы проявления, например, это качественная трансформация неравенства потребления, не отслеживаемая количественными статистическими индикаторами, дифференциация в немонетарных проявлениях экономического неравенства, усиление дифференциации доходов внутри групп наиболее обеспеченных граждан и неравенство распределения богатства. Неравенство трансформируется, и такие тенденции

остаются за рамками наблюдений и средних показателей, что обуславливает необходимость развития подходов к диагностике экономического неравенства граждан для дальнейшего его исследования и разработки предложений по его сглаживанию.

4. Трансформация неравенства требует разработки новых подходов к его диагностике, что становится новым вызовом для экономической

науки и отечественной статистики. Без изменения подходов к измерению неравенства в дальнейшем мы не сможем получать объективную оценку его динамики, а значит, не сможем разрабатывать действенные меры по его сглаживанию. Решением может стать двойная оценка показателей — в натуральном и стоимостном выражении, а также учет маркеров качества там, где это возможно.

Литература

- Анисимова Г.В. (2018). Социальное государство и экономическое неравенство в XXI веке: Российская действительность, проблемы и перспективы // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13. Ч. 1. М.: ИНИОН РАН. С. 605–609.
- Белехова Г.В. (2023). Масштабы неравенства и особенности его восприятия в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 164–185. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.9
- Жмачинский В.И., Чернева Р.И. (2018). Анализ и оценка параметров бедности с помощью экспертных методов // Экономический анализ: теория и практика. Т. 17. № 6. С. 1088–1099. DOI: <https://doi.org/10.24891/ea.17.6.1088>
- Ильин В.А. (2017). «Капитализм для своих» — источник социального неравенства в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 6. С. 9–23. DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.1
- Ильин В.А., Морев М.В. (2020). Кредит доверия Президенту подтвержден. Достижение целей социально-экономического развития до 2024–2030 гг. в тумане // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 4. С. 9–37. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.1
- Корчагина И.И., Прокофьева Л.М., Тер-Акопов С.А. (2019). Европейский опыт измерения бедности и социальной исключенности: индекс AROPE // Народонаселение. Т. 22. № 3. С. 162–175. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00034
- Костылева Л.В. (2011). Неравенство населения России: тенденции, факторы, регулирование. Вологда: ИСЭРТ РАН. 223 с.
- Кубишин Е.С., Седлов А.П., Соболева И.В. (2021). Бедность в России: методология измерения и международные сравнения // Вестник Института экономики РАН. № 1. С. 56–70. DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-56-70
- Лапин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. (2020). Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 1) // Социологические исследования. № 1. С. 4–17. DOI: 10.31857/S013216250008378-8
- Леонидова Е.Г. (2020). Стимулирование конечного потребления в контексте снижения регионального неравенства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 3. С. 59–73. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.5
- Мареева С.В. (2019). Неравенство жизненных шансов россиян в сфере баланса жизни и труда // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 3. С. 324–344. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.18>
- Мареева С.В. (2021). Пространство немонетарных неравенств в российском обществе: состояние и последствия кризиса 2020 г. // Terra Economicus. № 19 (4). С. 77–91. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-4-77-91
- Миловидов В.Д. (2021). Пандемия неравенства: новые измерения социального диспаритета в условиях коронакризиса // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 228. № 2. С. 59–81. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-228-2-59-81
- Моисеева И.В. (2019). Методологические подходы оценки экономического неравенства // Контентус. № 12. С. 19–29.
- Осипова Н.Г. (2021). Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России. М.: Перспектива. 276 с.

- Пугачев А.А. (2022). Трансформирующееся неравенство в России как угроза экономической безопасности и перспективы его сглаживания с помощью налогов // *Экономическая безопасность*. Т. 5. № 4. С. 1321–1336. DOI: 10.18334/ecsec. 5.4.114996
- Россошанский А.И. (2019). Социально-экономическое неравенство населения в контексте развития социального государства современной России // *Вестник НГИЭИ*. № 7 (98). С. 108–117.
- Салмина А. (2019). Сравнительный анализ показателей неравенства – их особенности и применение // *Общество и экономика*. Вып. 7. С. 35–58. DOI: 10.31857/S020736760005832-4
- Слободенюк Е.Д. (2014). Особенности и структура социальной группы бедных в современной России // *Terra Economicus*. Т. 12. № 4. С. 114–129.
- Соколова Е.Ю. (2022). Проблема неравенства доходов и распределения богатства населения в экономике Российской Федерации // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Экономика и право. № 4. С. 96–101. DOI: 10.37882/2223-2974.2022.04.28.
- Суринов А.Е., Луппов А.Б. (2020). Неравенство по доходам в России. Измерение на основе эквивалентного дохода // *Экономический журнал ВШЭ*. Т. 24. № 4. С. 539–571. DOI: 10.17323/1813-8691-2020-24-4-539-571
- Шаталова О.М., Касаткина Е.В. (2022). Социально-экономическое неравенство регионов РФ: вопросы измерения и долгосрочная ретроспективная оценка // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 4. С. 74–87. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.5
- Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. (2009). *Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи*. М.: М-Студио. 192 с.
- Araar A. (2009). The hybrid multidimensional index of inequality. *CIRPEE. WP*, 09-45, 1–24. DOI: 10.2139/ssrn.1496505
- Bartone C. (2002). *Institutional Arrangements for Solid Waste Management in Metropolitan Areas*. Washington: World Bank Institute.
- Deursen van A.J., Dijk van J.A. (2014). The digital divide shifts to differences in usage. *New Media & Society*, 16(3), 507–526.
- Hajdu O. (2021). A new generalized variance approach for measuring multidimensional inequality and poverty. *Social Indicators Research*, 158(1), 839–861. DOI: 10.1007/s11205-021-02720-9
- Hamann M. et. al. (2018). Inequality and the Biosphere. *Annual Review of Environment and Resources*, 43(1), 1–23.
- Yang L., Lu H., Li M. (2023). Multidimensional inequality and subjective well-being in China: A generalized ordered logit model analysis. *Social Indicators Research*, 165, 1021–1052. DOI: 10.1007/s11205-022-03060-y
- Klasen S., Scholl N., Lahoti R., Ochmann S., Vollmer S. (2016). Inequality – worldwide trends and current debates. *Discussion Papers*, 209. Available at: <https://www.econstor.eu/handle/10419/142156>
- Lugo M.A. (2005). Comparing multidimensional indices of inequality: Methods and application. *ECINEQ. WP*, 14, 1–29. DOI: 10.1016/S1049-2585(06)14010-7
- Platt L. (2019). *Understanding Inequalities: Stratification and Difference*. Second edition. Cambridge, UK; Medford, Massachusetts: Polity Press.
- Pyatt G., Chen C.-N., Fei J. (1980). The distribution of income by factor components. *Quarterly Journal of Economics*, 11, 451–473.
- Robinson L. et al. (2015). Digital inequalities and why they matter. *Information, Communication & Society*, 18(5), 569–582. DOI: 10.1080/1369118X.2015.1012532
- Schullerr-Zwierlein A., Zillien N. (2013). *Theorie und Praxis der gesellschaftlichen Informationsversorgung. Informationsgerechtigkeit*. Berlin: De Gruyter. Available at: <https://doi.org/10.1515/9783110258851>
- Stiglitz J. (2012). *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future*. New York, London: W.W. Norton & Company.
- Whitehead M., Dahlgren G. (2007). *Concepts and Principles for Tackling Social Inequities in Health: Levelling up Part I*. WHO Collaborating Centre for Policy Research on Social Determinants of Health University of Liverpool.
- Yates S., Kirby J., Lockley E. (2015). Digital media use: Differences and inequalities in relation to class and age. *Sociological Research Online*, 20(4), 1–21. DOI: 10.5153/sro.3751

Сведения об авторе

Андрей Александрович Пугачев – кандидат экономических наук, доцент, научный сотрудник, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова (150000, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Комсомольская, д. 3; e-mail: andrxim@yandex.ru)

Pugachev A.A.

Economic Inequality of Citizens beyond Averages: Assessment in the Conditions of its Transformation

Abstract. Inequality in Russia has been at a consistently high level for 30 years, but it is not permanent or static. New forms of it are emerging, such as digital inequality, inequality of life and work balance, health inequality, inequality of the coronavirus crisis. The difference between the richest and poorest in food consumption in terms of volume is shrinking, but in terms of quality it is growing. The purpose of the study is to substantiate the need to improve approaches to the measurement of economic inequality of citizens on the basis of determining the features of its modern transformation. The hypothesis of the study is that economic inequality in Russia is transforming, and the existing approaches to its assessment do not allow us to comprehensively and objectively determine its current state, which leads to the ineffectiveness of the measures taken by the government to smooth it out. A comparative analysis of the classical indicators of economic inequality was conducted: the Gini coefficient, the Theil, Atkinson, Palma indices, R/P 10% ratio (the ratio of the average income of the richest 10% to the poorest 10%), R/P 20% ratio (the ratio of the average income of the richest 20% to the poorest 20%), decile differentiation ratio (the ratio of the lowest income in the tenth decile to the highest income in the first decile) and quintile differentiation ratio (the ratio of the lowest income in the fifth quintile to the highest income in the first quintile). The results of the assessment of inequality in Russia obtained by eight organizations (Rosstat, CIS Stat, World Bank, Luxembourg Income Study, Credit Suisse, World Inequality Database, UN Development Program, European Bank for Reconstruction and Development) are compared. In Russia, income inequality remains consistently high, wealth inequality is excessive (Credit Suisse estimates the Gini coefficient at 0.88), and opportunity inequality is less significant in comparison to them. It is proved that the classical statistical indicators do not reflect the transformation of economic inequality, new markers are needed for this. Rosstat estimates income inequality and consumption inequality, leaving out wealth inequality and nonmonetary manifestations of economic inequality. Four directions for improving approaches to the diagnostics of economic inequality in Russia were identified: a qualitative assessment of the manifestations of consumption inequality, nonmonetary manifestations of economic inequality, wealth distribution and the increase in income differentiation within the groups of the wealthiest citizens.

Key words: income inequality, wealth inequality, consumption inequality, opportunity inequality, transformation of inequality, smoothing, Gini coefficient, Rosstat, inequality assessment.

Information about the Author

Andrei A. Pugachev – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Researcher, P.G. Demidov Yaroslavl State University (3, Komsomolskaya Street, Yaroslavl, 150000, Russian Federation; e-mail: andrxim@yandex.ru)

Статья поступила 29.03.2023.

Опыт проектного управления социально-экономическими процессами на муниципальном уровне власти

**Екатерина Дмитриевна
КОПЫТОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: ekaterina-razgylina@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6406-3148; ResearcherID: I-8190-2016

**Светлана Юрьевна
ПАХНИНА**

Администрация города Вологды
Вологда, Российская Федерация
e-mail: pahnina.svetlana@vologda-city.ru

Аннотация. Проектное управление социально-экономическими процессами имеет важное стратегическое значение, поскольку является эффективным инструментом, позволяющим решать задачи в условиях ограниченных ресурсов и наблюдающейся нестабильности в рыночной экономике. Его использование на муниципальном уровне при реализации стратегий развития городов дает такие преимущества, как высокая гибкость при формировании перечня проектов; возможность выбора форм, методов, ресурсов и участников реализации проектов; гармонизация интересов, организация конструктивного диалога и объединение ресурсов различных социальных групп (власти, бизнеса, общества) и др. В связи с этим целью работы является исследование вопросов, связанных с использованием проектного управления в деятельности органов

Для цитирования: Копытова Е.Д., Пахнина С.Ю. (2023). Опыт проектного управления социально-экономическими процессами на муниципальном уровне власти // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 159–182. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.8

For citation: Kopytova E.D., Pakhnina S.Yu. (2023). Experience in project management of socio-economic processes at the municipal level of government. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(3), 159–182. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.8

государственной власти и его развитием для достижения целей социально-экономического развития территорий. Изучены основные теоретические подходы к проектному управлению; представлена общая схема системы уровней и инструментов стратегического управления развитием территории. Проанализирован опыт проектного управления в г. Вологде, доказана эффективность его использования при реализации стратегии развития территории. Кроме того, представлены основные направления применения передовых управленческих технологий – реализация проектного управления на основе ESG-принципов. В него входит решение вопросов экологии (E – environmental), социальной ответственности (S – social) и управления кадрами (G – governance). В ходе анализа теоретических основ, отечественного опыта авторами выявлены направления развития проектного управления на основе ESG-принципов, существующие проблемы и предложен комплекс мер дальнейшего совершенствования проектной работы в сфере государственного управления в целях решения стратегических задач развития территорий. Информационной базой выступили труды отечественных и зарубежных ученых, специалистов в области проектного управления, данные официальных сайтов субъектов РФ. Применены методы анализа, сравнения, обобщения, выборки и группировки. Научные положения, изложенные в статье, могут быть полезны представителям власти и исследователям, интересующимся вопросами внедрения и использования проектного управления.

Ключевые слова: проект, проектное управление, государственное управление, муниципальные органы власти, крупный город, социально-экономическое развитие, ESG.

Введение

Важнейшим фактором решения целого ряда проблем в социально-экономическом развитии территорий и улучшения качества и уровня жизни населения в условиях нестабильной политической обстановки и ограниченности ресурсов является повышение эффективности государственного управления на основе внедрения и применения новых методов и подходов к управлению. На сегодняшний день одним из самых используемых инструментов в реализации комплекса действий органов государственной власти выступает проектный метод.

Обширное обсуждение применения методологии проектного управления в деятельности органов власти началось в конце 2016 года, когда при Президенте РФ был создан Совет по стратегическому развитию и приоритетным проектам. При этом, как отмечает И.В. Винокуров¹, внедрение данного инструмента в государственный сектор – это «фактически попытка смещения фокуса деятельности органов власти с исполнения поручений на достижение результатов».

¹ Начальник управления проектного менеджмента в государственном секторе Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации.

Заметим, что целесообразность применения проектного управления в решении конкретных задач обоснована в работах ведущих отечественных ученых (Бодрунов, 2014; Селин, 2014). Так, А.И. Татаркин считает, что «организационной основой управления территориальным развитием может стать программно-проектный подход. На базе стратегических приоритетов региональной политики должны быть разработаны программы, охватывающие наиболее комплексные проблемы развития регионов. Решение же конкретных задач должно строиться исключительно на основе программно-проектного подхода» (Татаркин, 2012).

В то же время проектное управление имеет ряд особенностей, отличающих его от программно-целевого. В частности, проектный подход направлен на конкретный результат. При этом есть возможность определить степень личного вклада каждого участника проекта, эффективность его работы в целом и профессиональную компетентность, оптимизировать управленческие процессы, наладить более эффективное взаимодействие между его участниками. Весьма актуальным с методологической точки зрения является соблюдение принципов управления, в числе которых целе-

направленность, комплексность, системность, научная обоснованность. Происходящая трансформация программно-целевого метода в части использования сильных сторон проектного подхода призвана повысить качество целеполагания и эффективность государственного управления территориями.

Однако внедрение проектного управления в практику государственного управления является сложной комплексной задачей и сталкивается с рядом проблем. В частности, это связано с постоянными изменениями управленческих процессов, усилением роли жителей и представителей бизнеса, повышением значимости социальных проектов, низкой мотивацией госслужащих.

В связи с этим целью работы является исследование вопросов, связанных с использованием проектного управления в деятельности органов государственной власти и его развитием для достижения целей социально-экономического развития территорий.

Авторами последовательно решаются следующие задачи:

- изучить основные теоретические подходы к проектному управлению;
- раскрыть практические аспекты использования проектного управления;
- проанализировать опыт проектного управления на муниципальном уровне власти (на примере в г. Вологды);
- выявить направления развития проектного управления на основе применения передовых управленческих технологий (ESG-принципов);
- предложить комплекс мер дальнейшего совершенствования проектной работы в сфере государственного управления.

Научная новизна исследования заключается в обобщении системы взглядов на проектное управление как инструмент повышения эффективности государственного управления, а также обосновании проблем внедрения проектного подхода на муниципальном уровне власти и в целом в государственном секторе, требующих совершенствования научных подходов для их решения.

Методы исследования

Для выявления трендов развития проектного управления и разработки предложений по

его дальнейшему развитию использовались общенаучные методы исследования (логический, системный подходы, структурно-функциональный анализ и синтез), статистические (группировки, выборки, сравнения и обобщения), а также графические и табличные приемы визуализации данных.

Необходимость понимания сущности, социально-экономических эффектов от внедрения проектного управления, наблюдаемых на территории муниципального образования, обуславливает рассмотрение данной методологии управления с точки зрения нормативного подхода, на основании которого сформирована система уровней и инструментов управления социально-экономическим развитием территории и выдвинуты рекомендации по совершенствованию изучаемой системы.

Информационной базой исследования выступили труды отечественных ученых в области проектного управления и зарубежные публикации, характеризующие влияние проектного подхода к управлению на экономику различных стран. Помимо этого, использовались оперативные результаты работы Администрации г. Вологды, данные информационно-новостных порталов (ВологдаРФ, Эксперт РА).

Теоретические аспекты исследования

В фокусе внимания ученых (Д.А. Гайнанова, Н.Б. Грошевой, Г. Дитхелма (Дитхелм, 2004), А.М. Игнатовой, Д.Ю. Ревина, А.А. Рудакова, А.О. Скопина, А.А. Татаркина и др.) находятся прежде всего методологические аспекты проектного управления. Так, Д.А. Гайнанов (Гайнанов, 2015) представил алгоритм согласования интересов экономических агентов на каждом уровне взаимодействия (стратегическом, программном, проектном). Масштаб различных аспектов проектного управления в социально-экономическом развитии территорий представлен в работах П.С. Зеленского, А. Ковалева, И. Курдюмова. Например, предметом исследования в работе Н.Б. Грошевой² стала оценка влияния инновационных проектов на соответствующую территорию, а также условия и механизмы интеграции проектно-

² Грошева Н.Б. (2011). Методология интеграции проектного управления инновационной деятельностью в систему регионального управления: дис. ... д-ра экон. наук. Красноярск. 356 с.

го управления инновационной деятельностью в региональную социально-экономическую систему.

Проблематика использования данного подхода в сфере образования и науки как инструмента повышения эффективности государственного управления в целом отражена в трудах таких авторов, как Д.А. Прах, И.Н. Садовникова, Н.А. Гончарова, А.А. Гейзер, Л.М. Никитина и др.

Вопросам реализации проектов в рамках определенной территории России или ее региона посвящены работы В.Н. Лексина и Б.Н. Порфирьева, С.В. Последова, Е. Савченко, Д.А. Синявского и др.

Изучение теоретических основ использования проектного подхода в управлении территориями позволило выделить следующие преимущества его применения:

- достижение запланированных результатов в более короткие сроки;
- повышение эффективности использования ресурсов;
- выбор форм, методов, участников реализации проектов;
- обоснованность, своевременность и прозрачность принимаемых органами власти решений;
- соблюдение и сокращение сроков достижения результатов;
- улучшение вертикальных и горизонтальных внутри- и межведомственных связей;

– возможность организации конструктивного диалога между органами власти, бизнесом и населением в отношении социально значимых проектов.

Несмотря на наличие исследований и принятых нормативно-правовых актов в области проектного управления, имеется необходимость в систематизации теоретических основ данного инструмента; определении таких дефиниций, как «управление проектами» и «проектное управление»; обосновании места проектов в системе стратегического управления (табл. 1).

Так, например, И.Л. Сурат и А.В. Тебеткин (Сурат, Тебеткин, 2014) считают, что категория «проект» включает множество аспектов и активно применяется при описании разнообразных процессов в различных областях человеческой деятельности.

Как отмечает Т.В. Юрьева (Юрьева, 2015), проект представляет комплекс трудных, неповторяемых процессов или действий, которые разработаны заранее, учитывая конкретную ситуацию, определенный объем и запас ресурсов.

Представленные в таблице 1 формулировки позволили установить основную цель (достижение желаемого результата в пределах определенного срока при заданных условиях) и специфические черты проекта (четко определенная цель и срок завершения, ограниченность ресурсов, объединение усилий, уникальность элементов) (Ускова, Копытова, 2017).

Таблица 1. Теоретические подходы к определению категории «проект»

Нормативно-правовой документ	Определение
Постановление Правительства Российской Федерации от 31 октября 2018 года № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве России»	Проект – комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на получение уникальных результатов в условиях временных и ресурсных ограничений
Project Management Body of Knowledge (PMBOK), Американский национальный стандарт «Свод знаний по управлению проектами»	Проект – временное предприятие (есть определенное начало и завершение), которое предназначено для создания уникальных продуктов, услуг или результатов
Deutsches Institut für Normung (Стандарт DIN 69901), Германия	Проект – намерение (предприятие), характеризующееся уникальностью условий в их совокупности (пример: формулировка цели; финансовые, временные, человеческие и другие ограничения)
PRojects In Controlled Environments 2 (PRINCE2), Великобритания	Проект – комплекс взаимосвязанных мероприятий, которые направлены на создание неповторимого продукта или услуги с учетом временных и ресурсных ограничений
Источник: составлено авторами.	

При этом если с принятием нормативно-правовой базы в сфере проектного управления значение экономической категории «проект» стало официально закреплено, то определения понятия «проектное управление» достаточно многочисленны и разнообразны (табл. 2).

В то же время в большинстве исследований понятие «проектное управление» трактуется как синоним «управления проектами», что является следствием недостаточной изученности их сущности, специфики и отличительных особенностей (табл. 3).

Таблица 2. Теоретические подходы к определению категории «проектное управление»

Авторы	Определение
Д.Ю. Ревин, П.С. Зеленский	Методология организации, планирования и координации материальных и человеческих ресурсов на протяжении всего жизненного цикла проекта, направленная на эффективное достижение целей проекта с помощью использования современных методов, техник и технологий управления
А. Ковалев, И. Курдюмов	Методология управления человеческими и материальными ресурсами и происходящими изменениями в ходе реализации проекта
Ю.И. Попов, О.В. Яковенко	Раздел теории управления, изучающий инструменты, которые заключаются в координировании ресурсов, обеспечении информационного сопровождения проекта, достижении целей, соблюдении стадий и сроков выполнения работ
Ю.Н. Лапыгин	Раздел теории управления социально-экономическими системами, который раскрывает инструменты, формы и методы эффективного управления происходящими изменениями
И. Ильинская	Совокупность взаимосвязанных организационных, экономических, юридических, научных, технико-технологических и других элементов, которые направлены на разработку и реализацию проектов
И.И. Мазур, В.Д. Шапиро, А.Г. Ивасенко, Я.И. Никонова, М.В. Каркавин	Способ организации, планирования и координации ресурсов на протяжении проектного цикла, направленный на эффективное достижение целей с использованием современных методов и технологий
В.В. Ильин, К. Тейт, П. Мартин	Деятельность по применению знаний, умений и навыков, средств и методов в проектной деятельности с целью достижения запланированных результатов и удовлетворения потребностей участников проекта
М.Л. Разу	Вид управленческой деятельности, который основан на формировании системной модели действий по достижению цели с учетом предварительного коллективного обсуждения
А.М. Либман	Приложение стратегических задач, способов и приемов для осуществления проекта
Project Management Institute	Совокупность знаний, умений и навыков, а также методов и инструментов организации проекта

Составлено по: (Ковалев, Курдюмов, 2001; Мартин, Тейт, 2006; Ревин, Зеленский, 2010; Oberlender, 2011; Wollmann, 2003); Попов Ю.И., Яковенко О.В. (2007). Управление проектами: учеб. пособ. М.: ИНФРА-М. 208 с.; Лапыгин Ю.Н. (2007). Управление проектами: от планирования до оценки эффективности: практическое пособие. М.: ОМЕГА-Л. 252 с.; Ильинская И. (2010). Работа на результат. Проектное управление. Вета-Пресс. URL: <http://www.betapress.ru/library/management-762.html>; Мазур И.И., Шапиро В.Д. (2001). Управление проектами: справоч. пособ. М.: Высшая школа. 875 с.; Ивасенко А.Г., Никонова Я.И., Каркавин М.В. (2009). Управление проектами: учеб. пособ. Ростов н/Д: Феникс. 330 с.; Ильин В.В. (2007). Проектный менеджмент: практ. пособ. М.: Альфа-Пресс. 264 с.; Разу М.Л. (2007). Управление проектом. Основы проектного управления: учебник. М: КНОРУС. 768 с.; Либман А.М. (2005). Проектный менеджмент: ускоренный курс: пер. с нем. М.: Дело и Сервис. 192 с.; A Guide to the Project Management Body of Knowledge (Руководство к своду знаний по управлению проектами) (2004) / Project Management Institut, 3-е изд. США. 388 с.

Таблица 3. Отличительные характеристики понятий «управление проектами» и «проектное управление»

Управление проектами	Проектное управление
Концентрируется на результатах проекта	Направлен на организацию управления проектами
Создается команда под каждый проект	Формируется структура, принимающая участие во всех проектах
Имеется бюджет проекта, ресурсы проекта, время исполнения проекта, риски проекта	Имеется бюджет проекта, создается и внедряется система управления проектами
Основной подход – проектный	Основной подход – процессный
Источник: (Кравец, Вертиль, 2021).	

Отличительной чертой данных экономических категорий выступает разница в предмете обсуждения: представители проектного управления обсуждают главным образом организационные нормы, затрагивающие последовательность работ. Сторонники управления проектами обсуждают не характеристику и последовательность действий, а планы, которые, по их мнению, представляют собой совокупность сроков и ресурсов, отклонения и контроль их выполнения.

Как отмечают ученые (Кравец, Вертиль, 2021), категория «управление проектами» концентрирует внимание на объекте. В качестве объекта «проектного управления» выступает управленческая деятельность³ (Юрьева, 2015), опирающаяся на конкретные технологии ее реализации.

При этом в качестве цели для обоих понятий большинство авторов⁴ (Ковалев, Курдюмов, 2001; Мартин, Тейт, 2006; Цогоев, 2016) выделяют достижение конкретных результатов с помощью применения современных методов, техник и технологий управления, людей, оборудования, материалов и денег.

Следовательно, за годы своего эволюционного развития концепция проектного управления поэтапно модифицировалась от подхода, характерного для крупных проектов, до комплексной методологии управления организационными процессами на всех уровнях власти (Кожевников, 2020).

Практические аспекты использования проектного управления

Заметим, что за рубежом проектное управление в деятельности органов государственной власти используется во многих сферах. Так, с целью разработки международных и национальных стандартов, проведения конференций и семинаров, продвижения лучшего опыта создана и функционирует Международная ассоциация управления проектами (IPMA). Так, Институтом управления проектами США

разработан национальный стандарт «Руководство к своду знаний по управлению проектами» (англ. Project Management Body of Knowledge, PMBoK). Кроме того, в Новой Зеландии проектное управление используется в качестве системы «конкурирующих корпораций», когда исполнительные органы заключают друг с другом договор по оказанию услуг на конкурсной основе (Товб, Ципес, 2003; Филимонова, Русанов, 2011); в Великобритании проектный менеджмент используется в государственных организациях (Трофимова, Маковкина, 2016); в Японии – составляет основу государственной стратегии социально-экономического развития страны (Морозов, Смирнов, 2011; Crawford, 2002). При этом, по данным Японской ассоциации управления проектами, все проекты, которые осуществляются в рамках стратегии и программ развития территорий, оцениваются и осуществляются на основе методологии проектного управления (Грей, Ларсон, 2003; Щеголев, 2016).

В России инструменты проектного управления в процессе государственного планирования стали активно использоваться с 1920–1930-х гг. Например, ГОЭЛРО представлял собой классические принципы реализации проектного подхода; ликвидация неграмотности может рассматриваться как один из масштабных проектов в социальной сфере. С середины 1930-х годов зарождается методология оценки проектов – осуществляется разработка методов оценки, происходит их внедрение в практику. В начале 1970-х гг. стало зарождаться программное обеспечение в сфере управления проектами. Период 1980-х гг. характеризуется разработкой концепции программно-целевого управления. События 1990-х гг. послужили причиной спада в развитии проектного управления, в результате чего впоследствии (с 2000-х гг.) внедрялись уже не отечественные, а западные подходы к управлению проектами (Зябликова, 2022; Мироненко, Леонова, 2017).

В современной России возобновлению проектного управления на уровне государства способствовали инициативы Президента РФ в 2005 году по реализации первых национальных проектов: «Здоровье», «Доступное и комфортное

³ Разу М.Л. (2007). Управление проектом. Основы проектного управления: учебник. М: КНОРУС. 768 с.; Мазур И.И., Шапиро В.Д. (2001). Управление проектами: справоч. пособ. М.: Высшая школа. 875 с.

⁴ Мазур И.И., Шапиро В.Д. (2001). Управление проектами: справоч. пособ. М.: Высшая школа. 875 с.

жилые – гражданам России», «Образование» и «Развитие агропромышленного комплекса (АПК)». При этом отметим, что приоритетные государственные задачи осуществлялись через федеральные целевые программы уже с 2002 года.

Проекты, предпринятые Президентом РФ, были направлены на изменение подходов к финансированию социально значимых сфер экономики, объединив и сосредоточив бюджетные и административные ресурсы, а также на повышение эффективности использования бюджетных средств и, как следствие, на обеспечение лучшего качества жизни населения и условий для формирования и развития человеческого капитала страны. Однако на практике оказалось, что нет конкретного механизма, направленного на мониторинг расходования бюджетных средств, именно в рамках национальных проектов.

Исправить такую ситуацию была призвана серия стандартов ГОСТ Р ИСО по управлению проектами, разработанная и принятая в 2011 году, что ознаменовало закрепление проектного управления как перспективного инструмента управления в региональных органах власти (Зябликова, 2022). Тем не менее, следует подчеркнуть направленность данных нормативно-правовых документов на коммерческий сектор. Следовать им, игнорируя особенности государственного сектора экономики, в некоторой мере нецелесообразно.

Национальные проекты полноценно заняли основополагающее место в социально-экономической политике государства после выхода Указа Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Они направлены на приумножение функций государственных программ «как инструмента, наиболее тесно отражающего взаимосвязь ресурсного обеспечения и ожидаемых результатов и позволяющего постоянно оценивать эффективность бюджетных затрат на конкретные программные мероприятия» (Захарчук, Печеркина, 2021).

Заметим, что на сегодняшний день отечественная практика проектного управления характеризуется отставанием от мировых процес-

сов интеграции в проектно-ориентированное общество. Но всё же за последнее время на федеральном и региональном уровнях была создана благоприятная нормативно-правовая и институциональная среда для развития этого подхода в деятельности органов власти (Кожевников, 2020). Проектное управление экономикой становится инструментом реализации задач социально-экономического развития страны. Это обосновано тем, что стратегия развития страны конкретизируется рядом целевых показателей, для достижения которых разрабатываются национальные проекты, утвержденные в Указе «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», впоследствии дополненном Указом Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». При этом национальные проекты для практической реализации декомпозируются на федеральные и региональные проекты (Леонов, 2022).

В настоящее время проектная деятельность регулируется Постановлением Правительства РФ от 31 октября 2018 г. № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации». Законом утверждена функциональная структура управления проектной деятельностью:

1. Президиум Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам.
2. Проектный комитет.
3. Проектный офис Правительства РФ / субъекта РФ.
4. Министерство экономического развития РФ (осуществляет мониторинг реализации проектов).

Согласно Постановлению, разработка и внедрение новой технологии управления национальными проектами позволят многократно сократить документооборот и повысить эффективность управления проектами. В связи с этим не менее актуальной, на наш взгляд, является задача внедрения проектного управления на муниципальном уровне власти, где результат работы оценивается не только вышестоящими инстанциями и контролирующими органами, но и непосредственно жителями территорий.

Однако передача национальных, федеральных и региональных проектов на уровень местного самоуправления сопряжена с рядом трудностей. С одной стороны, в Постановлении с самого начала констатировалось участие муниципальных образований в осуществлении региональных проектов. С другой стороны, данными положениями координация их участия в проектной деятельности до 2020 года в сущности и ограничивалась.

При этом понятие «муниципальный проект», схожее с федеральным и региональным проектами, Постановлением определено не было, что стало препятствием для включения муниципалитетов в региональные проекты, аналогично подключению региональных проектов к федеральным. Следовательно, муниципальной составляющей изначально уделялось мало внимания в процессе внедрения в стране системы проектного управления. Результатом было фактическое устранение муниципальных образований от участия в реализации национальных и федеральных проектов в 2018–2019 гг. (Зябликова, 2022).

Впоследствии была принята федеральная и региональная нормативная база (в том числе рекомендательного характера), устанавливающая правила участия муниципальных образований в реализации национальных и региональных проектов. Постановлением Правительства РФ от 17 марта 2022 г. № 391 опубликована новая редакция Положения об организации проектной деятельности в Правительстве РФ, в которой расширено участие муниципальных образований в реализации региональных проектов и конкретизированы формы этого участия. В частности, сформулирован механизм подключения муниципальных образований к вертикальной структуре проектной деятельности через систему проектных офисов. Это создало основу для системного взаимодействия муниципалитетов с субъектами РФ в данной сфере.

Как отмечают исследователи (Шулепов и др., 2020), проектный подход в управлении на муниципальном уровне позволяет объединить инициативы органов власти, бизнес-структур и населения, соединить их с существующими мерами государственной поддержки на фе-

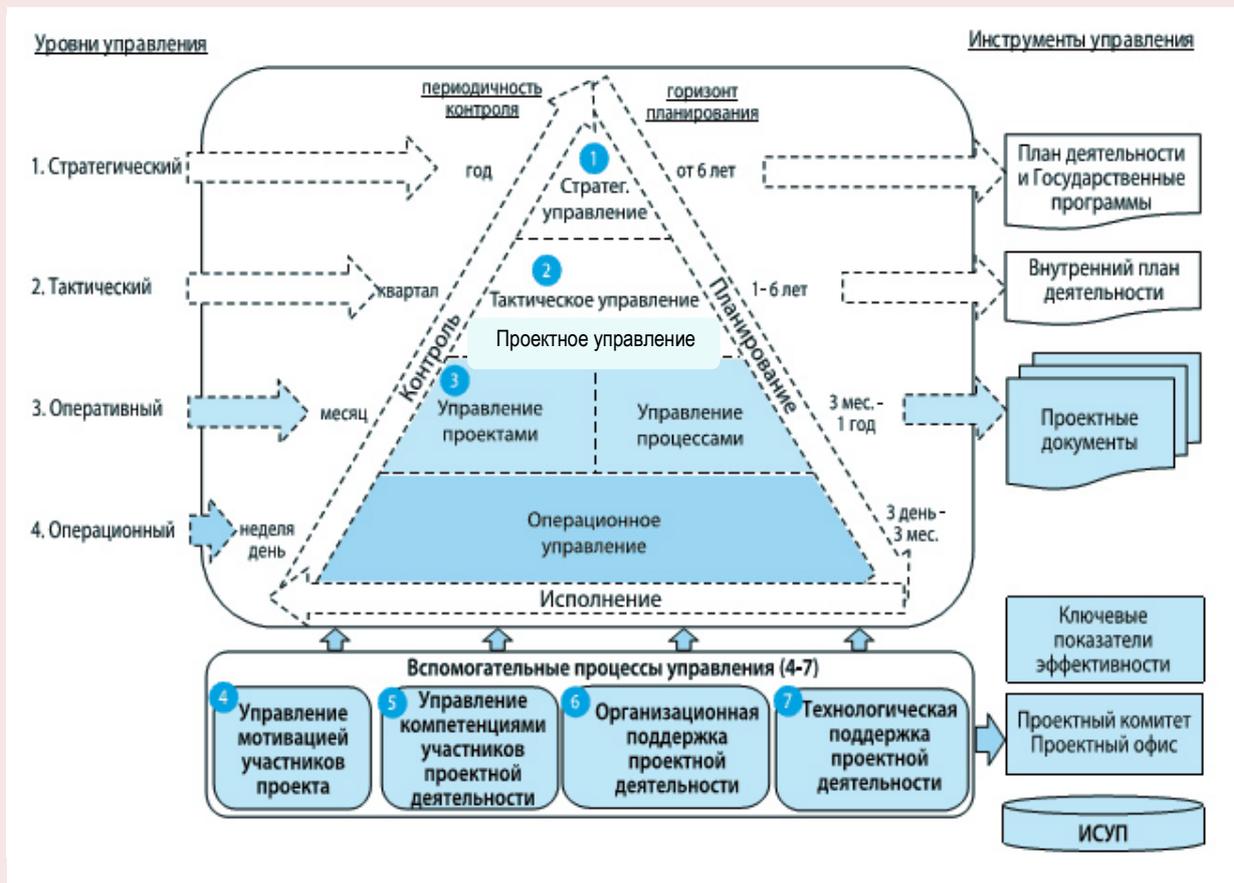
деральном и региональном уровнях. Несомненно, поведение представителей властных структур и жителей является одним из главных рычагов в развитии города, поскольку оно формирует отношение к городской среде, воздействует на социально-психологический климат в городе.

Заметим, что направления развития муниципального образования/города должны основываться на принципах, обозначенных в Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации» № 172-ФЗ. На наш взгляд, реализации стратегии развития территории будет способствовать создание многоуровневой системы планирования, включающей четыре уровня: стратегический, тактический, оперативный и операционный (рис. 1). Формирование такой системы позволяет в качестве одного из действенных инструментов реализации стратегии рассматривать разработку проектов на среднесрочный период и на один год (Ускова, Копытова, 2017).

Результаты проведенного ранее исследования, посвященного рассмотрению лучшего российского опыта проектного управления (Ускова, Копытова, 2017), позволяют сделать вывод о том, что данный процесс реализуется в рамках общего системного процесса территориального управления и наиболее эффективен на базе создания и функционирования специального органа. Поэтому, для того чтобы организовать работу на разных уровнях, в органах власти создаются проектные офисы. В их состав входят отраслевые и проектные менеджеры, а также кураторы от заказчика и исполнителя, взаимодействующие между собой. На основе информационной системы управления проектами (ИСУП) офисы выполняют следующие функции:

- участвуют в формировании целей и индикаторов выполнения программы, плана, проекта;
- готовят документацию и календарный план;
- обеспечивают руководство портфелями проектов, координируют усилия разных исполнителей, разрешают проблемные вопросы;
- выявляют и оценивают риски, оперативно реагируют на них;

Рис. 1. Система уровней и инструментов управления социально-экономическим развитием территории

Составлено по: (Ускова, Копытова, 2017); Пахнина С.Ю. (2023). Экостандарт Вологды как инструмент реализации стратегии развития города: доклад на конференции «Правовое регулирование «зеленой экономики» в контексте устойчивого развития: национальный и международный опыт». 22 марта 2023 года, г. Вологда (МГЮА).

- контролируют выполнение процессов на всех этапах и соответствие их стандартам;
- обеспечивают контрактную деятельность, принимают результаты деятельности;
- отвечают за документооборот и подготовку отчетности.

Таким образом, следует отметить, что неотъемлемым элементом системы стратегического планирования являются проекты, которые становятся одним из эффективных инструментов реализации стратегии территориального развития. При этом на оперативном уровне

управления осуществляются обсуждение и контроль сроков и ресурсов проекта, в то время как тактический уровень предполагает организацию комплексной методологии проектного управления социально-экономическими процессами.

Проблематика нашего исследования объясняется парадоксом между стоящей задачей повышения эффективности государственного управления и недостатком рекомендаций, направленных на совершенствование проектного управления.

Основные результаты исследования

Несмотря на выявленные недостатки и противоречия в нормативно-правовой сфере, есть блестящие примеры внедрения передовых управленческих технологий, которые доказывают возможность дальнейшего совершенствования проектной работы в сфере государственного управления, направленного на решение общенациональных стратегических задач. В частности, Белгородская, Волгоградская, Пензенская и Рязанская области в числе первых начали внедрять проектный подход и вошли в десятку лидеров по результатам оценки зрелости организации проектной деятельности в субъектах Российской Федерации.

Положительный опыт использования инструмента проектного управления в решении задач развития территорий имеется также в г. Вологде. Так, именно на проектных принципах была сформирована Стратегия комплексной модернизации городской среды муниципального образования «Город Вологда» на период до 2020 года «Вологда – комфортный город» (Стратегия-2020), утвержденная решением Вологодской городской Думы от 1 июля 2011 года № 715. Ее основу составили 178 проектов, согласованных с представителями предпринимательского сообщества и жителями, объединенных общей задачей повышения комфортности жизни в городе. При этом реализация проектов в рамках Стратегии-2020 началась в 2009 году (до момента утверждения параллельно с ее разработкой).

За период с 2010 по 2022 год количество осуществленных проектов увеличилось в 1,6 раза; количество организаций, участвующих в про-

ектах, – в 3 раза; количество осуществляемых мероприятий в рамках крупных проектов – с 20 до 122, т. е. в 6,1 раз (табл. 4). Однако количество участников проектов, в том числе представителей молодежи, снизилось соответственно на 54,4 и 35,7% в 2022 году по сравнению с 2010 годом, что свидетельствует о слабой заинтересованности и снижении степени вовлеченности жителей в данный процесс.

Вместе с тем именно совместные проекты становятся главным инструментом развития экономики территорий, привлечения инвестиций, повышения качества жизни населения.

Несмотря на то что г. Вологде осуществляется ряд партнерских проектов органов власти и бизнеса, в частности модернизация общественного транспорта, реконструкция неиспользуемых помещений, обустройство прибрежных территорий и др. (табл. 5), участие бизнеса в решении социально-экономических проблем развития территорий может быть гораздо больше. Это подтверждается результатами ранее проведенных исследований и опросов (Копытова, 2017) и говорит о наличии негативных стереотипов, являющихся препятствием в развитии продуктивного диалога при проектном управлении экономикой территории.

Тем не менее реализация проектов на базе коллективного финансирования способна обеспечить положительный эффект для социально-экономического развития территории – осуществление крупных инвестиционных проектов, экономия бюджетных средств, снижение уровня безработицы и др. (табл. 6).

Таблица 4. Сводные показатели по реализуемым в г. Вологде социально значимым проектам

Показатель	2010 г.	2012 г.	2016 г.	2018 г.	2020 г.	2022 г.	2022 г. к 2010 г., раз
Количество проектов, ед.	5	25	17	7	10	8	1,6
Количество организаций-участников, ед.	15	65	40	40	43	45	3
Количество мероприятий	20	70	122	122	122	122	6,1
Количество участников проектов, тыс. чел.	11	53	4	4	4	5	0,5
в том числе представителей молодежи, тыс. чел.	7	16	3	3,5	3,5	4,5	0,6
Количество посетителей мероприятий, реализуемых в рамках проекта, тыс. чел.	10	20	7	7	7	10	-

Составлено по: данные оперативной информации администрации г. Вологды (vologda-portal.ru); (Ускова, Копытова, 2017).

Таблица 5. Совместные проекты органов государственной власти и бизнеса в г. Вологде

Наименование проекта, год реализации	Объем финансирования	Наименование инвестора	Кол-во создаваемых рабочих мест, чел.	Достижение запланированных результатов проекта
Вологда – снижение аварийности на улично-дорожной сети (2020, 2021, 2022)	158,5 млн руб.	Бюджетные средства и частные инвестиции	-	95%
Цифровая трансформация: центр городского управления (2020)	0 руб.	Бюджетные средства	-	100%
Создание Школы стрит-арта в г. Вологде (2021)	240,0 тыс. руб.	ИП Осиев В.Г.	-	100%
Первый фермерский рынок в г. Вологде	25,0 млн руб.	ООО «Универсам»	11	100%
Общественный транспорт города: модернизация и развитие	3,0 млн руб.	Бюджетные средства и частные инвестиции	-	100%
Сохранение объектов культурного наследия – деревянного зодчества (2020–2023)	490,0 млн руб.	Частные инвестиции	10	100%
Ревитализация реки Содемы с обустройством прибрежных территорий (2020–2024)	45 400,0 млн руб.	В том числе инвестиции МУПов 2,5 млн руб.	-	80%
Энергоэффективность и энергосбережение (2021–2023)	44,0 млн руб.	Бюджетные средства и частные инвестиции	2	80%
Зеленый каркас города (2021–2023)	3,5 млн руб.	АНО «Родной лес»	4	100%
Креативное пространство «САЛЮТ»	18,5 млн руб.	В том числе частные инвестиции 500,0 тыс. руб	2	100%

Составлено по: данные оперативной информации администрации г. Вологды (vologda-portal.ru).

Таблица 6. Наиболее крупные проекты, реализуемые на принципах партнерства власти и бизнеса в г. Вологде

Наименование проекта	Источники финансирования	Инициатор, участники	Объем инвестиций	Кол-во создаваемых рабочих мест, чел.	Сроки реализации
Реновация производственных площадей бывших заводов, находящихся в заброшенном состоянии	Внебюджетные источники	Администрация г. Вологды, 21 участник: ООО «Вологодский лес», ООО «ТехноОпт», ООО НПО машиностроения «Сварог», ГК «Бакор», ООО «Мегасервис», ООО «Сота», ООО «ВЗМК», ООО «Регион-Инструмент», ООО НПФ «Техпромсервис», ООО «СМН» и др.	4 млрд руб.	1000	2021–2030 гг.
Развитие электротранспорта города Вологды	Внебюджетные источники	Администрация г. Вологды, 15 организаций: Ассоциация владельцев электромобильного, беспилотного и подключенного транспорта и инфраструктуры Вологодской области, ГК «Логасофт», ООО «ССК», ПАО «Россети Северо-Запад», ООО «Авто-Альянс», ООО «Импульс», ООО «НордСити», ПАО «ТГК-2», ООО «Айти Чардж», АО «ВОЭК» и более 100 физических лиц	136,2 млн руб.	30	2021–2030 гг.

Составлено по: данные оперативной информации администрации г. Вологды (vologda-portal.ru).

Показательным примером является проект «Городская дисконтная карта «Забота», который реализуется органами власти вместе с представителями бизнес-среды. Проект способствует удовлетворению покупательского спроса малообеспеченных групп населения на товары и услуги ежедневного потребления. Он реализуется путем предоставления бизнесом скидок для граждан – держателей данной карты. За период с 2009 года число партнеров проекта увеличилось в 4,5 раза (табл. 7). Благодаря взаимодействию органов власти и организаций экономия держателей карт составила ориентировочно 200 млн рублей (Шулепов, Ускова, 2015). Выгода для бизнеса от участия в этом проекте заключается, во-первых, в увеличении товарооборота, за счет которого возрастает и доходность бизнеса. Во-вторых, это дополнительная реклама

и имидж, поскольку участие в социальных проектах увеличивает привлекательность организации у потребителя и среди бизнес-сообщества. Инициатором партнерских отношений выступают органы власти, в результате чего такое взаимодействие способствует исполнению возложенных на них полномочий.

Однако в настоящее время большинство проектов иницируется органами власти, что требует значительных усилий по привлечению бизнеса и населения. Вместе с тем при большом количестве проектов у органов власти недостаточно ресурсов для их реализации. По этой причине перспективным вариантом реализации проектного управления на муниципальном уровне является переход к модели, в которой население и бизнес будут также выступать инициаторами и участниками проектов (рис. 2).

Таблица 7. Показатели реализации проекта «Городская дисконтная карта «Забота»

Показатель	2009 г.	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2020 г.	2022 г.	2022 г. к 2009 г., раз
Количество партнёров проекта, шт.	22	208	251	111	122	91	99	4,5
Количество точек реализации, шт.	86	506	590	168	190	163	170	1,98

Составлено по: данные оперативной информации администрации г. Вологды (vologda-portal.ru); (Ускова, Копытова, 2017).

Рис. 2. Организационная модель проектного управления экономикой г. Вологды

Источник: Пахнина С.Ю. (2023) Экостандарт Вологды как инструмент реализации стратегии развития города: доклад на конференции «Правовое регулирование «зеленой экономики» в контексте устойчивого развития: национальный и международный опыт». 22 марта 2023 года, г. Вологда (МГЮА).

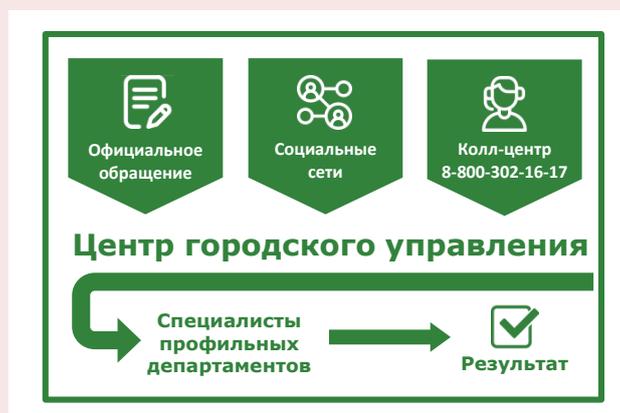
Недостаточное вовлечение граждан в реализацию проектной деятельности и низкий уровень активности молодежи определяет потребность в разработке эффективной и адекватной системы управления по привлечению участников к проектной деятельности. Активизация граждан в г. Вологде возможна посредством вовлечения их через конкурсы, гранты, общественные обсуждения, участие в международных экологических проектах («Чистые игры»), развитие системы дополнительного образования для детей и взрослых («Кванториум», ДНК им. Ильюшина ВоГУ, «Импульс», ИТ-КУБ) и др.

Кроме того, на наш взгляд, привлечению населения к развитию территорий будет способствовать созданный Центр городского управления, основная цель деятельности которого заключается в оперативном и компетентном реагировании на обращения граждан. Задачи центра состоят в повышении уровня удовлетворенности граждан за счет сокращения сроков обработки обращений; формировании для органов муниципального управления сводных аналитических данных по проблемам населения для принятия оперативных управленческих решений; совершенствовании механизмов «обратной связи» с населением, влияющих на оперативность решения городских проблем, а также направленных на предотвращение причин, способствующих их появлению.

В целях реализации указанных задач в г. Вологде разработана цифровая платформа для систематизации обращений граждан и оперативного реагирования на них. В рамках платформы объединен прием обращений, поступающих по разным каналам: официальные письма, группа ВК «Вологда в порядке», сообщения из социальных сетей, обращения по системе «Инцидент-менеджмент», звонки в городской call-центр. Также разработан и начал действовать аналитический сервис «Тепловая карта». Он является информационной основой для принятия управленческих решений, посредством которой поступающие обращения направляются специалистам профильных департаментов (рис. 3).

Однако, по нашему мнению, на сегодняшний день этого недостаточно. Следует отметить, что наличие целого комплекса экологических, экономических (низкие доходы жителей, существование отраслей из прошлого технологического уклада и др.), социальных (недостаточный уровень качества образования, медицинского обслуживания, высокий уровень миграции и др.) и экологических (глобальное изменение климата, сохранение экосистем и др.) проблем в развитии административных центров создает риски угасания российских городов. Это, в свою очередь, влечет за собой ключевые проблемы на уровне государства: потеря управляемости территориями на государ-

Рис. 3. Модель Центра городского управления г. Вологды

Источник: Пахнина С.Ю. (2023). Экостандарт Вологды как инструмент реализации стратегии развития города: доклад на конференции «Правовое регулирование «зеленой экономики» в контексте устойчивого развития: национальный и международный опыт». 22 марта 2023 года, г. Вологда (МГЮА).

ственном уровне; снижение уровня национальной безопасности; потеря роли городов в каркасе страны, обеспечивающем экономическую безопасность; снижение социальной сплоченности; негативные экологические последствия и потеря биоразнообразия.

В то же время г. Вологда имеет проблемы, общие с подобными муниципалитетами: отрасли из прошлого технологического уклада в экономике города; бюджет города обеспечивает решение только минимальных задач по поддержанию инфраструктуры; высокая доля бюджетников в структуре занятых (более 30%); падение ВВП на душу населения и др.

Таким образом, меры по ликвидации бедности должны приниматься параллельно с усилиями по наращиванию экономического роста и решению целого ряда вопросов в области образования, здравоохранения, социальной защиты и трудоустройства, а также борьбы с изменением климата и защиты окружающей среды.

В связи с этим требуется дальнейшее развитие проектного управления социально-экономическими процессами. Мы считаем, что в современных быстро изменяющихся геополитических и макроэкономических условиях внешней среды актуальным будет использование проектного подхода в управлении территориями на основе ESG-принципов, которые заключаются в защите окружающей среды (E – environmental), создании благоприятных социальных условий, добросовестном отношении к сотрудникам и клиентам (S – social) и высоком качестве корпоративного управления (G – governance).

Именно такой подход позволяет одновременно решать комплекс задач и быстро реагировать на высокую скорость распространения экологических, социальных и общественных проблем на международном и локальном уровнях. В частности, внимание к вопросам здоровья, ликвидации нищеты и голода, уменьшения неравенства, предоставления качественного образования и др. внесет положительный вклад в развитие общества. Улучшение экологии на основе формирования ответственного отношения к природе, сохранения экосистем и т. д. обеспечит города и населенные пункты чистой питьевой водой, недорогостоящей и чистой энер-

гией. Гармонизация интересов и организация конструктивного диалога между участниками проекта позволят достичь существенных результатов в совершенствовании качества корпоративного управления.

Успешный опыт реализации проектов в г. Вологде позволил апробировать новую технологию проектного управления на основе ESG-принципов в ходе разработки стратегии развития «ЭкоВологда-2030». На базе созданной институциональной среды для реализации стратегии развития г. Вологды планируется осуществление проектов, разделенных по направлениям ESG, затрагивающих такие вопросы, как ревитализация малых рек, сохранение объектов культурного наследия, строительство энергокольца и др. (рис. 4).

Стоит отметить, что в рамках реализации стратегии развития г. Вологды органами власти поставлена задача сделать Вологду одним из самых экологически чистых городов России. Однако в экологической сфере города выявлена такая проблема, как крайне низкая озелененность территории (менее 10%)⁵. Наименее озелененными наряду с г. Вологдой являются также Оренбург, Калининград, Махачкала, Тюмень, Астрахань, Краснодар, Салехард, Анадырь. Для сравнения, в группу самых озелененных административных центров страны вошли Горно-Алтайск, Кемерово, Магадан, Мурманск, Пенза, Саранск, Ставрополь, Уфа, Ханты-Мансийск. В этих субъектах площадь зеленых насаждений составляет более 50% от общей площади города.

Понимая эти опасности, Администрация г. Вологды ведет активную работу по изменению сложившейся ситуации. Так, в июле 2022 года был утвержден Экологический стандарт областной столицы, разработанный при поддержке Российского экологического общества. Вологда стала первым городом в России, принявшим подобный документ, который на муниципальном уровне закрепляет внедрение на

⁵ ESG-оценка развития российских городов: новые условия – новые задачи для территорий (2022) // АО «Эксперт РА». Июль 2022. URL: https://raexpert.ru/researches/sus_dev/esg_city_development_2022/ (дата обращения 13.04.2023); расчеты агентства «Эксперт РА» по данным Росстата, ЕМИСС, веб-сайта citylifeindex.ru.

Рис. 4. Направления реализации проектов на период до 2030 года в соответствии с принципами ESG

Источники: Воропанов С.А. (2023). ESG-повестка и стратегия реализации: доклад на Международной конференции «Экология и общество: баланс интересов», г. Вологда, 27 апреля 2023 года; Пахнина С.Ю. (2023). Экостандарт Вологды как инструмент реализации стратегии развития города: доклад на конференции «Правовое регулирование «зеленой экономики» в контексте устойчивого развития: национальный и международный опыт». 22 марта 2023 года, г. Вологда (МГЮА).

территории принципов ESG. Это своего рода общественный договор, добровольный для его участников. Он касается сохранения чистого воздуха, воды, природных территорий и благоприятной окружающей среды для жителей, совершенствования системы обращения с отходами, но достичь этого важно при дальнейшем экономическом и социальном развитии города.

Кроме того, существует такая проблема, как недостаточно развитая культура и практика раздельного сбора мусора. Одной из причин является низкий уровень знаний жителей и представителей бизнеса, а также их слабая заинтересованность в организации и использовании данного процесса. Поэтому необходимо формирование экологической культуры населения и гармоничного взаимоотношения человека и окружающей среды, включая принципы бережного отношения к природе, сохранение традиций этического отношения к природному наследию, знаний по рациональному использованию природных ресурсов.

Считаем, что к деятельности по экологическому просвещению нужно привлекать органы власти, природоохранные учреждения, обще-

ственные объединения и организации в сфере культуры, образования, спорта и туризма, а также средства массовой информации.

С целью организации непрерывного экологического просвещения полагаем необходимым развивать это направление на всех уровнях образования, а также в рамках просветительских программ для всех категорий населения. В качестве инструментов популяризации принципов ответственного отношения к окружающей среде можно использовать создание интернет-ресурсов, ведение страниц в социальных сетях, посвященных экологии г. Вологды; пропаганду важности сохранения природы, а также способов участия горожан в этом процессе; формирование образовательных программ по экологическому просвещению для различных категорий граждан: от воспитанников детских садов до пенсионеров; организацию и обеспечение доступности для населения эколого-просветительских центров; повышение степени вовлеченности жителей и бизнеса в решение конкретных экологических проблем города; разработку и внедрение просветительских передач по экологической культуре на радио и телеви-

зионных каналах, в печатных СМИ; организацию и проведение культурно-массовых экологических мероприятий; поддержку инициатив и проектов, целью которых является популяризация экологически ответственного образа жизни; размещение объективной и достоверной информации о состоянии окружающей среды (экологической информации) в г. Вологде в открытом доступе на официальных сайтах сети Интернет.

Таким образом, вклад каждого жителя способствует достижению общей цели социально-экономического развития территории. При этом главная задача органов власти заключается в создании условий для того, чтобы жители и бизнес выступали в качестве партнеров социально и эколого значимых инициатив. В частности, с целью создания экологически комфортных условий для проживания жителей г. Вологды необходимо развитие взаимодействия между органами власти и населением путем установления конструктивного диалога по вопросам экологии, поддержания гражданских инициатив в сфере охраны окружающей среды и природопользования, вовлечения горожан в решение экологически значимых вопросов (рис. 5).

На наш взгляд, в рамках развития проектного подхода в управлении экономикой г. Вологды на основе использования ESG-принципов могут быть реализованы следующие проекты.

1) Содействие развитию экологически ответственного бизнеса в г. Вологде.

В г. Вологде функционируют компании, которые производят уникальное оборудование для обеззараживания воды ультразвуком, оборудование для пылегазоочистки и утилизации отходов, теплоизоляционные материалы из вторичного пенопласта и т. д. Есть предприятия, которые переходят на 100% переработку отходов. Кроме того, открыты три новых направления подготовки в вузах г. Вологды для зеленой экономики и организованы обучающие курсы по основам ESG-бизнеса. В ходе реализации проекта будут созданы реестр и карта зеленых предприятий, а также особая экономическая зона промышленно-производственного типа (производство экспортоориентированной высокомаржинальной и импортозамещающей продукции).

Результатом данных мероприятий станет увеличение доли предприятий (до 90% к 2030 году), соответствующих принципам ESG, а также создание новых рабочих мест.

2) Экологическое просвещение жителей г. Вологды и их активное вовлечение в реализацию стратегии «ЭкоВологда».

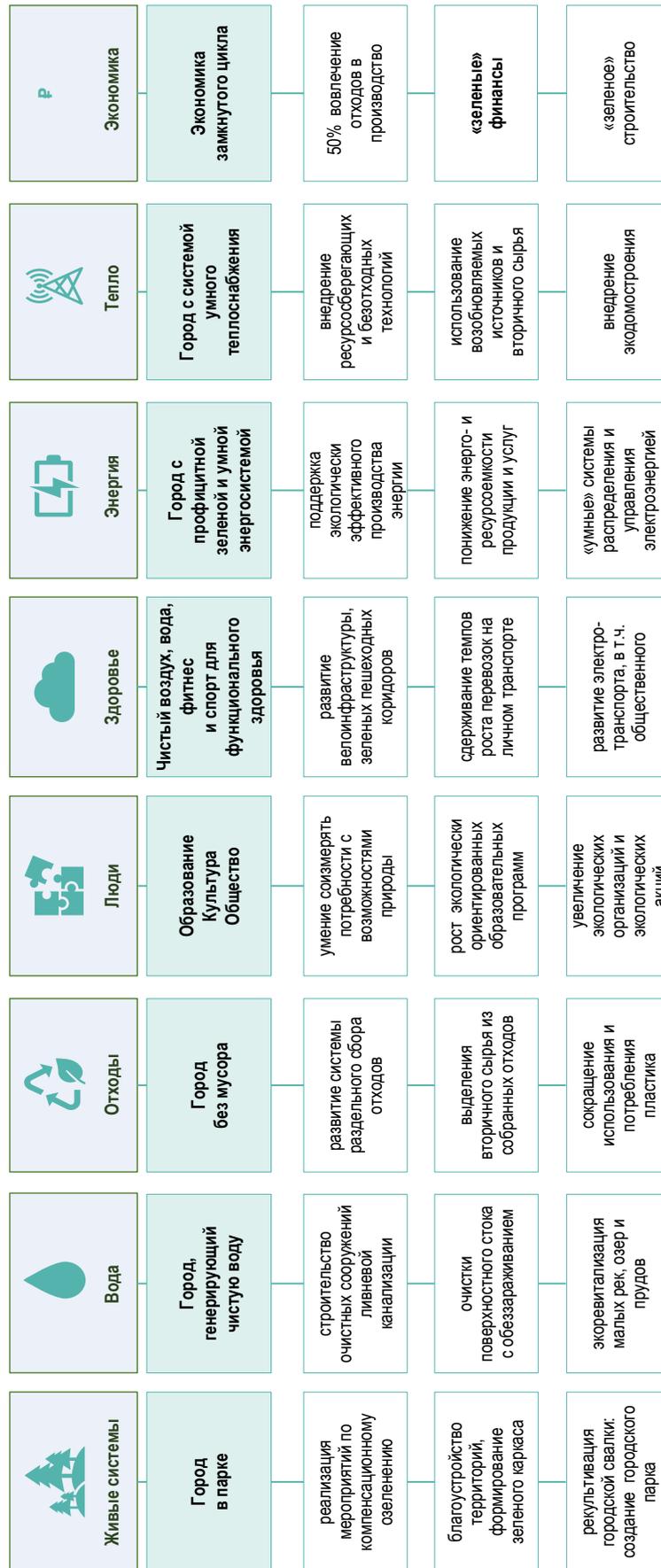
Суть проекта заключается в создании системы, направленной на формирование экологического мышления как базового навыка жителей города. Проект организуется в форме специальных событий, конкурсов, подразумевающих проведение бесед, лекций, встреч, круглых столов, посвященных принципам экологической ответственности каждого гражданина. В частности, разработаны специальные образовательные и воспитательные экопрограммы для детей «Зеленая школа»; созданы АНО Единый центр развития и поддержки экологических инициатив и проектов «ЭкоЛогика» и Ассоциация экологических отрядов; разработана интерактивная Карта экоточек города, на которой обозначаются экологические организации и эковолонтерские группы, а также пункты приема бумаги, пластика, батареек, крышек и т. д.

Результатом реализации проекта будет повышение индекса качества трудового потенциала населения (физическое здоровье, психическое здоровье, когнитивный потенциал, творческий потенциал, коммуникабельность, культурный уровень, нравственный уровень и др.). Кроме того, к 2030 году планируется увеличение на 20% числа экоориентированных образовательных программ; снижение на 30% потребления пластика; привлечение 25% активных горожан к реализации значимых проектов; а также организация и осуществление раздельного сбора и переработки мусора (100%).

3) Энергоэффективные городские предприятия и домохозяйства.

Экономическое развитие г. Вологды заключается в обеспечении потребителей необходимыми энергоресурсами при минимальных затратах на их производство, транспорт и распределение. Проект планируется реализовать во всех образовательных учреждениях через заключение энергосервисного контракта.

Рис. 5. Направления реализации проектов в экологической сфере г. Вологды

Источник: Пахнина С.Ю. (2023). Экостандарт Вологды как инструмент реализации стратегии развития города: доклад на конференции «Правовое регулирование «зеленой экономики» в контексте устойчивого развития: национальный и международный опыт». 22 марта 2023 года, г. Вологда (МГОА); Воропанов С.А. (2023). ESG-повестка и стратегия реализации: доклад на Международной конференции «Экология и общество: баланс интересов», г. Вологда, 27 апреля 2023 года.

В результате реализации проекта к 2030 году планируется повышение энергоэффективности зданий на 20%; переход на 100% умное уличное освещение. Ожидается сокращение расходов муниципального бюджета и снижение расходов домохозяйств за счет энергоэффективных технологий в ЖКХ.

4) Корпоративная культура в Администрации г. Вологды.

По данным опроса CFA Institute, одним из ключевых барьеров использования ESG-критериев является неразвитая корпоративная культура⁶. В связи с этим актуальной будет реализация проекта, ориентированного на повышение вовлеченности работников в реализацию задач, стоящих перед Администрацией города, и их приверженности требованиям к служебному поведению и принципам профессиональной служебной этики.

Основными инструментами реализации проекта являются:

- разработка корпоративного логотипа (эмблемы) и девиза Администрации города;
- разработка Хартии муниципальных служащих;
- закрепление миссии Администрации города Вологды – «Обеспечение благополучия граждан» в Правилах внутреннего трудового распорядка;
- визуализация неофициальной символики Администрации города (стенд при входе в здание, таблички кабинетов, этикетки, значки и др.);
- разработка и проведение тренингов по командообразованию;
- организация и осуществление конкурсов «Лучший муниципальный служащий», «Лучший наставник»;
- привлечение сотрудников к корпоративным мероприятиям.

Результатами проекта «Корпоративная культура в Администрации г. Вологды» станут укрепление связей между сотрудниками и организацией, понимание принципов ответственности и повышение информированности о возможном участии в проектах по

развитию территории; формирование положительного имиджа представителей органов власти.

В качестве долгосрочных целей реализации предлагаемых проектов рассматривается формирование чувства патриотизма, ответственности за развитие территории, в том числе развитие экологической культуры, семейных ценностей среди молодежи и др. (рис. 6).

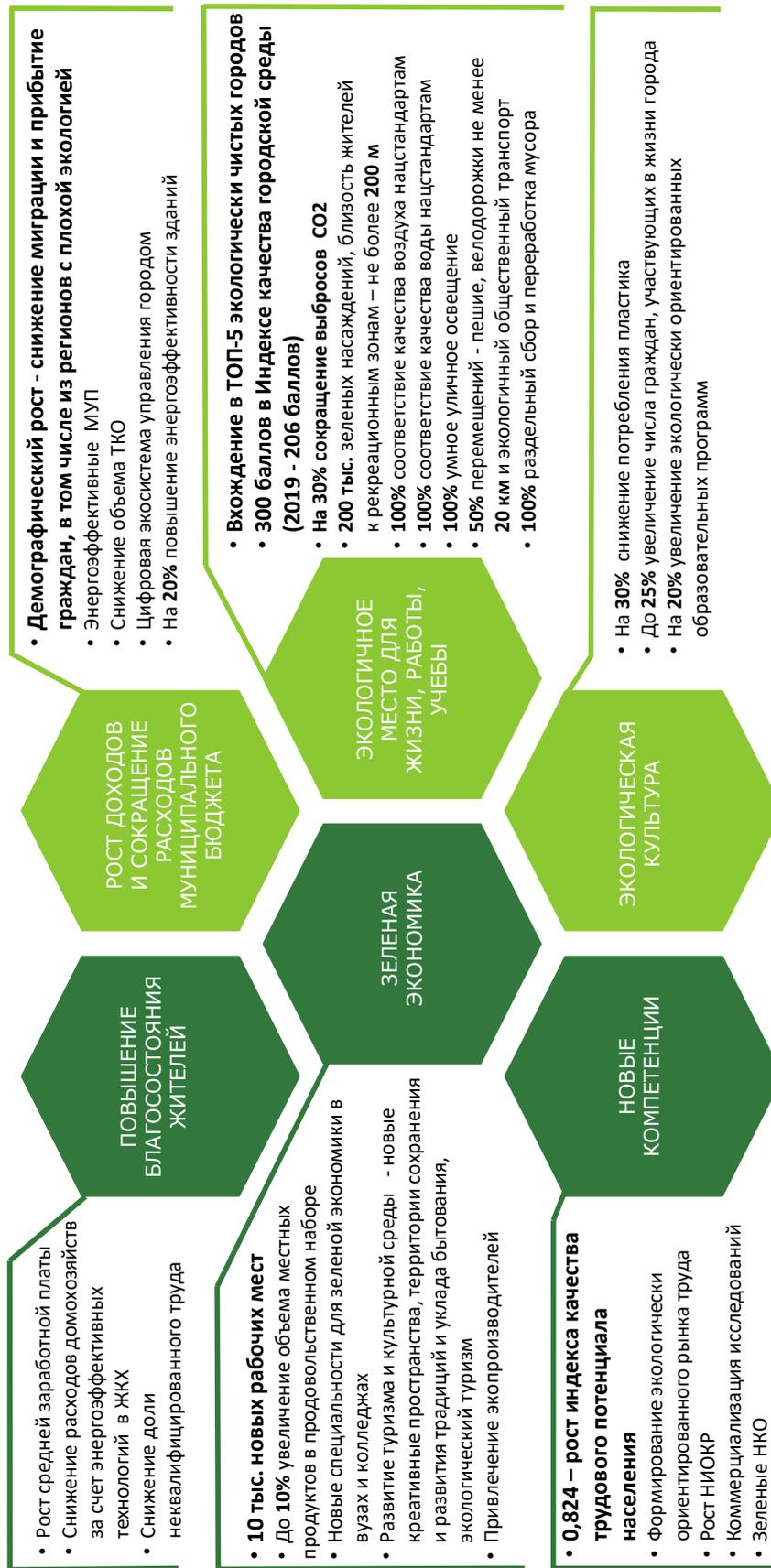
Немаловажная роль при реализации проектного подхода на принципах ESG в управлении крупным городом отводится бизнесу. Необходимо учитывать синергетический эффект – повышать экологическую активность хозяйствующих субъектов с помощью налогового стимулирования, поддержки внедрения «зеленых» технологий, помощи в добровольной экосертификации, экоаудите и пр. Недостаток квалифицированных кадров в данной сфере целесообразно компенсировать за счет создания новых рабочих мест в «зеленой» экономике, обновления производственных площадей, а также работы с учебными заведениями по открытию новых направлений подготовки для «зеленой» экономики. Привлечение дополнительных средств к реализации проектов возможно путем участия в федеральных проектах, конкурсах и грантах.

Вместе с тем следует учитывать, что проектное управление, свойственное органам государственной власти, отличается от реализации инициатив бизнесом: необходимость действовать в пределах нормативно-правового поля; подотчетность органам власти более высокого уровня; публичная отчетность и общественный контроль; привлечение государственного и местных бюджетов; масштабность проектов; направленность не на финансовую прибыль, а на социальный эффект.

Кроме того, органы государственной власти как г. Вологды, так и других муниципальных образований зачастую сталкиваются с трудностью формирования показателей результативности проекта из-за отсутствия утвержденной системы показателей мониторинга реализации проектов, а также быстрым изменением нормативно-правовой базы и ее несовершенством. Следует отметить, что отсутствует качественная статистическая инфор-

⁶ CFA Institute, The Impact of ESG Factors on Capital Markets and Investment Practices, 2019.

Рис. 6. Планируемые эффекты от реализации проектов в рамках реализации Экостандарта г. Вологды

Источник: Пахнина С.Ю. (2023). Экостандарт Вологды как инструмент реализации стратегии развития города: доклад на конференции «Правовое регулирование «зеленой экономики» в контексте устойчивого развития: национальный и международный опыт». 22 марта 2023 года, г. Вологда (МГЮА).

мация для муниципальных образований по направлениям реализации национальных проектов в территориальном разрезе и разрезе видов муниципальных образований, необходимая для оценки достижения целей национальных проектов.

В целом по Российской Федерации, как отметил заместитель начальника Аналитического управления Аппарата Совета Федерации С.Л. Постников в своем докладе, можно выделить следующие проблемы проектного управления:

1) у государственных служащих отсутствует опыт участия в проектных организациях и понимание того, каким должно быть проектное управление;

2) отсутствуют знания о том, что такое уникальность и на каком уровне в реализации проекта, на какой иерархии эта уникальность завершается;

3) проектный офис Правительства Российской Федерации – это единственная в стране оргштатная единица с установленной структурой и фондом оплаты труда, созданная по всем правилам проектного управления; все остальные проектные офисы – это, по сути, временные рабочие группы;

4) имеется тенденция к тому, что созданные проектные офисы будут структурами, которые будут заниматься в основном отчетной деятельностью⁷.

Однако, несмотря на указанные трудности, понимание выгоды и включение ESG-повестки в социально-экономическое развитие муниципальных образований скажутся на их развитии положительно. Грамотное управление городом и развитие муниципального образования, реализация проектов, связанных с положительным воздействием на окружающую среду, развитие социальных отношений и иных направлений позволят улучшить технологии проектного управления и повысить ESG-статус городов.

⁷ Кривов В.Д. (2019). Материалы семинара-совещания руководителей аналитических служб аппаратов законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации 3 апреля 2019 года // Совет Федерации. URL: <http://council.gov.ru/media/files/bDf1zHgJAFmccgwksMu6Ohz0eK5AEAkB.pdf> (дата обращения 16.05.2023).

Города с наиболее высоким уровнем ESG-развитости уже сейчас более привлекательны для населения и бизнеса, а в дальнейшем важность всех составляющих (экология, общество, качество управления) будет только усиливаться. Многие инвесторы заинтересованы в ответственном инвестировании и предпочитают территории, где органы власти разделяют их интерес и следуют экологическому поведению. Помимо этого, ответственный подход к экологии, решению управленческих задач и социальной сфере приводит к лучшей трансформации в текущих условиях.

Поскольку все заинтересованы в ответственном устойчивом развитии территорий, возникла необходимость в систематизации ESG-принципов на государственном уровне в рамках единого документа. В связи с этим в 2022 году на площадке ВЭБ.РФ был представлен проект ESG Хартии городов России – документа, содержащего основные принципы устойчивого развития города как элемент комплексной ESG-трансформации в России.

В настоящее время представителям глав городов необходимо активно участвовать в обсуждении проекта Хартии. Единый подход, с одной стороны, будет способствовать развитию взаимодействия городских администраций, бизнеса и населения; с другой стороны, позволит использовать лучшие практики для развития конкурентных преимуществ, повысить качество жизни в городах, при этом найти собственный путь в реализации повестки устойчивого развития территорий.

Предложения и заключение

Таким образом, вклад авторов в развитие теоретической и прикладной науки заключается в следующем.

1. В нестабильной геополитической и экономической ситуации в мире обеспечение экономического развития территорий как необходимого условия повышения качества жизни населения возможно за счет совершенствования методов управления.

2. Использование проектного управления на муниципальном уровне власти при реализации стратегий развития городов является оправданным и эффективным, при условии, что все проекты увязаны между собой и подчинены генеральной цели стратегии. При этом

всем заинтересованным сторонам: органам власти, бизнесу и жителям — необходимо повышать уровень доверия друг к другу. Это приведет к снижению издержек на реализацию совместных проектов и будет способствовать формированию конструктивного диалога между основными стейкхолдерами.

3. В связи с необходимостью поиска баланса интересов между экономическим развитием и сохранением природы, наращиванием экономического роста и решением комплекса вопросов в сферах образования, здравоохранения, социальной защиты и трудоустройства актуальным будет использование проектного подхода в управлении территориями на основе ESG-принципов. Именно такой подход позволяет одновременно решать комплекс задач: восстановление, рациональное использование и охрана природных ресурсов; обеспечение благополучия, безопасности и комфортной жизни человека; качественное решение управленческих задач.

4. В настоящее время реализация проектного подхода на базе ESG-принципов в управлении социально-экономическими процессами в России находится на начальной стадии внедрения и апробации на пилотных территориях⁸ и сталкивается с рядом сложностей, требующих разработки комплекса мер, направленных на создание благоприятных условий для использования этого метода в деятельности органов власти.

Во-первых, в связи с неразвитостью информирования об актуальности перехода на принципы ESG и слабой заинтересованностью представителей государственных структур крайне важно масштабировать положительную практику в другие города. Мы считаем, что опыт г. Вологды по внедрению принципов ESG в практику проектного управления крупным городом является примером для других регионов и муниципалитетов.

Во-вторых, совершенствование проектного подхода в решении социально-экономических задач развития территорий требует формирования методического инструментария. В этом случае для разработки инструментов оценки эффекта от реализованных ESG-мероприятий нужно привлекать научное сообщество.

⁸ Рынок ESG инвестирования в России: настоящее и будущее. Июль 2021. URL: <https://frankrg.com/>

В-третьих, необходимо организовать профессиональное обучение для повышения квалификации управленческих кадров в области реализации проектного управления на ESG-принципах с целью формирования кадрового потенциала, обладающего знаниями, навыками, компетенциями и способностью развивать территорию, используя современные методы управления, и обсуждать их внутри администрации города, с привлечением бизнеса и жителей.

5. Выявлено, что основными проблемами внедрения проектного управления в органах государственной власти выступают отсутствие гибкой системы управления и низкая мотивация сотрудников. Следовательно, чтобы сгладить риски и наиболее эффективно внедрить новые управленческие технологии, необходимо:

- разработать модель проектного управления, которая будет учитывать уникальные особенности органа власти, субъекта РФ / муниципального образования, в том числе сложившиеся управленческие традиции и опыт программно-целевого бюджетирования;

- сформировать пакет нормативно-правовых актов и методических документов, которые необходимы для непрерывного функционирования системы проектного управления;

- обеспечить взаимосвязь проектной деятельности в органах государственной власти муниципального образования / субъекта РФ с приоритетами, целями и задачами социально-экономического развития данной территории, отраженными в стратегических документах, с государственными программами и национальными проектами;

- совершенствовать уровень методического и информационного обеспечения участия органов государственной и муниципальной власти в реализации мероприятий в рамках национальных и других проектов;

- создать условия для стимулирования внедрения проектного управления в органах государственной власти субъекта РФ и муниципальных образованиях путем внедрения системы рейтингования и поощрения органов власти, муниципальных образований⁹.

⁹ Моисеев И. (2017). Внедрение проектного управления в государственном секторе / ООО «БФТ». URL: <https://bftcom.com/expert-bft/3588/>

6. Часто из-за отсутствия должного взаимодействия основных участников реализация проектов сводится к осуществлению отдельных мероприятий, целесообразность которых неочевидна. Следовательно, одна из главных задач органов власти заключается в создании благоприятных правовых и организационных условий для расширения активного заинтересованного участия жителей, представителей бизнес-сообщества и властных структур в качестве партнеров социально и эколого значимых инициатив на местном уровне.

Несмотря на вышеизложенные трудности и сложную ситуацию в мире, проектный подход, претерпевая значительную трансформацию вслед за изменяющимися геополитическими и макроэкономическими условиями, открывает новые грани развития территорий.

Применение нового более современного вида управленческой деятельности способно дать заметный экономический эффект в виде улучшения качества и оперативности работ, повышения инвестиционной привлекательности государства в целом и его регионов, создания рабочих мест, роста ВВП. Другой положительной стороной этого является повышение действенности и открытости органов государ-

ственной власти, формирование благоприятной административной среды. Кроме того, грамотная организация проектного управления на базе ESG-принципов позволит сделать процесс управления проектами более предсказуемым, в результате чего органы власти смогут более рационально управлять имеющимися в их распоряжении ресурсами.

Таким образом, можно заключить, что использование проектного управления социально-экономическими процессами на муниципальном уровне власти позволяет достичь более высоких темпов развития территории. Для этого к разработке управленческих решений необходимо привлекать представителей различных социальных групп, ученых, обладающих высоким уровнем знаний, уникальными организационными компетенциями и успешным опытом.

В связи с этим органам государственной власти для достижения синергетических эффектов необходимо обеспечить равномерное развитие проектного подхода в управлении экономикой муниципального образования, что однозначно будет способствовать повышению темпов социально-экономического развития территории.

Литература

- Бодрунов С.Д. (2014). Ресурсные преимущества России как основа высокотехнологичного экономического роста // Экономическое возрождение России. № 4 (42). С. 24–31.
- Гайнанов Д.А. (2015). Методологические аспекты реализации программно-проектного подхода в стратегическом управлении развитием территории // Управление экономикой: методы, модели, технологии: мат-лы XV Межд. науч. конф.: в 2-х т. С. 38–42.
- Грей К.Ф., Ларсон Э.У. (2003). Управление проектами: практическое руководство: пер с англ. М.: Дело и Сервис. 528 с.
- Дитхелм Г. (2004). Управление проектами. В 2 т. Т. I: пер. с нем. СПб.: Бизнес-пресса. 400 с.
- Захарчук Е.А., Печеркина М.С. (2021). Проектное управление: становление, проблемы и пути решения // Фундаментальные исследования. № 12. С. 138–143. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=43166> (дата обращения 24.05.2023).
- Зябликова О.А. (2022). Реализация проектного управления в органах государственной власти // Вестник университета. № 5. С. 13–21.
- Ковалев А., Курдюмов И. (2001). Управление проектом по созданию интернет-сайта. М.: Альпина Паблишер. 337 с.
- Кожевников С.А. (2020). Проблемы развития проектного управления в публичном секторе в ракурсе достижения национальных целей // Проблемы развития территории. № 1 (105). С. 64–77. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.5
- Копытова Е.Д. (2017). К вопросу о взаимодействии власти, бизнеса и общества в решении задач развития территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 5. С. 197–215. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.14

- Кравец Е.О., Вертиль Н.Н. (2021). Дефиниция понятий «управление проектами» и «проектное управление» // Вестник института экономических исследований. № 3 (23). С. 105–110.
- Леонов А.В. (2022). Организация проектного управления в органах государственной власти // Молодой ученый. № 14 (409). С. 101–104. URL: <https://moluch.ru/archive/409/90028/> (дата обращения 13.04.2023).
- Мартин П., Тейт К. (2006). Управление проектами: пер. с англ. СПб.: Питер. 224 с.
- Мироненко Н.В., Леонова Н.В. (2017). Эволюция развития проектного управления в России и за рубежом // Управленческое консультирование. № 6. С. 65–72. DOI: 10.22394/1726-1139-2017-6-65-72
- Морозов С.И., Смирнов Е.Б. (2011). Проблемы научного обеспечения стратегического планирования социально-экономического развития региона // Проблемы современной экономики. № 3. С. 188–191.
- Ревин Д.Ю., Зеленский П.С. (2010). Использование проектного подхода к управлению в России // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. Т. 2. № 6. С. 119–121.
- Селин В.С. (2014). Возможности повышения энергоэффективности экономики северных регионов // Вопросы территориального развития. № 8 (18).
- Сурат И.Л., Тебеткин А.В. (2014). Современные тенденции развития проектного управления в экономических системах // Транспортное дело России. № 6. С. 36–40.
- Татаркин А.И. (2012). Пространственное развитие региональных и территориальных экономических систем с использованием программно-проектных подходов // Проблемы экономики. 2012. № 3. С. 71–80.
- Товб А.С., Ципес Г.Л. (2003). Управление проектами: стандарты, методы, опыт. М.: Олимп-Бизнес. 240 с.
- Трофимова О.М., Маковкина С.А. (2016). Внедрение стандартов управления проектами в государственном и муниципальном управлении // Вопросы управления. № 4 (22). С. 52–58.
- Ускова Т.В., Копытова Е.Д. (2017). К вопросу о внедрении проектного управления в органах власти // Проблемы развития территории. № 4. С. 7–27.
- Филимонова Н.М., Русанов Р.Ю. (2011). Управление проектами как механизм реализации программ регионального развития // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. № 2. С. 119–121.
- Цогоев М.М. (2016). Современные подходы к определению понятия «Управление проектами» // Инновационная наука. № 4-2 (16). С. 52–57.
- Шулепов Е.Б., Задумкин К.А., Щербакова А.А. (2020). К вопросу использования проектного подхода в стратегическом управлении крупным городом // Проблемы развития территории. № 2 (106). С. 19–33. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.2
- Шулепов Е.Б., Ускова Т.В. (2015). Современные методы управления крупным городом. Вологда: ИСЭРТ РАН. 195 с.
- Шеголев А.В. (2016). Повышение эффективности государственной экономической политики на основе внедрения проектного управления // Среднерусский вестник общественных наук. Т. 11. № 6. С. 440–445.
- Юрьева Т.В. (2015). Проектно-целевой подход и его роль в современной экономике // Современные технологии управления. № 6 (54). С. 71–76.
- Crawford J.K. (2002). *The Strategic Project Office: A Guide to Improving Organizational Performance*. New York: Marcel Dekker, Inc.
- Oberlender G.D. (2011). *Project Management for Engineering and Construction. 2nd edition*. New York: McGrawHill.
- Wollmann H. (2003). *Evaluation in Public-Sector Reform, Concepts and Practice in International Perspective*. Cheltenham/Northampton: Edward Elgar.

Сведения об авторах

Екатерина Дмитриевна Копытова — кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ekaterina-razgylina@yandex.ru)

Светлана Юрьевна Пахнина — заместитель мэра города Вологды, начальник Департамента экономического развития, Администрация города Вологды (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Козленская, д. 6; e-mail: pahnina.svetlana@vologda-city.ru)

Копытова Е.Д., Пахнина С.Ю.

Experience in Project Management of Socio-Economic Processes at the Municipal Level of Government

Abstract. Project management of socio-economic processes is of considerable strategic importance, since it is an effective tool for solving problems in conditions of limited resources and instability in the market economy. The use of project management at the municipal level in the implementation of urban development strategies has the following advantages: high flexibility in the formation of a list of projects; ability to choose forms, methods, resources and participants in the implementation of projects; harmonizing interests, organizing constructive dialogue and pooling the resources of various social groups (government, business, society), etc. In this regard, the aim of the work is to investigate the use of project management in the activities of public authorities and its development to achieve the goals of socio-economic development of territories. We consider major theoretical approaches to project management and present a general outline of the system of levels and tools related to the strategic management of territory's development. We analyze the experience of project management in Vologda and prove the effectiveness of its use in the implementation of territory's development strategy. In addition, we propose main directions for the application of advanced management technologies – the implementation of project management based on ESG principles. It includes addressing environmental issues (E – environmental), social responsibility (S – social) and personnel governance (G – governance). Analyzing theoretical foundations and Russian experience, we identify directions for the development of project management based on ESG principles, reveal current problems and propose a set of measures for further improvement of project work in the field of public administration in order to address strategic tasks of territorial development. The information base includes the works of Russian and foreign scientists, project management specialists, and data from official websites of Russia's constituent entities. We use the following methods: analysis, comparison, generalization, sampling and grouping. The scientific provisions set out in the article may be useful to government officials and researchers interested in the implementation and application of project management.

Key words: project, project management, public administration, municipal authorities, large city, socio-economic development, ESG.

Information about the Authors

Ekaterina D. Kopytova – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ekaterina-razgylina@yandex.ru)

Svetlana Yu. Pakhnina – deputy mayor of the city of Vologda, head of the Department of Economic Development, Vologda City Administration (6, Kozlenskaya Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: pahkina.svetlana@vologda-city.ru)

Статья поступила 29.05.2023.

Платёжная система России в новых геополитических и экономических условиях: проблемы и перспективы

Сергей Николаевич

ОРЛОВ

Курганский государственный университет
Курганский филиал Института экономики УрО РАН
Курган, Российская Федерация
e-mail: orlovsn@list.ru
ORCID: 0000-0001-6042-8082

Артем Евгеньевич

ФЕДОРЕЦ

Курганский государственный университет
Курган, Российская Федерация
e-mail: fedorec.artem2001@gmail.com

Аннотация. В условиях введения в действие беспрецедентного по количеству и качеству состава пакетов внешних ограничительных мер в отношении финансового и реального секторов экономики России механизм обеспечения устойчивого развития национального хозяйства, очевидно, нуждается в систематической корректировке: как с точки зрения актуализации приоритетов, так и с позиции мониторинга уровня соответствия и адаптации к возникающим вызовам. Одними из наиболее чувствительных среди введённых ограничений, по замыслу инициаторов, являются меры в отношении российского финансового сектора, прежде всего платёжной системы и инфраструктуры. В статье представлены результаты анализа эффективности функционирования национальной платёжной системы в современных условиях. Выделены формирующиеся тенденции в деятельности платёжных агентов и операторов платёжных систем, обоснованы пер-

Для цитирования: Орлов С.Н., Федорец А.Е. (2023). Платёжная система России в новых геополитических и экономических условиях: проблемы и перспективы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 183–195. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.9

For citation: Orlov S.N., Fedorets A.E. (2023). Russia's payment system in the new geopolitical and economic conditions: Problems and prospects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(3), 183–195. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.9

спективные направления развития национальной платёжной инфраструктуры. Цель исследования заключается в определении степени влияния актуальных вызовов и угроз на эффективность и результативность национальной платёжной системы. Новизна подготовленных авторами материалов связана с действием уникальных внешних условий, оказывающих влияние на функционирование объекта исследования, а предложенный в работе комплекс показателей для оценки эффективности национальной платёжной системы позволяет на системной основе интегрировать важнейшие аспекты происходящих в инфраструктуре платёжных систем изменений. Результаты анализа подтверждают необходимость принятия и реализации Банком России превентивных решений, включая внесение инфраструктурных изменений в работу национальной платёжной системы в условиях эскалации внешних ограничений. Выводы исследования содержат конкретные меры, направленные на совершенствование подходов к определению эффективности деятельности операторов национальной платёжной системы. Ключевая авторская рекомендация состоит в усилении внимания вопросам приоритетного развития платёжного оборота на основе имплементации инновационных технологий и продуктов, комплексного обновления инфраструктуры, противодействия рискам и угрозам в политике Банка России.

Ключевые слова: национальная платёжная система, эффективность функционирования платёжной системы, платёжная инфраструктура.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания ФГБУН «Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук» на 2021–2023 годы (№ 0327-2021-0011).

Введение

Платёжная система играет определяющую роль в обеспечении надёжного, бесперебойного, технологичного и эффективного движения денежных и финансовых потоков в экономике страны в условиях колоссальных, по сути, беспрецедентных вызовов и оказываемого торговыми ограничениями и финансовыми рестрикциями разнопланового воздействия на национальное хозяйство. Очевидно, что участники платёжного рынка вынуждены осуществлять деятельность в состоянии перманентного мониторинга, технологической и институциональной трансформации, системного регулирования, адаптации хозяйствующих субъектов к изменениям, происходящим в национальном хозяйственном механизме и во внешнем геоэкономическом и политическом контуре (Орлов, 2022). Для целей мониторинга необходим такой набор показателей, который позволил бы отслеживать институциональные инфраструктурные изменения, происходящие в национальной платёжной системе (далее — НПС). В условиях роста угроз, когда в отношении экономики и финансовой системы Российской Федерации действует беспрецедентное количество разнонаправленных ограничений, чрезвычайно важно правильно выбирать приоритеты,

расставлять акценты, определять пути развития НПС, а также разрабатывать механизмы мониторинга, позволяющего перманентно отслеживать результативность принимаемых решений и реализуемых преобразований.

Во время действия ограничений в отношении финансовых, информационных, технологических, материальных, кадровых и иных ресурсов крупнейшие компании и банки, обладающие развитой клиентской базой, для поддержания конкурентоспособности вынуждены делать ставку на имплементацию самых современных организационных и технологических систем, развитие производственных связей, реализуемых в форме экосистемных проектов, предлагая в рамках разработки и осуществления указанной трансформации расширенный перечень разнообразных проектных решений, включая предложение нефинансовых сервисов и продуктов. Как следствие, в отдельных сегментах платёжной системы РФ на текущий момент сформировался высокий по международным критериям уровень концентрации, вследствие чего несколько ведущих игроков (Сбер, ВТБ, Тинькофф, Яндекс, МТС) занимают доминирующее положение. Кроме того, в НПС по понятным, вполне объективным причинам

многократно повысились требования к обеспечению экономической, прежде всего информационной, безопасности.

В настоящее время участниками платёжного рынка фиксируется ряд весьма существенных, перечисленных ниже, вызовов применительно к обеспечению работоспособности и эффективности функционирования платёжной инфраструктуры:

- расширение возможностей осуществления расчётов в цифровых валютах, требующее реализации институциональных изменений, трансформации и проведения дополнительных технологических настроек в работе национальной платёжной системы;

- достижение платёжной системой «Мир» уникального, по сути монопольного, положения на национальном рынке платёжных систем;

- отказ ряда зарубежных участников рынка от сотрудничества с платёжной системой «Мир» вследствие опасения применения вторичных санкций со стороны США, что крайне затрудняет гражданам России осуществление расчётов в зарубежных странах;

- обновление требований и протоколов общеевропейской платёжной системы, что осложняет коммуникацию российских контрагентов в платежах с западными партнёрами (De Portu, 2022).

Цель работы заключается в исследовании вопросов повышения эффективности национальной платёжной системы в условиях современных вызовов и угроз.

Задачи исследования: проанализировать динамику изменения количественных параметров эксплуатации платёжной инфраструктуры, используемых для мониторинга состояния НПС, выявить тенденции в функционировании национальной платёжной системы, разработать первоочередные предложения, направленные на развитие НПС, имплементацию эффективных инновационных подходов, позволяющих успешно противодействовать современным вызовам и угрозам.

Научная новизна полученных результатов состоит в разработке системы показателей определения уровня эффективности НПС для принятия управленческих решений с целью совершенствования платёжной инфраструктуры

в уникальных условиях, оказывающих значительное влияние на функционирование объекта исследования.

Обзор литературы

Теоретические подходы к определению эффективности НПС представлены в публикациях российских и зарубежных экономистов, например Е.П. Бондарович, В.В. Кузнецова, Е.С. Уланова, Н.А. Марковой, К.А. Прозоровского, С.В. Воронцовой, О.М. Коробейниковой, Л.В. Поповой, Е.С. Шемет, Р.М. Кадралиева и др. Указанные авторы преимущественно используют подходы, основанные на сопоставлении макроэкономических показателей, на анализе параметров финансовой устойчивости и финансовых результатов деятельности участников платёжной системы (операторов) на базе оценки инновационности используемых технологий (коэффициент цифровизации), а также подходы, основанные на оценке рисков.

В разработанные методики оценки работоспособности платёжных систем предлагается включать индикаторы финансовой устойчивости операторов НПС и финансовые результаты их деятельности (Бондарович, Жилкина, 2019; De Portu, 2022), скорость и объёмы обрабатываемых в НПС денежных средств, методологическую обеспеченность, развитие платежей частного сектора (Бондарович, 2019; Бондарович, 2021; Маркова, Прозоровский, 2020; Уланова, 2020; Уланова, Попков, 2020), уровень цифровизации платёжных операций, а также использовать для указанных целей коэффициент цифровизации, характеризующий степень проникновения электронных технологий в процесс совершения платёжных операций, определяемый как удельный вес объёма операций, совершенных в электронном виде, к общему объёму совершенных операций (Воронцова, 2020; Кадралиев, 2017; Коробейникова, 2012; Кузнецов, 2020; Попова и др., 2017). С развитием цифровых расчётов часть перечисленных показателей теряет свою значимость; на первое место по данному критерию выходят стабильность и «бесшовность» платежей, снижение их стоимости путём сокращения числа посредников.

Зарубежные эксперты Мукеш Сривастава, Сандхья Синха, Ракеш Пратап Сингх исследовали подходы к оценке работоспособности интернет-платёжных систем (Srivastava et al.,

2023). В России указанные платёжные системы являются составной частью НПС. Ристо Гогоски проанализировал развитие платёжных систем в международных расчётах, раскрыл ключевые составляющие элементы эффективной работы платёжных операторов (Gogoski, 2012). Учеными были описаны перспективы совершенствования национальной платёжной системы на примере КНР, определены приоритетные для поддержания работоспособности элементы инфраструктуры в целях обеспечения эффективности деятельности на конкурентоспособном уровне в сравнении с функционирующими на мировом рынке международными платёжными системами (Liu Shao Xiong, 2023; Li 2021; Mu, Lee, 2017; Zhu Xuefeng, 2015).

Опыт развития европейских и азиатских платёжных систем сложно коррелирует с современными условиями функционирования российской НПС, так как схожий опыт вынужденной автаркии платёжной системы имеют лишь несколько стран мира, не сопоставимых по масштабам обслуживаемой экономики, таких как Иран и Северная Корея.

Ускорение происходящих изменений находит отражение в большом количестве обсуждаемых в профессиональном банковском сообществе различных инновационных идей и предложений в весьма широком диапазоне функционирования платёжной сферы, начиная от корректировки целевых ориентиров стратегии развития НПС, заканчивая внедрением цифрового рубля¹.

Особое место в дискуссии занимает внедрение нормативных документов, например Open Banking применительно к российскому рынку, а также использование интегрированного в отечественные реалии стандарта ISO 20022 для национального платёжного инструмента системы быстрых платежей (СБП). Переход на новые международные стандарты в платежах, такие как ISO 20022, позволяет применять исключительно финансовые сообщения при проведении транзакции, что помогает сокращать продолжительность процессов перевода денежных

средств до нескольких секунд; проводить клиринг операций, не дожидаясь временной отсечки, — «Cut off»².

Несмотря на наличие значительного количества публикаций, содержащих разноплановые тематические обзоры результатов деятельности платёжных систем, возникающие в настоящее время вызовы и угрозы требуют существенно большего внимания к исследованию вопросов, а также поиску решений, связанных с совершенствованием методики оценки эффективности НПС и выявления перспективных направлений ее развития.

Методы

Методическую основу исследования составили формальная логика, методы исторического, статистического и сравнительного анализа, систематизации, классификации, группировки, контент-анализ, экономико-статистические и экономико-математические методы, теория графов и др.

Результаты исследования

Платёжные системы представляют собой механизм обработки и проведения денежных расчётов, обслуживающий движение валового внутреннего продукта в национальной экономике. Следует заметить, что преобладающая часть расчётов (примерно 80 процентов всех платежей) осуществляется в безналичной форме. При этом значение и динамика показателя являются, по мнению экспертов, ключевым индикатором изменения уровня доверия платёжных агентов к национальной платёжной системе. Обобщая результаты проведённого анализа, при разработке методики оценки эффективности функционирования НПС предлагаем в приоритетном порядке использовать следующие показатели:

- динамика изменения удельного веса безналичной составляющей в структуре денежной массы (агрегат М2);
- динамика объёмов перевода денежных средств через НПС по отношению к динамике значений показателя ВВП страны;
- динамика показателей использования НПС платёжными агентами и оценка формирующихся трендов.

¹ Стратегия развития национальной платёжной системы на 2021–2023 годы (2021) / ЦБ РФ. Москва. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120210/strategy_nps_2021-2023.pdf

² Концепция внедрения открытых API на финансовом рынке ЦБ РФ, 2023, ISO 20022 Message Definitions Universal financial industry message scheme 2021.

В качестве отдельного направления сформулирована задача по определению влияния внешних вызовов и угроз на стабильность динамики показателей, характеризующих эффективность работы НПС.

В представленном в *таблице 1* динамическом ряде показателей наблюдаются достаточно значительные изменения структуры денежной массы в период с 01.01.2020 по 01.01.2023, амплитуда и продолжительность которых обусловливается влиянием, соответственно, пандемии и геополитических событий, случившихся в течение указанного временного диапазона. Внешние вызовы спровоцировали краткосрочное снижение удельного веса безналичных расчётов с 81,3 до 75,12%. При этом возвращение к первоначальному уровню зафиксировано уже на 01.01.2023 (значение показателя составило 81,26%), что свидетельствует об устойчивости НПС и эффективном управлении деятельностью.

По мнению Е.С. Улановой (2020), значение коэффициента эффективности НПС следует рассчитывать как соотношение количествен-

ного значения объёмов всех транзакций в НПС за анализируемый период времени к значению показателя внутреннего валового продукта. При проведении анализа расчётов в работе за основу принят исключительно безналичный оборот, поскольку его скорость в современных условиях многократно превышает наличное обращение денежных средств, кроме того, при обращении наличных денег применяются более сложные модели управления (*табл. 2*).

Динамика изменения коэффициента эффективности НПС (*рис. 1*), характеризуется замедлением оборачиваемости финансовых ресурсов платёжных агентов. По утверждению Е.С. Улановой, «коэффициент позволяет оценить, сколько раз НПС страны могла обеспечить цикл воспроизводства, равный размеру ВВП. В общеэкономическом смысле индикатор позволяет проанализировать возможности НПС обеспечить платежами объём внутреннего валового продукта, производимого в стране, и чем выше коэффициент, тем более ускоряется оборачиваемость финансовых средств, участвующих в производстве ВВП» (Уланова, 2020).

Таблица 1. Структура денежной массы, %

Денежная масса (M2)	01.01.2018	01.01.2019	01.01.2020	01.01.2021	01.01.2022	01.01.2023
Наличные деньги в обращении	19,9	19,8	18,7	21,4	24,88	18,73
Безналичные средства	80,1	80,2	81,3	78,6	75,12	81,26

Составлено по: Денежная масса (национальное определение) / Центральный Банк Российской Федерации. 2023. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/ms/> (дата обращения 05.03.2023).

Таблица 2. Расчёт коэффициента эффективности НПС ($K_{\text{НПС}}$)

Год	Объём переводов денежных средств через платёжную систему Банка России, млрд руб.	Объём ВВП, млрд руб.	Коэффициент эффективности НПС, оборотов в год	Цепные темпы роста $K_{\text{НПС}}$
2022	X	151 455,6	X	X
2021	2 018 178,6	130 800,0	15,43	1,00
2020	1 657 584,7	106 967,5	15,49	1,08
2019	1 566 461,4	109 241,5	14,34	0,87
2018	1 715 133,0	103 861,7	16,51	1,06
2017	1 440 878,1	92 843,0	15,52	0,99
2016	1 340 034,2	85 880,6	15,60	0,93
2015	1 356 543,2	80 804,3	16,79	–

Составлено по: Денежная масса (национальное определение) / Центральный Банк Российской Федерации. 2023. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/ms/> (дата обращения 05.03.2023); Росстат представляет первую оценку ВВП за 2022 год / Федеральная служба государственной статистики. URL: rosstat.gov.ru/folder/313/document/198546#~:text=Номинальный%20объем%20ВВП%20в%202022,дефлятор%20-%20114%2C3%25 (дата обращения 09.03.2023).

Рис. 1. Динамика коэффициента эффективности НПС, оборотов в год

Источник: рассчитано авторами.

На основе полученных результатов сформулирован вывод о том, что коэффициент эффективности НПС, несмотря на то что отсутствует стабильная динамика роста в периоды усиления внешних угроз, тем не менее обладает способностью к ускоренному восстановлению. Как следует из приведённых данных, после событий 2014 года восстановление значения коэффициента до уровня единицы произошло в течение двух лет; после 2019 года восстановление заняло примерно год, а в дальнейшем значение показателя не достигало уровня единицы (см. табл. 2). Таким образом, сроки восстановления динамики темпов изменения коэффициента эффективности в период после введения санкций 2022 года находились в минимальном временном диапазоне (от одного года до двух лет).

В течение анализируемого периода произошло внедрение существенных инфраструктурных изменений в работу НПС, оценка эффективности произошедших преобразований представлена в форме сопоставления данных о динамике платежей и количестве участников платёжной системы.

Для достижения сопоставимости данных отобраны к использованию следующие показатели (табл. 3):

- количество и объем переводов денежных средств в расчёте на одну кредитную организацию – оператора НПС;
- количество и объем переводов денежных средств в расчёте на одного обслуживаемого клиента – платёжного агента НПС.

Прогноз оценочных показателей построен на основе использования трендовых моделей (рис. 2–5). Высокая степень достоверности полученных статистических зависимостей является критерием устойчивости и роста эффективности НПС, а увеличивающиеся темпы роста, даже при условии их корректировки вследствие неблагоприятного влияния внешних и внутренних угроз, сохраняют положительную тенденцию.

Значительное увеличение числа проводимых операций по переводу денежных средств в соотношении с количеством кредитных организаций, определяемое в тренде, свидетельствует об устойчивости и эффективности работы институциональных механизмов НПС.

Таблица 3. Оценочные показатели эффективности инфраструктуры НПС и их прогнозные значения на 2022 и 2023 гг.

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022 прогноз	2023 прогноз
Количество переводов денежных средств в расчете на одного оператора, млн ед.	1,625	1,934	2,271	2,726	3,185	3,643	6,224	7,385	9,315
Объем переводов денежных средств в расчете на одного оператора НПС, млрд руб.	1403,8	1745,1	2085,8	2763,5	2836,4	3281,7	4464,7	4512,5	4977,1
Количество переводов денежных средств в расчете на одного обслуживаемого клиента, млн ед.	0,334	0,397	0,496	0,655	0,794	0,905	1,743	1,809	2,33
Объем переводов денежных средств в расчете на одного обслуживаемого клиента, млрд руб.	288,99	358,11	455,14	663,75	706,71	815,42	1278,11	1242,87	1390,50

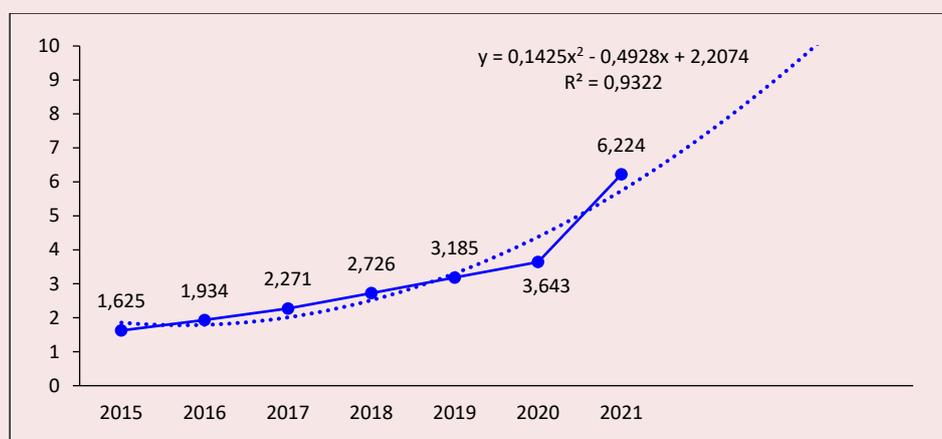
Составлено по: Статистика национальной платежной системы / Центральный Банк Российской Федерации. 2023; Денежная масса (национальное определение) / Центральный Банк Российской Федерации. 2023. URL: <https://www.cbr.ru/PSystem/statistics/> (дата обращения 09.03.2023).

На основе анализа данных таблицы 3 сделан вывод о наличии тенденции уменьшения количества операторов НПС, обусловленной сокращением общего количества платёжных систем и кредитных организаций вследствие решения, принятого регулятором (по данным ЦБ РФ, за исследуемый период зафиксировано двукратное снижение показателя), и опережающим ростом числа переводов платёжных агентов (по данным ЦБ РФ, за исследуемый период зафиксировано четырехкратное увеличение).

Уровень загруженности операторов НПС в указанных условиях сохраняется и даже растёт, что подтверждается данными построенной модели тренда (см. рис. 2, 3) и выполненными на основе модели прогнозными расчётами.

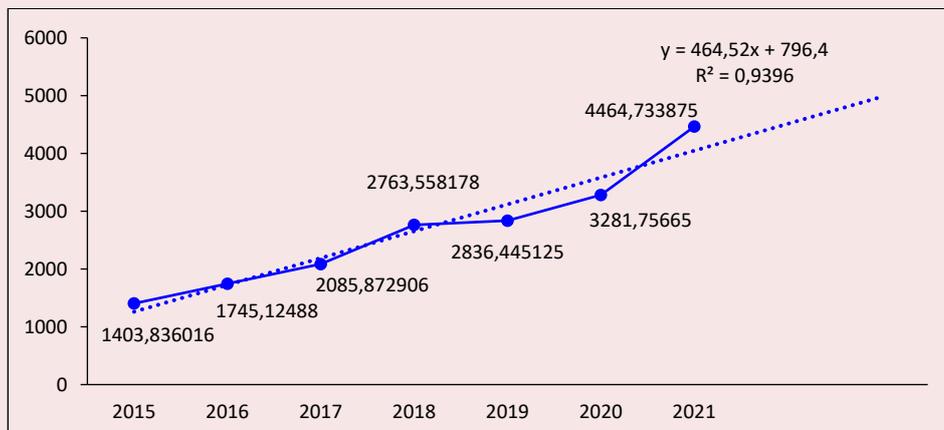
Обратим внимание, что линия количественных характеристик описывается и подчиняется экспоненциальной зависимости, а тренд, соответствующий динамике изменения объёмных индикаторов, описывается линейной функцией. Таким образом, результаты проведённого

Рис. 2. Тренд количества переводов денежных средств в расчёте на одного оператора НПС, млн ед.

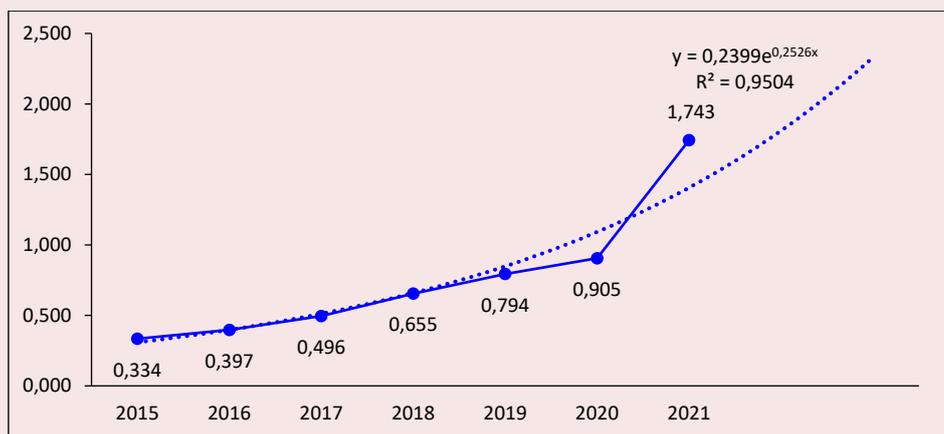
Источник: рассчитано авторами.

Рис. 3. Тренд объема переводов денежных средств в расчете на одного оператора НПС, млрд руб.

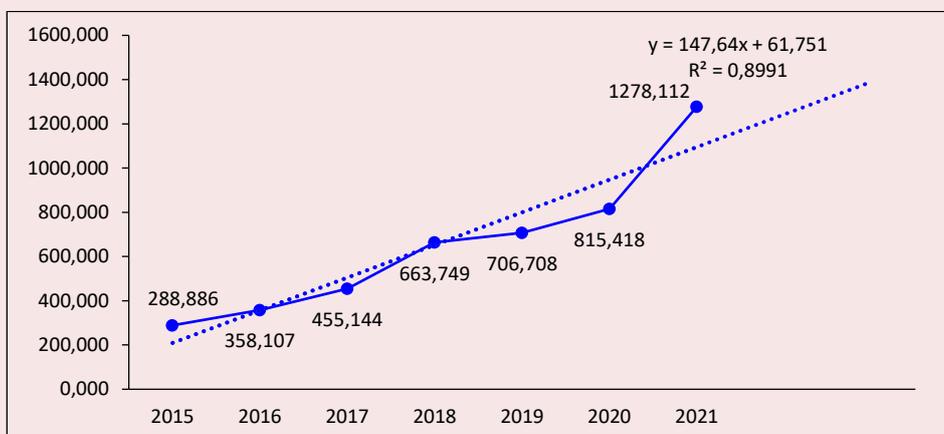
Источник: рассчитано авторами.

Рис. 4. Тренд количества переводов денежных средств в расчёте на одного обслуживаемого клиента, млн ед.

Источник: рассчитано авторами.

Рис. 5. Тренд объёма переводов денежных средств в расчёте на одного обслуживаемого клиента, млрд руб.

Источник: рассчитано авторами.

Таблица 4. Темпы роста оценочных показателей эффективности инфраструктуры НПС, доли ед.

Наименование/период	2016 г. к 2015 г.	2017 г. к 2016 г.	2018 г. к 2017 г.	2019 г. к 2018 г.	2020 г. к 2019 г.	2021 г. к 2020 г.	2022 г. к 2021 г. (прогноз)	2023 г. к 2022 г. (прогноз)
Темпы роста объёма переводов денежных средств в расчёте на одного оператора НПС	1,243	1,195	1,324	1,026	1,156	1,360	1,010	1,102
Темпы роста количества переводов денежных средств в расчёте на одного оператора НПС	1,190	1,174	1,200	1,168	1,143	1,708	1,186	1,190
Темпы роста объёма переводов денежных средств в расчёте на одного обслуживаемого клиента	1,239	1,270	1,458	1,06	1,153	1,56	0,972	1,118
Темпы роста количества переводов денежных средств в расчёте на одного обслуживаемого клиента	1,188	1,249	1,320	1,212	1,139	1,925	1,03	1,288

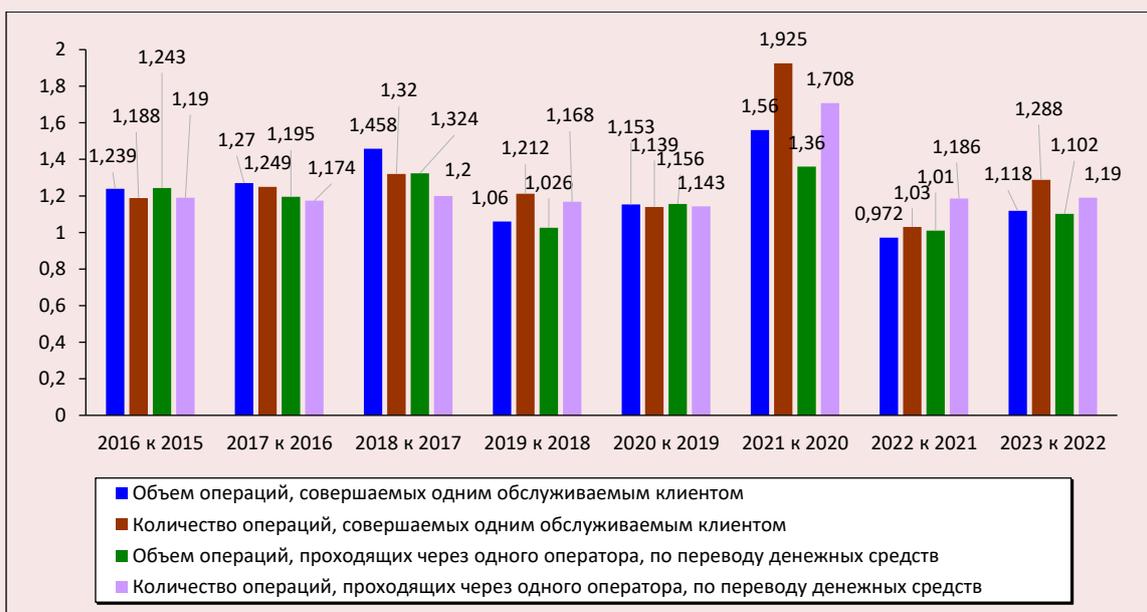
Составлено по: Статистика национальной платежной системы / Центральный Банк Российской Федерации. 2023. URL: Денежная масса (национальное определение) / Центральный Банк Российской Федерации. 2023. URL: <https://www.cbr.ru/PSystem/statistics/> (дата обращения 09.03.2023).

анализа позволяют констатировать формирование и постепенное развитие тенденции замедления денежного оборота. Динамика темпов роста приведённых оценочных показателей (табл. 4) подтверждает выявленную выше тенденцию.

Данные, представленные на рисунке 6, свидетельствуют, что значительное увеличение

эффективности операторов и платёжных агентов наблюдалось в 2021 году. До 2021 года количество и объёмы переводов денежных средств изменялись практически равными темпами. В кризисные периоды, включая период начиная с 2021 года, в краткосрочном прогнозе количественные значения платёжных операций опережали показатели объёма.

Рис. 6. Цепные темпы изменения оценочных показателей эффективности инфраструктуры НПС

Источник: рассчитано авторами.

Обобщая изложенное, приведём мнение D. Tut (2023), который зафиксировал значительный рост интенсивности онлайн-платежей в «пандемийные» годы и «постпандемийный» период, что подтверждает справедливость сформулированных нами выводов в отношении произошедших аномальных изменений, выразившихся в резком увеличении количества операций, совершаемых одним клиентом.

Заключение

По итогам проведённого анализа эффективности функционирования НПС авторами сделан вывод о том, что текущая ситуация, обусловленная ростом геополитического давления на Российскую Федерацию и финансовых ограничений, практически не повлияла на динамику ключевых показателей эффективности НПС: как системы в целом, так и отдельных операторов и платёжных агентов. Указанный факт свидетельствует, что предпринимаемые Банком России меры антикризисного регулирования рынка платёжных услуг оказались достаточно эффективными и сохраняют положительное влияние на позитивную тенденцию развития российской НПС в течение прогнозируемого периода времени.

В условиях усиления вводимых внешних рестрикций национальная платёжная система в целом успешно адаптируется к текущей ситуации, приобретает дополнительные качества и характеризуется стабильностью удельного веса безналичного денежного оборота в структуре платежей и расчётов; растущей нагрузкой на операторов НПС; устойчивым ростом количественных и объёмных характеристик клиентских платежей; ускорением развития национальных платёжных инструментов (например, платёжная карта «Мир»), что положительно отражается на экономике страны.

Анализ и прогнозы состояния инфраструктуры НПС выявили наряду с позитивными наличие ряда следующих негативных моментов: замедление оборачиваемости финансовых ресурсов платёжных агентов; отсутствие необходимых условий для рыночной конкуренции среди действующих платёжных систем.

Для преодоления негативных тенденций предлагаем следующие решения.

1. Внедрение мер по укреплению доверия со стороны платёжных агентов к национальным безналичным платёжным инструментам, рас-

ширение перечня национальных платёжных инструментов – платёжных карт, совершенствование и развитие сервисов НПС с применением технологии распределённых реестров (смарт-контракты, маркирование платежей); ускорение внедрения и использование цифрового рубля, включая осуществление расчётов в государственных финансах, что позволит повысить адресность целевых бюджетных выплат, упростит порядок администрирования и расчёты по смарт-контрактам частного бизнеса и платежам населения, что способствует повышению эффективности трансграничных платежей и расчётов посредством дальнейшей интеграции с аналогичными платформами цифровой валюты центральных банков других стран³.

Для успешной имплементации проекта цифрового рубля функционирование прежних платёжных систем не является необходимостью, поскольку в качестве технологии реализации цифрового рубля предполагается применение открытых банковских API и распределённых реестров, что подразумевает распространение доверительной среды среди подключённых операторов. Создание инфраструктуры цифрового рубля позволит повысить бесперебойность и надёжность платёжной системы, способствует сокращению количества посредников-операторов в цепочке платежей. В контексте изложенного структуру национальной платёжной системы необходимо в значительной степени трансформировать. Поскольку деятельность розничных платёжных систем осуществляется в условиях высококонкурентного рынка, как следствие, может возникнуть реальная угроза уменьшения доли операторов на рынке платёжных услуг, что стимулирует повышение качества и снижение стоимости услуги для конечных потребителей – физических и юридических лиц. Операторы НПС продолжают выполнение функции хранения и обработки информации, тарификацию транзакций и в случае внедрения цифрового рубля.

2. Для сохранения уровня конкуренции на рынке платёжных услуг соответствующим системам Сбера, ВТБ и других крупнейших пла-

³ Децентрализованные финансы (2022) / ЦБ РФ. М.; Концепция цифрового рубля (2021) / ЦБ РФ. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf

тёжных агентов следует поддерживать продвижение инновационных платёжных сервисов и технологий. Преодоление монопольного положения платёжной системы «Мир» является одной из ключевых стратегических проблем, решение которой позволит содействовать увеличению эффективности НПС.

Для преодоления монополистических тенденций на финансовом рынке необходимо способствовать увеличению количества функционирующих в рамках НПС платёжных систем. В контексте изложенного Центральный Банк РФ должен принимать необходимые меры по стабилизации финансового рынка, содейство-

вать регистрации вновь вводимых платёжных систем, а также развитию действующих сервисов, что в перспективе приведёт к появлению и увеличению количества систем — конкурентов платёжной системы «Мир».

3. Платёжную систему «Мир» для целей сохранения высоких темпов развития необходимо переориентировать на сегмент экономических агентов с высоким и средним уровнем доходов. Одним из направлений создания инновационных платёжных инструментов является улучшение сервисов инвестиционной направленности, способных привлечь дополнительные финансовые ресурсы в национальную экономику.

Литература

- Бондарович Е.П., Жилкина А.Н. (2019). Финансовая стабильность как основа экономического роста (на примере операторов платёжных систем, финансовых и торговых организаций) // Экономика и предпринимательство. № 6 (107). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41199444&ysclid=fff52dxifj117786583> (дата обращения 23.01.2023).
- Бондарович Е.П. (2019). Банк России и платёжная система // Финансовый неофутуризм — 100 лет теории и практики управления: мат-лы 9-й междунар. науч.-практ. конф. / М-во образования и науки РФ, ГУУ. М.: ГУУ. С. 23–24. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42470493&ysclid=fff51ie341854848596> (дата обращения 23.01.2023).
- Бондарович Е.П. (2021). Развитие национальных сегментов платёжных систем // Сборник статей VIII Всероссийской научной конференции. К 90-летию академика РАН Д.С. Львова. С. 35–39. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48709742> (дата обращения 23.01.2023).
- Воронцова С.В. (2020). Национальная платёжная система как ключевой элемент денежно-кредитной политики государства // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. № 1. С. 84–92. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42661806> (дата обращения 15.03.2023).
- Кадралиев Р.М. (2017). Роль национальной платёжной системы в экономике страны и текущее состояние национальной платёжной системы России // Актуальные вопросы современной экономической науки: мат-лы VII международной научной конференции / Астраханский государственный университет. Астрахань: Астраханский университет. С. 109–111. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32552068> (дата обращения 23.03.2023).
- Коробейникова О.М. (2012). Развитие национальной платёжной системы на основе интеграции локальных платёжных систем // Экономика и управление. № 11 (85). С. 118–124. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18206925> (дата обращения 19.03.2023).
- Кузнецов В.В. (2020). Конкурентоспособность сегмента платёжных карт в национальной платёжной системе в условиях цифровизации // Банковское дело. № 2. С. 37–41. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42377853&ysclid=fff4xculni270214622> (дата обращения 23.01.2023).
- Маркова Н.А., Прозоровский К.А. (2020). Тенденции развития и совершенствования национальной платёжной системы Российской Федерации // Проблемы использования и инновационного развития внутренних водных путей в бассейнах великих рек: сборник трудов конференции. № 9. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44631720> (дата обращения 28.02.2023).
- Орлов С.Н. (2022). Россия и глобальные вызовы: тенденции, регулирование и адаптация национальной экономики // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 236. М. С. 121–148. DOI: 10.38197/2072–2060-2022-236-4-121-148
- Попова Л.В., Коробейникова О.М., Коробейников Д.А., Шемет Е.С. (2017). Эволюция платёжных систем в России // Финансы и кредит. Т. 23. Вып. 24. С. 1396–1409. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-platezhnyh-sistem-v-rossii/viewer> (дата обращения 23.03.2023).

- Уланова Е.С. (2020). Современные платежные системы: понятие, требования, тенденции // Азимут научных исследований: экономика и управление. Т. 8. № 3 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-platazhnye-sistemy-ponyatie-trebovaniya-tendentsii> (дата обращения 12.02.2023).
- Уланова Е.С. Попков С.Ю. (2020). Принципы и стратегия как инструмент устойчивого развития национальной платежной системы // Проблемы экономической и юридической практики. Т. 16. № 5. С. 96–100. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44212632&ysclid=1ff54bu5vj184451402> (дата обращения 12.02.2023).
- De Portu T. (2022). New trends in retail payments: How technological changes are reshaping the payments system. Introducing a proposal for a new pan-European instant payment system. *Latin American Journal of Central Banking*, 3(4). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.latcb.2022.100075> (дата обращения 23.01.2023).
- Gogoski R. (2012). Payment system in economy – present end future tendencies. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 44, 436–445. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.05.048> (дата обращения 23.03.2023).
- Li S. (2021). Research on the design of electronic payment system of financial company. In: *2nd International Conference on E-Commerce and Internet Technology (ECIT)*. DOI: 10.1109/ECIT52743.2021.00027 (дата обращения 23.03.2023)
- Liu Shao Xiong, Tuyatsetseg Badarch (2023). Research on designs of modern payment system in China. *American Journal of Computer Science and Technology*, 6(1), 10–19. DOI: <https://www.sciencepublishinggroup.com/journal/paperinfo?journalid=303&doi=10.11648/j.ajcst.20230601.12> (дата обращения 23.03.2023).
- Mu H.-L., Lee Y.-C. (2017). Examining the influencing factors of third-party mobile payment adoption: A comparative study of Alipay and WeChat Pay. *The Journal of Information Systems*, 26(4), 247–284. DOI: <https://doi.org/10.5859/KAIS.2017.26.4.247> (дата обращения 23.03.2023).
- Srivastava M., Sandhya S., Rakesh P.S. (2023). Perception towards e-payment system: Impact and considerations. *Journal of Emerging Technologies and Innovative Research*, 9(6), 782–789. DOI: [researchgate.net/publication/368654746_Perception_Towards_E-Payment_System_Impact_and_Considerations](https://www.researchgate.net/publication/368654746_Perception_Towards_E-Payment_System_Impact_and_Considerations) (дата обращения 23.03.2023).
- Tut D. (2023). Fintech and the COVID-19 pandemic: Evidence from electronic payment system. *Emerging Markets Review*, 54. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ememar.2023.100999> (дата обращения 23.03.2023).
- Zhu Guofeng (2015). *Design and Implementation of Electronic Commercial Draft Management Information System*. Fujian: Xiamen University (дата обращения 23.03.2023).

Сведения об авторах

Сергей Николаевич Орлов – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, Курганский государственный университет (640020, Российская Федерация, г. Курган, ул. Советская, д. 63, стр. 4); директор, Институт экономики УрО РАН, Курганский филиал (640018, Российская Федерация, г. Курган, ул. М. Горького, д. 149/1; e-mail: orlovsn@list.ru)

Артем Евгеньевич Федорец – Курганский государственный университет (640020, Российская Федерация, г. Курган, ул. Советская, д. 63, стр. 4; e-mail: fedorec.artem2001@gmail.com)

Orlov S.N., Fedorets A.E.

Russia's Payment System in the New Geopolitical and Economic Conditions: Problems and Prospects

Abstract. Taking into account an unprecedented number and quality of packages of external restrictive measures introduced against the financial and real sectors of the Russian economy, the mechanism for ensuring sustainable development of the national economy obviously needs comprehensive adjustment, from the point of view of updating priorities, and from the standpoint of monitoring the level of compliance and adaptation to the emerging challenges. Among the most sensitive restrictions, as envisioned by their initiators, are measures against the Russian financial sector, primarily the payment system and infrastructure. The article presents the results of analyzing the effectiveness of the national

payment system in modern conditions. We highlight emerging trends in the activities of payment agents and payment system operators and substantiate promising directions for the development of the national payment infrastructure. The aim of the study is to determine the degree of influence of current challenges and threats on the efficiency and effectiveness of the national payment system. The novelty of the research is associated with the influence of unique external conditions that affect the functioning of the object of research. The set of indicators proposed in the work to assess the effectiveness of the national payment system allows for the system-wide integration of the most important aspects of the changes taking place in the infrastructure of payment systems. The results of the analysis confirm the need for the Bank of Russia to take and implement preventive decisions and introduce infrastructural changes to the operation of the national payment system in the context of escalating external restrictions. The conclusions of the study contain specific measures aimed at improving approaches to determining the effectiveness of the national payment system operators. Our key recommendation is to increase attention to the issues of priority development of payment turnover based on the implementation of innovation technologies and products, comprehensive infrastructure renovation, countering risks and threats in the policy of the Bank of Russia.

Key words: national payment system, efficiency of functioning of the payment system, payment infrastructure.

Information about the Authors

Sergei N. Orlov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of department, Kurgan State University (63, building 4, Sovetskaya Street, Kurgan, 640020, Russian Federation); director, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Kurgan Branch (149/1, Gorky Street, Kurgan, 640018, Russian Federation; e-mail: orlovsn@list.ru)

Artem E. Fedorets – Kurgan State University (63, building 4, Sovetskaya Street, Kurgan, 640020, Russian Federation; e-mail: fedorec.artem2001@gmail.com)

Статья поступила 17.04.2023.

Потенциал качества занятости поколенных групп работников и экономическая устойчивость их домохозяйств

Вячеслав Николаевич

БОБКОВ

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Москва, Российская Федерация

e-mail: bobkovvn@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7364-5297; ResearcherID: U-6527-2019

Елена Валерьевна

ОДИНЦОВА

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Москва, Российская Федерация

e-mail: odin_ev@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7906-8520; ResearcherID: U-7061-2019

Аннотация. Обострение внешнего санкционного давления на Россию в 2022 году, продолжающегося нарастать в настоящее время, актуализировало национальную повестку повышения качества и уровня жизни россиян, достижения национальных ориентиров в данной сфере и решения проблем на «внутреннем контуре» в условиях новых (в том числе экзистенциальных) вызовов. Возрастает потребность в развитии научно-информационной основы для глубокой проработки эффективных ответов на поставленные вызовы. В статье представлены результаты исследования, продолжающего разработки авторов в области изучения взаимосвязи качества занятости и уровня жизни с акцентом на выявление особенностей в поколенных группах: молодежь (до 35 лет), среднее поколение (36 лет – пенсионный возраст), старшее поколение (пенсионный возраст). В рамках представленного исследования на основе оригинальных разработок авторы

Для цитирования: Бобков В.Н., Одинцова Е.В. (2023). Потенциал качества занятости поколенных групп работников и экономическая устойчивость их домохозяйств // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 196–211. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.10

For citation: Bobkov V.N., Odintsova E.V. (2023). The employment quality potential of generation groups of workers and the economic sustainability of their households. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(3), 196–211. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.10

поставили целью выявление неиспользуемого потенциала качества занятости в поколенных группах работников и его связи с экономической (не)устойчивостью домохозяйств, определяющей их уровень жизни. Эмпирической базой послужили данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ и Комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата. Выявлен потенциал качества занятости работников поколенных групп, определяемый несоответствием образования и занятости (несоответствие уровня образования и специальности требуемым на рабочем месте), наличием неустойчивой занятости, фиксируемой на основе предложенных авторами индикаторов. Выявлена динамика экономической устойчивости домохозяйств работников, определяемая на основе авторских разработок и формируемая за счет доходов от занятости, в поколенных группах работников, в целом и в зависимости от характеристик качества занятости. Результаты проведенного исследования позволяют актуализировать решения в области государственной политики в сферах занятости и профессионального образования для повышения результативности цепочки «образование – занятость – экономическая устойчивость – уровень жизни».

Ключевые слова: поколенные группы, образование, качество занятости, неустойчивая занятость, уровень жизни, экономическая устойчивость домохозяйств, социальные стандарты, доходы от занятости.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01043, <https://rscf.ru/project/22-28-01043/>, в Российском экономическом университете им. Г.В. Плеханова.

Введение

Новые вызовы развитию России после февраля 2022 года создают риски для обеспечения национальных интересов, определенных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, – «сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан»¹, и определяют необходимость актуализации комплекса программно-целевого инструментария государственной политики, направленного на реализацию национальных интересов страны.

Период COVID-пандемии, последствия которой в сфере занятости «наслоились» на глобальные трансформационные процессы в сфере труда (повышение роли цифровых компетенций, расширение нестандартных социально-трудовых отношений и др.), ярко высветил возрастающую роль занятости и ее качества в сохранении и повышении уровня жизни домо-

хозяйств. Новые вызовы 2022 года, отражаясь на российском рынке труда и сфере занятости², создают риски (изменение числа работающих в домохозяйствах и др.) и возможности (дефицит рабочей силы и др.) для экономической устойчивости российских домохозяйств и повышения уровня их жизни.

Необходимость дальнейших научных работ в области изучения качества занятости и его влияния на положение домохозяйств приобретает особую значимость, актуализируя осмысление уже накопленных научных результатов.

Проблематика качества занятости занимает важное место в научно-исследовательской повестке, включающей изучение его особенностей в разных сегментах занятости (стандартная/нестандартная) и секторах экономики (формальный/неформальный) (Баскакова, Соболева, 2017; Леонидова, 2021; Chernykh, 2021; Peckham et al., 2022), для разных групп

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>

² Рынок труда трансформируется – что будет с зарплатой и занятостью? // ФИНАМ. 15.04.2023. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/gynok-truda-transformiruetsya-chto-budet-s-zarplatoj-i-zanyatostyu-20230415-1658/>; Кадровый голод и локальная безработица: что ждет рынок труда в 2023 году // Ведомости. 18.01.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/01/18/959434-kadrovii-golod-i-lokalnaya-bezrabotitsa>

работников (Вередюк, 2018; Бобков и др., 2021), в контексте правового регулирования в сфере труда (Коршунова, 2020; Трудовые отношения..., 2022), а также с учетом влияния на другие сферы жизнедеятельности (Уровень и качество..., 2022; Fokin, 2013).

Вследствие сложности категории «качество занятости» специалисты продолжают выработку инструментальной инфраструктуры для ее качественно-количественной идентификации, а также осмысления полученных результатов (Berten, 2022; Burchell et al., 2014; Muñoz de Bustillo et al., 2011) для повышения объективности и комплексности измерения, в том числе учитывая возможности применения для целей политики в области качества занятости и социального развития. На международном уровне был разработан ряд так называемых индикаторных «рамков» для измерения различных аспектов качества занятости: индикаторы достойного труда Международной организации труда³, статистическая рамка для измерения качества занятости Европейской экономической комиссии ООН⁴ и для измерения и оценивания качества рабочих мест Организации экономического сотрудничества и развития⁵ и др.

Предложен к практическому применению индексный подход к оцениванию качества занятости: индекс качества рабочих мест, разработанный Европейским институтом профсоюзов для целей многомерного (заработная плата; формы занятости и гарантии занятости; рабочее время и баланс между работой и личной жизнью; условия труда; навыки и карьерный рост; представление коллективных интересов) измерения качества рабочих мест в европейских странах⁶; индексы качества работы (физическая среда, интенсивность работы, качество

рабочего времени, социальная среда, навыки и осмотрительность, перспективы, доходы от занятости), позволяющие проводить группировки рабочих мест в соответствии с профилями их качества⁷; индекс депривации качества занятости, предусматривающий индикаторы по следующим измерениям: трудовой доход, стабильность, гарантии и условия занятости (González et al., 2021); и др.

Особенностью нашего исследования является рассмотрение качества занятости в увязке с образованием. Авторы акцентируют внимание на выявлении несоответствия образования (уровень и специальность) требованиям рабочего места. Данная проблема профессионально-квалификационного дисбаланса («квалификационная яма») ввиду своих масштабов и последствий выступает предметом изучения как российских, так и зарубежных исследователей (Варшавская, 2021; Колосова и др., 2020; Соболева, 2022; Arvan et al., 2019; Erdogan, Bauer, 2020).

Кроме того, качество занятости раскрывается через выявление признаков неустойчивой занятости. Неустойчивая занятость в контексте концепции качества занятости представляет собой сегмент занятости с низким качеством ввиду вынужденной утраты трудовых, социальных и экономических прав работников (Неустойчивая занятость..., 2019). Проблематика неустойчивой занятости активно прорабатывается в российском и зарубежном исследовательском поле (Кученкова, Колосова, 2018; Неустойчивая занятость..., 2019; От прекарной занятости..., 2022; Campbell, Price, 2016; García-Pérez et al., 2017; Padrosa et al., 2021; Standing, 2011), внимание концентрируется на последствиях такой занятости (снижение качества занятости, уровня и качества жизни и пр.) (Бобков и др., 2021; Lewchuk et al., 2016; Popov, Solov'eva, 2019; Pun et al., 2022).

Экономическая устойчивость домохозяйств, выступающая вторым (но не по значимости) аспектом изучения в рамках данной статьи, входит в проблемное поле исследований уровня жизни и идентификации групп населения, различающихся по уровню жизни, на основе

³ Decent work indicators: guidelines for producers and users of statistical and legal framework indicators: ILO manual: second version (2013). International Labour Office. Geneva: ILO. 257 p.

⁴ Handbook on Measuring Quality of Employment: A Statistical Framework, prepared by the Expert Group on Measuring Quality of Employment (2015). UNECE. United Nations, New York & Geneva. 320 p.

⁵ Cazes S., Hijzen A., Saint-Martin A. (2015). Measuring and Assessing Job Quality: The OECD Job Quality Framework. OECD Social, Employment and Migration Working Papers, No. 174. OECD Publishing, Paris. 51 p.

⁶ Piasna A. (2017). 'Bad jobs' recovery? European Job Quality Index 2005–2015. Working Paper 2017.06. European Trade Union Institute. Brussels: ETUI aisbl. 43 p.

⁷ Working conditions survey: Job quality indices. Job quality. Eurofound. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/topic/job-quality>

монетарных критериев. Эти критерии для идентификации могут конструироваться на основе объективного (абсолютный и относительный) и субъективного подходов (Овчарова, 2009; Тихонова и др., 2018; Chen, Ravallion, 2013; Cuttillo et al., 2022; Decerf, 2021; Mareeva, Lezhnina, 2019; Ravallion, Chen, 2019). Мы придерживаемся абсолютного подхода, опирающегося на потребительские бюджеты разного уровня достатка (Можина, 1993; Ржаницына, 2019; Римашевская и др., 1979; Саркисян, Кузнецова, 1967; Deeming, 2011; Mäkinen, 2021; Penne et al., 2020) для разграничения разных моделей уровня жизни населения (Уровень и качество..., 2022). Также считаем целесообразным увязывать с критериальными границами моделей уровня жизни доходы от занятости, определяя тем самым требуемый их уровень (с учетом иждивенческой нагрузки) для попадания в слой населения с различным уровнем жизни. Это позволяет исследовать занятость и ее качество и уровень жизни домохозяйств в их взаимосвязи.

Данная статья продолжает исследования авторов в области изучения поколенных особенностей взаимосвязи качества занятости и уровня жизни. Цель работы — выявление неиспользуемого потенциала качества занятости в поколенных группах работников и его связи с экономической (не)устойчивостью домохозяйств, определяющей их уровень жизни.

Научная новизна проведенного авторами исследования заключается в рассмотрении влияния характеристик качества занятости на экономическую устойчивость домохозяйств работников поколенных групп на основе оригинальных авторских разработок.

Значимость проведенной работы состоит в выявлении чувствительных для экономической устойчивости домохозяйств характеристик качества занятости и их количественной идентификации, что позволяет актуализировать решения в области государственной политики в сфере занятости, профессионального образования для повышения результативности цепочки «образование — занятость — экономическая устойчивость — уровень жизни».

Методология исследования и данные

1. Поколенный ракурс занятости. В центре исследования авторов находятся поколенные группы занятых: молодежь (до 35 лет), среднее поколение (36 лет — пенсионный возраст), старшее поколение (пенсионный возраст).

Выделение поколенных групп позволяет проследить динамику качества занятости и определяемую им динамику экономической устойчивости на трех разных этапах жизненного цикла, связанных с формированием и реализацией трудового потенциала, формированием уровня жизни (Бобков и др., 2021).

2. Экономическая устойчивость домохозяйств поколенных групп работников. Экономическая устойчивость определяется авторами как устойчивость материального положения, оцениваемого на основе оригинальной системы стандартов душевых денежных доходов домохозяйств (ДД) (Уровень и качество..., 2022). Граница экономической устойчивости, в соответствии с разработками авторов, — это нижняя граница стандартов душевых денежных доходов, идентифицирующих вхождение в среднеобеспеченные слои населения (3,1 прожиточных минимума — ПМ) (Бобков и др., 2021; Уровень и качество..., 2022).

Таким образом, домохозяйства, в которых обеспечен уровень ДД не ниже 3,1 ПМ, т. е. входящие в средне- и высокообеспеченные слои населения по денежным доходам, определяются как экономически устойчивые. Соответственно, домохозяйства с ДД менее 3,1 ПМ, т. е. являющиеся бедными, низко- или обеспеченными ниже среднего уровня по денежным доходам, относятся к экономически неустойчивым.

Экономическая устойчивость рассматривается нами во взаимосвязи с занятостью, анализируется, обеспечивается ли за счет доходов от основной занятости экономическая устойчивость домохозяйств поколенных групп работников.

Формирование уровня жизни домохозяйств увязывается с основной занятостью по следующим причинам. Во-первых, основным источником доходов, как следует из данных официальной статистики, является оплата труда⁸. Во-вторых, в центре нашего исследования — занятые, а, по данным Росстата, 98% занятых имеют только одну работу⁹, соответственно,

⁸ Объем и структура денежных доходов населения Российской Федерации по источникам поступления (новая методология) / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>

⁹ Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2022 г. / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265>

доходы их домохозяйств преимущественно формируются за счет доходов от основной занятости. В-третьих, рассматривая взаимосвязь доходов домохозяйств и доходов от занятости, авторы исходят из того, что экономическая устойчивость в домохозяйствах занятых должна достигаться за счет их основной занятости, а не за счет мультизанятости, социальных выплат и т. п.

Оценивание уровня доходов от основной занятости проводилось дифференцированно для работников разных поколенных групп. При этом применялись две границы доходов от занятости в зависимости от наличия иждивенческой нагрузки и поколенной группы.

2.1. Граница доходов от основной занятости, обеспечивающих экономическую устойчивость домохозяйств, составляющая 3,1 прожиточных минимума трудоспособного населения (ПМтр). Это граница, не учитывающая иждивенческую нагрузку в домохозяйствах работников. Она применялась для работников старшего поколения, а также работников из числа молодежи и среднего поколения, не имеющих несовершеннолетних детей.

2.2. Граница доходов от основной занятости, обеспечивающих экономическую устойчивость домохозяйств, составляющая 3,9 ПМтр. Это граница, учитывающая минимальную иждивенческую нагрузку в домохозяйствах работников, при расчете которой учитывалась «модельная» иждивенческая нагрузка в среднестатистической семье (двое работающих и один ребенок) и экономия на совместном потреблении. Данная граница применялась для работников с несовершеннолетними детьми из числа молодежи и среднего поколения.

3. Качество занятости поколенных групп работников. В ходе исследования рассматривалась экономическая (не)устойчивость домохозяйств поколенных групп работников в зависимости от качества занятости. Авторы фокусировались на выявлении неиспользованного потенциала качества занятости, который определялся по следующим критериям.

3.1. Соответствие уровня образования требуемому на рабочем месте. Для оценивания и измерения масштабов несоответствий между имеющимся уровнем образования и требуемым на рабочем месте в международной практике применяются разные методы: субъективный (на основе самооценок работников), нормативный

(на основе классификаторов профессий (занятий), в которых они соотношены с уровнями квалификации, определяемыми на основе уровней образования), эмпирический (статистический, с выявлением среднего (модального) уровня образования для профессий) и др.¹⁰ В данном исследовании нами был применен нормативный метод. Оценивание проводилось на основе анализа распределения занятых по профессиональным группам (группам занятий), выделяемым по Общероссийскому классификатору занятий (ОКЗ)¹¹, и уровню образования (соотнесенному в ОКЗ с определенным уровнем квалификации). При сравнении имеющегося у работников уровня образования с требуемым на рабочем месте (основная занятость) проводилось выявление его (1) соответствия, (2) избыточности, (3) недостаточности.

3.2. Соответствие работы полученной специальности. Рассматривалось, насколько имеющаяся занятость (основная занятость) соответствует полученной специальности: а) работа полностью соответствует полученной специальности; б) работа по близкой специальности; в) работа не по специальности. Оценивание соответствия проводилось на основе субъективного метода: учитывались самооценки работников по выделенной «шкале» (а) – (в).

На основе двух критериев оценивался потенциал качества занятости работников поколенных групп с точки зрения наличия у них так называемых «вертикальных» (критерий 3.1) и/или «горизонтальных» (критерий 3.2) несоответствий между образованием и занятостью. Также они позволяют делать выводы о результативности реализации образовательного потенциала в занятости.

3.3. Отсутствие/наличие проявлений неустойчивой занятости. Для выявления неустойчивой (прекарной) занятости в исследовании был востребован ранее верифицированный авторами перечень ее индикаторов (Бобков и др., 2022).

¹⁰ Skills and jobs mismatches in low- and middle-income countries (2019). International Labour Office. Geneva: ILO. 193 p.

¹¹ ОК 010-2014 (МСКЗ-08). Общероссийский классификатор занятий (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2014 № 2020-ст) (ред. от 18.02.2021). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=177953-0&req=doc&rnd=DbWQcA&base=LAW&n=386337#CnS2UwSwTn6zap5t>

3.3.1. Неустойчивая занятость по типу контрактных соглашений – занятость по найму на основе 1) устной договоренности без оформления документов; 2) договора гражданско-правового характера или 3) трудового договора (служебного контракта) на определенный срок; 4) занятость не по найму в неформальном секторе.

3.3.2. Неустойчивая занятость по ее условиям – 5) вынужденный неоплачиваемый отпуск по инициативе работодателя; 6) отсутствие оплачиваемого отпуска; 7) уменьшение работодателем заработной платы или сокращение часов работы; 8) задолженность по заработной плате; 9) неофициальный (частично или полностью) доход от основной занятости; 10) отклоняющееся от стандартного рабочее время: продолжительность рабочей недели более 40 часов или не более 30 часов (по основному месту работы).

В числе проявлений неустойчивой занятости авторами также учитывается уровень доходов от занятости (Бобков и др., 2022), но в соответствии с замыслом данного исследования он не включался в перечень индикаторов неустойчивой занятости по ее условиям (3.3.2), а рассматривался как самостоятельный, результирующий аспект исследования, характеризующий качество занятости.

Наличие у работников поколенных групп проявлений неустойчивой занятости учитывалось следующим образом. Выявлялись работники с неустойчивой занятостью по типу контрактных соглашений (наличие любого индикатора из перечня (1) – (4) и работники с неустойчивой

занятостью по ее условиям (наличие трех и более индикаторов из перечня (5) – (10)).

Эмпирическая база исследования была сформирована на основе следующих данных (наиболее актуальные из доступных для обработки на момент проведения исследования):

(1) данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ¹² (далее – РМЭЗ): данные 30-й волны РМЭЗ (сентябрь 2021 г. – январь 2022 г.), а также 10-й волны РМЭЗ (октябрь – декабрь 2001 г.)¹³;

(2) микроданные Комплексного наблюдения условий жизни населения, проведенного Росстатом в мае – июне 2022 г.¹⁴ (далее – КОУЖ-2022).

Таким образом, в данном исследовании авторы фиксируют ситуацию в период после пандемии и обострения внешнего санкционного давления на Россию в 2022 году, продолжающегося нарастать в настоящее время.

В ходе исследования базы данных КОУЖ и РМЭЗ использовались как «дополняющие» одна другую с учетом «мощности» каждой из них – отсутствие необходимых для анализа данных в одной базе «компенсировалось» данными, имеющимися в другой базе. База РМЭЗ выступала основной для проведения оценки, т. к. в ней более полно представлен перечень показателей, необходимых для целей исследования. База КОУЖ применялась как дополнительная, компенсирующая отсутствие/недостаточность данных в базе РМЭЗ¹⁵.

¹² Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>).

¹³ РМЭЗ проводится с 1994 г. Общенациональные репрезентативные опросы осуществляются на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки. В ходе опроса собираются данные по домохозяйствам и членам домохозяйств. В рамках 30-й волны РМЭЗ было опрошено 4,8 тыс. домохозяйств и 12,1 тыс. чел. членов домохозяйств. Подробнее см.: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. URL: <http://www.hse.ru/rlms>

¹⁴ Наблюдение проводится во исполнение постановления Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2010 года № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения». В 2022 г. наблюдение было проведено во всех субъектах Российской Федерации с охватом 60 тыс. домохозяйств. В ходе наблюдения собираются данные по домохозяйствам и членам домохозяйств (лицам в возрасте 15 лет и старше, а также детям в возрасте до 15 лет). Подробнее см.: Комплексное наблюдение условий жизни населения – 2022. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html

¹⁵ В частности, на основе базы КОУЖ авторы оценивали наличие проявлений неустойчивой занятости по типу контрактных соглашений (см. табл. 2), соответствие работы полученной специальности (см. рис. 2), а также соответствие специальности и/или уровня образования требованиям рабочего места (см. табл. 1).

На основе каждой базы данных была сформирована выборка — лица в возрасте 15 лет и старше, которые являлись занятыми¹⁶. Далее были выделены поколенные группы — молодежь (до 35 лет), среднее поколение (36 лет — пенсионный возраст), старшее поколение (пенсионный возраст), которые в дальнейшем анализировались в соответствии с концепцией исследования.

Основные результаты исследования

Полученные результаты демонстрируют поколенные особенности качества занятости и экономической устойчивости домохозяйств работников.

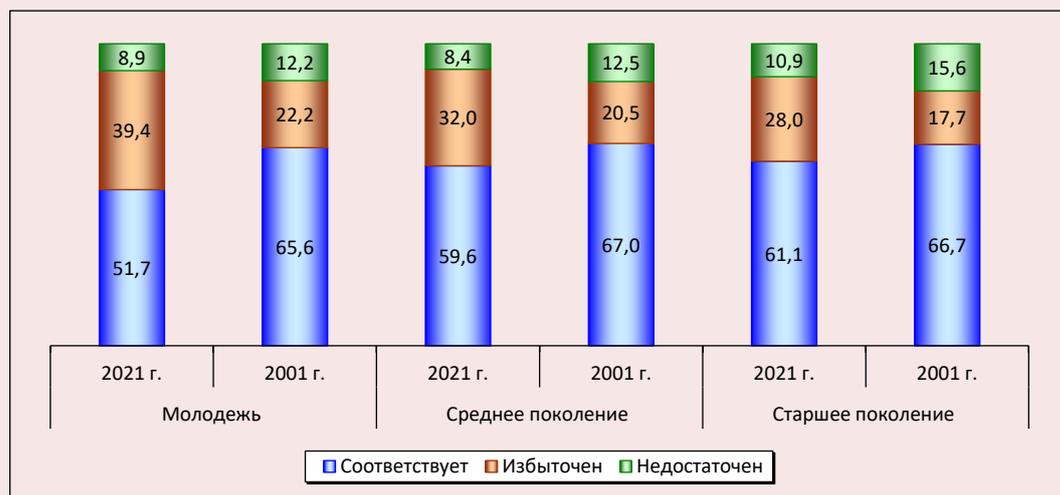
В поколенных группах занятых у 50–60% уровень образования соответствовал требуемому на рабочем месте (рис. 1). При переходе от группы молодежи (51,7%) к старшему поколению (61,1%) доля работников, у которых уровень образования соответствует сложности рабочего места, нарастает.

Сравнение двух замеров состояния соответствия уровня образования и требований рабочих мест (2021 г. — актуальные данные; 2001 г. —

начало восстановления экономики страны после системного кризиса 1990-х годов) показало, что данная «модель» реализации образовательного потенциала в занятости стала менее распространенной в поколенных группах занятых, наибольшая отрицательная динамика наблюдается среди молодежи (-13,9 п. п.). Молодежь стала адаптироваться на рынке труда, чаще (+17,2 п. п.) прибегая к другой «модели» — с избыточным уровнем образования, реализуя (по разным причинам) уровень образования в менее квалифицированной занятости (39,4% в 2021 г. и 22,2% в 2001 г.). Потенциал «избыточного» образования к 2021 г. вырос и в двух других поколенных группах занятых: в среднем поколении — на 11,5 п. п. (32,0% в 2021 г.), в старшем поколении — на 10,3 п. п. (28,0% в 2021 г.).

Наряду с этим значительное количество работников во всех поколенных группах заняты на рабочих местах, требующих более высокого уровня образования (недостаточный уровень образования для сложности рабочего места). В молодежной группе занятых их доля состав-

Рис. 1. Соответствие имеющегося уровня образования требуемому на рабочем месте в поколенных группах занятых, 2001 и 2021 гг., %

Составлено по: данные 30-й и 10-й волн РМЭЗ. Использовались сведения, фиксирующие принадлежность к группе занятых по классификатору занятий и уровень образования.

¹⁶ Выборка на основе данных РМЭЗ составила 5,5 тыс. чел., ошибка выборки $\pm 1,32\%$ (при доверительной вероятности 95%). Выборка на основе данных КОУЖ составила 56,5 тыс. чел., ошибка выборки $\pm 0,41\%$ (при доверительной вероятности 95%).

ляла в 2021 г. 8,9%, в средней – 8,4%, в старшей по возрастной группе недостаточный уровень образования по сравнению с квалификационными требованиями имели 10,9%. В 2021 г. эта диспропорция уменьшилась: у молодежи – на 3,3 п. п., в среднем поколении – на 4,1 п. п., в старшем поколении – на 4,7 п. п.

Суммарно доля работников, у которых образовательный потенциал (уровень образования) используется не полностью или его недостаточно для сложности рабочего места, составляла 48,3% в по возрастной группе молодежи, 40,4% – в среднем поколении и 38,9% – в старшем поколении (2021 г.). У этих работников по возрастных групп имеются так называемые «вертикальные» (уровень образования) несоответствия между образованием и занятостью.

Распространенными являются и «горизонтальные» несоответствия – работа не по специальности. В по возрастных группах занятых только около 40% (2022 г.) работали по специальности (рис. 2). Среди молодежи по специальности работали 41,2%, еще почти столько же (41,7%) заняты не по специальности, а 16,9% трудоустроились по близкой специальности.

В среднем поколении доля работающих по специальности повышается (43,2%). Доля работающих по близкой специальности соответ-

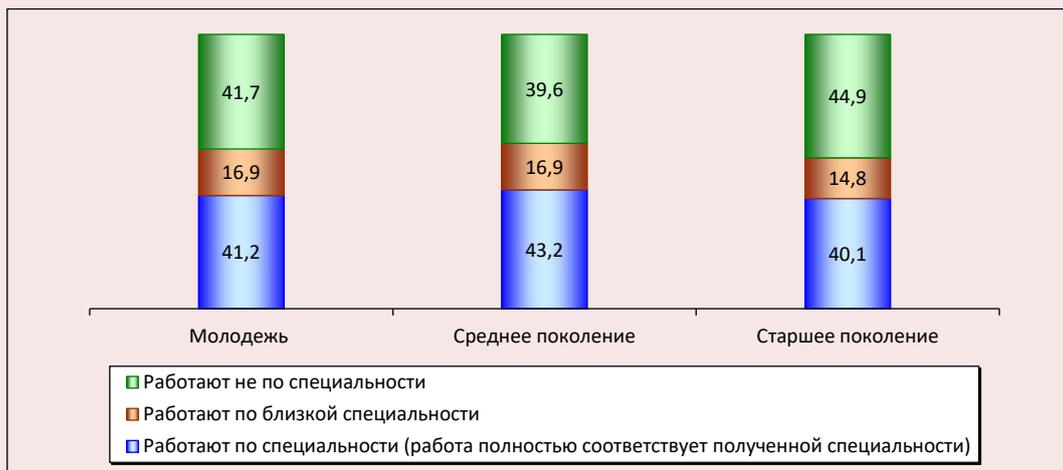
ствует доле в молодежной группе (16,9%), а доля занятых не по специальности наименьшая среди по возрастных групп (39,6%).

В старшем поколении доля работающих не по специальности наибольшая (44,9%), а по специальности – наименьшая (40,1%) относительно двух других по возрастных групп. Работают по близкой специальности в старшем поколении 14,8%, что ниже, чем среди молодежи и в среднем поколении.

В целом у более 70% (2022 г.) работников по возрастных групп выявлен нереализованный потенциал качества занятости (табл. 1). В старшем поколении 76,0% имели «вертикальные» и/или «горизонтальные» несоответствия между образованием и занятостью, в среднем поколении их доля составляла 76,7%, а в группе молодежи достигала 77,3%.

При этом существенная часть работников характеризовалась занятостью как с «горизонтальными», так и с «вертикальными» несоответствиями образовательному потенциалу. Они работали не по специальности при уровне образования, не соответствующем требуемому на рабочем месте. Среди молодежи доля таких работников составила 33,0%, в среднем поколении она немного ниже – 32,2%, а в старшем поколении достигает максимума – 38,4%.

Рис. 2. Распределение по возрастных групп занятых в зависимости от соответствия работы полученной специальности, 2022 г., %*

* Не представлена доля работников, затруднившихся ответить, в по возрастных группах, которая составила 0,2–0,3%.

Составлено по: данные КОУЖ-2022. Использовались сведения о соответствии основной работы полученной специальности (учитывались ответы «Да, эта работа полностью соответствует полученной специальности», «Да, эта работа по близкой специальности», «Нет, эта работа не по специальности»).

Таким образом, у большей части работников (более 70%) трех рассматриваемых поколенных групп выявлены нереализованные возможности для повышения качества занятости с точки зрения более полного использования полученной специальности и/или квалификации (уровня образования). Из них у трети и более работников как специальность, так и квалификация оказались не востребованными для имеющейся занятости.

Реализовав с разной результативностью свой образовательный потенциал в занятости, работники могут дополнительно сталкиваться

со снижением качества занятости, обусловленным наличием проявлений неустойчивой занятости (табл. 2). Занятость молодежи (18,3%) и старшего поколения (17,6%) чаще, чем работников среднего поколения (15,3%), является неустойчивой в связи с типом контрактных соглашений. Они работают по найму, но не по бессрочному трудовому договору (заняты по договору гражданско-правового характера или трудовому договору (служебному контракту) на определенный срок) или без официального оформления; или заняты не по найму в неформальном секторе.

Таблица 1. Распределение поколенных групп занятых в зависимости от соответствия работы полученной специальности и соответствия имеющегося уровня образования требуемому на рабочем месте, 2022 г., %

Несоответствие	Молодежь	Среднее поколение	Старшее поколение
Работают не по специальности и/или уровень образования не соответствует требуемому на рабочем месте, в том числе:	77,3	76,7	76,0
Работают не по специальности при уровне образования, не соответствующем требуемому на рабочем месте	33,0	32,2	38,4

Составлено по: данные КОУЖ-2022. Использовались сведения о соответствии основной работы полученной специальности (учитывались ответы «Да, эта работа полностью соответствует полученной специальности», «Да, эта работа по близкой специальности», «Нет, эта работа не по специальности»), а также сведения о принадлежности к группе занятий по классификатору занятий и об уровне образования.

Таблица 2. Наличие проявлений неустойчивой занятости в поколенных группах занятых, 2021–2022 гг., %

Занятость	Молодежь	Среднее поколение	Старшее поколение
Неустойчивая занятость по типу контрактных соглашений (занятость по найму на основе устной договоренности без оформления документов, договора гражданско-правового характера или трудового договора (служебного контракта) на определенный срок); занятость не по найму в неформальном секторе)*	18,3	15,3	17,6
Неустойчивая занятость по ее условиям (наличие трех и более индикаторов** неустойчивых условий занятости)***	8,4	5,5	6,0

Составлено по: данные 30-й волны РМЭЗ и КОУЖ-2022.
 *Использовались сведения в базе КОУЖ об условиях работы для занятых по найму (учитывались ответы «На основе устной договоренности, без оформления», «На основе договора гражданско-правового характера», «На основе трудового договора (служебного контракта) – на определенный срок»), а также о работе в неформальном секторе для занятых не по найму.
 **Учитывались следующие индикаторы: вынужденный неоплачиваемый отпуск по инициативе работодателя; отсутствие оплачиваемого отпуска; уменьшение работодателем заработной платы или сокращение часов работы; задолженность по заработной плате; неофициальный (частично или полностью) доход от основной занятости; отклоняющееся от стандартного рабочее время: продолжительность рабочей недели более 40 часов или не более 30 часов (по основному месту работы). В число индикаторов, характеризующих неустойчивую занятость по ее условиям, не включался индикатор доходов от занятости, не обеспечивающих устойчивое экономическое положение домохозяйств. Он рассматривался как самостоятельный, результирующий аспект исследования, характеризующий качество занятости. Поэтому удельный вес работников с неустойчивой занятостью в связи с ее условиями имеет более низкое значение, отличающееся от его значений, полученных при учете этого индикатора среди других, характеризующих неустойчивые условия занятости (см. раздел «Обсуждение результатов»).
 ***Использовались следующие вопросы в базе РМЭЗ: «В течение последних 12 месяцев Вас отправляла администрация в вынужденный неоплачиваемый отпуск?» (учитывались ответы «Да»), «В течение последних 12 месяцев Вы были в оплачиваемом отпуске?» (учитывались ответы «Нет»), «В течение последних 12 месяцев Вам уменьшали зарплату или сокращали часы работы не по Вашему желанию?» (учитывались ответы «Да»), «В настоящее время Ваше предприятие осталось должно Вам какие-то деньги, которые по разным причинам не выплатило вовремя?» (учитывались ответы «Да»), «Как Вы думаете, все ли эти деньги были проведены официально?» (учитывались ответы «Часть официально, часть нет», «Все – неофициально»), «Сколько часов в среднем продолжается Ваша обычная рабочая неделя?» (учитывалась продолжительность рабочей недели более 40 часов или не более 30 часов).

С неустойчивой занятостью по ее условиям чаще сталкиваются работники из числа молодежи (8,4%). Старшее (6,0%) и среднее (5,5%) поколения менее подвержены снижению качества занятости в связи с наличием трех и более индикаторов неустойчивой занятости.

Таким образом, нереализованный потенциал качества занятости в связи с наличием проявлений неустойчивой занятости, свидетель-

ствующей о низком качестве занятости, выявлен у менее 10–20% работников поколенных групп (в зависимости от оценивания типа контрактных соглашений или условий занятости).

Доходы от основной занятости для подавляющего большинства работников всех трех поколенных групп, как показывают полученные оценки, не обеспечивают экономической устойчивости домохозяйств (табл. 3).

Таблица 3. Распределение поколенных групп занятых по стандартам доходов от основной занятости в целом и в зависимости от качества занятости (соответствие образования и занятости; наличие проявлений неустойчивой занятости), 2021 г., %

Поколенная группа	Уровень доходов от основной занятости*	
	Не обеспечивает экономическую устойчивость домохозяйств	Обеспечивает экономическую устойчивость домохозяйств
Молодежь		
Всего	82,3	17,7
В зависимости от качества занятости		
Соответствие между образованием и занятостью**		
Соответствует	83,4	16,6
Не соответствует	81,5	18,5
Наличие проявлений неустойчивой занятости (по типу контрактных соглашений и/или условиям занятости)		
Имеются	83,2	16,8
Отсутствуют	80,4	19,6
Среднее поколение		
Всего	77,8	22,2
В зависимости от качества занятости		
Соответствие между образованием и занятостью**		
Соответствует	77,2	22,8
Не соответствует	78,8	21,2
Наличие проявлений неустойчивой занятости (по типу контрактных соглашений и/или условиям занятости)		
Имеются	77,5	22,5
Отсутствуют	78,1	21,9
Старшее поколение		
Всего	87,3	12,7
В зависимости от качества занятости		
Соответствие между образованием и занятостью**		
Соответствует	86,0	14,0
Не соответствует	89,9	10,1
Наличие проявлений неустойчивой занятости (по типу контрактных соглашений и/или условиям занятости)		
Имеются	88,9	11,1
Отсутствуют	85,3	14,7

*При оценивании уровня доходов от основной (учитывались сведения о количестве полученных денежных средств по основному месту работы) занятости учитывались дифференцированные границы доходов: для работников старшего поколения, а также работников из числа молодежи и среднего поколения, не имеющих несовершеннолетних детей, – без учета иждивенческой нагрузки (3,1 ПМтр); для работников из числа молодежи и среднего поколения, имеющих несовершеннолетних детей, – с учетом иждивенческой нагрузки (3,9 ПМтр).

**Учитывалось наличие «вертикальных» несоответствий между образованием и занятостью.

Составлено по: данные 30-й волны РМЭЗ.

Наибольшие риски того, что занятость не сможет обеспечить экономическую устойчивость домохозяйств, выявлены у работников старшего поколения (87,3%), у которых доходы от занятости не являются единственным источником доходов, и «сглаживать» остроту положения их домохозяйств по доходам могут социальные выплаты (пенсии). У молодежи данные риски ниже, чем в старшем поколении, — 82,3%, в среднем поколении они снижаются до 77,8%.

Соответственно, шансы на обеспечение экономической устойчивости домохозяйств работников за счет доходов от основной занятости наибольшие у работников среднего поколения (22,2%), у старшего поколения шансы почти в два раза ниже (12,7%), у молодежи они составляют 17,7%.

В ходе рассмотрения уровня доходов от занятости работников поколенных групп по обобщенным характеристикам качества занятости выявлено, что независимо от них доходы от занятости для подавляющего большинства (более 70–80%) работников не обеспечивают экономическую устойчивость домохозяйств (см. табл. 3). Это является демотивирующим фактором для развития трудового потенциала работников, повышения квалификации, профессионального роста и пр.

Вместе с тем отметим, что для работников из числа молодежи наличие несоответствий между образованием и занятостью позволяет повысить шансы на экономическую устойчивость домохозяйств. В старшем поколении, напротив, к экономической устойчивости домохозяйств чаще приводит занятость в соответствии с образованием. Отсутствие проявлений неустойчивой занятости для работников старшего поколения и молодежи чаще приводит к экономической устойчивости их домохозяйств. В среднем поколении не выявлено заметных различий в возможностях занятости обеспечить экономическую устойчивость домохозяйств в зависимости от данных характеристик качества занятости.

Обсуждение результатов

Полученные в ходе исследования данные подтверждают актуальность проблемы профессионально-квалификационного дисбаланса, который широко представлен в сфере россий-

ской занятости, но также имеется и в других странах¹⁷ (Соболева, 2022). Результаты исследования свидетельствуют, что более 70% занятых в поколенных группах работают не по специальности и/или уровень их образования не соответствует требуемому на рабочем месте. Занятость этих поколенных групп работников идентифицирует так называемую «квалификационную яму». Имеются в виду «вертикальные» и «горизонтальные» несоответствия между образованием и занятостью¹⁸. По данной проблеме проводятся международные сопоставления, что подтверждает ее значимость для повышения результативности занятости. Так, Россия (более 40% рабочей силы) находится среди стран с наиболее высокими размерами «квалификационной ямы», влияние которой для страновых экономик приводит к потерям не только производительности труда (оцениваются в среднем в 6%), потерям ВВП (потери мирового ВВП оцениваются в 5 трлн долл. США), но также и к социальным последствиям (неопределенность и беспокойство работников по поводу их дальнейшего трудоустройства, развития карьеры, уровня доходов и др.)¹⁹. Последствия этой проблемы актуализируют необходимость комплексного ее решения и гармонизации сферы образования и занятости.

Несоответствие имеющегося уровня образования требуемому на рабочих местах, на наш взгляд, необходимо анализировать через противоречия, которые возникают и разрешаются в результате этого несоответствия. Полагаем, что частично сложившиеся масштабы недоиспользованного потенциала образования являются результатом объективного процесса «разбалансировки» между квалификацией рабочей силы и ее численностью и сложностью рабочих

¹⁷ Массовая уникальность. Глобальный вызов в борьбе за таланты (2019). BCG. 56 с.; Fixing the Global Skills Mismatch // BCG, 2020. URL: <https://www.bcg.com/publications/2020/fixing-global-skills-mismatch>; и др.

¹⁸ Skill mismatch in Europe. Europe's challenge is not just to improve skill levels, but to match people with the right skills to the right jobs. Briefing note (2010). European Centre for the Development of Vocational Training. 4 p.; Skills and jobs mismatches in low- and middle-income countries (2019). International Labour Office. Geneva: ILO. 193 p.

¹⁹ Массовая уникальность. Глобальный вызов в борьбе за таланты (2019). BCG. С. 21.

мест и их количеством. За последние 20 лет неиспользованный потенциал так называемого «избыточного» образования значительно возрос во всех поколенных группах: у молодежи — на 17,2 п. п. (значительно больше, чем в других поколенных группах); в среднем поколении — на 11,5 п. п.; у работающих в старшем поколении — на 10,3 п. п. В то же время диспропорция, проявляющаяся в недостатке профессионального образования для сложности рабочих мест, за это время уменьшилась: у молодежи — на 3,3 п. п.; в среднем поколении — на 4,1 п. п.; у работающих в старшем поколении — на 4,7 п. п.

В этом аспекте опережающий рост образованности по сравнению со сложностью рабочих мест, на наш взгляд, является положительным процессом развития любой общественной системы. Это, в первую очередь, связано с тем, что более высокий уровень, а главное качество образования становятся для людей социальным лифтом, создающим возможности перемещения в более высокие слои по уровню доходов от занятости и уровню и качеству жизни. Образованность позволяет развивать и более полно удовлетворять потребности людей и создает условия для повышения экономической устойчивости домохозяйств работников. Опережающий рост образованности по сравнению с ростом сложности рабочих мест является также двигателем научно-технического прогресса.

Если развитие человека / рабочей силы опережает сложность окружающей его среды, в нашем случае усложнение рабочей среды, он (общество) может управлять ее развитием. Применительно к качеству занятости и ее результативности это означает, что более высокое по уровню образование (при условии что более высокий уровень официального образования соответствует его более высокому качеству) по сравнению со сложностью рабочих мест создает возможности их преобразования, повышения качества (сложности) и роста производительности труда, а следовательно, при прочих равных условиях, роста доходов от занятости и экономической устойчивости, уровня жизни домохозяйств.

Частично проблемы дисбаланса между квалификацией рабочей силы и ее численностью, с одной стороны, и, сложностью рабочих мест и их количеством, с другой стороны, являются

результатом целого ряда ошибок в государственной политике по развитию высокотехнологичного и наукоемкого секторов российской экономики. В постсоветский период, вплоть до 2014 года, не были созданы нормальные условия для выпуска сложной наукоемкой продукции, позволяющие иметь нормальную рентабельность, понятные перспективы и привлекать высококвалифицированных специалистов. В этой ситуации происходило массовое переупрофилирование выпускников, получивших технические, естественнонаучные и целый ряд обществоведческих специальностей, и их перемещение в сферы экономики, где больше платят.

Другими причинами дисбаланса между образованностью работников и сложностью рабочих мест выступают самые разнообразные обстоятельства: территориальные несоответствия (либо нехватка работников, либо нехватка рабочих мест на конкретной территории, где осуществляется занятость); перемена профессиональной специализации работниками, которые «открыли» в себе новые способности и реализуют более приемлемые для них области «приложения» своих знаний, навыков и опыта; недостаточная конкурентоспособность в базовой профессии; состояние здоровья и др.

Вследствие всего этого проблемы гармонизации профессиональной образованности и сложности рабочих мест необходимо, на наш взгляд, решать с учетом всех многообразных обстоятельств, выявляя их конкретные причины и последствия, их положительные и отрицательные стороны и способы их гармонизации, в том числе с учетом отраслевой и территориальной специфики и в увязке с повышением экономической устойчивости домохозяйств работников.

Выявленный в представленном исследовании неиспользованный потенциал качества занятости работников поколенных групп, определяемый его снижением в связи с типом контрактных соглашений и условиями занятости, иллюстрирует распространенность проблемы неустойчивой занятости, в том числе ее риски для разных социально-демографических, профессиональных и территориальных групп населения (Неустойчивая занятость..., 2019; Прекарная занятость..., 2021).

Последствия неустойчивой занятости, которые распространяются на уровень жизни домохозяйств работников, приводя к снижению его монетарных индикаторов (Бобков и др., 2021; Кученкова, Колосова, 2018; Lewchuk et al., 2016), а также на прекаризацию всех сторон жизни (От прекарной занятости..., 2022), требуют продолжения ее изучения в парадигме «от качества занятости к качеству жизни», в том числе с учетом особенностей работников разных поколенных групп и их домохозяйств.

Обращает на себя внимание значительное негативное влияние низкого уровня доходов от занятости на все стороны жизни работников и их домохозяйств. Учет доходов от занятости как индикатора ее устойчивости или неустойчивости приводит к различиям в результатах оценивания масштабов неустойчивой занятости. В нашем исследовании, как уже упоминалось, этот индикатор не включался в верифицированный перечень индикаторов неустойчивой занятости. Он рассматривался как самостоятельный, результирующий аспект, характеризующий качество занятости.

Если же учесть его влияние в составе индикаторов условий занятости, а он таковым является, то масштабы неустойчивой занятости в поколенных группах по условиям занятости составили бы, в отличие от данных, приведенных в таблице 2: среди молодежи – 13,9% (в 1,6 раза больше), у среднего поколения – 13,9% (в 2,5 раза больше), среди старшего поколения – 13,3% (в 2,2 раза больше). Из этого следует, что проблема низкого уровня доходов от занятости имеет важное самостоятельное значение. Она характеризует как неустойчивую, так и устойчивую занятость и свидетельствует о заниженной цене рабочей силы, поэтому становится одной из приоритетных для повышения качества занятости и качества жизни россиян.

Заключение

Проведенное исследование показало, что в поколенных группах работников имеются большие масштабы нереализованного потенциала качества занятости в связи с несоответствием рабочих мест образовательному потенциалу занятых и неустойчивостью их занятости, что непосредственно сказывается на больших масштабах экономической неустойчивости домохозяйств разных поколенных групп.

Полученные результаты исследования демонстрируют значимость для национальной повестки России повышения результативности использования трудового потенциала работников и повышения доходов от занятости как основного источника формирования экономической устойчивости домохозяйств, повышения уровня и качества их жизни.

Исследование авторов вносит вклад в развитие научного знания о взаимосвязи качества занятости и экономической устойчивости домохозяйств работников, дополняет научно-информационную базу новыми данными, полученными на основе авторских разработок, о поколенных особенностях взаимосвязи между базовыми компонентами качества и уровня жизни населения. Результаты исследования, демонстрирующие специфику для работников трех поколенных групп – молодежь, среднее и старшее поколение, могут быть востребованы для совершенствования государственной политики по гармонизации профессионального образования и качества занятости; повышения результативности цепочки «образование – занятость – экономическая устойчивость – уровень жизни» и влияния через повышение качества занятости на рост качества жизни российских граждан, в том числе с учетом особенностей работников разных поколенных групп и их домохозяйств.

Литература

- Баскакова М.Е., Соболева И.В. (2017). Малый бизнес: качество занятости и соблюдение трудовых прав // Россия и современный мир. № 2 (95). С. 57–74.
- Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Бобков Н.В. (2021). Влияние уровня и качества занятости в поколенных группах на распределение трудоспособного населения по душевым денежным доходам // Социально-трудовые исследования. № 44 (3). С. 8–20. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-44-3-8-20
- Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Иванова Т.В., Чашина Т.В. (2022). Значимые индикаторы неустойчивой занятости и их приоритетность // Уровень жизни населения регионов России. Т. 18. № 4. С. 502–520. DOI: <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.7>

- Варшавская Е.Я. (2021). Избыточная квалификация российских работников: масштабы, детерминанты, последствия // Социологические исследования. № 11. С. 37–48. DOI: 10.31857/S013216250016075-5
- Вередюк О.В. (2018). Качество занятости молодежи в России: анализ оценок удовлетворенности работой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 3. С. 306–323. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.16>
- Колосова А.И., Рудаков В.Н., Рошин С.Ю. (2020). Влияние работы по профилю полученной специальности на заработную плату и удовлетворенность работой выпускников вузов // Вопросы экономики. № 11. С. 113–132. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-11-113-132
- Коршунова Т.Ю. (2020). Договор о дистанционной работе как способ оформления нетипичных трудовых отношений // Журнал российского права. № 2. С. 112–125. DOI: 10.12737/jrl.2020.021
- Кученкова А.В., Колосова Е.А. (2018). Дифференциация работников по характеру неустойчивости их занятости // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 3. С. 288–305. DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.15
- Леонидова Г.В. (2021). Качество трудового потенциала и занятости в условиях пандемии коронавируса COVID-19 // Социальное пространство. Т. 7. № 5. DOI: 10.15838/sa.2021.5.32.2. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29133>
- Можина М.А. (1993). Методические вопросы определения прожиточного минимума // Экономист. № 2. С. 44–52.
- Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения (2019) / гл. науч. ред. В.Н. Бобков. 2-е изд., стер. М.: КНОРУС. 342 с.
- Овчарова Л.Н. (2009). Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М-Студио. 268 с.
- От precarious занятости к прекарнизации жизни (2022) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир. 364 с.
- Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности (2021) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир. 400 с.
- Ржаницына Л.С. (2019). Стандарт экономической устойчивости семьи – новый ориентир политики доходов // Народонаселение. Т. 22. № 1. С. 122–127. DOI: <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00009>
- Римашевская Н.М. [и др.] (1979). Потребности, доходы, потребление. Методология анализа и прогнозирования народного благосостояния / ред. Н.П. Федоренко, Н.М. Римашевская; АН СССР. М.: Наука. 240 с.
- Саркисян Г.С., Кузнецова Н.П. (1967). Потребности и доход семьи. М.: Экономика. 176 с.
- Соболева И.В. (2022). Профессионально-квалификационный дисбаланс как вызов экономической и социальной безопасности // Экономическая безопасность. Т. 5. № 3. С. 989–1008. DOI: 10.18334/есsec.5.3.114898
- Тихонова Н.Е., Лежнина Ю.П., Мареева С.В. [и др.] (2018). Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / под ред. Н.Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История. 368 с.
- Трудовые отношения в условиях развития нестандартных форм занятости (2022) / под ред. Н.Л. Лютова, Н.В. Черных. М.: Проспект. 256 с.
- Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего (2022) / под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН. 274 с.
- Arvan M.L., Pindek S., Andel S.A. et al. (2019). Too good for your job? Disentangling the relationships between objective overqualification, perceived overqualification, and job dissatisfaction. *Journal of Vocational Behavior*, 115, 103323. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2019.103323>
- Berten J. (2022). Producing decent work indicators: Contested numbers at the ILO. *Policy and Society*, 41(4), 458–470. DOI: <https://doi.org/10.1093/polsoc/puac017>
- Burchell B., Sehnbruch K., Piasna A. et al. (2014). The quality of employment and decent work: Definitions, methodologies, and ongoing debates. *Cambridge Journal of Economics*, 38(2), 459–477. DOI: <https://doi.org/10.1093/cje/bet067>
- Campbell I., Price R. (2016). Precarious work and precarious workers: Towards an improved conceptualization. *The Economic and Labor Relations Review*, 27(3), 314–332. DOI:10.1177/1035304616652074

- Chen S., Ravallion M. (2013). More relatively-poor people in a less absolutely-poor world. *Review of Income and Wealth*, 59(1), 1–28. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-4991.2012.00520.x>
- Chernykh E.A. (2021). Socio-demographic characteristics and quality of employment of platform workers in Russia and the world. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(2), 172–187. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.11
- Cutillo A., Raitano M., Siciliani I. (2022). Income-based and consumption-based measurement of absolute poverty: Insights from Italy. *Social Indicators Research*, 161, 689–710. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-020-02386-9>
- Decerf B. (2021). Combining absolute and relative poverty: Income poverty measurement with two poverty lines. *Social Choice and Welfare*, 56, 325–362 DOI: <https://doi.org/10.1007/s00355-020-01279-7>
- Deeming C. (2011). Determining minimum standards of living and household budgets: Methodological issues. *Journal of Sociology*, 47(1), 17–34. DOI: <https://doi.org/10.1177/1440783310386825>
- Erdogan B., Bauer T.N. (2020). Overqualification at work: A review and synthesis of the literature. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, 8, 259–283. DOI: 10.1146/annurev-orgpsych-012420-055831
- Fokin V.Y. (2013). Impact of the geographical differentiation of the quality and security of population employment on the territorial shrinkage in Perm Krai rural areas. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 6(30), 136–147.
- García-Pérez C., Prieto-Alaiz M., Simón H. (2017). A new multidimensional approach to measuring precarious employment. *Social Indicators Research*, 134, 437–454. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-016-1447-6>
- González P., Sehnbruch K., Apablaza M. et al. (2021). A multidimensional approach to measuring quality of employment (QoE) deprivation in six Central American countries. *Social Indicators Research*, 158, 107–141. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02648-0>
- Lewchuk W., Laflèche M., Procyk S. et al. (2016). The precarity penalty: How insecure employment disadvantages workers and their families. *Alternate Routes*, 27, 87–108.
- Mäkinen L. (2021). Different methods, different standards? A comparison of two Finnish reference budgets. *European Journal of Social Security*, 23(4), 360–378. DOI: <https://doi.org/10.1177/13882627211048514>
- Mareeva S., Lezhnina Y. (2019). Income stratification in Russia: What do different approaches demonstrate? *Studies of Transition States and Societies*, 11(2), 23–46.
- Muñoz de Bustillo R., Fernández-Macias E., Esteve F. et al. (2011). E pluribus unum? A critical survey of job quality indicators. *Socio-Economic Review*, 9(3), 447–475. DOI: <https://doi.org/10.1093/ser/mwr005>
- Padrosa E., Bolívar M., Julià M. et al. (2021). Comparing precarious employment across countries: Measurement invariance of the employment precariousness scale for Europe (EPRES-E). *Social Indicators Research*, 154, 893–915. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-020-02539-w>
- Peckham T., Flaherty B., Hajat A. et al. (2022). What does non-standard employment look like in the United States? An empirical typology of employment quality. *Social Indicators Research*, 163, 555–583. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-022-02907-8>
- Penne T., Cornelis I., Storms B. (2020). All we need is... reference budgets as an EU policy indicator to assess the adequacy of minimum income protection. *Social Indicators Research*, 147, 991–1013. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-019-02181-1>
- Popov A.V., Solov'eva T.S. (2019). Analyzing and classifying the implications of employment precarization: Individual, organizational and social levels. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 12(6), 182–196. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.10
- Pun N., Chen P., Jin S. (2022). Reconceptualizing youth poverty through the lens of precarious employment during the pandemic: The case of creative industry. *Social Policy and Society*, 1–16. DOI:10.1017/S1474746421000932
- Ravallion M., Chen S. (2019). Global poverty measurement when relative income matters. *Journal of Public Economics*, 117, 104046. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2019.07.005>
- Standing G. (2011). *The Precariat: The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury Academic.

Сведения об авторах

Вячеслав Николаевич Бобков – доктор экономических наук, профессор, директор Научного центра экономики труда, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: bobkovvn@mail.ru)

Елена Валерьевна Одинцова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: odin_ev@mail.ru)

Bobkov V.N., Odintsova E.V.

The Employment Quality Potential of Generation Groups of Workers and the Economic Sustainability of Their Households

Abstract. The exacerbation of external sanctions pressure on Russia in 2022, which continues to increase at present, has brought to the fore the national agenda of improving the quality of life and standard of living of Russians, achieving national benchmarks in this area and solving problems on the “inner circuit” in the face of new (including existential) challenges. There is a growing need for the development of a scientific and informational basis for the in-depth elaboration of effective responses to the challenges posed. The article presents the results of the research, which continues our developments in the field of studying the relationship between the quality of employment and living standards, focusing on the identification of features in generation groups: young people (up to 35 years), middle generation (36 years – retirement age), the older generation (retirement age). In this study, based on original developments, we have set out with the aim of identifying the unused potential of employment quality in generation groups of workers and its connection with the economic (un)sustainability of households, which determines their standard of living. The empirical basis was the data from the Russia Longitudinal Monitoring Survey of the HSE and the Comprehensive Monitoring of Living Conditions of the Population by Rosstat. The potential quality of employment of generation groups of workers is revealed, which is determined by the mismatch between education and employment (mismatch between the level of education and specialty, required in the workplace), the presence of precarious employment revealed on the basis of the indicators we have proposed. We consider the dynamics of economic sustainability of workers’ households, determined on the basis of our developments and formed by the income from employment in generation groups of workers, as a whole and depending on the characteristics of the quality of employment. The results of this study allow us to update public policy decisions in the areas of employment and vocational education to improve the performance of the chain “education – employment – economic sustainability – standard of living”.

Key words: generation groups, education, quality of employment, precarious employment, standard of living, economic sustainability of households, social standards, income from employment.

Information about the Authors

Vyacheslav N. Bobkov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, director, Scientific Center of Labor Economics, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: bobkovvn@mail.ru)

Elena V. Odintsova – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: odin_ev@mail.ru)

Статья поступила 11.05.2023.

DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.11

УДК 338.001.36, ББК 65.05

© Ромашкина Г.Ф., Андрианов К.В., Скрипнюк Д.Ф.

Процессы инфляции и безработицы в период и после пандемии COVID-19

Гульнара Фатыховна

РОМАШКИНА

Тюменский государственный университет

Тюмень, Российская Федерация

e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru

ORCID: 0000-0002-7764-5566; ResearcherID: O-7221-2017

Кирилл Владимирович

АНДРИАНОВ

Тюменский государственный университет

Тюмень, Российская Федерация

e-mail: kirvland@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4135-0878; ResearcherID: GLQ-9942-2022

Джамиля Фатыховна

СКРИПНЮК

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: skripnyuk.d@spbstu.ru

ORCID: 0000-0003-3773-9098; ResearcherID: A-4838-2016

Для цитирования: Ромашкина Г.Ф., Андрианов К.В., Скрипнюк Д.Ф. (2023). Процессы инфляции и безработицы в период и после пандемии COVID-19 // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 212–230. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.11

For citation: Romashkina G.F., Andrianov K.V., Skripnyuk D.F. (2023). The inflation and unemployment processes during and after the COVID-19 pandemic. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(3), 212–230. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.11

Аннотация. В статье рассмотрены особенности динамики основных макроэкономических показателей в связанных развивающихся экономиках в период экономического кризиса и после него. В качестве объекта исследования выбраны страны Латинской Америки (2020–2022 годы). Цель работы – эмпирическая проверка наличия и тесноты значимых взаимосвязей между процессами инфляции и безработицы, включая возможность учета других макроэкономических переменных, влияющих на процессы инфляции и безработицы, в период и после пандемии COVID-19. Актуальность исследования определена возможностью наблюдения за развитием экономического кризиса. Проведен анализ линейных регрессий на псевдопанельных данных. В общей модели были учтены размер и особенности экономики, экономической политики, а также некоторые социальные эффекты (динамика уровня безработицы, инфляции, удельная смертность от коронавируса, размер трудовых ресурсов для экономики). Построенные модели позволили изучить общую кризисную динамику, показать скорость восстановления тенденций. Новизна результатов включает оценку эффективности инструментов управления в условиях сильных внешних шоков. Эмпирически подтверждено, что в странах Латинской Америки в исследуемый период не наблюдалось прямой взаимосвязи между процессами инфляции и безработицы. Подробный анализ влияния макроэкономических факторов и факторов, отражавших поведение институтов государства, может быть полезным для рассмотрения рисков антикризисных мер. Наиболее регулируемым процессом, на который способны повлиять инструментальные средства, выступает инфляция. Безработица, как предмет регулирования, является более сложным процессом, в который вовлечены различные государственные институты, при этом основными условиями успешности принимаемых решений выступают учёт экспортной специализации страны, быстрота и жесткость антикризисных мер.

Ключевые слова: инфляция, безработица, кризис, COVID-19, макроэкономика, поведение, финансы, моделирование, регулирование.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23-28-01321 «Анализ поведения участников долгового рынка в условиях кризисных ситуаций в связанных экономиках».

Авторы также благодарны рецензентам за ценные замечания, которые позволили улучшить представление результатов.

Введение

Актуальность исследования обусловлена, на наш взгляд, тремя взаимосвязанными факторами, которые можно обозначить как временной, социально-политический и научно-теоретический. Беспрецедентный по своей глубине и катастрофичности для мировой экономической системы кризис, связанный с последствиями пандемии COVID-19, отличается от предыдущих тем, что не является собственно экономическим, а скорее представляет собой результат активного вмешательства в экономические процессы государственных институтов (Maу, 2022). Опыт действий различных стран варьировался от политики «заливания деньгами» до «сдерживания инфляции и предупреждения безработицы» (Ohchr, Ocha,

2023). В указанном контексте мы сформулировали необходимость эмпирической проверки аргументации экономических политик, как правило, опирающихся на предположения Филлипса о том, что существует компромисс между инфляцией и безработицей, который можно использовать для снижения уровня безработицы (Phillips, 1958). Обоснованность политики сдерживания инфляции подвергается критике в период сильных кризисов, основными рисками которых часто называют рост безработицы.

Мировой банк в глобальном экономическом докладе 2021 года указал, что мировая экономика переживает исключительно сильное, но крайне неравномерное посткризисное

восстановление¹. Рассуждения о том, что экономический шок, вызванный распространением COVID-19 и объявленными локдаунами, привел к остановке многих производств, нарушению логистических цепочек, переходу мировой экономики на новую модель занятости, были подтверждены авторитетными исследованиями как для мира в целом, так и в разрезе конкретных стран и регионов (Takes, 2020). В целях поддержания населения и работоспособности экономик правительства увеличивали бюджетные расходы, снимали ряд ограничений для монетарной политики, что вызвало рост инфляции в 2021 году во всем мире (Братерский, 2022).

Не утихают споры по поводу того, насколько адекватными были сильнейшие ограничительные и патерналистские меры и каковы их долгосрочные последствия. С одной стороны, приводятся убедительные свидетельства, что в условиях сильных ограничений смертность от коронавируса снижается, и это оправдывает любые экономические жертвы национальных правительств. С другой стороны, в докладах и публикациях Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) было указано, что избыточная смертность в развивающихся и экономически слабых странах больше связана с ограничениями по целому ряду социальных, экономических и медицинских причин, чем непосредственно с самим коронавирусом. На двадцать стран, представляющих примерно половину населения мира, приходится более 80% предполагаемой глобальной избыточной смертности за два года после января 2021 г. Первые 15 из них – Бразилия, Колумбия, Египет, Германия, Индия, Индонезия, Иран, Италия, Мексика, Нигерия, Пакистан, Перу, Филиппины, Польша, Россия². Кроме того, страны Латинской Америки ВОЗ отнесла к наиболее пострадавшим. Как отметила Э.Г. Ермольева, массовое распространение инфекции и высокие уровни смертности от COVID-19 в странах Латинской

Америки были обусловлены замедленной реакцией властей, особенно в первую волну эпидемии, недооценкой опасности заболевания, слабостью национальных систем здравоохранения (Ермольева, 2021).

Проблематика исследования

Исходя из вышеизложенного, была сформулирована цель исследования – эмпирическая проверка наличия и тесноты значимых взаимосвязей между процессами инфляции и безработицы, включая возможность учета других макроэкономических переменных, влияющих на процессы инфляции и безработицы, в период и после пандемии COVID-19.

В соответствии с целью проблематика исследования связана с:

(1) анализом теории и эмпирической проверкой возможного наличия взаимосвязей между процессами инфляции и безработицы в реальной экономической системе, которая подвергается кризисам;

(2) выявлением факторов, влияющих на процессы инфляции и безработицы, с учетом особенностей развития экономики и социально-экономической политики институтов государства в условиях общей кризисной динамики;

(3) выбором объекта исследования – двенадцать стран Латинской Америки, характеризующихся большим разнообразием подходов к макроэкономической и финансовой политике, особенно в условиях кризисов; обоснованием возможных теоретических и эмпирических сопоставлений выявленных тенденций с другими национальными экономическими системами, например Россией.

Указанные взаимосвязи были рассмотрены на примере двенадцати стран Латинской Америки. Выбор региона исследования обусловлен рядом общих и специфичных факторов. Во-первых, это развивающиеся страны с высокой степенью взаимосвязанности экономик между собой и сильным влиянием большой экономики (США) (Толмачев, Никифорова, 2021). Во-вторых, для стран Латинской Америки характерна социально-экономическая взаимосвязанность национальных экономик на фоне большого разнообразия подходов к макроэкономической и финансовой политике, особенно в условиях кризисов. Кроме того, страны Латинской Америки имеют специфичные

¹ World Bank. (2021, June). Global economic prospects [World Bank Group FlagshipReport]. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/600223300a3685fe68016a484ee867fb-0350012021/original/Global-Economic-Prospect-2021.pdf> (дата обращения 05.04.2023).

² URL: <https://www.who.int/data/stories/global-excess-deaths-associated-with-covid-19-january-2020-december-2021> (дата обращения 05.04.2023).

торговые специализации, что позволяет провести классификацию последствий кризиса в зависимости от положения стран в мировом распределении труда.

Безработица, как один из макроэкономических показателей, относится к сфере регулирования со стороны институтов правительства, связанных с министерством труда, министерством финансов (в лице налоговых органов), отраслевыми министерствами. Когда мы говорим об инфляции, это группа показателей, которые относятся к сфере регулирования со стороны институтов денежно-кредитной системы, при этом главная функциональная роль регулятора принадлежит центральному банку страны (ЦБ). С позиции задач государственного управления национальной экономикой институты финансовой системы и институты денежно-кредитной системы находятся в постоянном конфликте интересов. Практика мировой экономики знает различные примеры оптимального учета этих интересов, например, практика еженедельных закрытых совещаний руководителей Министерства финансов и Центрального банка Японии.

В качестве объекта исследования нами выбраны страны Латинской Америки: Аргентина (ARG), Бразилия (BRA), Гватемала (GUA), Доминиканская Республика (DR), Колумбия (COL), Коста-Рика (CR), Мексика (MEX), Панама (PAN), Перу (PER), Уругвай (URU), Чили (CHI), Эквадор (ECV). Приведенные обозначения применены для рисунков 1–4 и далее в тексте. Венесуэла была исключена из выборки из-за сильного выброса данных. Островные государства существенно отличаются от стран континентальной части Латинской Америки как по размеру, так и по типу экономик, поэтому в ходе анализа мы их не рассматривали.

Для достижения поставленной цели были построены модели взаимосвязи поведения базовых макроэкономических показателей (инфляции и безработицы) с учетом специализации экономики и текущей конъюнктуры в условиях развития кризисных процессов в мировой экономике. Новизна такой постановки задачи определяется, во-первых, учетом экспортной специализации, во-вторых, расширением выборки связанных развивающихся экономик в кризисный период с 2020 по 2022 год. Третий

аспект новизны определен попыткой свести в единую комплексную модель поведение различных связанных экономик в условиях глобального кризиса. Теоретическая значимость состоит в анализе теории и эмпирической проверке возможного наличия взаимосвязей между процессами инфляции и безработицы в реальной экономической системе, которая подвергается кризисам. Практическая значимость включает выявление факторов, влияющих на процессы инфляции и безработицы, с учетом особенностей развития экономики и социально-экономической политики институтов государства в условиях общей кризисной динамики.

Для построения моделей были использованы квартальные данные, охватывающие период с 1 квартала 2021 до 3 квартала 2022 года. Данный промежуток позволяет исследовать закономерности посткризисного восстановления экономик изучаемого региона без непосредственного влияния внутренних факторов на кризисные процессы. При проведении анализа мы исходим из того, что экспортная специализация стран влияет на характер экономических связей внутри экономики, а значит и на процессы адаптации экономики в условиях кризиса.

Два параметра, которые характеризуют инфляцию и уровень безработицы, соответственно показывают, насколько денежно-кредитная политика и макроэкономическая политика в стране, в группе стран могут быть связаны и взаимодополнять друг друга; или же институты правительства, реализуя свои функции и достигая заданные цели, слабо взаимодействуют друг с другом. В итоге соответствующие показатели оказываются не связанными.

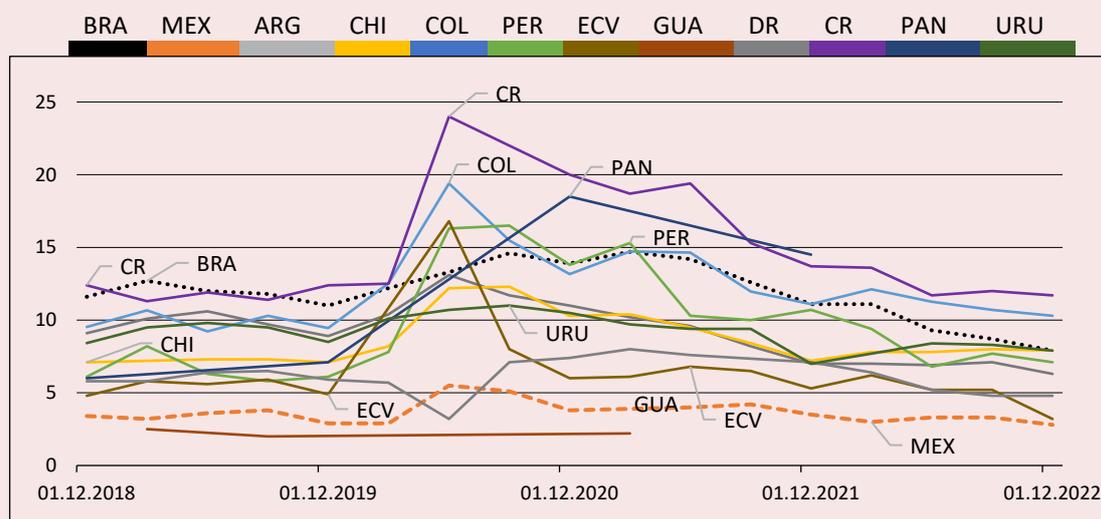
Были сформулированы следующие гипотезы: (1) существует взаимовлияние динамики уровня безработицы и индекса потребительских цен; (2) на динамику уровня безработицы и индекса потребительских цен (с учетом взаимности) может влиять специализация экспорта страны; (3) в динамике уровня безработицы и индекса потребительских цен (с учетом взаимности) может проявляться совокупное влияние специализации экспорта страны, тяжести протекания пандемии COVID-19, особенностей финансового регулирования и функционирования экономики.

Приведем краткую характеристику стран, начиная с 1 квартала 2020 года. Самые крупные экономики региона, Бразилия, Мексика и Аргентина, являются крупнейшими странами в нем (см. Приложение). Бразилия, имея (по состоянию на 2019 год) годовой ВВП в 1873,27 млрд USD, вошла в глобальный кризис с годовой инфляцией 3,31% и безработицей на уровне 11% (рис. 1, 2). Далее Бразилии не удалось восстановить свой ВВП даже к 2022 году (см. Приложение). К началу 2020 года ее госдолг составлял 74,44% ВВП. Согласно выводам С.В. Спектора, бразильская экономика быстро росла до 2020 года, после чего наступила рецессия, со-

провожаемая высокой инфляцией, из-за которой упала платежеспособность населения. Экономика Бразилии является хорошей моделью для демонстрации «ловушки среднего уровня развития»: наличие стагфляции, рост социального неравенства, неэффективность производства, снижение конкурентоспособности производства и темпов роста экономики, сложности в реализации институциональных реформ (Спектор, 2022, с. 25). По целому ряду макроэкономических показателей экономика Бразилии очень схожа с российской (Спектор, 2022).

На рис. 1–4 отражена динамика основных показателей за 2018–2022 годы.

Рис. 1. Уровень безработицы в рассматриваемых странах

Рассчитано по (рис. 1–4): данные официальных сайтов Центральные банков и фондовых бирж рассматриваемых стран.

Рис. 2. Уровень инфляции в рассматриваемых странах (Аргентина отражена по вспомогательной шкале)

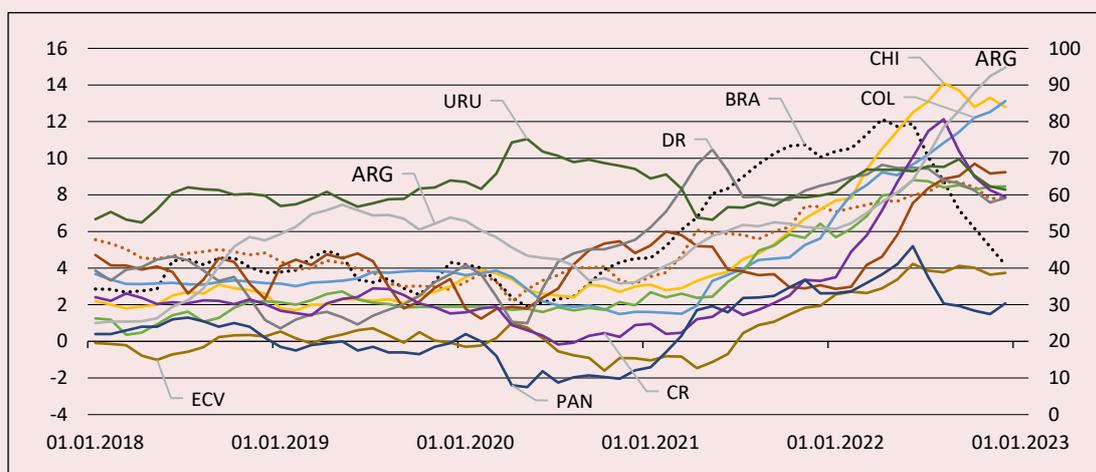

Рис. 3. Индекс курсов национальных валют рассматриваемых стран

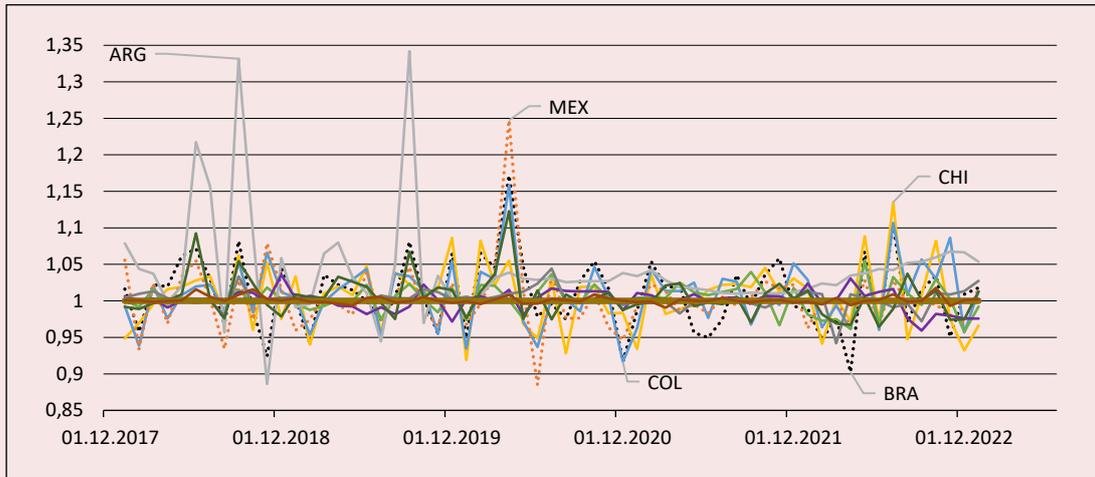
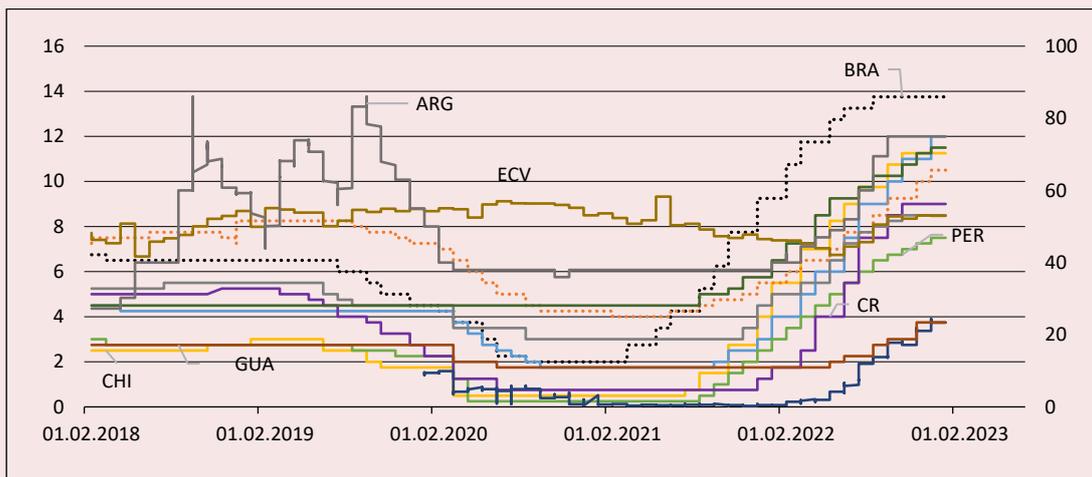

Рис. 4. Динамика ставок Центральными банками рассматриваемых стран (Аргентина отражена по вспомогательной шкале)

Размер экономики Мексики на 2019 год оценивался в 1269,01 млрд USD, годовая инфляция составляла 2,8%, а уровень безработицы к началу 2020 года был значительно ниже бразильского и составлял 2,9%. Уровень госдолга составлял 45,1% ВВП. В ходе кризисного 2020 года и двух лет, следующих за ним, обе экономики смогли вернуть безработицу к докризисному уровню. При этом Бразилии удалось стабилизировать инфляцию на уровне 5,79% (к концу 2022 года), в то время как инфляция в Мексике остается на значительно более высоком (относительно докризисного) уровне в 7,82%. Для Аргентины, третьей по размеру эко-

номики региона, мировые кризисные явления наложились на бедственное положение экономики, вызванное внутренними причинами. Страна встретила 2020 год с инфляцией 53,8%, в конце 2022 года она составила 94,8%, а в начале 2023 этот показатель уже превысил 100%, при этом безработица к началу 2023 года находилась на минимальных с 2015 года значениях (см. рис. 1, 2, Приложение).

Остальные девять стран можно отнести к небольшим экономикам, для которых характерен значительный разброс макроэкономических показателей (см. рис. 1–4). За рассматриваемый период самые высокие темпы прироста

ста инфляции наблюдались в Чили, Колумбии, Перу и Коста-Рике. Далее (по убыванию показателя инфляции) идут Гватемала, Парагвай, Мексика, Доминиканская Республика и Эквадор.

Для всех рассматриваемых стран, кроме Доминиканской Республики, наблюдался резкий скачок показателя безработицы во втором квартале 2020 года, своеобразным антилидером тогда стала Коста-Рика с уровнем безработицы 24%. Дальнейшие периоды характеризовались плавным снижением безработицы во всех странах. К концу 2022 года лидерами по безработице стали Коста-Рика (11,7%) и Колумбия (10,3%; см. Приложение). Индексы курсов валют и ставки ЦБ в рассматриваемых странах отражены на рис. 3, 4. Важно отметить, насколько скорость принятия решения о финансовом регулировании значима при определении характера кризисной динамики.

Таким образом, нами была сформирована выборка из развивающихся стран Латинской Америки, находящихся в периоде сильной волатильности как по уровню безработицы и инфляции, так и по другим показателями экономической динамики. При этом страны существенно отличаются по поведению финансовых властей и других национальных экономических институтов, что позволяет эмпирически проверить высказанные выше предположения.

Обзор литературы

Изучению инфляции и безработицы во взаимосвязи и в зависимости от других макроэкономических факторов посвящено большое количество научных публикаций. Привести полную библиографию здесь невозможно, укажем общий контур дискуссии о наличии компромисса между инфляцией и безработицей по гипотезе Филлипса для обоснования и проверки выбранных государственным институтами экономических политик; некоторые публикации, сфокусированные на анализе латиноамериканских стран; важные, по нашему мнению, методологические уточнения для дальнейшего моделирования и учета особенностей кризиса 2020–2022 годов.

А. Филлипс показал корреляционную связь между безработицей и темпом роста заработной платы на примере Великобритании на длительном временном промежутке с 1861 по 1957 год. Он ввел в экономическую теорию понятие кри-

вой Филлипса, графической связи инфляции и безработицы (Phillips, 1958). Долгосрочная оценка находит доказательства отрицательной связи между инфляцией и занятостью, что приводит к выводу, что инфляция вредит созданию рабочих мест, например, по данным США (King, Watson, 1994). Объяснение этой взаимосвязи традиционно различается между монетаристами, последователями классической экономической школы и институционалистами. В более поздней научной литературе чаще не подтверждается наличие уровня компромисса между инфляцией и уровнем безработицы в краткосрочной перспективе, что, по мнению многих экономистов, укрепляет ортодоксальную точку зрения (Gokal, 2004). В то же время существуют доказательства положительной связи между инфляцией и ростом занятости на долгосрочном периоде. Инфляция, по мнению последователей классической школы, появляется, если денежная масса растёт при полном уровне занятости в производстве (Weitzman, 1982). Для классической экономической школы перепроизводство и безработица носят временный характер, поскольку рынок приспосабливается к полной занятости (Tobin, 1995). Монетаристская школа изменила взгляд на безработицу, основываясь на гипотезе Милтона Фридмана (Juhn et al., 2002). Ее представители полагали, что снижение текущих поступлений и занятости влияет только на объем производства в связи с ожидаемым снижением доходов. Каждая научная школа предложила свои политические решения (Vermeulen, 2017). Согласно общему мнению руководителей центральных банков и экономистов-монетаристов, сдерживающий монетарный шок увеличивает безработицу, по крайней мере временно, и приводит к отсроченному и постепенному падению инфляции. Однако стандартные динамические модели корректировки цен не могут объяснить такую модель (Mankiw, 2021). В развивающихся странах настойчиво воспроизводится критика центральных банков в чрезмерном таргетировании инфляции, которая, по мнению многих экономистов, сдерживает экономический рост (Vermeulen, 2017).

Основной фокус дискуссии вокруг гипотезы Филлипса постепенно сместился в сторону обоснования или опровержения различных экономических политик. Например, не найдя убедитель-

тельных эмпирических подтверждений истинности гипотезы Филлипса, Daniel и соавторы на примере Нигерии утверждают, что проблемы инфляции и безработицы возникли из-за неэффективности как денежно-кредитной, так и фискальной политики (Daniel et al., 2021). В нашем исследовании мы также включаем в модели соответствующие характеристики.

Теоретическое объяснение процессов не входит в задачи нашего исследования. Мы фокусируем внимание на краткосрочных эффектах, связанных с экономическими шоками, и выявлении взаимовлияния этих шоков и соответствующих макроэкономических индикаторов на примере стран Латинской Америки как модели. Продолжая полемику на выборке стран Латинской Америки, E. P. Caldenteу и соавторы на различных моделях эмпирически протестировали взаимосвязи, описываемые кривой Филлипса, за 1992–2016 годы в Аргентине, Бразилии, Чили и Мексике (Caldenteу et al., 2020). Ученые сделали вывод, что данные не содержат свидетельств существования подобной взаимосвязи для большинства стран. E.P. Caldenteу и соавторы привели обширный инструментарий для проверки гипотезы, однако данные для каждой страны были рассмотрены независимо, в отрыве от других стран. Кроме того, построение регрессий на длинных периодах может размывать эффекты взаимодействий на этапах достаточно крупных структурных преобразований (как политических, так и экономических) в рассматриваемых странах, что может исказить закономерности, выявленные в ходе построения сквозной регрессии.

На основе краткосрочной панельной регрессии можно наблюдать за развитием экономического кризиса, связанного с пандемией, поскольку различные регионы и страны пострадали от угрозы COVID-19 и по-разному отреагировали на нее. Во многих странах, включая перечисленные выше страны Латинской Америки, был отмечен рост избыточной смертности, уровня безработицы, инфляции, что привело к повышению социальной напряженности. Klaas de Vries и соавторы провели анализ краткосрочных тенденций производительности труда в период пандемии COVID-19 во Франции, Великобритании и США, акцентировав внимание на том, что такие кризисные тенденции будут нивелированы, если рассматривать

регрессии на более длинных временных рядах (de Vries et al., 2021). Они использовали поквартальные данные трех стран за 2019 и 2020 годы, агрегировав перераспределение рабочей силы в отраслях с различной степенью добавленной стоимости и динамикой цен на продукцию, смогли уловить специфику роста производительности, применяя метод отраслевой таксономии. Также страны были рассмотрены по отдельности, что не позволило учесть эффект взаимосвязи между динамикой измеряемых параметров в целом для группы стран.

Следует отметить работы, посвященные изучению влияния различных факторов на инфляцию и безработицу в Латинской Америке, но без учета взаимодействия между этими факторами. Так, например, R. Frenkel и J. Ros на выборке крупных стран за 1990–2002 годы показали, что на безработицу в числе прочих факторов могут влиять обменные курсы, количество рабочей силы в экономике и рост экономики, измеренный в виде логарифма ВВП (Frenkel, Ros, 2006). Отметим, что авторы рассмотрели детерминанты для безработицы без учета инфляции и специализации стран и только на примере крупных латиноамериканских экономик.

L. Ball и соавторы рассматривали отдельные эпизоды резкого увеличения и падения уровня инфляции (Ball, 2013). Они пришли к выводу, что резкие изменения безработицы могут быть связаны с циклами экономического роста, политикой государства, а также обменными курсами валют. Экспортная специализация редко встречается в научной литературе в качестве фактора для экономических процессов, однако ряд исследователей подтверждают, что она важна для развития экономики (Naud et al., 2010).

Все рассмотренные нами выше работы относятся к периоду до 2020 года, который начал своеобразную цепочку потрясений в мировой экономике. После же 2020 года работы фокусируются на том, как эпидемия коронавируса повлияла на отдельные макроэкономические показатели в различных странах. К.Б. Костин, Е.А. Хомченко представили оригинальную методику, направленную на повышение эвристических возможностей предсказания кризиса на примере влияния пандемии COVID-19, но все показатели были рассмотрены по отдельности, что, по нашему мнению, не позволяет учесть

структурную изменчивость (Костин, Хомченко, 2020). А. García-Herrero проанализировала, почему коронакризис в Латинской Америке оказал большее негативное влияние на экономику, нежели в Азии, и показала, что это вызвано высокой долговой нагрузкой правительств и доступностью долларовой ликвидности (García-Herrero, 2021).

Многомерный анализ динамики взаимосвязанных экономик используется исследователями для выявления относительных характеристик, что становится актуальным для кратковременных периодов при анализе кризисных явлений. Например, R. Nijskens и W. Wagner показали, что основной причиной кризиса 2007–2009 годов стали различные способы, с помощью которых банки переносили кредитный риск в финансовую систему (Nijskens, Wagner, 2011). А. Fontana и M. Scheicher на панельных регрессиях стран еврозоны отразили, как в мировой кризис финансовые институты перераспределяли риски в слабые экономики (Fontana, Scheicher, 2016). Еще более масштабное исследование провели Н. Addi и А. Abubakar, показав на примере 27 стран за период 2005–2018 годов взаимодействие институтов государства и характеристик экономического развития (Addi, Abubakar, 2022).

Отметим интересную с методологической точки зрения статью С. Albuлесcu, посвященную подробному моделированию положительного влияния на финансовую волатильность в США и в странах еврозоны информации о летальности COVID-19 по данным ежедневных отчетов за период март – май 2020 года (Albuлесcu, 2021). Автор детализировала аналитические возможности пошаговой регрессии на глобальном уровне, для группы взаимосвязанных стран и США. Интересен вывод о том, что данные, сообщаемые на глобальном уровне, оказали более сильное влияние, чем данные на национальном уровне (пример США). Рассмотренные эффекты внешних воздействий оказались более сильными, чем характеристики самих экономик.

Опираясь на изученную литературу, мы сделали вывод о наличии научной новизны и теоретической обоснованности исследования взаимосвязанных экономик в кризисный период. Наше исследование призвано продолжить логику эмпирических поисков.

Российская Федерация, являясь одной из крупнейших экономик мира, характеризуется крайне диверсифицированными значениями важнейших индикаторов социально-экономического и инновационно-технологического развития. Такая диверсификация, как по уровням показателей, так и по их значимости для экономики, создает существенные сложности для проведения сбалансированной социально-экономической политики, особенно в кризисные периоды. О. Дмитриева и Д. Ушаков провели анализ российской экономики по данным до 2010 года и сделали вывод об отсутствии корреляционной зависимости между инфляцией и безработицей (Дмитриева, Ушаков, 2011). Авторы показали, что инфляция в России представляет собой инфляцию издержек, обусловленную переносом сырьевой ренты в цены конечного потребления. Нам представляется, что просто анализ корреляций не может быть убедительной аргументацией, и это подтверждено многими зарубежными исследователями аналогичной проблематики. Для проверки обоснованности аргументов монетаризма в государственном управлении представляется важным изучить, насколько решающим оказалось влияние на кризисную динамику макроэкономических показателей, или в большей степени отразилось влияние институтов государства на примере других стран. Страны Латинской Америки могут выступать моделью именно из-за различий в политиках монетарных властей, при этом как минимум одна экономика (Бразилия) по ряду показателей может быть полигоном для сравнительного анализа. Моделирование взаимосвязанной динамики позволяет оценить направление влияния соответствующих характеристик. Отметим вслед за В.М. Полтеровичем, что простое взаимодействие институтов поддержки и развития экономики неэффективно (Полтерович, 2022, с. 41).

Исходя из вышесказанного, мы полагаем, что теоретические и эмпирические выводы, полученные в рамках данного исследования, могут быть полезными в ходе оценки соответствующих рисков для экономики России, выявления эффективных инструментов управления в условиях сильных внешних шоков, в том числе с позиции оценки сложившейся российской экономической модели.

Данные и методика

В качестве показателя, измеряющего безработицу, был выбран уровень безработицы на конец квартала ($Unemp$) как доля безработных (в %) в общем числе трудоспособного населения. Инфляция измерялась через индекс потребительских цен (CPI) – отношение стоимости потребительской корзины в текущем квартале к стоимости потребительской корзины в прошлом квартале. Источником данных для показателей инфляции и безработицы послужили локальные статистические органы.

В массив данных были введены 4 дамми-переменные, определяющие экспортную специализацию стран. Для расчета экспортной специализации стран использовались данные об объеме экспорта конференции ООН по торговле и развитию ($UNCTAD$). Для каждой группы экспорта было рассчитано отношение к общему экспорту в 2021 году. Группа экспорта признавалась специализацией страны, если ее доля в общем объеме экспорта превышает 20%, тогда соответствующая дамми-переменная принимает значение единица: *Food* (аграрная продукция – Аргентина, Бразилия, Гватемала, Доминиканская республика, Коста-Рика, Перу, Уругвай); *Energy* (энергоресурсная – Эквадор, Колумбия); *Product* (промышленное производство – Гватемала, Доминиканская Республика, Коста-Рика); *Metals* (экспорт металлов и руды – Панама, Перу, Чили). Специализацией для Мексики является экспорт автотранспортных средств и машинного оборудования. Так как подобная специализация характерна только для Мексики, при включении в модель регрессии данная переменная может агрегировать в себе всю вариацию, которая специфична для Мексики. Во избежание этого было принято решение такую переменную не включать и ограничиться четырьмя представленными специализациями.

Для контроля фактора тяжести протекания пандемии в каждой стране и в каждом из рассматриваемых временных промежутков использовалось накопленное отношение количества смертей от коронавируса к 1 млн численности населения ($Covid_death$). Применялся датасет, основанный на данных университета Джона Хопкинса³.

³ Yandex Lens. URL: <https://datalens.yandex.ru/market/place/f2eb8io515q4tp84feo1> (дата обращения 05.04.2023).

В качестве характеристики экспортно-ориентированных развивающихся экономик мы рассмотрели изменение курса национальной валюты, рассчитанное как отношение текущего курса валюты к базису (базис – среднее значение 1 квартала 2020 года) ($Currency$). Отметим, что в ряде исследований его относили к факторам, определяющим инфляцию (например, Frenkel, 2006).

Поскольку инструментом денежно-кредитной политики государства является ставка Центрального банка (либо ее аналог, измеренный в %), важна роль не только самой ставки, но и ее отклонения от комфортного для экономики значения, что позволяет формировать базовую финансовую политику. Помимо величины отклонения, мы учитывали скорость, с которой принимается решение о поднятии ставки. Так, например, ЦБ Бразилии одним из первых начал поднятие таргета по ставке SELIC (аналог ключевой ставки для Бразилии), что привело к достаточно быстрому снижению инфляции в стране, и на момент первого квартала 2023 года инфляция в Бразилии одна из самых низких в регионе. Для учета этих факторов в моделях использовались две переменные: непосредственно сама ставка Центрального банка на начало каждого из периодов (CB_rates) и показатель «реакции центробанков» в отношении ключевой ставки (скорость подъема ставок центральными банками). Показатель «реакции ЦБ» ($CB_reaction$) рассчитывался по следующей формуле:

$$\sum_{t_0=01.02.2021}^{t_n} \frac{RG}{\ln(t_n - t_0)},$$

где RG – величина поднятия ставки в дату t_n , t_n – каждая из дат, t_0 – 01.02.2021.

Для агрегации данных по финансовым показателям использовались данные локальных центральных банков.

Также в модель был добавлен ряд макроэкономических переменных: размер ВВП (GDP) в млрд USD и ВВП на душу населения (GDP_PC) в USD для контроля на размер экономики и уровень развития (интенсивности) экономики на начало 2020 года.

Отношение государственных заимствований с помощью еврооблигаций к ВВП (рассчитанные как отношения) и отношение внутреннего кредита к ВВП (в %) для контроля степе-

ни закрепитости экономики (Eurobonds). В зависимости от степени закрепитости и политики властей относительно заемных средств может значительно отличаться макроэкономическая политика, а значит и степень влияния кризисов на экономику.

Для модели с безработицей включен логарифм от величины Labor force (далее – Labor) как переменной, показывающей размер трудовых ресурсов для экономики. Согласно определению, которое дается на сайте Worldbank, Labour force – это совокупность лиц трудоспособного возраста, работающих по найму, занятых индивидуальной деятельностью, приносящей доход, или активно ищущих работу⁴.

Все контрольные переменные были взяты на момент начала 2020 года для исключения влияния на них кризисных явлений, то есть наличия эндогенности. Источником данных также послужили локальные статистические органы и данные Worldbank.

Особенностью модели взаимосвязанных экономик является сравнительный аспект, который реализуется через оценку моделей регрессии не для каждой страны отдельно, а для группы стран. Нас интересовали скорость и факторы возвращения экономики к «докризисным» тенденциям, поэтому были выбраны короткие временные периоды. В случае когда каждая страна моделируется регрессией отдельно, обычно сравнения проводят по коэффициентам регрессии, что, строго говоря, некорректно для многомерных моделей, поскольку коэффициенты учитывают относительный эффект в среднем для данной конкретной регрессии. Кроме того, в наши модели были включены структурные переменные, характеризующие размер и тип экономики, финансовые инструменты и смертность от COVID-19. Анализ панельных и псевдопанельных регрессий позволяет динамически учитывать относительный эффект между странами, что делает анализ влияния страновых (структурных) переменных более достоверным. Последнее особенно важно, поскольку короткие временные промежутки накладывают дополнительные ограничения на размерность модели. Регрессионные модели на длинных временных промежутках, как показал анализ литературы, нивелируют кризисную

динамику, поскольку выделяют долгосрочные эффекты, которые в кризисные периоды могут потерять свою актуальность.

Проблемы качества данных

Данные были собраны в базах, предоставляемых национальными статистическими органами, конференцией ООН по торговле и развитию (UNCTAD), базах данных Всемирного банка⁵. Из-за разрозненности источников определенным вызовом стала агрегация всех необходимых параметров в единой базе для последующего использования моделей. В частности, отсутствие некоторых параметров привело к необходимости заменить часть данных на их оценки для включения в модель третьей экономики страны – Аргентины.

Ввиду того что в базе Мирового банка не представлены данные по переменной «отношение внутреннего кредита к ВВП» для Аргентины после 2017 года, вместо него использовались оценки, полученные линейной аппроксимацией от показателя «долг домохозяйств в % от ВВП». Теоретическое обоснование полученной оценки состоит в том, что внутренний кредит – это долг в виде кредитной массы коммерческих предприятий и домохозяйств перед банковской системой, при этом долг домохозяйств для любых экономик составляет значительную часть в величине внутреннего кредита. Эмпирически же коэффициент корреляции между двумя показателями составил 0,52, со значимостью на 5% уровне. Для 2020 года полученная и используемая в моделях оценка составила 15,28%.

Модели и методология их расчета

Для нахождения взаимосвязей мы использовали шесть последовательно вычисляемых моделей линейной многомерной регрессии. В *таблице 1* представлены переменные моделей и их описательные статистики.

Исследование проводилось сквозным методом наименьших квадратов (МНК) на псевдопанельных данных в три шага. Результаты моделирования представлены в *таблице 2*. На первом шаге мы проверили уровень корреляции и построили простые модели регрессии парным МНК, назначив в качестве целевой переменные инфляции и безработицы соответственно для проверки наличия данных закономерностей, описываемых кривой Филлиппса.

⁴ URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.TOTL.IN?locations=MX>

⁵ Группа Всемирного банка (vsemirnyjbank.org) (дата обращения 06.04.2023).

Таблица 1. Описательные статистики данных для соответствующих стран региона

Переменная	N	Среднее	Min	Max	Значение
Unemp	71	9.079	2.200	19.400	Уровень безработицы за период, отчетность на конец квартала, %
CPI	84	1.028	0.974	1.220	Индекс потребительских цен за квартал
Food	84	0.75	0	1	Специализация на экспорте аграрной продукции
Energy	84	0.167	0	1	Специализация на экспорте энергоресурсов
Product	84	0.25	0	1	Специализация на экспорте промышленной продукции
Metals	84	0.25	0	1	Специализация на экспорте металлов и руды
Covid_death	84	2270.78	284.214	6952.282	Количество смертей от коронавируса накопленным итогом с начала 2020 года к концу квартала, чел. на 1 млн чел. населения
Currency	84	1.061	0.905	1.918	Изменение курса валюты, рассчитанное к базису (базис – среднее значение 1 квартала 2020 года)
CB_rates	84	7.338	0.04	52	Значение ставки центробанка на начало квартала, %
CB_reaction	84	0.457	-0.291	5.949	Скорость подъема ставок центральными банками
GDP	84	407.241	61.23	1873.27	ВВП 2020 года, млрд USD без учета ППС
GDP_PC	84	10029.24	4263.08	16192.16	ВВП 2020 года, USD без учета ППС, на душу населения
Eurobonds	84	0.164	0.02	0.381	Отношение суммарного объема государственных еврооблигаций к объему ВВП (2020 год, USD)
Loan	84	55.457	15.283	124.6	Отношение внутреннего кредита к ВВП, %
Labor	84	2.314	0.532	4.6	Логарифм значения количества рабочей силы на конец квартала

Источник: составлено авторами.

Коэффициент корреляции между уровнем безработицы в периоде и инфляцией за соответствующий период составляет 0.12, уровень значимости выше 0.05, следует принять гипотезу H_0 . Далее на этом шаге были построены модели вида (1) и (2).

$$CPI = b_1 * Unemp + Const \quad (1)$$

$$Unemp = b_1 * CPI + Const \quad (2)$$

На втором шаге для каждого из уравнений предыдущего шага были добавлены контрольные переменные специализаций стран. Ниже показан общий вид уравнений второго шага (3) и (4).

$$Unemp = b_1 * CPI + b_2 * Food + b_3 * Energy + b_4 * Product + b_5 * Metals + Const \quad (3)$$

$$CPI = b_1 * Unemp + b_2 * Food + b_3 * Energy + b_4 * Product + b_5 * Metals + Const \quad (4)$$

На третьем шаге в модели были добавлены все остальные перечисленные переменные. Ввиду различия фундаментальных предпосылок для анализа инфляции и безработицы уравнения для их анализа использовали несколько

разный набор переменных. Например, следуя результатам R. Frenkel и J. Ros, для моделей по безработице была добавлена переменная логарифма рабочей силы, которая показала значимость (Frenkel, Ros, 2006). Для модели с CPI в качестве зависимой переменной данная переменная не использовалась, ввиду того что взаимосвязь между инфляцией и безработицей не признается предпосылкой для целей работы, а, напротив, проверяется.

Вид модели, в которой целевой переменной является инфляция:

$$CPI = b_1 * Unemp + b_2 * Food + b_3 * Energy + b_4 * Product + b_5 * Metals + b_6 * Covid_deth + b_7 * Currency + b_8 * CB_rates + b_9 * CB_reaction + b_{10} * GDP + b_{11} * GDP_PC + b_{12} * Eurobonds + b_{13} * Loan + Const \quad (5)$$

Вид модели, в которой целевой переменной является безработица:

$$Unemp = b_1 * CPI + b_2 * Food + b_3 * Energy + b_4 * Product + b_5 * Metals + b_6 * Covid_deth + b_7 * Currency + b_8 * CB_rates + b_9 * CB_reaction + b_{10} * GDP + b_{11} * GDP_PC + b_{12} * Eurobonds + b_{13} * Loan + b_{14} * Labor + Const \quad (6)$$

Обсуждение результатов

Результаты моделирования представлены в *таблице 2*. Модели (1), (2) и модель с зависимой переменной безработицы (4) имеют уровень значимости ниже критического и объясняют слишком малую долю дисперсии. Еще одно общее соображение: прямая зависимость между волатильностью безработицы и инфляции нивелируется учетом выбранных нами ранее социально-экономических параметров.

Основной вывод по данным моделей (1) и (2) – предположения кривой Филлипса эмпирически не подтверждаются.

Модель (3) имеет более высокий уровень значимости при $R^2 = 0,1356$, чем модели (1) и (2). При этом исходя из модели (3) можно предположить, что за рассматриваемый период инфляция была выше в странах со специализацией на экспорте аграрной продукции. В странах со специализацией на экспорте энергоресурсов,

промышленной продукции и металлов инфляция в среднем была ниже. Отсюда можно сделать вывод, что в большей степени экономический кризис, вызванный международными ограничениями в связи с пандемией COVID-19, отразился на росте потребительских цен в странах, ориентированных на экспорт аграрной продукции. Однако развитие наших моделей не дает оснований подтвердить такое предположение.

Модель (4) демонстрирует, что вариация уровня безработицы в указанный период для рассматриваемых стран не может быть объяснена комплексом влияющих переменных, характеризующих уровень инфляции и экспортную специализацию стран.

Модель (5), в которой целевой переменной выступает индекс потребительских цен за квартал (CPI) и включены все внешние переменные, имеет наибольшую объяснительную мощ-

Таблица 2. Результаты построения моделей методом линейного МНК

Переменные	Модели					
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Unemp	-0.0013		-0.0005		-0.0007	
CPI		-11.3876 **		-4.4710		13.4879
Food			0.0212 **	0.8011	0.0014	4.0946 **
Energy			-0.0283 **	1.7706	0.0437	50.5079 ***
Product			-0.0373 ***	1.8615	0.0201	26.8144 ***
Metals			-0.0334 ***	1.3481	0.0705 **	53.5203 ***
Covid_death					-0.0008 ***	-0.1661 ***
Currency					0.1415 ***	11.8764 **
CB_rates					0.0014 ***	0.1795
CB_reaction					0.0025	-1.4586 ***
GDP					0.0026 **	3.6463 ***
GDP_PC					0.0036 *	2.4509 ***
Eurobonds					-0.0604**	-50.3291***
Loan					-0.0007 **	-0.4586 ***
Labor						-8.0409 ***
Const	1.044 ***	20.818 ***	1.038 ***	12.054*	0.861 ***	-33.628*
R^2	0.0016	0.0016	0.1356	0.0009	0.9049	0.6546
N	71	71	71	71	71	71

(1) – парная регрессия с зависимой переменной CPI; (2) – парная регрессия с зависимой переменной безработица; (3) – множественная регрессия со специализациями, зависимая переменная CPI; (4) – множественная регрессия со специализациями, зависимая переменная безработица; (5) – полная модель, зависимая переменная CPI; (6) – полная модель, зависимая переменная безработица.
 * – значимое значение параметра ($p < 0,05$); ** – высоко значимое значение параметра ($p < 0,01$); *** – максимально значимое значение параметра ($p < 0,001$).
 Источник: составлено авторами.

ность (кроме логарифма рабочей силы) $R^2 = 0,9049$. Эта модель имеет ряд важных особенностей. Во-первых, вариация потребительских цен в рассматриваемых странах не объясняется вариацией уровня безработицы (что в очередной раз подтверждает отсутствие взаимосвязей, описываемых кривой Филлипса), а влияние аграрной, энергоресурсной и промышленной специализации экспорта оказалось нивелировано остальными показателями. Во-вторых, значительно повышается потребительская инфляция только в странах со специализацией на экспорте металлов и руды, а для остальных стран вариация в большей степени объясняется другими экономическими показателями. В первую очередь это изменение курса валюты, значение ставки Центрального банка, значимыми являются и статичные показатели размеров экономик – ВВП и ВВП на душу населения. Парадоксальным выводом можно назвать выявленную отрицательную взаимосвязь между уровнем закредитованности, с которой экономики входили в кризис, и ростом инфляции. Так, согласно полученным данным, экономики с большим отношением внутреннего кредита к ВВП и большим отношением объема еврооблигаций к ВВП демонстрировали меньший рост инфляции. В целом это может быть объяснено тем, что занимаемые средства эффективно использовались на поддержание экономики, что позволило странам в меньшей степени ощущать последствия кризиса. Мы можем сделать вывод, что показатель закредитованности экономики наряду с другими показателями финансовой глубины экономики (уровень монетизации и капитализации экономики – согласно методологии Мирового банка) способны выступать индикаторами-предикторами возможности выхода экономики из кризисного периода при соблюдении вышеназванных условий.

Модель (6), в которой зависимой переменной является уровень безработицы на конец квартала и включены все переменные, существенно хуже по объяснительной мощности, чем модель (5), что вполне объяснимо, поскольку безработица вообще достаточно сложно регулируемый процесс. При этом незначимыми стали индекс потребительских цен за

квартал и ставка Центрального банка на начало квартала, остальные переменные значимы. Специализация страны на экспорте металлов и руды, энергоресурсов, экспорте промышленной продукции значительно повышала динамику уровня безработицы. Отрицательное влияние логарифма рабочей силы полностью подтверждает теоретические предположения и косвенно свидетельствует в пользу непротиворечивости модели. Важным результатом является отрицательный коэффициент логарифма рабочей силы при положительных коэффициентах «макроэкономического размера» экономик, ВВП. Эконометрические расчеты показывают, что количество рабочей силы при том же уровне ВВП понижательно влияет на безработицу. И наоборот, при стационарном значении рабочей силы размер ВВП повышательно влияет на уровень безработицы. Модель экономики считается более производительной, если ВВП возрастает при стационарных значениях рабочей силы и отраслевой специализации. Таким образом, экономики с низкой производительностью труда (в терминах Мирового банка) в меньшей степени подверглись росту безработицы.

Среди динамических переменных на уровне безработицы в большей степени сказывалось ослабление курса национальной валюты. Более быстрое и жесткое повышение ставок центральными банками в среднем было сопряжено с менее активным ростом инфляции.

Противоречивым является поведение переменной, показывающей смертность от ковида, в странах с более высокой смертностью наблюдается меньший прирост уровня безработицы. Данный факт может показывать характер обратной зависимости, объясняемой тем, что в странах, где не вводились локдауны (а значит, выше была заболеваемость и смертность), в меньшей степени росла безработица, вызванная этими локдаунами. Кроме того, в совокупности с меньшим падением безработицы в странах с более высоким показателем количества рабочей силы данный факт может свидетельствовать о реализации меркантилистской модели экономики, когда к дополнительному труду работников принуждают заниженными ставками заработных плат.

Выводы

В данной работе мы подтвердили эффективность управления инфляцией через инструмент регулирования ставки Центрального банка. Кроме того, мы показали, что выстраивание институтов управления безработицей должно учитывать отраслевую специфику в экономике.

На большинстве данных по странам Латинской Америки в исследуемый период не выявлено свидетельств существования прямой взаимосвязи между инфляцией и безработицей. Однако как инфляция, так и безработица находятся под влиянием макроэкономических и финансовых показателей.

С точки зрения рассмотрения показателей по отдельности наиболее регулируемый процесс — это уровень инфляции. В целом инструментальные методы регулирования показателя инфляции относятся к основным целям деятельности центральных банков, однако локальные шоки и другие показатели состояния экономики (например, специализация экономик) способны оказывать достаточно сильное влияние на процессы регулирования.

Безработица как предмет регулирования — более сложный процесс. В связи с этим научной новизной обладают факторы, которые были эмпирически проверены в ходе данной работы. Одним из главных выводов относительно безработицы является то, что решения, принимаемые для влияния на этот показатель, должны учитывать экспортную специализацию стран, а также фактор интенсификации труда, который в условиях кризисных процессов может стать предвестником роста безработицы в наиболее наукоёмких секторах экономики.

Подтверждена обратная зависимость между уровнем смертности от COVID-19 и уровнем безработицы. Аналогичный вывод верен и для уровня инфляции. Таким образом, показан социальный отрицательный результат выбора управляющих государственных органов анализируемых стран в сторону отказа от активной «противопандемийной» политики в пользу поддержки экономики.

Исходя из анализа, можно предположить, что меркантилистская модель экономики в современных условиях в большей степени реализуется в развивающихся экономиках сырьевого типа.

Динамика инфляции в большей степени находилась под влиянием ставки Центрального банка, а на волатильность уровня безработицы влиял показатель изменения курса валюты, на который национальные регулирующие органы могут оказывать лишь ограниченное воздействие и который сам является зависимым от множества факторов, лежащих вне плоскости нашего исследования.

Возможности для развития исследований

Управление инфляцией успешно реализуется через инструмент регулирования процентных ставок. Это позволит директивным органам формулировать политику, влияющую на инфляцию и безработицу, контролируя и другие переменные, которые могут прямо или косвенно влиять на инфляцию и безработицу.

Рассматривая экономическую ситуацию в Российской Федерации, при разработке моделей реакции экономики на кризис необходимо учитывать поправки на сырьевую составляющую. Дополнительного исследования в этом аспекте требует взаимосвязь экспортных специализаций с неполной занятостью, которая является специфической чертой реакции российской экономики на кризисы. В вопросах поддержания занятости стоит также уделять внимание высококвалифицированным категориям работников, так как наш анализ свидетельствует о том, что данная категория сильнее подвержена риску безработицы в кризисные периоды.

Развитие исследований нам видится в том, чтобы учесть указанные эффекты при анализе возможных рисков экономической политики в условиях кризисов. Следует отметить, что в России исторически сложился крайне низкий уровень финансовой глубины экономики. С одной стороны, можно сказать, что этот факт показывает невысокий уровень закредитованности экономики, но, с другой стороны, сложившаяся тенденция характеризует незначительный уровень монетизации российской

экономики, а значит, неспособность быстро перераспределять имеющуюся денежную массу в наиболее нуждающиеся секторы в кризисные периоды. Последнее создает трудности для эффективного преодоления кризисов с наименьшими экономическими потерями.

Необходимость активного использования монетарного и фискального стимулирования, с которой столкнулось правительство РФ в данный период, характеризуется низкой эффективностью, что подтверждается и аналитикой Центрального банка. В странах с более «благополучной ситуацией» среди рассмотренных в модели смягчение шоков было достигнуто, в том числе, монетарными инструментами, например долговыми. Переменная «Eurobonds» оказала сильное понижающее влияние на инфляцию, что также может служить инструментом антикризисной политики. Монетарные власти РФ понимают такую потребность, поэтому в конце 2022 – начале 2023 года была проведена серьезная работа над заменой соответствующих инструментов.

Выводы о рисках реализации меркантилистской модели экономики интересны для понимания специфики развития российской экономической модели. Российская Федерация исторически реализует меркантилистскую модель экономического развития как в теоретическом, так и в практическом плане. В усло-

виях кризиса 2020–2022 годов Центральный банк РФ достаточно жестко удерживал ставки, таргетируя инфляцию, что, по оценке опыта других стран, оказалось эффективной мерой. Однако в рассматриваемый нами кризисный период наибольшим рискам подверглись страны, имеющие большую отдачу на труд (в терминах Мирового банка). Следовательно, для смягчения последствий кризиса необходимо было более решительно поддерживать высокоэффективные отрасли экономики. Меры, связанные с поддержкой рабочих мест без учета отраслевой специфики, оказались малоэффективными.

Аргументы о том, что жесткие локдауны и слишком быстрая реакция на пандемию приведут к коллапсу экономики и разгонят безработицу, оказались несостоятельными. На основе опыта Латинской Америки отметим, что в странах, правительства которых выбрали меры мягких и неполных локдаунов, в итоге запуска взаимосвязанных факторов резко возросла смертность от ковида. Последнее привело к сильной социальной напряженности и быстрой инфляции, связанной с паникой. В странах, в которых вводились быстрые и жесткие ограничительные меры, шоки были сильными, но короткими, и экономика уже к 2022 году вернулась на докризисную траекторию.

Литература

- Братерский М.В. (2022). Мир в условиях пандемии: основные черты мировой экономики и стратегии великих держав // Актуальные проблемы Европы. № 1 (113). С. 10–29. DOI: 10.31249/ape/2022.01.01
- Дмитриева О., Ушаков Д. (2011). Инфляция спроса и инфляция издержек: причины формирования и формы распространения // Вопросы экономики. № 3. С. 40–52. DOI: 10.32609/0042-8736-2011-3-40-52
- Ермольева Э.Г. (2021). Коронакризис в Латинской Америке: как спасти человеческий капитал? // Мировая экономика и международные отношения. Т. 65. № 10. С. 133–141. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-10-133-141
- Костин К.Б., Хомченко Е.А. (2020). Влияние пандемии COVID-19 на мировую экономику // Экономические отношения. Т. 10. № 4. С. 961–980. DOI: 10.18334/eo.10.4.111372
- Мау В.А. (2022). Экономическая политика в условиях пандемии: опыт 2021–2022 гг. // Вопросы экономики. № 3. С. 5. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-3-5-28
- Полтерович В.М. (2022). Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 1. Семерка европейских лидеров // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 31–43. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.2
- Спектор С.В. (2022). Конкуренция на автомобильном рынке Бразилии в 2011–2021 гг. // Латинская Америка. № 7. С. 21–34. DOI: 10.31857/s0044748x0019795-3

- Толмачев М.Н., Никифорова Е.В. (2021). Экономическое развитие стран латиноамериканской ассоциации интеграции: тенденции и перспективы // *Статистика и экономика*. № 6. С. 49–59.
- Albulescu C.T. (2021). COVID-19 and the United States financial markets' volatility. *Finance Research Letters*, 38, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.frl.2020.101699>
- Addi H.M., Abubakar A.B. (2022). Investment and economic growth: Do institutions and economic freedom matter? *International Journal of Emerging Markets*. Ahead-of-print. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJOEM-07-2021-1086>
- Ball L., De Roux N., Hofstetter M. (2013). Unemployment in Latin America and the Caribbean. *Open Economies Review*, 24, 397–424. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11079-012-9248-2>
- Caldentey E.P., Perry N., Vernengo M. (2020). The return of Keynes and the Phillips curve in Latin America: Evidence from four countries. *Review of Keynesian Economics*, 8(1), 84–101. DOI: <https://doi.org/10.4337/roke.2020.01.07>
- Daniel S.U., Israel V.C., Chidubem C.B., Quansah J. (2021). Relationship between inflation and unemployment: Testing Philips curve hypotheses and investigating the causes of inflation and unemployment in Nigeria. *Traektoriâ Nauki=Path of Science*, 7(9), 1013–1027. DOI: 10.22178/pos.74-13
- De Vries K., Erumban A., Van Ark B. (2021). Productivity and the pandemic: Short-term disruptions and long-term implications. *Int Econ Econ Policy* 18, 541–570. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10368-021-00515-4>
- Fontana A., Scheicher M. (2016). An analysis of euro area sovereign CDS and their relation with government bonds. *Journal of Banking & Finance*. 62, 126–140. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2015.10.010>
- Frenkel R., Ros J. (2006). Unemployment and the real exchange rate in Latin America. *World Development*, 34(4), 631–646. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2005.09.007>
- Garcia-Herrero A. (2021). Why are Latin American crises deeper than those in emerging Asia, including that of COVID-19? *ADB Working Paper 1221*, Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3807136>
- Gokal V., Hanif S. (2004). *Relationship between Inflation and Economic growth. Working Paper 2004/004*. Suva: Economics Department, Reserve Bank of Fiji.
- Juhn C., Murphy K.M., Topel R.H. (2002). Current unemployment, historically contemplated. *Brookings Papers on Economic Activity*, 2002(1), 79–116. DOI: 10.1353/eca.2002.0008
- King R.G., Watson M.W. (1994). The post-war US Phillips curve: A revisionist econometric history. *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*, 41, 157–219. DOI: [https://doi.org/10.1016/0167-2231\(94\)00018-2](https://doi.org/10.1016/0167-2231(94)00018-2)
- Mankiw N.G. (2001). The inexorable and mysterious tradeoff between inflation and unemployment. *The Economic Journal*, 111(471), 45–61. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-0297.00619>
- Naude W., Bosker M., Matthee M. (2010). Export specialization and local economic growth. *The World Economy*, 33(4), 552–572. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9701.2009.01239.x>
- Nijskens R., Wagner W. (2011). Credit risk transfer activities and systemic risk: How banks became less risky individually but posed greater risks to the financial system at the same time. *Journal of Banking & Finance*, 35(6), 1391–1398. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2010.10.001>
- Ohchr U., Ocha U. (2023). Content type. *World Economic Situation and Prospects*. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/wesp2023_en.pdf
- Phillips A.W. (1958). The relation between unemployment and the rate of change of money wage rates in the United Kingdom, 1861–1957. *Economica*, 25(100), 283–299.
- Takes I. (2020). Mitigating the COVID economic crisis: Act fast and do whatever. Available at: <https://direitoentreciencias.com.br/wp-content/uploads/2020/06/Mitigating-the-COVID-Economic-Crisis-Act-Fast-and-Do-Whatever-It-Takes-Edited-by-Richard-Baldwin-and-Beatrice-Weder-di-Mauro.pdf>
- Tobin J. (1995). Inflation and unemployment. In: Estrin S., Marin A. (Eds). *Essential Readings in Economics*. London: Palgrave. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-24002-9_12
- Vermeulen J.C. (2017). Inflation and unemployment in South Africa: Is the Phillips curve still dead? *Southern African Business Review*, 21(1), 20–54. DOI: 10.10520/EJC-8e0adf275
- Weitzman M.L. (1982). Increasing returns and the foundations of unemployment theory. *The Economic Journal*, 92(368), 787–804. DOI: <https://doi.org/10.2307/2232668>

Приложение. Основные экономические показатели рассматриваемых стран, 2021 год

	Доля безработных в численности трудоспособного населения, %	Индекс потребительских цен, %	Отношение курса национальной валюты к базису	Ставка ЦБ, %	ВВП без учета ППС, млрд USD	ВВП без учета ППС на душу населения, USD
BRA	7,9	5,79	1,018	13,75	1608,98	8537,94
CHI	7,9	12,8	0,966	11,25	317,06	14115,96
COL	10,3	13,12	1,013	12	314,46	6418,1
MEX	2,8	7,82	1,017	10,5	1272,84	9525,41
PER	7,1	8,46	0,992	7,5	223,25	6437,1
ARG	6,3	94,8	1,054	75	487,23	12402,49
CR	11,7	7,88	0,976	9	64,28	12894,3
DR	4,8	7,83	1,027	8,5	94,24	8410,61
URU	7,9	8,29	1,013	11,5	59,32	15874,74
PAN	14,5*	2,08	1	3,74	63,61	13921,26
ECV	3,2	3,74	1	8,48	106,17	5492,49
GUA	2,2**	9,24	1,002	3,75	85,99	4388,44
РФ	3,5–4	10–11 ⁶	0,78–1,8	7,5–8,5	1775,8	10216,3

Примечания:
 Все показатели, кроме ВВП, даны на 31.12.2022, данные по ВВП даны на 31.12.2021; данные по безработице даны на 31.12.2021; * на 31.03.2021; ** на 30.09.2021.
 Данные по Российской Федерации приведены в виде размаха за 2022 год, составлены согласно официальным статистическим отчетам⁷, данные номинального ВВП на 31.12.2021 (по данным МВФ).

Сведения об авторах

Гульнара Фатыховна Ромашкина — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры, Тюменский государственный университет (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru)

Кирилл Владимирович Андрианов — аспирант, Тюменский государственный университет (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: kirvland@yandex.ru)

Джамиля Фатыховна Скрипнюк — доктор экономических наук, профессор, профессор Высшей школы бизнес-инжиниринга, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (195251, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29; e-mail: skripnyuk.d@spbstu.ru)

⁶ URL: https://buh.ru/news/uchet_nalogi/161618/#:~:text=%D0%A2%D0%B0%D0%BA%D0%B8%D0%BC%20%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%BC%2C%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%BC%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B0,%D0%B3%D0%BE%D0%B4%20%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BB%20111%2C94%25 (дата обращения 05.04.2023)

⁷ URL: http://www.cbr.ru/hd_base/inf/ (дата обращения 05.04.2023).

© Romashkina G.F., Andrianov K.V., Skripnuk D.F.

The Inflation and Unemployment Processes During and After the COVID-19 Pandemic

Abstract. The article considers the features of the dynamics of the main macroeconomic indicators in related developing economies during the economic crisis and after it. Latin American countries (2020–2022) are the object of the study. The aim of the work is to empirically verify the presence and closeness of significant relationships between the processes of inflation and unemployment, including the possibility of taking into account other macroeconomic variables affecting the processes of inflation and unemployment during and after the COVID-19 pandemic. The relevance of the study is determined by the possibility of monitoring the development of the economic crisis. The analysis of linear regressions on pseudo-panel data was carried out. The general model took into account the size and features of the economy, economic policy, as well as some social effects (the dynamics of unemployment and inflation, specific mortality due to coronavirus, the size of the labor resources for the economy). The models constructed help to study the general crisis dynamics and show the rate of recovery for the trends. The novelty of the results includes an assessment of the effectiveness of management tools in the context of strong external shocks. It is empirically confirmed that there was no direct relationship between the processes of inflation and unemployment in Latin American countries during the period under consideration. A detailed analysis of the impact of macroeconomic factors and factors reflecting the behavior of state institutions may be useful for considering the risks of anti-crisis measures. Inflation is the most controllable process that can be influenced by tools. Unemployment, as a subject of regulation, is a more complex process involving various state institutions; at that, the success of decisions depends mainly on taking into account the country's export specialization, the pace and severity of anti-crisis measures.

Key words: inflation, unemployment, crisis, COVID-19, macroeconomics, behavior, finance, modeling, regulation.

Information about the Authors

Gulnara F. Romashkina – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, professor of department, Tyumen State University (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru)

Kirill V. Andrianov – postgraduate student, Tyumen State University (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: kirvland@yandex.ru)

Djamalia F. Skripnuk – Doctor of Sciences (Economics), Professor, professor of the Higher School of Business Engineering, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29, Politekhnicheskaya Street, Saint Petersburg, 195251, Russian Federation; e-mail: skripnyuk.d@spbstu.ru)

Статья поступила 09.04.2023.

Особенности репродуктивного поведения жительниц Москвы

Владимир Николаевич АРХАНГЕЛЬСКИЙ

НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения города Москвы
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: archangelsky@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7091-9632; ResearcherID: T-4845-2017

Игнат Викторович БОГДАН

НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения города Москвы
Москва, Российская Федерация
e-mail: bogdaniv@zdrav.mos.ru
ORCID: 0000-0002-7002-1646; ResearcherID: AAP-6847-2021

Ольга Николаевна КАЛАЧИКОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: onk82@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4681-4344; ResearcherID: I-9562-2016

Дарья Павловна ЧИСТЯКОВА

НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения города Москвы
Москва, Российская Федерация
e-mail: ChistyakovaDP@zdrav.mos.ru
ORCID: 0000-0002-8729-9898; ResearcherID: AAC-7168-2022

Для цитирования: Архангельский В.Н., Богдан И.В., Калачикова О.Н., Чистякова Д.П. (2023). Особенности репродуктивного поведения жительниц Москвы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 231–246. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.12

For citation: Arkhangelskii V.N., Bogdan I.V., Kalachikova O.N., Chistyakova D.P. (2023). Specifics of reproductive behavior of female residents of Moscow. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(3), 231–246. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.12

Аннотация. Динамика рождаемости населения в России остается одним из важных объектов внимания демографической науки и политики. В 2019 году суммарный коэффициент рождаемости в Москве превысил среднероссийское значение показателя, породив предположения о вероятности зарождения новой тенденции, несмотря на то что исследования репродуктивного поведения горожан свидетельствуют о большей приверженности к малодетности. В статье представлены оценки показателей рождаемости в столичных мегаполисах России, свидетельствующие, что значения показателей по-прежнему ниже среднероссийских и даже ниже, чем у городского населения страны в среднем. Согласно данным актуального опроса жительниц Москвы сохраняются ориентации на малодетность, откладывание рождений. Значимыми факторами детности для жительниц Москвы являются брачное поведение, уровень образования, уровень жизни и ценностные ориентации. У москвичек с высшим образованием в реальных поколениях показатели рождаемости несколько ниже, чем в среднем по России. Несколько меньшая приверженность к легитимации отношений также имеет значимую детерминирующую роль. Влияние уровня доходов нельзя оценивать однозначно. Действительно, в группах женщин с относительно более низким благосостоянием показатели рождаемости выше, однако это происходит за счет соотношения удовлетворенности уровнем жизни и значимости детей (потребности в детях). Более высокий уровень доходов (и удовлетворенность ими) способствует реализации репродуктивных намерений. Для москвичек характерны межпоколенная передача традиций малодетности и более высокая доля ориентированных на индивидуальные ценности, что также определяет более низкий уровень рождаемости в столичном мегаполисе. Учет тенденций рождаемости и особенностей репродуктивного поведения москвичек может способствовать повышению эффективности демографической политики.

Ключевые слова: репродуктивное поведение женщин, репродуктивное поведение жительниц Москвы, факторы репродуктивного поведения женщин.

Введение

Для столичных мегаполисов традиционно характерен относительно более низкий уровень рождаемости. Прежде всего это, вероятно, связано с особенностями образа жизни населения в них. Большие возможности для самореализации в профессиональной деятельности зачастую детерминируют откладывание рождения детей. Этому же может способствовать и более широкий спектр возможностей проведения досуга. Вместе с тем, по данным переписи населения 2020 года, в двух главных городах страны проживает 14% россиянок репродуктивного возраста.

До 2002 года наименьший суммарный коэффициент рождаемости среди субъектов Российской Федерации фиксировался в Санкт-Петербурге и Москве. Только в 1997 году в Московской области (0,984) он оказался чуть ниже, чем в Москве (0,985). В 1993–2001 гг. в Санкт-Петербурге и в 1993, 1997–2001 гг. в

Москве его величина была меньше 1,0. С 2003 года суммарный коэффициент рождаемости в Ленинградской области стал ниже, чем в Санкт-Петербурге, а в последующие годы – ниже и по сравнению с Москвой. В 2019 году впервые суммарный коэффициент рождаемости в Москве (1,505) оказался чуть выше, чем в целом по России. В 2021 году его величина в столице (1,597) была уже значительно больше общероссийской (1,505). Казалось бы, появились основания говорить о более высоком уровне рождаемости в столичном мегаполисе.

Следует, однако, иметь в виду, что согласно закону «Об актах гражданского состояния» местом рождения ребенка в записи акта о его рождении может быть указано как место жительства родителей, так и место фактического рождения ребенка. В Москве очень высока доля родившихся у иногородних. Например, в 2021

году она составляла 25,8%¹. В связи с этим может иметь место существенная несопоставимость числителя (число родившихся) и знаменателя (численность женщин) и, соответственно, завышение показателей рождаемости по Москве (Степанова, 2014). То же, вероятно, наблюдается и в Санкт-Петербурге, тогда как в Ленинградской области показатели рождаемости, наоборот, занижены.

Вместе с тем факт повышения рождаемости у горожан, в том числе в измерении репродуктивных ориентаций, требует проверки и грамотной интерпретации. Статистический артефакт или зарождение новой тенденции — поиску ответа на этот вопрос посвящена наша статья.

Методы исследования

Более корректную оценку соотношения уровней рождаемости в Москве и Санкт-Петербурге по сравнению с другими субъектами Российской Федерации и Россией в целом дают показатели рождаемости в реальных поколениях, рассчитываемые по данным переписей населения на основе ответов женщин о числе рожденных детей. Такой способ получения информации, естественно, обеспечивает сопоставимость числителя и знаменателя. Использование показателей рождаемости для реальных поколений позволяет нивелировать влияние тайминговых сдвигов. Однако следует иметь в виду, что это относится только к итоговому (по завершении репродуктивного периода) числу рожденных детей. На показателях рождаемости

¹ В статистической форме р58 «Распределение родившихся по месту регистрации матери» выделяются три группы родившихся: у которых мать проживала в данном субъекте РФ, в другом субъекте РФ и группа «другое». В 2021 г. в Москве к первой группе относились 64,2% родившихся, ко второй — 25,8%, к третьей — 10,0%. Учет в качестве родившихся у иногородних только второй группы, а не второй и третьей, обусловлен как некоторой неопределенностью группы «другое», так и тем, что в статистической форме р211 «Родившиеся живыми по возрасту матери и источнику сведений об отце» по Москве с выделением муниципальных образований число родившихся с неуказанным муниципальным образованием, неуказанным кодом района за 2021 г. (33475 человек) почти совпадает с числом родившихся, в отношении которых в статистической форме р58 указано, что мать проживала в другом субъекте РФ (33415 человек).

в реальных поколениях женщин того или иного возраста тайминговые сдвиги будут сказываться. Также показатели рождаемости в реальных поколениях позволяют несколько иначе (чем на основе суммарного коэффициента рождаемости и нетто-коэффициента воспроизводства населения) оценить степень замещения поколений матерей поколениями дочерей: такая оценка может быть сделана непосредственно для каждого поколения с учетом среднего числа рожденных детей, скорректированного на долю девочек среди родившихся.

В рамках статьи важно отметить сопоставимость показателей рождаемости именно для реальных поколений с репродуктивными ориентациями по данным социологических исследований, так как их характеристики также рассчитываются в отношении реальных поколений.

Для углубленного анализа возможных причин более низкого уровня рождаемости в Москве в сентябре 2021 года отдел медико-социологических исследований (руководитель — кандидат политических наук Богдан Игнат Викторович) Научно-исследовательского института организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения Москвы провел социологическое исследование репродуктивного поведения.

Исследование осуществлено методом телефонного опроса в период со 2 по 24 сентября 2021 года. Сбор данных проводил ООО «Спектр». Итоговый размер выборки составил 611 человек. Максимальный размер ошибки выборки не превышает 3,96% при доверительной вероятности на уровне 95%. Опрос проводился с использованием случайной стратифицированной выборки мобильных телефонов (САТІ). В исследовании приняли участие женщины репродуктивного возраста (18–49 лет), постоянно проживающие в Москве. Репрезентативность выборки контролировалась с помощью заданных страт по критериям принадлежности к возрастным группам (18–24, 25–29, 30–34, 35–49 лет), а также наличию и числу собственных детей (1 ребенок / 2 и более) на основании данных Росстата за 2020 год.

Репродуктивное поведение женщин и его детерминанты

Среди детерминант рождаемости большое внимание уделяется репродуктивному поведению женщин, которое при определенных обстоятельствах способно корректировать влияние структурных факторов, смещая показатели детности. Внимание к особенностям и факторам репродуктивного поведения женщин обусловлено тем, что в российских реалиях репродуктивные решения принимаются именно женщинами, что закреплено формальными и неформальными нормами.

Современные женщины все чаще используют мужские стратегии жизнедеятельности, отдавая приоритет не семье, а самообразованию, профессиональной карьере. Обществом заданы координаты выведения женщин из пространства частной жизни, что серьезно изменило их ролевые функции и повлияло на репродуктивное поведение. С давних времен в России консервировались патриархальные взгляды на место и роль женщины в социальном континууме. Женские стратегии предполагали роль хозяйки дома, матери. Традиционно брак и рождение детей были главным и единственным способом утверждения женской статусности. В общественном мнении легитимизация карьеры женщины сопрягалась с неудачами в личной жизни как некоторая социальная компенсация (Бегина, Калугина, 2018). Подобные тенденции характерны в большей степени для жительниц городов. Доминирующей в городской и сельской местности остается однодетная семья, однако удельный вес двух- и трехдетных семей в селе выше, чем в городе (Блинова, Вяльшина, 2012). При этом снижение рождаемости у городского населения началось еще в поколениях 1920-х гг. рождения (Денисов, 2015).

Исследования влияния городского образа жизни на репродуктивное поведение населения однозначно свидетельствуют о коренных изменениях в поведении горожан. Е.Н. Новоселова отмечает: «Сегодняшний городской житель гораздо больше привязан к вещам, чем к семье. <...> Таким образом, город изменил человека и практически победил его. Последствия этой победы – разрушение ценности семьи и детей, формирование семей, состоящих из индивидов-одиночек, воспитание детей во внесемейном

пространстве мегаполиса, глубокое изменение психологии как женщины, так и мужчины» (Новоселова, 2014).

У горожанок, москвичек в частности², отмечается большая склонность к мало- и бездетности, более существенное откладывание вступления в брак и рождения первенца до уровня женщин европейских стран, где он достиг 29 лет (Frejka, Sardon, 2005; Sobotka, 2004). Однако имеются данные и о более высокой недореализации репродуктивных намерений москвичей в связи с наличием детерминант, таких как занятость и жилищные проблемы, а также интериоризация культурных ценностей (Жук, 2016).

Влияние материальных и жилищных условий, уровня жизни на репродуктивное поведение не столь очевидно. Результаты большинства исследований свидетельствуют о наличии обратной связи между уровнем жизни и рождаемостью, количеством детей: более высокие показатели рождаемости, количества детей в семье сочетаются с более низким уровнем жизни. Корректный анализ, исключая влияние имеющегося количества детей на среднедушевой доход, показывает, что повышение уровня жизни может способствовать более полной реализации потребности семей в рождении нескольких детей и тем самым повышению рождаемости, а не ее снижению (Сивоплясова и др., 2022). Репродуктивный выбор определяет соотношение значимости ценностей детей и материального благополучия (Архангельский и др., 2021). Выбор приходится делать каждой семье, а слабая связь суммарного коэффициента рождаемости и доли населения с доходами ниже прожиточного минимума свидетельствует о наличии других нематериальных детерминант рождаемости и репродуктивного поведения.

К числу факторов репродуктивного поведения, несомненно, относится здоровье. О роли репродуктивного здоровья женщин как фактора рождаемости и репродуктивного поведения свидетельствуют исследования Е.В. Земляной³,

² Например, данные социологического исследования «Гендерный профиль социально-экономических проблем столичного региона», проведенного в 2019 г. по заказу Уполномоченного по правам человека в городе Москве.

³ Землянова Е.В. (2003). Репродуктивное здоровье женщин как фактор рождаемости в России: дис. ... канд. экон. наук. М.: ПрофСоф. 134 с.

А.А. Шабуновой (Шабунова, 2010). Связь репродуктивного здоровья, которое в свою очередь детерминирует поведение, и деятельности системы здравоохранения обусловлена необходимостью медицинского сопровождения женщин и супружеских пар на разных стадиях репродуктивного цикла. В исследовании Н.Е. Русановой и А.А. Ожигановой доказана медиализация репродуктивных намерений женщин, в том числе с учетом использования вспомогательных репродуктивных технологий, а также отмечен растущий запрос на гуманизацию родовспоможения, который проявляется в желании женщин тщательно подходить к организации родов и выбору команды помощников, посещать курсы для будущих родителей, быть более информированными и подготовленными (Русанова, Ожиганова, 2022).

Одним из доказанных факторов рождаемости выступает брачность. А.Б. Синельников установил, что на ежегодные изменения числа родившихся сильно влияют изменения числа зарегистрированных браков с лагом в один год (Синельников, 2015), а трансформация брачного поведения в целом способствует снижению рождаемости. «Женщины, состоящие в зарегистрированном браке, к концу репродуктивного возраста имеют больше детей, чем женщины, состоящие в незарегистрированных партнерствах. Женщины, состоящие в повторном законном браке, имеют больше детей, чем состоящие в первом браке. Но даже у них среднее число рожденных детей значительно меньше

того минимума, который необходим для простого замещения поколений. Лишь одна из каждых пяти женщин репродуктивного возраста, у которых прекратился первый брак, на момент опроса состояла в законном браке. Среднее число детей у женщин, состоящих в незарегистрированных союзах, больше, чем у никогда не состоявших в браке и у разведенных, но меньше, чем у замужних» (Синельников, 2019).

В ряде исследований изучается влияние образования на репродуктивное поведение женщин. Как российские, так и зарубежные демографы выявляют меньшую детность женщин с высшим образованием (Архангельский и др., 2019; Gustafsson, 2005), откладывание материнства до получения профессии и экономической состоятельности (Marini, 1984; Gustafsson, Worku, 2005; Lappegård, Rønsen, 2005).

Таким образом, результаты исследования показывают наличие особенностей репродуктивного поведения горожанок, а именно заметно большие тайминговые сдвиги, распространение малодетности, обусловленные ценностями и образом жизни, для которых характерен выбор в пользу благосостояния и профессиональной самореализации.

Результаты исследования

Результаты переписи населения в 2021 году показали, что в Москве и Санкт-Петербурге рождаемость в реальных поколениях существенно ниже, чем в целом по России и у городского населения страны (табл. 1).

Таблица 1. Среднее число рожденных детей в реальных поколениях женщин в Москве, Санкт-Петербурге и в целом по России (на одну женщину)

Возраст, лет	Москва	Санкт-Петербург	Россия	
			все население	городское население
20–24	0,13	0,10	0,31	0,25
25–29	0,48	0,45	0,90	0,79
30–34	0,93	0,94	1,37	1,26
35–39	1,24	1,26	1,61	1,50
40–44	1,37	1,36	1,66	1,54
45–49	1,34	1,29	1,60	1,48
50–54	1,31	1,24	1,60	1,45
55–59	1,31	1,26	1,68	1,52
60–64	1,35	1,32	1,77	1,62
65–69	1,34	1,32	1,80	1,65
70 и более	1,32	1,28	1,84	1,66

Источник: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Том 9. Рождаемость. Таблица 1 (https://rosstat.gov.ru/vpn_popul).

В Москве среднее число рожденных детей в реальных поколениях немного выше, чем в Санкт-Петербурге (кроме возрастных групп 30–34 года и 35–39 лет). Среди субъектов Российской Федерации среднее число рожденных городскими женщинами детей ниже, чем в Москве (но выше, чем в Санкт-Петербурге), только в Воронежской (40–44 и 45–49 лет) и Тульской (45–49 и 50–54 года) областях.

Одним из факторов более низкой рождаемости в реальных поколениях в Москве и Санкт-Петербурге может быть существенно более высокий уровень образования населения. Доля женщин в возрасте 15–49 лет, имеющих высшее образование, по данным переписи населения, проведенной в 2021 году, в целом по России составляет 35,7%, по городскому населению страны – 40,5%, в Москве – 47,1%, в Санкт-Петербурге – 47,4%⁴. Элиминировать влияние этих различий можно, сопоставив среднее число рожденных детей у женщин, имеющих высшее образование (табл. 2).

Отличие уровня рождаемости в реальных поколениях в Москве и Санкт-Петербурге от всего и от городского населения России у женщин с высшим образованием существенно меньше, чем в целом по всем женщинам (например, если в целом по всем женщинам в возрасте 45–49 лет среднее число рожденных детей

в Москве меньше, чем в целом по России, на 0,26, а по сравнению с городским населением – на 0,14, то у женщин с высшим образованием – соответственно, на 0,12 и 0,08; в возрасте 35–39 лет в целом по всем женщинам – на 0,37 и 0,26, у женщин с высшим образованием – на 0,26 и 0,21), но все же сохраняется. Обратим внимание, что, по данным переписи населения, в Москве и Санкт-Петербурге у женщин с высшим образованием среднее число рожденных детей в возрастных группах от 40 до 55 лет выше, чем при более низком уровне образования и, соответственно, чем у всех женщин (см. табл. 1 и 2).

В когортах более молодых женщин Москвы и Санкт-Петербурга показатель среднего числа рожденных детей более существенно отличается от значения по стране в целом. Возрастные различия могут носить как поколенческий характер (т. е. более существенные в более молодых поколениях), так и быть связанными с более поздним, в среднем, началом деторождения, сдвигом возрастной модели рождаемости к более старшим возрастам в Москве и Санкт-Петербурге. Доля женщин, родивших первого ребенка в возрасте до 30 лет, в Москве составляет 80,0%, в Санкт-Петербурге – 79,6%, в целом по России – 88,6%, у городского населения страны – 87,0%; в возрасте до 25 лет – соответственно, 49,4%, 47,8%, 65,1% и 61,4%⁵.

Таблица 2. Среднее число рожденных детей в реальных поколениях женщин, имеющих высшее образование, в Москве, Санкт-Петербурге и в целом по России (на одну женщину)

Возраст, лет	Москва	Санкт-Петербург	Россия	
			все население	городское население
20–24	0,12	0,07	0,18	0,17
25–29	0,40	0,34	0,64	0,60
30–34	0,89	0,86	1,20	1,15
35–39	1,24	1,24	1,50	1,45
40–44	1,39	1,36	1,56	1,52
45–49	1,37	1,30	1,49	1,45
50–54	1,32	1,25	1,46	1,40
55–59	1,31	1,25	1,49	1,43
60–64	1,35	1,31	1,58	1,52
65–69	1,35	1,31	1,62	1,55
70 и более	1,29	1,26	1,57	1,51

Источник: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Том 9. Рождаемость. Таблица 5 (https://rosstat.gov.ru/vpn_popul).

⁴ Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 3. Образование. Таблица 1 (https://rosstat.gov.ru/vpn_popul).

⁵ Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 9. Рождаемость. Таблица 4 (https://rosstat.gov.ru/vpn_popul).

Один из факторов, который может способствовать более низкой рождаемости в Москве, — относительно большая доля людей, находящихся в незарегистрированных супружеских отношениях. Среди считавших себя состоящими в браке доля тех, чьи супружеские отношения не зарегистрированы, у женщин в возрасте 25–29 лет (в этой возрастной группе наибольший уровень рождаемости) в Москве и Санкт-Петербурге составляет 16,8%, в целом по России — 12,9%, у городских женщин страны — 12,7%⁶.

При этом, по данным социологического исследования, проведенного в Москве в 2021 году, среднее число рожденных детей различается в зависимости от того, зарегистрированы ли супружеские отношения или нет (табл. 3).

Во всех возрастных группах опрошенных женщин у состоящих в зарегистрированном браке среднее число рожденных детей значимо больше, чем у тех, у кого брак не зарегистрирован ($p < 0,05$): разница составляет от 0,48 у 40–44-летних женщин до 0,89 у 20–24-летних.

Среди тех, у кого супружеские отношения начались в 2010–2018 гг. (т. е. после начала отношений прошло не менее 3 лет), при зарегистрированном (на момент опроса) браке доля не имеющих рожденных детей составляет 18,5%, при незарегистрированных супружеских отношениях — 38,8%.

В зависимости от брачного статуса, регистрации брака различаются и репродуктивные

ориентации, к которым прежде всего относятся ожидаемое и желаемое число детей.

В данном социологическом исследовании с целью проверки влияния формулировки вопросов на ответы о репродуктивных ориентациях в отличие от большинства проводившихся ранее исследований репродуктивного поведения сначала выяснялось ожидаемое число детей («Сколько всего детей, включая имеющихся, Вы собираетесь иметь?»), а затем — желаемое. Причем акцентировалось внимание на ситуации со всеми необходимыми условиями для того, чтобы иметь детей («Представьте ситуацию, при которой у Вас есть все необходимые условия, чтобы иметь детей. Хотели бы Вы иметь большее число детей, чем собираетесь сейчас?»). Только тем, кто отвечал «да», задавался вопрос о желаемом числе детей «Сколько всего детей, включая имеющихся, Вы хотели бы иметь, если бы у Вас были все необходимые условия?»⁷. В результате среднее желаемое число детей, по данным исследования, оказалось очень высоким (2,73), в полтора раза превышающим среднее ожидаемое число детей (1,81). Для сравнения, по данным Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, проведенного Росстатом в 2017 году, в целом по России среднее ожидаемое число детей у женщин (1,88) немногим больше, чем в данном исследовании, а среднее желаемое (2,15)⁸ значительно меньше.

Таблица 3. Среднее число рожденных детей в зависимости от возраста и регистрации брака

Возраст, лет	Состоят в зарегистрированном браке	Живут вместе (гражданский брак)	Разность
20–24	1,00	0,11	0,89
25–29	0,83	0,20	0,60
30–34	1,17	0,64	0,53
35–39	1,47	0,89	0,58
40–44	1,88	1,40	0,48
45–49	1,74	1,00	0,74

Источник: здесь и далее данные социологического исследования, 2021 г.

⁶ Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. Таблица 5 (https://rosstat.gov.ru/vpn_popul).

⁷ При расчете распределений по желаемому числу детей и средней его величины у тех, кто отвечал «нет» на вопрос о желании иметь большее число детей, чем собираются, и, соответственно, не отвечал на вопрос о желаемом числе детей, в качестве желаемого числа отмечалось ожидаемое, т. е. то, которое собираются иметь.

⁸ https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html

У состоящих в зарегистрированном браке по сравнению с теми, у кого супружеские отношения не зарегистрированы, не только больше среднее число рожденных детей, но и существенно выше репродуктивные ориентации (табл. 4).

Среднее ожидаемое число детей у состоящих в зарегистрированном браке (2,00) на 0,43 больше, чем у тех, у кого супружеские отношения не зарегистрированы (1,57). У живущих вместе без регистрации брака оно даже меньше, чем у тех, кто состоял в браке раньше (1,76) и не состоял никогда (1,62). Среднее желаемое число детей у состоявших в браке ранее (2,90) чуть больше, чем у состоящих в зарегистрированном браке (2,86), но у живущих вместе без регистрации брака оно существенно меньше (2,55).

Таким образом, есть основания говорить о взаимосвязи регистрации супружеских отношений и репродуктивного поведения. Вероятно, отсутствие регистрации определяет ориентацию на меньшее число детей. Однако основной детерминантой здесь, видимо, является значимость семейной жизни, которая влияет и на брачное, и на репродуктивное поведение.

Еще одним фактором, определяющим относительно меньшее число рожденных детей у москвичек, выступает, если можно так сказать, поколенческая передача традиций малодетности.

В большинстве московских семей уже сравнительно давно сформировались нормы малодетности. А результаты нашего исследования, как и ряда других, проводившихся в разное время в разных регионах России, показывают существенную зависимость числа детей, репродуктивных ориентаций от числа детей в родительской семье (табл. 5).

Почти во всех возрастных группах респонденток (кроме 45–49 лет) наибольшее среднее число рожденных детей фиксируется у женщин, выросших в родительской семье с тремя и более детьми, а наименьшее (кроме групп 25–29 и 45–49 лет) — у выросших в однодетных семьях.

У женщин, выросших в семьях с большим числом детей, не только больше среднее число рожденных детей, но и ниже средний возраст при рождении первого ребенка, меньше интервал между регистрацией брака и рождением первого ребенка (протогенетический интервал). У тех, кто был единственным ребенком в семье, средний возраст при рождении первого ребенка составляет 26,3 года; у тех, у кого в родительской семье было двое детей, — 25,7 года; трое и более детей — 25,6 года. У выросших в родительской семье с одним ребенком средний протогенетический интервал составляет 30,9 месяца, с двумя детьми — 24,1 месяца, с тремя и более детьми — 21,9 месяца.

Таблица 4. Среднее ожидаемое и среднее желаемое число детей и возраст при рождении первого ребенка

Состояние в браке	Среднее ожидаемое число детей	Среднее желаемое число детей	Разность
Состоят в зарегистрированном браке	2,00	2,86	0,86
Живут вместе (гражданский брак)	1,57	2,55	0,98
Не состоят, но раньше состояли в браке (разведенные, вдовы)	1,76	2,90	1,14
Никогда не состояли в браке	1,62	2,51	0,89

Таблица 5. Среднее число рожденных детей в зависимости от возраста и числа детей в родительской семье

Возраст, лет	Число детей в родительской семье		
	один	двое	трое и более
20–24	0,13	0,21	0,25
25–29	0,48	0,39	0,59
30–34	0,86	0,95	1,17
35–39	1,16	1,22	1,80
40–44	1,15	1,58	1,75
45–49	1,38	1,50	1,27

Таблица 6. Среднее ожидаемое и среднее желаемое число детей у женщин в зависимости от числа детей в родительской семье

Число детей в родительской семье	Среднее ожидаемое число детей	Среднее желаемое число детей	Разность
Один	1,76	2,64	0,88
Два	1,78	2,64	0,86
Три и более	1,99	3,07	1,08

У респонденток, выросших в семьях с тремя и более детьми, существенно выше среднее ожидаемое и среднее желаемое число детей (табл. 6).

Среднее ожидаемое число детей у женщин, выросших в однодетных (1,76) и двухдетных (1,78) семьях, почти одинаково, а у выросших в семьях с тремя и более детьми – на 0,2 больше (1,99). Еще заметнее различия в среднем желаемом числе детей. У женщин, в родительских семьях которых был один ребенок или двое детей, оно совпадает, составляя 2,64, а у тех, кто вырос в семьях с тремя и более детьми, среднее желаемое число детей превышает 3 (3,07; см. табл. 6).

Казалось бы, более высокому уровню рождаемости в Москве мог бы способствовать относительно более высокий уровень жизни. В 2021 году доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в Москве составляла 5,5%, что вдвое меньше, чем в целом по России (11,0%⁹). Однако результаты исследования (как и большинства проводившихся ранее) показали, что более высокий уровень жизни, относительно большие среднедушевые доходы сопряжены с меньшим числом детей (табл. 7).

В большинстве возрастных групп опрошенных женщин существенно большее среднее число рожденных детей имеет место в группе с наименьшими среднедушевыми доходами (до 20 тыс. рублей). Исключение составили только группы женщин 25–29 и 45–49 лет, в которых оно наибольшее при среднедушевых доходах от 20 до 50 тыс. рублей. Наименьшее среднее число рожденных детей, наоборот, в группе с наибольшими среднедушевыми доходами (свыше 80 тыс. рублей). Исключение составляют только возрастные группы 35–39 и 40–44 лет (см. табл. 7).

Из этого, конечно, не следует, что более низкие среднедушевые доходы определяют более высокую рождаемость и большее число детей. Во-первых, среднедушевые доходы учитываются на момент опроса, а не на момент рождения ребенка. Во-вторых, и это главное, представленные данные свидетельствуют лишь о наличии обратной связи между среднедушевыми доходами и числом рожденных детей, а не о влиянии доходов на число детей. Вероятно, наоборот, имеет место влияние числа рожденных детей на среднедушевые доходы. При большем числе детей, при прочих равных условиях, среднедушевой доход в семье в среднем меньше.

Таблица 7. Среднее число рожденных детей по возрастным группам женщин и среднедушевому доходу

Возраст, лет	Какова сумма дохода Вашей семьи в расчете на одного члена семьи в месяц? (тысяч рублей)			
	до 20	от 20 до 50	от 50 до 80	свыше 80
20–24	0,41	0,22	0,00	0,00
25–29	0,67	0,69	0,32	0,17
30–34	1,56	1,00	0,69	0,60
35–39	2,08	1,21	0,67	1,11
40–44	2,06	1,28	1,11	1,50
45–49	1,24	1,53	1,11	1,10

⁹ <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>

Таблица 8. Среднее ожидаемое и среднее желаемое число детей и среднедушевой доход

Среднедушевой доход, тысяч рублей	Среднее ожидаемое число детей	Среднее желаемое число детей	Разность
До 20	2,06	3,24	1,18
От 20 до 50	1,79	2,68	0,89
От 50 до 80	1,72	2,53	0,81
Свыше 80	1,66	2,50	0,84

Таблица 9. Среднее ожидаемое число детей в зависимости от среднедушевого дохода и желаемого числа детей

Среднедушевой доход, тысяч рублей	Желаемое число детей				
	1	2	3	4	5
До 20	0,80	1,41	2,05	2,45	2,95
От 20 до 50	0,80	1,63	1,86	2,31	3,06
От 50 до 80	0,93	1,52	1,96	2,00	3,27
Свыше 80	1,00	1,50	1,81	2,50	3,57

Однако при более низком среднедушевом доходе характерно большее число не только рожденных детей, но и ожидаемых, и желаемых (табл. 8).

Обратим внимание, что в группе с самым низким среднедушевым доходом наибольшая разница между средним желаемым и ожидаемым числом детей. Она составляет 1,18, тогда как в остальных группах по доходу от 0,81 до 0,89.

Оценивая взаимосвязь среднедушевого дохода и репродуктивных ориентаций, нужно иметь в виду по крайней мере три обстоятельства.

Во-первых, уровень жизни вообще и доходы в частности влияют главным образом на условия реализации потребности в детях, в связи с чем корректно рассматривать это влияние на среднее ожидаемое число детей в группах, однородных по желаемому числу детей.

Во-вторых, на репродуктивное поведение в большей мере влияет, вероятно, не объективная характеристика уровня жизни, а его субъективная оценка.

В-третьих, желаемое число и ожидаемое число детей включают уже имеющихся детей, поэтому здесь имеет место не только влияние уровня жизни на репродуктивные ориентации, но и отчасти их влияние на уровень жизни.

Если в целом для всех опрошенных, независимо от желаемого числа детей, при более вы-

соком среднедушевом доходе в среднем меньше ожидаемое число детей, то в группах, дифференцированных по желаемому числу детей, такой выраженной обратной связи нет (табл. 9).

У женщин с желаемым числом детей 1 и 5 можно говорить о прямой связи между среднедушевым доходом и средним ожидаемым числом детей. В остальных группах по желаемому числу детей выраженной связи между этими показателями нет.

И, конечно, важно отметить, что различия в величине среднего ожидаемого числа детей в зависимости от желаемого числа детей в группах, однородных по среднедушевому доходу, несравненно больше, чем, наоборот, в зависимости от среднедушевого дохода в группах, однородных по желаемому числу детей. Т. е. потребность в детях в значительно большей мере дифференцирует репродуктивные намерения, чем среднедушевой доход.

Как уже отмечалось, вероятно, люди при определении степени благоприятности уровня жизни для реализации репродуктивных намерений учитывают не только и не столько величину доходов, сколько удовлетворенность ими.

Если со среднедушевым доходом связь среднего ожидаемого и желаемого числа детей обратная, то при использовании индикатора удовлетворенности доходами семьи обратная связь имеет место только со средним желаемым числом детей (табл. 10).

Таблица 10. Среднее ожидаемое и среднее желаемое число детей и оценка удовлетворенности доходами

Оценка удовлетворенности доходами семьи в настоящее время (по 10-балльной шкале)	Среднее ожидаемое число детей	Среднее желаемое число детей	Разность
0–3	1,74	2,90	1,16
4–7	1,83	2,76	0,93
8–10	1,81	2,51	0,7

Среднее ожидаемое число детей мало различается в зависимости от степени удовлетворенности доходами семьи: оно немного больше при средней оценке и меньше при низкой. Среднее желаемое число детей наибольшее при наименьшей оценке удовлетворенности доходами, а наименьшее у тех, кто в наибольшей мере удовлетворен доходами. Соответственно, при худшей оценке удовлетворенности доходами имеет место большая разница в величине среднего желаемого и ожидаемого числа детей: 0–3 балла – 1,16; 4–7 баллов – 0,93; 8–10 баллов – 0,70 (см. табл. 10). Это логично, так как можно предполагать, что оценка удовлетворенности доходами влияет на восприятие условий реализации желаемого числа детей.

Учитывая такую зависимость разницы между средним желаемым и средним ожидаемым числом детей от оценок удовлетворенности доходами, можно предполагать наличие прямой связи между этими оценками и средним ожидаемым числом детей в группах, однородных по желаемому числу детей.

Наиболее существенная прямая связь между оценкой удовлетворенности доходами семьи и средним ожидаемым числом детей характерна для женщин, которые при наличии всех необходимых условий хотели бы иметь двоих детей: при оценке удовлетворенности доходами 0–3 балла среднее ожидаемое число детей составляет 1,29; 4–7 баллов – 1,49; 8–10 баллов – 1,86. Прямая связь между оценкой удовлетворенности доходами семьи и средним ожидаемым

числом детей имеет место и у тех, кто хотел бы иметь пять детей (табл. 11).

При желаемом числе детей, равном 1 и 3, различий в среднем ожидаемом числе детей в зависимости от оценки удовлетворенности доходами, по данным исследования, практически не выявлено. У тех, кто хотел бы иметь четверых детей, существенно меньшее среднее ожидаемое число детей зафиксировано при низкой оценке удовлетворенности доходами, а наибольшее – при средней.

Представленные данные свидетельствуют о наличии той или иной связи среднего ожидаемого числа детей со среднедушевым доходом, его оценкой. Однако, строго говоря, они не позволяют корректно говорить именно о влиянии уровня жизни на репродуктивные намерения. Учитывая, что ожидаемое число и желаемое число детей включают уже имеющихся детей, на характере связи может сказываться и влияние числа детей на параметры уровня жизни.

Избежать этого влияния и осуществить корректную оценку именно влияния доходов, удовлетворенности ими, жилищных условий на репродуктивные намерения можно только для тех, у кого детей еще нет.

Для опрошенных женщин, еще не имеющих детей, в группе с наименьшим среднедушевым доходом (до 20 тыс. рублей) характерно наибольшее среднее ожидаемое и желаемое число детей. Однако различия в величине этих показателей в других группах по величине среднедушевого дохода сравнительно невелики (табл. 12).

Таблица 11. Среднее ожидаемое число детей в зависимости от оценки удовлетворенности доходами и желаемого числа детей

Оценка удовлетворенности доходами семьи в настоящее время (по 10-балльной шкале)	Желаемое число детей				
	1	2	3	4	5
0–3	0,88	1,29	1,93	2,14	3,00
4–7	0,90	1,49	1,93	2,47	3,08
8–10	0,85	1,86	1,95	2,40	3,38

Таблица 12. Среднее ожидаемое и среднее желаемое число детей и среднедушевой доход у не имеющих детей

Среднедушевой доход, тысяч рублей	Среднее ожидаемое число детей	Среднее желаемое число детей
До 20	1,82	3,26
От 20 до 50	1,44	2,31
От 50 до 80	1,53	2,31
Свыше 80	1,38	2,30

Как уже отмечалось, оценивать влияние среднедушевого дохода (как и других характеристик уровня жизни) на ожидаемое число детей целесообразно в группах, однородных по величине желаемого числа детей.

Почти во всех группах респонденток по желаемому числу детей у имеющих среднедушевой доход свыше 50 тыс. рублей среднее ожидаемое число детей больше, чем у тех, у кого доход не превышает 50 тыс. рублей (хотя у тех, кто хотел бы иметь двоих и четверых детей, различия невелики). Исключение составляют только те, кто хотел бы иметь троих детей: у них при меньшем доходе выше среднее ожидаемое число детей (табл. 13).

У не имеющих детей при более высокой оценке удовлетворенности доходами семьи

больше, в среднем, ожидаемое число детей. По среднему желаемому числу детей связь, наоборот, обратная. При более высокой оценке доходов оно ниже. Соответственно, при более низкой оценке удовлетворенности доходами имеет место существенно большая разница между средним желаемым и средним ожидаемым числом детей (0–3 балла – 1,14; 4–7 баллов – 0,97; 8–10 баллов – 0,65), что логично, так как в этом случае женщины, вероятно, хуже оценивают возможности реализации потребности в детях, рождения желаемого числа детей (табл. 14).

Относительно большее, в среднем, ожидаемое число детей при более высокой оценке удовлетворенности доходом у не имеющих детей фиксируется и в большинстве групп женщин по желаемому числу детей (табл. 15).

Таблица 13. Среднее ожидаемое число детей в зависимости от среднедушевого дохода и желаемого числа детей у не имеющих детей

Среднедушевой доход, тысяч рублей*	Желаемое число детей				
	1	2	3	4	5
До 50	0,60	1,48	2,10	2,08	2,36
Свыше 50	0,92	1,52	1,73	2,17	3,00

*Из-за малочисленности групп респонденток, не имеющих детей, дифференцированных по среднедушевому доходу и желаемому числу детей, в данном случае выделяются только две группы по величине среднедушевого дохода.

Таблица 14. Среднее ожидаемое и среднее желаемое число детей и оценка удовлетворенности доходами у не имеющих детей

Оценка удовлетворенности доходами семьи в настоящее время (по 10-балльной шкале)	Среднее ожидаемое число детей	Среднее желаемое число детей	Разность
0–3	1,38	2,52	1,14
4–7	1,47	2,44	0,97
8–10	1,69	2,34	0,65

Таблица 15. Среднее ожидаемое число детей в зависимости от оценки удовлетворенности доходами и желаемого числа детей у не имеющих детей

Оценка удовлетворенности доходами семьи в настоящее время (по 10-балльной шкале)*	Желаемое число детей				
	1	2	3	4	5
0–5	0,80	1,13	1,89	2,40	2,00
6–10	0,77	1,61	1,97	2,00	3,17

*Из-за малочисленности групп респонденток, не имеющих детей, дифференцированных по оценке удовлетворенности доходами семьи и желаемому числу детей, в данном случае выделяются только две группы по оценке удовлетворенности доходами семьи.

У женщин, у которых пока нет детей и которые хотели бы при наличии всех необходимых условий иметь двоих, троих или пятерых детей, среднее ожидаемое число детей больше при более высокой оценке удовлетворенности доходом. Если при желаемом числе детей, равном 3, различия сравнительно невелики, то у тех, кто хотел бы иметь двоих или пятерых детей, они существенны. При этом отметим, что если пятерых детей при наличии всех необходимых условий хотели бы иметь 11,1%, то двоих – 30,8%, и это самая большая группа по желаемому числу детей среди тех, у кого детей пока нет (троих детей хотели бы иметь 25,0%).

Меньшее среднее ожидаемое число детей при более высокой оценке удовлетворенности доходами семьи характерно только для тех женщин, которые при наличии всех необходимых условий хотели бы иметь одного или четырех детей. При этом, видимо, нужно иметь в виду, что различия в среднем ожидаемом числе детей в зависимости от оценки удовлетворенности доходами у тех, кто хотел бы иметь одного ребенка, совсем невелики (0,03), а средние ожидаемые числа детей у них рассчитаны для маленьких совокупностей женщин (оценка удовлетворенности доходами на 0–5 баллов – у 5 женщин, на 6–10 баллов – у 13).

Вновь отметим, что различия в среднем ожидаемом числе детей в группах респондентов с одинаковым доходом или его оценкой в зависимости от желаемого числа детей несравненно больше, чем в группах с одинаковым желаемым числом детей в зависимости от дохода или его оценки (см. табл. 13 и 15). Т. е. потребность в детях в значительно большей мере дифференцирует репродуктивные намерения, чем среднедушевой доход.

Желаемое число детей в значительной мере определяется ценностными ориентациями. В ходе социологического исследования были выделены две крайние группы респонденток: ориентированные на семью и ориентированные на индивидуальные ценности. В первую группу вошли те, кто оценил на 5 баллов значимость жизни в зарегистрированном браке и на 1 балл значимость ценности «быть свободной, независимой и делать то, что хочу только я». Во вторую группу, наоборот, включаются те, кто оценил на 5 баллов значимость ценности «быть

свободной, независимой и делать то, что хочу только я» и на 1 балл значимость жизни в зарегистрированном браке. В первую группу вошли 46 респонденток, во вторую – 67.

В группе ориентированных на семью среднее ожидаемое число детей составляет 2,20, а в группе ориентированных на индивидуальные ценности – 1,30. Еще больше различия по среднему желаемому числу детей – соответственно, 3,33 и 1,90. Если в исследовании, проведенном в Москве, среди респонденток из двух крайних групп по ориентации на семью и индивидуальные ценности 40,7% ориентированных на семью и 59,3% на индивидуальные ценности, то, например, по данным Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, проведенного Росстатом в 2022 году, среди двух этих крайних групп респонденток доля ориентированных на семью составила 87,7%, а на индивидуальные ценности – 12,3%.

Обсуждение и заключение

Таким образом, факт повышения рождаемости у городских жителей не подтверждается расчетами показателей рождаемости для реальных поколений женщин, в том числе в крупнейших мегаполисах страны – Москве и Санкт-Петербурге. Социологическое исследование подтверждает влияние традиционных факторов (отношение к браку, уровень образования, материальное положение) на репродуктивные стратегии москвичек.

Об оценке влияния дохода на репродуктивные намерения в группах, однородных по потребности в детях, писал, например, В.М. Медков: «Методически правильно анализировать связь дохода и результатов репродуктивного поведения только в группах с одинаковой потребностью в детях и с одинаковым соотношением семейных и внесемейных ориентаций, поскольку только в таких однородных группах можно в чистом виде изучать влияние различных социально-экономических факторов» (Медков, 1983). Необходимость рассматривать влияние условий жизни на рождаемость с учетом дифференциации потребности в детях отмечал В.А. Борисов, но применительно не к доходу, а к жилищным условиям: «Основной недостаток проведенных до сих пор исследований, как нам представляется, состоит в том, что исследователи фактически ищут непосредственную

связь между жилищными условиями и рождаемостью, аксиоматически полагая одинаковую потребность в детях у респондентов...» (Борисов, 1976).

В.А. Борисов писал: «Номинальная величина дохода еще не дает представления о благосостоянии семьи без учета различий в уровне потребностей и динамики их развития» (Борисов, 1976, с. 152–153). По мнению В.М. Медкова, «гораздо большую роль в детерминации предпочитаемых чисел детей должен, вероятно, играть не сам по себе доход семьи, а ориентации на желаемый уровень дохода и степень удовлетворения доходом имеющимся» (Антонов и др., 2002, с. 85). В.А. Белова и Л.Е. Дарский подчеркивали: «Именно субъективная оценка материального положения лежит в основе планирования семьи» (Белова, Дарский, 1968, с. 35). Р.И. Сифман отмечала: «С теоретической и методической точек зрения при изучении влияния дохода семьи на число рождений у женщины важно исходить из твердо установленного сейчас в демографических исследованиях положения, что влияние оказывает не абсолютный размер дохода, а его оценка семьей»

(Сифман, 1976, с. 88). То есть вывод о том, что доходы существенно меньше детерминируют репродуктивные намерения, чем потребность в детях, следует принимать во внимание при разработке прогнозов и мер демографической политики. Вместе с тем влияние уровня доходов на степень реализации репродуктивных намерений доказано: чем выше удовлетворенность доходами, тем меньше разность между желаемым и ожидаемым числом детей.

Неоспоримо и влияние ценностных ориентаций. Значительно более высокая доля жительниц Москвы, ориентированных на индивидуальные ценности, по сравнению с общероссийским исследованием, определяет более низкий уровень рождаемости (если говорить о показателях рождаемости в реальных поколениях) в столичном мегаполисе. Характерно, что малодетность закрепляется и транслируется: для москвичек имеет место особый фактор — поколенческая передача традиций малодетных семей. Учет данных тенденций рождаемости и особенностей репродуктивного поведения москвичек может способствовать повышению эффективности демографической политики.

Литература

- Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. (2002). Демографические процессы в России XXI века. 168 с.
- Архангельский В.Н., Елизаров В.В., Джанаева Н.Г. (2021). Дети или материальный достаток: детерминация выбора // *Уровень жизни населения регионов России*. Т. 17. № 1. С. 102–120. DOI: 10.19181/lsprg.2021.17.1.8
- Архангельский В.Н., Зинькина Ю.В., Шульгин С.Г. (2019). Рождаемость у женщин с разным уровнем образования: текущее состояние и прогнозные сценарии // *Народонаселение*. Т. 22. № 1. С. 21–39.
- Бегина И.А., Калугина Т.А. (2018). Особенности репродуктивных установок сельских женщин // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. № 4. 413–418.
- Белова В., Дарский Л. (1968). Мнения женщин о формировании семьи (по данным специального опроса работниц нескольких московских предприятий) // *Вестник статистики*. № 8. С. 27–36.
- Блинова Т.В., Вяльшина А.А. (2012). Репродуктивные предпочтения сельских женщин и ценность детей в семье // *Промышленность: экономика, управление, технологии*. № 4 (43). С. 165–170.
- Борисов В.А. (1976). *Перспективы рождаемости*. М.: Статистика. 248 с.
- Денисов А.Ю. (2015). Специфика и значение репродуктивного поведения городского населения Беларуси // *Социологический альманах*. № 6. С. 165–171.
- Жук Е.И. (2016). Репродуктивные установки москвичей молодого и среднего возраста // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. № 1. С. 156–174. DOI: 10.14515/monitoring.2016.1.06
- Медков В.М. (1983). *Уровень жизни и репродуктивное поведение двухдетной городской семьи // Социально-демографические исследования брака, семьи, рождаемости и репродуктивных установок*. Ереван. С. 138–139.

- Новосёлова Е.Н. (2014). Традиционная семья в большом городе: социальный атавизм и необходимая ценность // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. № 4. С. 130–150.
- Русанова Н.Е. Ожиганова А.А. (2022). Репродуктивные стратегии российских женщин: результаты пилотного опроса // Народонаселение. Т. 25. № 4. С. 55–67. DOI: 10.19181/population.2022.25.4.5
- Сивоплясова С.Ю., Сигарева Е.П., Архангельский В.Н. (2022). Уровень жизни и рождаемость: взаимосвязь двух неравенств на макро- и микроуровнях // Экономика. Налоги. Право. № 15(3). С. 38–51. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-3-38-51
- Синельников А.Б. (2015). Влияние брачности на рождаемость и демографическая политика в России // Семья и социально-демографические исследования. Научный интернет-журнал. № 4. С. 1–17.
- Синельников А.Б. (2019). Трансформация брака и рождаемость в России // Народонаселение. № 2. С. 26–39.
- Сифман Р.И. (1976). Рождаемость и материальная обеспеченность // Рождаемость / под ред. Л.Е. Дарского. С. 76–92.
- Степанова А.В. (2014). Демографическое развитие Москвы в начале 2000-х годов // Уровень жизни населения регионов России. № 4. С. 103–112. DOI: 10.12737/7406
- Шабунова. А.А. (2010). Здоровье населения в России: состояние и динамика: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН. 408 с.
- Frejka T., Sardon J.P. (2005). First birth trends in developed countries: Persisting parenthood postponement. *Demographic Research*, 6(15), 147–180.
- Gustafsson S., Worku S. (2005). Assortative Mating by education and postponement of couple formation and first birth in Britain and Sweden. *Review of Economics of the Household*, 3, 91–113.
- Gustafsson S. (2005). Having Kids Later. Economic analyses for industrialized countries. *Review of Economics of the Household*, 3, 5–16.
- Lappegård T., Rønsen M. (2005). The multifaceted impact of education on entry into motherhood. *European Journal of Population*, 21, 31–49.
- Marini M.M. (1984). Women's educational attainment and the timing of entry into parenthood. *American Sociological Review*, 49, 491–511.
- Sobotka T. (2004). *Postponement of Childbearing and Low Fertility in Europe*. Groningen and Amsterdam: Rijksuniversiteit Groningen and Dutch University Press.

Сведения об авторах

Владимир Николаевич Архангельский – кандидат экономических наук, научный сотрудник, НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента, Департамент здравоохранения города Москвы (115184, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Татарская, д. 30); заведующий сектором, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 46); ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; e-mail: archangelsky@yandex.ru)

Игнат Викторович Богдан – кандидат политических наук, начальник отдела, НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента, Департамент здравоохранения города Москвы (115184, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Татарская, д. 30; e-mail: bogdaniv@zdrav.mos.ru)

Ольга Николаевна Калачикова – кандидат экономических наук, заведующий отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: onk82@mail.ru)

Дарья Павловна Чистякова – аналитик 2 категории, НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента, Департамент здравоохранения города Москвы (115184, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Татарская, д. 30; e-mail: ChistyakovaDP@zdrav.mos.ru)

Arkhangelskii V.N., Bogdan I.V., Kalachikova O.N., Chistyakova D.P.

Specifics of Reproductive Behavior of Female Residents of Moscow

Abstract. Birth rate dynamics in Russia's population remains one of the major objects of attention of demographic science and politics. In 2019, the aggregate birth rate in Moscow exceeded the Russian average, giving rise to assumptions about the likelihood of the emergence of a new trend, despite the fact that studies of reproductive behavior of city dwellers indicate the prevalence of intentions to have fewer children. The article presents estimates of birth rates in metropolitan megacities of Russia, indicating that the values of indicators are still lower than the Russian average and even lower than the same indicators for Russia's urban population. According to the data of an up-to-date survey of female Moscow residents, we find the prevalence of intentions to have fewer children and postpone childbirth. Significant factors influencing the intentions of female Moscow residents to have children are marital behavior, level of education, standard of living and value orientations. Birth rates in female Moscow residents with higher education in real generations are slightly lower than the Russian average. A slightly less pronounced inclination toward getting married in a civil ceremony also has a significant determinant role. The impact of income level cannot be assessed unambiguously. Indeed, in groups of women with relatively lower welfare, fertility rates are higher, but this is due to the ratio of satisfaction with the standard of living and the importance of children (the need for children). A higher level of income (and satisfaction with it) contributes to the realization of reproductive intentions. Female Moscow residents tend to have fewer children since such an attitude is passed down from previous generations; besides, among them, there is a higher proportion of those focused on individual values, which also determines a lower birth rate in a metropolitan megacity. Taking into account birth rate trends and the peculiarities of reproductive behavior of female Moscow residents can contribute to improving the effectiveness of demographic policy.

Key words: women's reproductive behavior, reproductive behavior of female Moscow residents, drivers of women's reproductive behavior.

Information about the Authors

Vladimir N. Arkhangel'skii – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department (30, Bolshaya Tatarskaya Street, Moscow, 115184, Russian Federation); head of sector, Lomonosov Moscow State University (1, building 46, Leninskie Gory Street, Moscow, 119991, Russian Federation); Leading Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: archangelsky@yandex.ru)

Ignat V. Bogdan – Candidate of Sciences (Politics), head of department, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department (30, Bolshaya Tatarskaya Street, Moscow, 115184, Russian Federation; e-mail: bogdaniv@zdrav.mos.ru)

Olga N. Kalachikova – Candidate of Sciences (Economics), head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: onk82@yandex.ru)

Darya P. Chistyakova – Category 2 Analyst, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department (30, Bolshaya Tatarskaya Street, Moscow, 115184, Russian Federation; e-mail: ChistyakovaDP@zdrav.mos.ru)

Статья поступила 15.05.2023.

Образовательная миграция выпускников Карелии: арктическая специфика

Анна Васильевна

СИМАКОВА

Петрозаводский государственный университет

Петрозаводск, Российская Федерация

e-mail: simakova@petsu.ru

ORCID: 0000-0002-1990-9826

Ирина Сергеевна

СТЕПУСЬ

Петрозаводский государственный университет

Петрозаводск, Российская Федерация

e-mail: stepus@petsu.ru

ORCID: 0000-0001-5070-0273

Аннотация. Изучение миграционных планов выпускников школ важно в контексте воспроизводства человеческого капитала региона. В статье на примере одного из арктических регионов (Республика Карелия) рассмотрены образовательные миграционные планы молодёжи. Эмпирическую базу составили данные социологического исследования, проведённого авторами в ноябре 2022 года. В опросе приняли участие 3053 обучающихся 8–11 классов всех районов Карелии. Основная цель исследования — выявление миграционных намерений молодёжи, а именно выпускников школ как социальной группы, находящейся на пути выбора профессионального образования в регионе либо за его пределами, причин миграционных настроений и потенциальной готовности вернуться в район после получения профессии в другом регионе. Установлено, что миграционные настроения по районам Карелии отличаются: образовательные планы большинства школьников Петрозаводска действительно ориентированы за пределы региона, а северных (неарктических) районов Карелии, наоборот, в Петрозаводск. Однако выпускники

Для цитирования: Симакова А.В., Степуть И.С. (2023). Образовательная миграция выпускников Карелии: арктическая специфика // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 247–264. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.13

For citation: Simakova A.V., Stepus' I.S. (2023). Educational migration of school leavers from Karelia: Arctic specifics. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(3), 247–264. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.13

арктических и южных районов также ориентированы на учебу за пределами региона, что не типично для арктических территорий, где традиционно потоки из районов обычно направлены в центр своего региона, а уже затем в другие регионы. Важной является оценка потенциальной возвратности уезжающих выпускников обратно в регион: большая часть из тех, кто собирается учиться не в Карелии, там же собирается и работать. Сопоставление фактического и потенциального оттока одиннадцатиклассников из региона показало, что в действительности уезжает каждый третий выпускник. Большинство настроенных на отъезд выпускников романтизируют свои планы, и только каждая четвертая семья финансово готовится к обучению ребенка в другом регионе, остальные не предпринимают конкретных действий. Полученные результаты вносят вклад в изучение миграционной активности молодежи регионов России, частично входящих в Арктическую зону Российской Федерации, так как именно по таким территориям детализированная информация ограничена. В практическом плане результаты исследования позволяют сформировать аналитическую основу для своевременной разработки управленческих механизмов по закреплению и удержанию молодежи в арктических регионах.

Ключевые слова: образовательная миграция, миграционные планы, выпускники школ, Арктическая зона Российской Федерации, Республика Карелия.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-78-10148 «Мотивационные драйверы в динамике потоков человеческих ресурсов в Российской Арктике: тенденции, вызовы, перспективы».

Введение

Миграционный отток в совокупности со снижением естественного прироста населения является одной из основных угроз, препятствующих развитию и обеспечению национальной безопасности геостратегического макрорегиона – Арктической зоны Российской Федерации (АЗ РФ)¹. Миграционное сальдо на протяжении последних десяти лет в АЗ РФ стабильно остается отрицательным. По данным на 2021 год, приток населения не восполняет отток, что способствует сокращению численности населения арктических территорий. Также миграционный отток населения усугубляет сложившийся дефицит трудовых ресурсов в АЗ РФ на текущий и перспективный период, что накладывает ограничения на реализацию масштабных инвестиционных проектов, в рамках которых к 2035 году планируется создать 140 тысяч новых рабочих мест (Ефимов и др., 2022).

Специфика арктических территорий, с одной стороны, ограничивающая их развитие (удалённость, суровый климат, ограниченность инфраструктуры, низкая плотность и отрица-

тельный прирост населения, асимметричность социально-экономического развития), с другой стороны, выгодно выделяющая их среди остальных регионов России (стратегическое значение, инвестиционный и кадровый потенциал, наличие Северного морского пути (Sharapov et al., 2022), высокий индекс человеческого развития), обуславливает необходимость глубинного анализа миграционных процессов этих территорий.

По данным на 2021 год, среди прибывших в АЗ РФ приблизительно каждый второй – молодой человек в возрасте до 35 лет. Среди выехавших из региона молодых людей меньше – 38,6%, но доля выезжающих из АЗ РФ лиц пенсионного возраста увеличилась до 22,7% (доля выезжающих пенсионеров составляет 17%) (Хотеева, Степуть, 2023). Миграционные перемещения населения дифференцированы на арктических территориях в силу различающегося уровня развития территорий, пространственного размещения производственной, добывающей и инфраструктурной базы, формирующей основу экономики АЗ РФ (Heleniak, 1999). На современном этапе классифицировано множество факторов, обуславливающих миграционные перемещения населения в АЗ РФ, среди которых

¹ О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 года № 645.

обобщенные экономические, социальные, демографические, этнические, политико-правовые, природно-климатические, личностно-психологические (Уханова и др., 2021) и др. Воздействие этих факторов дифференцировано по субъектам АЗ РФ и по отдельным территориям. Так, например, для регионов Европейской части Российской Арктики важными являются возрастная структура населения, уровень оплаты труда, а также совокупность местных условий формирования миграционных настроений, в том числе и мотивация населения (Шеломенцев и др., 2018).

На арктических территориях регионов Европейской части АЗ РФ в среднем за 10 лет² наблюдается отрицательный прирост по межрегиональному типу миграции населения. Арктические территории Архангельской области и Республики Карелия чаще покидают молодые люди в возрасте до 35 лет, причём активнее всего женщины. Миграционный отток взрослого населения, особенно лиц пенсионного возраста, характерен для Мурманской области и арктических территорий Республики Коми (рис. 1).

Рис. 1. Среднегодовое сальдо межрегиональной миграции по арктическим территориям субъектов Европейской части АЗ РФ за 2012–2021 гг., человек*

* Данные по возрастным группам 0–15 лет и 15–19 лет приведены с пересечением в силу ограниченности статистической информации по половозрастной структуре миграционных потоков в разрезе муниципальных образований. Составлено по: показатели Базы данных муниципальных образований Росстата.

² Оценка динамики миграционного прироста/убыли населения приведена в среднем за 2012–2021 годы, а не по последним данным на 2021 год, в силу того что пандемия COVID-19 внесла изменения в миграционную ситуацию между регионами России, а использование данных только за последний год могло бы исказить картину миграционной ситуации в АЗ РФ.

При этом в Мурманской области наблюдается миграционный прирост населения в возрасте 20–24 лет, особенно среди мужчин, что может быть связано с возвращением молодёжи в регион после обучения, по крайней мере фиксируемым (Мкртчян, 2020), поступлением в вуз или трудоустройством.

Миграционная убыль населения в АЗ РФ во многом формируется за счет движения молодёжи, что обусловлено наличием и удаленностью организаций профессионального образования и потенциальных рабочих мест, а также настроениями и планами самой молодёжи жить и работать на арктических территориях (Uusiautti, Yeasmin, 2019).

Таким образом, выявление миграционных намерений выпускников школ, находящихся на пути формирования образовательной траектории в регионе или за его пределами, причин их миграционных настроений и потенциальной готовности вернуться обратно после получения профессии, выступает целью представленного исследования. Научная актуальность определяется недостатком знаний об этом феномене и возможности сопоставления настроений молодёжи с реально существующим региональным оттоком выпускников в разрезе муниципальных образований. Вдвойне актуально изучение данной проблематики на территориях регионов, частично входящих в АЗ РФ, так как социальная инфраструктура таких территорий сконцентрирована в основном в неарктической части (за исключением Архангельской области), а вектор миграционных планов населения зачастую формируется по направленности «район — административный центр — другой регион», где крупные города и столицы являются промежуточным звеном миграционных маршрутов из арктических территорий в федеральные и региональные столицы (Фаузер, Смирнов, 2020). Настоящая статья призвана внести вклад в изучение данной проблематики. Поставленные задачи исследования направлены на раскрытие обозначенной проблематики: 1) выявление образовательных и профессиональных планов выпускников школ; 2) анализ миграционных настроений выпускников школ относительно получения образования в родном регионе; 3) сопоставление объемов планируемого (обучающимися) и реального миграционного оттока выпускников.

Обзор литературы по проблематике исследования

Получение образования является отправной точкой приобретения самостоятельного миграционного опыта и играет важную роль в формировании жизненной стратегии. На изучение этих аспектов большой отпечаток накладывает феномен неопределённости — от «предварительных оценок», «взвешивания аргументов» до «конкретных действий» (Tabor, Milfont, 2011). Выпускники школ как специфический сегмент молодёжи находятся в условиях выбора и риска (Чупров и др., 2003), также многим сложно оценивать свои шансы на поступление, совершать выбор, оценивать материальные возможности семьи (Карачурина, Флоринская, 2019). При формировании образовательной траектории велика вероятность ошибки; у тех, кто идёт на риск, повышается ответственность и самостоятельность, вдохновлённость успехом и закалка неудачами, что является ключевым фактором социального развития личности (Чупров и др., 2003).

Проблематика поведения выпускников школ на старте жизненного пути довольно широко изучена в отечественной и зарубежной социологии, особенно вопросы субъективных и объективных аспектов выбора: «зависимость образовательных, профессиональных планов и реального поведения в сфере образования и труда от аскриптивных факторов — социального происхождения, образования родителей, материального положения семей, поселенческого состояния, пола, национальности и др.» (Чередниченко, 2014, с. 5). Эти обозначенные взаимосвязи были и остаются детерминантами получения образования и вступления в самостоятельную жизнь.

Необходимо отметить, что направленность и интенсивность образовательной миграции на основе статистических данных начала изучаться с 2011 года, когда после изменения порядка статистического учёта эти данные стали доступны исследователям (Габдрахманов и др., 2022). Чаще всего в фокус внимания попадают перемещения выпускников школ между регионами и причины такого перемещения (Габдрахманов и др., 2019). Подробно изучены перемещения выпускников из сёл в города и из малых городов в крупные города (Абанкина и др., 2012; Флоринская, 2017). Миграционные перемещения выпускников школ важно рассматривать не только

как свершившийся факт, но и как потенциальную возможность (миграционные намерения), потому что сформировавшийся настрой на отъезд из региона может реализоваться и после получения профессии или, наоборот, перерасти в настроение «остаться», конкурируя с другими событиями жизненного пути (Карцева, 2021).

Обучение в другом регионе часто воспринимается молодёжью как возможность закрепиться и своего рода социальный лифт, поэтому, потеряв местных выпускников на этапе выбора образования в другом регионе, вероятность потерять их навсегда очень высока (Габдрахманов, 2020).

Зачастую в миграционных намерениях старшеклассников прослеживается парадокс — сначала выбирается регион/город обучения, а затем образовательная организация, причинами выбора становятся комфорт городской среды, потенциал трудоустройства и наличие социальных связей (Клячко, Семионова, 2021). От выбора школьниками будущей профессии и формирования образовательной траектории во многом зависит качество воспроизводства человеческого капитала региона. В этом контексте интенсивная и некомпенсируемая образовательная миграция является угрозой для территорий. Такая проблема особенно остро стоит в регионах Арктической зоны Российской Федерации, где система образования обладает недостаточной мощностью, вследствие чего наблюдается вынужденная образовательная миграция (Симакова, Гуртов, 2020). Определяющую роль играют сформированные профессиональные интересы, которые во многом не согласуются с интересами местного рынка труда, а также сложившиеся на основе миграционного опыта социальные связи молодежи (Zamyatina, Yashunsky, 2017).

Таким образом, при рассмотрении образовательных планов выпускников школ особое внимание уделяется их миграционным намерениям. Уже свершившийся факт миграции выпускников и миграционные намерения, еще не перешедшие в активную фазу, в совокупности с несогласованностью интересов рынка труда, работодателей и выпускников, с одной стороны, представляют собой угрозу воспроизводству человеческого капитала АЗ РФ, а с другой стороны, являются объективным процессом, так как сам аспект мобильности — неотъемлемая характеристика молодёжи как социальной группы. Данная проблематика частично находила отражение в подобных исследовани-

ях (Симакова, 2019). Однако миграционные планы выпускников часто рассматриваются в ключе выявления факта миграционных намерений с обозначением способствующих этому общих причин, но без учета влияния пространственного контекста территории и без сопоставления с фактическим оттоком выпускников. Другая область исследований миграции арктической молодёжи касается рассмотрения аспектов «остаться или уехать». Российские и зарубежные авторы приходят к схожим выводам — «уехать», но при определенных условиях развития арктических территорий (система образования, инфраструктура и досуг) — все же «остаться» (Rožanova-Smith, 2021; Simakova et al., 2021; Sharova, Nedoseka, 2021).

В статье проблематика раскрывается в ключе пространственной локализации системы профессионального образования арктических территорий и рассматривается глубже. Мы полагаем, что миграционные образовательные планы выпускников различаются по районам Карелии: выпускники удалённых от центра районов (арктических, северных, южных) стремятся получить образование в столице региона, а выпускники Петрозаводска, наоборот, стремятся в более крупные города. В дополнение этого предположения проверяется ряд объяснительных гипотез о миграционных намерениях выпускников. Н1: выпускники с более высоким уровнем материального положения семьи стремятся получить образование за пределами региона. Н2: за пределами Карелии хотят учиться выпускники с более высоким уровнем успеваемости. Н3: более высокий уровень образования родителей обуславливает планы выпускников учиться за пределами региона. Н4: миграционные настроения более выражены у тех, кто имел опыт проживания за пределами региона.

Теоретико-методологическая база исследования

В исследовании понятие образовательной миграции сужено до учебной, осуществляемой с целью получения профессионального образования выпускниками школ (Корепина, 2018). Образовательную миграцию мы рассматриваем в комплексе, как совокупность действий по выбору образования после школы и принятых решений по освоению желаемой профессии для дальнейшего закрепления в системе общественного разделения труда и обретения социального статуса в регионе или за его пределами.

В теоретическом плане исследование базируется на рискологической концепции, предложенной В.И. Чупровым и Ю.А. Зубок, в которой риск рассматривается при необходимости совершения «выбора из ряда вариантов и оценки развития ситуации, которые различаются не только вероятностью реализации, но и возможными (индивидуальными и социальными) последствиями» (Чупров и др., 2003): в части выбора профессии и образовательной траектории.

Субъективные (личностные) причины формирования миграционного настроения выпускников школ, а также объективные, которые становятся следствием противоречий между потребностями личности и возможностями их удовлетворения по месту жительства, выявлены с опорой на идеи Т.И. Заславской и Л.Л. Рыбаковского (Рыбаковский, 2016).

География исследования ограничивается территориями Республики Карелии (рис. 2) как субъекта Европейской части АЗ РФ (арктиче-

Рис. 2. Пространственная локализация территорий исследования*

* Представлено авторское пространственное распределение районов. К арктическим территориям Карелии отнесены, согласно ФЗ от 13.07.2020 №193-ФЗ, территории Лоухского, Калевальского, Кемского, Беломорского, Сегежского районов и Костомукшского городского округа. Северные (неарктические) районы – территории Муезерского, Медвежьегорского и Пудожского районов. Районы, приближенные к центру, – территории Кондопожского, Пряжинского и Прионежского районов. Южные районы Карелии – Сортавальский, Питкярантский, Олонецкий, Лахденпохский и Суоярвский.

Источник: составлено авторами.

ские территории занимают 38% площади региона и 18% постоянно проживающего населения) по ряду причин: асимметричность районов по пространственной организации системы профессионального образования; географическое положение; развитость социальной и транспортной инфраструктуры; близость к Санкт-Петербургу и Европейскому союзу.

Объектом исследования являются обучающиеся 8–11-х классов в Республике Карелия. Информационную основу исследования составили данные Росстата, ведомственной статистики и социологического опроса, проведенного авторами в ноябре 2022 года. При доверительной вероятности 97% и ошибке $\pm 3\%$ объем выборочной совокупности составил 3053 человека³. Из них 38% проживают в столице Карелии – Петрозаводске⁴, каждый четвертый (25%) – в арктических районах, 17% – на юге Карелии, 11% – в районах, приближенных к центру, и 9% – в северных (неарктических) районах (табл. 1). Более половины респондентов (67%) проживают в городах, 33% – в сельской местности. Отбор респондентов случайный, пропорционален численности обучающихся по районам и классам.

Пространственные условия формирования миграционных настроений выпускников школ Республики Карелии

В период с 2012 по 2021 год население Республики Карелия сократилось на 4,8%. Положительная динамика прироста численности постоянного населения наблюдается только в трёх из 18 муниципалитетов Карелии: Петрозаводском и Костомукшском городских округах, Прионежском районе. При этом во всех районах Карелии фиксируется убыль молодёжи: за обозначенный период в республике численность молодёжи в возрасте 14–34 лет сократилась на 20,6%. Активнее теряют молодёжь арктические и северные районы Карелии, в которых её численность уменьшилась на 30,3 и 28,8% соответственно. В остальных районах объёмы сокращения молодёжи меньше, но не менее масштабны: в южных районах – 23,6%, в районах, приближенных к центру, – 22,8%, в Петрозаводске – 17,7%.

Межрегиональный миграционный прирост молодёжи в 2021 году был положительным, за исключением северных (неарктических) районов Карелии (табл. 2). По внутрирегиональному типу миграции, напротив, положительное

Таблица 1. Количественная характеристика выборочной совокупности*

Группа районов	Количество обучающихся 8–11 классов, чел.	Структура обучающихся 8–11 классов, %	Количество респондентов, чел.	Структура выборки, %	Отклонение выборки от генеральной совокупности, %	Доля охваченных опросом выпускников в генеральной совокупности, %
Арктические	3559	19,0	761	24,9	6,0	21,4
Северные (неарктические)	1659	8,8	286	9,4	0,5	17,2
Центр (Петрозаводск)	8609	45,9	1172	38,4	7,5	13,6
Приближенные к центру	2130	11,3	329	10,8	0,6	15,4
Южные	2818	15,0	505	16,5	1,5	17,9
Всего	18775	100	3053	100	3,2	16,3

* Примечание: проценты указаны от совокупности опрошенных.

Составлено по: фактические данные о количестве обучающихся, приведенные по информации Министерства образования и спорта Республики Карелия. Остальные данные – результаты опроса, проведенного авторами исследования.

³ Распределение респондентов по классам: 999 человек – 8 класс, 1044 – 9 класс, 535 – 10 класс и 464 – 11 класс.

⁴ Из поля исследования исключены обучающиеся 8–11 классов Петрозаводского президентского кадетского училища, поскольку данное учебное заведение подведомственно Министерству обороны РФ и помимо общеобразовательной деятельности имеет уклон на военно-профессиональную карьеру обучающихся, в том числе и из других регионов России, что могло исказить результаты исследования.

сальдо наблюдается только в Петрозаводске, куда устремляется молодёжь из районов, в том числе и для получения образования.

Основные образовательные возможности Карелии сосредоточены в Петрозаводске, где функционируют четыре вуза (включая филиалы) и 13 образовательных организаций, осуществляющих подготовку кадров по программам СПО. В районах, обозначенных нами «неарктическим Севером Карелии», отсутствуют образовательные организации профессионального образования, в районах, приближенных к центру, только одна такая организация, в арктических районах — три, в южных районах —

две. При этом показатели приема по отношению к общему объёму выпускников школ составляют чуть более 10%. Тем самым комплекс социально-экономических условий, сложившихся в районах, вынуждает выпускников школ рассматривать варианты получения образования за пределами родного муниципалитета и даже региона. Как ситуация обстоит на самом деле? Ежегодно Карелию покидает около трети выпускников школ. В 2020 году от общего количества выпускников 11 класса 30% поступили учиться в колледжи и техникумы Петрозаводска, еще 31,2% — в вузы Петрозаводска, а 27,4% уехали учиться в другие российские регионы⁵.

Таблица 2. Количественная характеристика прироста/убыли молодёжи в возрасте 14–34 лет в 2021 году и показатели системы образования Республики Карелия

Показатель	Арктические районы	Северные (неарктические) районы	Петрозаводск	Районы, приближенные к центру	Южные районы
1. Убыль численности молодёжи в возрасте 14–34 лет в 2021 году в сравнении с 2012 годом, чел. ¹⁾	-9 259	-3 838	-15 906	-4 416	-5 901
2. Сальдо межрегиональной миграции молодёжи в возрасте 14–34 лет в 2021 году, чел. ¹⁾	16	-8	187	35	17
3. Сальдо внутрирегиональной миграции молодёжи в возрасте 14–34 лет в 2021 году, чел. ¹⁾	-129	-170	355	-39	-17
4. Количество выпускников 8–11 классов в 2021 году, чел. ²⁾	3 559	1 659	8 609	2 130	2 818
5. Прием в вузы по очной форме обучения на бюджетные места в 2021 году, чел. ³⁾	0	0	1 630	0	0
6. Прием в колледжи и техникумы по очной форме обучения на бюджетные места в 2021 году, чел. ⁴⁾	333	0	2 141	50	273
7. Потребность в подготовке профессиональных кадров на 2023 год, чел. ⁵⁾	1 324	394	3 598	1 293	707

Составлено по: ¹⁾ База данных показателей муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения 01.03.2023).
²⁾ Данные, предоставленные Министерством образования и спорта Республики Карелия по запросу авторов.
³⁾ Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры. Форма статнаблюдения № ВПО-1 / ГИЦ Росстата. М., 2021.
⁴⁾ Сведения об образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования: Форма государственной статистической отчетности № СПО-1. М.: ГИЦ Росстата, 2021.
⁵⁾ Прогноз потребности в подготовке кадров на 2023–2027 годы в разрезе муниципальных образований по направлениям обучения // Управление труда и занятости Республики Карелия. URL: https://mintrud.karelia.ru/content/прогноз_потребности_в_подготовке_кадров

⁵ По данным отчетов образовательных организаций за 2020 год, предоставленных Министерством образования и спорта Республики Карелия.

Текущие объёмы подготовки кадров системной профессионального образования меньше запрашиваемых рынком труда. По данным прогноза Управления труда и занятости Республики Карелия, потребность региона в кадрах увеличится, но с учётом оттока выпускников и ограниченной подготовки кадров в системе профессионального образования на местах эта потребность будет недостаточно обеспечена молодыми квалифицированными специалистами.

Профессиональная определенность и образовательные планы выпускников школ

В вопросе определенности выпускников с будущей профессией разница по территориям Карелии незначительна, поэтому обозначим общую картину по региону в целом. Половина обучающихся 8–11 классов (53,7%) выбрали свою будущую профессию, а из тех, кто ещё не определился, каждый второй не может выбрать между несколькими вариантами, боится ошибиться и не знает, что именно нравится. В своем выборе уверен только каждый пятый старшеклассник (22,5% от общего количества респондентов), а каждый третий (31,3%) определился с профессией, но рассматривает и другие варианты, ещё 23% совершили выбор условно, так как будут действовать по обстоятельствам приёмной кампании вузов или колледжей.

Среди мотивов выбора выпускниками будущей профессии в большей степени преобладают личные мотивы развития и построения

успешной карьеры: потенциальная заработная плата (57,2%), возможность развития своих способностей (51,7%), карьерные перспективы (47,2%) и возможность приносить пользу людям (46,5%). Интересно, что мотив «быть мобильным» выбрали 13,8% всех респондентов, при этом он более важен для петрозаводчан, нежели проживающих в других районах Карелии (16,4% от количества респондентов из Петрозаводска, 12,5% для школьников арктических районов и 9,2% для школьников из северных (неарктических) районов).

Образовательные планы выпускников школ арктических районов Карелии отличаются от планов выпускников из других районов. Так, каждый третий арктический школьник настроен на получение высшего образования (31,2%), в столице региона таких больше — 38,4%. Обучение в колледже и техникуме считают для себя достаточным также практически треть арктических школьников (28,2%) и школьников из других районов Карелии, но только 18,9% — столичных. При обращении внимания выпускников на конкретные планы после школы уже большее количество ориентировано на поступление в вузы: 44,7% петрозаводчан, 32,5% школьников из арктических районов, 35,9% — из районов, приближенных к центру (табл. 3). Тенденция выбора образовательных организаций СПО также сохранилась, но уже больше арктических школьников выбрали для

Таблица 3. Планы школьников районов Карелии на первый год сразу после окончания школы, % от ответивших на вопрос по районам*

Планы на первый год после окончания школы	Арктические районы	Северные (неарктические) районы	Петрозаводск	Районы, приближенные к центру	Южные районы
Поступить в вуз	32,5	25,2	44,7	35,9	32,5
Поступить в техникум, колледж	39,5	40,6	26,2	42,1	44,9
Пойти работать	1,9	4,2	3,7	2,7	3,1
Немного отдохнуть, а потом продолжить обучение	4,3	5,2	4,0	3,0	3,5
Пойти в армию	3,9	4,9	2,2	2,7	2,0
Если наберу недостаточно баллов, то буду пересдавать экзамены, чтобы поступить в вуз	3,1	5,2	3,8	2,7	1,6
Еще не знаю	14,2	13,6	13,8	9,5	11,6

* Хи-квадрат Пирсона: асимптотическая значимость (двухсторонняя) = 0,000.
Составлено по: результаты проведенного исследования.

себя этот вариант – 39,5%. Практически для половины выпускников (кроме тех, кто учится в школах Петрозаводска) приоритетен выбор колледжей или техникумов. Это может быть связано с пространственным расположением образовательных организаций и размещением крупных промышленных предприятий, преимущественно сосредоточенных в районах Карелии, на которых востребованы рабочие кадры. При этом каждый третий школьник (28,2% от общего количества респондентов) определился, в какую именно образовательную организацию будет поступать.

Большинство выпускников готовятся тем или иным образом к поступлению, при этом способы подготовки обучающихся столицы региона и удаленных от неё районов отличаются. В Петрозаводске каждый третий выпускник пользуется услугами репетитора (30,9%), тогда как в арктических и других, более удалённых от центра районах таким способом готовятся только 16%, что связано с более широким спектром возможностей, имеющихся в Петрозаводске. Для каждого четвёртого-пятого выпуска (все типы районов) важным элементом подготовки является общение со знакомыми, которые поступили в желаемый вуз или колледж (26,5% выпускников арктических районов, 20,5% петрозаводчан и 23,6% – из южных районов), тем самым формируется образ образовательной организации по «сарафанному радио» на основе отзывов, что в целом характерно для российской провинции (Болдина, 2022).

Миграционные настроения и планы выпускников

Активные миграционные настроения выпускников свидетельствуют о высоком уровне мобильности молодёжи в Карелии. Среди опрошенных выпускников каждый третий (36,5%) ориентирован на получение образования за пределами региона. Среди одиннадцатиклассников эта доля выше – 40,4%. Выпускники школ Петрозаводска более ориентированы на получение образования в столичных вузах страны (28,5% от общего количества опрошенных), а среди одиннадцатиклассников – это каждый третий выпускник (30,6%). Школьники южных районов (28,9%), интересы которых, скорее всего, обусловлены относительной близостью к Санкт-Петербургу, также более ориентированы на столичные вузы (39,7% среди выпускников 11 класса). Обучающиеся, проживающие в других районах, наоборот, стремятся в столицу Карелии, где расположено большинство учреждений профессионального образования: 37,8% выпускников из арктических районов, 46,3% выпускников из районов, приближенных к центру (табл. 4). Вероятно, географический фактор имеет значение при определении вектора образовательной миграции выпускников Карелии. При этом выпускники 11 класса северных районов в большей степени стремятся в Петрозаводск (66,7% от количества опрошенных одиннадцатиклассников в этих районах), и никто из них не выразил интереса к обучению в мегаполисах и за границей.

Таблица 4. Планы выпускников на обучение относительно Республики Карелии, % от ответивших на вопрос по районам*

Планы на обучение	Арктические районы	Северные (неарктические) районы	Петрозаводск	Районы, приближенные к центру	Южные районы
В районе Карелии (кроме Петрозаводска)	8,0	10,2	4,4	7,1	9,1
В Петрозаводске	37,8	45,6	30,6	46,3	38,9
В вузах/колледжах центральных регионов (Москва, Санкт-Петербург)	23,9	14,4	28,5	18,4	28,9
В других городах за пределами Карелии	9,7	7,7	9,8	8,6	7,7
За рубежом	2,0	1,8	3,8	2,4	0,8
Еще не знаю	18,6	20,4	22,9	17,2	14,6

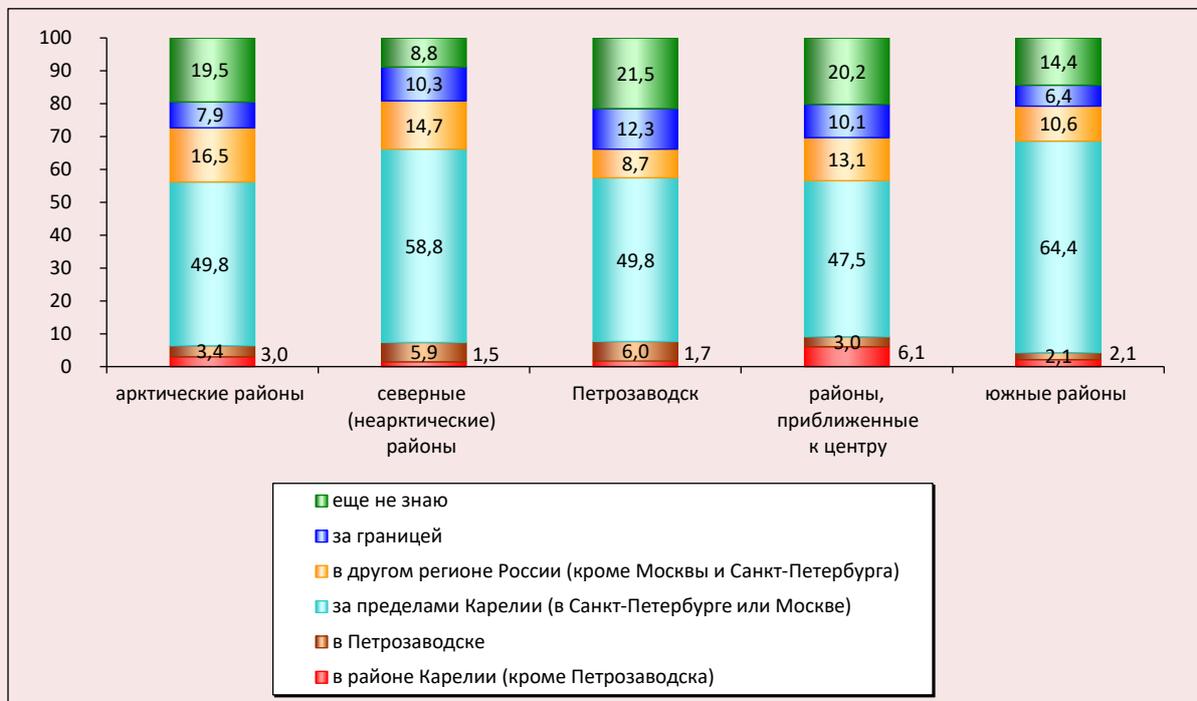
* По распределению на оба вопроса хи-квадрат Пирсона: асимптотическая значимость (двухсторонняя) = 0,000.
Составлено по: результаты проведенного исследования.

Планы выпускников относительно образовательной миграции интересны для рассмотрения в перспективе относительно трудоустройства в Карелии, то есть на предмет того, компенсируем ли потенциальный отъезд выпускников из региона в будущем. Планируют ли те, кто собирается учиться за пределами Карелии, вернуться после получения образования? Данные опроса свидетельствуют о том, что нет. Среди выпускников арктических районов, планирующих учиться за пределами Карелии, только 6,4% собираются после получения диплома трудоустроиться в Карелии, каждый второй (49,8%) ориентирован на Москву и Санкт-Петербург, еще 16,5% хотят найти работу в других регионах (рис. 3). Среди выпускников северных (неарктических) территорий только 7,4% планируют вернуться в Карелию, 58,8% ориентируются на работу в мегаполисах и 14,7% – в других российских регионах. Обратное в Петрозаводск настроены вернуться 7,7% выпускников, планирующих учиться за преде-

лами Карелии, 49,8% ориентированы на столицу России, и, что интересно, 12,3% высказали интерес к работе за границей.

Учитывая активные миграционные настроения выпускников на обучение и работу за пределами региона, можно сделать предположение о том, что образовательная миграция не является первопричиной, а выступает своего рода ступенью к миграции из региона в целом, особенно это относится к столичным и арктическим районам Карелии. Другой вопрос, насколько эти планы воплотятся в реальные действия. Воплощение миграционных планов во многом зависит от имеющегося опыта мобильности, даже в виде кратковременных поездок, позволяющих сравнивать место жительства и выбирать условия проживания. Людям, имеющим миграционный опыт, как правило, «легче решиться на переезд и использовать его в качестве средства для решения своих жизненных проблем» (Зайончковская, Ноздрин, 2008). Большинство выпускников Карелии имеют миграци-

Рис. 3. Планы выпускников, настроенных учиться за пределами Карелии, на работу после получения образования, % от ответивших на вопрос по району*

* Хи-квадрат Пирсона: асимптотическая значимость (двухсторонняя) = 0,002.

Составлено по: результаты проведенного исследования.

онный опыт, только у каждого четвёртого выпускника (25% от общего количества опрошенных) не было опыта проживания за пределами региона на срок более недели, каждый третий (27,2%) выезжает несколько раз в год, ещё 20% выезжают стабильно раз в год.

Причины формирования миграционных настроений на учёбу и работу за пределами региона можно назвать распространёнными и связанными с ожиданиями «лучшей жизни», в них не прослеживается региональная специфика: «найду там высокооплачиваемую работу» (57,6% от количества респондентов, высказавших желание учиться за пределами региона), «там больше возможностей личностного развития» (55,1%) и «профессионального развития» (50,5%). Важным условием является «арктическая» направленность выбранной специальности, ее востребованность на уровне региона. Исследование миграционных планов студентов САФУ им. М.В. Ломоносова показало, что студенты, обучающиеся по таким специальностям, реже выражают миграционные настроения (Zaikov et al., 2018).

В ходе изучения миграционных намерений важно определить, насколько эти намерения подкреплены определёнными действиями, в данном случае что предпринимают выпускники для получения образования в других регионах. Из числа тех, кто хочет учиться за пределами Карелии, 25,8% не предпринимают ничего, то есть их настроения носят сугубо гипотетический характер, ещё каждый второй (51%) изучает сайт учебного заведения, находясь на начальной стадии выбора — анализ информации о потенциальном месте и условиях миграции. Одна из сторон миграции — опора на опыт или уже имеющиеся связи в регионе потенциально-

го перемещения: 25% респондентов поддерживают связь с друзьями и родственниками, проживающими в регионах, куда выпускник хотел бы переехать / обучающимися в желаемых образовательных организациях. Отсутствие жилья в другом регионе выступает весомым ограничивающим фактором свершения миграционных планов, поэтому уже сейчас каждый пятый выпускник обеспокоен жилищным вопросом в другом регионе — 22,3% заинтересованы в общежитии для иногородних студентов и решают этот вопрос. К более осознанному виду реализации образовательных миграционных планов относится финансовая готовность будущего абитуриента и семьи: каждый четвёртый (25,7%) выпускник, желающий учиться за пределами Карелии, отметил, что семья копит деньги для этой цели. Активнее копят деньги для обучения ребёнка за пределами Карелии семьи из арктических районов (27%) и Петрозаводска (25,1%), в остальных же районах — это каждая пятая семья. Лишь немногие (5,8%) респонденты уже познакомились с будущим учебным заведением, посетив его лично.

Таким образом, заявленные в исследовании гипотезы подтвердились частично. Все гипотезы проверялись на уровне значимости 0,05 по критерию хи-квадрат. Действительно, миграционные настроения выпускников по районам Карелии различаются, однако направленность потоков не совпадает с предполагаемой. Выпускники арктических районов в большей степени стремятся учиться за пределами Карелии, так же как и выпускники южных районов и Петрозаводска. Гипотеза об обусловленности миграционных планов выпускников высоким материальным положением семьи не подтвердилась (табл. 5). Именно недостаточность мест

Таблица 5. Результаты проверки дополнительных гипотез по районам Карелии

Гипотеза	Арктические районы	Северные (неарктические) районы	Петрозаводск	Районы, приближенные к центру	Южные районы
H1	гипотеза отвергается	гипотеза отвергается	гипотеза отвергается	гипотеза отвергается	гипотеза отвергается
H2	гипотеза принимается	гипотеза принимается	гипотеза отвергается	гипотеза отвергается	гипотеза принимается
H3	гипотеза отвергается	гипотеза отвергается	гипотеза принимается	гипотеза принимается	гипотеза отвергается
H4	гипотеза принимается	гипотеза отвергается	гипотеза принимается	гипотеза принимается	гипотеза принимается

Составлено по: результаты проведенного исследования.

обучения и высокие образовательные притязания вынуждают выпускников рассматривать варианты обучения за пределами региона. Опыт проживания в других регионах связан с формированием миграционных планов для всех районов, кроме северных (неарктических). Успехи в учёбе действительно коррелируют с образовательными планами, и за пределы региона в основном стремятся «отличники» и «хорошисты», однако для выпускников близлежащих к Петрозаводску районов это не характерно. Более высокая образованность родителей связана с формированием настроений выпускников учиться за пределами региона, но это справедливо только для старшеклассников Петрозаводска и районов, приближенных к нему.

Сопоставив образовательные и профессиональные намерения старшеклассников, можно сделать вывод, что выпускники, настроенные уехать из Карелии, в большей степени рассматривают получение образования за пределами региона как возможность покинуть регион навсегда, то есть формируют образовательную стратегию ради миграции. Однако сам феномен миграции — переезда после окончания школы в другой регион / район часто «романтизируется» молодёжью в силу возрастных особенностей становления личности, и потому в реальности у части школьников миграционные настроения остаются на уровне мечтаний (гипотетическими). Это находит подтверждение в том, что далеко не все, кто высказали миграционные настроения, приступили к активным действиям по реализации своих планов.

Фактический отток одиннадцатиклассников из Республики Карелии

Несмотря на то, что миграционные настроения учиться за пределами Карелии имеет каждый третий старшеклассник (36,5%) и 40,4% одиннадцатиклассников, вследствие различных обстоятельств воплотиться в жизнь смогут не все планы. В объективной реальности отток выпускников может быть больше или меньше в зависимости от проведения приёмной кампании и результатов выпускных экзаменов. Согласно данным отчётов образовательных организаций, предоставленных Министерству образования и спорта Республики Карелия по выпускникам 11 класса, в среднем за 3 года с целью получения образования регион покидают 28,2% одиннадцатиклассников. По районам ситуация различается в силу пространственного размещения сети организаций профессионального образования, что, в свою очередь, обуславливает формирование миграционных потоков выпускников и внутри региона. Основной поток выпускников 11 класса из районов Карелии устремляется в Петрозаводск. При этом в столице региона остаются 61,8% выпускников-петрозаводчан (табл. 6). Другие районы Карелии в силу ограниченного объёма приема в колледжи и техникумы не пользуются активным спросом у одиннадцатиклассников, а подготовка в вузах имеется только в Петрозаводске. Более активно вузы и колледжи за пределами региона выбирают выпускники южных (36,5%) и арктических (32,8%) районов Карелии, среди петрозаводчан меньше (27,9%),

Таблица 6. Фактическое среднегодовое распределение выпускников 11 классов в Республике Карелия по образовательным траекториям, % от ответивших на вопрос по районам

Районы	Поступили в образовательные организации среднего профессионального образования			Поступили в образовательные организации высшего образования		Приступили к работе или призваны в армию
	в Петрозаводске	в других районах Карелии	за пределами Карелии	в Петрозаводске	за пределами Карелии	
Арктические районы	34,2	1,6	11,0	22,4	21,7	9,1
Северные (неарктические) районы	45,3	0,9	3,3	32,6	14,2	3,6
Петрозаводск	23,2	0,6	3,0	38,6	24,9	9,7
Районы, приближенные к центру	46,3	0,6	5,5	30,1	15,1	2,4
Южные районы	27,3	2,9	7,6	25,9	28,8	7,4
Всего	30,4	1,1	5,5	32,2	22,7	8,0

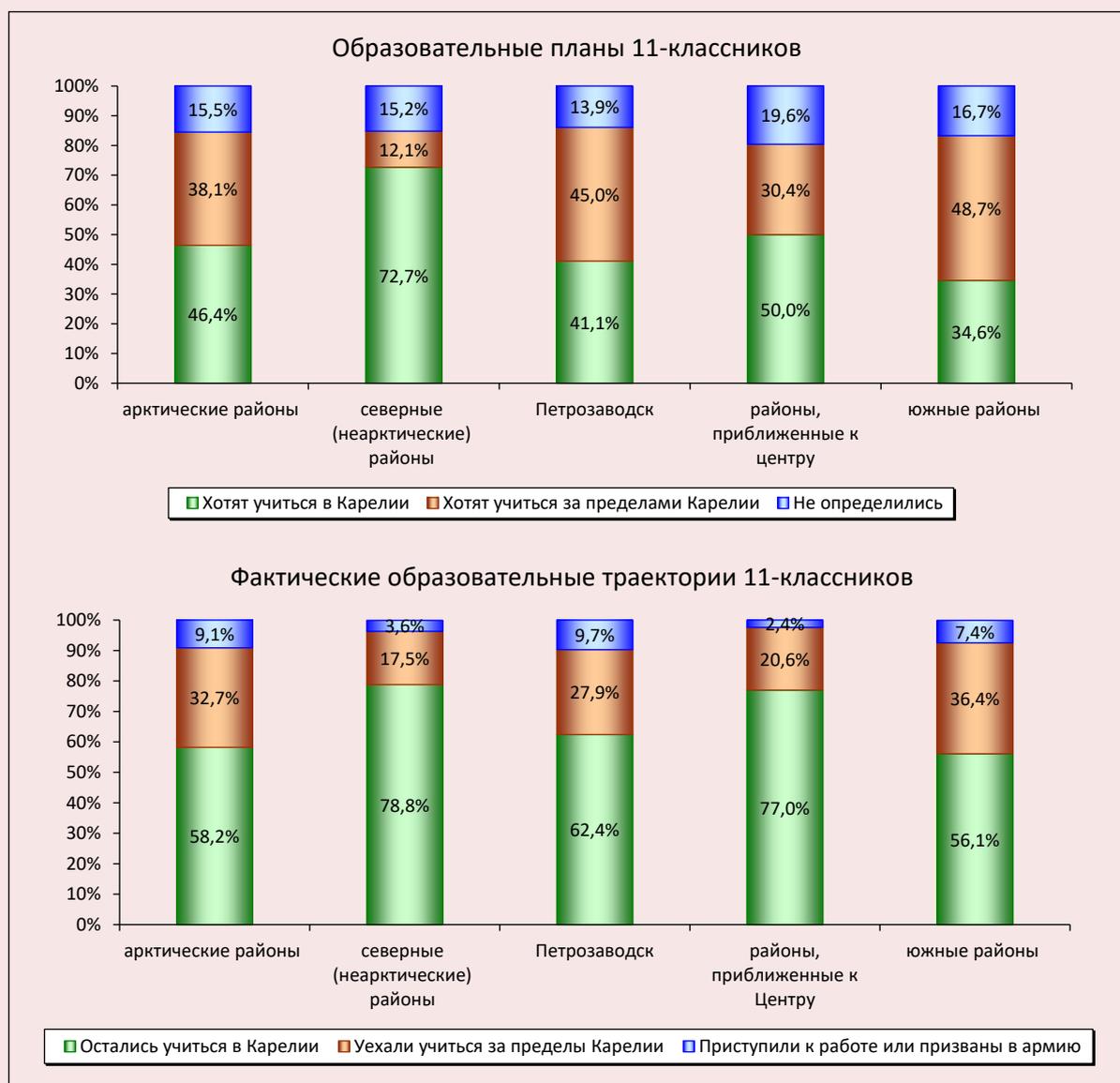
Составлено по: данные Министерства образования и спорта Республики Карелия за 2019/2020, 2020/2021 и 2021/2022 учебные годы.

менее ориентированы на другие регионы выпускники северных (неарктических) районов (17,6%).

Сопоставление фактического оттока одиннадцатиклассников с их предполагаемыми планами на обучение в другом регионе условно отражает реальные и потенциально возможные объёмы миграции, которые могут на последующих этапах выстраивания жизненной траектории перерасти в реальные. Ограничение срав-

нения заключается в сопоставлении разного типа данных: образовательных траекторий выпускников по результатам опроса и мониторинга поступления в вузы и колледжи за разный временной интервал, но, поскольку изучаемая социальная группа является однородной, такое сопоставление допустимо. Во всех районах Карелии фактический отток выпускников по причине обучения меньше предполагаемого (рис. 4).

Рис. 4. Фактический отток по причине обучения и потенциальные образовательные планы одиннадцатиклассников Республики Карелия, % по району

Составлено по: результаты проведенного исследования и данные Министерства образования и спорта Республики Карелия.

Наиболее активно миграционные настроения, согласно результатам опроса, высказали выпускники Петрозаводска, арктических и южных районов, что подтверждается и фактическими данными, но в меньшем объёме. Около половины одиннадцатиклассников Петрозаводска планировали уехать из Карелии, но фактически уехал только каждый третий выпускник. Реальный отток выпускников из арктических территорий практически соответствует миграционным намерениям обучающихся: доля уехавших из региона незначительно больше, чем высказавших желание уехать — на 5,4%. Учиться в Карелии остается большинство одиннадцатиклассников из северных (неарктических) районов и районов, близких к административному центру.

Заключение

Миграционный отток молодёжи остаётся актуальной проблемой арктических территорий, которую усиливает образовательная миграция выпускников школ. Образовательная миграция лишь отчасти возвратна или компенсируется за счет притока выпускников из других регионов, поэтому необходимо выявлять настроения выпускников на получение образования за пределами региона для понимания потенциальных объёмов и векторов миграции.

Миграционные намерения и планы выпускников Карелии различаются в разрезе муниципальных районов, выделенных в группы по принципу их пространственной локализации. Миграционные намерения школьников Петрозаводска действительно ориентированы за пределы региона, а северных (неарктических) районов Карелии, наоборот, в Петрозаводск. Однако миграционные настроения выпускников арктических и южных районов также ориентированы за пределы региона, что является нетипичным для арктических территорий, где традиционно потоки из районов обычно направлены в центр региона, а из него уже далее в другие регионы (Фаузер, Смирнов, 2020). Выдвинутое в начале исследования предположение о планах перемещений выпускников с целью получения образования подтвердилось частично. Скорее всего, такая картина в Карелии складывается из-за географического положения региона и развитости транспортной инфраструктуры. Планы на внутри- и межрегиональную образовательную миграцию выпускников

во многом обусловлены сосредоточением образовательных организаций в Петрозаводске, ограниченным количеством бюджетных мест и специальностей в колледжах и техникумах районов.

Ожидаемо только половина выпускников определилась с будущей профессией и планирует выстраивать свою траекторию в соответствии с полученными результатами экзаменов и «по обстоятельствам». Такой вывод подтверждается результатами схожих исследований (Меренков и др., 2015).

Тревожными являются выводы, полученные относительно настроений невозвратности выпускников, желающих учиться за пределами Карелии. Например, большинство выпускников арктических территорий, настроенных учиться в других регионах, планируют там же и трудоустроиться. Каждый второй выпускник, желающий получить образование вне региона, планирует работать в Санкт-Петербурге или Москве. Формирование таких настроений свидетельствует о том, что получение образования хотя и является первым шагом миграции молодёжи, но не ее основной причиной. Обучение за пределами региона рассматривается как способ закрепиться на новом месте, сепарироваться от родителей и «начать новую жизнь». При этом материальное положение семьи не играет роли в формировании миграционных настроений выпускников рассматриваемых районов. Из районов, кроме Петрозаводска и приближенных к нему территорий, стремятся уехать самые успешные в учебе школьники. Высокий уровень образованности родителей связан с формированием миграционных настроений выпускников Петрозаводска и близких к центру районов. Миграционный опыт оказался значим при выстраивании образовательных планов для выпускников всех районов (кроме северных (неарктических) районов).

В исследовании внимание акцентируется на миграционных и образовательных планах, которые ещё не воплотились в жизнь. В силу возрастных особенностей становления личности миграция часто романтизируется молодыми людьми, в реальности отток выпускников из региона меньше — уезжает учиться каждый третий одиннадцатиклассник (28,2%). Более трети выпускников 11 класса арктических и южных районов Карелии выбирают получение профес-

сии за ее пределами, также уезжает примерно каждый третий выпускник 11 класса из Петрозаводска. Самые низкие объемы образовательной миграции за пределы региона характерны для северных (неарктических) территорий, в них же меньшая доля выпускников высказала такие намерения. В арктических районах, несмотря на территориальную близость к северным, намерения выпускников, успешных в учебе и имеющих опыт выезда за пределы Карелии, противоположны – уехать учиться в другие регионы и остаться там после обучения.

Проблематика оттока выпускников из региона остается актуальной и в контексте невозвратности образовательной миграции, что требует применения мер и разработки механизмов удержания и закрепления местной молодежи. Большой потенциал в решении проблем оттока молодежи имеет развитие цифровых технологий, в частности дистанционного обучения (Ljovkin et al., 2020), которое позволило бы получить востребованную профессию на местах. Также следует обратить внимание на разработ-

ку механизмов привлечения в регион для трудоустройства уже уехавших выпускников, для этого следует информировать их о реальных перспективах профессионального и карьерного развития в Карелии. Последний аспект требует проработки в рамках создания единой системы мониторинга образовательной и постобразовательной миграции молодежи, отслеживающей территориальные передвижения индивида по вектору «школа – образовательная организация – регион трудоустройства» (уровень региона и муниципального образования).

Полученные результаты на данном этапе исследования вносят вклад в изучение миграционной активности молодёжи регионов России, частично входящих в АЗ РФ, так как именно по таким территориям детализированная информация ограничена. В практическом плане представленные результаты позволяют сформировать аналитическую основу для своевременной разработки управленческих механизмов по закреплению и удержанию молодёжи в арктических регионах.

Литература

- Абанкина Т.В., Красилова А.Н., Ястребов Г.А. (2012). Образование как старт для жизни: жизненные планы сельских школьников в России // Вопросы образования. № 2. С. 87–120.
- Болдина М.Ю. (2022). Образовательные планы абитуриентов российской провинции // Высшее образование в России. Т. 31. № 3. С. 84–95. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-3-84-95
- Габдрахманов Н.К. (2020). Молодежная миграция как индикатор региональной аттрактивности // Географический вестник. № 1. С. 96–107. DOI: 10.17072/2079-7877-2020-1-96-107
- Габдрахманов Н.К., Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. (2022). Образовательная миграция молодежи и оптимизация сети вузов в разных по размеру городах // Вопросы образования. № 2. С. 88–115.
- Габдрахманов Н.К., Никифорова Н.Ю., Лешуков О.В. (2019). От Волги до Енисея: образовательная миграция молодежи в России. М.: НИУ ВШЭ. 48 с.
- Ефимов И.П., Гуртов В.А., Степуть И.С. (2022). Кадровая потребность экономики Российской Арктики: взгляд в будущее // Вопросы экономики. № 8. С. 118–132.
- Зайончковская Ж.А., Ноздрин Н.Н. (2008). Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере социологического опроса в 10 городах) // Проблемы прогнозирования. № 4. С. 98–111.
- Карачурина Л.Б., Флоринская Ю.Ф. (2019). Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 6. С. 82–89.
- Карцева М.А., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. (2021). Межрегиональная миграция молодежи в России в выстраивании жизненных стратегий // Журнал Новой экономической ассоциации. № 4. С. 162–180. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-7
- Клячко Т.Л., Семионова Е.А. (2021). Образовательная миграция: основные причины // Экономическое развитие России. № 12. С. 60–63.
- Корепина Т.А. (2018). Место и роль образовательной миграции в общей классификации видов миграционного движения населения // Вестник НГУЭУ. № 3. С. 65–77.

- Меренков А.В., Мокерова Ю.В., Смирнова О.Г. (2015). Профессиональное самоопределение выпускников школ в современных условиях // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. № 2. С. 107–117.
- Мкртчян Н.В. (2020). Проблемы в статистике внутрirosсийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 году // Демографическое обозрение. № 1. С. 83–99. DOI: 10.17323/demreview.v7i1.10821
- Рыбаковский Л.Л. (2016). История и теория миграции населения. Книга первая. Мировые миграции: исторические фрагменты и их детерминанты. М.: Экон-Информ. 210 с.
- Симакова А.В. (2019). Профессиональное самоопределение школьников 8–10 классов арктических и дальневосточных регионов: социологическая оценка // Социологическая наука и социальная практика. Т. 7. № 3. С. 72–91. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.3.6690>
- Симакова А.В., Гуртов В.А. (2020). Потенциал системы профессионального образования территорий Арктической зоны // Непрерывное образование: XXI век. № 3. С. 120–138. URL: <https://lll21.petrsu.ru/journal/article.php?id=6053> DOI: 10.15393/j5.art.2020.6053 (дата обращения 04.03.2023).
- Уханова А.В., Смиреникова Е.В., Воронина Л.В. (2021). Классификация факторов миграции населения Российской Арктики // Фундаментальные исследования. № 4. С. 123–129.
- Фаузер В.В., Смирнов А.В. (2020). Миграции населения российской Арктики: модели, маршруты, результаты // Арктика: экология и экономика. № 4 (40). С. 4–18. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-4-4-18
- Флоринская Ю.Ф. (2017). Выпускники школ из малых городов России: образовательные и миграционные стратегии // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 114–124.
- Хотеева Е.А., Степуть И.С. (2023). Миграция населения в Российской Арктике в статистических оценках и практике управления регионами // Проблемы развития территории. Т. 27. № 2. С. 110–128. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.8
- Чердниченко Г.А. (2014). Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). М.: ЦСП и М. 560 с.
- Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. (2003). Молодежь в обществе риска. 2-е изд. М.: Наука. 161 с.
- Шеломенцев А.Г., Воронина Л.В., Смиреникова Е.В., Уханова А.В. (2018). Факторы миграции в Арктической зоне Российской Федерации // *Ars Administrandi* (Искусство управления). Т. 10. № 3. С. 396–418. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-3-396-418
- Heleniak T. (1999). Migration from the Russian north during the transition period. *Social Protection Discussion Papers and Notes. 20818*. The World Bank.
- Ljovkin V.E., Detter G.F., Tukkel J.L., Gladun E., Ljovkina A.O. (2020). Can digital transformation solve the problem of Arctic youth migration outflow? *Sustainability*, 12, 10685. Available at: <https://doi.org/10.3390/su122410685>
- Rozanova-Smith M. (2021). Stay or leave? Arctic youth prospects and sustainable futures of the Russian Arctic communities. *Sustainability*, 13, 12058. Available at: <https://doi.org/10.3390/su132112058>
- Shaparov A., Sokolova F., Magomedov A., Bhagwat J. (2022). Population migration in the supporting regions of the Russian Arctic to improve international competitiveness of the Northern Sea Route. *Polar Record*, 58, E4. DOI: 10.1017/S0032247421000711
- Sharova E.N., Nedoseka E.V. (2021). Vocational and educational attitudes of young people in the context of the migration outflow of the population of the Arctic Territories (on the example of the Murmansk Oblast). *Arctic and North*, 45(45), 166–183. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.45.166
- Simakova A., Pitukhina M., Ivanova A. (2021). Motives for migrating among youth in Russian Arctic industrial cities. In: Stammeler F., Toivanen R. (Eds.). *Young People, Wellbeing and Sustainable Arctic Communities*. DOI: 10.4324/9781003110019-3
- Tabor A.S., Milfont T.L. (2011). Migration change model: Exploring the process of migration on a psychological level. *International Journal of Intercultural Relations*, 35(6), 818–832.
- Uusiautti S., Yeasmin N. (2019). *Human Migration in the Arctic: The Past, Present, and Future*. Singapore: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-981-13-6561-4
- Zaikov K.S., Katorin I.V., Tamitskii A. (2018). Migration attitudes of the students enrolled in Arctic-focused higher education programs. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 11(3), 230–247. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.15
- Zamyatina N., Yashunsky A. (2017). Migration cycles, social capital, and networks: A new way to look at Arctic mobility. In: Laruelle M. (Ed.). *New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions*. New York: Routledge.

Сведения об авторах

Анна Васильевна Симакова – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Центр бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет (185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33; e-mail: simakova@petsu.ru)

Ирина Сергеевна Степусь – кандидат экономических наук, заместитель директора, Центр бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет (185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33; e-mail: stepus@petsu.ru)

Simakova A.V., Stepus' I.S.

Educational Migration of School Leavers from Karelia: Arctic Specifics

Abstract. Studying the migration plans of school leavers is important in the context of the reproduction of the region's human capital. The article considers youth's educational migration plans in the case of one of the Arctic regions (Republic of Karelia). The empirical base includes data of sociological research we conducted in November 2022. A total of 3,053 students in grades 8–11 from all districts of Karelia participated in the survey. The main aim of the research is to identify migration intentions of young people, namely school leavers as a social group on the way to choose vocational education in the region or outside it, the reasons for migration moods and potential willingness to return to the area after receiving a profession in another region. We have established that migration moods differ by regions of Karelia: educational plans of the majority of schoolchildren in Petrozavodsk are oriented outside the region, and the northern (non-Arctic) region of Karelia, on the contrary, to Petrozavodsk. However, school leavers of Arctic and southern regions are also focused on studying outside the region, where the flows from the regions are usually directed to the center of their region and then to other regions. It is important to assess the potential return of graduates who leave the region: most of those who are not going to study in Karelia are also going to work there. A comparison of actual and potential outflows of eleventh-graders from the region proves that in fact every third graduate leaves. Most graduates, disposed to leave, romanticize their plans, and only one in four families financially prepare for their child's education in another region; the rest take no concrete action. The results obtained contribute to studying youth's migration activity in Russia's regions that are partially included in the Arctic zone of the Russian Federation, as detailed information is limited for such territories. In practical terms, the research results can form the analytical basis for the timely development of management mechanisms to strengthen and retain youth in the Arctic regions.

Key words: educational migration, migration plans, school leavers, Arctic zone of the Russian Federation, Republic of Karelia

Information about the Authors

Anna V. Simakova – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Budget Monitoring Center, Petrozavodsk State University, (33, Lenin Street, Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russian Federation; e-mail: simakova@petsu.ru)

Irina S. Stepus' – Candidate of Sciences (Economics), deputy director, Budget Monitoring Center, Petrozavodsk State University, (33, Lenin Street, Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russian Federation; e-mail: stepus@petsu.ru)

Статья поступила 03.04.2023.

Оценка влияния медицинских, демографических и экономических факторов на динамику младенческой смертности в регионах России

**Лейла Натиговна
НАЦУН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: leyla.natsun@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9829-8866; ResearcherID: I-8415-2016

Аннотация. Вопросы выявления и оценки степени влияния факторов различной природы на показатели смертности детского населения приобретают особую актуальность в свете сокращения доли детей в структуре населения и снижения коэффициента рождаемости. При этом количественная оценка вклада конкретных факторов в риск смертности детского населения является ключевой предпосылкой обоснования управленческих мер, направленных на её минимизацию. Несмотря на многочисленные свидетельства о влиянии экономических, медицинских и демографических факторов на здоровье населения, наблюдается дефицит работ, посвященных выявлению количественных соотношений этих параметров с младенческой смертностью в разрезе российских регионов и обоснованию подходов к применению этих инструментов в практике совершенствования системы детского здравоохранения. В данном исследовании представлены результаты оценки взаимосвязи ряда экономических, демографических параметров и показателей обеспеченности населения ресурсами здравоохранения с младенческой смертностью. Проведена группировка регионов страны по уровням обеспеченности населения ресурсами здравоохранения (коечным фондом, врачами, амбулаторными учреждениями), проанализированы характеристики регионов-лидеров. В ходе корреляционного анализа установлено, что наибольшую взаимосвязь с показателем младенческой смертности населения регионов демонстрируют возрастные коэффициенты рождаемости в наиболее молодых репродуктивных возрастах (15–19 лет и 20–24 года), показатели обеспеченности населения койками для беременных и койками для детей.

Для цитирования: Нацун Л.Н. (2023). Оценка влияния медицинских, демографических и экономических факторов на динамику младенческой смертности в регионах России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 265–283. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.14

For citation: Natsun L.N. (2023). Assessing the influence of medical, demographic and economic factors on the dynamics of infant mortality in Russia's regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(3), 265–283. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.14

Посредством регрессионного анализа панельных данных по регионам России выявлены количественные соотношения между показателем младенческой смертности, возрастными коэффициентами рождаемости, величиной валового регионального продукта и обеспеченностью ресурсами здравоохранения. Результаты исследования могут представлять интерес для специалистов в сфере регионального детского здравоохранения.

Ключевые слова: здоровье детского населения, младенческая смертность, развитие детского здравоохранения, обеспеченность медицинскими кадрами, региональная дифференциация.

Введение

Ввиду обострения проблем воспроизводства населения в условиях снижения рождаемости особое значение приобретает сохранение здоровья детей. Однако данные репрезентативных социологических исследований свидетельствуют, что россияне зачастую не удовлетворены качеством и доступностью медицинского обслуживания, работой медицинских организаций (Восколович, 2021). Эти обстоятельства указывают на необходимость дальнейшего совершенствования системы здравоохранения, в том числе детского.

Исследования отечественных авторов подтверждают, что обеспеченность системы здравоохранения ресурсами напрямую влияет на показатели общественного здоровья. Доступность медицинской помощи является одним из первостепенных условий для воспроизводства населения, снижения показателей заболеваемости, инвалидности и смертности. Установлено, что рост обеспеченности врачами и амбулаторно-поликлиническими учреждениями сопровождается снижением заболеваемости и инвалидности среди детей (Тимофеев и др., 2021). Вместе с тем наблюдаются разнонаправленные тренды, свидетельствующие о снижении обеспеченности системы здравоохранения отдельными ресурсами: в период 2015–2019 гг. произошло снижение числа больничных организаций при одновременном росте мощности организаций, сокращение числа больничных коек и снижение обеспеченности ими населения, увеличение обеспеченности населения врачами и параллельное снижение обеспеченности средним медперсоналом, в том числе акушерками (Долгих, Игнатов, 2021). Тревожно выглядит на этом фоне сложившийся в тот же период тренд увеличения численности детей-инвалидов на 6,6 тыс. чел. (Кондакова, Нацун, 2019).

Для решения вопросов кадрового и материально-технического обеспечения здравоохранения на федеральном уровне предпринят целый комплекс мер, в том числе в ходе реализации национального проекта «Здравоохранение», что позволяет рассчитывать на преломление негативных трендов и формирование благоприятных условий для сохранения и укрепления здоровья детского населения. В национальном проекте вопросы совершенствования детского здравоохранения регулируются в рамках тематического федерального проекта «Развитие детского здравоохранения». Ключевым индикатором данного проекта выступает «уровень младенческой смертности» (число смертельных случаев на 1000 новорожденных). Помимо снижения младенческой смертности приоритетным направлением в рамках проекта является обеспечение детского населения, а также беременных женщин, доступной и качественной медицинской помощью¹. Согласно отчёту за 2021 год, в период реализации нацпроекта «Здравоохранение» удалось добиться снижения показателя младенческой смертности с 5,1 (в 2018 году) до 4,6 случая в расчёте на 1000 родившихся (в 2021 году)². Безусловно, это отражает прогресс в развитии детского здравоохранения, в частности совершенствование системы оказания медицинской помощи беременным женщинам, роженицам и новорожденным. В то же время наибольшая доля смертей среди

¹ Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям // Здравоохранение. URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/zdravookhranenie/zdorove_detey

² Об итогах реализации по итогам 2021 года национального проекта «Здравоохранение» и федеральных проектов, входящих в его состав. URL: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/060/073/original/Буклет_итоги_2021_года.pdf?1655456575

детей первого года жизни приходится на перинатальный период. Вклад предотвратимых причин в перинатальную смертность остаётся преобладающим³.

Согласно методике, разработанной экспертной комиссией Евростата и ОЭСР⁴, к предотвратимым причинам младенческой смертности относятся смертность от столбняка новорожденных, акушерского столбняка, расщелины позвоночника. К причинам, поддающимся лечению, относят столбняк новорожденных, акушерский столбняк, а также отдельные состояния, возникающие в перинатальный период⁵. Российская статистика не позволяет отследить динамику смертности в разрезе перечисленных причин за исключением смертности, обусловленной «отдельными состояниями, возникающими в перинатальный период».

В то же время можно предположить, что в значительной мере причины младенческой смертности, обусловленные инфекционными заболеваниями, можно относить к категории предотвратимых. На это указывают результаты работ зарубежных авторов. Так, в исследовании потенциально предотвратимых причин смерти, выполненном на основе результатов ретроспективного анализа 1779 патологоанатомических заключений по случаям смерти детей в возрасте от 7 дней до 14 лет, было установле-

но, что около 8% из них были предотвратимыми и приходились на детей до 2 лет. Наиболее распространёнными причинами этих смертей были сепсис, пневмония и менингит (82% предотвратимых случаев). Авторы исследования указывают, что в большинстве случаев врачам заранее сообщали о симптомах заболевания (за 1–7 дней до смерти ребёнка), причем примерно 30% пациентов обращались за медицинской помощью повторно (Vamber et al., 2015). Результаты исследования младенческой смертности в сельских районах Китая, проведённого на данных за 1996–2015 гг., свидетельствуют, что инфекционные заболевания определяли около 20% случаев смертности детей первого года жизни. Среди них, в свою очередь, лидирующие позиции принадлежали острым респираторным инфекциям (пневмонии), диарее, септицемии, менингиту. При этом была показана территориальная дифференциация уровней младенческой смертности, обусловленной инфекционными заболеваниями, которую авторы работы связали с различиями в уровне экономического развития, в охвате сельского населения инфраструктурой и услугами общественного здравоохранения, санитарным просвещением (Wang et al., 2020).

Воздействие качества и доступности медицинского обслуживания на здоровье детского населения сложно отделить от сопутствующего влияния социально-демографических факторов. Сама по себе проблема обеспечения населения качественными услугами здравоохранения решается инструментами социальной и экономической политики и имеет отношение к задачам в области снижения немонетарных неравенств. При этом, согласно оценкам экспертов, влияние состояния системы здравоохранения на здоровье населения ограничивается лишь 10% вкладом на фоне 50% вклада факторов условий и образа жизни (Карпов, Махнев, 2017). В то же время страны, обладающие более высокими доходами в расчёте на душу населения, получают преимущества в возможностях финансирования здравоохранения и в достижении лучших показателей здоровья детей. Тогда как значительная доля бедного населения и недостаток финансирования здравоохранения сопряжены с высокими уровнями показателей младенческой и неонатальной смертности, медленным прогрессом в их снижении.

³ Совещание с высшими должностными лицами субъектов Российской Федерации Приволжского федерального округа по вопросам реализации национального проекта «Здравоохранение» и входящих в его состав федеральных проектов. URL: <https://www.mrckb.ru/files/proekta-zdravoohranenie.pdf> (Сл. 9).

⁴ Avoidable mortality: OECD/Eurostat lists of preventable and treatable causes of death (January 2022 version). URL: <https://www.oecd.org/health/health-systems/Avoidable-mortality-2019-Joint-OECD-Eurostat-List-preventable-treatable-causes-of-death.pdf>

⁵ Предотвратимые причины смертности – причины смерти, которых можно в основном избежать с помощью эффективных мер общественного здравоохранения и первичной профилактики (т. е. до начала заболеваний/травм, чтобы снизить заболеваемость). Излечимые (или поддающиеся лечению) причины смертности – причины смерти, которых можно в основном избежать с помощью своевременных и эффективных медицинских вмешательств, включая вторичную профилактику и лечение (т.е. после начала заболеваний, для снижения летальности) (Цит. по: Avoidable mortality: OECD/Eurostat lists of preventable and treatable causes of death (January 2022 version). URL: <https://www.oecd.org/health/health-systems/Avoidable-mortality-2019-Joint-OECD-Eurostat-List-preventable-treatable-causes-of-death.pdf>).

Особого внимания заслуживает проблема неонатальной смертности в связи с тем, что именно этот возрастной период остаётся наиболее сложным в плане подбора эффективных стратегий здравоохранения даже в развитых странах. Наблюдения по группам стран с разными уровнями доходов свидетельствуют, что чем больше ВВП на душу населения, тем ниже бремя потерь от детской смертности, но больше доля неонатальной смертности в его структуре. Следовательно, при росте доходов населения и финансирования здравоохранения заметного снижения детской смертности удаётся достичь в первую очередь благодаря преодолению инфекционных заболеваний в старших возрастных группах детей (профилактика, иммунизация) и общему улучшению условий их жизни (санитарно-гигиенические условия, качество питания). Для существенного снижения неонатальной смертности требуется совершенствование работы акушерско-гинекологических служб, улучшения доступности неотложной акушерской помощи, интенсивной терапии новорожденных (Li et al., 2021). В то же время есть данные, указывающие на то, что риск неонатальной смертности выше для детей, рожденных у бедных матерей с низким уровнем образования, а также в сельской местности (Yaou et al., 2020). Это свидетельствует о необходимости снижения внутристрановых неравенств в доступе населения к качественным услугам здравоохранения, а также о важности просветительской работы с населением по вопросам профилактики нарушений здоровья и развития детей в раннем возрасте.

Для Российской Федерации также остаётся актуальным определение наиболее результативных подходов к снижению значений показателей младенческой и неонатальной смертности. За постсоветский период удалось добиться существенного сокращения этих потерь. Однако в отличие от стран Евросоюза многолетней тенденцией (с 1990 по 2012 год) в России являлось снижение значений показателя неонатальной смертности при росте постнеонатальной, что эксперты связывали с недорегистрацией случаев ранней неонатальной смертности (Баранов и др., 2015). В 2012 году в силу вступили новые критерии учёта живорождений, что должно было способство-

вать решению этой проблемы⁶. В целом при решении задач по снижению младенческой и неонатальной смертности необходимо учитывать межрегиональную дифференциацию факторов, которые оказывают влияние на эти параметры, а также возможные несовершенства статистического учёта случаев смертности (Баранов и др., 2020). Для регионов, в частности, характерны существенные различия в обеспеченности ресурсами здравоохранения (финансовыми, кадровыми и материальными) (Калашников, 2015). Повысить достоверность анализа факторов риска, влияющих на здоровье населения, может построение регрессионных моделей (Гурвич и др., 2008).

Материалы и методы исследования

Информационную базу исследования составили статистические данные, характеризующие обеспеченность регионов Российской Федерации ресурсами здравоохранения, за период с 2010 по 2020 год. Данные за 2021–2022 гг. в анализе отсутствуют, поскольку на момент написания статьи они были представлены в открытом доступе лишь по отдельным показателям. В качестве ключевых показателей, характеризующих здоровье детского населения, были выбраны коэффициент младенческой смертности, ранней неонатальной смертности, смертность детского населения в возрасте 0–17 лет (на 100000 человек соответствующего возраста).

Целью исследования стала оценка влияния демографических и экономических параметров, а также показателей обеспеченности населения ресурсами здравоохранения на смертность детского населения в регионах России.

Задачи исследования:

- 1) сопоставить динамику смертности детского населения с динамикой показателей, характеризующих обеспеченность ресурсами системы здравоохранения, за период 2010–2021 гг. по России в целом;
- 2) осуществить группировку регионов по уровням показателей обеспеченности населения ресурсами здравоохранения;

⁶ О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке ее выдачи: Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27 декабря 2011 г. № 1687н // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/70113066/>

3) провести корреляционно-регрессионный анализ влияния экономических, медицинских и демографических факторов на младенческую смертность;

4) сформулировать предложения, ориентированные на минимизацию рисков смертности детского населения, обусловленной рассмотренными факторами.

Методы математической обработки данных включают иерархический кластерный анализ для выявления и характеристики количественных и качественных оценок региональной дифференциации обеспеченности ресурсами здравоохранения, корреляционный и регрессионный анализ для выявления экономических, медицинских и демографических факторов, обладающих наиболее выраженной взаимосвязью с показателями смертности детского населения. Среди методов регрессионного анализа был выбран метод множественной линейной регрессии по панельным данным, который обеспечивает возможность количественно оценить взаимосвязь младенческой смертности с показателями экономического, демографического развития регионов и обеспеченности ресурсами здравоохранения. На первом этапе анализа был произведён расчёт коэффициентов парной корреляции для сформированного набора переменных. На втором этапе для тех переменных, которые обладали максимальными коэффициентами корреляции с зависимыми величинами, с использованием программы Stata построены модели множественной линейной регрессии со случайными и фиксированными эффектами.

Результаты исследования

Обеспечение детского населения качественной и доступной медицинской помощью является одним из приоритетов при реализации долгосрочных программ и проектов в сфере здравоохранения. Выполнение мероприятий федерального проекта «Развитие детского здравоохранения» в рамках национального проекта «Здравоохранение» за 2019–2021 гг. было профинансировано из бюджета на сумму 60,21 млрд рублей. Проведены мероприятия, нацеленные на укрепление кадрового потенциала детского здравоохранения: более 31 тыс. специалистов повысили квалификацию в области перинатологии, неонатологии и педиатрии⁷.

Показатели смертности детей в рассматриваемый период демонстрировали различную динамику. Если в отношении младенческой смертности и смертности детей в возрасте 0–17 лет положительные тренды её сокращения были устойчивыми, то значения показателей ранней неонатальной смертности колебались. При этом по итогам периода значение снизилось на 42% (табл. 1).

Несмотря на то, что развитию здравоохранения уделяется значительное внимание, по итогам периода 2010–2020 гг. наблюдалось снижение показателей обеспеченности населения врачами, специализирующимися на работе с беременными женщинами и детским населением: педиатрами (на 86%), неонатологами (на 85%) и акушерами-гинекологами (на 47%). Обеспеченность койками для детей, для беременных, рожениц и родильниц, гинекологическими койками за этот же период

Таблица 1. Показатели смертности детского населения Российской Федерации в 2010–2020 гг.

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Прирост / снижение, %
Младенческая смертность, на 1000 родившихся	7,51	7,30	8,60	8,19	7,40	6,50	6	5,60	5,09	4,90	4,50	-40
Ранняя неонатальная смертность, на 1000 родившихся живыми	2,75	2,67	3,64	3,25	2,81	2,43	2,18	1,94	1,72	1,67	1,59	-42
Смертность детей в возрасте 0–17 лет, на 100 тыс. чел. населения того же возраста	92,2	88,7	98,7	91,7	86,0	75,2	68,4	59,8	54,1	48,6	44,6	-52
Источник: Витрина статистических данных / Федеральная служба государственной статистики. URL: showdata.gks.ru												

⁷ Паспорта регионов Российской Федерации: показатели, результаты. Итоги 2021. Об итогах реализации по итогам 2021 года национального проекта «Здравоохранение» и федеральных проектов, входящих в его состав // Департамент проектной деятельности Министерства здравоохранения Российской Федерации. 2021. С. 9.

сократилась на 88, 84 и 72% соответственно. При этом обеспеченность населения амбулаторно-поликлиническими учреждениями выросла на 10%, врачами всех специальностей – на 1%, а терапевтами – снизилась на 8%. Это свидетельствует, что негативные тренды затронули именно детское здравоохранение (табл. 2).

В то же время по состоянию на 2020 год наблюдалась заметная дифференциация регионов страны по обеспеченности перечисленными ресурсами здравоохранения. Это иллюстрируют результаты проведенного иерархического кластерного анализа. Были выделены

регионы, в которых в 2020 году фиксировались невысокие показатели обеспеченности здравоохранения амбулаториями, кадрами и коечным фондом, а также регионы, лидировавшие по этим критериям (табл. 3). Большинство регионов (77 из 82 рассмотренных) вошли в первый кластер. Во втором кластере зафиксированы более высокие средние показатели обеспеченности по всем выделенным показателям кроме коек беременных, рожениц и родильниц, по сравнению с регионами первого кластера. Второй кластер образовали Республика Коми, Архангельская область, Новгородская область

Таблица 2. Обеспеченность населения Российской Федерации ресурсами здравоохранения, количество в расчёте на 10000 человек, на конец года

Обеспеченность	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Прирост / снижение, %
Амбулаторно-поликлиническими учреждениями	257,90	260,60	263,70	264,50	263,80	263,50	266,60	270,09	272,39	277,50	283,70	10
Врачами всех специальностей	50,10	51,20	49,10	48,90	48,50	45,90	46,40	47,50	47,90	48,70	50,40	1
Врачами терапевтами	н/д	6,10	6	5,80	5,40	5,20	5,20	5,20	5,20	5,30	5,60	-8
Врачами неонатологами	н/д	2,70	0,40	0,40	0,40	0,40	0,40	0,40	0,40	0,40	0,40	-85
Врачами акушерами-гинекологами	5,70	5,80	3,10	5,70	5,50	5,40	5,50	5,60	3	3	3	-47
Врачами педиатрами	31,60	31,10	4,80	24,80	23,10	22,50	19,70	20	4,09	4,20	4,30	-86
Гинекологическими койками	9	8,69	8,40	7,90	6,80	3,60	6,50	6,20	3,30	3,20	2,50	-72
Койками для детей	82,20	80,40	66,09	63,50	56,30	11,20	53,60	52,80	10,70	10,60	9,50	-88
Койками для беременных, рожениц и родильниц на 1000 женщин фертильного возраста	21,60	21,70	21,50	21	19,60	4,70	19,10	18,39	4,20	4	3,50	-84

Источник: Витрина статистических данных / Федеральная служба государственной статистики. URL: showdata.gks.ru

Таблица 3. Значения показателей обеспеченности ресурсами здравоохранения в регионах выделенных кластеров, на конец 2020 года, на 10000 чел. населения

Показатель обеспеченности	Кластер № 1			Кластер № 2			Кластер № 3
	Среднее	Мин	Макс	Среднее	Мин	Макс	
Амбулаторно-поликлиническими учреждениями	280,0	181,2	361,6	411,5	396,3	440,8	487,6
Врачами: Акушеры-гинекологи	2,9	1,7	4,7	3,0	1,9	4,2	4,4
Педиатры	4,1	2,4	6,5	4,3	3,1	5,09	5,7
Неонатологи	0,4	0,2	0,7	0,5	0,3	0,6	1,0
Все врачи	47,8	28,9	89,3	52,7	42,5	62,4	73,7
Больничными койками:							
Для беременных, рожениц и родильниц	3,7	2,0	7,8	3,6	1,9	5,09	8,1
Для детей	9,9	6,1	24,6	11,6	8,0	14,9	22,0
Гинекологические	2,5	0,9	5	2,6	2,4	3,2	5,9
Количество регионов в кластере	77			4			1

Источник: расчёты автора в программе SPSS Statistics на основе статистических данных.

и Магаданская область. Самостоятельный кластер (№ 3) образовал Чукотский автономный округ, где все показатели обеспеченности населения ресурсами здравоохранения были значительно выше средних по первому и второму кластерам.

Среднее значение младенческой смертности в первом кластере регионов составило в 2020 году 4,7 на 1000 родившихся живыми, во втором – 3,2 на 1000 родившихся, а в Чукотском автономном округе – 14,7 на 1000 родившихся живыми. В этом регионе значение показателя ранней неонатальной смертности (12,82 на 1000 родившихся живыми) также существенно превышало средние значения в первом и втором кластерах (1,64 и 0,89 на 1000 родившихся живыми соответственно)⁸.

О регионах второго кластера, за исключением Новгородской области, можно сказать, что это территории с низкой плотностью населения⁹, причем для всех уровень финансирования территориальных программ госгарантий в расчёте на одного жителя выше среднего значения по первому кластеру. Магаданская область близка к Чукотскому автономному округу и по уровню финансирования этих программ, и по доле населения с доходами ниже прожиточного минимума, что указывает на сходство экономических и демографических условий в этих регионах (табл. 4). Отличие Новгородской области

от других регионов второго кластера по экономическим и демографическим параметрам указывает на то, что высокие показатели обеспеченности ресурсами здравоохранения здесь достигнуты благодаря другим факторам. Например, по данным отчёта о выполнении задач в рамках нацпроекта «Здравоохранение» за 2021 год, для Новгородской области приводятся более высокие показатели укомплектованности врачами амбулаторных организаций (82%), чем для Чукотского автономного округа (70,2%)¹⁰.

Приведённые данные демонстрируют, что более высокие расходы на здравоохранение, хорошая обеспеченность отрасли материальными ресурсами и кадрами в целом сопутствуют более низким регистрируемым значениям младенческой и ранней неонатальной смертности в регионах. Исключение из этого правила составляет Чукотский автономный округ, где при благоприятных экономических параметрах наблюдаются высокие уровни младенческой и неонатальной смертности. Это несоответствие общей закономерности, вероятно, обусловлено неоптимальной схемой размещения медицинских организаций в регионе в условиях слабой заселённости и недостаточной транспортной связанности территории (Поликарпов и др., 2022) и сопутствующими проблемами обеспечения доступности качественной медицинской помощи населению.

Таблица 4. Отдельные экономические параметры регионов по обеспеченности ресурсами здравоохранения

Показатель	Кластер №1	Республика Коми	Архангельская обл.	Новгородская обл.	Магаданская обл.	Чукотский АО
	Среднее					
Расходы на территориальные программы государственных гарантий, руб. на 1-го жителя/застрахованного	20088,73	30429,15	26977,03	15908,51	59271,77	77698,46
Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %	14,27	15,3	12,8	13,7	8,7	8,0
Источники: Социальное положение и уровень жизни населения России 2021 / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13212 ; Здравоохранение в России 2021 / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13218						

⁸ Число умерших детей на первом году жизни в расчете на 1000 родившихся за год // Витрина статистических данных / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://showdata.gks.ru/report/297720/>

⁹ По данным на 2023 год, плотность населения составляла в Чукотском АО – 0,07 чел./км², Респ. Коми – 1,74 чел./км², Архангельской обл. – 1,7 чел./км², Магаданской обл. – 0,29 чел./км², Новгородской обл. – 10,57 чел./км².

¹⁰ Паспорта регионов Российской Федерации: показатели, результаты. Итоги 2021. Об итогах реализации по итогам 2021 года национального проекта «Здравоохранение» и федеральных проектов, входящих в его состав // Департамент проектной деятельности Министерства здравоохранения Российской Федерации. 2021. С. 128, 220.

Оценка влияния демографических и медицинских факторов на смертность детского населения: построение пространственной регрессионной модели по одногодичным данным

Для построения пространственной модели регрессии в качестве зависимой переменной был оставлен только показатель младенческой смертности, поскольку значения показателя ранней неонатальной смертности и смертности детей 0–17 лет демонстрируют сильную положительную корреляцию с его значениями (значения ρ Спирмана 0,657 и 0,837 соответственно при $p = 0,01$). Кроме того, именно младенче-

ская смертность является наиболее часто используемым целевым индикатором в практике реализации государственных программ в сфере здравоохранения. Влияние демографических показателей и показателей обеспеченности ресурсами здравоохранения¹¹ на показатели смертности детского населения оценивалось нами в два этапа. На первом этапе по данным для 82 регионов¹² России был проведён попарный корреляционный анализ (рассчитан критерий ρ Спирмана) между младенческой смертностью и всеми выбранными показателями¹³ (табл. 5).

Таблица 5. Коэффициенты корреляции показателя младенческой смертности с показателями, характеризующими рождаемость и обеспеченность ресурсами здравоохранения регионов

Переменная	ρ Спирмана	Уровень значимости p
Возрастные коэффициенты рождаемости, 15–19 лет, на 10000 женщин данного возраста, 2020 год	0,418	0,01
Возрастные коэффициенты рождаемости, 20–24 года, на 10000 женщин данного возраста, 2020 год	0,416	0,01
Обеспеченность больничными койками на 10000 чел. населения (на конец 2019 года), койки для беременных, рожениц и родильниц	0,321	0,01
Обеспеченность больничными койками на 10000 чел. населения (на конец 2019 года), койки для детей	0,269	0,05
Обеспеченность населения врачами на 10000 чел. населения (на конец 2019 года), неонатологи	0,216	Параметры не рассчитывались, поскольку корреляционные связи не значимы
Возрастные коэффициенты рождаемости, 25–29 лет, на 10000 женщин данного возраста, 2020 год	0,163	
Возрастные коэффициенты рождаемости, 30–34 года, на 10000 женщин данного возраста, 2020 год	0,157	
Возрастные коэффициенты рождаемости, 45–49 лет, на 10000 женщин данного возраста, 2020 год	0,083	
Обеспеченность больничными койками на 10000 чел. населения (на конец 2019 года), гинекологические койки	0,077	
Возрастные коэффициенты рождаемости, 35–39 лет, на 10000 женщин данного возраста, 2020 год	0,076	
Возрастные коэффициенты рождаемости, 40–44 года, на 10000 женщин данного возраста, 2020 год	0,06	
Обеспеченность населения врачами на 10000 чел. населения (на конец 2019 года), педиатры	0,003	
Обеспеченность амбулаторно-поликлиническими учреждениями на 10000 чел. населения (на конец 2019 года)	-0,123	
Обеспеченность населения врачами на 10000 чел. населения (на конец 2019 года), акушеры-гинекологи	-0,125	
Обеспеченность населения врачами на 10000 чел. населения (на конец 2019 года), все врачи	-0,179	
Источник: расчёты автора в программе SPSS Statistics.		

¹¹ Показатели обеспеченности населения ресурсами здравоохранения взяты за предшествующий год, поскольку они отражают ситуацию на конец 2019 – начало 2020 года, а младенческая смертность приводится за весь год.

¹² Количество регионов в анализе равно 82, поскольку автономные округа (Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий) рассматривались нами в составе тех областей, в границах которых они расположены (Архангельской и Тюменской соответственно).

¹³ При проведении корреляционного и регрессионного анализа на одногодичных данных нами не учитывались значения показателей по Чукотскому автономному округу, поскольку параметры обеспеченности этого региона ресурсами здравоохранения, а также демографические параметры резко отличаются от показателей остальных регионов.

Наиболее сильную положительную корреляционную связь с показателем младенческой смертности продемонстрировали возрастные коэффициенты рождаемости в наиболее молодых репродуктивных возрастах (15–19 лет и 20–24 года), обеспеченности населения койками для беременных и койками для детей. Слабая положительная корреляционная связь была выявлена между младенческой смертностью и обеспеченностью населения врачами-неонатологами, а также возрастными коэффициентами рождаемости в средних репродуктивных возрастах (25–29 лет и 30–34 года). Слабые отрицательные корреляционные связи установлены между младенческой смертностью и обеспеченностью населения акушерами-гинекологами, всеми врачами, а также амбулаторно-поликлиническими учреждениями.

Для тех показателей, которые продемонстрировали наибольшую корреляционную связь с младенческой смертностью, была проведена проверка парных корреляций (табл. 6). Поскольку по итогам этой проверки были вы-

явлены значимо коррелирующие между собой показатели, число переменных, отобранных для следующего этапа анализа, было сокращено.

На втором этапе с применением метода множественной линейной регрессии оценивались количественные параметры взаимосвязи младенческой смертности со следующими переменными: возрастным коэффициентом рождаемости на 10000 женщин 15–19 лет, обеспеченностью амбулаторно-поликлиническими учреждениями на 10000 чел. населения, обеспеченностью акушерами-гинекологами на 10000 чел. населения, возрастным коэффициентом рождаемости на 10000 женщин 45–49 лет.

Для построения регрессионной модели был использован пошаговый метод. Значение параметров модели по величине коэффициента детерминации, ошибки, а также её смысловая интерпретация позволяют сделать вывод о её среднем качестве. В итоговую регрессионную модель были включены следующие предикторы: возрастные коэффициенты рождаемости на 10000 женщин 15–19 и 45–49 лет, а также

Таблица 6. Коэффициенты корреляции показателей обеспеченности ресурсами здравоохранения и демографических показателей

Показатель	Возрастные коэффициенты рождаемости, на 10000 женщин данного возраста, 2020 год				Обеспеченность амбулаторно-поликлиническими учреждениями на 10000 чел. населения	Обеспеченность акушерами-гинекологами на 10000 чел. населения	Обеспеченность гинекологическими койками на 10000 чел. населения
	20–24 года	25–29 лет	30–34 года	45–49 лет			
Возрастные коэффициенты рождаемости, 15–19 лет, на 10000 женщин данного возраста, 2020 год	0,770**	0,331**	0,235*	-0,031	0,044	0,037	0,263*
Обеспеченность больничными койками на 10000 чел. населения (на конец 2019 года), койки для беременных, рожениц и родильниц	0,405**	0,312**	0,337**	0,178	0,025	0,219*	0,528**
Обеспеченность больничными койками на 10000 чел. населения (на конец 2019 года), койки для детей	0,449**	0,316**	0,369**	0,006	0,247*	0,102	0,382**
Обеспеченность населения врачами на 10000 чел. населения (на конец 2019 года), неонатологи	0,252*	0,380**	0,399**	0,254*	0,063	0,403**	0,313**
Обеспеченность населения врачами на 10000 чел. населения (на конец 2019 года), все врачи	-0,044	0,155	0,177	0,212	0,186	0,720**	0,299**

Примечание: * Корреляция значима на уровне $p = 0,05$ (двухсторонняя); ** Корреляция значима на уровне $p = 0,01$ (двухсторонняя).
Источник: расчёты автора в программе SPSS Statistics.

Таблица 7. Критерии качества полученной регрессионной модели

Число переменных	R ² (коэффициент детерминации)	S (стандартная ошибка оценки)	Критерий Дурбина – Уотсона
4	0,361	0,925	2,155
Источник: расчёты автора в программе SPSS Statistics.			

обеспеченность амбулаторно-поликлиническими учреждениями на 10000 чел. населения и обеспеченность акушерами-гинекологами на 10000 чел. населения (табл. 7).

Общий вид регрессионного уравнения¹⁴:

$$y = 6,254 + 0,009x_1 - 0,006x_2 - 0,591x_3 + 0,085x_4,$$

где y – младенческая смертность на 1000 родившихся, x_1 – возрастной коэффициент рождаемости на 10000 женщин 15–19 лет, x_2 – обеспеченность амбулаторно-поликлиническими учреждениями на 10000 чел. населения, x_3 – обеспеченность акушерами-гинекологами на 10000 чел. населения, x_4 – возрастной коэффициент рождаемости на 10000 женщин 45–49 лет.

Полученные результаты регрессионного анализа указывают, что единичный прирост обеспеченности населения регионов амбулаторно-поликлиническими учреждениями и акушерами-гинекологами способствует незначительному сокращению младенческой смертности (на 0,006 и 0,591 соответственно), тогда как прирост возрастного коэффициента рождаемости среди женщин 15–19 лет – её слабому увеличению. Однако представленная регрессионная модель не учитывает временные эффекты и региональные особенности, которые могут вносить существенные коррективы в оценки значимости вклада рассматриваемых факторов в снижение младенческой смертности. Выявление таких воздействий и их оценка требуют построения регрессионных моделей с использованием панельных данных.

Построение моделей множественной линейной регрессии на основе панельных данных

Выше было отмечено, что существует выраженная положительная корреляционная взаимосвязь между показателем младенческой смертности и показателями обеспеченности населения койками для беременных, рожениц и родильниц, койками для детей. Объяснить эту взаимосвязь посредством построения мно-

жественной линейной регрессии на одногодичных данных не удалось. Можно предположить, что она отражает реакцию системы здравоохранения на уровень младенческой смертности, который фиксировался в прошедшем периоде. В то же время в работах отечественных авторов встречаются указания на возможное получение противоречивых результатов моделирования взаимосвязи показателей смертности населения с показателями ресурсного обеспечения здравоохранения (Бойцов, Самородская, 2016; Лакман и др. 2021). Поэтому выявленные в нашем исследовании противоречия заслуживают более детального рассмотрения.

Для установления более достоверных соотношений между переменными, характеризующими обеспеченность здравоохранения ресурсами и младенческую смертность, необходимо построить регрессионную модель на основе панельных данных. Ключевыми преимуществами использования панельных данных выступает возможность снижения стандартных ошибок оценок, а также предотвращения ошибок спецификации, обусловленных невключением в модель существенных переменных (Россошанский, 2018). Выбор наиболее подходящей регрессионной модели для описания воздействия различных факторов на объясняемую переменную осуществляется на основе стандартных процедур оценивания их достоверности и сравнения трёх основных типов моделей: объединённой (сквозной) регрессии, регрессии с фиксированными и случайными эффектами. Как показывают результаты отечественных исследований, для описания панельных данных, где единицами наблюдения выступают регионы страны, наиболее подходящими являются модели с фиксированными эффектами (Молчанова, Кручек, 2013; Короленко, 2019).

Обозначенные выше доводы, а также анализ специальной литературы указывают на целесообразность построения и оценки трёх регрессионных моделей: регрессии «between», модели с фиксированными эффектами и модели со случайными эффектами.

¹⁴ Все коэффициенты при независимых переменных значимы на уровне $p < 0,05$.

На предварительном этапе анализа для 82 регионов¹⁵ были собраны статистические данные, характеризующие младенческую и неонатальную смертность, заболеваемость детей врождёнными аномалиями и пороками развития, рождаемость (по возрастным группам женщин), обеспеченность населения ресурсами здравоохранения (амбулаториями, врачами, койками отдельных видов), финансирование территориальных программ государственных гарантий, величину ВРП на душу населения, уровень жизни населения (доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, ВРП на душу

населения). Данные были собраны за период с 2014 по 2020 год. Отсутствие в анализе сведений за более ранние годы связано с ограничениями информационной базы (по отдельным показателям статистические данные отсутствуют).

Построена корреляционная матрица для отобранных статистических показателей: рассчитаны значения коэффициентов Пирсона. Направленность связей между показателем младенческой смертности и обеспеченностью населения врачами отдельных специальностей и больничными койками осталась положительной (табл. 8).

Таблица 8. Коэффициенты взаимной корреляции объясняющих переменных

Обозначение показателя	InfM	Neon	PrWoB	ArBr15	ArBr45	Malf	ShPoor	ExH	GRPPc	Amb	Doct	Ther	OBGYN	Pedt	GynB	PedB
Neon	,213**	--														
PrWoB	,401**	,108**	--													
ArBr15	,657**	,178**	,465**	--												
ArBr45	,182**	,281**	-,009	-,007	--											
Malf	,152**	,146**	,118**	,158**	-,086*	--										
ShPoor	,304**	,198**	,143**	,363**	,162**	,100*	--									
ExH	-,136**	-,020	-,104*	-,202**	,259**	-,106*	-,306**	--								
GRPPc	-,104*	,325**	-,111**	-,095*	,135**	-,031	-,383**	,410**	--							
Amb	,019	,125**	-,015	,032	-,052	,180**	-,127**	,034	,404**	--						
Doct	-,052	,467**	,019	-,057	,216**	,228**	-,151**	,255**	,491**	,381**	--					
Ther	,119**	,418**	,067	,067	,217**	,141**	,100*	,003	,330**	,263**	,689**	--				
OBGYN	,401**	,301**	,653**	,404**	,068	,146**	,040	,034	,036	-,024	,343**	,282**	--			
Pedt	,291**	,154**	,614**	,362**	-,144**	,156**	-,029	,054	-,090*	-,009	,181**	,077	,835**	--		
GynB	,471**	,188**	,830**	,495**	-,025	,101*	,047	-,130**	,078	,115**	,128**	,156**	,663**	,584**	--	
PedB	,307**	,074	,921**	,379**	-,101*	,127**	,050	-,066	-,073	,072	,084*	,044	,633**	,667**	,814**	--

Примечание: заливкой выделены наиболее значимые корреляции.

** – корреляция значима на уровне $p = 0,01$, * – корреляция значима на уровне $p = 0,05$.

Обозначения переменных: InfM – младенческая смертность на 1000 родившихся за год, Neon – обеспеченность неонатологами на 10000 чел. населения, PrWoB – обеспеченность койками для беременных, рожениц и родильниц на 10000 чел. населения, ArBr15 – возрастной коэффициент рождаемости на 10000 женщин 15–19 лет, ArBr45 – возрастной коэффициент рождаемости на 10000 женщин 45–49 лет, Malf – заболеваемость врожденными аномалиями (пороки развития), деформациями и хромосомными нарушениями на 1000 чел. населения, ShPoor – доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (%), ExH – расходы на территориальные программы госгарантий на 1-го жителя/застрахованного (руб.), GRPPc – Валовой региональный продукт на душу населения (руб.), Amb – обеспеченность амбулаториями на 10000 чел. населения, Doct – обеспеченность врачами всех специальностей, Ther – обеспеченность терапевтами, OBGYN – обеспеченность акушерами-гинекологами, Pedt – обеспеченность педиатрами, GynB – обеспеченность гинекологическими койками, PedB – обеспеченность койками для детей.

Источник: расчёты автора в программе SPSS Statistics.

¹⁵ Количество регионов в анализе равно 82, поскольку автономные округа (Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий) рассматривались нами в составе тех областей, в границах которых они расположены (Архангельской и Тюменской соответственно).

Значимую корреляционную связь с коэффициентом младенческой смертности показали возрастные коэффициенты рождаемости среди женщин 15–19 лет, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, обеспеченность населения койками для беременных, рожениц и родильниц, гинекологическими и детскими койками, обеспеченность населения акушерами-гинекологами. Менее выражена связь с обеспеченностью педиатрами, неонатологами, с возрастным коэффициентом рождаемости среди женщин 45–49 лет, расходами на территориальные программы госгарантий, заболеваемостью врожденными аномалиями, обеспеченностью терапевтами, врачами всех специальностей, амбулаториями, величиной ВРП на душу населения¹⁶.

Для построения регрессионной модели были отобраны переменные, обладающие наибольшими коэффициентами корреляции с объясняемой величиной и в наименьшей степени коррелирующие друг с другом. Возрастные коэффициенты рождаемости в группах женщин 15–19 и 45–49 лет практически не коррелируют друг с другом и обладают значимой связью с объясняемой переменной, поэтому оба показателя были включены в регрессионную модель. Из числа показателей, характеризующих ресурсы здравоохранения, в регрессионную модель была включена обеспеченность населения гинекологическими койками. Она демонстрировала значимую положительную корреляцию с обеспеченностью населения койками для беременных женщин, детскими койками, педиатрами и акушерами-гинекологами. Несмотря на то что этот показатель также коррелировал с коэффициентом рождаемости у женщин 15–19 лет, он был включён в модель, чтобы проверить исходное предположение о влиянии обеспеченности населения ресурсами здравоохранения на младенческую смертность. Среди показателей, отражающих социально-экономические условия в регионах, в регрессию был включен уровень душевого ВРП. Помимо того что расходы на территориальные программы госгарантий более значимо коррелировали с младенческой смертностью, для них была значимой и корреляция с возрастными коэффициентами рождаемости. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума также более значимо коррелировала с показателем младенческой смертности, однако связана и с возрастным коэффициентом рождаемости у женщин 15–19 лет.

На следующем этапе анализа значения отобранных переменных были преобразованы в десятичные логарифмы. Затем на основе полученных модифицированных переменных построены три регрессионные модели: регрессия «between», регрессия с фиксированными («within») и случайными эффектами.

Оценка регрессии «between» позволяет сделать вывод о том, что модель обладает средним качеством, поскольку величина $R^2 = 0,4483$. Коэффициенты при переменных, за исключением обеспеченности населения гинекологическими койками, являются значимыми (рис. 1).

Оценка регрессии «between» позволяет сделать вывод о том, что модель обладает средним качеством, поскольку величина $R^2 = 0,4483$. Коэффициенты при переменных, за исключением обеспеченности населения гинекологическими койками, являются значимыми (рис. 1).

Регрессия «within» (модель с фиксированными эффектами) даёт несколько более достоверные результаты. Коэффициент детерминации в ней составляет 0,5044. Однако при таком способе построения регрессии теряют значимость коэффициенты при демографических показателях (возрастных коэффициентах рождаемости среди женщин 15–19 и 45–49 лет). Основной объясняющей переменной в данной модели становится ВРП на душу населения, отрицательно коррелирующий с показателем младенческой смертности. Значение коэффициента при переменной «обеспеченность гинекологическими койками» несколько ниже, чем в модели «between», но его значимость сохраняется ($p < 0,05$). О достоверности оценок модели свидетельствует величина корреляции объясняющих переменных и индивидуальных эффектов $\text{corr}(u_i, X_b) = -0,6463$ (рис. 2). Поскольку коэффициент детерминации данной модели выше, чем модели «between», можно предположить, что при условии фиксации индивидуальных эффектов (обусловленных региональными особенностями) на первый план выходят экономические факторы. Это позволяет сделать вывод, что вне зависимости от региональной специфики для снижения младенческой смертности первостепенное значение имеют успешное экономическое развитие территорий и повышение уровня жизни населения.

¹⁶ Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации (валовая добавленная стоимость в текущих основных ценах) в расчёте на душу населения. Источник данных: Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2022 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

Рис. 1. Оценка регрессии «between»

```

Between regression (regression on group means)   Number of obs   =   566
Group variable: Region                          Number of groups =   82

R-sq:  within = 0.3497                          Obs per group: min =   4
        between = 0.4483                          avg =   6.9
        overall = 0.3926                          max =   7

                                                F(4, 77)       =   15.64
sd(u_i + avg(e_i.)) = .1846477                  Prob > F       =   0.0000
    
```

lInfM	Coef.	Std. Err.	t	P> t	[95% Conf. Interval]	
lGynB	.2033547	.1033407	1.97	0.053	-.002423	.4091324
lArBr15	.2894735	.0655253	4.42	0.000	.158996	.4199511
lArBr45	.1970133	.0504054	3.91	0.000	.0966433	.2973834
lGRPpc	-.1098465	.0403063	-2.73	0.008	-.1901067	-.0295863
_cons	2.188044	.5326122	4.11	0.000	1.127478	3.24861

Источник: расчёты автора в программе Stata (ver 13).

Рис. 2. Оценка регрессии «within»

```

Fixed-effects (within) regression               Number of obs   =   566
Group variable: Region                          Number of groups =   82

R-sq:  within = 0.5044                          Obs per group: min =   4
        between = 0.0795                          avg =   6.9
        overall = 0.1846                          max =   7

                                                F(4, 480)     =  122.13
corr(u_i, Xb) = -0.6463                        Prob > F      =   0.0000
    
```

lInfM	Coef.	Std. Err.	t	P> t	[95% Conf. Interval]	
lGynB	.0691854	.0243963	2.84	0.005	.0212486	.1171221
lArBr15	.1517188	.0608841	2.49	0.013	.0320865	.2713511
lArBr45	.0035768	.0219967	0.16	0.871	-.0396449	.0467985
lGRPpc	-.582076	.0798921	-7.29	0.000	-.7390574	-.4250946
_cons	8.663649	1.174559	7.38	0.000	6.355736	10.97156
sigma_u	.33822752					
sigma_e	.17414421					
rho	.79045497	(fraction of variance due to u_i)				

F test that all u_i=0: F(81, 480) = 8.27 Prob > F = 0.0000

Источник: расчёты автора в программе Stata (ver 13).

Модель со случайными эффектами также обладает достаточно высокой значимостью, о чём свидетельствует величина статистики Вальда (Wald chi2 = 465,34). Регрессоры не коррелированы со случайными остатками модели. В данной модели восстанавливается значимость возрастного коэффициента рождаемости у женщин 15–19 лет, но теряется значимость аналогичного показателя для женщин 45–49 лет (рис. 3). Сохраняется положительная корреляционная связь между показателями младенческой смертности и обеспеченностью населения гинекологическими койками. Это указывает, что регрессор в данном случае может сам меняться под влиянием объясняемой переменной, то есть обеспеченность койками наращивают при высоком уровне младенческой смертности, что в целом соответствует логике управления ресурсами здравоохранения. Аналогично можно интерпретировать положительные корреляционные взаимосвязи младенческой

смертности и обеспеченности другими ресурсами здравоохранения (койками для беременных, врачами неонатологами, акушерами-гинекологами). Положительные коэффициенты корреляции младенческой смертности и показателей рождаемости в группах женщин 15–19 и 45–49 лет, вероятно, обусловлены тем, что в этих группах рожениц чаще встречаются осложнения беременности и родов (Ербактанова и др., 2014; Кулавский и др., 2014; Кулешова и др., 2016; Яворская, Николаева, 2016; Серова и др., 2020).

Тест Хаусмана указывает на предпочтительное использование модели с фиксированными, а не случайными эффектами (рис. 4). Это соответствует логике применяемых показателей, поскольку при построении регрессионных моделей использовались данные по регионам России, которые заведомо обладают специфическими чертами социально-экономического и демографического развития.

Рис. 3. Оценка регрессии со случайными эффектами

```

Random-effects GLS regression              Number of obs   =       566
Group variable: Region                    Number of groups =       82

R-sq:  within = 0.4776                    Obs per group:  min =       4
        between = 0.3116                               avg =      6.9
        overall = 0.3837                               max =       7

corr(u_i, X) = 0 (assumed)                Wald chi2(4)    =      465.34
                                           Prob > chi2     =      0.0000

```

lInfM	Coef.	Std. Err.	z	P> z	[95% Conf. Interval]	
lGynB	.1094253	.0234824	4.66	0.000	.0634007	.15545
lArBr15	.3521556	.0378681	9.30	0.000	.2779356	.4263757
lArBr45	.0234711	.0207209	1.13	0.257	-.0171412	.0640833
lGRPpc	-.1975338	.0341469	-5.78	0.000	-.2644605	-.1306071
_cons	3.099838	.4956586	6.25	0.000	2.128365	4.071311
sigma_u	.17225491					
sigma_e	.17414421					
rho	.49454604	(fraction of variance due to u_i)				

Источник: расчёты автора в программе Stata (ver 13).

Рис. 4. Результаты теста Хаусмана (сравнение моделей с фиксированными и случайными эффектами)

	Coefficients			
	(b) fixed	(B) .	(b-B) Difference	sqrt(diag(V_b-V_B)) S.E.
lGynB	.0691854	.1094253	-.04024	.0094959
lArBr15	.1517188	.3521556	-.2004368	.0506158
lArBr45	.0035768	.0234711	-.0198943	.0096037
lGRPpc	-.582076	-.1975338	-.3845421	.0755942

b = consistent under H_0 and H_a ; obtained from xtreg
 B = inconsistent under H_a , efficient under H_0 ; obtained from xtreg

Test: H_0 : difference in coefficients not systematic

$$\begin{aligned} \text{chi2}(4) &= (b-B)' [(V_b-V_B)^{-1}] (b-B) \\ &= 44.93 \\ \text{Prob}>\text{chi2} &= 0.0000 \end{aligned}$$

Источник: расчёты автора в программе Stata (ver 13).

Результаты регрессионного анализа свидетельствуют, что при фиксации региональных различий снижению младенческой смертности в наибольшей мере способствуют успешное экономическое развитие регионов и сопутствующее повышение уровня жизни населения. Вторым по значимости фактором выступает улучшение обеспеченности населения ресурсами здравоохранения (в построенной модели — обеспеченности гинекологическими койками), а третьим — снижение рождаемости у несовершеннолетних, которые учитываются в категории 15–19 лет.

Проведённый анализ позволяет сформулировать предложения, направленные на снижение уровня младенческой смертности. Было показано, что одним из основных факторов, влияющих на младенческую смертность, выступает уровень ВРП в расчёте на душу населения. Его величина, в свою очередь, положительно коррелирует с расходами на территориальные программы госгарантий и отрицательно — с долей населения, имеющего денежные доходы ниже величины прожиточного минимума. Таким образом, базовым условием успешной политики по снижению младенческой смертности является реализация мер, направленных на повышение социального и экономического благопо-

лучия населения регионов России. Это ещё раз подтверждает необходимость системного подхода при постановке и выполнении задач экономической, социальной и демографической политики, в том числе на региональном уровне.

Поскольку обеспеченность населения регионов ресурсами здравоохранения оказывает значимое влияние на младенческую смертность, требуется дальнейшее укрепление материальной базы учреждений здравоохранения, обеспечение своевременной медицинской помощью беременных и рожениц, в том числе проживающих в труднодоступной местности (Бурцева и др., 2020), совершенствование алгоритмов маршрутизации и повышение качества лечения пациенток с высоким риском осложнений беременности и родов (Шувалова и др., 2017).

Долгосрочным трендом в России выступает снижение среднего возраста сексуального дебюта. Сопутствующее явление — подростковые беременности, которые чаще всего завершаются медицинскими абортми и намного реже — родами (Ларюшева и др., 2014). На фоне этого подтверждённая в ходе корреляционно-регрессионного анализа взаимосвязь младенческой смертности и рождаемости у женщин в воз-

расте 15–19 лет обуславливает необходимость профилактики нежелательных беременностей среди подростков, раннего выявления и постановки на учёт беременных несовершеннолетних, улучшения ранней диагностики рисков осложнений беременности и родов в данной возрастной группе, а также повышения качества медицинского сопровождения юных матерей. Подростковые беременности – явление, свидетельствующее о социальном неблагополучии. Его профилактика имеет приоритетное значение как с точки зрения демографической безопасности страны и сохранения репродуктивного потенциала подрастающего поколения, так и с точки зрения минимизации бремени социальных и экономических потерь, связанных с рисками материнской и перинатальной смертности (Гусева и др., 2008). На сегодняшний день в ряде регионов накоплен позитивный опыт функционирования систем охраны репродуктивного здоровья детей и подростков, который можно тиражировать с целью эффективного решения обозначенных проблем (Симаходский, Ипполитова, 2016).

Выводы

Выполненный регрессионный анализ позволил подтвердить значимость экономических, социальных и демографических факторов в решении задачи по снижению уровня младенческой смертности в регионах России. Среди трёх построенных регрессионных моделей наи-

лучшим качеством обладает модель с фиксированными эффектами, в которой наибольшее влияние на снижение младенческой смертности оказывает увеличение ключевого показателя экономического развития регионов – ВРП. Улучшению построенной модели могло бы способствовать включение в неё региональных данных о количестве родов с осложнениями, заболеваниях, перенесённых матерями во время беременности, доле младенцев, рождённых раньше срока и с низкой массой тела. Более достоверные оценки также возможны при учёте уровня медицинских организаций, в которых зарегистрированы случаи младенческой смертности.

Благоприятные экономические условия развития регионов и связанное с этим экономическое благополучие населения выступают базовым условием снижения младенческой смертности. Высокой значимостью обладают также факторы обеспеченности регионов ресурсами здравоохранения, наличия эффективно функционирующей системы трёхуровневой организации медицинской помощи женщинам в период беременности, родов и послеродовой период. Для предотвращения младенческой смертности на уровне отдельных регионов высокую значимость имеют меры, направленные на снижение социального неблагополучия, в том числе профилактика подростковых беременностей.

Литература

- Баранов А.А., Намазова-Баранова Л.С., Альбицкий В. Ю., Терлецкая Р.Н. (2015). Закономерности и тенденции младенческой и детской смертности в Российской Федерации // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonomernosti-i-tendentsii-mladencheskoy-i-detskoy-smernosti-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения 14.03.2023).
- Баранов А.А., Альбицкий В.Ю., Намазова-Баранова Л.С. (2020). Смертность детского населения в России: состояние, проблемы и задачи профилактики // Вопросы современной педиатрии. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smernost-detskogo-naseleniya-v-rossii-sostoyanie-problemy-i-zadachi-profilaktiki> (дата обращения 14.03.2023).
- Бойцов С.А., Самородская И.В. (2016). Факторы, влияющие на смертность населения // Вестник Российской академии наук. Т. 86. № 12. С. 1089–1097. DOI: 10.7868/80869587316110037
- Бурцева Т.Е., Гоголев Н.М., Сотников В.А. [и др.] (2020). Роль санитарной авиации в эвакуации беременных из арктических районов Республики Саха (Якутия): показатели эффективности // Пермский медицинский журнал. Т. 37. № 3. С. 97–102. DOI: 10.17816/pmj37397%102
- Восколович Н.А. (2021). Доступность услуг здравоохранения как основа социальной защищенности населения // Народнонаселение. Т. 24. № 2. С. 87–96. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.8

- Гурвич В.Б., Никонов Б.И., Малых О.Л. [и др.] (2008). Использование регрессионных моделей в системе поддержки принятия решений по управлению риском для здоровья населения в результате воздействия социально-экономических факторов // Уральский медицинский журнал. № 8 (48). С. 26–33.
- Гусева Е.В., Чумакова О.В., Филиппов О.С. (2008). Медико-социальные аспекты материнской смертности у юных женщин в Российской Федерации // Вопросы современной педиатрии. № 3. С. 13–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediko-sotsialnye-aspekty-materinskoj-smertnosti-u-yunyh-zhenschin-v-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения 25.05.2023).
- Долгих Е.А., Игнатов И.А. (2021). Статистический анализ состояния здоровья населения и деятельности организаций здравоохранения // Тенденции развития науки и образования. № 73-4. С. 46–52. DOI: 10.18411/Ij-05-2021-134
- Ербактанова Т.А., Кукарская И.И., Туровина Е.Ф. (2014). Оценка перинатальных рисков у юных первородящих // Репродуктивное здоровье детей и подростков. № 2 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-perinatalnyh-riskov-u-yunyh-pervorodyaschih> (дата обращения 15.03.2023).
- Калашников К.Н. (2015). Ресурсное обеспечение российского здравоохранения: проблемы территориальной дифференциации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 1 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/resursnoe-obespechenie-rossiyskogo-zdravoohraneniya-problemy-territorialnoy-differentsiatsii>
- Карпов О.Э., Махнев Д.А. (2017). Модели систем здравоохранения разных государств и общие проблемы сферы охраны здоровья населения // Вестник Национального медико-хирургического Центра им. Н.И. Пирогова. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-sistem-zdravoohraneniya-gaznyh-gosudarstv-i-obshchie-problemy-sfery-ohrany-zdorovya-naseleniya>
- Кондакова Н.А., Нацун Л.Н. (2019). Инвалидность детского населения как медико-социальная проблема // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. № 4 (15). С. 285–296.
- Короленко А. В. (2019). Факторы демографического развития России: опыт исследования панельных данных // Проблемы развития территории. № 5 (103). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-demograficheskogo-razvitiya-rossii-opyt-issledovaniya-panelnyh-dannyh> (дата обращения 14.03.2023).
- Кулавский В.А., Зиганшин А.М., Кулавский Е.В., Зиганшина Э.А. (2014). Медико-социальные проблемы преждевременных родов у девочек подростков // Мать и дитя в Кузбассе. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediko-sotsialnye-problemy-prezhdevremennyh-rodov-u-devochek-podrostkov> (дата обращения 15.03.2023).
- Кулешова Д.А., Густоварова Т.А., Иवानян А.Н. [и др.] (2016). Акушерские и перинатальные исходы у первородящих женщин старше 40 лет // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/akusherskie-i-perinatalnye-ishody-u-pervorodyaschih-zhenschin-starshe-40-let> (дата обращения 13.03.2023).
- Лакман И.А., Тимирьянова В.М., Закирьянова Г.Т. (2021). Изучение влияния на смертность населения обеспеченности ресурсами здравоохранения с использованием метода иерархического линейного моделирования // Здравоохранение Российской Федерации. Т. 65. № 6. С. 540–548. DOI: 10.47470/0044-197X-2021-65-6-540-548.
- Ларюшева Т.М., Баранов А.Н., Лебедева Т.Б. (2014). Эпидемиология беременности у подростков // Экология человека. № 12. С. 26–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epidemiologiya-beremennosti-u-podrostkov> (дата обращения 25.05.2023).
- Молчанова Е.В., Кручек М.М. (2013). Математические методы оценки факторов, влияющих на состояние здоровья населения в регионах России (панельный анализ) // Социальные аспекты здоровья населения. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/matematicheskie-metody-otsenki-faktorov-vliyayuschih-na-sostoyanie-zdorovya-naseleniya-v-regionah-rossii-panelnyy-analiz> (дата обращения 14.03.2023).
- Поликарпов А.В., Митрошин П.В., Моравская С.В., Миргородская О.В. (2022). Анализ территориального размещения медицинских организаций и их структурных подразделений в субъектах Дальневосточного федерального округа // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. № 5. С. 762–783. DOI: 10.24412/2312-2935-2022-5-762-783
- Росошанский А.И. (2018). Моделирование влияния социально-экономических факторов на качество жизни населения регионов России // Вопросы территориального развития. № 4 (44). DOI: 10.15838/tdi.2018.4.44.6

- Серова О.Ф., Седая Л.В., Шутикова Н.В. (2020). Исходы беременности у женщин в старшем репродуктивном возрасте // Доктор.Ру. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ishody-beremennosti-u-zhenschin-v-starshem-reproduktivnom-vovraste> (дата обращения 13.03.2023).
- Симаходский А.С., Ипполитова М.Ф. (2016). Репродуктивное здоровье подростков: проблемы сохранения // Российский педиатрический журнал. Т. 19. № 6. С. 373–380. DOI: [http://dx.doi.org/10.18821/1560-9561-2016-19\(6\)-373-380](http://dx.doi.org/10.18821/1560-9561-2016-19(6)-373-380)
- Тимофеев Л.Ф., Петрова П.Г., Борисова Н.В. [и др.] (2021). Ресурсы здравоохранения в Восточной экономической зоне и их корреляционная связь с показателями здоровья // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Медицинские науки. № 3 (24). С. 61–65. DOI 10.25587/SVFU.2021.24.3.008
- Шувалова М.П., Письменная Т.В., Гребенник Т.К. (2017). Результативность третьего уровня системы регионализации перинатальной помощи в Российской Федерации // Социальные аспекты здоровья населения. DOI: 10.21045/2071-5021-2017-55-3-2
- Яворская С.Д., Николаева М.Г. (2016). Течение и исходы беременности у пациенток старшего репродуктивного возраста // Здоровье и образование в XXI веке. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/techenie-i-ishody-beremennosti-u-patsientok-starshego-reproduktivnogo-vovrasta> (дата обращения 13.03.2023).
- Bamber A.R., Mifsud W., Wolfe I. et al. (2015). Potentially preventable infant and child deaths identified at autopsy; findings and implications. *Forensic Science, Medicine, and Pathology*, 11, 358–364. Available at: <https://doi.org/10.1007/s12024-015-9681-9>
- Li Z., Karlsson O., Kim R. et al. (2021). Distribution of under-5 deaths in the neonatal, postneonatal, and childhood periods: A multicountry analysis in 64 low- and middle-income countries. *International Journal for Equity in Health*, 20, 109. Available at: <https://doi.org/10.1186/s12939-021-01449-8>
- Wang K., Xiang L., Kang L. et al. (2020). Communicable disease mortality trends and characteristics of infants in rural China, 1996–2015. *BMC Public Health*, 20, 455. Available at: <https://doi.org/10.1186/s12889-020-08486-y>
- Yaya S., Zegeye B., Ahinkorah B.O. et al. (2020). Time trends, geographical, socio-economic, and gender disparities in neonatal mortality in Burundi: Evidence from the demographic and health surveys, 2010–2016. *Archives of Public Health*, 78, 115. Available at: <https://doi.org/10.1186/s13690-020-00501-3>

Сведения об авторе

Лейла Натиговна Нацун – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда ул. Горького д. 56а; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru)

Natsun L.N.

Assessing the Influence of Medical, Demographic and Economic Factors on the Dynamics of Infant Mortality in Russia's Regions

Abstract. The issues of identifying and assessing the degree of influence of various factors on child mortality become particularly relevant in the light of the reduction in the proportion of children in the population and the decline in the birth rate. The quantitative assessment of the contribution of specific factors to the risk of child mortality is a key prerequisite for the substantiation of management measures aimed at minimizing it. Despite ample evidence of the influence of economic, medical and demographic factors on people's health, there is a shortage of works devoted to the identification of quantitative correlations of these parameters with infant mortality in the context of Russian regions and the substantiation of approaches to the application of these tools in the practice of improving the child health care system. This study presents the results of assessing the relationship between a number of economic, demographic parameters and indicators of the provision with health care resources and infant mortality. Russia's regions have been grouped according to the level of health care resources provision (bed fund, doctors, outpatient facilities),

the characteristics of the leading regions have been analyzed. The correlation analysis revealed that the greatest correlation with the indicator of infant mortality of the regional population is demonstrated by age-specific birth rates in the youngest reproductive ages (15–19 years and 20–24 years), indicators of the provision of beds for pregnant women and children. Regression analysis of panel data for Russian regions revealed quantitative relationships between the infant mortality rate, age-specific birth rates, the value of gross regional product and the health care resources provision. The results of the study may be of interest to specialists in the field of regional child health care.

Key words: child health, infant mortality, child health care development, provision of medical personnel, regional differentiation.

Information about the Author

Leila N. Natsun – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru)

Статья поступила 20.03.2023.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.15

УДК 330.341, ББК 65.9(4/8)

© Вольчик В.В., Цыганков С.С., Маскаев А.И.

Эволюция национальных инновационных систем США, Великобритании, Китая и Ирана

**Вячеслав Витальевич
ВОЛЬЧИК**

Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

e-mail: volchik@sfedu.ru

ORCID: 0000-0002-0027-3442; ResearcherID: K-7832-2012

**Сергей Сергеевич
ЦЫГАНКОВ**

Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

e-mail: sscyankov@sfedu.ru

ORCID: 0000-0001-7827-8318; ResearcherID: AAY-4272-2020

**Артём Ильич
МАСКАЕВ**

Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

e-mail: maskaev@sfedu.ru

ORCID: 0000-0002-7431-6978; ResearcherID: O-8704-2016

Для цитирования: Вольчик В.В., Цыганков С.С., Маскаев А.И. (2023). Эволюция национальных инновационных систем США, Великобритании, Китая и Ирана // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 284–301. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.15

For citation: Volchik V.V., Tsygankov S.S., Maskaev A.I. (2023). Evolution of the national innovation systems of the United States, the United Kingdom, China and Iran. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(3), 284–301. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.15

Аннотация. Концепция национальных инновационных систем (НИС) предполагает рассмотрение хозяйственных порядков отдельных стран для выявления особенностей эволюции институтов, способствующих процессам создания и преобразования знаний в новые технологии и продукты. В статье проанализирован опыт развития национальных инновационных систем США, Великобритании, Китая и Ирана. Если США и Великобритания характеризуются устойчивыми развитыми НИС с длительной историей, то Иран и Китай можно отнести к странам с развивающимися инновационными системами, но демонстрирующими значимые успехи. Выявлено, что главное отличие рассмотренных НИС состоит в способе достижения политической и экономической устойчивости. Показано, что все рассмотренные страны стимулируют рыночные механизмы создания инноваций. В китайской инновационной модели сочетаются поощрение низовых инноваций и государственная поддержка ведущих технологических предприятий. В США и Великобритании лидирующая роль бизнеса связана с представлениями о том, что бизнес лучше распределяет инвестиции в НИОКР по сравнению с государством. Иран также старается стимулировать частную инновационную деятельность, однако в условиях ограниченности внутреннего рынка и санкционных ограничений ключевая роль остается у государства. Одной из предпосылок развития НИС Ирана и Китая можно считать долгосрочную политику в области высшего образования, которая в сочетании с ростом населения привела к значительному расширению доступа к высшему образованию. Статья представляет интерес для отечественного научного сообщества. Авторы исследуют НИС стран-лидеров в сфере инноваций (Великобритания, США и Китай), а также государства, длительное время находящегося под санкционным давлением (Иран), что особенно актуально в сложившихся экономико-политических реалиях. На основе проведенного анализа авторы предлагают задуматься о возможных путях развития российской инновационной системы. Результаты работы могут быть использованы учеными, занимающимися исследованиями национальных инновационных систем, а также разработчиками государственной инновационной политики.

Ключевые слова: национальная инновационная система, эволюция, институты, США, Великобритания, Китай, Иран.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00562, <https://rscf.ru/project/21-18-00562/> «Развитие российской инновационной системы в контексте нарративной экономики» в Южном федеральном университете.

Введение

Национальные инновационные системы (НИС) попали в фокус научных исследований в конце XX века. В это время в рамках эволюционной экономики сформировалось несколько научных школ, усилиями которых были созданы теоретические предпосылки для исследования НИС. Главным элементом новизны при создании концепта НИС стало обращение к проблеме национальных особенностей эволю-

ции институтов, способствующих процессам создания знаний и их преобразования в технологии и новые продукты¹.

В 1990-е годы параллельно с концепцией НИС начала формироваться теория тройной спирали, которая делает акцент на создании среды, способствующей активизации инновационных процессов во взаимодействиях трех основных акторов: академии (университетов),

¹ Такой подход к определению НИС отражен у С. Меткалфа: «[НИС] – совокупность отдельных институтов, которые совместно и индивидуально способствуют развитию и распространению новых технологий и обеспечивают основу для формирования и реализации государственной политики, воздействующей на инновационный процесс. По сути, это система взаимосвязанных институтов для создания, хранения и передачи знаний, навыков и артефактов, определяющих новые технологии» (Metcalf, 1995, p. 38).

государства и бизнеса (Etzkowitz, 1996; Ицковиц, 2011). Развитие и усложнение концепции тройной спирали в современных исследованиях инновационной деятельности привело к преобразованию ее в модель четверной спирали, где добавляется новый элемент, имеющий двойную структуру: общественность (public), связанная со средствами массовой информации и культурой, а также гражданское общество (Carayannis, Campbell, 2012, p. 13). Концепция четверной спирали наиболее близка теоретической рамке НИС, так как в явной форме делает акцент на институциональных факторах (средствах массовой информации, культуре), которые приобретают особую значимость для создания и использования инноваций.

В современном мире национальные инновационные системы не существуют изолированно друг от друга, однако различаются по степени сложности и комплексности развития. Например, НИС США можно считать одной из наиболее сложных, где основные компоненты четверной спирали: академия, бизнес, государственное регулирование инноваций и общественность (гражданское общество) — эволюционировали в эффективную систему, связанную с производством значительной доли мировых инноваций и инновационной продукции (Alnafrah, Zeno, 2019).

Основная гипотеза научной работы состоит в том, что для успешного функционирования НИС необходима реализация выделенных ранее трех условий инновационного развития экономики: политической и экономической устойчивости, предпринимательской инициативы, возрастающей отдачи; а также двух предпосылок: развития рыночной инфраструктуры и развития сферы образования и науки (Вольчик, 2022; Вольчик, Маслюкова, 2022). Развитие каждой из национальных инновационных систем имеет много общих моментов, но наиболее важным в контексте данного исследования является акцент на особенностях институциональной структуры и экономической политики в инновационной сфере.

В статье мы последовательно проверяем наличие указанных трех условий и двух предпосылок применительно к НИС Китая, Великобритании, США и Ирана, основываясь на доступных научных работах, отчетах и статистических данных международных организаций (Всемирный банк, Евростат, ВОИС, ОЭСР, ЮНКТАД). Положение стран в различных мировых рейтингах представлено в *таблице 1*.

Выбор стран обусловлен следующими соображениями. США и Китай являются крупнейшими мировыми экономиками, реализуют разные подходы к формированию и развитию своих НИС. Великобритания в свою очередь —

Таблица 1. Положение стран в различных мировых рейтингах

Наименование рейтинга (индекса)	Место			
	Великобритания	США	Китай	Иран
ВВП, 2021 г. (GDP (current US\$)) ¹⁾	6	1	2	42
ВВП на душу населения, 2021 г. GDP per capita (current US\$) ²⁾	29	12	80	139
Глобальный инновационный индекс, 2022 г. (Global Innovation Index, 2022) ³⁾	4	2	11	53
Индекс защиты прав собственности, 2022 г. (International Property Right Index 2022) ⁴⁾	17	13	47	113
Индекс экономической свободы, 2023 г. (2023 Index of Economic Freedom) ⁵⁾	28	25	154	169
Индекс мягкой силы, 2023 г. (Global Soft Power Index 2023) ⁶⁾	2	1	5	77
Индекс готовности к передовым технологиям, 2023 г. (Readiness for frontier technologies index 2023) ⁷⁾	17	1	35	75

¹⁾ https://data.worldbank.org/indicator/Ny.Gdp.Mktp.Cd?most_recent_value_desc=true
²⁾ https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?most_recent_value_desc=true
³⁾ <https://www.globalinnovationindex.org/Home>
⁴⁾ <https://www.internationalpropertyrightsindex.org/>
⁵⁾ <https://www.heritage.org/index/ranking>
⁶⁾ <https://brandirectory.com/softpower/>
⁷⁾ <https://unctad.org/publication/technology-and-innovation-report-2023>
 Источник: составлено авторами по данным перечисленных индексов.

один из лидеров в инновационной сфере на Европейском континенте, при этом НИС Великобритании обладает большей самостоятельностью, так как после Brexit не входит в наднациональную инновационную систему Европейского союза. Что касается Ирана, то его опыт в построении своей национальной инновационной системы представляется особо интересным по причине нахождения государства в течение длительного времени под различными экономическими санкциями, прежде всего со стороны западных стран.

Национальная инновационная система Китая

Исторически концепция технологического развития Китая формировалась для преодоления наследия «столетия унижений» и создания базиса гражданского и военного потенциала КНР, начиная с политики Мао Цзэдуна, основанной на «опоре на собственные силы», и заканчивая политикой Си Цзиньпина, в рамках которой повышенное внимание уделяется инновационному развитию (Gaida et al., 2023, p. 15). На начальном этапе строительства социалистической экономики большое влияние оказывали советский опыт и советская научно-техническая и экономическая помощь.

С 1978 года в Китае начали проводиться экономические реформы, направленные на развитие рыночных отношений. Реформы были нацелены не только на эволюционное формирование рыночных механизмов, но и на постепенное открытие экономики для все большего включения Китая в систему мирохозяйственных связей. Важнейшей задачей в ходе реформ

была модернизация экономики: «Стратегия политики четырех модернизаций, которая включала сельское хозяйство, промышленность, национальную оборону и науку и технологии, стала наиболее важными флагманскими программами и национальными целями после реформ 1978 года» (Yi et al., 2021, p. 32). Эти реформы позволили не только развить строительство социализма с китайской спецификой, но и впервые построить эффективную и стабильную социалистическую рыночную экономику². Именно в рамках системы социалистической рыночной экономики начала бурно развиваться НИС. При этом ведущую роль в модернизационной политике играло развитие сферы высшего образования и науки.

В 1985 году началась крупная образовательная реформа, получившая название «трех Д»³. Наряду с образовательной политикой проводилась политика, направленная на поощрение использования результатов интеллектуальной деятельности в реальной экономике, получившая название «трех К»⁴ (Клочихин, 2016, с. 40–41).

Также в 1985 году было принято постановление Центрального комитета Коммунистической партии Китая, которое задавало вектор отхода от советской модели инновационной системы. Поэтому основные усилия были направлены на создание рыночных стимулов для взаимодействия научно-исследовательских институтов и университетов с промышленностью (Motohashi, Yun, 2007, p. 1251–1252). На первых этапах научно-исследовательская деятельность была востребована прежде всего крупными

² Необходимо уточнить, что в данной статье мы используем официальное для современного Китая обозначение экономической системы как «социалистической рыночной экономики». Такой тип хозяйственного порядка отличается значительной развитостью рыночных механизмов и институтов и фактически является специфической формой рыночного хозяйственного порядка с китайской спецификой. Ключевым механизмом хозяйственной координации все же выступает рынок, но социалистической экономика является потому, что благодаря институтам, формируемым КПК, решаются задачи по построению среднезажиточного общества, в котором политическая власть капитала сильно ограничена.

³ «„Три Д” подразумевают децентрализацию (decentralization), деполитизацию (depoliticization) и многообразие (diversity). Управление местными университетами было передано на провинциальный и муниципальный уровни. Вузы получили больше возможностей для разработки собственных учебно-методических рекомендаций и курсов, не дожидаясь одобрения политического руководства. Принцип многообразия предполагал введение большого числа новых образовательных услуг, а также разрешение на открытие частных университетов и школ» (Клочихин, 2016, с. 40).

⁴ «„Три К” – это коммерциализация (commercialization), конкуренция (competition) и сотрудничество (cooperation). Вузы получили большую свободу в установлении партнерских связей и заключении контрактных соглашений с частным сектором и местными органами власти, во введении платы за обучение, а также в разработке механизмов конкурентной борьбы за лучших студентов, финансирование, ученых и субсидии» (Клочихин, 2016, с. 40–41).

предприятиями. Постепенно как у частных, так и государственных предприятий сформировались собственные научные подразделения. Причем исследования отдачи от НИОКР в зависимости от формы собственности показывают, что частные предприятия получают более высокую отдачу от собственных НИОКР, чем государственные (Boeing et al., 2016).

В 2000-х годах в Китае инновационное развитие происходило по двум направлениям: *имитация* существующих технологий и собственные *инновационные* разработки. Инновации и имитация органично дополняли друг друга: «Выводы о взаимодополняемости имитации и инноваций показывают, что имитация является не только необходимой стратегией, независимой от инноваций, но и жизненно важна для эффективности инноваций» (Wu et al., 2020, p. 748). Например, в первое десятилетие реформ китайской инновационной системы она сталкивалась с сокращением государственного финансирования научно-технической деятельности и низким уровнем промышленных исследований и разработок (Хуе, 1997, p. 79), но именно благодаря последовательным реформам и развитию рыночного сегмента инновационной системы были достигнуты впечатляющие результаты.

Национальная инновационная система Китая организована на нескольких уровнях: на верхнем уровне государство и Коммунистическая партия Китая определяют основные направления инновационной политики, на среднем уровне региональные власти обладают определенной автономией в проведении инновационной политики (Gu, Lundvall, 2006) и на нижнем уровне реализуется предпринимательская инициатива (в том числе в крупных корпорациях) в осуществлении инноваций.

Развитие китайской инновационной системы происходило комплексно, но при ее анализе необходимо учитывать институциональные и экономические особенности и исторические контексты. Еще десять лет назад Китай демонстрировал значительное отставание от развитых стран по доле НИОКР (R&D) в ВВП (1,7%). Делался акцент на прикладных разработках, а доля фундаментальных исследований в 2013 году составляла лишь 4,7% (Ding, Li, 2014, p. 383). Но уже к 2018 году Китай достиг впечатляющих успехов, став мировым лидером

и по числу научных статей, и по числу патентов (Lundvall, Rikap, 2022, p. 5). Кроме этого, в Китае развились крупные корпорации (Baidu, Alibaba, Tencent, Huawei), которые в современной научной литературе относят к классу корпоративных инновационных систем⁵.

Для понимания, какие институты и реформы способствовали этому успеху, необходимо учитывать культурные и политические особенности развития. Китай представляет очень специфический хозяйственный порядок, поэтому при анализе особенностей развития китайской национальной инновационной системы мы рассматриваем двойственность приводимой политики и регулирования. Такая двойственность основывается на факте гармоничного сочетания руководящей роли Коммунистической партии Китая в проводимых реформах и механизмов активизации и использования низовых инициатив для создания новых продуктов и технологий. Специфика китайской экономики затрудняет простое копирование институтов регулирования развитых стран и определяет высокую адаптивность проводимой инновационной политики (Клочихин, 2016; Gu, Lundvall, 2006).

Для китайской инновационной системы очень важна предпринимательская специфика: «Предпринимательская деятельность снизу вверх, а не реформа под руководством государства, породила различные новые формы предпринимательства, капиталистические экономические институты в Китае. В отсутствие кодифицированных прав собственности эти предприниматели спонтанно разрабатывают неформальные правила и нормы для преодоления проблем коллективных действий. Они создают сети с другими экономическими субъектами, такими как поставщики и дистрибьюторы, создают промышленные кластеры и методом проб и ошибок создают неформальные механизмы для развития частного производственного бизнеса» (Nee, Orper, 2012, p. 9). «Эти пра-

⁵ Под корпоративной инновационной системой Лундваль и Рикап понимают «совокупности акторов, видов деятельности, ресурсов и институтов, а также причинно-следственные связи, которые в некотором смысле важны для инновационной деятельности корпорации или групп сотрудничающих компаний и других акторов (например, университетов, институтов, агентств)» (Lundvall, Rikap, 2022, p. 2).

вила и практика, возникающие снизу, стимулируют, мотивируют и направляют начинающие фирмы, позволяя частным фирмам выживать и даже догонять государственных гигантов, одновременно создавая институциональные основы зарождающегося капиталистического экономического порядка в Китае» (Nee, Oppen, 2012, p. 8–9).

Китай добился впечатляющих успехов в реализации модели догоняющего развития. Но в настоящее время он становится полноправным лидером в сфере инноваций, как технологических, так и стратегических: «Основы недавнего экономического успеха используются для преобразования Китая в инновационный и зеленый Китай. Сила китайской культуры, такая как сила иерархии и коллективизма, используется стратегически. Целостный долгосрочный прагматичный подход помогает китайцам увидеть национальную экономику как систему, которая нуждается в комплексном подходе. Прочный симбиоз между китайским правительством и китайскими фирмами формирует основу новой кривой устойчивого роста» (van Someren, van Someren-Wang, 2014, p. 21).

На примере выделенных ранее трех условий инновационного развития экономики: политической и экономической устойчивости, предпринимательской инициативы, возрастающей отдачи — и двух предпосылок: развития рыночной инфраструктуры и развития сферы образования и науки (Вольчик, 2022; Вольчик, Маслюкова, 2022) — можно охарактеризовать особенности китайской национальной инновационной системы.

Политическую и экономическую устойчивость обеспечивает система управления, основанная на доминировании коммунистической партии, реализации принципа демократического централизма. Политико-экономический порядок Китая можно назвать порядком демократического централизма по названию 3-й статьи конституции «Государственные органы Китайской Народной Республики осуществляют принцип демократического централизма»⁶. Безусловно, такая политическая система имеет значительные отличия от либеральной де-

мократии, но с учетом китайской специфики она лучше всего обеспечивает стабильность и устойчивость. Более того, в современном Китае при политико-экономическом порядке демократического централизма удалось построить современную рыночную экономику.

Развитие предпринимательской инициативы обеспечивается, с одной стороны, возможностью осуществления низовых инициатив в условиях гибких институциональных ограничений, а с другой — государственной политикой, направленной на создание условий для развития предпринимательства. Вопреки сложившимся стереотипам о китайской интервенционистской государственной политике, меры по стимулированию и обеспечению ресурсами для инновационной деятельности в китайских условиях имеют преимущественно рыночную природу (Băzăvan, 2019, p. 4).

Важнейшим фактором развития китайской национальной инновационной системы стали реформы сферы образования и науки. За период проводимых реформ количество высших учебных заведений увеличилось в пять раз, а количество зачисляемых студентов — в 23 раза (Gaofeng et al., 2021, p. 44). Такой впечатляющий рост повлиял на качество человеческого капитала и создал значительный фундамент для развития как промышленности и сельского хозяйства, так и сферы науки и связанных отраслей, использующих и создающих технологические инновации.

Значительный рост количества студентов сделал Китай ведущей страной по количеству дипломированных специалистов, а также докторов наук в естественных и инженерных дисциплинах. По этим показателям Китай превзошел Европу, США и Индию (Gaofeng et al., 2021, p. 49).

По данным Австралийского института стратегической политики (ASPI), в настоящее время КНР является лидером в 37 из 44 критически важных для инновационного развития исследовательских областях. Причем исследователи ASPI на основе проведенного анализа научных публикаций по 44 направлениям разработали систему показателей, позволяющих определять риск возникновения технологической монополии в рамках каждого из направлений. Исходя из этого анализа, Китай имеет высокий риск обладания технологической монополией

⁶ Конституция КНР (в редакции 2018 г.). URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения 02.06.2023).

в 8 исследовательских областях, в 15 – средний. Для сравнения, США только по двум позициям относится к среднему уровню риска обладания технологической монополией (Gaida et al., 2023, p. 8).

В сфере инновационных производств одна из лидирующих позиций Китая принадлежит цифровым интернет-гигантам. Здесь в полной мере реализуются сетевые эффекты и возрастающая отдача. В Китае сформировалась тройка интернет-компаний – Baidu, Alibaba и Tencent, которые чаще всего обозначаются акронимом BAT. Компании BAT сыграли значительную роль при формировании в Китае политики, направленной «на ускорение создания и совершенствования инфраструктуры и технологий ИКТ, что принесло бы непосредственную коммерческую выгоду компаниям» (То, 2022, p. 108).

Безусловно, государственные предприятия в Китае, как и во всем мире, сталкиваются с проблемами эффективного использования ресурсов. Например, рентабельность активов упала в период с 2010 по 2018 год как для частных, так и для иностранных фирм (с более чем 11% до примерно 7%), но для государственных предприятий – с 4% до менее 3% (Clay, Atkinson, 2023, p. 66). Разность в рентабельности государственных предприятий объясняется также тем, что они часто выполняют стратегические функции в экономике и связаны с производством общественных и квазиобщественных благ.

Опыт Китая показывает, что ключевое значение для развития национальной инновационной системы имеет не только объем государственного финансирования НИОКР, но и качество государственного регулирования по созданию инфраструктуры и эффективно работающих механизмов рыночной координации и административного контроля.

Институты, регулирующие рынки и инновационные рынки, время от времени изменяются для противодействия различным проявлениям социальной нестабильности: финансовым рискам, социальному неравенству, замедлению экономики или общественным волнениям. Влияние на изменения правил и институтов оказывают крупные корпоративные игроки вроде технологических гигантов или региональные элиты, но стабилизирующим фактором выступает Коммунистическая

партия Китая, политика которой является фундаментом для развития и для разрешения конфликтов. И хотя она исторически связана с государством и государственным капиталом, китайское правительство охотно делегирует экономические свободы отечественным или даже иностранным участникам рынка, если это способствует развитию экономики (То, 2022, pp. 186–187).

Национальные инновационные системы Великобритании и США

Великобританию и США, с одной стороны, объединяет мировое лидерство в различных социально-экономических аспектах, а с другой – кажущаяся схожесть их национальных инновационных систем. Обладая несопоставимо меньшими ресурсами, Великобритания вынуждена по-другому расставлять приоритеты в инновационной политике. Как видно из таблицы 1, Великобритания и США занимают лидирующие позиции в различных мировых рейтингах.

Лидерство, в том числе в Глобальном инновационном индексе, объективно подтверждает наличие в этих странах необходимых трех фундаментальных условий для их инновационного развития. Так *политическая и экономическая устойчивость* в США и Великобритании, в отличие от Китая и Ирана, обеспечивается уже долгое время за счет развитых демократических институтов, а также за счет защиты прав собственности и независимости судебной системы. А *возрастающая отдача от масштаба* в свою очередь обеспечивается, с одной стороны, наличием технологических производств, а с другой – наличием необходимого спроса на инновации за счет функционирования рыночной экономики, которая способствует *развитию предпринимательской инициативы*.

В целом можно сказать, что это обусловлено наличием политических и экономических инклюзивных институтов, т. е. таких институтов, которые способствуют участию населения в управлении государством и наилучшим образом позволяют реализовывать свои таланты и навыки (Acemoglu, Robinson, 2012, p. 89). В Великобритании и США, в отличие от Китая, формирование этих институтов было достигнуто путем их нахождения в «узком коридоре», т. е. в коридоре баланса между силой государства и обществом, которое его контролирует (Аджемоглу, Робинсон, 2021). Применительно

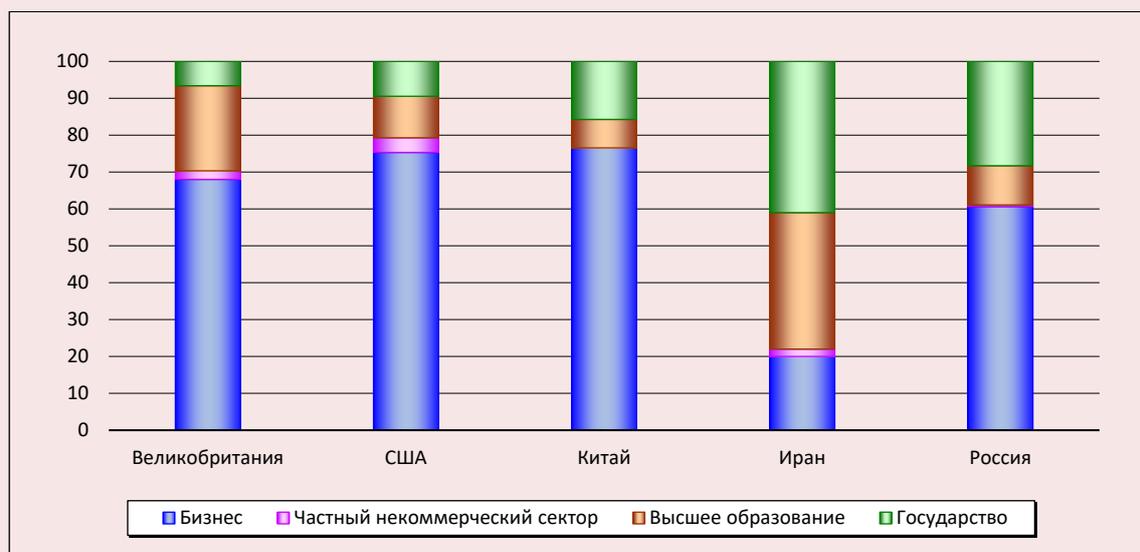
к инновационной системе США фактическое выполнение вышеуказанных фундаментальных условий для инновационного развития страны носит название «треугольник успеха инноваций» («innovation success triangle») – успех в бизнесе, инновационной среде и нормативно-правовом регулировании (Atkinson, 2014, p. 2).

Центральными акторами британской и американской инновационных систем являются бизнес и академия. Совокупная доля вклада этих двух акторов в расходы на НИОКР составляет 91,10% в Великобритании и 86,57% в США (рис. 1). Лидирующая роль бизнеса связана с широко распространенными в этих странах взглядами на регулирование инновационной сферы, заключающимися в том, что бизнес лучше распределяет инвестиции в НИОКР по сравнению с государством (Melaas,

Zhang, 2016, p. 4). Лидирующие роли британского и американского высшего образования в мире подтверждаются международными рейтингами. В первой десятке ведущих университетов мира представлено 5 американских и 4 британских университета по версии QS (QS World University Rankings 2023) или 7 американских и 3 британских по версии The Times (The Times Higher Education World University Rankings 2023)⁷. Кроме того, нужно отметить, что доля Академии в расходах на НИОКР Великобритании превышает 23%, что примерно в 2 раза больше, чем в США, или в 3 раза больше, чем в Китае.

Богатые научные традиции Великобритании сочетаются с эффективным управлением наукой (Liu et al., 2015, p. 328). Для развития НИС и управления ей в 2018 году в Великобритании был создан специализированный орган

Рис. 1. Доля секторов в структуре расходов на НИОКР, %

Источник: данные Eurostat и UNCTAD*.

*Для США и Китая использовались данные Eurostat за 2020 год, для Великобритании и России доступны данные только за 2019 год. Наиболее релевантные данные по Ирану получены из отчета UNCTAD за 2016 год. В столбце «Частный некоммерческий сектор» представлена информация по показателю «Private and non-profit sector expenditure on R&D».

⁷ Для сравнения: лучший китайский университет занимает 12-е место по версии QS (Пекинский университет) и 16-е место по версии The Times (Университет Цинхуа). Среди российских университетов самое высокое место у Московского государственного университета (75 и 163 места в рейтингах соответственно). Технологический университет Шарифа в Тегеране занимает 380 место по версии QS, а позиции иранских университетов по версии рейтинга The Times начинаются только с 350–400 места.

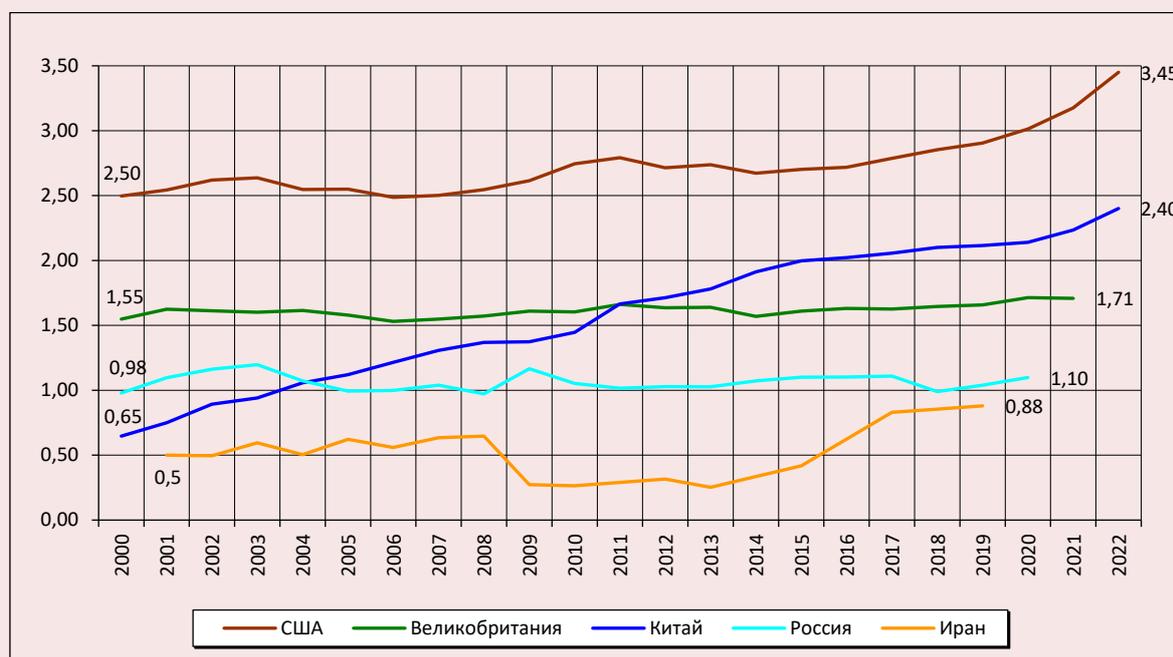
UK Research and Innovation (UKRI), который спонсируется Департаментом науки, инноваций и технологий (the Department for Science, Innovation and Technology). Такие органы, как UKRI, играют важную роль в успехе государственной инновационной политики, т. к. они «объединяют экспертные знания, организуют инновационные процессы и служат связующими звеньями между секторами и уровнями деятельности» (Breitinger et al., 2021, p. 8).

Нужно особо подчеркнуть, что НИС Великобритании исторически связана с макроевропейской инновационной системой вследствие географического положения страны и экономической интеграции в рамках европейского сообщества. Британская НИС характеризуется крайне высокой степенью интернационализации, которая являлась одной из самых высоких среди всех членов Европейского союза до момента Brexit (Hughes, 2012, p. 48; Weresa, 2018, p. 20).

Естественно, сам Brexit и его последствия, все еще не до конца предсказуемые (Breitinger et al., 2021, p. 58), – это вызов, который предстоит преодолеть в будущем. До Brexit Британия активно использовала источники финансирования научных исследований со стороны европейских фондов, что, с одной стороны, обеспечивало стабильность за счет длительных научных проектов, а с другой стороны, формировало синергетический эффект в комбинации с внутренними финансовыми источниками (Weresa, 2018, p. 37). Например, если ранее Оксфордский и Кембриджский университеты совместно получали финансирование от европейских исследовательских программ в размере £130 млн ежегодно, то теперь этот объем сократился до £1 млн⁸.

Кроме того, Соединенные Штаты Америки расходуют примерно в 2 раза больше денежных средств на НИОКР (в процентном соотношении к ВВП) по сравнению с Великобританией (рис. 2).

Рис. 2. Общие расходы на НИОКР, % от ВВП

Источник: данные ОЭСР и Всемирного банка.

⁸ Brexit causes collapse in European research funding for Oxbridge // The Guardian. 04.02.2023. URL: <https://www.theguardian.com/education/2023/feb/04/brexit-causes-collapse-in-european-research-funding-for-oxbridge-universities> (дата обращения 02.06.2023).

Более того, по сравнению с 2000 годом в Великобритании доля данных расходов в ВВП увеличилась всего лишь на 10%, в то время как в США — на 38%, в Иране — на 76%, а в Китае — на 238%.

Очевидно, что отставание от США и Китая по валовым расходам на НИОКР является вызовом для британской НИС, поэтому в Стратегии Великобритании на 2022–2027 годы (UKRI Strategy 2022–2027) закреплены планы по увеличению этого показателя до 2,4% к 2027 году⁹, что выступает одним из приоритетов для выполнения четвертой стратегической цели «Инновации мирового класса».

Достижение показателя в 2,4% от ВВП в расходах на НИОКР планируется в тесном сотрудничестве с частным бизнесом, что несколько раз подчеркивается в Стратегии 2022–2027. Например, на каждый фунт грантового финансирования «Innovate UK» в будущем приходится £13 венчурных инвестиций. В качестве примера привлечения частных инвестиций можно также привести Британский исследовательский партнерский инвестиционный фонд (the UK Research Partnership Investment Fund), который поддерживает инвестиции в британские университеты на каждый свой фунт, использует также 2 фунта из негосударственных источников финансирования. На основе Стратегии 2022–2027 был принят Корпоративный план UKRI 2022–2025 (UKRI Corporate Plan 2022–2025)¹⁰, который включает конкретный перечень действий и комплекс целевых показателей на ближайшие годы.

Проанализировав Стратегию 2022–2027 и Корпоративный план UKRI 2022–2025, можно сделать вывод, что основной задачей в Великобритании является создание необходимой институциональной среды для развития национальной инновационной системы, развитие человеческого капитала (например, привлечение высококвалифицированных специалистов, создание условий для появления рабочих

мест для таких специалистов), а также привлечение частных инвестиций в инновационную сферу, т. е. данный подход можно охарактеризовать как рыночный подход к регулированию инноваций.

Кроме того, исследователи (Breitinger et al., 2021, p. 57; Lampel et al., 2020, p. 105) отмечают важную роль в развитии британской НИС некоммерческого органа Nesta (ранее назывался Национальный фонд науки, техники и искусства — National Endowment for Science, Technology and the Arts). Nesta проводит фундаментальные, прикладные исследования для продвижения инноваций в Великобритании, а также реализует практические инновационные программы. Некоторые из этих программ объединяют финансирование Nesta и других источников (Bakhshi, Flew, 2018).

В отличие от Великобритании, за счет настоящего федерального устройства государства инновационная система США носит децентрализованный характер (Shapira, Youtie, 2010, p. 5). Тем не менее значительную роль в развитии НИС со стороны федерального правительства играет Национальный совет по науке и технологиям (National Science and Technology Council), который специализируется на консалтинге и помощи в разработке государственной политики и ее оценке в соответствующих областях (Kang et al., 2019, p. 9). Данный совет относится к уровню кабинета министров, его статус, например, подчеркивает тот факт, что в его состав входят вице-президент и директор управления научно-технической политики (the Office of Science and Technology Policy). В 2023 году Национальный совет по науке и технологиям выпустил доклад, посвященный роли искусственного интеллекта в научно-технической политике «Укрепление и демократизация инновационной экосистемы искусственного интеллекта США» (Strengthening and Democratizing the U.S. Artificial Intelligence Innovation Ecosystem)¹¹, где искусственный интеллект рассматривается как движущая сила инноваций.

⁹ UKRI Strategy 2022–2027. URL: <https://www.ukri.org/wp-content/uploads/2022/03/UKRI-210422-Strategy2022To2027TransformingTomorrowTogether.pdf> (дата обращения 02.06.2023).

¹⁰ UKRI Corporate Plan 2022–2025. URL: <https://www.ukri.org/wp-content/uploads/2022/08/UKRI-190822-CorporatePlan2022to2025.pdf> (дата обращения 02.06.2023).

¹¹ URL: <https://www.ai.gov/wp-content/uploads/2023/01/NAIRR-TF-Final-Report-2023.pdf> (дата обращения 02.06.2023).

Инновации занимают важное место в Стратегии национальной безопасности (National Security Strategy)¹², принятой Белым домом в 2022 году, где отмечается, что «несмотря на то, что частный сектор и открытые рынки являются ключевой движущей силой американских инноваций, стратегические государственные инвестиции являются основой мощной промышленной и инновационной базы глобальной экономики XXI века». В 2021 году в США также был принят акт об инновациях и конкуренции (The United States Innovation and Competition Act, в 2022 году он стал частью акта «О чипах и науке» – The CHIPS and Science Act)¹³, в котором планируется до 2026 года потратить примерно \$250 млрд на инновации, а именно на производство полупроводников, научные исследования, разработку искусственного интеллекта и освоение космоса¹⁴ в условиях конкуренции с Китаем как основным соперником США на мировой арене.

Мировое лидерство США в инновационной сфере также подтверждается рейтингом брендов по стоимости нематериальных активов (Global Intangible Finance Tracker 2022), согласно которому 9 из 10 самых дорогих брендов в мире относятся к национальной инновационной системе США, при этом самый дорогой «китайский» бренд расположился на 34-м месте, а «британский» – на 37-м.

Тем не менее, несмотря на первенство США в этом и других рейтингах, некоторые ученые предполагают, что НИС США стоит перед определенными вызовами из-за замедления роста производительности в секторах, опирающихся на инновации¹⁵. Игнорирование этих

вызовов может позволить Китаю перехватить мировое лидерство в инновационной сфере.

Национальная инновационная система Ирана

Изучение эволюции национальной инновационной системы Ирана связано с трудностями, вызванными языковым барьером, ненадежностью статистики и относительной закрытостью интернет-пространства для внешнего наблюдателя. Также изучение структуры НИС сталкивается с ограничениями из-за особенностей распределения власти и внутривластного устройства Ирана. Даже описать институциональную структуру НИС Ирана можно несколькими способами. Гударзи, Резаализаде и Гариби предлагают иерархическую схему организации НИС (рис. 3), подчиненную Высшему руководителю Ирана Али Хаменеи, объединяющему верховную политическую и религиозную власть (Goodarzi et al., 2017).

Иерархическая структура не отражает политические сложности и реальные руководящие функции министерств и ведомств в Иране, поэтому в работах ряда исследователей (Heshmati, Dibaji, 2019; Afshari-Mofrad et al., 2020) и новом докладе Иранского института развития технологий и инноваций¹⁶ предлагается рассматривать НИС Ирана как многоуровневую систему множественного подчинения со сложными неформальными связями.

Нулевой уровень отвечает за формирование стратегии и определение стратегических целей на уровне государства, исходя из которых определяется научно-техническая политика. Это Высший совет по науке, исследованиям и технологиям, Верховный совет культурной революции и Совет целесообразности.

Первый уровень включает организации, разрабатывающие научно-техническую политику и отвечающие за ее реализацию и мониторинг. Ключевыми являются Министерство науки, исследований и технологий (регулирует все университеты Ирана, за исключением медицинских) и Министерство здравоохранения и медицинского образования (отвечает за все медицинские колледжи и университеты).

¹⁶ Iranian Technology and Innovation Development Institute (2023). Science and Technology in Iran: a Brief Review 2023. Tehran. URL: <https://rome.mfa.gov.ir/en/newsview/710019/sciencetechnology-and-innovation-in-iran-a-brief-review-iran2023> (дата обращения 02.06.2023).

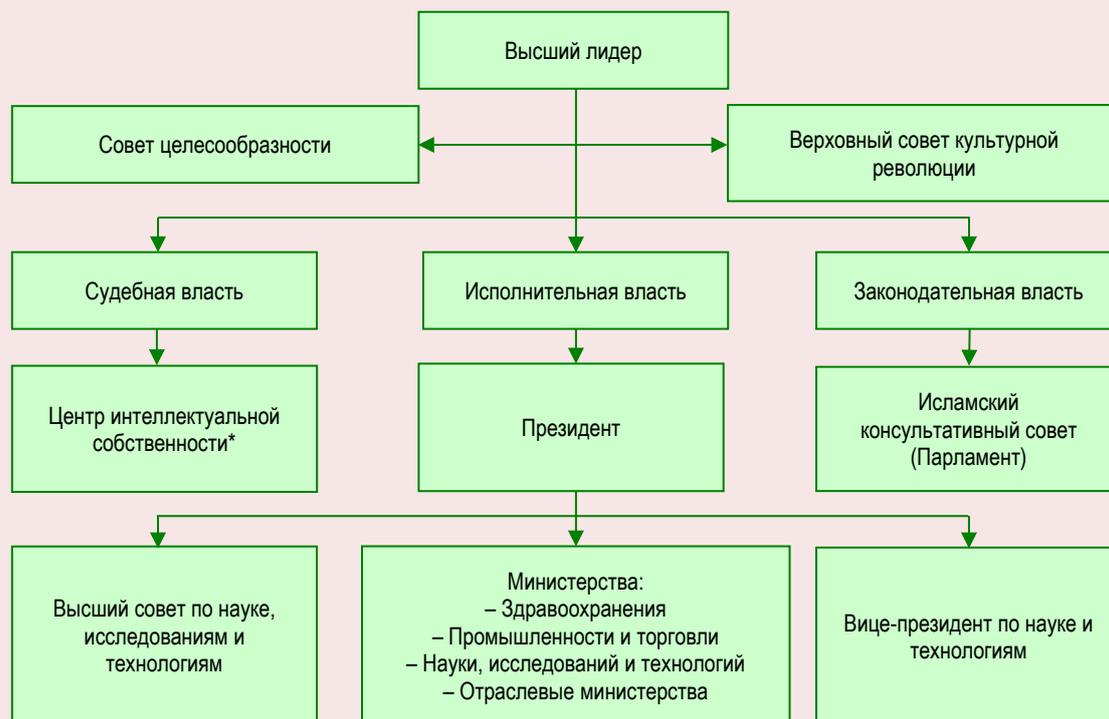
¹² URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (дата обращения 02.06.2023).

¹³ URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/1260> (дата обращения 02.06.2023).

¹⁴ The U.S. Innovation and Competition Act: Senate Passes Sweeping \$250 Billion Bill to Bolster Scientific Innovation and Compete With China // Sidley. 16.07.2021. URL: <https://www.sidley.com/en/insights/newsupdates/2021/06/an-overview-of-the-united-states-innovation-and-competition-act> (дата обращения 02.06.2023).

¹⁵ Why the U.S. Innovation Ecosystem Is Slowing Down // Harvard Business Review. 29.11.2019. URL: <https://hbr.org/2019/11/why-the-u-s-innovation-ecosystem-is-slowing-down> (дата обращения 02.06.2023).

Рис. 3. Институциональная карта НИС Ирана (иерархический подход)

*Особенностью Ирана можно считать то, что Центр интеллектуальной собственности относится к ведению судебной, а не исполнительной власти, как в других странах.

Составлено по: Iranian Technology and Innovation Development Institute (2019). Science and Technology in Iran: a Brief Review 2019. Tehran; (Goodarzi et al., 2017, p. 16).

Второй уровень представлен учреждениями, ответственными за финансирование и распределение бюджета на науку и образование. Главной организацией на этом уровне является Организация планирования и составления бюджета (Plan and Budget Organization), подчиненная непосредственно президенту. Также сюда включаются разнообразные фонды, по большей части финансируемые из бюджета, однако существуют и частные фонды, обеспечивающие венчурное финансирование или поддержку стартапов.

Третий уровень включает организации, непосредственно отвечающие за исследования и разработки: университеты, исследовательские центры, инновационные предприятия.

Представители ряда иностранных исследовательских организаций отмечают особую роль Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и Министерства информации Исламской Республики Иран в разработке техноло-

гий, связанных с кибербезопасностью. По мнению авторов доклада, названные организации сконцентрировали в своих руках проведение разработок в этой области, что позволяет достигать значимых технологических решений, несмотря на отсутствие доступа к передовой аппаратно-технической базе и программным продуктам (Anderson, Sadjadpour, 2018).

Хотя Иран в течение длительного времени находился под экономическими санкциями¹⁷, меры, направленные против научной деятель-

¹⁷ Точкой отсчета можно считать 1951 год, когда премьер-министр М. Моссаддык объявил о национализации Англо-персидской нефтяной компании. За этим последовало эмбарго на иранские нефтепродукты со стороны Великобритании и США, приведшее при непосредственном участии специальных служб этих стран к свержению демократически избранного правительства Моссаддыка в 1953 году. Из-за нерешенности англо-американских противоречий на Ближнем Востоке схожий метод был применен в 1979 году уже против шаха М.Р. Пехлеви (Axworthy, 2013; Смирнов, 2020).

ности, были введены Министерством финансов США только в 2004 году. Фактически это был первый случай, когда США приравнивали публикацию и рецензирование научных работ из Ирана к обходу режима эмбарго (Brumfiel, 2004). Далее с 2006 по 2010 год Совет Безопасности ООН принял шесть резолюций против ядерной программы Ирана, что серьезно повлияло на экономику страны. Так, ведущие университеты и научно-исследовательские институты были фактически лишены доступа к научным базам данных. Иранские академические учреждения столкнулись с запретами на приобретение высокотехнологичного оборудования, в том числе в области вычислительной техники, из опасений, что оно может использоваться для продолжения ядерной программы. Кроме того, интернет-пользователи из Ирана часто сталкиваются с блокировкой по IP-адресу, что лишает их возможности использовать ряд исследовательских инструментов и иностранные программные продукты.

Главный ущерб, который наносят санкции, в отношении НИС — это создание барьеров для трансферта технологий. Во-первых, действует запрет на приобретение технологий от высокотехнологичных фирм — технологию нельзя купить. Во-вторых, накладываются ограничения на коммерческую деятельность с подсанкционной страной — невозможно купить высокотехнологичные товары¹⁸. И, в-третьих, создаются препятствия для академических учреждений и ученых — усложняется процесс и создания новых знаний и технологий, и трансферта технологий с использованием собственной технологической базы, что ведет к научно-технологическому отставанию и, как следствие, снижению внутренней экономической и политической стабильности (Fakhari, 2017).

Несмотря на это, в 2010 году Иран вошел в число лидирующих стран по темпам роста научных публикаций. Сегодня в базе цитирования Scopus по количеству статей Иран находится на 21 месте, а по количеству цитирований —

¹⁸ Кроме того, это обостряет проблему «бутылочного горлышка» НИС Ирана: низкий уровень участия частного сектора в научно-образовательной системе. Изолированность от мирового рынка ограничивает возможности по масштабированию инноваций и, как следствие, ведет к большему участию государства в инновационной деятельности (Abdi et al, 2014).

на 29 месте, незначительно уступая Турции (20 и 27 место соответственно). При этом к Турции не применяются меры по ограничению публикационной активности. А в 2015 году Иран вошел в пятерку лидеров по числу выпускников инженерных специальностей¹⁹ (Heshmati, Dibaji, 2019).

Главная причина роста — демографическая. В Иране коэффициент рождаемости стал ниже двух детей на одну женщину, но из-за повышения продолжительности жизни численность населения растет, при этом доля пожилого населения составляет всего около 7,7%. Названные демографические тенденции грамотно используются государственной политикой, которая проводилась по трем направлениям: расширение доступа к высшему образованию (1990–2010); определение приоритетных направлений исследований (с 2010 года); разработка механизма передачи инноваций для перехода к экономике, основанной на знании (с 2015 года).

Модель управления инновационной системой базируется на программных документах. Главный из них был издан еще в 2005 году — это стратегия «Видение 2025»²⁰. Обновленные ключевые цели национальной политики в области науки и техники были провозглашены Верховным Лидером в сентябре 2014 года. В их числе совершенствование НИС для увеличения доли продуктов, основанных на знаниях, а также доведение расходов на высшее образование, исследования и разработки до 4% ВВП. К 2019 году эти расходы превысили лишь 2% ВВП²¹. В целом Иран поддерживает расходы на высшее образование на уровне 1–1,2% ВВП, что привело к увеличению числа лиц с высшим образованием, а самое главное — к росту числа исследователей.

Большое количество молодого населения, предъявляющего спрос на высшее образование, в сочетании с активной образовательной поли-

¹⁹ См. также: World Economic Forum (2015). The Human Capital Report 2015. URL: <https://www.weforum.org/reports/human-capital-report-2015/> (дата обращения 02.06.2023).

²⁰ 20-Year national vision. URL: <https://irandataportal.syr.edu/20-year-national-vision> (дата обращения 02.06.2023).

²¹ Если учесть, что на высшее образование приходится около 1/3 от общих расходов на образование, то вместе с расходами на R&D этот показатель будет равен 2,08% ВВП.

тикой позволяет Ирану справляться с санкционными вызовами и создавать собственные научные и инженерные школы. Если в 1953 году в Иране было всего 4 университета с 14500 студентами, то в 1977 году их стало уже 16 с 154 000 студентов. Исламская революция не остановила процесс развития высшего образования, а способствовала продолжению тенденции по увеличению доступности образования²². Активное создание университетов и научно-исследовательских центров привело к тому, что за период с 2000 по 2021 год число студентов увеличилось с 1,5 млн до 3,1 млн (49,2% – женщины, 50,8% – мужчины)²³. Более 260 тысяч человек проходят подготовку по программам PhD²⁴. Всего в стране насчитывается 1102 университета, из которых 57 подчинены Министерству здравоохранения, 149 связаны с Министерством науки, исследований и технологий, 329 частных университетов и 567 входящих в систему Исламского университета Азада²⁵; а также 686 научно-исследовательских центров, из которых 356 созданы при университетах, а 233 – частные исследовательские институты.

Несмотря на все санкционные ограничения, Иран сумел построить самобытную национальную инновационную систему, по индексу инновационного развития лидирующую среди стран Центральной и Южной Азии (уступает только Индии) и среди государств с доходами ниже среднего (уступает Индии и Вьетнаму). Иран обладает возможностью самостоятельно разрабатывать или заимствовать критически важные

технологии из различных источников, пользуясь выгодным географическим положением, нефтяными доходами и растущим уровнем образования населения.

Заключение

Нами были исследованы национальные инновационные системы четырех стран: Китая, Великобритании, США и Ирана. Если для США и Великобритании характерны устойчивые, развитые НИС с длительной историей, то Иран и Китай можно отнести к странам с развивающимися инновационными системами, хотя и демонстрирующими значительные успехи.

Одной из главных предпосылок развития инновационных систем Ирана и Китая можно считать по-настоящему долгосрочную политику в области высшего образования, которая в сочетании с ростом населения привела к значительному расширению доступа к высшему образованию. В таких условиях становится неизбежным создание собственных научных и инженерных школ. В США и Великобритании образование и наука также играют значительную роль в национальной инновационной политике. С одной стороны, это подтверждается доминированием британских и американских университетов в мировых рейтингах, а с другой стороны – пониманием необходимости инвестирования в НИОКР (в США этот показатель более чем в 1,4 раза выше, чем в Китае; Великобритания планирует увеличить свой показатель на 40% к 2027 году по сравнению с 2020 годом). Это подтверждает значение предпосылки, связанной со сферой образования и науки, для устойчивого развития НИС.

Не менее значимым фактором является ориентация на развитие рыночной инфраструктуры. Однако здесь наблюдается расхождение между опытом Китая и Ирана. В силу меньших размеров внутреннего рынка и ограниченности доступа к международному рынку Иран вынужден проводить более централизованную политику в сфере инноваций для решения ключевых экономических и военно-политических проблем. В то же время Китай благодаря доступу к передовым технологиям и мировым рынкам получил возможность с использованием рыночноориентированного механизма создать инновационную систему, не только конкурирующую

²² Средняя продолжительность обучения выросла с 4,2 года в 1990 году до 10 лет в 2010.

²³ По данным: Iranian Technology and Innovation Development Institute (2019). Science and Technology in Iran: A Brief Review 2019. Tehran. URL: <http://en.cpdi.ir/uploads/1/2021/Nov/22/Science%20and%20Technology%20in%20Iran-A%20brief%20review%202019.pdf> (дата обращения 02.06.2023).

²⁴ Однако не стоит забывать о проблеме «утечки мозгов» в Иране: в среднем 63 000 человек в год (преимущественно с высоким уровнем человеческого капитала) иммигрируют в США (32%), Канаду (14%), Германию (11%), Нидерланды (6%), Швецию (5%) и Турцию (5%) (Azadi et al., 2020).

²⁵ Исламский университет Азада – частный университет с разветвленной сетью филиалов, один из крупнейших университетов в мире с более чем 1 млн студентов в 2022 году (ежегодно набирается около 320 тысяч студентов различного уровня, в том числе 10 тысяч на программы PhD).

на равных с инновационными системами Запада, но и представляющую для них угрозу, перейдя от копирования к разработке собственных инновационных технологий.

Успехи по развитию рыночной инфраструктуры напрямую связаны с использованием механизмов возрастающей отдачи, которые в полной мере используют США, Великобритания и Китай, интегрированные во все еще глобальную систему разделения труда. Возможности Ирана здесь сильно ограничены, они сталкиваются с серьезным санкционным противодействием со стороны стран Запада.

НИС Ирана находится только на начальном этапе формирования предпринимательской инициативы в сфере инноваций. Во многом причина этого кроется в санкционной политике против республики, значительно увеличивающей издержки, связанные с инновационной деятельностью, в то время как инновационные системы Китая, США и Великобритании можно считать ушедшими далеко вперед по этому критерию.

Но все же главное отличие рассмотренных инновационных систем заключается в том, каким способом осуществляется достижение политической и экономической устойчивости. Если в США и Великобритании устойчивость

обеспечивается за счет развитых демократических институтов, а также защиты прав собственности и независимости судебной системы, то Китай достигает стабильности благодаря руководящей роли Коммунистической партии, балансирующей интересы крупных предпринимателей, элитных групп и широких слоев населения, легитимизируя свои усилия экономическими успехами. Описание механизмов, способствующих относительной устойчивости Ирана, представляет собой наиболее трудную задачу, так как подразумевает учет культурных и религиозных ценностей в сочетании с переплетением разнонаправленных национальных интересов.

Сочетание институтов, способствующих достижению политической стабильности и развитию рыночной экономики, необходимо для развития НИС. Полученные выводы исследования, включая выявленные нами предпосылки для развития НИС в четырех странах, заставляют задуматься о том, как развивается российская инновационная система. Дальнейшие научные исследования в данной сфере могут быть направлены на выработку конкретных рекомендаций в сфере отечественной инновационной политики, в том числе на основе лучших мировых практик.

Литература

- Аджемоглу Д., Робинсон Д.А. (2021). Узкий коридор. Государства, общества и судьба свободы / пер. с англ. О. Перфильева. М.: АСТ. 704 с.
- Вольчик В.В. (2022). Фундаментальные условия инновационного развития экономики // *Journal of Economic Regulation*. Т. 13. № 2. С. 6–21. DOI: 10.17835/2078-5429.2022.13.2.006-021
- Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. (2022). Институциональные изменения и вызовы российской инновационной системы // *Terra Economicus* Т. 20. № 4. С. 23–44. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-4-23-44
- Ицковиц Г. (2011). Модель тройной спирали // *Инновации*. № 4. С. 5–10.
- Ключихин Е.А. (2016). Научная и инновационная политика Китая // *Международные процессы*. Т. 11. № 2 (33). С. 37–55.
- Смирнов И.И. (2020). Тропы истории. М.: Товарищество научных изданий КМК. 473 с.
- Abdi M., Hasanzadeh A., Fani A.A., Ghodsi Poor S.H. (2014). Exploring the bottleneck of Iran's national innovation system by TOC thinking process. *Technological and Economic Development of Economy*, 20(4), 601–623.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2012) *Why Nations Fail*. New York: Crown.
- Afshari-Mofrad M., Ghazinoory S., Nasri S. (2020). Measuring the efficiency, effectiveness and changeability of institutions for improving national innovation system. *Asian Journal of Technology Innovation*. DOI: 10.1080/19761597.2020.1797517
- Alnafrah I., Zeno B. (2019). A new comparative model for national innovation systems based on machine learning classification techniques. *Innovation and Development*. DOI: 10.1080/2157930X.2018.1564124

- Anderson C., Sadjadpour K. (2018). *Iran's Cyber Threat: Espionage, Sabotage, and Revenge*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace.
- Atkinson R.D. (2014). *Understanding the US National Innovation System*. ITIF, June.
- Axworthy M. (2013). *Revolutionary Iran: A History of the Islamic Republic*. Oxford: Oxford University Press.
- Azadi P., Mirramezani M., Mesgaran M.B. (2020). Migration and brain drain from Iran. *Stanford Iran*, 1–30.
- Bakhshi H., Flew T. (2018). Nesta and the evolving creative industries policy agenda in the UK and Australia. *Journal of Creative Industries and Cultural Studies-JOCIS*, 2, 84–103.
- Băzăvan A. (2019). Chinese government's shifting role in the national innovation system. *Technological Forecasting and Social Change*, 148, 119738. Available at: <https://doi.org/10.1016/J.TECHFORE.2019.119738>
- Boeing P., Mueller E., Sandner P. (2016). China's R&D explosion: Analyzing productivity effects across ownership types and over time. *Research Policy*, 45(1), 159–176. Available at: <https://doi.org/10.1016/J.RESPOL.2015.07.008>
- Breitinger J.C., Edler J., Jackwerth-Rice T. et al. (2021). *Good Practices in Mission-Oriented Innovation Strategies and Their Implementation. Results Paper 1*. Bertelsmann Stiftung.
- Brumfiel G. (2004). Publishers split over response to US trade embargo ruling. *Nature*, 427(663).
- Carayannis E.G., Campbell D.F.J. (2012). *Mode 3 Knowledge Production in Quadruple Helix Innovation Systems*. Available at: https://doi.org/10.1007/978-1-4614-2062-0_1
- Clay I., Atkinson R. (2023). *Wake Up, America: China Is Overtaking the United States in Innovation Output*. Information Technology & Innovation Foundation. Available at: <https://itif.org/publications/2023/01/23/wake-up-america-china-is-overtaking-the-united-states-in-innovation-capacity>
- Ding C., Li J. (2014). Analysis over factors of innovation in China's fast economic growth since its beginning of reform and opening up. *AI and Society*, 29(3), 377–386. Available at: <https://doi.org/10.1007/S00146-013-0465-Z/TABLES/2>
- Etzkowitz H. (1996). The triple helix: Academic–industry–government relations. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 787, 67–86. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.1996.tb44849.x>
- Fakhari H. (2017). The long-term impact of economic sanctions on the technological development of Iran. In: *The Development of Science and Technology in Iran*. New York: Palgrave Macmillan.
- Gaida J., Wong-Leung J., Robin S., Cave D. (2023). *ASPI's Critical Technology Tracker: The Global Race for Future Power. Policy Brief Report No. 69/2023*. The Australian Strategic Policy Institute.
- Gaofeng Y., Krishna V.V., Zhang X., Jiang Y. (2021). *Chinese Universities in the National Innovation System: Academic Entrepreneurship and Ecosystem*. Routledge India.
- Goodarzi M., Rezaalizadeh H., Gharibi J. (2017). Science, technology, innovation laws, and policies in Iran: Evolution or revolution? In: Soofi A.S., Ghazinoory S. (Eds.). *The Development of Science and Technology in Iran*. New York: Palgrave Macmillan.
- Gu S., Lundvall B.Å. (2006). China's innovation system and the move toward harmonious growth and endogenous innovation. *The Learning Economy and the Economics of Hope*, 269–304.
- Heshmati A., Dibaji S.M. (2019). Science, technology, and innovation status in Iran: Main challenges. *Science, Technology and Society*, 24(3), 545–578.
- Hughes A. (2012). Choosing races and placing bets: UK national innovation policy and the globalization of innovation systems. *The UK in a Global World*, 37.
- Kang D., Jang W., Kim Y., Jeon J. (2019). Comparing national innovation system among the USA, Japan, and Finland to improve Korean deliberation organization for national science and technology policy. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, 5(4), 82.
- Lampel J., Edler J., Gadepalli S.D. (2020). *Deliverable 2.6. Public Policy and Intangibles: A Conceptualization and Critical Appraisal*. 105.
- Liu J.S., Lu W.M., Ho M.H.C. (2015). National characteristics: Innovation systems from the process efficiency perspective. *R&D Management*, 45(4), 317–338.
- Lundvall B.Å., Rikap C. (2022). China's catching-up in artificial intelligence seen as a co-evolution of corporate and national innovation systems. *Research Policy*, 51(1). Available at: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2021.104395>
- Melaas A., Zhang, F. (2016). *National Innovation Systems in the United States and China*. The Center for International Environment and Resource Policy.

- Metcalf J.S. (1995). Technology systems and technology policy in an evolutionary framework. *Cambridge Journal of Economics*, 19(1), 25–46. Available at: <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.cje.a035307>
- Motohashi K., Yun X. (2007). China's innovation system reform and growing industry and science linkages. *Research Policy*, 36(8), 1251–1260. Available at: <https://doi.org/10.1016/J.RESPOL.2007.02.023>
- Nee V., Opper S. (2012). *Capitalism from Below: Markets and Institutional Change in China*. Harvard University Press.
- Shapira P., Youtie J. (2010). The innovation system and innovation policy in the United States. In: *Competing for Global Innovation Leadership: Innovation Systems and Policies in the USA, Europe and Asia*. Stuttgart: Fraunhofer Verlag.
- To Y. (2022). *Contested Development in China's Transition to an Innovation-driven Economy*. London: Routledge. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781003213819>
- Van Someren T.C., van Someren-Wang Sh. (2014). *Innovative China*. Springer.
- Weresa M.A. (2018). Brexit and innovation: Focus on research and development in the UK. In: *Brexit and the Consequences for International Competitiveness*.
- Wu J., Zhang X., Zhuo S. et al. (2020). The imitation-innovation link, external knowledge search and China's innovation system. *Journal of Intellectual Capital*, 21(5), 727–752. Available at: <https://doi.org/10.1108/JIC-05-2019-0092>
- Xue L. (1997). A historical perspective of China's innovation system reform: a case study. *Journal of Engineering and Technology Management*, 14(1), 67–81. DOI: 10.1016/s0923-4748(97)00002-7
- Yi G., Krishna V.V., Zhang X., Jiang Y. (2021). *Chinese Universities in the National Innovation System*. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781003015536>

Сведения об авторах

Вячеслав Витальевич Вольчик — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, Южный федеральный университет (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42; e-mail: volchik@sfedu.ru)

Сергей Сергеевич Цыганков — кандидат экономических наук, доцент кафедры, Южный федеральный университет (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42; e-mail: sscygankov@sfedu.ru)

Артём Ильич Маскаев — кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры, Южный федеральный университет (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42; e-mail: maskaev@sfedu.ru)

Volchik V.V., Tsygankov S.S., Maskaev A.I.

Evolution of the National Innovation Systems of the United States, the United Kingdom, China and Iran

Abstract. The concept of national innovation systems (NIS) involves consideration of the economic arrangements of individual countries. It is necessary to identify the features of institutions' evolution that contribute to the processes of creating and transforming knowledge into new technologies and products. The article examines the experience of developing the NIS of the USA, the United Kingdom, China and Iran. The US and the UK have stable and developed NIS with a long history. Thus, Iran and China can be classified as countries with developing innovation systems but demonstrating considerable success. The significant difference between the considered innovation systems is how countries achieve political and economic sustainability. All of them are trying to stimulate market mechanisms for creating innovations. The Chinese innovation model combines the promotion of grassroots innovation and government support for technology enterprises. In the US and the UK, the leading role of business is associated with the perception that it is better at distributing investment in R&D than the Government. Iran is also trying to

stimulate private innovation, but the Government still plays the key role because of the limited domestic market and sanctions restrictions. One of the prerequisites for the development of the NIS of Iran and China is a long-term policy in higher education, which, combined with population growth, has led to a significant expansion of access to higher education. The article is of interest to the Russian scientific community since the authors, on the one hand, explore the NIS of the leading countries in the field of innovation located on different continents (the UK, the US and China) and, on the other hand, a country that has been under sanctions pressure (Iran), which is especially important in the current economic and political realities. The authors suggest thinking about possible ways of developing the Russian innovation system by analyzing the foreign experience of the NIS. Scientists who are involved in researching NIS and national innovation policymakers can use the results of this scientific work.

Key words: national innovation system, evolution, institutions, United States, United Kingdom, China, Iran.

Information about the Authors

Vyacheslav V. Volchik – Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of department, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: volchik@sfedu.ru)

Sergey S. Tsygankov – Candidate of Sciences (Economics), associate professor of department, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: sscyankov@sfedu.ru)

Artem I. Maskaev – Candidate of Sciences (Economics), senior lecturer of department, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: maskaev@sfedu.ru)

Статья поступила 24.04.2023.

DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.16

УДК 331.104, ББК 65.24

© Энсисо-Сантосильдес М., Каро-Гонсалес А.

Использование потенциала социальной экономики для всеобъемлющего тройного перехода: социального, зеленого и цифрового

Марга ЭНСИСО-САНТОСИЛЬДЕС

Университет Деусто
Бильбао, Испания
E-mail: bidergo@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1862-6875

Антония КАРО-ГОНСАЛЕС

I2Cat Foundation
Барселона, Испания
Валенсийский международный университет
Валенсия, Испания
Eoh-for-Good
Бильбао, Испания
E-mail: toni.caro@eohforgood.com
ORCID: 0000-0001-8048-6941; ResearcherID: AAC-9687-2019

Аннотация. Социальная экономика – это экономическая система, способствующая устойчивому и инклюзивному развитию и вносящая соответствующий вклад в решение основных проблем, стоящих перед экономикой и обществом. Таким организациям присущи три отличительные характеристики: а) представление коллективного интереса своих членов, б) интеграция экономических и социальных интересов, в) удовлетворение потребностей общества в ходе создания материальных благ и возможностей для развития на индивидуальном и социальном уровне. Основная цель этих организаций – социальная, поэтому социально-экономические предприятия требуют дифференцированных организационных и управленческих моделей, основанных на особых ценностях и принципах работы. Именно это тройное измерение и его дифференци-

Для цитирования: Энсисо-Сантосильдес М., Каро-Гонсалес А. (2023). Использование потенциала социальной экономики для всеобъемлющего тройного перехода: социального, зеленого и цифрового // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 302–319. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.16

For citation: Enciso-Santocildes M., Caro-González A. (2023). Harnessing the potential of social economy to generate an encompassing triple transition: Social, green and digital. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(3), 302–319. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.16

рованные характеристики дают положительный социально-экономический эффект, признанный различными международными организациями, странами и Европейским союзом в целом. Фактически, Европейский союз рассматривает социально-экономические организации как активных участников в рамках достижения так называемого тройного перехода: социального, экологического и цифрового. Недавние кризисы привели к пересмотру традиционных стратегий роста и развития, а также к размышлениям о роли, которую может играть социальная экономика благодаря ее двойному социально-экономическому измерению и положительному воздействию. Одним из самых важных механизмов построения более справедливого и сплоченного общества выступает трудоустройство. Поэтому политика Европейского союза и его план действий по социальной экономике направлены на развитие этой бизнес-модели именно для того, чтобы улучшить ее влияние на занятость и социальную сплоченность. В статье рассматриваются и анализируются эти темы с акцентом на преобразующую роль социальной экономики как ключевого фактора построения более справедливого и сплоченного общества и тройного перехода.

Ключевые слова: социальная экономика, социальное предпринимательство, Европейский союз, цели устойчивого развития, справедливый тройной переход, социальная справедливость, социальные инновации.

Введение

Социальная экономика (СЭ) представляет собой экономическую систему, которая способствует устойчивому и инклюзивному развитию как в экономическом, так и в социальном плане и вносит соответствующий вклад в решение основных проблем, стоящих перед экономикой и обществом, таких как достижение целей устойчивого развития, изменение климата или создание более сплоченных обществ¹.

Статья посвящена изучению актуальности, которую приобретает СЭ в ее многочисленных проявлениях в качестве более устойчивой, инклюзивной и справедливой альтернативы для продвижения к целям справедливого тройного перехода (зеленого, цифрового и социального).

Сначала в статье дано концептуальное разъяснение, начинающееся с определения концепции СЭ и выявления ее отличий от других подобных концепций, с которыми ее обычно путают. Кратко охарактеризован тройной переход, затем проанализирована значимость СЭ в глобальной и европейской политике² за послед-

ние 20 лет. Особое внимание уделено взаимосвязи между СЭ и трудоустройством.

В статье рассматривается преобразующая роль СЭ в качестве одного из ключевых факторов тройного перехода, обеспечивающего развитие человеческого потенциала, социально ориентированное и экологическое развитие, что согласуется с целями устойчивого развития (Caro-González et al., 2023).

Концептуальное разъяснение: социальная экономика в рамках тройного перехода

Социальная экономика

Социальная экономика — это экономическая модель, основанная на специфических ценностях, принципах и логике работы, а также собственных правовых структурах. В целом, нет единого определения СЭ, в основном отмечаются специфические для нее элементы и правовые структуры. Такого подхода придерживаются международные организации, такие как Международная организация труда³, Организация Объединенных Наций (Bouchard,

¹ Social and Solidarity Economy and the Challenge of Sustainable Development. Available at: https://unsse.org/wp-content/uploads/2014/08/Position-Paper_TFSE_Engl.pdf; Advancing the 2030 Agenda through the Social and Solidarity Economy. Available at: <https://unsse.org/wp-content/uploads/2022/09/Advancing-the-2030-Agenda-through-the-Social-and-Solidarity-Economy-UNTFSE-2022.pdf>

² Изучение их важности на национальном, региональном и местном уровнях должно стать предметом отдельного исследования.

³ Social and Solidarity Economy: Building a Common Understanding. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---emp_ent/---coop/documents/publication/wcms_546398.pdf; Resolution concerning decent work and the social and solidarity economy. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_848633.pdf

Salathé-Beaulieu, 2021), ОЭСР⁴, Европейский союз и его различные органы⁵. Более того, этот подход представлен во многих научных работах⁶ (Defourny, Nyssens, 2012). В некоторых европейских странах существует специальное законодательство, касающееся СЭ или социальных предприятий, например в Бельгии, Болгарии, Дании, Франции, Греции, Италии, Люксембурге, Португалии, Румынии, Словакии, Словении и Испании. При таком подходе представлена бизнес-модель с тремя осями (экономической, управленческой и правовой) (табл. 1).

Экономический аспект указывает на то, что организации СЭ осуществляют финансовую и коммерческую деятельность в интересах рынка, отличительными чертами которой являются представление коллективных интересов своих членов, общее экономическое и социальное благополучие при удовлетворении потребностей общества. Их основная цель – социальная, поэтому СЭ требует дифференцированных организационных и управленческих моделей, основанных на специфических ценностях и принципах работы, которые до сих пор еще не были известны. Они перечислены во второй колон-

ке таблицы 1. Наконец, юридический аспект отражает формальную природу юридического лица и типы юридических структур, характерных для СЭ.

Включение концепции социального предпринимательства как части СЭ с 2011 года⁷ открыло период дискуссий об уместности использования этого выражения. Следует отметить, что концепция социального предпринимательства не нова, как и попытки дать ей определение (Defourny, Nyssens, 2012), а новизна заключается в том, что Европейский союз использует ее как часть своей стратегии СЭ. В этом отношении следует упомянуть работу Международной исследовательской сети (EMES), которая определяет эти организации как «некоммерческие частные организации, предоставляющие товары или услуги, непосредственно связанные с их явной целью принести пользу обществу. Как правило, они опираются на коллективную динамику с участием различных типов заинтересованных сторон в своих руководящих органах, придают большое значение своей автономии и несут экономические риски, связанные с их деятельностью» (Defourny, Nyssens, 2008).

Таблица 1. Аспекты социальной экономики

Экономический аспект	Аспект управления	Юридический аспект
<ul style="list-style-type: none"> • Действие в рамках рынка • Производство товаров и услуг • Удовлетворение потребностей физических лиц, домохозяйств и семей • Социальная направленность 	<ul style="list-style-type: none"> • Приоритет интересов людей и социальной цели над капиталом • Контроль со стороны общества • Добровольное и открытое членство • Сочетание интересов представителей организаций или потребителей и общественных интересов • Защита и применение принципа солидарности и ответственности • Автономия и независимость от органов государственной власти • Реинвестирование большей части прибыли для реализации целей устойчивого развития, услуг, представляющих интерес для членов организаций или общества 	<ul style="list-style-type: none"> • Официальные организации • Правосубъектность • Юридические структуры: <ul style="list-style-type: none"> - Кооперативы - Общества взаимного страхования - Ассоциации - Фонды - Социальные предприятия
<p>Составлено по: Recent evolutions of the Social Economy in the European Union. Available at: https://www.eesc.europa.eu/sites/default/files/files/qe-04-17-875-en-n.pdf</p>		

⁴ Social economy and the COVID-19 crisis: Current and future roles. Available at: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/social-economy-and-the-covid-19-crisis-current-and-future-roles-f904b89f/>

⁵ A Blueprint to Safeguard Europe's Water Resources. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A52012DC0673>

⁶ Recent developments of the social economy in the European Union. Available at: <https://www.eesc.europa.eu/sites/default/files/files/qe-04-17-875-en-n.pdf>

⁷ Creating a favorable climate for social enterprises, key stakeholders in the social economy and innovation. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2011:0682:FIN:en:PDF>

В представлении Европейского союза социальные предприятия характеризуются тремя основными чертами⁸:

1) предоставляют товары и услуги на рынок на предпринимательской и часто инновационной основе, имея социальные и/или экологические цели в качестве причины своей коммерческой деятельности;

2) прибыль в основном реинвестируется для достижения общественной цели;

3) метод организации и форма собственности также следуют демократическим или коллективным принципам или ориентированы на социальный прогресс. Социальные предприятия принимают различные правовые формы в зависимости от национального контекста.

Согласно критерию ЕС, они имеют общие черты с организациями СЭ: приоритет интересов людей, а также социальных и/или экологических целей над прибылью; реинвестирование большей части прибыли и излишков для осуществления деятельности в интересах своих членов («коллективный интерес») или общества в целом («общий интерес»); демократическое и/или коллективное управление⁹.

С учетом сказанного можно сделать вывод о том, что социальные предприятия были включены в концепцию СЭ благодаря общим основаниям: а) социальные цели и их ориентация на социальную справедливость, б) организационная модель (демократия, участие) и в) идея инноваций в их наиболее социальном

проявлении (Enciso-Santocildes et al., 2012). В таблице 2 показано сходство между обоими типами организаций.

Возможно, поэтому их различия заключаются не столько в основополагающих принципах и ценностях, сколько в юридических формулах, которые, хотя и стандартизованы в сфере СЭ, не являются таковыми в сфере социальных предприятий, что позволило бы открыть новую правовую базу. Дискуссия остается открытой, актуальной, и поэтому первая часть Европейского плана действий в области социальной экономики¹⁰ посвящена определению понятия СЭ. Обсуждение концепции и характеристик останется открытым, и будут проводиться новые работы, которые прольют свет на этот вопрос.

Можно утверждать, что СЭ обладает набором характерных черт, которые отличают ее от других экономических моделей. Однако отличительные элементы, найденные среди субъектов СЭ, вызывают большую сложность в определении и понимании СЭ. В то же время существуют различия между входящими в нее субъектами, среди которых, в частности, можно выделить такие характеристики, как коммерческая и некоммерческая направленность, а также социальный или более экономически ориентированный подход. Кроме того, некоторые субъекты СЭ встречаются только в определенных странах, например, *Sociedades Laborales*¹¹ в Испании, которые, несомненно, должны быть обозначены как организации СЭ.

Таблица 2. Сравнение характеристик социальных предприятий и предприятий социальной экономики

Социальные предприятия	Предприятия социальной экономики
Социальные и/или экологические цели как причина коммерческой деятельности	Приоритет интересов людей, а также социальных и/или экологических целей над прибылью
Прибыль в основном реинвестируется для достижения общественной цели	Реинвестирование большей части прибыли и излишков для осуществления деятельности в интересах своих членов («коллективный интерес») или общества в целом («общий интерес»)
Метод организации и собственность также следуют демократическим или коллективным принципам или ориентированы на социальный прогресс	Демократический и/или коллективный механизм управления
Источник: составлено авторами.	

⁸ Social Economy in the EU. Available at: https://ec.europa.eu/growth/sectors/social-economy_en

⁹ Там же.

¹⁰ Building an economy that works for people: An action plan for the social economy. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021DC0778>

¹¹ Трудовые общества (*Sociedades Laborales*) – это открытые акционерные общества или общества с ограниченной ответственностью, в которых большая часть основного капитала принадлежит работникам, оказывающим им платные услуги лично и непосредственно, трудовые отношения с которыми заключены на неопределенный срок.

Традиционно организации СЭ считаются промежуточными между частным (первый сектор) и государственным (второй сектор) секторами, поэтому их классифицировали как третий сектор. Эта классификация была полностью упразднена, и в настоящее время третий социальный сектор является частью СЭ, состоящей из некоммерческих организаций¹². Этот некоммерческий третий социальный сектор также известен как сектор, основанный на солидарности. В Латинской Америке термин «экономика, основанная на солидарности» (*Economía Solidaria*) часто используется как синоним СЭ (Razeto, 2010).

От двойного перехода к тройному

Комплексный тройной переход (зеленый, цифровой и социальный) означает целостный подход к преобразованию общества и экономики, при котором каждый человек и организация берут на себя ответственность. Ниже приводится обзор его компонентов.

Зеленый переход фокусируется на переходе к низкоуглеродной, ресурсоэффективной и экологически устойчивой экономике. Он включает в себя сокращение выбросов парниковых газов, развитие возобновляемых источников энергии, повышение энергоэффективности и внедрение устойчивых практик в различных секторах, таких как транспорт, сельское хозяйство и промышленность. Он гарантирует, что переход не окажет непропорционального воздействия на уязвимые сообщества и работников в секторах, переживающих трансформацию. Это предполагает оказание поддержки в переобучении, переобучении и создании новых рабочих мест в зеленых отраслях промышленности. Для него характерны экологическая справедливость, устранение и смягчение экологического неравенства и обеспечение того, чтобы нагрузка от воздействия на окружающую среду не легла несправедливо на маргинализированные группы населения. Также зеленый переход обеспечивает равный доступ к чистой энергии, устойчивой инфраструктуре и зеленым технологиям для всех людей и сообществ, независимо от социально-экономического статуса или географического положения.

¹² Handbook on Non-Profit Institutions in the System of National Accounts. Available at: https://unstats.un.org/unsd/publication/seriesf/seriesf_91e.pdf

Цифровой переход подразумевает использование потенциала цифровых технологий для стимулирования инноваций, производительности и инклюзивности в различных социально-экономических и культурных контекстах. Он предполагает внедрение и использование таких технологий, как искусственный интеллект, автоматизация, интернет вещей и аналитика данных.

Это цифровая интеграция, которая обеспечит каждому равный доступ к цифровым технологиям, недорогое подключение к интернету и обучение цифровым навыкам. Преодоление цифрового разрыва и продвижение цифровой грамотности являются важнейшими аспектами справедливого перехода к цифровым технологиям. Также цифровой переход касается конфиденциальности и безопасности данных, обеспечения прав на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных, содействия ответственному использованию данных на благо общества. Обеспечение надежных мер кибербезопасности и нормативно-правовой базы имеет важное значение. Цифровой переход подразумевает трансформацию рабочих мест, которая направлена на решение проблемы потенциального вытеснения некоторых рабочих мест в результате автоматизации и цифровизации путем содействия переобучению, повышению квалификации и созданию новых возможностей трудоустройства в развивающихся цифровых секторах.

Социальный переход сосредоточен на укреплении социальной сплоченности, равенства и благосостояния в условиях трансформации экономики. Он предполагает решение проблемы социального неравенства, содействие социальной интеграции и обеспечение доступа к основным услугам и правам для всех. В его рамках укрепляется социальная защита, обеспечивается доступ к качественному здравоохранению, доступному жилью и образованию в соответствии с принципом «никто не останется без внимания». Обеспечивается гендерное равенство, например расширяются права и возможности женщин во всех аспектах экономики и общества. Решается проблема гендерного разрыва в оплате труда, продвижения женского лидерства и борьбы с дискриминацией и насилием по признаку пола. Для социального перехода характерно совместное управле-

ние на основе широкого участия граждан, сообществ и заинтересованных сторон из четверной или n-спирали в процессах принятия решений, содействия демократии. Обеспечивается учет различных мнений при формировании политики и программ, связанных с переходным периодом.

Интегрируя эти компоненты в тройной переход, общества могут стремиться к инклюзивному, устойчивому и справедливому будущему, где решаются экологические проблемы, используется потенциал технологий и во главу угла ставятся социальное благополучие и справедливость.

Двойной переход под руководством европейской промышленности, направленный на климатическую нейтральность и цифровое лидерство, не может быть достигнут без твердого, чуткого, ответственного социального и экологического участия. Ни один из этих переходов не может происходить изолированно. Именно таковы основные ценности и принципы СЭ и социальных инноваций (СИ).

В Ежегодном отчете Европейского единого рынка за 2021 год¹³ представлен анализ проблем в 14 промышленных экосистемах и преобразующих инициативах, направленных на достижение двойного (зеленого и цифрового) перехода и повышение устойчивости. Основываясь на этой работе, Комиссия предложила совместно с заинтересованными сторонами создать пути перехода после COVID-19 в качестве важнейшего инструмента сотрудничества для трансформации промышленных экосистем, реализуемого с помощью СЭ.

Более целостное видение необходимости стимулировать более ориентированный на человека, культуру и планету тройной переход воплотилось в концепции «Three MoskeUteers». Безграничный тройной переход «все для одного, один для всех» (социальный, цифровой и зеленый) в Европе и за ее пределами, пропагандируемый группой авторов (Caro-González et al., 2023), представляет европейское общество как огромную «совместную лабораторию», которая должна ответить на срочные радикальные изменения, требуемые человечеством и планетой.

¹³ Commission Staff Working Document. Annual Single Market Report 2021. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A52021SC0351>

ЕС запускает масштабные инициативы, охватывающие важнейшие пути обеспечения устойчивости, инклюзивности и развития: Европейский столп социальных прав¹⁴, зеленый переход¹⁵, цифровая стратегия ЕС¹⁶ и новая промышленная политика ЕС¹⁷. Эти инициативы дополняют друг друга, и если их рассматривать совместно с СЭ, то пути к более справедливому тройному переходу могут оказаться гораздо ближе.

Первая из инициатив – социальная справедливость (в отношении перераспределения; социальный и в большей степени человеческий фактор впервые введен в экономические подходы с целью установить активный диалог). Когда мы говорим о социальной справедливости, мы рассматриваем различные аспекты, такие как изменение климата, экологические проблемы, цифровизация, глобализация и демографические тенденции – факторы, которые очень быстро меняют нашу повседневную жизнь. COVID-19 подверг Европу новым радикальным изменениям в сфере трудоустройства, образования, экономики, систем социального обеспечения и социальной жизни. Поэтому Европейский союз предлагает План действий «Европейский столп социальных прав»¹⁸ для удовлетворения этих потребностей. Один из его разделов посвящен увеличению количества и улучшению качества рабочих мест¹⁹, чтобы обеспечить определенную безопасность для работников в новом трудовом контексте цифровизации и новых ландшафтов.

¹⁴ European Pillar of Social Rights. Brussels: European Union. Available at: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/economy-works-people/jobs-growth-and-investment/european-pillar-social-rights_en

¹⁵ A European Green Deal. Striving to be the first climate-neutral continent. Available at: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en

¹⁶ Shaping Europe's digital future. Available at: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en>

¹⁷ New Industrial Strategy: Building a Stronger Single Market for Europe's Recovery. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A52021DC0350>

¹⁸ The European Pillar of Social Rights Action Plan. Available at: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=1607&langId=en>

¹⁹ Social Economy in the EU. Available at: https://ec.europa.eu/growth/sectors/social-economy_en

Вторая инициатива – зеленый переход (связанный с концепциями замедления роста, экономики замкнутого цикла и т. д.). Он добавляет актуальные вопросы, например устойчивость и забота об окружающей среде, столь необходимые в таком секторе, как экономика, который задает темп производства. ЕС предлагает GreenComp (Bianchi et al., 2022) в качестве опорной базы для компетенций в области устойчивого развития. Он обеспечивает общую основу для обучающихся и рекомендации для педагогов, способствуя согласованному определению того, что означает устойчивость как компетентность, реагируя на растущую потребность людей в совершенствовании и развитии знаний, навыков и установок для жизни, работы и действий, направленных на устойчивое развитие. Инициатива разработана для поддержки программ образования и обучения на протяжении всей жизни.

Третья инициатива – цифровой переход, связанный со сферой труда и ее условиями. После пандемии COVID-19 произошла еще более масштабная и ускоренная революция в сфере труда и необходимых навыков, которые сейчас востребованы. Поэтому необходима всеобщая адаптация для обеспечения всеобщего участия, предоставления равных возможностей и оснащения человеческого капитала новыми необходимыми навыками. В связи с переходом на цифровые технологии следует отметить, что 9 марта 2021 года была представлена программа «Цифровой компас»²⁰, призванная обновить цифровую стратегию Европы. Она позиционирует Европу как цифрового суверена во взаимосвязанном мире путем создания и развертывания технологических возможностей таким образом, чтобы люди и предприятия могли использовать потенциал цифровой трансформации и построить более здоровое и экологичное общество.

Значение и эволюция СЭ

Благодаря социальному воздействию и положительным социально-экономическим эффектам крупные международные организации обратили внимание на СЭ, разработав положе-

²⁰ 2030 Digital Compass. The European Way for the Digital Decade. Available at: <https://eufordigital.eu/wp-content/uploads/2021/03/2030-Digital-Compass-the-European-way-for-the-Digital-Decade.pdf>

ния анализа, статистику, политику или предложения, применимые к этому сектору. Например, в 2009 году Международная организация труда (МОТ) запустила План действий по продвижению предприятий и организаций СЭ²¹, а в 2022 году приняла резолюцию о связи между достойной занятостью и социальной и солидарной экономикой²²; с 2013 года в ООН действует рабочая группа UNTFSSSE (Целевая группа ООН по солидарности и социальной экономике); в то время как ОЭСР запустила глобальную акцию «Продвижение экосистем социальной экономики и экономики солидарности» для раскрытия потенциалов солидарности и социальной экономики, уделяя особое внимание правовым рамкам и измерению социального воздействия, рассматривая всю экосистему политики в качестве основы²³. Аналогичным образом, Генеральный директорат ЕС по вопросам экономического роста рассматривает вопросы СЭ при поддержке группы экспертов по социальной экономике и социальным предприятиям (GECES) с 2011 года. В Европейском парламенте есть Межгруппа по социальной экономике. На уровне ЕС уже давно признано, что СЭ способствует достижению нескольких ключевых целей Евросоюза, включая достижение разумного, устойчивого и инклюзивного роста, высококачественной занятости, социальной сплоченности, социальных инноваций, местного и регионального развития и охраны окружающей среды²⁴. Наконец, в 2021 году Комиссия приступила к реализации европейского плана действий по СЭ²⁵, чтобы полностью

²¹ Social and Solidarity Economy: Building a Common Understanding. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---emp_ent/---coop/documents/publication/wcms_546398.pdf

²² Resolution concerning decent work and the social and solidarity economy. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_848633.pdf

²³ Global Action: Promoting Social and Solidarity Economy Ecosystems. Available at: <https://www.oecd.org/cfe/leed/social-economy/oecd-global-action/>

²⁴ The promotion of the social economy as a key driver of economic and social development in Europe. Available at: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15071-2015-INIT/en/pdf>

²⁵ Building an economy that works for people: An action plan for the social economy. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021DC0778>

реализовать потенциал СЭ и включить его в различные социально-экономические европейские политики.

Многие ученые считают, что провалы рынка и государства создают почву для социальных инноваций – области, в которой СЭ отводится ведущая роль. Эта способность повышать экономическую и социальную устойчивость связана с двумя основными ролями, которые СЭ играет в экономической системе: восстановление и преобразование²⁶. Таким образом, важнейшим вопросом является взаимосвязь социальных инноваций с государством: как государство может продвигать практики, стимулирующие СЭ, учитывая многоуровневые взаимодействия, существующие между различными заинтересованными сторонами; возможности и напряженность в отношениях между третьим сектором и различными уровнями государства; сложность адаптации процессов и практики государственного управления к динамике социальных инноваций (Pinto et al., 2021).

Кроме того, социальные инновации являются важным элементом формы экономического развития, основанной на социальной справедливости. СЭ зарекомендовала себя как пионер в выявлении и внедрении социальных инноваций, которые довольно часто впоследствии перенимаются остальными отраслями экономики²⁷. СЭ реагирует на экологические и общественные вызовы, поскольку она укоренилась на местном уровне, что позволяет ей выявлять новые потребности, а также искать творческие и инновационные решения²⁸. Ожидается, что в будущем экономические, социальные и экологические проблемы станут острее. Все агенты: научные круги, правительства, организации и граждане – интегрированы в развивающиеся инновационные модели, такие как четверная спираль, которая отдает приоритет процессам совместного творчества с участием многих заинтересованных сторон в

инновационных процессах²⁹ в условиях нестабильности, неопределенности, сложности и неоднозначности (VUCA). Это потребует творческого подхода для содействия росту, развитию и устойчивости³⁰.

Недавние продовольственный и финансовый кризисы, войны, изменение климата, сохраняющаяся бедность и растущее неравенство населения заставили глубоко пересмотреть традиционные стратегии роста и развития³¹. Статус-кво не позволяет решать современные проблемы развития. Необходимо «и дальше внедрять устойчивое развитие на всех уровнях, интегрируя его экономические, социальные и экологические аспекты и признавая связи между ними»³². В этом ключе СЭ играет важную роль благодаря своему двойному (социальному и экономическому) измерению и положительному воздействию, которое она оказывает, о чем пойдет речь в следующем разделе. Примером ее важнейшей роли является инициатива «Европейские регионы социальной экономики» (ESER), предоставляющая Европе сеть из более чем 100 участников, продвижение политики в области СЭ. Ее конечная цель – переход от текущей модели к СЭ³³. С другой стороны,

²⁹ Примером может служить проект Horizon Europe: INTEGER (Interconnecting 4 Helix Innovation Ecosystems in European Regions) – взаимосвязь инновационных экосистем четверных спиралей в европейских регионах. Основанный на равноправном подходе к инновациям, ориентированным на бизнес и общество, INTEGER направлен на ускорение трансформационных результатов интеграции через создание новых беспроигрышных стратегий, активных местных объединений, инновационную координацию действий, управление, внедрение, динамику освоения и эксплуатации.

³⁰ Social innovation trends 2020–2030: The next decade of social innovation. Available at: <https://www.socialinnovationacademy.eu/social-innovation-trends-2020-2030/>

³¹ В литературе по вопросам отрицательного экономического роста предельный уровень благосостояния и доходов часто упоминается среди политических инструментов, которые могут поддержать переход к экологически и социально устойчивым обществам. Однако углубленное обсуждение конкретных политических предложений еще не началось (Buch-Hansen, Koch, 2019).

³² Social and Solidarity Economy and the Challenge of Sustainable Development. Available at: https://unsse.org/wp-content/uploads/2014/08/Position-Paper_TFSSE_Engl.pdf

³³ Call for Expression of Interest – Deadline. Available at: https://single-market-economy.ec.europa.eu/european-social-economy-regions-eser-2023-call-expression-interest_en

²⁶ Social economy and the COVID-19 crisis: Current and future roles. Available at: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/social-economy-and-the-covid-19-crisis-current-and-future-roles-f904b89f/>

²⁷ Там же.

²⁸ Building Local Ecosystems for Social Innovation: A Methodological Framework. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/industry-and-services/building-local-ecosystems-for-social-innovation_bef867cd-en

в Испании в начале 2023 года обсуждалась тема «Экономика влияния» с целью ознакомления с концепциями экономики влияния и инвестиций влияния для государственного сектора, установления диалога между обществом (СЭ, третий сектор, фонды воздействия и инвестиций, компании с определенной целью) и государственным сектором, стимулирования перехода к социальному направлению³⁴. Основные инициативы по продвижению СЭ в Европе представлены в *таблице 3*.

На глобальном уровне нет данных по СЭ, но есть данные по кооперативам – сектору, имеющему наибольший вес с точки зрения численности, занятости и оборота, а значит, и социального воздействия³⁵:

- более 12% населения планеты являются членами любого из трех миллионов кооперативов в мире;
- кооперативы предоставляют рабочие места или возможности для работы 280 млн чело-

век по всему миру, другими словами, 10% всего занятого населения планеты;

- три миллиона кооперативов по всему миру охватывают более одного миллиарда участников.

С другой стороны, на уровне ЕС имеются данные о СЭ, но с некоторыми ограничениями. Следующие цифры отражают вес предприятий социальной экономики (ПСЭ) в Европе³⁶:

- 8% от ВВП ЕС;
- 2,8 млн предприятий СЭ;
- 13,6 млн оплачиваемых работников на предприятиях СЭ, 6,3% европейских рабочих мест; на глобальном уровне кооперативы обеспечивают 100 миллионов рабочих мест, что на 20% больше, чем транснациональные предприятия;
- 82,8 млн добровольцев, что эквивалентно 5,5 млн (неоплачиваемых) работников с полной занятостью;
- 160 млн членов предприятий СЭ.

Таблица 3. Основные инициативы по продвижению социальной экономики, выдвинутые международными организациями

Год	Организация	Инициатива
2009	МОТ	Запущен план действий по продвижению предприятий и организаций СЭ
2011	Европейская комиссия	Внедрение концепции социального предприятия
2015	Совет Европейского союза	СЭ повышает инклюзивность рынка труда для уязвимых групп, которые в силу своих особенностей могут столкнуться с трудностями при доступе на рынок труда, например молодые люди без опыта или с недостаточным опытом, с низким уровнем подготовки; люди, находящиеся без работы долгое время или люди, не соответствующие требованиям рынка труда
2020	ОЭСР	Глобальная инициатива «Продвижение экосистем социальной и солидарной экономики»
2021	Европейская комиссия	План действий для СЭ
		План действий Евросоюза по социальной экономике
		Ежегодный отчет по Единому рынку
		Европейский столп социальных прав
		Цифровой компас
2022	Европейская комиссия	GreenComp
2022	Европейская комиссия	Путь перехода (начат 14 ноября 2022 года)*
2023	Европейская комиссия	Европейские регионы социальной экономики (ESER)

* Совместное осуществление переходного пути: в рамках этого процесса поощряются, собираются, продвигаются и поддерживаются обязательства государственных и частных заинтересованных сторон в отношении конкретных действий. Придавая этому большое значение, Европейская комиссия обратилась к заинтересованным сторонам через призыв к принятию обязательств по «близости и СЭ», опубликованных с 14 ноября по 28 февраля 2023 года. Источник: составлено авторами.

³⁴ Информация предоставлена Consejo Asesor Nacional para la Inversión de Impacto (Национальный консультативный совет по инвестициям влияния).

³⁵ Fact and Figures. Geneva: International Cooperative Alliance. Available at: <https://www.ica.coop/en/cooperatives/facts-and-figures>

³⁶ Building an economy that works for people: An action plan for the social economy. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021DC0778>

В отношении занятости ПСЭ продемонстрировали способность создавать рабочие места в ситуациях, когда основная экономическая система и государство потерпели неудачу. Это касается людей, испытывающих трудности с доступом на рынок труда или сохранением рабочего места, изучения новых сфер экономической деятельности и новых способов предоставления услуг. Во многих случаях основной целью ПСЭ является создание и поддержание высококачественных рабочих мест, обеспечивающих устойчивый и инклюзивный рост. Однако эти данные не отражают общий вклад ПСЭ, не измеряют их полную эффективность и воздействие, в связи с чем требуются дальнейшие исследования.

Фактически, для получения четкой и полной картины этого сектора необходимо внедрение официальной статистики, которая также могла бы стать основой для политиков и обеспечить сектору признание и видимость (Chaves-Avila, 2021). С 2006 года было опубликовано Руководство по составлению сателлитных счетов СЭ на европейском уровне (Varea, Monzón, 2006), отражающее структуру представления экономических данных в конкретной области (в данном случае СЭ) по отношению к общему экономическому анализу центральной структуры национальных счетов. Этот механизм (уже действующий в некоторых странах, таких как Польша, Португалия, Великобритания, в ближайшее время начнёт действовать в Италии) позволяет систематически количественно оценивать сектор через сопоставимые величины в бухгалтерском выражении и по отраслям деятельности, используя ту же методологию, что и Системы национальных счетов³⁷. Следовательно, полученная информация обеспечивает однородность данных, а значит, их сопоставимость как внутри страны, так и на международном уровне.

Важность статистики для СЭ остается одной из приоритетных задач. Действительно, в Европейском плане действий по социальной экономике отмечено, что соответствующие данные и статистика приведут к признанию и развитию сектора, способствуя лучшему пониманию осо-

³⁷ Национальные счета или системы национальных счетов — это реализация полных и последовательных методов учета для измерения экономической деятельности страны. Они включают подробные базовые показатели, основанные на двойной системе бухгалтерского учета.

бенностей бизнес-модели, и обеспечат проведение политики, основанной на фактах. Одно из направлений плана действий — повышение признания СЭ и его потенциала³⁸. Однако общество в целом, а также социальные партнеры, заинтересованные стороны и финансисты все еще недостаточно осведомлены о положительном влиянии СЭ. Главная идея заключается в том, как измерить дифференцированные характеристики бизнес-модели СЭ, в основе которой лежит миссия социального назначения и другие общие ценности и принципы³⁹.

При оценке уровня развития социальной экономики органы власти могут использовать ряд целевых показателей для измерения прогресса и воздействия. Вот некоторые примеры целевых показателей:

- «Число социальных предприятий» измеряет количество и рост социальных предприятий в определенной юрисдикции. Дает представление об общем присутствии и развитии организаций социальной экономики.

- «Занятость в социальной экономике» — показатель, который отслеживает количество рабочих мест, созданных в сфере социальной экономики. Помогает оценить вклад сектора в местную занятость и степень разработанности значимых и устойчивых средств к существованию.

- «Социальный возврат на инвестиции» (SROI) — методология, используемая для измерения социальной, экологической и экономической ценности, создаваемой организациями социальной экономики. Она определяет более широкое воздействие их деятельности, выходящее за рамки традиционных финансовых показателей.

- «Участие сообщества» — оценивает уровень вовлеченности сообщества и его участия в инициативах социальной экономики. Изучается вовлеченность отдельных лиц, местных организаций и заинтересованных сторон в процессе принятия решений и их общий вклад.

³⁸ Building an economy that works for people: An action plan for the social economy. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021DC0778>

³⁹ Social impact measurement for the Social and Solidarity Economy: OECD Global Action Promoting Social & Solidarity Economy Ecosystems. Available at: <https://doi.org/10.1787/d20a57ac-en>

• «Финансирование и инвестиции» — наличие и доступность финансовых ресурсов для субъектов социальной экономики. Отслеживает государственное и частное финансирование, гранты, инвестиции и другие финансовые механизмы, направленные на поддержку роста и устойчивости социальной экономики.

• «Сотрудничество и партнерство» — показатель, оценивающий уровень сотрудничества и партнерства между организациями социальной экономики, государственными структурами, субъектами частного сектора и гражданским обществом. Отражает степень сотрудничества и коллективных усилий по решению социальных и экологических проблем.

• «Внедрение инноваций и технологий» — интеграция инновационных практик и технологий в сектор социальной экономики. Оценивается степень, в которой организации используют цифровые инструменты, аналитику данных и технологические достижения для улучшения своей деятельности.

Названные целевые показатели могут дать органам власти комплексное понимание развития и эффективности социальной экономики. Отслеживая эти показатели во вре-

мени, политики могут принимать обоснованные решения, распределять ресурсы и проводить политику, способствующую росту и положительному влиянию социальной экономики.

Социальная экономика и занятость населения

Как следует из вышесказанного, последние данные показывают, что СЭ обеспечивает оплачиваемой работой около 13,6 млн человек в Европе. Если к ним добавить волонтеров (5,5 млн человек с полной занятостью), то общая численность европейской рабочей силы в сфере СЭ составит 19,1 млн человек. Однако при более глубоком анализе данных мы видим, что доля занятости в СЭ в каждой стране значительно различается и составляет от 0,6 до 9,9% от общего числа занятых. Например, во Франции, Испании, Италии или Нидерландах, наряду с другими странами, обладающими значительным потенциалом роста занятости, доля СЭ в занятости высока⁴⁰. Благодаря этим показателям и положительному социально-экономическому воздействию, которое они оказывают, на уровне Европейского союза СЭ считается ключевым сектором для достижения целей Европейского плана (табл. 4).

Таблица 4. Основные цели Европейской комиссии, которые необходимо достичь к концу десятилетия, в области занятости, профессиональных навыков и социальной защиты

Цели
<p>К 2030 году не менее 78% населения в возрасте от 20 до 64 лет должно быть трудоустроено.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Как минимум вдвое сократить гендерный разрыв в занятости по сравнению с 2019 годом. Это будет иметь первостепенное значение для прогресса в области гендерного равенства и достижения целевого показателя занятости для всего трудоспособного населения. • Увеличить предоставление формального образования и ухода за детьми младшего возраста (ЕСЕС), тем самым способствуя лучшему совмещению профессиональной и личной жизни женщин и содействуя более активному их участию на рынке труда. • Снизить долю молодых людей, не имеющих работы, образования или профессиональной подготовки (поколение NEET), в возрасте 15–29 лет с 12,6% (2019) до 9%, в частности за счет улучшения перспектив их трудоустройства.
<p>Не менее 60% всех взрослых должны участвовать в профессиональной подготовке каждый год.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Не менее 80% людей в возрасте 16–74 лет должны обладать базовыми цифровыми навыками, что является необходимым условием для их включения в рынок труда и участия в жизни общества в Европе, переживающей цифровую трансформацию. • Необходимо сокращать число детей, бросающих школу преждевременно, и увеличивать число учащихся старших классов средней школы.
<p>К 2030 году число людей, подверженных риску бедности или социальной изоляции, должно быть сокращено по меньшей мере на 15 миллионов человек.</p> <p>Из 15 миллионов человек, которых необходимо вывести из бедности или социальной изоляции, не менее 5 миллионов должны быть детьми.</p>
<p>Составлено по: The European Pillar of Social Rights action plan. Available at: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021DC0102</p>

⁴⁰ Building an economy that works for people: An action plan for the social economy. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021DC0778>

По мнению ЕС, СЭ соответствует цели № 1 – создание большего количества и более качественных рабочих мест. Она раскрывает значительный неиспользованный экономический потенциал, который создает рабочие места и одновременно решает ключевые социальные проблемы в широком спектре секторов. ЕС также признал, что сектор СЭ во время пандемического кризиса играл ведущую роль⁴¹. Это основные причины, побудившие ЕС разработать План действий для СЭ (APSE), целью которого является поддержка развития СЭ для повышения ее социальной и экономической преобразующей силы (для создания качественных рабочих мест и содействия справедливому, устойчивому и инклюзивному росту) и оптимизация потенциала СЭ на едином рынке, поскольку ее потенциал все еще используется недостаточно. Этот план направлен на активизацию социальных инноваций, поддержку развития СЭ и повышение его социальной и экономической преобразующей способности (табл. 5).

Кроме того, эти направления деятельности воплощаются в конкретных действиях различного рода: меры по обучению, меры по управлению информацией, рекомендации странам-участницам и инициативы на уровне Европей-

ского союза. Некоторые из них находятся в стадии реализации, а их разработка намечена на период до 2030 года.

Тенденция позитивного рассмотрения СЭ с точки зрения занятости не является новой в рамках Европейского союза, но новым стало наличие сквозного и многолетнего плана, который делает СЭ фундаментальным элементом, укорененным в политике Европейского союза (Gómez Urquijo, 2021).

Действительно, уже более двух десятилетий СЭ доказывает свою способность устранять три основных дисбаланса рынка труда: безработицу, нестабильность рабочих мест и социальную и трудовую изоляцию безработных. Кроме того, отмечается, что СЭ играет определенную роль в улучшении возможностей трудоустройства и создает рабочие места, которые обычно не локализируются, что способствовало достижению целей Лиссабонской стратегии⁴². СЭ повышает инклюзивность рынка труда для уязвимых групп, которые в силу своих особенностей могут столкнуться с трудностями при доступе на рынок труда, например молодые люди без опыта или с ограниченным опытом, или с низким уровнем подготовки; долгосрочные безработные или люди, каким-либо образом несоответ-

Таблица 5. Направления Европейского плана действий по социальной экономике (2022–2030)

Определение понятия СЭ
Создание структуры для процветания СЭ <ul style="list-style-type: none"> • Разработка политики и правовых рамок • СЭ и государственная помощь • Улучшение доступа к рынкам: социально ответственные государственные закупки • Продвижение СЭ на региональном и местном уровнях • Продвижение СЭ на международном уровне
Открытие возможностей для развития предприятий СЭ <ul style="list-style-type: none"> • Поддержка бизнеса и наращивание потенциала • Улучшение доступа к финансированию • Максимальное увеличение вклада СЭ в «зеленый» и цифровой переход • Стимулирование социальных инноваций
Повышение признания СЭ и ее потенциала
Составлено по: Building an economy that works for people: An action plan for the social economy. Available at: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021DC0778

⁴¹ Building Local Ecosystems for Social Innovation: A Methodological Framework. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/industry-and-services/building-local-ecosystems-for-social-innovation_bef867cd-en

⁴² Resolution of February 19, 2009 on Social Economy (2008/2250(INI)) (2010/C 76 E/04). Available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/c8b497b7-c360-4f61-8cfc-553324610673/language-en>

ствующие рынку труда⁴³. ПСЭ также способствуют социальной и трудовой интеграции мигрантов и улучшению гендерного равенства⁴⁴.

Кроме того, в периоды экономических спадов СЭ поддерживает занятость на более высоком уровне и даже создает рабочие места, демонстрируя способность смягчать повсеместные последствия кризиса⁴⁵. Трудоустройство в сфере СЭ вряд ли будет локализованным, поскольку оно привязано к местным условиям⁴⁶. Ценность СЭ во время кризиса общепризнана. В качестве примера, более близкого по времени, можно привести устойчивость СЭ в условиях экономического спада после финансового кризиса 2008 года. В таких странах, как Италия и Бельгия, занятость в государственном и частном секторах резко снизилась в период 2008–2010 гг. сразу после кризиса, в то время как занятость в социальных предприятиях фактически выросла (рост на 11,5% в бельгийских и на 20,1% в итальянских социальных кооперативах). Во Франции в период с 2000 по 2014 год был зарегистрирован значительный и непрерывный рост занятости в сфере СЭ (25%), в то время как рост занятости в частном секторе был гораздо ниже (6%)⁴⁷. Этот вклад в социальную и экономическую устойчивость напрямую связан с характером ПСЭ, их деятельностью и бизнес-моделями, которые в большей степени позволяют им противостоять потрясениям. Во-первых, спектр деятельности и услуг напрямую связан с потребностями общества в преодолении кризи-

са (медицинские услуги, социальные услуги и др.). Во-вторых, система управления ПСЭ помогает организациям противостоять экономическим потрясениям⁴⁸.

Качество рабочих мест, создаваемых СЭ, также оценивается положительно, что подтверждается рядом исследований⁴⁹ (Defourny, Nyssens, 2012; Monzón Campos, Chaves Ávila, 2012). С одной стороны, работники считают качество рабочих мест в кооперативах и социальных предприятиях хорошим как в абсолютном выражении, так и по отношению к качеству, предлагаемому другими типами организаций⁵⁰. С другой стороны, менеджеры также положительно оценивают уровень достижения качественных показателей занятости⁵¹.

ПСЭ вносят большой вклад в реализацию международной рамочной программы МОТ и ее четырех столпов: трудовые стандарты и права в сфере труда, достойная занятость и доход, социальная защита и социальный диалог⁵². Подразделения ПСЭ предоставляют широкий спектр услуг своим членам и сообществам, доходы и средства к существованию повышаются⁵³. МОТ признает вклад СЭ в обеспечение достойного труда, инклюзивной и

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Job creation through the Social Economy and Social Entrepreneurship. Available at: https://www.oecd.org/cfe/leed/130228_Job%20Creation%20through%20the%20Social%20Economy%20and%20Social%20Entrepreneurship_RC_FINALBIS.pdf; Recent developments of the social economy in the European Union. Available at: <https://www.eesc.europa.eu/sites/default/files/files/qe-04-17-875-en-n.pdf>; Social economy and the COVID-19 crisis: Current and future roles. Available at: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/social-economy-and-the-covid-19-crisis-current-and-future-roles-f904b89f/>

⁵⁰ Building an economy that works for people: An action plan for the social economy. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021DC0778>

⁵¹ Job creation through the Social Economy and Social Entrepreneurship. Available at: https://www.oecd.org/cfe/leed/130228_Job%20Creation%20through%20the%20Social%20Economy%20and%20Social%20Entrepreneurship_RC_FINALBIS.pdf

⁵² ILO Monitor: COVID-19 and the World of Work. Updated Estimates and Analysis. Available at: https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/impacts-and-responses/WCMS_767028/lang--en/index.htm

⁵³ Resolution concerning decent work and the social and solidarity economy. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_848633.pdf

⁴³ The promotion of the social economy as a key driver of economic and social development in Europe. Available at: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15071-2015-INIT/en/pdf>

⁴⁴ Building an economy that works for people: An action plan for the social economy. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021DC0778>

⁴⁵ Social economy and the COVID-19 crisis: Current and future roles. Available at: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/social-economy-and-the-covid-19-crisis-current-and-future-roles-f904b89f/>

⁴⁶ Job creation through the Social Economy and Social Entrepreneurship. Available at: https://www.oecd.org/cfe/leed/130228_Job%20Creation%20through%20the%20Social%20Economy%20and%20Social%20Entrepreneurship_RC_FINALBIS.pdf

⁴⁷ Social economy and the COVID-19 crisis: Current and future roles. Available at: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/social-economy-and-the-covid-19-crisis-current-and-future-roles-f904b89f/>

устойчивой экономики, социальной справедливости, устойчивого развития и повышения уровня жизни для всех. Роль ПСЭ в обеспечении достойного труда неразрывно связана с соблюдением, продвижением и реализацией основополагающих принципов и прав в сфере труда, других прав человека и соответствующих международных трудовых стандартов. Эти организации также считаются наиболее склонными к уважению «человеческого достоинства, созданию сообщества и поощрению разнообразия, солидарности и уважения традиционных знаний и культур, в том числе среди коренных и племенных народов»⁵⁴.

Во многих странах ПСЭ способствуют переходу от неформальной к формальной экономике, что является необходимым условием для сокращения бедности и неравенства, а также повышения социальной защиты населения. Благодаря ПСЭ экономическая деятельность консолидируется и становится более предсказуемой и устойчивой (Roelants, 2015). Этот переход был в центре внимания Дня социальной справедливости 2022 года, учрежденного ООН⁵⁵. Фактически, на глобальном уровне более 60% занятого населения мира (2 миллиарда человек) зарабатывают средства к существованию в неформальной экономике не по своей воле, а из-за отсутствия возможностей в формальной экономике. Эти люди не имеют социальной защиты или льгот, связанных с занятостью, и в два раза чаще страдают от бедности⁵⁶. Неформальная работа может быть найдена во всех секторах экономики, как в общественном, так и в частном пространстве. Поэтому МОТ настоятельно призывает стран-участниц осуществлять всевозможные меры для того, чтобы неформальная экономи-

ка достигла адекватного уровня формальности и получаемых от нее выгод, причем структуры СЭ особенно хорошо подходят для достижения этой цели⁵⁷.

Мощный промышленный сектор также можно найти в СЭ, что признано ЕС, который объявил СЭ 11-м сектором в списке 14 промышленных экосистем под заголовком «Близость, социальная экономика и гражданская безопасность»⁵⁸. Известным и всемирно признанным примером является группа Mondragon (Гипускоа, Испания), отраслевая сфера которой объединяет широкий спектр деятельности, включая продукцию и услуги в секторах потребительских товаров, капитальных товаров, промышленных компонентов, строительства и деловых услуг.

Критическое осмысление и перспективы

Несмотря на свой экономический и социальный вес, а также растущие усилия по использованию ее социально-экономической значимой роли, СЭ все еще в значительной степени не распространена на уровне ЕС. Видимо, дело в ее положительном влиянии на занятость, социальную сплоченность и сбалансированный рост. Организации СЭ обеспечивают европейский рынок качественной продукцией и услугами, отвечая при этом на обусловленные вызовами социальные и экономические потребности граждан, в том числе уязвимых слоев населения.

План действий в сфере СЭ, разработанный ЕС⁵⁹, представляет огромный интерес, поскольку

⁵⁷ Transition from the Informal to the Formal Economy Recommendation, 2015 (No. 204). Available at: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:R204

⁵⁸ Были определены 14 промышленных экосистем: 1. Аэрокосмическая и оборонная промышленность; 2. Агропищевая промышленность; 3. Строительство; 4. Культурная и творческая промышленность; 5. Цифровая промышленность; 6. Электроника; 7. Энергоемкие отрасли; 8. Энергетика и возобновляемые источники энергии; 9. Здравоохранение; 10. Мобильность-Транспорт-Автомобили; 11. Близость, социальная экономика и гражданская безопасность; 12. Розничная торговля; 13. Текстиль; 14. Туризм.

⁵⁹ Building an economy that works for people: An action plan for the social economy. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021DC0778>

⁵⁴ ILO Monitor: COVID-19 and the World of Work. Updated Estimates and Analysis. Available at: https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/impacts-and-responses/WCMS_767028/lang--en/index.htm

⁵⁵ 26 ноября 2007 года Генеральная Ассамблея объявила, что, начиная с 63-й сессии Генеральной Ассамблеи, 20 февраля будет ежегодно отмечаться как Всемирный день социальной справедливости.

⁵⁶ 2022 Theme: Achieving Social Justice through Formal Employment. Available at: <https://www.un.org/en/observances/social-justice-day>

ку его реализация поможет полностью раскрыть потенциал СЭ в целом, уделяя особое внимание перспективам занятости. Каждая страна, входящая в ЕС, должна развернуть и финансировать национальную политику, направленную на развитие сектора, его положительных эффектов и последствий.

Предпринимателям предлагается рассматривать СЭ как структуру, на основе которой можно проектировать и развивать свой бизнес, как сектор, в котором бизнес может приносить пользу себе, своим работникам и обществу в целом. Граждане должны быть более осведомлены об особенностях СЭ, знать больше о ее положительных эффектах и ценить ее. Поэтому разработка и развертывание плана действий в ближайшие годы будет иметь ключевое значение для достижения всех поставленных целей (Gómez Urquijo, 2018).

Чтобы понять эти переходы в таком контексте, необходимо рассмотреть следующие концепции.

(1) Более справедливое перераспределение ресурсов для достижения более справедливого и более инклюзивного и устойчивого развития. Однако подсчет нужных инструментов для реализации этого – другой вопрос. Такие инструменты – от прогрессивного налогообложения, денежных переводов и инвестиций в человеческий капитал до регулирования и стратегий инклюзивного роста – существуют. Тем не менее в большинстве развитых экономик они еще не устоялись.

(2) Что касается справедливых условий труда, то мы видим их гарантию в статье 31 Хартии основных прав ЕС, которая гласит, что каждый работник имеет право на условия труда, которые уважают его здоровье, безопасность и достоинство. Во-вторых, каждый работник имеет право на ограничение максимальной продолжительности рабочего времени, на ежедневный и еженедельный отдых и на ежегодный оплачиваемый отпуск⁶⁰.

(3) Снижение темпов роста означает поддержание экономики, а не ее развитие, поэтому

⁶⁰ Это соответствует тестируемым инициативам, таким как четырехдневная рабочая неделя, баланс гарантий занятости и гибкости рынка труда, удаленная работа и т. д.

мы используем меньше энергии и ресурсов и ставим благосостояние, качество жизни и инклюзивность в один ряд с устойчивостью и прибылью. Идея заключается в том, что, проводя политику снижения темпов роста, экономики могут помочь себе, своим гражданам и планете найти баланс между устойчивостью и восстановлением.

(4) Экономика замкнутого цикла представлена как модель производства и потребления, которая предполагает совместное использование, аренду, повторное использование, ремонт, обновление и переработку материалов и продуктов в течение максимально возможного времени. Таким образом, продлевается жизненный цикл продукции, что соответствует одному из ее основополагающих принципов – устойчивости.

(5) Новые реалии требуют циркулярной трансформации: бизнес, ориентированный на будущее, процветает, когда создаются модели инноваций в виде четверной или n-спирали, в которых взаимосвязанные граждане, заинтересованные стороны, партнеры и сообщество выявляют проблемы, определяют приоритеты, общие ценности и договариваются об общих путях развития.

Необходимо глубже изучить связи между СЭ и перераспределением богатства, а также экономикой замкнутого цикла и трансформационными экономическими подходами, которые являются ключом к инклюзивной, качественной занятости и соответствуют принципам СЭ и тройного перехода. Более детальное рассмотрение этих концепций и их взаимосвязи имеет первостепенное значение.

Предлагаются радикально новые концепции для реализации неизученного преобразующего способа выдвижения идей, разработки, развития и реализации науки, инноваций и сотрудничества посредством экспериментов и обучения, а также вовлечения многих заинтересованных сторон из спектра n-спирали⁶¹. Все формы сотрудничества (международное, междисциплинарное, межсекторальное, межпоколенческое, межведомственное, межгендерное) рассматриваются как альтернативные модели управления и распределения для преодоления

⁶¹ Eoh-for-Good multi-i co-creative vortexes. Available at: <https://eohforgood.com/design-a-process-of-change/>

несправедливого и неустойчивого искаженного статус-кво. Это адаптивные, гибкие и преобразующие системы, объединяющие социальные и управленческие аспекты для более эффективного сотрудничества заинтересованных сторон (четверной, пятерной или n-спирали), учитывающего потребности, интересы участников и разнообразие мнений при определении повестки дня и перспективных направлений развития (Caro-Gonzalez et al., 2023).

На основе обзора и анализа современной ситуации мы можем сделать вывод, что СЭ тесно связана с тройным переходом. Следовательно, ее применение для успешного тройного перехода является обязательным. Предстоящий путь для СЭ многообещающий, но долгий и длительный. Инструменты, политика и инициативы, подобные тем, которые предлагает Европейская комиссия, станут решающими для достижения этих целей⁶².

Изучив механизмы и характеристики СЭ в разных регионах, мы сможем лучше понять их различия и операционные рамки. В ЕС существует хорошо развитый сектор социальной экономики, характеризующийся разнообразием социальных предприятий и кооперативов. Эти организации руководствуются социальными целями, подчеркивая солидарность, вовлеченность сообщества и устойчивое развитие. ЕС внедрил политику поддержки, финансовые инструменты и правовую базу для содействия росту и устойчивости социальной экономики.

Социальная экономика в Азии динамично развивается и обладает уникальными характеристиками в разрезе стран. Например, в Японии и Южной Корее широко представлены кооперативные движения, поддерживающие сельское хозяйство, финансы и производство потребительских товаров. В Индии социальные предприятия играют жизненно важную роль в решении социальных проблем, особенно в сферах образования, здравоохранения и развития сельских районов. В Бангладеш и Индонезии

получили широкое распространение микрофинансовые инициативы, предоставляющие финансовые услуги малообеспеченным слоям населения.

В странах СНГ также представлен широкий спектр моделей социальной экономики. В России и Украине социальные предприятия и кооперативы создавались для решения социальных проблем и обеспечения возможностей трудоустройства населения. На социальную экономику в странах СНГ влияют исторические факторы, переход от централизованной плановой экономики к рыночной системе. Существуют проблемы, связанные с экономическими и политическими преобразованиями, однако предпринимаются усилия по разработке политики и сетей поддержки.

Хотя социальная экономика имеет общие принципы во всем мире, в разных регионах существуют различия ее механизмов и практик. На функционирование социальной экономики влияют такие факторы, как культурный контекст, исторический опыт, законодательная база и государственная поддержка. Различия наблюдаются в масштабах и сфере деятельности социальных предприятий, формах кооперативов, доступных финансовых инструментах, уровне общественного признания и поддержки.

Также можно сделать вывод, что анализ специфики социальной экономики в странах ЕС, Азии и СНГ подчеркивает разнообразие моделей и механизмов, используемых для решения социальных проблем и содействия инклюзивному развитию. В то время как ЕС создал всеобъемлющую структуру и систему поддержки социальной экономики, страны Азии и СНГ демонстрируют уникальные подходы, адаптированные к их специфическим условиям. Понимание этих различий дает ценную информацию для политиков, практиков и заинтересованных сторон, стремящихся содействовать развитию прочной и инклюзивной социальной экономики. Обмен передовой практикой и опытом может способствовать дальнейшему росту социальной экономики во всем мире.

⁶² Commission Staff Working Document. Annual Single Market Report 2021. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A52021SC0351>

Литература

- Barea J., Monzón J.L. (2006). *Manual for Drawing Up the Satellite Accounts of Companies in the Social Economy: Co-operatives and Mutual Societies*. Available at: https://base.socioeco.org/docs/manual_satellite_accounts_def_3837.pdf
- Bianchi G., Pisiotis U., Cabrera Giraldez M. (2022). *GreenComp The European Sustainability Competence Framework*. Luxembourg: European Union. Publications Office of the European Union.
- Bouchard M.J., Salathé-Beaulieu G. (2021). *Producing Statistics on Social and Solidarity Economy. The State of the Art*. Available at: <https://cdn.unrisd.org/assets/library/papers/pdf-files/wp-2021-sse-stats-bouchard-salathe-beaulieu.pdf>
- Buch-Hansen H., Koch M. (2019). Degrowth through income and wealth caps? *Ecological Economics*, 160, 264–271.
- Caro-González A., Serra A., Albala X. et al. (2023). The Three MuskEUteers: Pushing and pursuing a “One for all, All for one” triple transition: Social, green and digital. In: Petrevska Nechkoska R., Manceski G., Poels G. (Eds.). *Facilitation in Complexity: From Creation to Co-Creation, from Dreaming to Co-Dreaming, from Evolution to Co-Evolution*. Available at: <https://doi.org/10.1007/978-3-031-11065-8>
- Chaves-Avila R. (2021). *Producing Statistics on Social and Solidarity Economy Policy Recommendations and Directions for Future Research*. Available at: <https://knowledgehub.unsse.org/wp-content/uploads/2021/08/WP-2021-SSE-Stats-Chaves-Avila.pdf>
- Defourny J., Nyssens M. (2008). Social enterprise in Europe: Recent trends and developments. *Social Enterprise Journal*, 4(3), 202–228. Available at: <https://doi.org/10.1108/17508610810922703>
- Defourny J., Nyssens M. (2012). The EMES approach to social enterprise from a comparative perspective. *Revista de Economía Pública, Social y Cooperativa*, 75, 7–34.
- Enciso-Santocildes M., Gómez L., Mugarra A. (2012). The Community initiative for social entrepreneurship and its link with the social economy: An approach to its conceptual delimitation. *Revista de Economía Pública, Social y Cooperativa*, 75, 55–80.
- Gómez Urquijo L. (Ed.). (2018). *The European Pillar of Social Rights: Contribution to Employment and the European Labour Market*. Cizur Mayor, Spain: Thomson Reuters Aranzadi.
- Gómez Urquijo L. (2021). Synergies between the EU’s social and economic strategy and the promotion of cooperatives and the social economy. From the financial crisis to the health crisis. *Boletín de la Asociación Internacional de Derecho Cooperativo*, (59), 285–302. Available at: <https://doi.org/10.18543/baidc-59-2021pp285-302>
- Monzón Campos J.L., Chaves Ávila R. (2012). *The Social Economy in the European Union*. Available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/5ddb156a-2ed5-48c5-b6a7-5e44282b7da6>
- Pinto H., Nogueira C., Guerreiro J.A. et al. (2021). Social innovation and the role of the state: Learning from the Portuguese experience in multi-level interactions. *Mundo*, 2(1), 62–80.
- Razeto L. (2010). What is the solidarity economy? *Papeles de relaciones ecosociales y cambio global*, 110, 47–52.
- Roelants B. (2015). *Cooperatives Are Key to the Transition from the Informal to the Formal Economy*. Available at: https://www.cicopa.coop/wp-content/uploads/2019/02/cicopa_-_cooperatives_are_key_to_the_transition_to_the_formal_economy.pdf

Сведения об авторах

Марта Энсисо-Сантосильдес – доктор наук, доцент, Университет Деусто (Испания, Страна Басков, г. Бильбао, Avda. Universidades, 24, E48024; e-mail: bidergo@gmail.com)

Антония Каро-Гонсалес – доктор наук, доцент, начальник Отдела международных исследовательских проектов, I2Cat Foundation (Испания, г. Барселона, Carrer del Gran Capità, 2, E08034); старший научный сотрудник, Валенсийский международный университет (VIU) (Испания, г. Валенсия, Calle Pintor sorolla, 21, 46002); предприниматель, независимый консультант, Eoh-for-Good (Испания, Страна Басков, г. Бильбао; e-mail: toni.caro@eohforgood.com)

Enciso-Santocildes M., Caro-González A.

Harnessing the Potential of Social Economy to Generate an Encompassing Triple Transition: Social, Green and Digital

Abstract. Social economy (SE) is an economic system that promotes sustainable and inclusive development and makes a relevant contribution with regards to the major challenges facing economies and societies. These are organizations with their triple differentiating characteristics: a) the pursuit of the collective interest of their members, b) the general economic and social welfare interest as they carry out economic and business activities for the market, and c) while meeting the needs of society, generating wealth and opportunities for development at individual and social level. Their primary purpose is social, thus its name, so the social economy enterprises (SEE) requires differential organizational and governance models based on specific values and operating principles. It is precisely this triple dimension and its differential characteristics that produce very positive socio-economic effects, recognized by the different international organizations, the countries and the European Union itself. In fact, the European Union envisages social economy entities as proactive actors in achieving what is known as the triple transition: social, environmental and digital. Recent crises, have led to a profound questioning of conventional growth and development strategies, and a reflection on the role social economy may play due to its double social and economic dimension and the positive impacts it generates, as analyzed in the article. Among others, employment is one of the most decisive mechanisms for a more just and cohesive society, where social economy has a very important role worldwide. So, the European Union Policy and its European Action Plan for Social Economy aim to increase the development of this business model, precisely in order to improve its impact on employment and social cohesion. The article reflects and analyses on these topics focusing on the transformative role of social economy as a key driver of a more just and cohesive society and the triple transition.

Key words: social economy, social enterprise, European Union, sustainable development goals, just triple transition, social justice, social innovation.

Information about the Authors

Marta Enciso-Santocildes – Doctor, Associate Professor, University of Deusto (24, Avda. Universidades, E48024, Bilbao, Basque Country, Spain; e-mail: bidergo@gmail.com)

Antonia Caro-González – Doctor, Associate Professor, director of International Research Project Office, I2Cat Foundation (2, Carrer del Gran Capità, E08034, Barcelona, Spain); Senior Researcher, Valencian International University (21, Calle Pintor sorolla, 46002, Valencia, Spain); entrepreneur, independent consultant, Eoh-for-Good (Bilbao, Basque Country, Spain; e-mail: toni.caro@eohforgood.com)

Статья поступила 05.04.2023.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (июнь 2023 г.), а также за период с июня 2022 по июнь 2023 г. (последние 7 опросов, то есть почти год).

Даётся сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2018, 2020–2022 гг.²

В апреле – июне 2023 г. удельный вес положительных оценок деятельности Президента РФ существенно не изменился (61%). Доля отрицательных характеристик составляет 23–24%³.

За последние 12 месяцев (с июня 2022 г. по июнь 2023 г.) доля положительных суждений о деятельности главы государства увеличилась на 3 п. п. (с 58 до 61%). Удельный вес негативных оценок снизился на 2 п. п. (с 25 до 23%)⁴.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском муниципальных округах и в Шекснинском муниципальном районе области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru/>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения COVID-19.

³ Здесь и далее во всех таблицах и в тексте **зеленой заливкой** отмечаются **позитивные изменения**, **красной заливкой** – **негативные**, **синей** – **отсутствие изменений**. В связи с тем что изменения +/- 2 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначительными и отмечаются синим цветом.

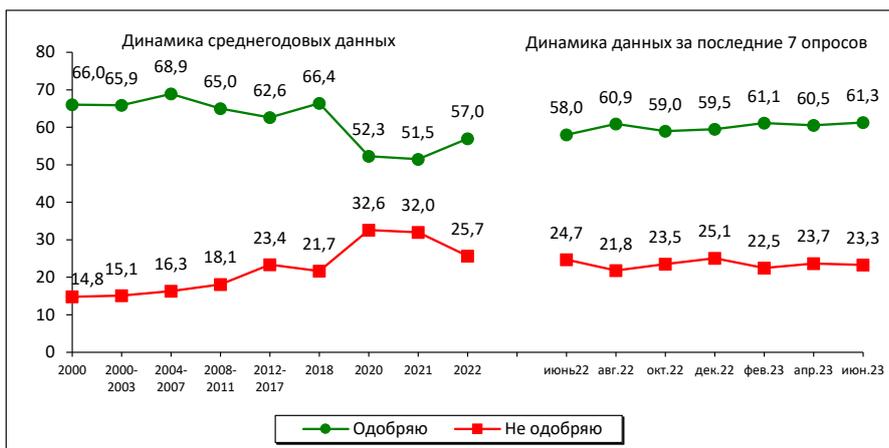
⁴ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в июне 2023 г., с результатами «волны» мониторинга, осуществленной в июне 2022 г.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных								Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), июнь 2023 к	
	2000	2007	2011	2012	2018	2020	2021	2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Фев. 2023	Апр. 2023	Июнь 2023	июнь 2022	апр. 2023
Президент РФ																	
Одобрю	66,0	75,3	58,7	51,7	66,4	52,3	51,5	57,0	58,0	60,9	59,0	59,5	61,1	60,5	61,3	+3	+1
Не одобряю	14,8	11,5	25,5	32,6	21,7	32,6	32,0	25,7	24,7	21,8	23,5	25,1	22,5	23,7	23,3	-2	0
Председатель Правительства РФ*																	
Одобрю	-*	-*	59,3	49,6	48,0	38,7	39,9	45,4	45,5	47,5	48,1	50,1	49,3	48,3	49,2	+4	+1
Не одобряю	-	-	24,7	33,3	31,6	40,4	37,6	32,0	31,4	29,4	31,3	29,9	27,9	28,1	27,1	-4	-1
Губернатор области																	
Одобрю	56,1	55,8	45,7	41,9	38,4	35,0	36,7	40,9	41,2	43,3	43,0	45,5	47,1	48,3	48,7	+8	0
Не одобряю	19,3	22,2	30,5	33,3	37,6	42,5	40,5	35,8	34,3	32,5	33,9	35,2	33,0	32,3	30,7	-4	-2

Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?»
 *Вопрос задается с 2008 года.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Изменение (+/-), июнь 2023 г. к		
Вариант ответа	июнь 2022	апр. 2023
Одобрю	+3	+1
Не одобряю	-2	0

Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2018, 2020, 2021, 2022 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

Для справки:

По данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента РФ с апреля по первую половину июня 2023 г. снизился на 2 п. п. (с 77 до 75%). Доля негативных характеристик не изменилась и составила 14–15%.

С июня 2022 г. по первую половину июня 2023 г. доля положительных оценок деятельности главы государства уменьшилась на 4 п. п. (с 79 до 75%). Удельный вес отрицательных характеристик составил 13–15%.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

Изменение (+/-), июнь 2023 г. к		
Вариант ответа	июнь 2022	апр. 2023
Одобрению	-4	-2
Не одобрению	+1	+1

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».

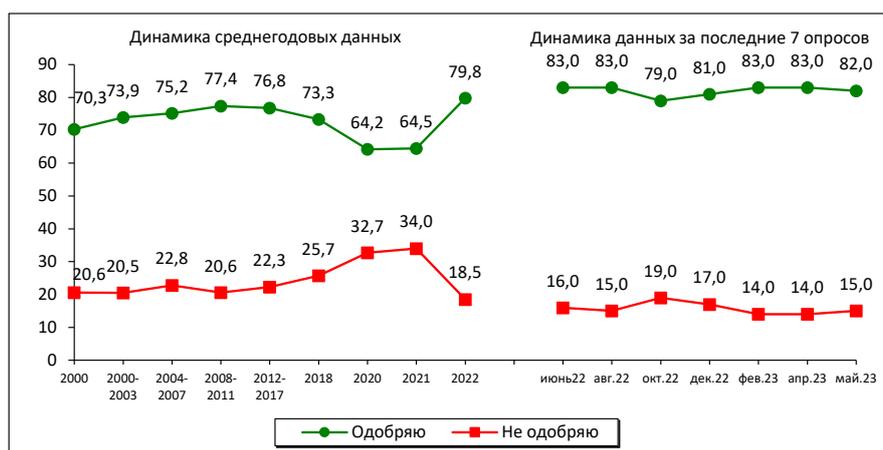
Данные за июнь 2023 г. – среднее за три опроса (4, 11 и 18 июня).

Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

По данным Левада-Центра, доля позитивных оценок деятельности Президента РФ в апреле – мае 2023 г. составила 82–83%; удельный вес отрицательных характеристик – 14–15%.*

За последние 12 месяцев значительных изменений также не наблюдается: доля положительных характеристик составляет 82%, отрицательных – 15–16%.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Изменение (+/-), май 2023 г. к		
Вариант ответа	июнь 2022	апр. 2023
Одобрению	-1	-1
Не одобрению	-1	+1

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России?».

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/>

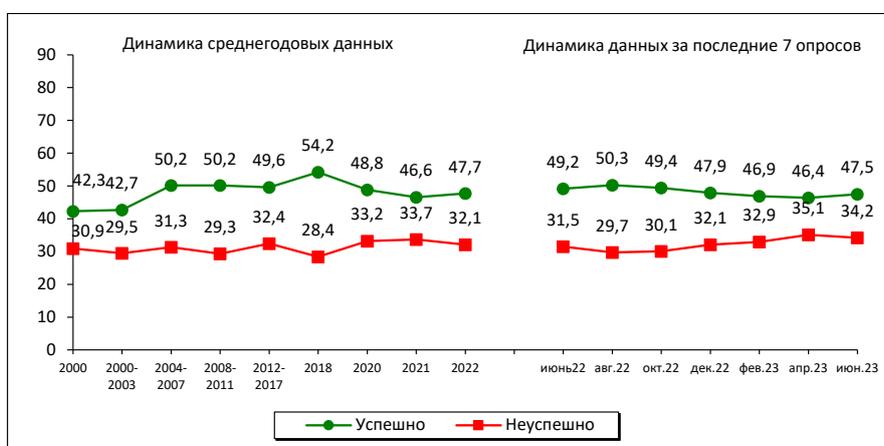
* Внесен в реестр иностранных агентов.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

За последние два месяца удельный вес людей, считающих успешными действия Президента РФ по укреплению международных позиций России, увеличился на 2 п. п. (46–48%). Доля тех, кто придерживается противоположной точки зрения, существенно не изменилась (34–35%).

С июня 2022 по июнь 2023 г. доля положительных оценок работы президента по укреплению международных позиций России не изменилась и составила 48–49%; удельный вес негативных характеристик – 32–34%.

Укрепление международных позиций России

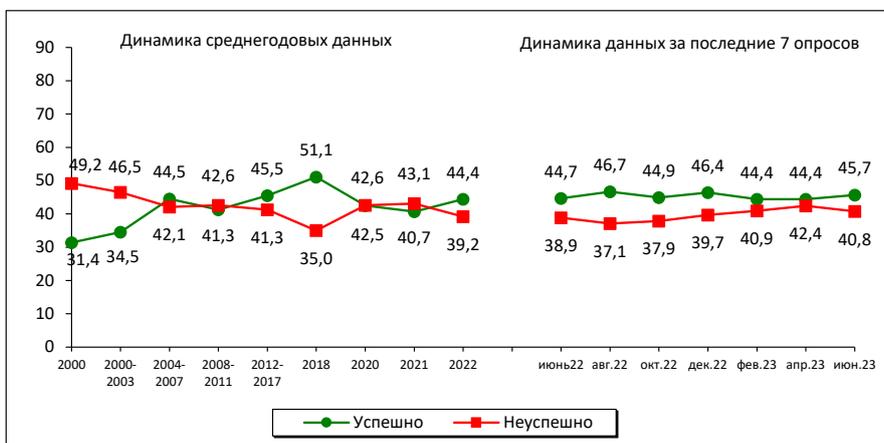

Изменение (+/-), июнь 2023 г. к		
Вариант ответа	июнь 2022	апр. 2023
Успешно	-2	+2
Неуспешно	+2	-1

В апреле – июне 2023 г. доля жителей области, положительно оценивающих работу главы государства по наведению порядка в стране, составила 45–46%; удельный вес негативных характеристик – 41–42%.

За последние 12 месяцев доля позитивных оценок успешности решения главой государства проблемы наведения порядка в стране не изменилась (45–46%). Удельный вес отрицательных отзывов составил 39–40%.

Наведение порядка в стране

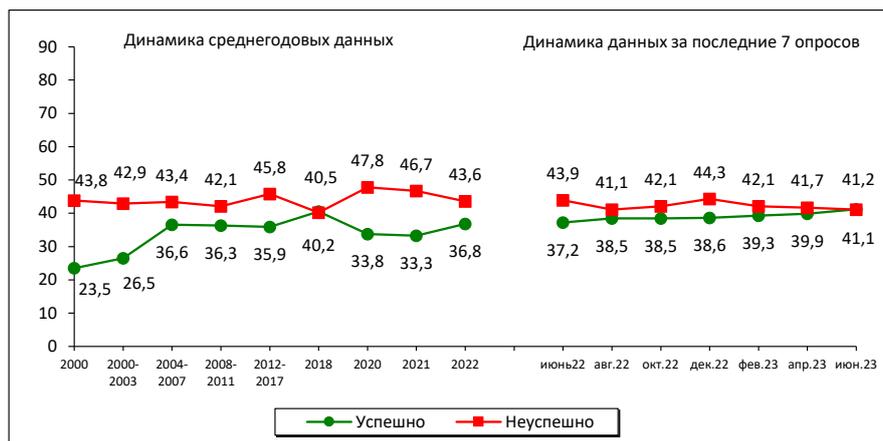

Изменение (+/-), июнь 2023 г. к		
Вариант ответа	июнь 2022	апр. 2023
Успешно	+1	+1
Неуспешно	+2	-1

Оценка деятельности Президента РФ по защите демократии и укреплению свобод граждан за последние два месяца не изменилась: доля положительных отзывов составляет 40–41%, отрицательных – 41–42%.

С июня 2022 по июнь 2023 г. увеличилась доля позитивных характеристик (на 4 п. п., с 37 до 41%) и снизился удельный вес негативных суждений (на 3 п. п., с 44 до 41%).

Защита демократии и укрепление свобод граждан

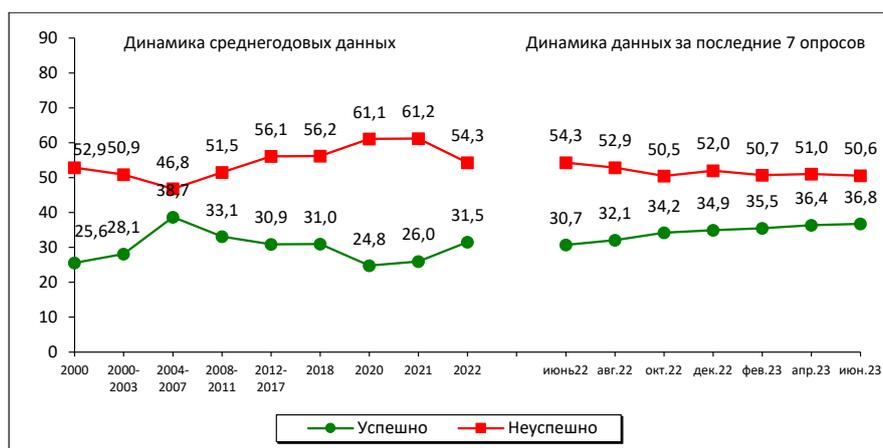

Изменение (+/-), июнь 2023 г. к		
Вариант ответа	июнь 2022	апр. 2023
Успешно	+4	+1
Неуспешно	-3	-1

В апреле – июне 2023 г. существенно не изменилось общественное мнение относительно деятельности Президента РФ по подъему экономики и росту благосостояния граждан: доля положительных оценок составила 36–37%, отрицательных – 51%.

За последние 12 месяцев доля позитивных суждений увеличилась на 6 п. п. (с 31 до 37%), отрицательных – уменьшилась на 3 п. п. (с 54 до 51%).

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Изменение (+/-), июнь 2023 г. к		
Вариант ответа	июнь 2022	апр. 2023
Успешно	+6	0
Неуспешно	-3	0

В структуре партийно-политических предпочтений жителей области за последние два месяца существенных изменений также не наблюдается: доля людей, чьи интересы выражает партия «Единая Россия», составляет 38–39%, КПРФ – 9%, ЛДПР – 7%, «Справедливая Россия» – 5%, «Новые люди» – 2%.

С июня 2022 по июнь 2023 г. отмечается рост поддержки «Единой России» (на 4 п. п., с 35 до 39%), а также незначительное снижение доли людей, считающих, что ни одна из парламентских партий не выражает их интересы (на 4 п. п., с 31 до 27%).

Какая партия выражает Ваши интересы?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партия	Динамика среднегодовых данных												Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), июнь 2023 к	
	2000	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2020	Выборы в ГД РФ 2020 г., факт	2021	2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Фев. 2023	Апр. 2023	Июнь 2023	июнь 2022	апр. 2023
Единая Россия	18,5	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	31,5	49,8	31,7	35,2	34,9	36,2	36,7	38,3	39,1	37,6	39,3	+4	+2
КПРФ	11,5	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,4	18,9	9,3	10,1	10,2	10,4	9,9	9,3	9,5	9,3	9,5	-1	0
ЛДПР	4,8	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,5	7,6	9,9	7,3	7,8	6,8	6,0	6,3	5,9	6,9	6,7	-1	0
Справедливая Россия – Патриоты – За правду	-	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	4,7	7,5	4,7	4,9	4,8	4,9	4,5	4,7	4,6	4,7	4,7	0	0
Новые люди*	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5,3	2,3	1,5	1,6	1,9	1,1	1,5	1,3	2,1	2,1	+1	0
Другая	0,9	1,8	1,9	-	2,1	0,3	-	0,7	0,5	-	0,2	0,3	0,1	0,1	0,5	0,0	0,1	0,1	0,0	0	0
Никакая	29,6	17,8	29,4	-	31,3	29,4	-	28,5	34,2	-	33,9	30,6	30,7	29,3	30,6	29,9	28,0	28,0	26,5	-4	-2
Затрудняюсь ответить	20,3	21,2	13,2	-	11,7	12,0	-	11,2	11,1	-	10,0	10,1	9,9	10,5	10,8	9,9	11,4	11,4	11,4	+2	0

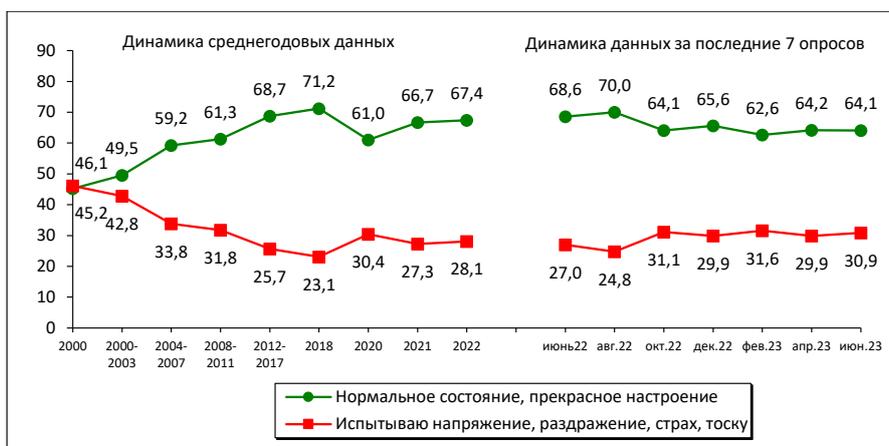
* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 г.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

С апреля по июнь 2023 г. доля положительных оценок социального настроения сохранилась на уровне 64%. Удельный вес людей, испытывающих преимущественно негативные эмоции, также не изменился и составил 30–31%.

За последние 12 месяцев доля людей, характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние как «нормальное, прекрасное», уменьшилась на 5 п. п. (с 69 до 64%). Удельный вес тех, кто чаще испытывает «напряжение, раздражение, страх, тоску», возрос на 4 п. п. (с 27 до 31%).

Социальное настроение

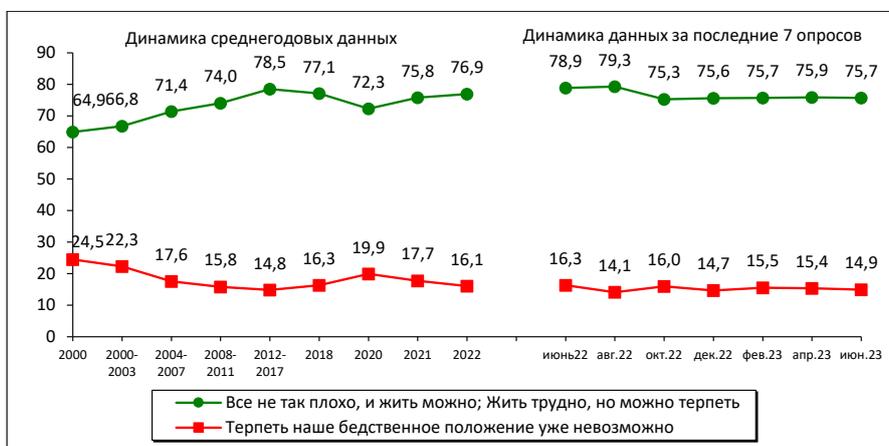

Изменение (+/-), июнь 2023 г. к		
Вариант ответа	июнь 2022	апр. 2023
Нормальное состояние, прекрасное настроение	-5	0
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	+4	+1

В апреле – июне 2023 г. осталась стабильной доля людей, которые считают, что «все не так плохо и можно жить» (76%), и тех, кто считает, что терпеть их бедственное положение «уже невозможно» (15%).

За последние 12 месяцев удельный вес позитивных характеристик запаса терпения снизился на 3 п. п. (с 79 до 76%), при этом доля отрицательных суждений существенно не изменилась (15–16%).

Запас терпения

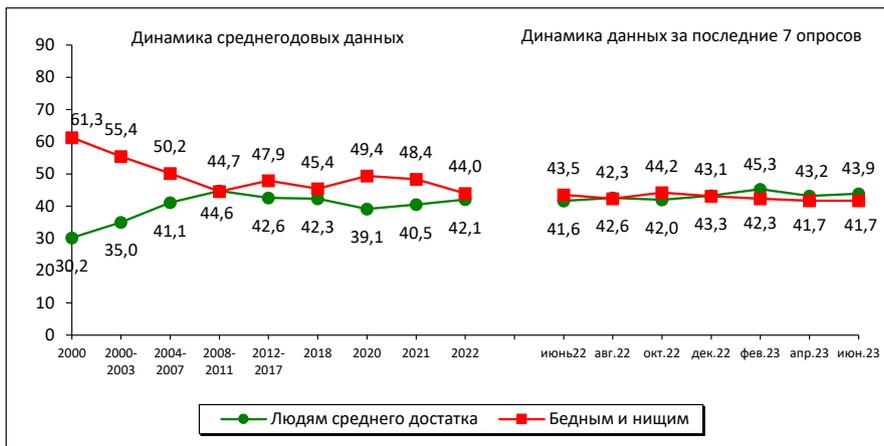

Изменение (+/-), июнь 2023 г. к		
Вариант ответа	июнь 2022	апр. 2023
Всё не так плохо, и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	-3	0
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	-1	-1

Удельный вес жителей области, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих», в апреле – июне 2023 г. составил 42%. Доля тех, кто субъективно причисляет себя к категории «людей среднего достатка», – 43–44%.

По сравнению с июнем 2022 г. отмечаются незначительные позитивные изменения: доля «бедных и нищих» уменьшилась на 2 п. п. (с 44 до 42%); удельный вес людей «среднего достатка» возрос также на 2 п. п. (с 42 до 44%).

Социальная самоидентификация

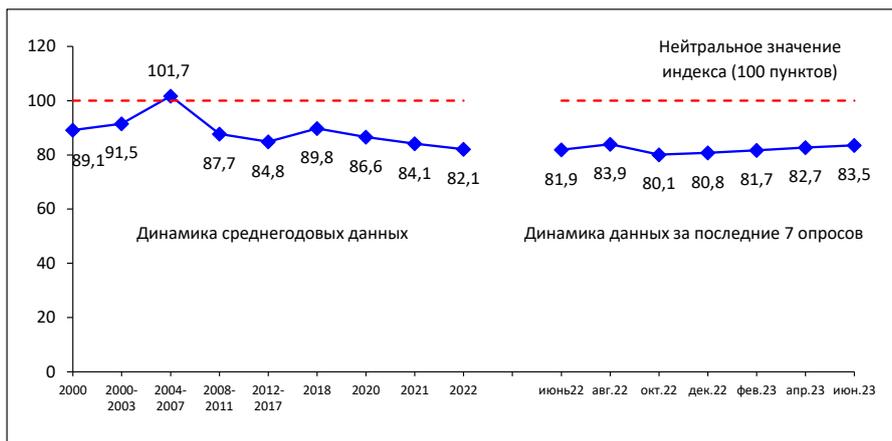
Изменение (+/-), июнь 2023 г. к		
Вариант ответа	июнь 2022	апр. 2023
Доля считающих себя людьми среднего достатка	+2	+1
Доля считающих себя бедными и нищими	-2	0

Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?».

За последние два месяца индекс потребительских настроений (ИПН) не изменился и составил 83–84 пункта.

По сравнению с июнем 2022 г. отмечается позитивная динамика: ИПН увеличился на 2 пункта (с 82 до 84 п.), что свидетельствует о небольшом росте оптимистических ожиданий людей относительно будущего российской экономики и своего личного материального положения.

Индекс потребительских настроений
(ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

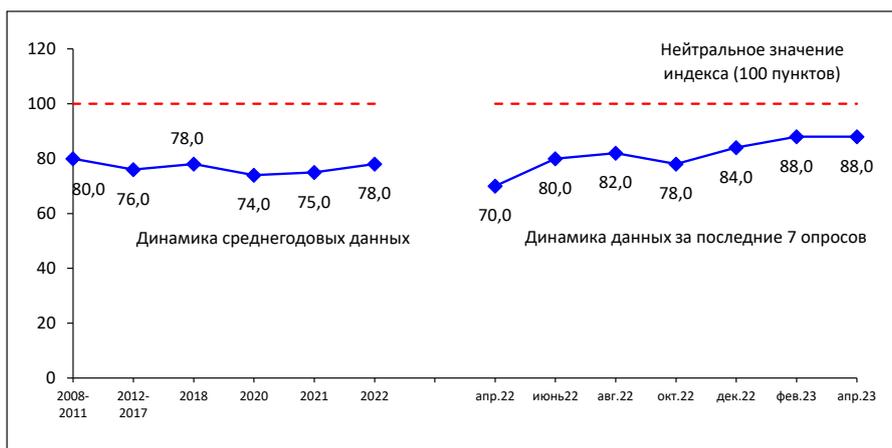
Изменение (+/-), июнь 2023 г. к		
ИПН	июнь 2022	апр. 2023
Значение индекса, в пунктах	+2	+1

Для справки:

По последним данным общероссийских опросов Левада-Центра*, индекс потребительских настроений за период с февраля по апрель 2023 г. не изменился и составил 88 пунктов.

За период с апреля 2022 по апрель 2023 г. в динамике ИПН наблюдаются позитивные изменения (индекс возрос на 18 пунктов, с 70 до 88 п.).

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России)

Изменение (+/-), апрель 2023 г. к		
ИПН	апр. 2022	фев. 2023
Значение индекса, в пунктах	+18	0

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Последние данные – за апрель 2023 г.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

С апреля по июнь 2023 г. в большинстве основных социально-демографических категорий населения (в 12 из 14) оценки социального настроения существенно не изменились. **Исключением** составляют люди, по самооценкам доходов относящиеся к категории **20% наименее обеспеченных** (в этой группе доля положительных характеристик социального настроения увеличилась на 3 п. п., с 47 до 50%) и **20% наиболее обеспеченных** (здесь отмечается снижение доли позитивных суждений на 6 п. п., с 78 до 72%).

За последние 12 месяцев (с июня 2022 по июнь 2023 г.) практически во всех слоях населения отмечаются негативные изменения, особенно среди людей старше 55 лет (доля положительных оценок уменьшилась на 10 п. п., с 65 до 55%).

Удельный вес позитивных характеристик социального настроения сохранился только в двух группах: люди с высшим и незаконченным высшим образованием (68–70%), а также лица в возрасте 30–55 лет (69%).

Социальное настроение в различных социальных группах
(вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние»,
в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных										Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), июнь 2023 к	
	2000	2007	2011	2012	2018	2019	2020	2021	2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Фев. 2023	Апр. 2023	Июнь 2023	июнь 2022	апр. 2023	
Пол																			
Мужской	50,1	65,9	64,5	69,1	72,8	70,1	60,8	65,7	66,8	67,4	69,9	65,0	64,7	62,5	65,4	63,4	-4	-2	
Женский	43,3	61,7	62,0	65,8	69,8	69,6	61,2	67,4	67,9	69,7	70,2	63,3	66,5	62,7	63,4	64,7	-5	+1	
Возраст																			
До 30 лет	59,1	71,3	70,0	72,3	80,0	81,1	67,6	73,5	77,6	77,3	77,8	74,5	78,7	70,6	72,9	72,9	-4	0	
30–55 лет	44,2	64,8	62,5	67,9	72,6	71,2	61,8	69,5	69,4	68,8	72,0	65,2	68,5	63,9	67,7	68,6	0	+1	
Старше 55 лет	37,4	54,8	58,3	62,1	65,2	63,3	57,4	60,5	61,1	65,3	64,6	58,7	57,2	58,1	56,9	55,4	-10	-2	
Образование																			
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,4	57,2	64,8	63,2	56,1	62,1	64,6	65,8	68,5	58,9	62,7	57,2	60,2	61,6	-4	+1	
Среднее специальное	46,4	64,6	63,6	66,7	72,2	72,7	63,5	66,7	68,3	70,5	71,0	65,8	64,3	63,7	65,1	63,7	-7	-1	
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	68,3	77,0	76,8	73,4	63,3	71,5	69,5	69,7	70,8	67,5	70,6	67,3	67,3	68,2	-2	+1	
Доходные группы																			
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	45,3	51,5	57,3	53,2	43,4	54,6	57,0	58,4	55,4	50,7	55,4	46,2	47,8	50,4	-8	+3	
60% средне-обеспеченных	45,5	62,9	65,3	68,7	71,9	71,4	62,6	67,3	68,1	70,3	73,2	65,9	66,1	62,2	64,4	65,7	-5	+1	
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	75,3	81,1	82,9	81,8	75,6	79,9	78,3	75,7	77,0	78,7	74,9	73,8	78,2	72,1	-4	-6	
Территории																			
Вологда	49,2	63,1	67,1	73,6	71,0	68,6	60,9	60,3	59,8	61,0	61,5	55,7	57,2	54,5	56,0	57,8	-3	+2	
Череповец	50,8	68,1	71,2	76,2	75,8	71,2	60,4	71,0	71,2	72,8	74,6	67,9	69,1	65,9	68,4	67,9	-5	-1	
Районы	42,2	61,6	57,1	59,8	68,7	69,8	61,4	67,8	69,5	70,6	72,3	66,6	68,5	65,3	66,6	65,6	-5	-1	
Область	46,2	63,6	63,1	67,3	71,2	69,9	61,0	66,6	67,4	68,7	70,1	64,1	65,7	62,6	64,3	64,1	-5	0	

РЕЗЮМЕ

Очередная «волна» мониторинга общественного мнения проходила в мае — июне 2023 г. на фоне обострившихся угроз национальной безопасности, прежде всего военного и террористического характера, среди которых следует выделить атаку беспилотников на жилые кварталы г. Москвы (30 мая), начало контрнаступления ВСУ (4 июня), теракт по подрыву плотины Каховской ГЭС, осуществленный в ночь с 5 на 6 июня 2023 г.⁵

Однако, как показывают результаты проведенных измерений, эти события не привели к существенному росту социальной напряженности. По ключевым показателям мониторинга общественное мнение остается стабильным:

- ✓ сохранился высокий уровень поддержки Президента РФ (61%) и Правительства РФ (49%);
- ✓ не изменилась доля людей, считающих, что партия «Единая Россия», составляющая большинство в Государственной Думе, выражает их интересы (39%);
- ✓ не отмечается негативных изменений в динамике оценки уровня жизни (доля «бедных и нищих» сохранилась на уровне 41–42%) и перспектив его развития (индекс потребительских настроений составил 83–84 п.); причем за последние 12 месяцев значительно увеличилась доля людей, считающих, что Президент РФ успешно справляется с проблемой подъема экономики и роста благосостояния граждан (на 6 п. п., с 31 до 37%);
- ✓ стабильно высокими остаются оценки социального настроения (доля тех, кто испытывает преимущественно положительные эмоции, составила 64%; удельный вес людей, считающих, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», — 76%).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в обществе сохраняется высокий потенциал устойчивости, поддержки главы государства и целей СВО. По последним данным ВЦИОМ (на февраль 2023 г.), 68% россиян поддерживают решение главы государства о проведении специальной военной операции; противоположного мнения придерживается 20% населения⁶.

Вместе с тем, как показывают результаты опросов ФГБУН ВолНЦ РАН, в большинстве основных социально-демографических групп за последний год (июнь 2022 — июнь 2023 г.) отмечается снижение доли людей, позитивно характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние. Причем это касается не только низкодоходных слоев населения (где доля позитивных оценок социального настроения уменьшилась на 8 п. п., с 58 до 50%), но и жителей городов (снижение на 3–5 п. п., с 61 до 58% в Вологде и с 73 до 68% в Череповце), людей старше 55 лет (на 10 п. п., с 65 до 55%), лиц со средним специальным образованием (на 7 п. п., с 71 до 64%) и т. д.

Основные негативные изменения в динамике социального самочувствия произошли в 2019–2020 гг. (на фоне пандемии COVID-19): доля положительных оценок за этот период снизилась на 9 п. п. (с 70 до 61%), негативные изменения зафиксированы во всех основных слоях населения. В этом контексте можно отметить, что в 2021–2022 гг. оценки социального настроения стабилизировались (на уровне 67%).

Однако общее снижение доли позитивных характеристик социального самочувствия в годовой ретроспективе говорит во многом о том, что терпение общества — это исчерпаемый ресурс, и, как и любой другой ресурс, он требует «восполнения» в виде ощутимых успехов на линии фронта и в решении вопросов социальной справедливости в тылу.

⁵ Опрос проходил до событий 24 июня, связанных с попыткой вооруженного мятежа, организованной руководителем ЧВК «Вагнер» Е. Пригожиным.

⁶ Специальная военная операция: год спустя / Аналитический обзор ВЦИОМ. 20.02.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-god-spustja>

И в том, и в другом случае ситуация пока что остается достаточно напряженной. Официальные сводки Минобороны РФ⁷, публичные заявления Верховного главнокомандующего⁸, а также оценки военных экспертов⁹ однозначно указывают на то, что попытки контрнаступления ВСУ пока не имеют успеха. Но нельзя не отметить и тот факт, что «наступательный потенциал противника не исчерпан, ряд стратегических резервов пока не задействован... и исходить нужно из реалий»¹⁰.

Что касается вопросов, связанных с приведением системы государственного управления в соответствие с принципами социального государства и социальной справедливости, то их решение рассчитано, скорее, на долгую перспективу и реально будет осуществляться уже после окончания боевых действий.

Многие из этих вопросов были заданы Президенту РФ военными корреспондентами в ходе встречи 13 июня 2023 г.: о кадровом продвижении военных, отличившихся в ходе СВО; о выплатах участникам боевых действий; о людях, ведущих антироссийскую пропаганду в тылу, и др.¹¹ И, судя по ответам главы государства, решение значительной части этих проблем находится в процессе реализации. Президент открыто признал накопившийся характер трудностей и недоработок во многих сферах общественной жизни (в космической отрасли, в работе ВПК, в функционировании бюрократической системы и т. д.), но все-таки отметил, что «в целом ситуация меняется к лучшему», «по всем направлениям заделы есть» и, что не менее важно, именно в условиях СВО «стало понятно, что многих вещей не хватает»¹².

Таким образом, отсутствие ощутимых позитивных изменений по ключевым показателям мониторинга общественного мнения в мае – июне 2023 г., с учетом возросших военных и террористических угроз национальной безопасности, можно отнести, скорее, к «плюсам», чем к «минусам». Но необходимо иметь в виду, что общество по-прежнему ждет, что цели СВО будут целиком и полностью достигнуты, а следом за этим начнут происходить позитивные изменения во внутренней жизни страны, и надеется на главу государства. Эти надежды не могут быть не оправданы.

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.М. Бахвалова

⁷ См., например: Совещание Президента с постоянными членами Совета Безопасности // Официальный сайт Президента РФ. 22.06.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71482>

⁸ См., например: Ответ Президента на вопрос журналиста о ситуации на фронте // Официальный сайт Президента РФ. 21.06.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71474>

⁹ См., например: Эксперт признал факт провала первой волны контрнаступления ВСУ (мнение доктора военных наук, капитана первого ранга в отставке К. Сивкова) // Военное дело. 22.06.2023. URL: <https://voennoedelo.com/posts/id46045-konstatirovan-fakt-provala-pervoj-volny-nastuplenija-vsua>

¹⁰ Совещание Президента с постоянными членами Совета Безопасности // Официальный сайт Президента РФ. 22.06.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71482>

¹¹ Встреча В. Путина с военкорами // Официальный сайт Президента РФ. 13.06.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71391>

¹² Там же.

ПРАВИЛА

приема статей, направляемых в редакцию научного журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» (в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://esc.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес esc@volnc.ru

Требования к оформлению текста статьи

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.
7. **Требования к ключевым словам.** К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. **Требования к оформлению таблиц.** В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. **Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.** Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

10. **Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.** Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. **Оформление постраничных сносок.** Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. **Оформление и содержание списка литературы.** В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 28.06.2023.
Дата выхода в свет 30.06.2023.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 39,0. Тираж 500 экз. Заказ № 27.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru